

ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА
СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
РОССИИ
1917—1920 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
Санкт-Петербургский филиал

ИНТЕРВЕНЦИЯ
НА
СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
РОССИИ
1917—1920 гг.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА”
1995

ББК 63.3(0)6 И73

Монография является первым в историографии исследованием интервенции на Северо-Западе России в 1917—1920 гг. Рассматриваются различные элементы интервенции, присущие всем участникам конфликта, включая Советскую Россию. Особое внимание уделено организации экономической и военно-морской блокады, последствия которой сказались на всей территории Советской России. Политика интервенции охарактеризована с учетом предыстории ее становления, уходящей корнями в годы первой мировой войны. Используются новые зарубежные и отечественные материалы, что позволило более четко показать противоречивость драматических событий в этом регионе.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и лиц, интересующихся историей России.

Ответственный редактор

В.А. ШИШКИН

Рецензенты:

Р.Ш. ГАНЕЛИН, В.М. КОВАЛЬЧУК

И 0503000000-510
042(02)-95

29-94-П полугодие

ISBN 5-02-028236-7

© Коллектив авторов, 1995

© Российская академия наук, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гражданская война интересует не только две сражающиеся стороны, встречающиеся на поле боя, она более или менее прямо касается также и других членов сообщества государств. На практике как у государств, так и у людей индивидууму невозможно изолироваться от коллектива, ни от кого не зависеть», — писал в начале нашего века в своей работе «Гражданские войны и международное право» известный французский правовед Антуан Ружьер. Доказывать это положение у него не было необходимости, как и искать в глубинах столетий подходящие примеры. История всего XIX в. представляла немало примеров того, как даже не в результате столь сильных внутривластных потрясений, как революция, гражданская война или государственный переворот, события мгновенно перерастали рамки одного государства.

Если же ареной ожесточенной национально-освободительной борьбы или гражданской войны становилась в Старом Свете такая территория, которая в существовавшей системе международных отношений занимала стратегически важное положение, то участие в той или иной форме в событиях третьих сторон становилось фактически неизбежным, вело к складыванию международной конфликтной ситуации с последующим перерастанием последней в собственно конфликт. Коротко говоря, вмешательство или интервенция становились фактом политической истории. И в данном случае нет необходимости в дискуссии о том, какой круг явлений охватывается каждым из упомянутых выше понятий и можно ли их считать полностью совпадающими по своему содержанию хотя бы в силу того, что, как справедливо отмечал бельгийский ученый Эрик Давид, само понятие «интервенция» находится в постоянной эволюции, поскольку эволюционирует сама система международных отношений. Стоит также отметить, что и сами конфликтующие стороны нередко отнюдь не возражают против того, что предпринимаемые ими действия являются интервенцией. В развертываемой ими в средствах массовой информации пропаганде внимание акцентируется на мотивации, а не на характере меры. Пожалуй, имеющиеся определения интервенции немного добавили к тому, что было предложено в 1885 г. Прадьер-Фодере: интервенция есть вмешательство одного или нескольких иностранных государств, действующих властно, во внутренние дела другого независимого государства и против воли этого государства.

Происходившие в 1917—1920 гг. на Северо-Западе бывшей Российской империи драматичные события представляют исключительно большой интерес не только для историков, но и для специалистов по международному праву. Причем и у тех и у других оценки могут значительно различаться друг с другом в зависимости от того, какая дата ими будет принята в качестве исходной для исследования. Октябрьский переворот в России? Рубеж 1917—1918 гг., когда только что пришедшие к власти большевики, признав независимость Финляндии, тут же активно вмешались в процессы, происходившие в этой стране? Февраль 1918 г., когда предпринявшая по всему Восточному фронту наступле-

ние германская армия в течение нескольких дней оккупировала всю Прибалтику, часть Псковщины? Или же осень 1918 г., когда Красная Армия стала продвигаться на оставляемые германскими войсками, согласно Компьенскому перемирию, территории в Прибалтике?

О позиции авторов данной монографии в определенной мере говорят ее название — «Интервенция на Северо-Западе России» — и время, с которого они сочли необходимым начать рассмотрение этой темы. Прежде всего они хотели подчеркнуть этим, что внимание в работе не будет сосредоточено исключительно на тех или иных действиях противостоящих Советской России в этом районе государств, как это было принято ранее в отечественной историографии. Интервенция как способ достижения целей использовалась всеми без исключения сторонами. Для одной из них — большевистского правительства — две предпринимавшиеся ею попытки (зимой-весной 1918 г. в Финляндии и зимой 1918/19 г. в Эстонии) потерпели полную неудачу. Первая неудача произошла во многом благодаря позиции, которая была занята Германией. Вторая особенно ярко продемонстрировала отсутствие возможности у новых российских властей добиваться своих целей вооруженной силой даже при решении локальных задач, несмотря на то что сопротивление нельзя было назвать сильным. Сказалось не только отвлечение основной массы войск на другие фронты, но и простое непонимание или незнание реальной ситуации.

Однако именно эти действия большевистского правительства стали одной из причин возникновения на Северо-Западе такой ситуации, которую оно предпочло далее не обострять, поскольку появились признаки объединения различных противостоящих ему в этом районе сил. Один из историков охарактеризовал оценку большевиками положения как преждевременный испуг. Представляется, что у него были определенные основания для такого утверждения. Насколько оно справедливо, и постарались показать в данной монографии ее авторы.

Несомненно, каждым из противостоящих Советской республике в этом районе государств большевизм рассматривался как потенциальная угроза самому их существованию. Однако масштаб и формы их участия в борьбе с этой угрозой обуславливались несколькими факторами, которые в конечном итоге так и не позволили добиться прочного объединения сил ради достижения, казалось бы, общей цели. И если для 1918 г. в качестве объяснения может быть принято то, что основная политическая сила в то время — Германия, — нуждаясь в мире на Востоке (германский историк Эрвин Хельцле называл это «трагедией постоянно наступающего на Центральные державы несчастья»), вынуждала другого противника большевиков в этом районе — Финляндию — воздерживаться от активной восточной политики, то ситуация 1919 г. не может быть объяснена какой-то одной причиной. Можно только определенно сказать, что отнюдь не русская эмиграция и ее отношение к независимости прибалтийских губерний и Финляндии предопределили исход событий. На последнем более сказывалась позиция доминировавшей тогда на Балтике великой державы — Великобритании, явно не желавшей, особенно с учетом опыта своей политики на Юге и Севере России, быть втянутой в крупный вооруженный кон-

фликт. Усложняющим выработку правительством Ллойд Джорджа своей политики моментом было и наличие появившихся на Северо-Западе новых государств, что в значительной степени изменяло существовавшую прежде на Севере Европы расстановку сил, требовало внесения существенных поправок в так называемую русскую политику Великобритании. Поэтому неудивительно, что при сохранении в качестве основной цели устранения большевистского режима в России, при отсутствии желаемых результатов от политики прямой военной интервенции основным средством борьбы на Балтийском море стала экономическая и военно-морская блокада. Но политика блокады одновременно делала не столь уж необходимой прямую финансовую и материальную поддержку военных акций, которые могли быть приняты как русскими белогвардейцами, так и эстонской и финской армиями.

Опробованная в годы первой мировой войны на Германии и принесшая тогда определенные результаты политика блокады рассматривалась как наиболее эффективное средство (минимум затрат, к тому же произведенных в значительной части не за счет собственных средств, а за счет Скандинавских государств и поверженной Германии, и большая вероятность достижения ставившихся целей). Важным элементом политики блокады стала военно-морская блокада, ревностно осуществлявшаяся военными судами антантовских держав в противоречии с международно-правовыми актами того времени, цель которой состояла в том, чтобы перекрыть пути поступления товаров и продовольствия через Финский залив в Петроград. Ей поначалу даже вообще не стремились придать хотя бы какую-то видимость законности. Попытки обосновать ее правомерность, облечь в форму международно-договорного акта были предприняты лишь спустя год после того, как она стала проводиться.

Рассматривая все основные процессы и события, происходившие в 1917—1920 гг. на Северо-Западе, авторы считают нужным затронуть еще несколько моментов. Прежде всего приходится констатировать, что подавляющее число работ по проблемам гражданской войны и интервенции в этом районе не выходит за рамки сочинений краеведческого или военно-исторического характера, в них, как правило, отсутствует серьезный научный анализ всего комплекса событий. В стороне осталось то, что роль Северо-Запада и Петрограда в событиях тех лет определялась не только их положением в экономике и политике России, но во многом и географическим положением, которое само по себе создавало для всех принимавших участие в событиях сторон массу проблем, одновременно обострявших ситуацию и сглаживавших ее. Упрощенное представление о противниках Советской республики в этом районе, исходящее из предполагаемого, но не доказываемого единства их целей, вело к отказу от детального изучения политики Великобритании, Франции, Германии, Финляндии и Эстонии, политического и военного руководства российской эмиграции на Северо-Западе. Мысль о том, что единство могло быть столь непрочным, что, скорее, следовало бы говорить об его отсутствии, не допускалась. И это несмотря на то, что документальные материалы свидетельствовали, что каждый из

противников большевистской России руководствовался своей собственной иерархией внешнеполитических целей как краткосрочного, так и долгосрочного характера, в конечном счете и определявшей методы достижения целей.

Кроме того, авторы сочли необходимым обратить внимание на предысторию событий, которая своими корнями уходит в годы первой мировой войны и революций 1917 г. в России и без которой трудно составить объективное представление о причинах решительного перехода антантовских государств к политике интервенции в России.

Успешное раскрытие темы во многом зависит от литературы и источников, используемых в исследовании. Их подробная характеристика будет дана в первой главе. Здесь же хотелось обратить внимание читателей лишь на то новое, что впервые привлекли авторы настоящей работы.

Авторский коллектив провел значительную поисковую работу в ряде зарубежных и почти во всех отечественных центральных и санкт-петербургских архивах, что позволило ввести в научный оборот весьма обширный новый материал. В первую очередь это документы из Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США): личные фонды Б. Геруа, С. Потоцкого, Б. Николаевского и др., фонды Северо-Западной армии и русского посольства во Франции. Ряд документов, извлеченных из Германского центрального государственного архива (г. Потсдам), связан с событиями 1918 г. на Северо-Западе. В книге широко представлены материалы Северо-Западного правительства, личные фонды Н.В. Чайковского, К.Н. Гулькевича, Г.Е. Львова, А.И. Гучкова и других деятелей белого движения в России, имеющиеся в ГАРФ. Использование новых документов из зарубежных и отечественных архивов, иностранной литературы позволило не только ввести в оборот неизвестные ранее отечественной историографии факты, но и уточнить или переоценить высказывавшиеся в ней точки зрения.

Введение в научный оборот новых источников способствовало лишь частичному решению накапливавшихся в нашей историографии в течение десятилетий вопросов. Предлагаемая работа представляет собой попытку дать ответы на некоторые из них — именно попытку, поскольку в ряде случаев до сих пор приходится довольствоваться предположениями в силу противоречивости имевшихся в нашем распоряжении материалов, а иногда и их недостатка.

Авторами предлагаемого читателю труда являются прежде всего сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, а также преподаватели Российского педагогического университета им. А.И. Герцена и Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

История гражданской войны и интервенции против Советской России в 1918—1920 гг. неизменно пользовалась пристальным вниманием отечественных исследователей. Изучение этой проблемы применительно к Северо-Западу России имело свою специфику. В отличие от других окраинных регионов бывшей Российской империи интервенция на Северо-Западе почти не проявлялась в виде вооруженного вмешательства в дела РСФСР, она принимала обычно другие формы. В результате оказалось, что специальных работ, посвященных истории интервенции на Северо-Западе, до сих пор не написано. Историки в основном изучали вопросы гражданской войны, лишь попутно обращаясь к теме интервенции. С учетом этого обстоятельства составлен данный обзор трудов и документов, вышедших в СССР за 70 с лишним лет.

Второе замечание, которым необходимо предварить историографический очерк, состоит в следующем. Интервенция понималась всеми советскими историками на всех этапах развития советской исторической науки как вмешательство империалистических держав во внутренние дела советского государства. Этот вывод в отечественной историографии никогда не подвергался сомнению. Взгляд с противоположных позиций, т.е. попытка охарактеризовать некоторые действия большевиков как интервенционистские, был присущ только буржуазной историографии.

Первые работы, посвященные военным сюжетам рассматриваемой темы, появились еще в годы гражданской войны.¹ Непосредственные участники событий, их авторы излагали хорошо знакомый им материал, не ставя перед собой цели всестороннего обобщения и анализа. Это были в основном статьи и брошюры, положившие начало отечественной историографии данной проблемы.

¹ Борьба за Петроград: Сб. статей и материалов. Пг., 1920; *Мей П.* Петроградская операция: Краткий отчет боевых действий 7-й армии с 11 октября по 14 октября 1918 г. // Революция и война. 1920. № 2, и др.

В 20-е гг. тематика исследований расширилась. Появились первые книги, в которых делались попытки раскрыть причины, формы и особенности интервенции, проанализировать противоречия в лагере Антанты, охарактеризовать взаимоотношения советского государства со странами капиталистического окружения.² Отметим, в частности, приведенные в сборнике «К десятилетию интервенции» данные (в том числе и по Северо-Западу) об ущербе, нанесенном стране Советов и ее населению в результате интервенции и гражданской войны.

Ряд авторов обратились к истории кайзеровского наступления в феврале 1918 г., рассматривая главным образом военную сторону событий. Опубликование одних статей вызывало появление других, в которых уточнялись и подвергались иной оценке отдельные детали операций, боевых действий. Эта дискуссионность была характерной для подобной литературы 20-х гг.

Активная деятельность по выявлению документов, сбору воспоминаний привела к появлению первых обобщающих трудов, в которых исследовались также события на Северо-Западе.³ В трехтомнике «Гражданская война 1918—1921 гг.» помещена статья С. Венцова «Героический город», повествующая об обороне Петрограда в 1919 г. Анализируя материал, автор пришел к выводу, что поражение армии Юденича было вызвано не только ходом развития военных операций, но и противоречиями между белогвардейцами, Антантой и пограничными с Россией государствами. Н.Е. Какурин, касаясь летнего наступления корпуса Родзянко, считал, что целью этого наступления было завоевание белогвардейцами части территории Северо-Запада России; захват Петрограда при этом не планировался. Очерк о боевых действиях флота и флотилий написан с привлечением большого числа неопубликованных документов. Авторы подробно исследовали историю «Ледового похода», защиты приморских крепостей, действия Балтийского флота в 1918—1920 гг. Они отметили героизм моряков, те проблемы и трудности, с которыми столкнулся флот в годы гражданской войны.

Работа историков по изучению этой проблематики оживилась во второй половине 20-х гг. в связи с предстоящим юбилеем обороны Петрограда. Из значительного количества появившихся книг и статей необходимо прежде всего отметить труд Н.А. Корнатовского «Борьба за Красный Петроград».⁴ В отличие от своих предшественников автор не ограничил исследование задачей только воссоздания истории обороны города в 1919 г. Работа построена на богатейшей источниковой основе; привлечены опубликованные и неопубликованные материалы, активно использованы воспоминания белогвардейцев. Он подробно рассмот-

² Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л., 1925; Кто должник. М., 1926; Бах М.Г. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за 10 лет (1917—1927). М., 1928; К десятилетию интервенции. М.; Л., 1929, и др.

³ Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л., 1926. Т. 2, ч. 1—2; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.; Л., 1926. Т. 1—2; Гражданская война. 1918—1921 гг. М., 1928. Т. 1; 1929. Т. 2; 1930. Т. 3.

⁴ Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. Л., 1929.

рел историю возникновения Северо-Западного корпуса, подчеркнув решающую роль в его организации вначале Германии, а затем Прибалтийских государств и стран Антанты. С использованием новых источников изучены обстоятельства формирования Северо-Западного правительства, проанализированы противоречия внутри белогвардейского лагеря, Антанты, между другими странами. В работе Корнатовского впервые подвергнут критике план обороны Петрограда осенью 1919 г., выдвинутый Л.Д. Троцким. По мнению автора, этот план заключался в том, чтобы впустить врага в город и в последующем разгромить его. Больше, нежели его предшественники, Корнатовский уделил внимания и весеннему наступлению белогвардейцев. Он впервые изучил работу по подготовке к организации внутренней обороны города.

Вывод автора о том, что весной 1919 г. белогвардейцы не планировали вначале захвата Петрограда, совпадает с мнением Н.Е. Какурина, а также Д.Н. Надежного. Последний пришел к заключению, что в результате боев белые выполнили свою задачу: овладели территорией, независимой от Эстонии, создав плацдарм для дальнейшего наступления.⁵ Его исследование, посвященное военным и политическим сторонам борьбы, основано на архивных материалах с широким привлечением мемуаров белогвардейцев. Проанализировав начальный этап формирования Северного корпуса, автор сделал вывод о том, что английское правительство считало необходимым оказывать поддержку корпусу, который в то время обосновался в Эстонии.

В год выхода в свет книги Корнатовского появился и труд А.А. Геронимуса, также посвященный разгрому армии Юденича.⁶ Во многих своих положениях эти две работы схожи. Правда, монография Геронимуса несколько уже по охвату событий, чем труд Корнатовского. Геронимус выступил против утверждения Какурина о том, что стратегический план Юденича был авантюристическим, считая его, наоборот, взвешенным и продуманным. Одновременно автор высказал мнение, что план Юденича разрабатывался «не без подсказки Лундквиста», т.е. связь заговорщиков, находившихся в Петрограде, и белогвардейцев в выработке стратегии и тактики наступления была тесной. В работе Геронимуса план обороны Петрограда осенью 1919 г. не критикуется, но имя Троцкого в связи с этим планом на страницах книги не упоминается.

Оценивая значение первого периода советской историографии интервенции на Северо-Западе и обороны Петрограда (до конца 20-х гг.), можно указать на главное ее достижение: был заложен фундамент для дальнейшего изучения этих вопросов. Историки выявили основные направления исследований, широко использовали в своих трудах имеющиеся в их распоряжении источники, особенно воспоминания. Публикация за рубежом мемуаров белогвардейцев позволила исследователям показать действия противника, взгляд на революцию с «той»

⁵ Надежный Д.Н. На подступах к Петрограду летом 1919 г. М.; Л., 1928.

⁶ Геронимус А.А. Разгром Юденича: Партия, рабочий класс и Красная Армия в борьбе за Петроград: (Военно-политический очерк с 6 схемами). М.; Л., 1929.

стороны. Появились первые обобщающие работы. Но их отличали еще ограниченность источниковой базы, ряд фактических ошибок. Многие выводы были верны, другие положения носили спорный характер или не были достаточно аргументированы. Вместе с тем особенностью большинства работ данного периода была их насыщенность именами участников революции и гражданской войны, а не только описание в значительной мере обезличенного исторического процесса, что присуще другим этапам изучения данной проблемы.

Отметим еще одну особенность работ 20-х гг. Многие из них вскоре на долгие десятилетия были отправлены в отделы специального хранения библиотек Союза. Причины тому — объявление врагами народа авторов ряда книг и статей, упоминание в работах фамилий репрессированных впоследствии политических деятелей, наконец, отображение событий революции и гражданской войны вразрез со складывающейся в 30-е гг. сталинистской концепцией истории СССР. Малодоступность, а для многих историков и широких читательских масс недоступность этих трудов отрицательно сказались на развитии исторической науки в последующие годы, на формировании исторических знаний по этим проблемам.

Второй период историографии интервенции и гражданской войны на Северо-Западе (30-е—первая половина 50-х гг.) характеризовался появлением новых работ и некоторым изменением тематики исследований.

Продолжалось изучение вопросов, связанных с защитой Советской республики от немецких войск в 1918 г. В работах историков нашли отражение проблемы формирования Красной Армии, ведения боевых действий против немцев, сведения о мобилизации рабочих Петрограда на отпор врагу. Однако под влиянием «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.) все больше утверждалась точка зрения о возможности быстрой победы над врагом. Отражением такого подхода явилась оценка боев под Нарвой и Псковом 23 февраля 1918 г., в которых якобы наголову были разбиты немецкие войска. Основанное на приказе Сталина, написанном в честь 24-й годовщины Красной Армии в феврале 1942 г., это положение оказало большое влияние на всю историографию периода 30—40-х гг.

Исследование политики интервенции западных держав перестало ограничиваться только действиями Германии. В это время вышло несколько работ, характеризующих курс, взятый по отношению к Советской России странами Антанты. Английской внешней политике посвящены, в частности, монографии И.М. Лемин и Ф.Д. Волкова. В специальной главе об англо-советских отношениях в 1918—1920 гг. Лемин анализирует причины интервенции, выделяет течения внутри сторонников интервенции. Ссылаясь на материалы официальной английской печати, он делает вывод о попытках правительства Великобритании подтолкнуть финляндскую буржуазию к захвату Петрограда.⁷ Автор второй монографии опирается в своем исследовании на советские

⁷ Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947.

и иностранные документы, неопубликованные материалы. Он показывает ведущую роль Великобритании в организации похода белогвардейцев на Петроград в 1919 г. и экономической блокады.⁸

Конец 40-х—начало 50-х гг. (в связи с началом «холодной войны») характеризуется значительным повышением интереса советских историков к роли США в организации интервенции против Республики Советов. Если в 20—30-е гг. господствовала точка зрения о некоей особой и отчасти даже умеренной позиции США в интервенции, то теперь доказывалось, что США наряду с другими капиталистическими державами несли равную (а в некоторых работах и главную) ответственность за развязывание вооруженных и иных методов борьбы против советской власти. Так, например, роль США в Прибалтике отражена в работе О. Рисс и А. Гронского следующим образом: «Ответственность за разжигание антисоветской войны на северо-западных границах нашей Родины и нападение на Петроград должны нести наряду с английскими империалистами и правящие круги Соединенных Штатов Америки».⁹ Не оспаривая в целом положение об участии США в развязывании интервенции на Северо-Западе России и в Прибалтике, заметим, что вывод о равной с правительством Великобритании ответственности отражал влияние конъюнктуры и не являлся обоснованным.

Проблемам революции и гражданской войны в Финляндии, германской интервенции и складыванию антисоветского блока между Германией и реакционными кругами финляндской буржуазии посвящены работы В. Смирнова, И.И. Сюкияйнена и других авторов.¹⁰ И.И. Сюкияйнен впервые поставил в своей монографии проблему «карельского вопроса». Многие его выводы и в последующем разделялись советскими историками.

На протяжении 30-х гг. исследователи неоднократно обращались к изучению истории обороны Петрограда в 1919 г. Большинство изданий приурочивалось к 1939 г. — 20-летию юбилею защиты города. Необходимо отметить два общих момента, характерных для оценки данной проблемы в работах этих лет. Если в литературе 20-х гг. преимущественное внимание уделялось обороне города осенью 1919 г., когда возникла наибольшая угроза Петрограду, то в конце 30-х гг. исследователи стали более подробно изучать вопросы обороны города весной и летом 1919 г. С одной стороны, это определялось меньшей разработанностью темы, с другой — наметившейся тенденцией к преувеличению роли И.В. Сталина, являвшегося уполномоченным Совета Обороны во время весенне-летнего наступления противника. Данная тенденция сохранилась и получила развитие и в первое послевоенное десятилетие.

⁸ Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954.

⁹ Рисс О., Гронский А. Помощь США белогвардейцам в нападении на Петроград в 1919 году // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 118.

¹⁰ Смирнов В. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 годы. Л., 1933; Сюкияйнен И.И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948, и др.

Возвеличивание роли Сталина приводило к искажению исторических событий. Так, в 1946 г. И.С. Исаков при исследовании событий на Красной Горке в июне 1919 г., основываясь на телеграмме Сталина Ленину, делает неправильный вывод о взятии мятежного форта с моря.¹¹

События под Петроградом осенью 1919 г. также изучались, но не отдельно, а в контексте анализа боевых действий красной и белой армий в этом районе на протяжении всего 1919 г. Роль Троцкого в обороне города оценивалась уже в полном согласии с политическим определением его деятельности, даваемым в документах партии большевиков.

В целом работы 30-х—первой половины 50-х гг. способствовали более углубленному изучению отдельных аспектов истории интервенции и гражданской войны на Северо-Западе РСФСР. Однако наблюдались изменения в тематике исследований, ее сужение, отход от ряда правильных выводов и положений историографии 20-х гг. Неоправданно возвеличивалась роль И.В. Сталина в событиях весны 1919 г.; вследствие политических репрессий 30-х гг. имена многих героев Октября и гражданской войны были вычеркнуты из истории.

Следующий период советской историографии начинается со второй половины 50-х гг., когда благодаря решениям XX съезда Коммунистической партии появилась возможность более широкого творческого исследования важнейших вопросов гражданской войны и интервенции. Используя результаты предшествующей историографии, ученые на основе широкого привлечения разнообразных исторических источников расширили и углубили тематику исследований. Появились работы по некоторым малоизученным сюжетам; характерной особенностью данного периода стало создание обобщающих трудов.

Продолжалось изучение военных событий на Северо-Западе РСФСР в 1918 г.¹² А.Л. Фрайман, основательно проанализировав ситуацию февраля—марта 1918 г., пришел к выводу о том, что борьба на подступах к Петрограду была одним из важнейших звеньев в системе обороны всей страны. Им впервые подробно изучена деятельность Комитета революционной обороны, который, по мнению автора, фактически выполнял функции верховного главнокомандования в тревожные февральские дни. Боевые действия на нарвском и псковском направлениях в этот же период стали предметом исследования двух монографий П.А. Николаева.¹³ Обращение к опубликованным и архивным источникам, использование советских исторических трудов позволили автору полно осветить события второй половины февраля 1918 г., не ограничиваясь только событиями 23 февраля, что было характерно для

¹¹ Исаков И.С. Красная Горка. М., 1946.

¹² Черепанов А.И. Под Псковом и Нарвой. М., 1963; Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.; Л., 1964; Путьрский Е.П. Боевой Петроград в 1918 году. Л., 1972; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973; Мальшиев М.О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 г. Л., 1974; Петров В.И. Отражение страной Советов нашествия германского империализма. М., 1980, и др.

¹³ Николаев П.А. 1) На псковские позиции, на защиту Петрограда. Л., 1980; 2) На защиту Петрограда! Л., 1986.

историографии 40-х—начала 50-х гг. Приведа немало примеров героизма и мужества советских воинов, Николаев в то же время справедливо замечает, что оказываемое сопротивление не привело и не могло привести к поражению основных сил захватчиков, что мир был необходим. В работе М.О. Малышева обстоятельно изучено положение на захваченной немцами территории, показаны грабительская деятельность оккупантов, борьба трудящихся против немецкого гнета. Отдельно рассмотрен процесс формирования с помощью Германии Северной белогвардейской армии. Ее численность автор (вслед за Н.А. Корнатовским) определяет немногим более чем в 2000 человек. Отметим попутно статью того же автора, посвященную начальному периоду формирования 7-й армии (сентябрь—декабрь 1918 г.). Основываясь на материалах РГВА, Малышев приходит к выводу о том, что «к началу 1919 г. был создан прочный костяк 7-й армии» и она «представляла уже значительную боевую силу».¹⁴ По-видимому, следовало бы продолжить такого рода исследование о состоянии армии в первой половине 1919 г., ибо, по мнению ряда историков, одной из причин, отрицательно повлиявших на сопротивление белогвардейцам весной—летом 1919 г., была ее недостаточная боеспособность.¹⁵

В 60—80-е гг. усилилось внимание советских историков к событиям в Прибалтийских странах и Финляндии, к вопросам их взаимоотношений с Советской Россией, с одной стороны, и со странами Антанты и Германией — с другой. Активно изучались вопросы внутреннего положения этих стран в период 1917—1920 гг.

Различные аспекты внешнеполитической и внутривосточной истории Финляндии рассматривались в работах В. Петрова, И.И. Сюкияйнена, В.М. Холодковского и других авторов.¹⁶ Использование ими зарубежной литературы и иностранных источников наряду с советскими — шаг вперед по сравнению с предыдущими годами. Это позволило авторам полнее решить задачи, поставленные в их работах. Монография Петрова посвящена взаимоотношениям Финляндии с западными странами. Вопросы представления независимости Финляндии в декабре 1917 г., финляндская революция и ее подавление с помощью германских интервентов подробно рассмотрены в книгах Сюкияйнена и Холодковского. Авторы не соглашаются с мнением ряда западных историков о якобы имевшем место давлении Германии на Советскую Россию в вопросе о предоставлении независимости Финляндии, анализируют содержание договора от 1 марта 1918 г. между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой, политику Германии по отношению к Финляндии. Сюкияйнен, соглашаясь с мнением М.С. Свечникова, бывшего помощника главнокомандующего финской

¹⁴ Малышев М.О. Начальный период строительства 7-й армии // Защита Великого Октября. М., 1982. С. 204.

¹⁵ История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4. С. 151, и др.

¹⁶ Петров В. Финляндия в планах империалистических держав в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1961; Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967, и др.

Красной гвардии, о том, что в боях участвовало около тысячи добровольцев, вместе с тем выступает против утверждения последнего об участии в военных действиях частей регулярной русской армии.

Продолжая исследование истории Финляндии, Холодковский в 1975 г. выпустил вторую книгу, в которой рассматриваются отношения Советской России с Финляндией с весны 1918 г. до конца 1920 г.¹⁷ Автор справедливо замечает, что в указанный период позиция Финляндии имела для России неизмеримо большее значение, чем когда-либо раньше или позже. В отличие от других исследователей, объясняя отказ Финляндии поддержать осеннее наступление армии Юденича, он ссылается не только на противоречия между финнами и русскими белогвардейцами, влияние общественного мнения и заинтересованность определенных кругов финляндской буржуазии в мирных отношениях с Советской Россией. Изучение документов привело его к выводу о том, что правительства Великобритании и США, исходя из собственных интересов и внутренней обстановки, не сочли в тот момент целесообразным оказать на правительство Финляндии давление и не были склонны расширять военную помощь Юденичу. Отметим также, что Холодковский впервые в советской историографии затронул вопрос об операции «Шлюссштайн» — планировавшемся в августе 1918 г. наступлении германских и русских частей на мурманское побережье, оккупированное войсками Антанты.

В целом появление в этот период монографий советских исследователей, и особенно Холодковского, позволяет говорить о новом качественном этапе в изучении данной проблематики.

История интервенции и гражданской войны в Прибалтике и вопрос о влиянии этих событий на Северо-Западный регион активно разрабатывались историками Латвии и Эстонии. В 1988 г. в рамках серии «Интервенция против страны Советов» они выпустили книгу «Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920 гг.». В этой работе, обобщившей исследования эстонских и латышских ученых, дается подробный анализ трудов советских историков по данной проблеме.¹⁸

В 60—80-е гг. интенсивно разрабатывалась история взаимоотношений советского государства со странами Антанты, внешнеполитической деятельности Республики Советов.¹⁹ Выводы авторов базируются на разнообразных источниках, в том числе и неопубликованных. Для этих работ характерно интенсивное использование иностранных материалов. Это позволило авторам основательно проанализировать способы и методы достижения антибольшевистских целей, в том числе и на Северо-Западе страны.

¹⁷ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975.

¹⁸ *Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920 гг.* М., 1988. С. 278—315.

¹⁹ *Гвишани Л.А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970; *Блинов С.И.* Внешняя политика Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1973; *Рубцов А.Ф.* Восточноевропейская политика Франции: (Прибалтика). Ярославль, 1985; *Волков Ф.Д.* Тайна Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980, и др.

Если внешнеполитическая история не обойдена вниманием историков, то внешнеэкономическая деятельность советского государства изучена явно недостаточно. После немногих работ, появившихся в 20-е гг., лишь с середины 60-х гг. данная тема возрождается в исторических исследованиях. Книга М.Е. Сонкина в этом ряду первая.²⁰ Достоинство ее — в постановке и разработке ряда проблем, живом характере изложения, недостаток — в несколько прямолинейных выводах процесса становления внешнеэкономических отношений. Значительный вклад в изучение вопроса внес В.А. Шишкин.²¹ По мнению автора, отказ в начале 1920 г. от экономической блокады не означал полной ее ликвидации. Для характеристики 1920 г. он вводит понятие «полублокада». Влияние блокады и полублокады на внутренние события в России, характеристика блокады как элемента интервенционистской политики также нашли отражение в работах этого автора.

В эти годы активно разрабатывалась и история обороны Петрограда в 1919 г. Облегчение доступа к архивным материалам позволило авторам существенно расширить источниковую базу своих исследований. Большее внимание историки стали уделять не столько военным, сколько политическим и экономическим сюжетам, роли различных государственных и общественных структур в организации защиты советской власти от ее врагов.

Немного места военным действиям 7-й армии отвел в своей монографии А.С. Пухов.²² Его внимание сосредоточено на той роли, которую играли коммунистические организации Петрограда в политических и социальных процессах, происходивших в городе в 1919 г. М.В. Рыбаков увязывает вопросы обороны Петрограда с событиями в этом регионе. Автор определяет наступление армии Юденича как составную часть комбинированного похода Антанты. Одной из задач, стоявших перед белогвардейцами весной — летом 1919 г., по его мнению, был захват Петрограда. Касаясь результатов осенней кампании, Рыбаков в отличие от большинства историков считает, что белогвардейцы сумели избежать полного разгрома и сохранить большую часть живой силы и техники.²³

Безусловно, интерес для изучаемой темы имеет работа Б.Ф. Федотова, опубликованная в виде четырех статей в журнале «Вопросы истории» в начале 70-х гг.²⁴ Изучение начального периода деятельности Юденича по подготовке похода против Советской республики и неудачи попыток бело-

²⁰ Сонкин М.Е. Окно во внешний мир: Экономические связи советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964.

²¹ Шишкин В.А. 1) Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969; 2) В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1977; 3) Антисоветская блокада и ее крушение. Л., 1989.

²² Пухов А.С. Петроград не сдавать! Коммунисты во главе обороны Петрограда в 1919 г. М., 1960.

²³ Рыбаков М.В. Из истории гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. М., 1958.

²⁴ Федотов Б.Ф. На дальних подступах к красному Питеру // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 122—131; № 2. С. 108—115; 1972. № 9. С. 143—154; № 10. С. 111—124.

гвардейцев организовать политически проведено на основе многочисленных, в том числе впервые вводимых в научный оборот, документов.

Подготовленная коллективом авторов книга «Антисоветская интервенция и ее крах. 1917—1922»²⁵ явилась своего рода итогом в изучении этой темы к середине 80-х гг. Здесь впервые сформулированы пять основных форм проявления интервенции против советского государства: посылка вооруженных сил, установление экономической блокады, использование антибольшевистских формирований, проведение политики террора и насилия на оккупированной территории, организация заговоров, мятежей и диверсий.

Создание обобщающих трудов явилось одной из характерных особенностей этого периода историографии. Активно разрабатывались вопросы политики, экономики, культуры. Расширилась источниковая база за счет вовлечения новых документов и воспоминаний. Историки стали чаще обращаться к зарубежным исследованиям. Вместе с тем выпуск обобщающих трудов не всегда свидетельствовал о новом, качественном скачке в развитии историографии. По-прежнему существовала «зона умолчания» вокруг некоторых политических и военных лидеров первых лет советской власти; другие же изображались односторонне, без учета положительных и отрицательных сторон в их деятельности. Это в свою очередь приводило к искажению исторической правды, закреплению в литературе неверных положений, сформулированных в 30-е гг. Несмотря на обилие литературы, не все вопросы изучались равномерно. Требуют дальнейшей разработки история 7-й армии, ее боевые действия в 1918—1920 гг., ее роль в «прибалтийском походе» на рубеже 1918—1919 гг. Предстоит объективно и беспристрастно проанализировать деятельность Комитета революционной обороны Петрограда, возглавлявшегося Зиновьевым, а также роль Зиновьева, Сталина, Троцкого в защите города в 1919 г. Недостаточно изучены некоторые внешнеполитические и внешнеэкономические аспекты истории Советской России в этот период, связанные с Северо-Западом. Да и многие вопросы, казалось бы, основательно разработанные, требуют критического осмысления, новых подходов, взвешенных оценок. Сказанное отнюдь не означает, что достаточно лишь изменить «плюс» на «минус» и наоборот, ибо это приведет только к смене идеологических схем, тенденциозности и стереотипам. Необходимо, как правильно отмечает Ю.А. Поляков, отбросить «старое двухцветное видение прошлого», чтобы «познать всю многоцветность, все многообразие прошлого, приблизиться к его адекватному отображению».²⁶

Первые шаги в этом направлении (применительно к теме данного коллективного труда) уже сделаны. В 1990 г. вышла работа А.В. Смолина, в которой он подробно исследует процесс зарождения белого движения на Северо-Западе России.²⁷ Взаимоотношениям лидеров бе-

²⁵ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917—1922. М., 1987.

²⁶ Поляков Ю.А. Историческая наука: пять непростых лет // Кентавр. 1992. № 9—10. С. 88.

²⁷ Смолин А.В. Крушение «северо-западной» контрреволюции 1918—1920 гг.: (Начало борьбы). Л., 1990.

лого движения и правящих кругов Великобритании в этом же регионе в 1919 г. посвящена кандидатская диссертация В.И. Мусаева.²⁸ В диссертации А.И. Рупасова анализируются точки зрения зарубежной историографии на причины, формы и масштабы вовлеченности в конфликт на Северо-Западе ряда европейских государств.²⁹

Изучение истории интервенции на Северо-Западе и обороны Петрограда тесно увязано с анализом источников по данной теме.

Для каждого периода историографии было характерно более или менее интенсивное использование различных видов источников.

В первые годы после окончания гражданской войны и до 30-х гг., когда авторами большинства работ выступали участники событий, достаточно распространенной их основой были воспоминания. Накоплению фонда мемуаров способствовала также работа центрального и местных истпартов. Отдельные публикации появлялись на страницах журналов и тематических сборников воспоминаний. Для полноты исследования привлекались материалы периодической печати, нормативные и исполнительные документы, извлеченные из сборников документов, личных архивов авторов, архивохранилищ страны.

В 30—50-е гг. источниковая база сузилась. В своих исследованиях историки в основном стали использовать материалы Коммунистической партии, государственных и правительственных органов. По-прежнему в работах встречаются ссылки на воспоминания и периодическую печать. Исследователи начали обращаться к документам появившихся первых тематических сборников, но заметно уменьшилось количество вводимых в научный оборот архивных материалов.

Со второй половины 50-х гг. круг источников по изучаемой теме вновь расширился. Во многом этому способствовало издание многочисленных сборников документов, как пофондовых, так и тематических (выборочных). Облегчился доступ к архивным материалам, оживилась источниковедческая работа. Многие исследования 60-х гг. отличает добротная источниковая база. Однако с середины 70-х гг. ряд источников, находящихся в партийных и государственных архивах, опять оказался недоступным для историков. Лишь в последнее время сняты подобного рода ограничения, что дает возможность использовать новые материалы и как следствие этого по-новому прочесть исторические события.

Данный коллективный труд построен на широком круге разнообразных источников. Активно использованы сборники материалов, воспоминания, периодическая печать, документы государственных органов и общественно-политических организаций. Немалую долю составляют различные по виду и тематике документы, извлеченные из московских и санкт-петербургских государственных, исторических и

²⁸ Мусаев В.И. Белое движение на Северо-Западе России в 1919 году и политика Великобритании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

²⁹ Рупасов А.И. Зарубежная историография интервенции на Северо-Западе России в 1918—1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

военных архивов, а также Германского центрального государственного архива (г. Потсдам) и Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США).

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В зарубежной историографии происходивших в 1917—1920 гг. на Северо-Западе событий можно выделить два периода. Первый из них завершается в начале 60-х гг., когда в результате открытия ранее недоступных историкам архивов некоторых европейских государств были созданы необходимые условия для исследований.

Первый период представлен прежде всего обильной мемуарной литературой. Возможно, именно потому, что многие авторы воспоминаний и после 1920 г. продолжали играть видную роль в политической жизни своих государств, они не пожелали по тем или иным причинам затрагивать некоторые события, участниками которых являлись. Явно не склонен был подробно рассказывать о своей деятельности весной 1919 г. на востоке Балтики будущий президент США Г. Гувер. Бывший министр иностранных дел Финляндии К. Энкель предпочел основное внимание уделить опубликованным в 1929 г. в «Красном архиве» документам об отношении А.В. Колчака к независимости его страны.³⁰ К.Г.Э. Маннергейм также стороной обошел ряд сюжетов,³¹ что вызвало у другого видного политического деятеля Финляндии О. Таласа желание взяться за перо и написать книгу под многозначительным названием «Независимость Финляндии и воспоминания Маннергейма».³²

Некоторые авторы крайне ревниво относились к тому, как будут восприняты их мемуары публикой. Так, например, министр иностранных дел Финляндии О. Стенрот упоминал в своей опубликованной в 1931 г. книге, что бывший командующий германскими войсками в Финляндии в 1918 г. генерал Р. фон дер Гольц специально присылал некоторым финским политическим деятелям свою рукопись и позднее всегда с пристрастием относился к публикациям, в которых высказывались отличные от его мнения точки зрения.

Следует, однако, признать, что среди опубликованных в этот период воспоминаний были и такие, которые до настоящего времени остаются важным источником. В данном случае нельзя не упомянуть книги Х. Кальма, изданной в двух частях еще в 1921 г., которая посвящена истории финских добровольческих отрядов в Эстонии в 1919 г.³³ Большой интерес также представляют воспоминания другого участника этой добровольческой экспедиции В. Хеланена,³⁴ книга уже упоминавшегося выше О. Стенрота «Полгода первым министром иностранных дел Финляндии»³⁵ и некоторые другие.

³⁰ *Enckell C. Poliittiset muistelmani.* Porvoo; Helsinki, 1956. Osa 2.

³¹ *Mannerheim C.G. Muistelmat.* Helsinki, 1951. Osa 1.

³² *Talas O. Suomen itsenäistyminen ja Mannerheimin muistelmat.* Hämeenlinna, 1953.

³³ *Kalm H. Pohjan poikain retki.* Porvoo, 1921. Nide 1—2.

³⁴ *Helanen V. Suomalaiset Viron vapaussodassa.* Helsinki, 1921.

³⁵ *Stenroth O. Puoli vuotta Suomen ensimmäisenä ulkoministerinä : Tapahtumia ja muistelmia.* Helsinki, 1931.

Понятно, что отсутствие доступа к архивным материалам затрудняло изучение событий. Опубликовавший в конце 20-х гг. в Париже работу под названием «Балтийские государства и Советская Россия» Е. Соболевич в целом правильно отразил положение, в котором оказывался человек, вознамерившийся разобраться в событиях 1917—1920 гг.: «Это было стремительное кружение властей, правительств, людей. Каждый день приносил новое событие. Если бы нужно было написать точную историю того, что происходило здесь в то время, нужно было бы описывать факты день за днем. И даже человек, который был свидетелем событий, не мог бы написать их историю, потому что среди документов, которыми мы располагаем по этой проблеме, мы находим чрезвычайно мало беспристрастных оценок». ³⁶ Сам Соболевич ставил целью рассмотреть те события «облегченно», и это брошенное им словечко очень подходит к оценке уровня анализа происходившего в большинстве работ данного периода.

Возможно, именно сложная ситуация с источниками, но в некотором отношении также и безусловная политическая острота ряда вопросов, особенно в 20—30-е гг., стали причиной того, что историки-профессионалы редко обращались к разработке этой тематики. Когда летом 1937 г. в Риге собрался представительный конвент историков, посвященный изучению стран Балтийского региона, на нем ни один из нескольких десятков выступавших не затронул интересующие нас события. Однако в докладе профессора Тартуского университета Х. Крууса прозвучала краткая фраза, что в Финляндии уделяется внимание «конфликтам на восточной границе, этом восточном секторе борьбы за господство на Балтике». ³⁷ Но даже эта одна фраза, прозвучавшая как констатация давно известного военно-политического значения северо-западных территорий бывшей Российской империи, служивших в качестве одного из каналов российской экспансии в Европу, заставляет обратить на себя внимание. Для значительного числа зарубежных авторов, особенно в 20—30-е гг., характерным было рассмотрение событий 1917—1920 гг. как составной части глобальной борьбы против исходившей от русского большевизма угрозы западной цивилизации. При этом нередко подчеркивалось, что сама эта угроза не может связываться исключительно с политикой большевистского правительства, поскольку возникла отнюдь не в 1917 г., а существует в течение столетий. Тем самым признавалось наличие определенной связи между двумя внешнеполитическими курсами — большевиков и царских правительств. Проживший довольно длительный срок в России М. Верстрет писал в одном из своих «русских» писем: «В теориях этих пылких противников им-

³⁶ *Sobolevitch E. Les États Baltes et la Russie Soviétique : Relation internationales jusqu'en 1928. Paris. P. 42.*

³⁷ *Kruus H. Der Kampf um die Ostsee als Aufgabe der Geschichtsforschung // Conventus primus historicorum Balticorum. Rigae. 16—20 VIII 1937 : Acta et relata. Rigae, 1938. S. 31.*

периализма также содержится империализм. Единственное отличие в том, что вместо того, чтобы быть капиталистическим, их империализм — социалистический, но это не изменяет его природы, то есть духа завоевания, способного породить войну».³⁸

Восточное побережье Балтийского моря рассматривалось многими авторами в этот период как мост, по которому «голодные стада большевиков» (если воспользоваться выражением В. Хеланена) должны были хлынуть в Европу, ибо их целью была мировая социальная революция. М. Верстрет, как и многие другие, считал такой ход событий просто неизбежным, так как большевизму «необходимо действовать постоянно и не останавливаться. Постоянное действие — условие его существования, и для него лучше действовать плохо, чем не действовать. Как вечному жиду, ему нужно идти... Он хочет до того, как пробьет его час, исполнить все, что он желает».³⁹ В силу таких исходных установок борьба с большевизмом, какие бы формы она ни принимала, в том числе и военную интервенцию или экономическую блокаду, рассматривалась как адекватная реакция западного мира на попытки осуществления своих внешнеполитических планов правительством Ленина—Троцкого. Несмотря на определенный схематизм, такой подход к изучению событий на Северо-Западе позволил рассматривать последние в рамках международного конфликта со свойственным ему многообразным сочетанием интересов участвующих сторон, в первую очередь противостоявших в этом районе Советской России. Однако приходится признать, что авторы ограничивались при этом исследованием не столько двусторонних отношений (германо-финляндских, советско-финляндских, эстонско-финляндских и т.д.), сколько отдельных более или менее интересных событий, фактов, нередко вырывая их из общего контекста, в результате чего некоторые события утрачивали свой случайный характер, а другие, наоборот, приобретали таковой.

Несмотря на все недостатки историографии этого периода, целый ряд высказанных в литературе точек зрения получил позднее свое документальное подтверждение. Фактически был дан ответ и на один из основных вопросов: почему результатом всех событий на Северо-Западе стал тот своеобразный *status quo*, внешним выражением которого помимо отказа Финляндии от вступления в войну, интернирования армии Юденича в Эстонии явилось признание независимости Прибалтийских государств и Финляндии не только западноевропейскими государствами, но и большевистской Россией, снятие союзнической блокады на Балтике? Признавая наличие у всех борющихся с Советской Россией государств в качестве одной из целей устранение существовавшего в ней политического режима, многие авторы в иерархии целей не склонны были ставить это на первое место. Участие и масштаб этого участия в конфликте на Северо-Западе объяснялись ими не только потребностями того или иного государства в обеспечении собствен-

³⁸ Verstraete M. *Mes cahiers russes : L'Ancien Régime. Le Gouvernement Provisoire. Le Pouvoir des Soviets*. Paris, 1920. P. 227.

³⁹ *Ibid.* P. 246—247.

ной безопасности, но также территориальными претензиями и имевшимися наличными средствами.

Значительные изменения произошли в зарубежной историографии после того, как в 60—70-е гг. были открыты для широкого круга исследователей архивы, в том числе и военные, ряда европейских государств. Результатом стало не только резкое возрастание количества публикаций, но и определенное изменение уровня исследований и расширение круга рассматриваемых вопросов. Огромный документальный материал требовал определенного времени для изучения. Это объясняет появление большого числа работ, посвященных частным вопросам. Одновременно вырос интерес к публиковавшимся в СССР работам, но последние, впрочем, нередко оценивались как разочаровывающие.

Среди тех тем, которые впервые стали детально изучаться, следует упомянуть такие, как изменения оборонительных доктрин и структуры вооруженных сил Финляндии, Скандинавских государств, борьба вокруг этих вопросов в парламентах, планы государственного союза Эстонии и Финляндии и т.д.

В этот период в зарубежной историографии также особо подчеркивался вклад большевистской России в интернационализацию событий на Северо-Западе, хотя и признавалось, что попытки большевиков ускорить темп мировой революции были ограничены их скудными ресурсами и что в отдельные периоды они были более чем заинтересованы в устранении напряженности в этом районе, обращалось также внимание на то, что в целом на Севере Европы сложилась атмосфера «ожидания сюрпризов» с Востока.⁴⁰ А. Шмид объяснял, например, это тем, что «притязания вождей Советской республики были безграничными и универсальными, и это привело к тому, что русская контрреволюция тоже взорвала национальные рамки».⁴¹ Большинство историков возникший на Северо-Западе конфликт характеризовался полным отсутствием каких-либо элементов для сотрудничества противостоящих сторон. Это вытекало, по их мнению, из несовместимости, взаимоисключаемости преследуемых ими целей.

К кругу проблем, вызвавших большой интерес зарубежных исследователей, относилась история советско-германских отношений летом 1918 г. Из опубликованных еще в 1919 г. воспоминаний К. Гельффери-ха, а в 30-е гг. работ К. Гримма, К. фон Раумера и других⁴² было известно, что тогда Северо-Запад снова стал занимать особое место в планах германских военных и политических кругов. В появившихся в 60—80-х гг. работах принятая ранее точка зрения, что это было

⁴⁰ *Carrol E.M. Soviet Communism and Western Opinion 1919—1921.* The Univ. of North Carolina Press, 1965. P. 5; *Wieslander H. Inedrustnigens tecken: Intressen och aktiviteter kring försvarsfrågan 1918—1925.* Lund, 1966; *Schmid A. Churchills privater Krieg: Intervention und Kontrevolution im russischen Bürgerkrieg. November 1918—März 1920.* Zürich, 1974. S. 68.

⁴¹ *Schmid A. Op. cit. S. 9.*

⁴² *Helfferrich K. Der Weltkrieg. Bd III. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch.* Berlin, 1919; *Grimm C. Jahre deutscher Entscheidung im Balticum 1918/1919.* Essen, 1939; *Rauch G. von. Geschichte des Bolschewistische Russland.* Wiesbaden, 1956.

вызвано быстрым изменением общей ситуации в России, возражений не вызывала. Но детальное изучение истории советско-германских отношений в те летние месяцы привело к постановке новых вопросов, которые можно было бы сформулировать следующим образом. Чем являлась разработка верховным военным командованием Германии так называемой операции «Шлюссштайн» — «мегаломанией» Э. Людендорфа, спасением собственного политического влияния в России, свидетельством империалистических целей или желанием осуществить своего рода крестовый поход против большевизма? Реальным ли вообще было осуществление подобной операции, или все-таки угроза была настолько серьезной, что только победа союзников на Западе, как утверждает, например, Б. Пирс, спасла правительство Ленина? Можно ли считать позицию германского Министерства иностранных дел вынужденной, временной или же действительно направленной на длительное сотрудничество с большевиками?

Все эти вопросы так или иначе затрагивались в работах В. Баумгарта, Р. Аримо, П. Лунтинена, Б. Пирса, Х. Линке, Х. Хервига, К. Ярауша, Ю. Паасивирты, Й. Пааволайнена и других историков. Однако наиболее детально они были рассмотрены В. Баумгартом и Х. Хервигом. Отдавая должное первому из них в описании всех деталей подготовки «Шлюссштайна», вместе с тем вряд ли можно признать удовлетворительным то объяснение мотивов действий военного руководства Германии, которое он предложил, — стремление свергнуть большевистское правительство.⁴³ Столь категоричный ответ, как представляется, не учитывал одного нюанса: хотя устранение большевиков от власти и являлось одной из целей планировавшейся операции, но было вызвано совершенно определенной причиной, вынуждавшей некоторые политические и военные круги Германии добиваться изменения ситуации в России, а именно возможностью утраты германского влияния в ней, ставшей вполне реальной в летние месяцы 1918 г.

К. Ярауш, первый из историков ознакомившийся с дневниками скончавшегося в 1955 г. К. Рицлера, который в 1918 г. несколько недель — до приезда в Москву К. Гельффериха — исполнял обязанности главы германской дипломатической миссии, полностью соглашался с их автором в том, что Германию беспокоило, что большевики теряли опору и что их власть могла рухнуть в самое ближайшее время.⁴⁴ В такой обстановке занятие Петрограда германскими войсками могло рассматриваться как дополнительная возможность гарантировать сохранение своего влияния в России. Что касается позиции Аусвертиге Амт (МИД Германии), то последний также, по мнению Ярауша, занимал вполне прагматическую позицию: Вильгельмштрассе продолжала поддерживать правительство Ленина, пока изучалось, «какая из оппозиционных групп была бы более

⁴³ Baumgart W. Die Ostpolitik Deutschland 1918. Wien, 1966. S. 116.

⁴⁴ Jarausch K. Cooperation or Intervention? : Kurt Riezler and the Failure of German Ostpolitik, 1918 // Slavic Review. 1972. Vol. 31. N 2. P. 383—384.

предпочтительной», это была политика, направленная не на прочный мир, а на кратковременное использование хаоса на Востоке.⁴⁵

Большой интерес у зарубежных историков вызывала политика антантовских государств на восточном побережье Балтики. Впрочем, этот факт, что работ, в которых рассматривается участие Франции в событиях в 1918—1920 гг. на Северо-Западе, насчитывается буквально единицы, уже косвенно свидетельствует о ее роли в них. Не находит возражений мнению, что претензии Парижа играть в этом районе сколько-нибудь значительную роль не опирались на имевшиеся у него реальные возможности. С другой стороны, высказанная одним из историков — Дж. Бредли — точка зрения, что Великобритания без сопротивления со стороны Франции захватила инициативу в Прибалтийских государствах, представляется излишне категоричной.⁴⁶

Довольно подробно эта тема была рассмотрена М. Хагеном в его статье «Политика Франции в „балтийском вопросе“ в 1919 г.». Автор обращал внимание на двойственный характер политики французского правительства: с одной стороны, стремление к восстановлению России как необходимого противовеса Германии на Востоке и исправно платящего должника, а с другой стороны, известная традиция поощрять стремление к независимости прибалтийских народов. В Париже, по мнению М. Хагена, постоянно пытались вычислить, какая опасность — большевистская или германская — более велика.⁴⁷

Большинство зарубежных историков разделяет ту точку зрения, что именно Великобритании в 1919 г. на Севере Европы принадлежало преобладающее политическое влияние. Но это мнение фактически является единственным, не вызывающим разногласий. Основой для появления последних послужила отмечаемая в ряде случаев неопределенность позиции английского кабинета, которая в свою очередь обуславливалась резкими колебаниями военно-политической обстановки как на Северо-Западе, так и в целом в России.

Политика Англии на Балтике привлекала внимание многих историков; среди них следует упомянуть Дж. Томпсона, А. Шмида, М.-Л. Хинканен-Лиевонен, Н. Гаворека, О. Хови, К. Хови, Ю. Паасивирту, Ю.-П. Пиетияйнена, К. Холсти, А. Фредборга. Они отмечали то, что у правительства Ллойд Джорджа явно не было особого желания «увязнуть» в развивавшихся на Северо-Западе событиях. Однако нельзя, пожалуй, согласиться с некоторыми высказывающимися в историографии точками зрения. Д. Кирби, например, полагал, что случаи, когда Великобритания играла на Балтике активную роль, скорее, являлись временным исключением из правила.⁴⁸ Финский историк М. Лемберг в одной из своих работ писал, что позиция Англии была пассивной, она парализовывала у сторонников организации

⁴⁵ Ibid. S. 390

⁴⁶ Bradley J.F.N. Civil War in Russia. 1917—1920. London, 1975. P. 143.

⁴⁷ Hagen M. Frankreichs Politik in der «baltischen Frage» 1919 // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. H. 4. S. 579—580.

⁴⁸ Kirby D. Revolution and Independence in the Baltic States. 1917—1921 // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. N 2. P. 275.

крупномасштабной интервенции в этом районе волю к действиям.⁴⁹ Автор не углублялся в рассмотрение причин, вынуждавших лондонское правительство использовать иные способы достижения своих целей, исключавшие серьезное военное вмешательство. Вероятно, более приемлемой и соответствующей действительности является точка зрения датского историка Б. Йенсена: нельзя говорить о хорошо продуманной, руководимой из одного центра и целеустремленной политике против большевистской России, но вместе с тем союзническая поддержка антибольшевистских сил была достаточно серьезной.⁵⁰

В зарубежной историографии существуют различные точки зрения по вопросу о том, какие цели преследовала в этом районе Великобритания. Финский историк С. Цеттерберг так излагал в одной из своих работ довольно широко распространенное мнение: «Самая важная цель заключалась в том, чтобы добиться ослабления России, самого опасного конкурента Британии, будет ли она в будущем красной или белой, путем отделения от нее таких пограничных территорий, как Финляндия, Прибалтика, Польша, Кавказ и т.д. Для этого правительство Его Величества должно было поддерживать в своих сферах интересов сепаратистские движения».⁵¹

Иную точку зрения изложил в полемически написанной статье «Франция и Англия лицом к прибалтийским делам в 1919—1990 гг.» Ж. Гризон. По его мнению, политику союзников в Прибалтике нельзя не назвать безрассудной (сам автор считал это выражение даже не слишком сильным), поскольку именно эта политика своей поддержкой великорусских империалистов в ущерб инородцам бывшей империи позволила большевикам сохранить свою власть. Прибалтийским народам удалось, правда, все же выстоять, хотя им и пришлось бороться с политикой английских и французских политических деятелей, полных решимости возродить «великую и неделимую».⁵²

Полностью противоположную мнению Ж. Гризона точку зрения можно встретить в работе К. Добсона и Д. Миллера: Великобритания не могла покинуть и не покинула те государства на периферии России, которые поспешили после долгих лет угнетения воспользоваться случаем, чтобы провозгласить свою независимость; если бы Англия не помогла, то эти государства были бы с жадностью проглочены новой большевистской империей.⁵³

⁴⁹ Lemberg M. Hjalmar J. Procopé som aktivist, utrikesminister och Svensk partiman : Procopés politiska verksamhet till år 1926. Helsingfors, 1985. S. 77.

⁵⁰ Jensen B. Danmark og det Russiske spørgsmå (1917—1924 : Dansk Ruslandspolitik fra bolsjevikernes magterobring til anerkendelsen af det bolsjevikiske regime de jure. Aarhus, 1979. S. 177.

⁵¹ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917—1919 : Poliittiset suhteet syksystä 1917 reunavaltio politiikan alkuun. Helsinki, 1977. S. 139—140.

⁵² Grison J. La France et l'Angleterre face aux affaires baltes entre 1919—1990 // Revue historique. 1990. T. 283. Fasc. 3 (575). P. 102—103.

⁵³ Dobson Ch., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow : The Allied War in Russia, 1918—1920. London, 1986. P. 178.

Между этими крайними точками зрения лежит много других, более или менее сводимых к следующему: политика английского правительства была противоречивой и проводилась на ощупь. Впрочем, большинство все-таки склоняется к тому мнению, которое было приведено выше в цитате из работы С. Цеттерберга. Поэтому неудивительно, что, когда в 1984 г. была опубликована монография М.-Л. Хинкканен-Лиевонен «Английская торговля и предпринимательство в Балтийских государствах. 1919—1925 гг.», в которой автор попыталась несколько иначе подойти к ответу на данный вопрос, это было сразу замечено критикой.⁵⁴

Для М.-Л. Хинкканен-Лиевонен сепаратистские движения в России предоставляли Великобритании хорошие возможности для борьбы с германским влиянием. Признание же де-факто Эстонии и Латвии в 1918 г. рассматривалось, по ее мнению, английским правительством как «кратковременная мера по заделке пролома».⁵⁵ После поражения Германии, полагает финский историк, целью британской политики стала изоляция большевиков, ради достижения которой Лондон вынужден был идти на поддержку самостоятельности образовавшихся на восточном побережье Балтики государств.⁵⁶ В итоге Хинкканен-Лиевонен сформулировала свою позицию по этому вопросу следующим образом: «Отвергая аргумент, что ослабление России являлось центральной целью русской политики Британии после (Компъенского. — А.Р.) перемирия, мы не спешили бы сбросить со счетов и страх перед сильной и объединенной Россией как мотивацию британской внешней политики».⁵⁷ При этом финский историк обращала внимание на следующие опасения Ллойд Джорджа: признание независимости Прибалтийских государств может в будущем вовлечь Великобританию в серьезный конфликт, когда Россия приступит к реабсорбизации своих бывших провинций, — в таком исходе не сомневались. «Мы должны удовлетвориться самыми скромными, пробными заявлениями. Самое большее, что можно сказать, это то, — писала Хинкканен-Лиевонен, — что желание отделить пограничные территории от России было, вероятно, очень сильным в отношении Азии, тогда как в Европе оно значительно отличалось по мотивации, настойчивости, применению».⁵⁸

Естественно, внимание зарубежных историков было привлечено и к возникавшим время от времени различным планам наступления на Петроград. Выяснилось, что ни во время весенне-летнего наступления корпуса Родзянко и эстонской армии Лайдонера, ни позднее — осенью 1919 г., при наступлении Юденича — никто в Лондоне, включая и военного министра У. Черчилля, не ставил вопроса о необходимости

⁵⁴ *Hovi K. Miksi Englanti menetti Baltian markkinat Saksalle? // Historiallinen aikakauskirja. 1984. N 3. S. 247.*

⁵⁵ *Hinkkanen-Lievonen M.-L. British Trade and Enterprise in the Baltic States. 1919—1925. Helsinki, 1984. P. 54—55.*

⁵⁶ *Ibid.* P. 63, 64.

⁵⁷ *Ibid.* P. 84.

⁵⁸ *Ibid.* P. 85—86.

направить в этот район войска. К. Холсти, например, далеко не единственный, кто обращал внимание на то, что английское правительство в ряде случаев доводило до сведения финского правительства свое мнение о нежелательности нападения финской армии на прежнюю российскую столицу, или же когда против подобного мероприятия оно в принципе не возражало, то давало понять, что брать на себя ответственность за материальную сторону дела (поставки оружия, материалов, финансирование) не собирается.⁵⁹ Другой историк — Э. Уусталу — полагал, что именно такое отношение английского правительства к борьбе с большевиками на Северо-Западе подталкивало эстонское правительство к переговорам с правительством Ленина.⁶⁰

Довольно подробно на этих вопросах остановился в своей монографии «Частная война Черчилля. Интервенция и контрреволюция в русской гражданской войне» А. Шмид. Даже у самого яркого сторонника военной интервенции в России У. Черчилля, считал он, лишь постепенно, к концу лета 1919 г., Северо-Западный фронт стал приобретать какое-то значение. Для военного министра долго оставался нерешенным вопрос: целесообразно ли вообще предпринимать какие-либо действия под Петроградом?⁶¹

Участие Финляндии в событиях 1918—1919 гг. на Северо-Западе исследовано в зарубежной историографии значительно глубже, чем участие остальных вовлеченных в них сторон. Практически все аспекты данной темы, как внешне-, так и внутривнутриполитические, хотя и в различной степени, были удостоены внимания. Вполне естественно, что вопросом, на который каждый из обращавшихся к истории тех событий должен был иметь ответ, являлся вопрос о том, чем обуславливалось довольно активное участие Финляндии в них, несмотря на ее многочисленные внутривнутриполитические проблемы.

В данном случае заслуживает внимания точка зрения Ю. Паасивирты, чей интерес как историка в течение многих лет был сосредоточен исключительно на истории внешней политики Финляндии в первые годы ее независимости. Паасивирта исходил из того, что большинство внешнеполитических проблем его страны имело свои корни в событиях 1918 г. или получило благодаря им так или иначе особый смысл. Гражданская война в Финляндии привела, по его мнению, к появлению широко распространенного убеждения, что цель начатого социалистами восстания была враждебна независимости страны. Как следствие этого защита государственной самостоятельности и сохранение господствующего общественного строя стали рассматриваться взаимосвязанно.⁶² Конечно, такое объяснение по своей форме достаточно общо, чтобы быть исчерпывающим. В некотором отношении оно близко к позиции другого финского историка

⁵⁹ *Holsti K.J.* Suomen ulkopoliitiikka suuntaansa etsimässä vuosina 1918—1920; Rudolf Holsti osuus. Helsinki, 1963. S. 47, 58.

⁶⁰ *Uustalu E.* Estlands Weg zum Friedensschluss // Von Baltischen Provinzen zu den Baltischen Staaten. Bd II. 1918—1920. Marburg/Lahn, 1977. S. 413.

⁶¹ *Schmid A.* Op. cit. S. 160—164, 233.

⁶² *Paasivirta J.* 1) På spaning efter en självständig kurs // Finlands utrikespolitik 1809—1966. Stockholm, 1968. S. 72—73; 2) Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliitiikan hoito: Itsenäistymisestä talvisotaan. Porvoo; Helsinki, 1968. S. 71.

В. Тервасмяки. Последний полагал, что активная восточная политика его страны в те годы была вызвана исключительно опасениями перед нападением красных финнов и большевиков.⁶³

Некоторые финские историки полагают, что восточная политика Финляндии в значительной степени определялась потребностью в создании необходимых политических, экономических, военно-стратегических (граница трех перешейков) условий для сохранения на возможно более длительный исторический срок только что приобретенной независимости, так как признание последней со стороны России в те годы рассматривалось как решение, имеющее временный характер.⁶⁴ «Финны мечтали, — писал, например, П. Лунтинен, — об экономической автаркии независимой Финляндии, для чего требовались богатства Карелии и минералы Кольского полуострова».⁶⁵

Одним из основных препятствий для успеха восточной политики была ограниченность возможностей страны. Это и привело с самого начала, как считают Х. Сеппяля, Й. Вахтола, С. Черчилль и другие, к тому, что Финляндия оказалась сразу включенной в большую политику великих держав. И финны вынуждены были столкнуться с тем, как писал другой финский историк генерал Р. Аримо, что у великих держав очень эгоистичные мотивы.

В зарубежной историографии общепринятой точкой зрения является та, что, поскольку рассчитывать только на собственные силы Финляндии явно не приходилось, она вынуждена была искать себе союзников среди великих держав. На первом этапе таковым стала Германия. Финский историк К. Иконен справедливо отмечал в своей работе: помимо того что в Хельсинки верили в победу Германии, следует учитывать и отсутствие у Финляндии свободы выбора — до конца 1918 г. Балтийское море оставалось «*mare clausum*».⁶⁶

Затрагивая этот вопрос, Т. Нюгорд, Т. Торвинен, Й. Вахтола и другие считают, что вмешательство Германии в финляндские события весной 1918 г. настолько изменило военно-политическую ситуацию, что в Хельсинки сочли вполне реальным присоединение территорий на Востоке при помощи военной силы.⁶⁷ Надежды, как известно, оказались иллюзорными. Причины этого некоторые зарубежные авторы видели в том, что именно Германия сделала невозможным осуществление с территории Финляндии военных действий против Советской России.⁶⁸ На то, что

⁶³ *Tervasmäki V. Eduskuntaryhmät ja maanpuolustus : Valtiopäivillä 1917—1939.* Helsinki, 1964. S. 22.

⁶⁴ *Virolainen J. Karjalaiset Suomen kohtaloissa.* Helsinki, 1983. S. 47; *Ikonen K. J.K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa.* Helsinki, 1990. S. 240.

⁶⁵ *Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä : Aikeet, suunnitelmat ja toimet.* Helsinki, 1987. S. 181.

⁶⁶ *Ikonen K. Op. cit. S. 229.*

⁶⁷ *Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen : Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa.* Keuruu, 1978. S. 55; *Valtioneuvoston historia. 1917—1966.* Helsinki, 1977. Nide 1. S. 222; *Vahtola J. Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema kesällä 1918 // Oulun Yliopiston Historian laitos. Eripainossarja.* Oulu, 1989. N 25. S. 153.

⁶⁸ *Meri V. Suomen marsalkka C.G. Mannerheim.* Porvoo; Helsinki, 1989. S. 54.

подобный ответ не вполне корректен, обращал внимание в одной из своих работ Я. Пааволайнен. Он писал, что часто историками, делющими из прогерманской ориентации Финляндии вывод, что Берлин вынуждал ее воздерживаться от активных действий на Востоке, упускается из вида «тот факт, что Германия в тогдашней обстановке не могла позволить себе заниматься финской политикой в отношении Восточной Карелии, не говоря уже о политике интервенции».⁶⁹ Сама же Финляндия просто не располагала необходимыми силами в то время для достижения своей цели; всем было ясно, что в предполагавшемся военном решении проблемы основную роль должны будут играть германские части, поэтому тезис о сдерживании представляется излишне категоричным. Финляндия, как отмечал в одной из своих работ Ю. Пасивирта, неизбежно должна была рассматриваться германскими политиками лишь в контексте всей системы взаимоотношений Германии с Восточной Европой и Россией.⁷⁰

В зарубежной историографии, особенно в финской, большой интерес вызывали вопросы взаимоотношений финляндских правительств с различными организациями, которые возглавляли борьбу части населения Западной и Северной Ингерманландии и Восточной Карелии с большевиками. При знакомстве с литературой остается впечатление, что в Хельсинки далеко не всегда были рады своим потенциальным союзникам и далеко не всегда были готовы всемерно поддерживать их, во всяком случае ограниченность возможностей диктовала определенную сдержанность. Последняя сказала уже в отношении поддержки ингерманландского движения. В увидевшей свет еще в 1923 г. статье К. Тюни «Ингерманландия в послереволюционные годы» об этом писалось довольно откровенно.⁷¹ С того времени появилось немало работ, в которых затрагивалась эта тема. Один из авторов — П. Мелко — так объяснял осторожность правительства в деле поддержки ингерманландцев: «С одной стороны, признавали моральный долг помогать ингерманландцам... но, с другой стороны, расположение Петрограда в центре Ингерманландии и малое количество ингерманландских сил порождали сомнения в успешности их попыток. Правительство было не в состоянии резко отказать в помощи, что при существовавшем национальном воодушевлении вызвало бы осуждение общественного мнения, но с холодной вежливостью дало понять, что не в интересах Финляндии помогать ингерманландцам в такой ситуации».⁷² По мнению другого финского историка — Т. Вихавайнена, — действия ингерманландцев вызывали головную боль как у Советов, так и у правительства Финляндии.⁷³

⁶⁹ Paavolainen J. Vuosi 1918 Suomen historiassa // Kanava. 1978. N 8. S. 478.

⁷⁰ Paasivirta J. Finland and Europe : The Early Years of Independence 1917—1939. Helsinki, 1988. P. 155.

⁷¹ Tynni K. Inkeri vallankumouksen jälkeisinä vuosina // Valvoja-aika. 1923. N 3. S. 127—141.

⁷² Melko P. Inkerin vapaustaistelujen aika // Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 329.

⁷³ Vihavainen T. Suomi neuvostolehdissä. 1918—1920. Helsinki, 1988. S. 153.

При обращении к истории событий на Северо-Западе редко кто из зарубежных ученых хотя бы мимоходом не упомянул о финской добровольческой экспедиции помощи в Эстонии. Тем не менее даже в начале 70-х гг. О. Хови и Т. Йоутсамо в своей работе, специально посвященной финским добровольческим экспедициям, были вынуждены констатировать, что не существует сколько-нибудь надежного научного исследования по этой теме и приходится довольствоваться только опубликованными ранее воспоминаниями.⁷⁴ Через шесть лет после выхода в свет их работы Т. Полвинен приветствовал публикацию диссертации С. Цеттерберга «Финляндия и Эстония в 1917—1919 гг.», так как ранее финско-эстонские отношения в те годы были изучены слабо.⁷⁵

С. Цеттерберг фактически отказался считать в качестве причины, побудившей правительство Финляндии направить в Эстонию добровольческую экспедицию, стремление оказать помощь родственному народу. «Эстонии помогали не как родственной Финляндии стране, а, скорее, как находившейся в непосредственной близости от Финляндии территории, которой угрожал большевизм и с которой он мог бы также распространиться на Финляндию. Как мне представляется, только борьба против большевизма была основной причиной финской помощи».⁷⁶ Подводя итог своим рассуждениям о причинах вмешательства Финляндии в советско-эстонский конфликт, Цеттерберг писал: «Мотивы финской помощи можно, следовательно, считать реально-политическими: хотели защитить свою собственную страну, сражаясь в Эстонии против большевиков, и одновременно отличиться в глазах западных держав».⁷⁷ Работа Цеттерберга представляет большой интерес и тем, что в ней довольно подробно показан ход эстоно-финляндских переговоров об оказании военной, материальной и финансовой помощи Эстонии. В ходе их выяснилось, что ограниченность возможностей Финляндии, вынуждавшая к осторожности в поддержке ингерманландского движения, давала о себе знать и в отношении Эстонии.

Финская добровольческая экспедиция на южном берегу Финского залива привлекала внимание историков и в связи с разработкой в Финляндии различных вариантов планов наступления на Петроград. В то время в стране среди некоторых политических и военных кругов было распространено убеждение, что захват бывшей имперской столицы был бы лучшей гарантией признания независимости Финляндии будущими (небольшевистскими) властями России, а также давал бы дополнительные шансы на получение территориальных компенсаций. Именно этим, например, С. Егершельд объяснял нежелание Маннергейма вмешиваться в дела Восточной Карелии.⁷⁸ А. Нопанен и К. Холсти считали, что поддержка регентом добровольческой экспедиции в

⁷⁴ *Hovi O., Joutsamo T.* Suomalaiset heimosoturit Viron vapaussodassa ja Itä-Karjalan heimosodissa vuosina 1918—1922 // Turun historiallinen arkisto XXIV. Turku, 1971. S. 109.

⁷⁵ *Polvinen T.* Heimoveljet tienhaarassa // Historiallinen aikakauskirja. 1977. N 2. S. 178.

⁷⁶ *Zetterberg S.* Op. cit. S. 172.

⁷⁷ *Ibid.* S. 178.

⁷⁸ *Jägerskiöld S.* Mannerheim. 1867—1951. Helsinki, 1984. S. 120 etc.

Эстонии (на ее начальной стадии) объяснялась тем, что он рассматривал ее как плацдарм для будущего наступления на Петроград.⁷⁹ Изменение первоначально отрицательного отношения главы государства к военной экспедиции в Восточной Карелии, по мнению С. Яаскелайнена, произошло в силу того, что появилась возможность увязать эту экспедицию с наступлением на петроградском направлении.⁸⁰

Подробно разработка планов наступления на Петроград весной — летом 1919 г. в генеральном штабе финской армии рассматривается в изданной под редакцией Я. Кронлунда монографии «Suomen puolustuslaitos: 1918—1939».⁸¹ А опубликованная в 1987 г. монография финского историка М. Ахти «Контуры заговора. Правый радикализм и агрессивная восточная политика. 1918—1919 гг.» заставляет несколько иначе, чем прежде, оценивать некоторые внутривнутриполитические события в Финляндии. В ней еще раз был поставлен вопрос, казалось, давно имевший ответ и не вызывавший разногласий: ради чего Маннергеймом и поддерживавшими его кругами наступление на Петроград было в июне—июле 1919 г. сделано центральной внутривнутриполитической проблемой? Работа Ахти вносила значительные коррективы в сложившееся представление о Маннергейме и вызвала резкую реакцию, заставившую одного из рецензентов — К. Селена — заметить, что широкая общественность не отступает от своих мифов, она любит их, что публика оказалась несклонной принимать версию, что глава государства был не только «пассивным зрителем, которому предложили место за готовым накрытым столом, но что, напротив, он был душой и инициатором предприятия (т.е. так называемого заговора активистов. — А.Р.)».⁸² М. Ахти в своей работе писал, что привычный образ Маннергейма появился в результате цензурированного толкования, отвергавшего у этого человека черты, «не соответствовавшие основополагающим ценностям нашего политического строя или вообще не подходившие к образу великого человека».⁸³ Критика обвинила автора в том, что он приписал некоторым политическим кругам Финляндии те политические ценности, принципы и менталитет, которые были присущи исключительно активистам.⁸⁴ Коротко говоря, версия, что Маннергейм был готов пойти на государственный переворот и если и не сохранить старую форму правления, то хотя бы обеспечить победу на первых президентских выборах, что он сам, а отнюдь не активисты был инициатором разра-

⁷⁹ *Nopanen A. C.G.E. Mannerheim vuoteen 1919 saakka. Lahti, 1963. S. 82; Holsti K. Op. cit. S. 46.*

⁸⁰ *Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage : Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finlands in den Jahren 1918—1920. Helsinki, 1965. S. 172.*

⁸¹ *Suomen puolustuslaitos. 1919—1939 : Puolustusvoimien rauhan ajan historia / Ed. J. Kronlund. Toinen painos. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989.*

⁸² *Selén K. Konturerna av aktivisternas konspirationer // Historisk tidskrift för Finland. 1988. N 1. S. 92—95.*

⁸³ *Ahti M. Salaliiton ääriiviivat : Oikestoradikalismi ja hyökäävä idänpolitiikka 1918—1919. Espoo, 1987. S. 301.*

⁸⁴ *Vares V. «Anderssonilla» ratsastaen : Martti Ahdin metodista, lähteistä ja oikeistokuvasta // Historiallinen aikakauskirja. 1991. N 3. S. 258.*

ботки планов такого поворота событий, выглядит достаточно обоснованной. Книга Ахти позволяет утверждать, что планировавшаяся в летние месяцы 1919 г. петроградская наступательная операция являлась для Маннергейма и его сторонников одним из средств создания такой политической ситуации, которая позволила бы изменить расстановку политических сил в вопросе о форме правления. Если публикация работы Ахти вызвала острую дискуссию (наиболее неуступчивым в ней проявил себя В. Варес) по вопросу о так называемом заговоре активистов, то один из частных вопросов — о значении проигрыша Маннергеймом президентских выборов — никогда не порождал споров. Историки достаточно единодушны в том, что всеми политическими кругами Финляндии такой исход выборов рассматривался как снятие с повестки дня петроградской операции.

Упомянутый выше финский историк Т. Вихавайнен в определенном отношении был прав, когда охарактеризовал оценку ситуации на Северо-Западе советской стороной как «преждевременный испуг». Большинство зарубежных историков в той или иной мере склонялось к следующим выводам: отсутствие собственных возможностей вынуждало финские правительства вносить в проведение своей внешней политики существенные поправки с учетом точки зрения союзнических правительств при явном нежелании основной политической силы в этом районе Европы в 1919 г. — Великобритании — взваливать на свои плечи проведение и финансирование возможных интервенционистских операций; это определяло весьма ограниченный набор способов достижения ставившихся в финских политических кругах целей на Востоке. С другой стороны, в историографии вполне справедливо подчеркивался оборонительный аспект восточной политики Финляндии.

Нельзя, однако, не отметить, что в зарубежной историографии событий на Северо-Западе в очень незначительной степени уделялось внимание такому вопросу, как механизм выработки решений в политических кругах вовлеченных в конфликт государств. Часто те или иные выводы строятся на отдельных высказываниях различных политических деятелей, высокопоставленных чиновников (в основном внешнеполитических ведомств), на основании которых иногда можно сделать выводы, отличающиеся от предлагаемых авторами работ. Исследователю при изучении событий тех лет приходится иметь дело со сложным по своей структуре, достаточно динамично развивавшимся конфликтом, описать который — практически трудновыполнимая задача. Существенным препятствием на этом пути для историков становится не только наличие противоположных интересов и целей у его участников, но и неопределенность целевых установок у некоторых из них на той или иной стадии этого конфликта.

Перечень источников по данной теме отнюдь не исчерпывается широко известными публикациями дипломатических документов Великобритании и Соединенных Штатов, протоколов Парижской мирной конференции, документов Верховного экономического совета и комитета по блокаде, которые были приняты еще в 30—40-х гг. Помимо упомянутых выше авторов мемуаров можно было бы

назвать еще многих и среди них Г. Шаумана, В. Врангеля, В. Таннера, Й. Сайнио, Г. фон Гертцена, К. Идмана, О. Лоухивуори, а также дневники Э. Пальмшерны, А. Пакеит. д. Большой интерес представляют публикации В. Баумгартом донесений барона фон Кейзерлинка, являвшегося в начале 1918 г. представителем германского Адмиралтейства в Петрограде,⁸⁵ издание Б. Йенсеном донесений датского посла в Петрограде Х. Скавениуса, прожившего в этом городе до декабря 1918 г.,⁸⁶ дневник его коллеги — генерального консула Дании в Ревеле Й. Йохансена, подготовленный к публикации К. Хови,⁸⁷ предпринятые в Германии издания протоколов заседаний правительства, в частности кабинетов Ф. Шейдемана и Г. Бауэра,⁸⁸ и т.д. В исследованиях последних десятилетий все чаще и во все большем масштабе стали использоваться документы не только государственных, но и частных архивов. Продолжают время от времени открываться ранее недоступные архивные фонды. Так, например, в 1984 г. в Финляндии был открыт фонд Ю.К. Паасикиви. Появление новых документов иногда заставляет пересматривать прежние взгляды.

⁸⁵ Die Militerpolitische Berichte des Freiherrn von Keiserlingk aus Petersburg // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. Stuttgart, 1967. H. 1.

⁸⁶ Den Danske Gesandt i Petrograd, Harald Scavenius syn på omvaeltningerne i Rusland 1917—1918. Ved B. Jensen // Danske Magazin. Ineholdende Bidrag til den Danske Histories oplysning. Bd 4. Ottende Raekke. København, 1973.

⁸⁷ Die Tagebuchaufzeichnungen des dänischen Generalkonsul in Reval Jens Christian Johansen // Publikationen des Institute für Geschichte Allgemeine Geschichte Universität Turku, Finnland. Vammala, 1976. N 8.

⁸⁸ Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik : Das Kabinett Scheidemann. 13.02—20.06 1919. Boppard am Rhein, 1971; Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik : Das Kabinett Bauer. 21.06 1919—27.03. 1920. Boppard am Rhein, 1980.

Глава II

СОЮЗНЫЕ МИССИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ В 1914—1918 гг.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЗАПАДНЫЕ СОЮЗНИКИ В 1914—1917 гг.

Непосредственные связи между различными политическими кругами Запада и русской буржуазией, установленные и шаг за шагом упроченные в годы первой мировой войны, во многом определяли внешнюю политику Временного правительства, а затем достигли полного развития во время гражданской войны в России.

Именно в 1914—1917 гг. проявилась явная и все растущая заинтересованность правительств Антанты и их представителей в России в таком политическом развитии событий в стране, которое бы в наибольшей степени соответствовало их государственным целям и нуждам. Поэтому едва ли не с самого начала войны наблюдается постепенное и все более активное вмешательство в русские дела со стороны союзников. В то же время собственные устремления либеральной оппозиции в России также подталкивали ее к тесному сотрудничеству с западными демократиями, от которых она ожидала помощи и поддержки в получении своей доли власти и участия в управлении государством, все еще остававшимся самодержавным.

Это основанное на взаимных интересах тяготение друг к другу способствовало установлению близких и постоянных контактов и связей русской либеральной оппозиции прежде всего с представителями союзников в России. С другой стороны, правящие круги союзных государств продолжали поддерживать и официальные отношения с царским правительством, пытаясь побудить его наращивать усилия для победы над Германией и в то же время стараясь оценить его способности и возможности для продолжения войны, а заодно и перспективы политического развития страны, изменения или сохранения самодержавного строя.

В результате представители западных государств в России приобрели вкус и интерес к различным способам влияния на русские дела, накопили опыт этой деятельности, в значительной мере освоились с положением в стране и стали неплохо (хотя и небезошибочно) представлять, какие внутренние силы и в какой степени заслуживают

поддержки для достижения тех или иных собственных целей сторонников. Поэтому представляется, что описание и анализ форм и методов вмешательства правительственных кругов Англии и Франции и их представителей в России в ее внутренние дела в 1914—1917 гг. позволят лучше оценить и понять возникновение политики интервенции западных держав и особенности ее проявления на Северо-Западе.

Еще до начала войны русские либералы с вожделием смотрели на Запад, где, как в их давней мечте, буржуазия была сильна не только экономически, но и политически. Естественно, русская буржуазная оппозиция не могла не приветствовать вступление России в войну на стороне западных демократий, с помощью которых рассчитывала получить свою долю власти в стране.

В первые же дни войны на заседаниях ЦК кадетской партии родился лозунг «единения» с союзниками,¹ которого, несмотря на ряд заминок (финансовые трения России с союзниками, вопрос о Константинополе и проливах), русская буржуазия тесно придерживалась в течение всего периода войны. Кроме того, постепенно утрачивая свои надежды на возможность соглашения с царским правительством и боясь опереться в борьбе с ним на низы, народные массы, русская буржуазная оппозиция начала усиленно апеллировать к западным союзникам, рассчитывая, что они поддержат как ее внутриполитические (лозунг «ответственного министерства»), так и внешние (доведение войны до победного конца) устремления. Проводимый оппозицией курс на сближение с союзниками вызвал поддержку и с их стороны, так как в Англии и Франции довольно быстро развеялись мечты о всепокрушающей силе «русского парового катка», и почти с начала 1915 г. начинает складываться мнение о неспособности Николая II и его окружения успешно вести войну, а затем появляются опасения, вызванные «сепаратными колебаниями» царизма.²

Уже 22 июля (5 августа) 1914 г. в газетах было опубликовано воззвание ЦК кадетской партии, призывающее «к победе великого дела свободы, невозможного без победы над императором Вильгельмом».³ 26 июля 1914 г. на внеочередном заседании Думы от лица всей буржуазной оппозиции был провозглашен капитулянтский по существу лозунг «забвения внутренних распри перед лицом врага», означавший фактически отказ от политической борьбы с самодержавием на время войны.

Буржуазный Петербург демонстрировал бурный восторг по поводу «единения» России с «западными демократиями» в общей борьбе против авторитарической германской империи. 21 июля (4 августа) 1914 г. прошла грандиозная манифестация у здания французского посольства.⁴ Толпа, пестрая по составу, размахивала русскими, французскими и английскими флагами, приветствуя появившегося перед ней на балконе главу посольства — М. Палеолога.⁵ 23 июля (6 августа) 1914 г.

¹ ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 1, л. 113.

² Вестник Общества сближения с Англией. М., 1918. № 1.

³ ГАРФ, ф. 523, оп. 2, д. 1, л. 113.

⁴ Речь. 1914. 22 июля; Новое время. 1914. 22 июля.

⁵ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 76.

такая же патриотическая демонстрация состоялась и у здания английского посольства на углу Суворовской площади и Дворцовой набережной. Манифестанты перехватили на Дворцовой набережной автомобиль английского посла Дж. Бьюкенена, возвращавшегося из Зимнего дворца, и на руках донесли его до подъезда посольства.⁶

В эти же дни председатель Государственной думы М.В. Родзянко горячо убеждал союзных дипломатов в том, что «война положит конец всем раздорам» и что «во всех думских фракциях помышляют лишь о войне с Германией».⁷

Тот же смысл имели и телеграммы, направленные от имени Государственной думы в адрес английской палаты общин и французской палаты депутатов.⁸ Такое поведение русского представительственного учреждения заслужило полное одобрение со стороны союзников. Председатель французской палаты депутатов П. Дешанель в ответной приветственной телеграмме выражал свое глубокое восхищение единением царя, правительства и всех представителей русского народа «в деле ведения войны».⁹

Спикер английской палаты общин Д. Лоутер убеждал Родзянко в «неизменных дружеских чувствах» английской палаты общин по отношению к Думе.¹⁰

Горячие заверения в дружбе к России со стороны союзников были не случайны, они питали в эти дни восторженную уверенность в ее несокрушимой военной мощи. Легенда о «русском паровом катке» (Russian Steam-Roller) затмевала умы государственных деятелей и стратегов Англии и Франции.¹¹ Наивно и эгоистично высказывали они дикую в условиях современной им войны мысль о том, что неисчерпаемые людские резервы России, огромная русская армия одной своей физической массой способна, подобно прессу, паровому катку, раздавить передовую в техническом отношении немецкую военную машину.¹² Кроме того, союзники склонны были питать большие иллюзии относительно религиозности «русского мужика», его преданности «вере, царю и отечеству». Как бы не желая видеть разительных перемен, произошедших в настроениях и взглядах русского народа, многие английские и французские корреспонденты, дипломаты, военные в архаичных, привычных им словах и выражениях описывали торжественные молебны в первые дни после объявления войны, коленопреклоненные умиленные толпы людей в Московском Кремле и фантастические сцены прощания неких «рабабожников», которые, «весело играя на балалайках», отправлялись на фронт. В этом плане интересна картина настроений, царивших

⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1924. С. 134; Бьюкенен М. Крушение великой империи. Париж, 1933. Т. 1. С. 100.

⁷ Цит. по: Палеолог М. Указ. соч. С. 74.

⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1133, л. 11, 12.

⁹ Там же, л. 50.

¹⁰ Новое время. 1914. 3 августа.

¹¹ См., напр.: Churchill W.S. The World Crisis. London, 1930. Vol. 1—2; Colonel Repington. The First World War. 1914—1917. London, 1928; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т. 3.

¹² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., Пг., 1923. С. 76.

в первые недели войны среди дипломатического корпуса в Петрограде, в ретроспективном описании дочери английского посла Мириэль Бьюкенен: «Как полны мы были энтузиазма!..»

Русская пехота! Британский флот! Французская артиллерия! Война будет окончена к Рождеству, и казаки войдут в Берлин! Знаменитая Аллея Победы в Берлине с ее ослепительными беломраморными статуями курфюрстов и королей из дома Гогенцоллернов будет разрушена. Союзники продиктуют свои условия мира германскому императору».¹³ Однако эта великолепная картина довольно скоро свелась к настойчивым просьбам союзников к Николаю II «предписать войскам перейти в немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной».¹⁴

Верность России союзническим обязательствам, отчаянное положение Франции и, наконец, вымогательства со стороны дипломатов Антанты вынудили Россию пойти на смелый и в равной степени безрассудный шаг — изменить свои стратегические планы и начать немедленное наступление неотмобилизованной неподготовленной русской армии в Восточной Пруссии. «Русский стратегический план, — констатировал в то время британский военный атташе А. Нокс, — был изменен с единственной целью оказать помощь союзникам на Западе».¹⁵ 17 августа генерал Г.К. Ренненкампф, еще в годы русско-японской войны приобретший среди своих коллег прозвище «Кунктатор» («Медлитель»), вторгся с гвардейской кавалерией в Пруссию, овладел Сталупененом и Инстербургом, а несколько дней спустя армия генерала А.В. Самсонова начала свое наступление с юга в район Мазурских озер, подвергая себя страшному риску быть вовлеченной в мешок, который готовил ей Гинденбург.¹⁶ Союзники с ликованием встретили начало русского наступления. «Казаки в пяти переходах от Берлина», — кричали газетные заголовки ведущих английских и французских газет.

Как известно, наступление Самсонова закончилось разгромом его армии под Сольдау-Танненбергом, окружением двух русских корпусов и самоубийством самого Самсонова. России удалось спасти Париж привлечением значительной части немецких сил с западного фронта на восточный, наконец, гибелью лучшей части русской армии. Жертва, принесенная союзникам Россией под Сольдау, была слишком велика, и это первое русское поражение, судя по многочисленным свидетельствам современников, казалось, унесло общий подъем и уверенность в победе.¹⁷

¹³ Бьюкенен М. Указ. соч. Т. 1. С. 102.

¹⁴ См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. С. 80; см. также: Емец В.А. Очерки внешней политики России. 1914—1917. М., 1977. С. 70—71; Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). М.; Л., 1931. Сер. 3. Т. V, ч. 1. С. 144—145, 150, 181.

¹⁵ Клох А. With the Russian Army. 1914—1917. New York; London, 1921. Vol. 1. P. 47.

¹⁶ Times. 1914. 26 Aug.; Les Temps. 1914. 26, 27 Aug.; Le Figaro. 1914. 26 Aug.

¹⁷ См., например: Дневник И.С. Ключева // РГИА, ф. 669, оп. 1, д. 15—16; Бьюкенен М. Указ. соч. Т. 1. С. 109.

Недовольство эгоистическим поведением военного командования и правительств Англии и Франции не проявилось в сколько-нибудь серьезных формах в кругах русской либеральной буржуазии. Напротив, именно ими в это время и начинает особенно активно проводиться в жизнь лозунг «единения с союзниками». Это было связано прежде всего с усиливавшимися буквально с каждым днем трениями между русской буржуазной оппозицией и правительством, которое не только не ответило каким-либо либеральным актом на «национальный подъем» русской буржуазии, но сразу же после заседания 26 июля уведомило Думу, что ее заседания прерываются на длительный срок.¹⁸ Уже с конца 1914 г. на заседаниях кадетского ЦК начинают обсуждаться вопросы, связанные с улучшением осведомленности союзных стран о печальном положении «русской общественности». С таким предложением на заседании 23 ноября выступил известный петроградский адвокат М.М. Винавер. «В то время, — заявил он, — когда Россией на Западе начали интересоваться, известия из нее скудны или фальсифицированы. Европе, например, совершенно неизвестна идеология русской общественности в связи с войной, а там этим интересуются». В связи с изложенным Винавер предложил «организовать систематическую доставку сведений в иностранные газеты».¹⁹

Уже в конце 1914—начале 1915 г. становится заметен общий рост оппозиционности русской буржуазии, ярко проявившийся во время заседаний бюджетной комиссии Думы в январе 1915 г. В так называемой «Записке о настроениях в Думе» неустановленное лицо, в частности, отмечало: «В заседаниях бюджетной комиссии резкость тона думских партий, начиная с октябристов и левее, базируется на фразах митингового характера и критике всех действий правительства».²⁰ «Патриотический подъем» русской буржуазии в начале войны сменяется к началу 1915 г. «патриотической тревогой», как характеризовали это состояние сами лидеры оппозиции. Тем не менее русские либералы сохраняли пока лозунг «единения» неизменным, и это вполне устраивало союзников, боявшихся каких-либо потрясений во внутривнутриполитической жизни России, что могло ослабить ее или даже вывести из войны. «Пока мы помним одно — то же, что помнят и наши союзники: мы должны выйти из этой войны с решительной победой, чего бы это ни стоило».²¹

Особенно горячо нападала в это время оппозиция на то, что, по ее мнению, более всего мешало «решительной победе», — попытку «германофилов», к которым она с начала войны стала причислять правых, подорвать «единство и твердость настроения». Большое беспокойство вызвали распространившиеся в конце 1914—начале 1915 г. слухи о составленной правыми министрами Н.А. Маклаковым и И.Г. Щегловитовым «Записке», в которой шла речь о необходимости скорейшего заключения мира с Германией как «единственной опорой самодержав-

¹⁸ Речь. 1914. 27 июля; см. также: Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 99.

¹⁹ ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 75 об.

²⁰ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1223, л. 1 об.—2.

²¹ Речь. 1915. 2 января.

вия», подавлении после этого революционного движения в России и репрессиях против буржуазных общественных организаций, которые в притворном случае «после войны уже нельзя будет ввести ни в какие рамки». ²² Одновременно усилились нападки правых на союзников России, особенно Англию, о чем прямо сказал в своей речи на банкете Английского клуба посол в Петрограде Дж. Бьюкенен еще в конце 1914 г. ²³ «Германофильствующая часть русского общества, — заявил он, — обвиняет Англию в том, что она толкнула Россию в эту войну из личных выгод, а теперь возложила все тяготы войны на Россию». Далее Бьюкенен стал перечислять подробно все те жертвы, которые принесла Англия в интересах союзников, и обрисовал ту якобы главную роль, которую она играла в войне. ²⁴

Опровержения посла вряд ли выглядели убедительными. С самого начала войны Великобритания заявила, что она отказывается от активных военных действий на Западном фронте, пока не соберет миллионную армию. Следовательно, реальная английская военная помощь союзникам откладывалась на неопределенное время. Английское правительство вполне удовлетворялось ролью кредитора и поставщика военного снаряжения для «русской союзницы».

Тем не менее речь посла произвела значительное впечатление на присутствовавших — представителей буржуазной общественности. Так, опираясь, по-видимому, на слова мужа, октябриста И.С. Ключева, его жена А.С. Ключева приводит в дневнике речь Бьюкенена для общей характеристики момента, высказывая убеждение, что «наши внутренние немцы имеют огромное значение, занимая высокие посты». ²⁵ Одновременно русская либеральная оппозиция начала усиленно демонстрировать свои антантофильские симпатии, преподнося их как ответ на происки «внутренних немцев». Кинулся защищать «доблестных союзников» и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, вступивший на заседании бюджетной комиссии Думы в резкую полемику с представителем крайне правых С.В. Левашовым, усомнившимся в «активном участии наших союзников англичан в общей борьбе». ²⁶ Сазонов в эти дни заверял лидера кадетов в твердом решении русского правительства довести войну до конца и «не допустить преждевременного заключения мира». ²⁷ По этому поводу в правых кругах было высказано убеждение, что «министр иностранных дел, видимо, полностью спелся с оппозицией». ²⁸

Впрочем, именно в этот момент правые круги постарались воздержаться от более резких выступлений по поводу направления русской внешней политики: министр финансов П.Л. Барк собрался ехать в

²² Дневник С.П. Мельгунова // ГАРФ, ф. 1152, оп. 1, д. 67, л. 23 об.—24.

²³ Речь. 1914. 19 декабря; см. также: Дневник И.С. Ключева. Д. 14, л. 35—36 об.

²⁴ Бьюкенен М. Указ. соч. Т. 1. С. 115.

²⁵ Дневник И.С. Ключева. Д. 14, л. 35—36 об., 44 об.

²⁶ Речь. 1915. 13 января.

²⁷ Запись беседы П.Н. Милюкова с С.Д. Сазоновым 12 января 1915 г. // ГАРФ, ф. 579, оп. 1 (кн. 2), д. 1455, л. 1—3.

²⁸ Земщина. 1915. 14 января.

Лондон и Париж за займом. 23 января (5 февраля) в Париже было заключено финансовое соглашение между Англией, Францией и Россией, предусматривавшее последний заем на общую сумму в 100 млн ф. ст., правда, с обязательством передать английскому банку золото на сумму 8 млн ф. ст. в случае падения его золотого запаса.²⁹ Следует заметить, что русская либеральная оппозиция умело и постоянно использовала поездки Барка для оказания давления на правительство, играя на симпатиях союзников к «русскому парламенту». После заключения финансового соглашения кадетская «Речь» также приписывала часть успеха Государственной думе, прозрачно намекая, что в беседе Барка с политическими деятелями Запада последние очень интересовались взаимоотношениями думской оппозиции и русского правительства.³⁰

Приближалось открытие думской сессии. В правительственных и особенно правых кругах опасались резких оппозиционных выступлений со стороны буржуазных партий. Однако последние придерживались еще программы «внутреннего мира», полагая, что «лошадей во время переправы не меняют». «Расчет на наше внутреннее разъединение — последняя ставка императора Вильгельма», — убеждали прогрессисты.³¹ Оппозиция вместе с тем выражала беспокойство в связи с возможностью критики со стороны правых внешнеполитического курса Сазонова и бездеятельности союзников, особенно Англии. В думских кулуарах, как, впрочем, и по всему Петрограду, гулял язвительный каламбур, гласивший, что «Англия готова воевать до последней капли крови русского солдата». «Надеемся, — заявляла в связи с этим кадетская «Речь», — что наши враги не найдут в думских речах никаких утешений, наши союзники найдут полное сознание заслуг, а армия услышит благодарный отклик».³² Думская сессия открылась 14 (27) января 1915 г. В лице своего председателя М.В. Родзянко Государственная дума горячо приветствовала присутствующих в зале представителей союзных держав.³³ Дабы не быть заподозренными в меркантильных побуждениях, кадеты убеждали всех в «Речи»: «В овациях по адресу наших союзников была не только надежда на материальную поддержку, а нечто другое — и больше».³⁴

«Дорогих союзников» приветствовали почти все выступавшие представители буржуазной оппозиции. Лидер кадетов П.Н. Милюков, например, говорил о «глубоком смысле», который приобрела война «благодаря участию в ней двух наиболее передовых демократий совре-

²⁹ МОЭИ. 1932. Сер. 3. Т. 7, ч. 1. № 135. С. 183—184; см. также: Отчет о русском займе английского министра финансов Д. Ллойда Джорджа // *Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. 1915. Vol. 69. Col. 900—908*; Отчет о русском займе французского министра финансов А. Рибо // *Debates Parlementaire. Chambre des Deputes. 1915. Col. 355, 376.*

³⁰ Речь. 1915. 27 января.

³¹ Утро России. 1915. 27 января.

³² Речь. 1915. 27 января; см. также: Записки неустановленного лица // РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1223, л. 1.

³³ Государственная дума. Созыв 4-й. Стенографические отчеты. Сессия 3-я СПб., 1915. Стб. 4—5.

³⁴ Речь. 1915. 28 января.

менного человечества». ³⁵ Большинство ораторов заверяло союзников в решимости «бороться до конца». «За войну или против войны: так стал основной вопрос, решенный огромным большинством Думы положительно». ³⁶ Общую тактику буржуазной оппозиции выразили кадеты: «Сегодня мы решаем только вопрос о войне. Война есть наше собственное дело. Его мы должны решить в свою пользу, совершенно независимо от того, как мы смотрим на внутреннюю политику власти». ³⁷

Сбольшим успехом прошло выступление Сазонова. Отметив безуспешность попыток Германии «внести рознь между союзниками», министр сказал буржуазным деятелям и друзьям по Антанте именно то, что они хотели услышать: о решимости вести войну до победного конца, о необходимости для правительства работать вместе с народным представительством. ³⁸

29 января думские заседания были прерваны на срок не позднее чем до ноября 1915 г. ³⁹ Рупор правых — «Русское знамя» (газета, которую представители буржуазных партий в годы войны иронически переименовали в «Прусское знамя») — писал по этому поводу: «Таврическая говорильня закрылась до глубокой осени; жаль, что не навсегда». ⁴⁰ Русские либеральные газеты и подавляющее большинство союзной печати, захлебываясь от восторга, превозносили заслуги Думы в деле «единения» — как внутреннего (гражданский мир ради победы над врагом), так и внешнего (с союзниками по Антанте). ⁴¹

Таким образом, уже в первые месяцы войны были заложены те основы союза русской либеральной буржуазии с ее «друзьями» на Западе, которые так ярко проявились впоследствии; начала выработаться общая линия русской буржуазной оппозиции на сближение с идейно близкими ей «демократическими союзницами»; в свою очередь эти последние, начиная уже опасаться «германофильских веяний» в русских правительственных верхах, стали все чаще поглядывать на русских либералов как на своих реальных союзников в доведении империалистической войны «до победного конца». Лозунг «единения» с союзниками выдержал даже такое серьезное испытание, как Дарданельская авантюра союзников весной 1915 г. В правительственных и общественных кругах России высадка англо-французского десанта и морские операции в проливах были истолкованы однозначно — как стремление Англии и Франции захватить Константинополь и проливы «раньше русских». ⁴² В серьезности создавшегося положения отдавали отчет и дипломаты Антанты. «Британская операция против Дарданелл,

³⁵ Государственная дума. Созыв 4-й. Стенографические отчеты. Сессия 3-я. Стб. 51.

³⁶ Там же. Стб. 41, 52.

³⁷ Речь. 1915. 28 января; Государственная дума. Созыв 4-й. Стенографические отчеты. Сессия 3-я. Стб. 150—151.

³⁸ Государственная дума. Созыв 4-й. Стенографические отчеты. Сессия 3-я. Стб. 15—22.

³⁹ Утро России. 1915. 28 января.

⁴⁰ Русское знамя. 1915. 31 января.

⁴¹ Речь. 1915. 30 января; Утро России. 1915. 30 января; Times. 1915. 30 Jan.; Les Temps. 1915. 29 Jan.

⁴² ГАРФ, ф. 670, оп. 1, д. 220, л. 23; МОЭИ. Сер. 3. Т. 7, ч. 1. № 132. С. 254; Речь. 1915. 16 февраля; Новое время. 1915. 16 февраля.

— вспоминал английский министр иностранных дел Э. Грей, — почти испортила наши отношения с Россией, где считали, что Англия и Франция хотят с ее помощью выиграть войну, а потом у ослабленной вырвать Константинополь». ⁴³

Когда это стало известно, разразилась буря. Впервые, пожалуй, с начала войны все без различия политические партии и группы объединились и повели совместную шумную газетную кампанию, требуя точного положительного подтверждения союзниками русских притязаний в «константинопольском вопросе». ⁴⁴

Русская либеральная оппозиция умело использовала это единодушное недовольство общественного мнения, а также успешный нажим на министра иностранных дел Сазонова, «припугнувшего» в свою очередь союзников возможностью своей замены германофилом и угрозой заключения сепаратного мира. Массированное давление возымело желаемый результат. 27 февраля (12 марта) меморандумом своего посольства в Петрограде Англия выразила свое согласие на отход к России Константинополя и проливов. Согласие со стороны Франции последовало значительно позднее — в апреле 1915 г. ⁴⁵ Хотя Дарданелльская авантюра Англии и Франции серьезно омрачила до того безоблачные горизонты русской буржуазии в отношении политики «единения», до окончательного раскола в лагере Антанты дело не дошло. Русская буржуазная оппозиция оставалась слишком заинтересованной в сохранении связей с союзниками, чтобы сбросить со счетов все уже налаженные контакты и полностью отречься от традиционной линии на содружество с западными демократиями. В политической обстановке лета 1915 г., характеризовавшейся кризисом во взаимоотношениях оппозиции с правительством, быстрым подъемом рабочего движения в стране, ростом «сепаратистских влияний» во внешней политике, который выразился в начавшейся антисоюзнической кампании правых, не время и не место было ссориться с «друзьями» по Антанте. На смену настроениям «дарданелльского разочарования» пришло то состояние, которое условно можно охарактеризовать как «забвение прежних разногласий», по выражению самих представителей буржуазной оппозиции и союзников.

Весной 1915 г. были созданы специальные организации по «единению» с союзниками, в первую очередь с Великобританией, подвергавшейся наиболее ожесточенным нападкам со стороны «германофилов», — так называемые общества сближения. Наиболее активно действовали московское Общество сближения с Англией и созданное несколько позднее петроградское Общество английского флага. ⁴⁶ Одновременно рус-

⁴³ Grey E. Twenty-Five Years. London, 1928. Vol. 3. P. 142—143.

⁴⁴ Петроградский курьер. 1915. 15 февраля; Русские ведомости. 1915. 16 февраля; Новое время. 1915. 16 февраля; Утро России. 1915. 15 февраля; Речь. 1915. 16 и 17 февраля.

⁴⁵ Памятная записка английского посольства в Петрограде // МОЭИ. Сер. 3. Т. 7, ч. 1. С. 452; Вербальная нота французского посольства в Петрограде // Там же. Т. 7, ч. 2. С. 121.

⁴⁶ Алексеева И.В. Русская буржуазия и общества сближения с Англией (1915—1918 гг.) // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. С. 103.

ская либеральная оппозиция и союзники перешли от слов к делу. В 1915 г. резко возросла их активность в налаживании непосредственных контактов друг с другом. Особую роль в этом сыграли английские и французские дипломаты, аккредитованные в Петрограде, военные представители союзников при русской Ставке, западные корреспонденты. Поучительна в этом плане политическая эволюция английского посла в России Дж. Бьюкенена (1854—1924 гг.). Потомственный дипломат, выходец из старинного дворянского шотландского рода, он был убежденным монархистом и, по его собственному признанию, «лояльнейшим подданным суверена той страны, в которую был аккредитован». ⁴⁷ Еще в 1914 г. одна из активных деятельниц кадетской партии А.В. Тыркова считала, что Бьюкенен «не знает ни людей, ни мыслей, ни направлений и цепляется за официальную Россию, не видя, что держит в объятиях покойника». ⁴⁸ Но вот начинает проявляться все более неспособность царизма успешно вести войну и возрастают «сепаратные» страхи союзников в отношении русского правительства. Посол все более сближается с «неофициальной» Россией, с теми представителями русской оппозиции, в которых и он, и правящие круги Антанты начинают видеть едва ли не возможных завтрашних министров. ⁴⁹ Монархист Бьюкенен, ради того чтобы «удержать Россию в войне», встречается в посольстве с «либеральными вождями», консультируется с Родзянко относительно готовящихся выступлений в Думе по вопросам русской внутренней политики, активно работает в обществах русско-английского сближения и даже посещает конспиративные «чаепития» на квартире Тырковой, жены английского корреспондента в России Г. Вильямса (Старорусская ул., д. 16), где активно общается с лидерами ЦК кадетской партии. ⁵⁰

«Шаг за шагом, — свидетельствовал позднее глава военно-разведывательной миссии в России С. Хор, хорошо знавший посла, — Бьюкенен стал более ясно представлять себе расстановку сил... Кадетские лидеры и умеренные либералы стояли за лояльное отношение к союзникам и доведение войны до победного конца. Бьюкенен выказал трезвый ум, вступая с ними в постоянные отношения». ⁵¹

«Лояльнейший подданный» царя вскоре готов будет приветствовать и «военный переворот», правда, «не с целью низложить императора, а с целью вынудить его даровать конституцию», горько сетуя лишь на то, что «его деятелей, к сожалению, предупредило народное восстание». ⁵² Не менее активно, чем Бьюкенен, в установлении прямых контактов с

⁴⁷ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 212—213.

⁴⁸ Дневник А.В. Тырковой. 1914—1916 гг. // ГАРФ, ф. 629, оп. 1, д. 19, л. 31, 38 об., 39; д. 18, л. 29.

⁴⁹ Алексеева И.В. Посол Великобритании в России Джордж Бьюкенен и Февральская революция 1917 г. // Научная биография — вид исторического исследования. Л., 1985. С. 100.

⁵⁰ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 214—215; Дневник А.В. Тырковой. 1914—1916 гг. Д. 19, л. 31, 38 об., 39.

⁵¹ Hoare S. The Fourth Seal: The End of the Russian Chapter. London, 1930. P. 240—241.

⁵² Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 187.

лидерами русской буржуазной оппозиции участвовали его коллеги-дипломаты: советник английского посольства О'Берн, управляющий канцелярией Б. Брюс, первый секретарь Ф. Линдлей, офицер связи Л. Стевени. Англичанам не уступали и французы. Французский посол М. Палеолог в своих связях был крайне неразборчив: он встречался со всеми — от временщика Григория Распутина до «генерального штаба и цвета либеральной партии», по его собственному выражению.⁵³ Палеолог, обеспокоенный, как и Бьюкенен, более всего «удержанием России в войне», внушал наиболее рьяным оппозиционерам «терпение и сдержанность», а от русского правительства требовал то ускорения наступления на русском фронте (даже вопреки интересам русской Ставки), то посылки на Западный фронт очередных русских дивизий. Как и Бьюкенен, Палеолог возлагал большие надежды на вариант «маленькой дворцовой революции ради спасения большой войны», на военный верхушечный переворот. Поэтому он активно общался с близкими к гвардейской верхушке кругами великокняжеской фронды, в которых хотя и не особенно доверяли чрезмерно болтливому и экспансивному послу, но все же держали его в курсе событий.⁵⁴

В 1915 г. в Москве пост генерального консула Великобритании занимает молодой, 27-летний, человек, дипломат и разведчик, литератор Рой (Роберт) Брюс Локкарт. Локкарт, приобретший в 1915—1916 гг. огромное влияние на английского посла, стал по сути одним из связующих звеньев между лидерами русской оппозиции и английским посольством. Он находился в постоянном контакте с деятелями Союза земств и городов, руководителями московских кадетов и прогрессистов или, по собственному признанию Локкарта, «с людьми, которые, может быть, против своей воли сформировали первое временное правительство и... которые потом отдали бы свою правую руку, чтобы вернуть императора или в конце концов какого-нибудь императора на трон России».⁵⁵

В 1915—1916 гг. помимо дипломатов, совмещающих сбор разведывательных данных о настроениях в русском обществе со своими прямыми обязанностями, в рамках «единения» в России работали и профессиональные разведчики. Одним из них был член британского парламента от консервативной партии, сотрудник «Интеллидженс сервис», глава военно-разведывательной миссии в России, будущий министр Самуэль Хор. Хор работал совместно с английским посольством, генеральным консульством Локкарта, представителями Великобритании при Ставке. Помимо выполнения чисто разведывательной работы и сбора данных Хор успешно налаживал контакты с представителями «общественности», хотя в противовес многим своим коллегам отнюдь не преувеличивал способностей Думы и считал, что она не сможет

⁵³ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. С. 284.

⁵⁴ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 463; Grand-Duc Nicolas Nikhailovitch: La Fin du Tsarisme: Lettres Inédites à Frederic Masson (1914—1918). Paris, 1968. P. 115, 117, 140.

⁵⁵ Lockhart R.B. The Memoires of a British Agent. London; New York, 1932. P. 158—159.

возглавить действительно широкое общественное движение.⁵⁶ Большие надежды он возлагал на «деловых людей», сгруппировавшихся вокруг Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Близок был Хор и с П.Б. Струве.⁵⁷ Он активно вмешивался, оставаясь в тени, во внутривластную жизнь страны: по просьбе Бьюкенена оказал давление на Николая II, настаивая на назначении А.В. Колчака командующим Черноморским флотом,⁵⁸ позднее, уже в конце 1916 г., был фактически замешан в готовящемся убийстве Распутина, получив от В.М. Пуришкевича заранее полную информацию на этот счет.⁵⁹

После тяжелых поражений России в трагическом для нее 1915 г., когда в умах союзников начал разрушаться столь притягательный для них образ «русского парового катка», в контакты с либеральной буржуазной оппозицией начинают постепенно вступать и военные представители Антанты, разочаровавшиеся в Николае II, приложившие все силы (правда, безуспешно), чтобы предотвратить принятие им поста верховного главнокомандующего русской армией.

Особенно бурную деятельность развивают полковник А. Нокс, военный атташе Великобритании, и новый французский атташе генерал Жанен, будущие участники интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири, военные советники при Колчаке.⁶⁰ Активно помогли Ноксу и его «способные коллеги» — помощник военного атташе Торнхилл, а также Блэр и Нейлеон, прямо призывавшие оппозицию «перейти от слов к делу».⁶¹ Даже лояльнейшие по своей сути придворные, заслуженные, престарелые генералы, делегаты союзных стран при русской Ставке, такие как Лагиш или Хэндбури-Вильямс, в 1915—1916 гг., выходя за все мыслимые пределы своего положения и компетенции, начинают давать советы царю, как успешнее вести войну. В целях достижения «полной победы», этой голубой мечты союзнической военщины, лояльный Хэндбури-Вильямс, не смущаясь, требует «министерства доверия» и «свободы обсуждения в Думе».⁶²

Не отстают от дипломатов и военных и представители союзнической прессы, аккредитованные в России, такие как Р. Вильтон, корреспондент «Таймса» в Петрограде, спецкор той же газеты в русской армии С. Вашбурн, корреспондент французского «Тана» Л. Нодо, руководитель петроградского «Прессинформбюро» Г. Уолпол, тесно связанный с Локкартом.⁶³ Типична в этом плане деятельность английского корреспондента в Петрограде, сотрудника «Манчестер Гардиан», связанного также с «Дэйли Хроникл» и «Дейли Ньюс», Г. Вильямса. Многие

⁵⁶ Hoare S. Op. cit. P. 106

⁵⁷ Ibid. P. 181.

⁵⁸ Ibid. P. 174.

⁵⁹ Ibid. P. 69.

⁶⁰ Knox A. Op. cit. Vol. 1—2.

⁶¹ Pares B. 1) My Russian Memoires. London, 1931. P. 324; 2) Day by day with the Russian army (1914—1915). London, 1915.

⁶² Handbury-Williams G. The Emperor Nicolas II, as I knew Him. London, 1922. P. 153—154.

⁶³ Ibid. P. 139; Wilton R. The Russia's Agony. New York, 1919; Pares B. My Russian Memoires. P. 366; Lockhart R.B. Op. cit. P. 102.

источники указывают на то, что Вильямс, женатый на известной деятельнице кадетской партии А.В. Тырковой, очень близкий к кадетам, учившийся в свое время в Штутгарте в семинаре П.Б. Струве, был по сути своеобразным связующим звеном между британским посольством в Петрограде и лидерами оппозиционно настроенных буржуазных кругов столицы.⁶⁴ Так, Хор вспоминает: «Когда обстоятельства вынудили английских представителей в России вплотную заняться русским внутренним фронтом, Бьюкенен повернулся к Вильямсу за советом. Едва ли вечер проходил без телефонного разговора между послом и корреспондентом».⁶⁵ Если вспомнить еще и о конспиративных встречах английского посла с лидерами кадетов на квартире Тырковой и Вильямса, а также резкую критику в адрес русского правительства, содержавшуюся в публичных выступлениях Вильямса в Кембриджском университете осенью 1916 г.,⁶⁶ его политическая физиономия становится совершенно понятной.

Определенный интерес представляет и работа на «сближение» с русской общественностью в годы войны некоторых деятелей буржуазной интеллигенции стран Согласия. Типичным их представителем являлся английский историк, литератор и публицист Б. Пэйрс, один из будущих отцов современной западной россики и советологии. В годы войны Пэйрс, сотрудник Ливерпульского университета, находясь в России, близко сошелся с лидерами ЦВПК и «капитанами индустрии», вращавшимися вокруг Особого совещания по обороне. Пэйрс помогал лицам типа Львова, Челнокова, Рябушинского непосредственно, через голову русского правительства, связываться с союзниками — министром вооружений Д. Ллойд Джорджем, министром иностранных дел Э. Греем, командующим английской армией генералом Г.Г. Китченером.⁶⁷

К концу 1915—началу 1916 г., когда стало совершенно ясно, что царизм не пойдет ни в чем навстречу притязаниям русской буржуазной оппозиции, объединившейся в борьбе за власть в Прогрессивный блок (август 1915 г.), контакты между нею и союзниками по Антанте еще более усилились и приобрели несколько иной оттенок. Лидеры политических буржуазных партий все чаще стали отправляться на Запад с целью установления прямых связей с правительственными кругами Антанты. Последние же все более охотно шли на контакт с представителями русской либеральной оппозиции.

Начало «году контактов» — 1916-му — было положено поездкой в Англию в январе-феврале делегации деятелей русской культуры В.И. Немировича-Данченко, Алексея Толстого, К.И. Чуковского при активном участии в ней кадетского лидера В.П. Набокова и «курировавшего» ее от союзников Р. Вильтона.⁶⁸ Но подлинного размаха «единение» русской «общественности» с союзниками достигло во время визита в Англию, Францию и Италию русской парламентской делега-

⁶⁴ *Williams H. Russia of the Russians. London, 1915. P. 82—91.*

⁶⁵ *Hoare S. Op. cit. P. 241.*

⁶⁶ *Russian Realities and Problems. Cambridge, 1917. P. 5.*

⁶⁷ *Pares B. My Russian Memoires. P. 324—326.*

⁶⁸ См.: *The Times Russian Supplement. 1916. 15 Jan. № 16; Дневник А.В. Тырковой. 1914—1916. Д. 18, л. 32—33.*

ции весной—летом 1916 г. В делегации, состоявшей из членов Думы и Государственного совета, более половины участников принадлежало к оппозиционной организации — Прогрессивному блоку, — созданной представителями ряда буржуазных партий в 1915 г.⁶⁹ О целях поездки ясно высказался ее негласный глава кадетский лидер П.Н. Милюков.⁷⁰ «Мне лично, — вспоминал он, — представлялась здесь возможность подкрепить удельный вес русских прогрессивных течений публичным европейским признанием и открыть таким образом нашему влиянию новую дверь в тот момент, когда захлопнулась другая».⁷¹ До того как остановиться на ходе и результатах поездки этой делегации во главе с Милюковым, следует отметить роль кадетской партии и ее лидера в формировании политики «содружества» русской буржуазии с союзниками, которая во многом предопределила последующий образ действий Антанты в отношении Советской России и, в частности, ее решение начать открытое вмешательство в ее дела. На особом положении кадетов в этом вопросе сказывались и традиционная симпатия «оппозиции Его Величества», как называли себя сами кадеты, к излюбленному ими английскому умеренно-конституционному образцу, и традиционный интерес к формированию внешней политики страны, и тесные связи, установленные лидером партии Милюковым в среде западных и русских дипломатов, государственных и военных деятелей, представителей прессы.

Интересно отметить, что в целом ряде работ западных историков и до настоящего времени отмечаются заслуги лидера кадетской партии и проводится мысль, что «не виною, а бедою» Милюкова, названного Т. Рихом «русским европейцем» и олицетворяющего в глазах союзников «русский либерализм», было «полное несоответствие европейской либеральной традиции и русской действительности».⁷²

«Таланты» Милюкова в налаживании «моста между Россией и Западом» союзники по достоинству оценили как раз в годы первой мировой войны. Вскоре после Февральской революции, выступая в английском парламенте, член палаты общин от Соммерсета либерал Кинг громко заявил, имея в виду кадетского лидера: «Этот джентльмен принес огромную пользу для союзников и для прогрессивных либералов в России».⁷³ В те дни и сам Милюков искренне верил в то, что созданное в результате Февральской революции Временное правительство получило признание и одобрение союзников не в последнюю очередь благодаря именно его,

⁶⁹ Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. 1932. № 5. С. 13.

⁷⁰ Официально главой делегации был назначен товарищ председателя Думы А.Д. Протопопов, скандально прославившийся впоследствии своим свиданием с доверенным лицом германского посла в Швеции банкиром Варбургом при возвращении делегации на Родину.

⁷¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 232.

⁷² Riha Th. A Russian European: Paul Milukov in Russian Politics. London, 1968. P. 251.

⁷³ Parliamentary Debates. House of Commons. 1917. Vol. 90. Col. 53—547.

Милюкова, авторитету и весу в общественном мнении западных стран.⁷⁴

В целом ряде случаев успешное вмешательство кадетов в дела русского Министерства иностранных дел объяснялось взаимной заинтересованностью друг в друге кадетского лидера и русского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, установившимися между ними личными контактами. В области внешней политики Сазонов был убежденным «антантофилом», сторонником переориентации России на международной арене в сторону союза с Англией и Францией, одним из творцов Антанты. В годы войны Сазонов выступал за верность России союзническим обязательствам и «недопустимым преждевременного мира». В области внутренней политики он по своему происхождению и воспитанию являлся убежденным монархистом, политическим идеалом Сазонова был его шурин П.А. Столыпин. Однако трезвый ум политика приводил его к необходимости компромисса с буржуазными партиями, с которыми, он считал, вполне можно было стовориться, «если обставить все прилично и дать лазейку». «Кадеты, — объяснял он, — первые пойдут на соглашение. Милюков — величайший буржуй, да и большинство кадетов дрожат за свои капиталы!». Особенно ярко эти взгляды выявились на знаменитых секретных заседаниях Совета министров в августе 1915 г. В своих выступлениях Сазонов упорно отстаивал одну и ту же мысль: «Без добрых отношений с законодательными учреждениями никакое правительство, как бы оно ни было самоуверенно, не может управлять страной».⁷⁵ Русская либеральная оппозиция также выступала за совместную работу с министром, учитывая при этом «приятное» отношение Сазонова к Думе, его твердую внешнеполитическую линию на союз с Англией и Францией и решимость продолжать войну до успешного окончания. Интересна дальнейшая политическая эволюция министра иностранных дел. После активного участия в «министерской забастовке» в бурные дни кризиса верхов весной—летом 1915 г. Сазонов, «парламентарист», как язвительно называла его императрица Александра Федоровна, стал неугоден придворной клике.⁷⁶ В 1916 г. она добилась его отставки и замены герmanoфилом Б.Ф. Штюмером. Это событие привело в шоковое состояние и союзников, и русских «либералов» и, пожалуй, было немислимо ни в какой другой стране, кроме тогдашней России.

Оказавшись не у дел, экс-министр не порывал своих связей с союзниками, все еще надеявшимися на его возвращение, и с русской буржуазной оппозицией. В начале 1917 г. было принято решение назначить Сазонова послом в Лондон⁷⁷ вместо умершего от воспаления легких престарелого графа Бенкендорфа не то с целью несколько успокоить общественное мнение союзников, а также их делегатов на начав-

⁷⁴ Думова Н.Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 100.

⁷⁵ Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров 16/VII—2/IX 1915 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 18. С. 105, 119.

⁷⁶ Переписка Н. и А. Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 256, 314.

⁷⁷ Times. 1917. 16 Jan.

шей свою работу Петроградской конференции, не то с желанием по-дальше услатить упрямого и несговорчивого «парламентариста». В годы гражданской войны Сазонов находился в Лондоне и Париже в качестве министра иностранных дел правительств Колчака и Деникина. Когда Сазонов, находясь на Парижской мирной конференции 1919 г., просил у глав правительств Антанты материальной и иной помощи белым правительствам, т.е. субсидирования интервенции против молодой Советской России, он остался тверд в вопросе о границах России, что, как мы увидим ниже, сыграло свою роль особенно в событиях на Северо-Западе. Ведь именно здесь возникла проблема участия Прибалтийских государств в интервенции против Советской России, и камнем преткновения для создания единого фронта белогвардейцев и правительств этих стран было признание их независимости, а стало быть, необходимости пересмотра границ. Об этом вспоминает, в частности, С. Хор, бывший глава английской военно-разведывательной миссии в России. «Когда заговорили о новых русских границах, — пишет Хор, — Сазонов ответил, что если Россия... и потеряет их временно, то она обязательно вновь достигнет их... Какое право русский патриот имеет торговать хотя бы пядью русской земли?».⁷⁸ Сазонов умер в 1928 г. в Париже, по свидетельству современников, «жестоко тоскуя по России».⁷⁹

Возвращаясь к роли кадетской партии в выработке общего внешнеполитического курса страны в годы войны и формированию межсоюзнических отношений, следует особо отметить, что ее позицию разделяли и другие буржуазные партии. Об «огромном» влиянии кадетов на внешнеполитические воззрения прогрессистов и левых октябристов и готовности последних «во всем поддерживать» их внешние притязания говорилось в секретном полицейском докладе, относящемся уже к префевральскому периоду.⁸⁰ Поэтому и в парламентской делегации, направленной в Европу весной — летом 1916 г., Милюков играл первостепенную роль. Он приложил все силы для выполнения возложенной на него русской буржуазной «общественностью» миссии. Диапазон встреч и бесед кадетского лидера поражает читающего его путевые заметки. За четыре месяца (считая вместе со второй поездкой в сентябре 1916 г.) Милюков имел контакты с тремя королями (британским, шведским и норвежским), президентом Французской республики Пуанкаре, премьер-министром Англии Асквитом, с огромным числом министров,⁸¹ парламентских деятелей, дипломатов, журналистов, промышленников, банкиров,⁸² ученых, военных союзных стран, с представителями патриотически настроенной русской политической

⁷⁸ Hoare S. Op. cit. P. 230—232.

⁷⁹ Revue des Deux Mondes. 1928. Vol. 43. N 15. P. 442.

⁸⁰ ГАРФ, ф. 102, Департамент полиции, Особый отдел (далее — ДП, ОО), д. 307, Ат 1(2), л. 157 об.

⁸¹ В Англии — Греем, Бальфурум, Ллойд Джорджем, сэром Никольсоном, лордом Брайсом, лордом Хардингом; во Франции — с премьер-министром Брианом, Думером, Тардье, Эррио и многими другими.

⁸² С некоторыми из Ротшильдов и Морганов.

эмиграции,⁸³ с послами России во всех государствах, которые посетила делегация.⁸⁴ Можно смело утверждать, что эта поездка была для Милюкова «генеральной репетицией в роли будущего министра иностранных дел России».⁸⁵

Помимо обещаний со стороны союзников моральной поддержки буржуазной оппозиции в России Милюкову удалось добиться и ряда практических мер: известный промышленник, тесно связанный с французскими правящими кругами, Б. Захаров изыскал капиталы в 250 тыс. франков «на нужды русской общественности», и было принято решение о проведении в Петрограде уже с осени 1916 г. заседаний международного парламента.⁸⁶

Визит русской парламентской делегации в союзные страны совпал с приездом в Россию французских министров А. Тома и Р. Вивиани, желавших «узнать о подготовленности России к внешним действиям», иначе говоря, способна ли Россия еще воевать и добиться отправки на Западный фронт русских военных формирований, будущего известного печальной судьбой «Русского легиона во Франции». Русские буржуазные круги использовали французский визит как прекрасную возможность «раскрыть глаза» союзникам в отношении нажима правительства на буржуазные общественные организации и «срыва работы на оборону».⁸⁷ Особую роль в этом сыграли представители московской буржуазии, сгруппировавшиеся вокруг ВПК. Не случайно в конце визита А. Тома будто бы заявил одному из ее лидеров — А.Н. Коновалову, что французское правительство «только теперь начинает понимать, к какой пропасти русское правительство ведет и Россию, и все дело союзников».⁸⁸ Однако, даже сознавая это, союзники постоянно проповедовали «терпение» и «осторожность», опасаясь любых внутриполитических потрясений в России в целях удержания ее в войне.

«Год контактов» озаменовался еще одной небезынтересной поездкой — визитом кадетского лидера Милюкова на Запад осенью 1916 г. Делегация в составе П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, А.С. Лаппо-Данилевского и Р.В. Дмовского формально была приглашена для чтения лекций о современной России в Кембриджском университете. На деле же лидер делегации Милюков использовал поездку для укрепления связей с союзниками, установленных во время визита русской парла-

⁸³ Среди них — с Кропоткиным, Дионео (Шкловским), Амфитеатовым и другими.

⁸⁴ В Стокгольме — с Неклюдовым, в Христиании — с Гулькевичем, в Лондоне — с Бенкендорфом, в Париже — с Извольским, в Риме — с Гирсом.

⁸⁵ См.: *Riha Th.* Op. cit. P. 251. — Той же точки зрения придерживается и автор предисловия к «Дневнику Милюкова» советский историк Я. Берзин: «Российские послы и посланники смотрели на него, пожалуй, как на свое будущее „начальство“, беседовали интимно и открывали государственные тайны» (Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. 1932. № 5. С. 5—6).

⁸⁶ Записная книжка Милюкова. № 3 // ГАРФ, ф. 579, оп. 1 (кн. 3), д. 3545, л. 11; Записная книжка Милюкова. № 4 // Там же, д. 3546, л. 15 об.

⁸⁷ Дневник С.П. Мельгунова // ГАРФ, ф. 1152, оп. 1, д. 47, л. 72.

⁸⁸ Записка Московского охранного отделения по общественному движению 3 мая 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1926. С. 144. № 55.

ментской делегации, и, самое главное, для сбора порочащей царское правительство информации о его связях с германскими агентами в целях заключения сепаратного мира.⁸⁹ И хотя сведения, собранные Милюковым в основном в эмигрантских кругах Швейцарии, ничего из ряда вон выходящего не представляли,⁹⁰ они успешно были использованы оппозицией для того, чтобы «свалить» герmanoфила Штюрмера и активнее вмешиваться в управление внешней политикой страны. Впечатления от заграничной поездки Милюков использовал и в своей известной речи 20 октября (1 ноября) 1916 г. в Думе — «Глупость или измена?» Какие же выводы были сделаны союзниками после многочисленных прямых контактов с лидерами русской буржуазии?

18(31) сентября и 21 сентября (1 октября) в Москве на заседаниях ЦК кадетской партии Милюков произнес целую речь об отношении правительственных кругов союзников к русским либералам. Союзники, по его словам, «с чувством ужаса следят за тем хаосом, который благодаря политике гофмейстера Штюрмера установился в России», и в результате «prestиж русской династии и правительства за границей пал до последней степени».⁹¹ Особенно союзники, как представлялось Милюкову, опасаются, что благодаря «сознательной тактике» Штюрмера «Россия будет принуждена выйти из игры».⁹² С большим удовлетворением кадетский лидер констатировал, что, утратив веру в твердость и неизменность внешнего и внутреннего правительственного курса и в решимость официальной России вести войну до «победного конца», союзники все большие надежды начинают возлагать на русскую буржуазную оппозицию как единственную реальную опору в совместной борьбе. «Союзные демократии Европы, — будто бы заявил Милюкову Л. Ллойд Джордж, — прекрасно понимают, что они обязаны русской демократии и либерализму тем, что в лице России, несмотря на старания части ее правительства и реакционных партий, они еще имеют верную союзницу».⁹³ Особо отметил Милюков готовность официальных кругов союзников «поддержать борьбу русских либералов с бюрократией и темными силами».⁹⁴ Наибольшие надежды, по словам Милюкова, союзники возлагали на кадетскую партию.⁹⁵ Характерно, что Милюков заверил кадетов в моральной поддержке со стороны союзников их борьбы с правительством и придворной кликой как в области международных отношений, так и во внутренней политике. Милюков закончил свое выступление прямым требованием Думе «взять в свои руки не только внутренние дела, но и всю внешнюю политику». Призыв кадетов был полностью поддержан на заседаниях

⁸⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 267—268.

⁹⁰ См. об этом неопубликованные «Записные книжки» П.Н. Милюкова (ГАРФ, ф. 579, № 3, 4, оп. 1 (кн. 3), д. 3545, 3546).

⁹¹ Донесение директора Департамента полиции 20 октября 1916 г. // ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 246, д. 27, л. 13.

⁹² Там же, л. 13 об., 15.

⁹³ Там же, л. 15.

⁹⁴ Там же, л. 14—15.

⁹⁵ Там же, л. 14 об.

Бюро Прогрессивного блока, проходивших в октябре—ноябре 1916 г.,⁹⁶ и в выступлениях членов Общества английского флага в Петрограде 14 (27) октября 1916 г. Там английский посол Бьюкенен, забыв о всяких дипломатических приличиях, закончил свое выступление призывом к оппозиции «довести войну до победного конца не только на поле брани, но и над коварным врагом внутри страны».⁹⁷ Кроме того, в Петрограде ходили упорные слухи, что и думская речь Милюкова 17 октября (1 ноября) 1916 г. была прямо согласована с английским послом на заседании этого Общества, причем последний якобы обещал кадетскому лидеру «политическое убежище» в английском посольстве в случае возможных осложнений после выступления в Думе.⁹⁸ Все это заставило окружение царя, и в первую очередь императрицу Александру Федоровну, настаивать на удалении «неблагонадежного» посла из России. «Не забудь написать Джорджу (Георгу V. — И.А.) о Бьюкенене. Не откладывай этого», — напоминает она Николаю.⁹⁹ Общее настроение этих кругов относительно недавних «доблестных друзей и союзников» выразила поклонница Григория Распутина, супруга великого князя Павла графиня Палей. «Английское посольство по приказу Ллойд Джорджа, — писала она, — сделалось оплотом пропаганды. Либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и другие находились там постоянно, именно в английском посольстве и решено было оставить законные средства и идти по пути революции. Во всем этом сэр Джордж (Бьюкенен. — И.А.) утолял свою личную злобу».¹⁰⁰

Сведения об антиправительственной деятельности английских дипломатов в России просочились в конце 1916 г. на страницы прогерманской, а также нейтральной прессы, где Бьюкенена именовали чуть ли не «проконсулом России».

В январе—феврале 1917 г. в дни работы Петроградской межсоюзнической конференции взгляды русской буржуазной оппозиции и союзников и на войну, и на желательную для них политическую будущность России проявились особенно ясно.

Петроградская конференция усилила тот тесный союз между либеральной оппозицией в России и представителями Англии и Франции, который укреплялся ими с первых дней мировой войны. Он получил дальнейшее развитие накануне Февральской революции. Русская общественность занимала в это время двойственную позицию. С одной стороны, опасаясь того, что царское правительство в интересах спасения монархии пойдет все же на сепаратный мир с Германией, она постепенно от лозунга «никакой революции во время войны» стала все чаще поговаривать о желательности «маленькой дворцовой революции ради спасения войны». С другой стороны, боязнь революции снизу,

⁹⁶ Красный архив. 1933. № 1 (51). С. 95—115; Декларация Прогрессивного блока // ГАРФ, ф. 102, ДП,ОО, оп. 246, д. 307, Ам 1(1), л. 141.

⁹⁷ Речь. 1916. 29 октября.

⁹⁸ ГАРФ, ф. 102, ДП,ОО, оп. 246, д. 307, Ам (1)1, л. 148 об.

⁹⁹ Переписка Н. и А. Романовых. М.; Пг., 1925. Т. 5. С. 215.

¹⁰⁰ Палей [О.В.]. Мои воспоминания о русской революции // Февральская революция: Мемуары. М.; Л., 1926. С. 346.

широкого народного движения масс, повторения 1905 г. заставляла ее до последних дней существования старого режима держаться за него, искать возможности компромисса, обещать возможность соглашения с ним, если бы он пожелал пойти на ряд уступок в ее пользу. В этом плане русская либеральная оппозиция неоднократно обращалась за помощью к союзникам по Антанте, надеясь, что они, используя моральные и материальные (например, систему кредитования) рычаги, окажут давление на царское правительство, вынудив его пойти навстречу «пожеланиям общественности». Позиция союзников в силу ряда причин также не была и не могла быть определенной. Напуганные «сепаратными метаниями» царизма, разочаровавшиеся в способности Николая Романова благополучно довести войну до победного конца, они не прочь были заменить его и его окружение людьми, более подходящими, и в этом своем желании опирались на круги русской оппозиционной буржуазии. С другой стороны, будучи крайне заинтересованы в сохранении Восточного фронта, союзники, опасаясь, что любые потрясения во внутренней жизни России надолго лишат страну боеспособности, даже сдерживали наиболее горячих из них. Это особенно явственно проявилось в позиции глав союзных делегаций на Петроградской конференции — лорда А. Мильнера и Г. Думерга, которые советовали лидерам оппозиции «прежде всего думать о войне» и отсылали (почти накануне революции!) оптимистические рапорты о положении дел в России своим правительствам.¹⁰¹

В этот же период настолько развились и упрочились связи русской буржуазии с политическими деятелями Запада, что логическим последствием стали и внешняя политика Временного правительства, которую на первых порах определял все тот же Миллюков, и активное вмешательство, особенно в Петрограде в феврале 1917—марте 1918 г., представителей стран Антанты в ход развития событий в России, и, наконец, их участие в интервенции и поддержке противосоветских сил, в том числе и на Северо-Западе России.

Опыт взаимоотношений союзных миссий и различных представителей стран Запада с либеральной оппозицией и царским правительством во время первой мировой войны позволил им почти «без задержки» и особых раздумий определить свое место в быстро меняющейся политической ситуации в России после Февральской, а затем Октябрьской революций и предпринять собственные меры вмешательства, перешедшего в ряде мест в открытую вооруженную интервенцию против большевистского режима. Однако на Северо-Западе преобладающими формами воздействия на положение со стороны вчерашних союзников стали политическое вмешательство, материальная поддержка противосоветских сил и экономическая блокада. Вооруженная же интервенция исходила в открытом виде от бывшего противника Антанты —

¹⁰¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 320; Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 4. С. 361; Calwell C.E. Field-Marshal Sir Henry Wilson: His Life & Diaries. London, 1927. Vol. 1. P. 319; Lockhart.R.B. Op. cit. P. 169; Алексеева И.В. Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 143—149.

Германии, хотя отдельные ее элементы проявлялись и в действиях Великобритании, связанных, например, с эпизодическим участием в военно-морских операциях против советского флота в Кронштадте. Важно также отметить, что и политическое вмешательство союзников в России после революции, и поддержка противосоветских сил, и другие формы «воздействия» на ситуацию, особенно с приходом к власти большевиков, осуществлялись союзниками уже на подготовленной в годы войны почве. Западные представители к этому времени уже имели основу для сотрудничества с многообразными политическими и военными силами, сменившими в России царизм, и могли широко использовать схему, «отработанную» ими в годы мировой войны совместно с либеральной оппозицией, — противостояние все тому же «германофильству» и «сепаратным колебаниям» любого из послереволюционных правительств. Эта схема как нельзя более подошла в качестве предлога для открытого вмешательства в связи с заключением большевиками Брест-Литовского мирного договора с Германией.

ИНОСТРАННЫЕ МИССИИ В ПЕТРОГРАДЕ (МАРТ 1917—МАРТ 1918 г.)

Как уже отмечалось, различные миссии стран Антанты были весьма активны в России еще до Февральской революции, но после свержения царизма масштабы их деятельности значительно увеличились.

Так, в Петрограде функционировало специальное «информационное бюро», созданное английским писателем Гуго (Хью) Уолплом.¹⁰² По-видимому, именно эта организация упоминается в документах отдела по сношению с войсками и населением Временного комитета Государственной думы — крупнейшего центра буржуазной пропаганды в 1917 г.: «Громадную подсобную помощь оказывает тесный контакт с бюро пропаганды союзных держав, предоставивших в распоряжение отдела всю свою специальную литературу и кадры постоянных ораторов».¹⁰³ Показательно, что в штате комитета существовала специальная должность — «ответственный за связь с иностранцами».¹⁰⁴

Активизировали свою деятельность уже упоминавшиеся общества сближения с Англией, с которыми были связаны многие влиятельные русские политические деятели. Собственную издательскую деятельность вел Англо-русский комитет, выпускавший еженедельный военный бюллетень.¹⁰⁵ Листовка, также выпущенная комитетом, гласила: «До тех пор, пока немец не убит или не в плену, он враг».¹⁰⁶

На совместном заседании Русско-английского общества и Англо-русского бюро 5 (18) мая должен был обсуждаться вопрос о пропаганде

¹⁰² Алексеева И.В. Посол Великобритании в России... С. 111.

¹⁰³ РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 14, л. 232, 234, 238.

¹⁰⁴ Там же, л. 232. — Должность исполнял некий капитан Крыжановский.

¹⁰⁵ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1506, л. 12—18.

¹⁰⁶ Как английский солдат смотрит на войну. Пг., 1917.

на фронте и среди рабочих, в числе приглашенных находились П.Н. Милюков и А.И. Гучков.¹⁰⁷

В целях пропаганды иностранные миссии стремились использовать авторитет милитаристски настроенных социалистических лидеров своих стран. В первой же телеграмме после Февральской революции французский посол М. Палеолог поставил вопрос о посылке телеграммы от имени французской социалистической партии о необходимости продолжения войны.¹⁰⁸ Вскоре после вступления США в войну Милюков обратился с просьбой о посылке соответствующих телеграмм от правого крыла американских рабочих деятелей.¹⁰⁹ В Россию стали прибывать делегации французских, британских, бельгийских социалистов, агитировавших за продолжение войны.¹¹⁰ Кадетские пропагандистские центры, а также издательства правых меньшевиков и эсеров всемерно содействовали популяризации их точек зрения.¹¹¹

В усилении антантовской пропаганды в России большую роль сыграл прибывший в Россию французский министр-социалист А. Тома. На совещании, состоявшемся 12(25) апреля 1917 г. во французском посольстве под его руководством, было решено сосредоточить милитаристскую пропаганду под руководством де Шевийи, чиновника Министерства вооружений, руководимого Тома. Шевийи возглавлял комиссию, координирующую пропагандистские усилия различных французских миссий. Она должна была заняться выпуском листовок, агентством печати, связями с местной прессой, устной пропагандой, афишами. Перед комиссией ставилась задача «сильного и оперативного воздействия на русское общественное мнение».¹¹² Для финансирования этой пропаганды привлекались средства иностранных миссий, промышленных компаний: в мае указывалось, что Русско-азиатский банк предоставил 200 тыс. р., компания «Шнейдер» — 200 тыс., Русское общество боеприпасов, Общество Барановского и Общество по производству табака — по 100 тыс., общества производства оптики, Жиро, Жиллет и сыновья — по 50 тыс., французское представительство — 670 тыс., английское и американское представительства — 133 тыс. р.¹¹³ Уже в конце мая Тома делает в своем дневнике запись: «Я приглашаю на обед промышленников, которые содействовали нашим пропаганди-

¹⁰⁷ ГАРФ, ф. 555, оп. 1, д. 607, л. 1; ф. 579, оп. 1, д. 2553, л. 1.

¹⁰⁸ Novi K. Cordon Sanitaire or Barrière de l'Est? The Emergence of New French Eastern European alliance Policy. 1917—1919. Turku, 1975. P. 46.

¹⁰⁹ Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914—1917 гг.: (Очерки истории русско-американских отношений). Л., 1969. С. 178.

¹¹⁰ В делах канцелярии Временного правительства есть упоминание о том, что Министерство финансов испрашивало разрешение на оплату расходов по пребыванию в России демократических групп союзных государств — 1663 тыс. р. (ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 600, л. 79 об.).

¹¹¹ Многие издательства выпустили так называемое «Воззвание бельгийских рабочих русским товарищам», распространенное бельгийским посольством (Дело народа. 1917. 21 марта (3 апреля)).

¹¹² Соловьев О.Ф. Империалистические державы против революции в России (март—октябрь 1917 г.) // Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 156.

¹¹³ Там же.

стским усилиям. Мы завершаем создание организации в этой области, им выдаются первые отпечатанные и распространенные листовки».¹¹⁴

Как были использованы эти средства? В документах Тома указываются темы листовок на май. Это, во-первых, речь А.Ф. Керенского к крестьянам, изданная миллионным тиражом.¹¹⁵ Кроме того, выпускались три серии листовок. 1-я серия листовок: о необходимости наступления против немцев, обращение А.Ф. Керенского к делегатам Юго-Западного фронта, призыв бельгийцев, о причинах участия англичан в войне, письмо неизвестного французского солдата и призыв сербов. Любопытно сопоставить эти темы с листовками, выпущенными петроградским издательством «Демократическая Россия»: «Как добиться скорейшего мира» (о необходимости наступления), речь А.Ф. Керенского на фронтовом съезде в Каменец-Подольске, «Кто заставляет англичан воевать (письмо ирландского солдата)», «Как английский солдат смотрит на войну».¹¹⁶ 2-я серия листовок (тиражом по 500 тыс. экз.): разоблачение германских концепций о войне, условий мира Германии, показ невозможности революции в Германии, объяснение причин начала войны.¹¹⁷ Продолжим сопоставление с листовками издательства «Демократическая Россия»: «Как германцы очищают оккупированные области», «Германский мир», «Будет ли революция в Германии», «Кто виновник войны?».¹¹⁸ В «Книжной летописи» за 1917 г. указан тираж многих листовок издательства. В подавляющем большинстве случаев он составлял 500 тыс. экз. 3-я серия листовок, два их вида: «Если победит Германия», «Ради чего сражается русский солдат?». Листовки издательства «Демократическая Россия»: «Как поступают немцы с женщинами и детьми в завоеванных областях?», «За что воюет русский солдат?».

Можно с уверенностью утверждать, что издательство «Демократическая Россия», появившееся не позднее мая 1917 г., было связано с иностранными миссиями. Следует отметить, что «Демократическая Россия» была крупнейшим издателем листовок того времени: по неполным сведениям, издано свыше 30 листовок общим тиражом более 12 млн экз. Были выпущены и две брошюры тиражом по 500 тыс. экз. При этом издательство мыслилось как заведомо убыточное предприятие: на брошюрах отсутствует цена, большинство изданий имеет пометку «бесплатно». Судя по тексту, все издания были предназначены для военнослужащих. Печатались листовки и брошюры исключительно в петроградской типографии товарищества А.С. Суворина «Новое время». Известно, что руководители этой фирмы, в частности сын ее основателя Б.А. Суворин, были связаны с окружением Л.Г. Корнилова. «Демократическая Россия» была и центром распространения продук-

¹¹⁴ Там же. С. 157.

¹¹⁵ Там же. С. 156. — Это издание нам обнаружить не удалось.

¹¹⁶ При реконструкции репертуара издательства использованы фонд листовок Российской национальной библиотеки (Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) и «Книжная летопись» за 1917 г.

¹¹⁷ Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 156.

¹¹⁸ Там же.

ции других издательств: в тиражной ведомости кадетской газеты «Речь» за 8 июня указано: «Отпущено издательству „Демократическая Россия“ 2 тыс. экз.»¹¹⁹

Пропаганда военных усилий — основная тема данного издательства. О продукции издательства в какой-то степени свидетельствует выдержка из брошюры: «А мы прем и поем „Марсельезу“ и победы хотим до зарезу!».¹²⁰ Особое внимание уделялось пропаганде наступления.¹²¹

Французские миссии сотрудничали и с правыми меньшевиками и эсерами: в конце апреля Тома делает запись: «Договоренность с Алексинским о пропаганде», он упоминает также о контактах с «Волей народа».¹²²

Листовки с призывами бельгийских и сербских дипломатов (ср. с упоминаемыми выше «призывами сербов и бельгийцев») были также, по-видимому, результатом пропагандистской деятельности иностранных миссий.¹²³

Кроме того, в Россию ввозились пропагандистские издания, выпущенные за пределами страны. В качестве примера можно привести брошюру известного французского историка А. Олара. Ссылаясь на «исторический опыт» своей страны, маститый ученый призывал своих русских читателей продолжать войну, укреплять дисциплину в армии, поддерживать «единое правительство».¹²⁴ В Париже была издана брошюра, в которой французские социалисты требовали от русских солдат ведения активных боевых действий, наступления.¹²⁵ Издание было предназначено для распространения в России: цена указывалась в русских деньгах.

К лету 1917 г. пропагандистская деятельность стран Антанты достигла значительного размаха. Японский военный агент в Петрограде писал в донесении своему начальству: «...державы Соглашения начали контрпропаганду и тратят на это большие суммы».¹²⁶ Упоминание о контрпропаганде требует пояснения: свою пропагандистскую деятельность в России страны Антанты пытались представить лишь как реакцию на германскую пропаганду.

¹¹⁹ РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 13, л. 70.

¹²⁰ *Ив Л.* Солдат на побывке. Пг., 1917. С. 12. — Издательство переиздало и упоминавшуюся выше брошюру Англо-русского комитета «Как английский солдат смотрит на войну».

¹²¹ См.: Враг насторожился! Пг., 1917. 1 с.; Как добиться скорейшего мира. Пг., 1917. 1 с.; Что говорили и что говорят о наступлении знаменитые полководцы, ученые стратеги, народные министры, друзья революции. Пг., 1917. 1 с., и др.

¹²² *Соловьев О.Ф.* Указ. соч. С. 156—157.

¹²³ Голос Сербии. Пг., 1917. 2 с. (М. Спалайкович — сербский посланник); *Эскаль де Б.* Мольба Бельгии к русскому народу. Пг., 1917. 2 с.; то же. Пг., 1917. 1 с. — Последнее издание отпечатано в типографии «Нового времени».

¹²⁴ *Олар А.* Французская революция и русская революция: (Письмо А. Олара, профессора истории Парижского университета, к гражданам свободной России). Париж, 1917. С. 10—22.

¹²⁵ Социалистическая партия и цели войны: Ответ на вопросные пункты. Париж, б. г. 27 с.

¹²⁶ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 148.

После вступления США в войну значительно усилилась и американская пропаганда в России. Своеобразным инструментом внешнеполитической пропаганды США был Христианский союз молодых людей. В силу ряда причин до революции Христианский союз действовал в России не прямо, а с помощью своего филиала — общества «Маяк», основанного в 1900 г. Общество вело спортивную и прогрессивную деятельность, через него прошли тысячи так называемых «маячников». Показательно, что тираж «Известий „Маяка“», предназначенных «только для членов и посетителей», составлял 4 тыс. экз.¹²⁷ Союз внедрялся также и в студенческое движение.¹²⁸ В 1917 г. руководство «Маяка» всячески подчеркивало «непартийный» и «неполитический» характер организации, однако оставаться на позициях аполитичности в 1917 г. было, разумеется, невозможно. Об этом свидетельствуют призывы руководства «Маяка»: «...наш святой долг немедленно и беспрекословно отдать себя в полное распоряжение Временного правительства и с чувством глубокой признательности за установление в стране законности и порядка подчиниться всем его велениям как велениям верховной власти».¹²⁹ Больше внимания «Маяк» стал уделять организации рабочей молодежи, была издана соответствующая листовка.¹³⁰

После Февральской революции Христианский союз, получив возможность действовать под собственной маркой, попытался организовать сеть своих клубов в частях Петроградского гарнизона. Генерал Л.Г. Корнилов, командовавший тогда округом, поддержал эту идею.¹³¹ Уже в марте Союз попытался организовать свой клуб в Петропавловской крепости. Попытка данной организации оказывать воздействие на гарнизон важнейшего стратегического пункта столицы вызвала протесты даже эсеро-меньшевистской печати.¹³²

После вступления США в войну, по-видимому, усиливает пропагандистскую деятельность в России и американское посольство. Так, 2(15) мая секретарь посольства США послал 30 тыс. экз. брошюр адъютанту военного министра капитану И.Б. Смолянинову, в сопроводительной записке выражалась признательность «за любезное желание распространения этих брошюр среди солдат фронта».¹³³

В это время руководители внешней политики США обсуждали различные крупномасштабные проекты ведения пропаганды в России. Так, государственный секретарь Р. Лансинг в принципе одобрил британский план, в котором вполне реальная идея использования чехосло-

¹²⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 306, оп. 1, д. 499, л. 18.

¹²⁸ Davis D.E., Traini E. The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Vol. 33. N 3. P. 471.

¹²⁹ Известия «Маяка». 1917. Вып. 6. Стб. 1.

¹³⁰ Ко всей трудящейся молодежи Петрограда. Пг., 1917. 1 с.

¹³¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1502, л. 20.

¹³² Рабочая газета. 1917. 15 (28) апреля; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 (29) апреля.

¹³³ РГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 190, л. 187. — И.Б. Смолянинов, помощник редактора газеты «Новое время», с которой был связан тогдашний военный министр А.И. Гучков, ведал пропагандой в министерстве. Смолянинов был видным деятелем правозащитных организаций.

вацких организаций в России сочеталась с фантастическим замыслом привлечения к пропагандистской деятельности пресловутого иеромонаха Иллиодора. План этот, однако, не был реализован.¹³⁴

В усилении американской пропаганды большую роль сыграла представительная и авторитетная миссия сенатора Э. Рута, находившаяся в Петрограде с 31 мая (13 июня) по 26 июня (9 июля). Помимо других вопросов миссия должна была обсудить и изучить перспективы ведения пропагандистской деятельности. Не случайно в ее состав был включен Д.Р. Мотт, генеральный секретарь Христианского союза и личный друг президента Вильсона. Кроме того, сами члены миссии непосредственно занимались пропагандой; с этой целью в ее состав были включены милитаристски настроенные деятели рабочего движения США — Ч.Э. Россель и Д. Данкен (вице-президент Американской федерации труда). Как справедливо отмечает Р.Ш. Ганелин, миссия Рута была подготовлена нерационально с точки зрения эффективности ее пропагандистских действий в России: политическая позиция членов миссии в то время была уже совершенно неприемлема для русской солдатской и рабочей аудитории. Кроме того, членам миссии не разрешалось касаться вопросов о целях войны и условиях мира.¹³⁵

Тем не менее члены миссий выступили на множестве митингов, распространили до миллиона экземпляров листовок с текстами своих речей, а также издания текстов выступлений президента Вильсона.¹³⁶ Удалось обнаружить три издания, распространявшиеся, по-видимому, миссией Рута. Это брошюра «Республика Соединенных Штатов Америки присоединяется к Свободной России и ее союзникам в борьбе за свободу мира», листовки «Старейшая и самая могучая демократия в мире о целях войны» и «Обращение Америки к России и Русский ответ Америке». В брошюре были напечатаны текст ноты признания Временного правительства Соединенными Штатами, обращение Вильсона, нота П.Н. Миллюкова, телеграмма президента Американской федерации труда С. Гомперса, резолюции различных митингов в адрес посольства США. Первая из листовок содержала текст обращения президента Вильсона к русскому народу, вторая — обращение Рута и ответ М.И. Терещенко, министра иностранных дел коалиционного Временного правительства. Все три издания пропагандировали военные усилия и военные цели США и призывали продолжать войну. С точки зрения «техники пропаганды» их содержание было малоудачным: трудность чтения дипломатических документов усугублялась для массового читателя их плохим переводом. Между тем именно для такого читателя они предназначались: одна из листовок имела тираж 500 тыс. экз., другая — 1 млн экз.¹³⁷ По тем временам это весьма крупный

¹³⁴ Williams W.A. *American-Russian Relations, 1781—1947*. New York; Toronto, 1952. P. 93.

¹³⁵ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 254—255.

¹³⁶ Иоффе А.Е. Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 95.

¹³⁷ Книжная летопись. 1917. № 32. С. 3, 9.

тираж. Все три издания были отпечатаны в упоминавшейся уже типографии товарищества А.С. Суворина «Новое время».

Накануне отъезда из России миссия призвала всех находившихся в стране американцев вести посильную пропагандистскую деятельность. По возвращении в США члены миссии всячески призывали руководителей американской внешней политики значительно расширить масштабы пропаганды в России.¹³⁸

Члены иностранных миссий были причастны к организации клеветнической контрреволюционной кампании: документы, якобы свидетельствующие о связях большевистской партии с Германией, были предоставлены русским властям французскими миссиями. Ценность этих документов была весьма сомнительна, и агенты спецслужб стран Антанты в России получили задание добыть «новые» компрометирующие большевиков документы. Поиски не увенчались успехом.¹³⁹

С середины лета пропаганда стран Антанты в России усиливается. На парижском совещании представителей Англии, Франции и Италии, состоявшемся 13 (26) июля 1917 г., была выдвинута идея «мощной контрпропаганды» в России против большевистских идей и лозунгов, на это выделялись значительные денежные средства.¹⁴⁰

Продолжали пропагандистскую деятельность иностранные военные миссии. Так, например, российское командование требовало использовать «для здоровой пропаганды» пребывание в стране капитана французской службы Пешкова.¹⁴¹ Итальянская военная миссия также активизировала свою пропаганду. Генерал-квартирмейстер Северного фронта С.Г. Лукирский сообщал в штаб Балтийского флота 20 августа, что находящаяся при Ставке итальянская военная миссия, желая помочь распространению в армии «правильных сведений о союзной итальянской армии и ее участии в войне», готова послать кинематографические фильмы и литературу на русском языке.¹⁴²

Особого упоминания заслуживает пропагандистская деятельность британской военной миссии. В своих воспоминаниях Б.А. Энгельгардт, руководитель военной пропаганды Временного комитета Государственной думы, утверждал, что глава миссии генерал А. Нокс говорил ему о «значительных», «весьма крупных» средствах, которые английское правительство было готово обратить на «поддержание охоты драться русских солдат».¹⁴³ Энгельгардт писал о том, что он с возмущением отверг это предложение, однако, как отмечалось выше, службы Временного комитета активно сотрудничали с иностранными миссиями в

¹³⁸ Иоффе А.Е. Указ. соч. С. 96—97.

¹³⁹ Соловьев О.Ф. 1) Империалистические державы... С. 157; 2) Обреченный альянс. М., 1986. С. 217—220.

¹⁴⁰ Васюков В.С. Предыстория интервенции (февраль 1917—март 1918 г.). М., 1968. С. 150.

¹⁴¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1502, л. 29—30. — Документ датирован 30 августа. Уроженец России З.М. Пешков — брат Я.М. Свердлова. О нем см.: Пархомовский М. Сын России, генерал Франции. М., 1989.

¹⁴² РГАВМФ, ф. Р-95, оп. 1, д. 14, л. 161.

¹⁴³ Энгельгардт Б. Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 83.

деле военной пропаганды, и мемуарист не мог не знать этого. Известен также еще один факт пропагандистской деятельности англичан: глава Временного правительства А.Ф. Керенский писал впоследствии, что накануне Московского государственного совещания в городе распространялась брошюра, восхвалявшая генерала Корнилова, она была написана видным членом одного из правоэкстремистских военных союзов. Керенский утверждал, что брошюра была отпечатана в Петрограде на средства британской военной миссии и доставлена в Москву в вагоне британского военного атташе А. Нокса.¹⁴⁴ По-видимому, имеется в виду брошюра «Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов», написанная военным юристом В.Д. Плетневым, видным деятелем правоэкстремистских организаций. На брошюре отсутствует марка издательства, однако в рецензии указывается, что она была выпущена издательством «Народоправная Россия».¹⁴⁵ Между тем известно, что видную роль в этом издательстве играл В.С. Завойко — важная персона в окружении Корнилова. Ближайшим сотрудником Завойко по издательским делам был Е.П. Семенов, связанный с суворинской прессой и с печатью иностранных миссий (был видным сотрудником газеты «L'Entente», издававшейся в Петрограде на французском языке). Впоследствии Семенов активно участвовал в фабрикации «документов Сиссона».¹⁴⁶ Упомянутая выше брошюра была отпечатана в типографии «Нового времени». Этот факт является косвенным подтверждением сотрудничества британской военной миссии с корниловцами. Современные англо-американские историки подтверждают наличие подобного сотрудничества, но они указывают, что о многих действиях военной миссии британскому правительству было неизвестно.¹⁴⁷

После июльских событий пропагандистскую деятельность в России усиливает Христианский союз молодых людей. По-видимому, это было следствием интенсивных переговоров членов миссии Рута с русскими властями. Так, во время переговоров в Ставке, активным участником которых был Д.Р. Мотт, специально обсуждался вопрос о демонстрации американских кинолент. Другой член миссии, генерал Х. Скотт, начальник штаба американской армии, направил специальное письмо тогдашнему Верховному главнокомандующему (А.А. Брусилову), в котором он настоятельно рекомендовал воспользоваться услугами Христианского союза. 7 июня Союз обратился к военному командованию с предложением организовать культурно-просветительную работу в масштабах всей русской армии, а 14(27) июля военному министру

¹⁴⁴ Керенский А.Ф. Из воспоминаний // Современные записки. Париж, 1929. № 39. С. 247.

¹⁴⁵ Свобода в борьбе. Пг., 1917. № 11. С. 4—5.

¹⁴⁶ Е.П. Семенов вспоминал: «В течение лета 1917 г. я заведовал редакцией „Демократического издательства“, созданного Межсоюзной комиссией пропаганды во время пребывания в Петрограде французского министра А. Тома» (Последние новости. Париж. 1921. 6 апреля). Очевидно, речь идет об упоминавшемся уже издательстве «Демократическая Россия».

¹⁴⁷ См.: Kettle M. The Allies and the Russian Collapse (March 1917—March 1918). London, 1981.

(А.Ф. Керенскому) был направлен соответствующий план. При этом отмечалось, что ранее вопрос в принципе уже был согласован с Керенским, американским послом Д.Р. Френсисом и Б.А. Энгельгардтом.¹⁴⁸ 20 июля предложения Союза одобрил Б.В. Савинков, управляющий военным министерством, однако его компетенция распространялась лишь на тыловые округа. 20 августа (2 сентября) благоприятную резолюцию наложил и Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов.¹⁴⁹ Но после начавшегося вскоре мятежа это разрешение стало, по-видимому, недействительным, и Д. Дэвис, один из руководителей Христианского союза в России, вновь поднимает вопрос о возможности Союза работать в действующей армии.¹⁵⁰ Отдел солдатских организаций Союза развернул напряженную деятельность. В письме Керенскому от 17 (30) октября Дэвис указывал, что на текущие расходы по деятельности Союза в России уже отпущено до конца года 3 млн долларов, из США отправлено 300 инструкторов. Дэвис просил расширить права Союза в России (льготы при аренде помещений, железнодорожных перевозках). Буквально накануне Октябрьской революции на заседании 20 октября (2 ноября) Временное правительство предоставило Союзу ряд льгот.¹⁵¹ Деятельность Союза в России, по-видимому, согласовывалась с Политическим управлением военного министра Временного правительства. В письме от 9 октября отдел солдатских организаций Союза просил управление сообщить список газет и журналов, «могущих быть одобренными» для помещения в читальные комнаты.¹⁵²

В августе 1917 г. в Петроград прибыл новый агент британской секретной службы У.С. Моэм, уже тогда известный писатель. Его поездка, состоявшаяся по инициативе У. Уайзмана, главы британской спецслужбы в США, финансировалась в равной степени ведомствами Великобритании и США, о поездке был информирован президент Вильсон.¹⁵³ Моэма сопровождали, подчиняясь ему, четверо активистов Чехословацкого национального совета. По свидетельству руководителя совета Т.Г. Масарика (будущего президента Чехословакии), они должны были организовать в России для американского правительства агентуру Славянского бюро печати.¹⁵⁴ Моэм встречался с А.Ф. Керенским, Б.В. Савинковым, Т.Г. Масариком, руководителями казачьих и польских реакционных организаций. Большое содействие Моэму оказывала хорошо знакомая ему по Лондону А.П. Кропоткина-Лебедева, дочь известного теоретика анархизма.¹⁵⁵ Вскоре Моэм предъявил своему начальству план организации пропаганды в России. Он предлагал со-

¹⁴⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1502, л. 20; ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 413, л. 1—3.

¹⁴⁹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1502, л. 20.

¹⁵⁰ ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 362, л. 1.

¹⁵¹ О попытках Временного правительства России реорганизовать армию / Подг. Д.В. Ознобишин // Исторический архив. 1961. № 4. С. 108.

¹⁵² РГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 232, л. 4.

¹⁵³ *Fowler W.B. British-American Relations. 1917—1918: The Role of Sir William Wiseman.* Princeton, 1969. P. 109—114.

¹⁵⁴ *Масарик Т.Г. Мировая революция.* Прага, 1926. Т. 1. С. 151.

¹⁵⁵ Она послужила прототипом для одной из героинь книги Моэма «Эшеден». П.А. Кропоткин был одним из руководителей Общества сближения с Англией.

средоточить усилия на организации милитаристской печатной пропаганды, требовал также посылки кинолент, специально иллюстрированных почтовых открыток. Предпочтение должно было отдаваться материалам эмоционального характера, соответствующим «русскому темпераменту». Полагая, что материалы, ввозимые в страну, не отвечают этим требованиям, Моэм предложил сосредоточить усилия на действиях в России: во-первых, расширить деятельность упоминавшегося Славянского бюро печати, во-вторых, субсидировать «дружественную», т.е. милитаристскую, прессу.¹⁵⁶ На это испрашивалось 500 тыс. долларов в год. Кому предназначались эти деньги? Сам Моэм писал позднее о меньшевиках, однако меньшевиком он считал и Савинкова, правого эсера.

Начальство Моэма не приняло его предложений. Но аналогичный план был примерно в то же время реализован американской миссией Красного Креста, прибывшей в Петроград 25 июля (7 августа) с большим запасом пропагандистских материалов, ввезенных из США (по мнению Моэма, они не пользовались популярностью).¹⁵⁷ Возможно, среди этих материалов была книга на русском языке «Основы прочного мира», изданная в Нью-Йорке в 1917 г. Книга представляет собой сборник статей некоего «Космоса», опубликованных в «Нью-Йорк таймс» в ноябре—декабре 1916 г., в них излагалась позиция правящих кругов США по вопросам войны и мира. В дальнейшем руководители миссии У.Б. Томпсон и Р. Робинс предложили Керенскому субсидию для поддержки «дружественной» печати. В результате переговоров Е.К. Брешко-Брешковская, ветеран народнического движения и лидер правого, оборонческого крыла эсеров, группировавшегося вокруг газеты «Воля народа», организовала так называемый Комитет гражданского просвещения (комитет Брешковской).¹⁵⁸ Другим официальным организатором комитета был Н.В. Чайковский. Фактическим руководителем комитета стал Д.В. Соскис, личный секретарь Керенского, а за пропаганду в армии отвечал генерал К.Ф. Неслуховский.¹⁵⁹ Руководители американской миссии Красного Креста передали Комитету гражданского просвещения не менее 1 млн долларов, по некоторым данным — 2 млн.¹⁶⁰ По курсу на сентябрь 1917 г. сумма в 1 млн долларов соответствовала 6 млн р.¹⁶¹

Секретарем и переводчиком Р. Робинса была уже упоминавшаяся А.П. Кропоткина-Лебедева, идея организации пропагандистской дея-

¹⁵⁶ *Calder R.L. W. Somerset Maugham and the Quest for Freedom. London, 1972. P. 278—286.*

¹⁵⁷ *Ibid. P. 279, 286.*

¹⁵⁸ В отличие от центра партии эсеров «воленародовцы» неизменно поддерживали А.Ф. Керенского.

¹⁵⁹ Привлечение к деятельности комитета К.Ф. Неслуховского Р.Ш. Ганелин объясняет знакомством его с Д.В. Соскисом. Следует отметить, что Неслуховский был связан с упоминавшимся выше обществом «Маяк» (Известия «Маяка». 1917. Вып. 5. Стб. 8).

¹⁶⁰ *Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 371.*

¹⁶¹ *Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 567.*

тельности с помощью американских денег принадлежала ей.¹⁶² Следует также отметить, что Кропоткина-Лебедева была активисткой Русско-английского общества.¹⁶³ С группой «Воли народа» установил тесный контакт и Т.Г. Масарик.¹⁶⁴

Как же были использованы денежные средства американской миссии Красного Креста? Е.К. Брешко-Брешковская признавала впоследствии, что благодаря американской помощи они «тотчас же умножили как издательства партии социалистов-революционеров, так и число провинциальных газет», она также разослала литературу в провинцию более чем на 500 тыс. р. и на фронт — более чем на 100 тыс.¹⁶⁵ Действительно, правые эсеры вели весьма значительную пропагандистскую деятельность.¹⁶⁶ Отметим, что листовки одного правозсеровского издательства «Народная власть» весьма напоминали издания Англо-русского комитета.¹⁶⁷

Таким образом, после Февральской революции различные миссии стран Антанты и США стремились расширить свою пропагандистскую деятельность в России. Важнейшей задачей пропаганды было удержание страны в войне. С этой целью иностранные миссии значительно активизировали собственную пропагандистскую деятельность, а также финансировали пропаганду «дружественных» российских политических организаций. При этом некоторые миссии активно сотрудничали с правоэкстремистскими организациями, стремившимися ликвидировать завоевания Февральской революции. Особое внимание иностранные миссии уделяли «оборонческой» тематике: реклама военных усилий союзников, обличение «германских зверств», проповедь укрепления военной дисциплины и т.д.

Деятельность иностранных миссий способствовала увеличению количественного преобладания консервативной, либеральной и умеренно-социалистической печати. Однако обеспечить успех этой пропаганды они оказались не в силах. И дело тут не в тактических приемах (запаздывание с принятием решений, неудачная форма подачи материала и пр.), хотя это безусловно характерно для пропагандистской деятельности иностранных миссий. Главное состояло в том, что цели и содержание пропаганды вступали в противоречие с политическими традициями и повседневным политическим опытом трудящихся России, протестовавших против войны, власти Временного правительства и контрреволюционных заговоров.

Многие представители иностранных миссий в Петрограде встречали нарастание революционных событий осенью 1917 г. без чрезмерной

¹⁶² Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 337—338.

¹⁶³ ГАРФ, ф. 579, оп. 1, д. 4772, л. 1 (письмо А.П. Кропоткиной-Лебедевой П.Н. Милюкову).

¹⁶⁴ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 174; *Syllaba T. T.G. Masaryk a Revoluce u Rusku. Praha, 1959. S. 145.*

¹⁶⁵ Цит. по: Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 361.

¹⁶⁶ Там же. С. 382.

¹⁶⁷ См.: Томи Аткинс: Английский солдат о дисциплине. Пг., 1917. 1 с. — Томми Аткинс — традиционное прозвище английских солдат.

обеспокоенности. В известной степени эта позиция совпадала со взглядами многих деятелей партии кадетов, цензовых элементов, генералитета, которые руководствовались принципом «чем хуже — тем лучше»: пусть «слабое» правительство Керенского будет сметено большевиками — на смену им быстро придет «нормальная» военная диктатура. Аналогичные мысли высказывали и представители ряда союзных миссий. Так, Дж. Бьюкенен утверждал: чем скорее Керенский уйдет, тем лучше. Большевики не продержатся долго.¹⁶⁸

Американский посол Д. Фрэнсис также не испытывал страха перед грядущим большевистским восстанием. Напротив, он с оптимизмом оценивал подобную перспективу, полагая, что правительство сумеет быстро подавить его. Но и возможность успеха восстания не пугала его: «Если Советы захватят власть, их правительство долго не проживет, на смену же ему придет более сильное правительство, которое будет обладать большими возможностями в деле восстановления порядка и продолжения войны».¹⁶⁹ Собственно, подобную позицию Фрэнсис продолжал занимать и в дни восстания. Так, в письме к консулу США в Москве он следующим образом оценил известие о формировании Совета Народных Комиссаров: «Отвратительно! Но я надеюсь, что такая попытка будет предпринята, ибо чем более смешна ситуация, тем скорее последует излечение» (письмо от 8 ноября).¹⁷⁰

Неудивительно, что к различным планам спасения Временного правительства путем всевозможных политических маневров руководство миссий относилось без особого энтузиазма. Однако некоторые представители союзников поддерживали подобные проекты, среди них особое место занимали У.Б. Томпсон и Р. Робинс — руководители миссии американского Красного Креста. Они полагали, что Керенскому следовало бы опереться на контролируемый меньшевиками и эсерами ВЦИК, а также перехватить инициативу в решении аграрного вопроса. Томпсон и Робинс хотели при этом заручиться поддержкой руководителей союзных военных миссий и с этой целью собрали 20 октября (2 ноября) специальное совещание в Европейской гостинице. На нем также присутствовали представители Керенского и российского военного министерства. Однако руководители военных миссий скептически отнеслись к планам Томпсона и Робинса, особенно непримирим был британский представитель Нокс. Дело кончилось скандалом: Нокс начал оскорблять русских солдат, после чего российские представители покинули собрание.¹⁷¹

¹⁶⁸ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 279. — Подобные настроения были распространены и после Октябрьской революции. Так, неизвестный петроградский чиновник, часто посещавший офицерское собрание английской военной миссии, 15 (28) ноября записал в своем дневнике: «Теперь они (британские офицеры. — Б.К.) оптимистично настроены, так как хуже, чем было, быть не может» (Русская революция глазами петроградского чиновника: Дневник 1917—1918 гг. / Публ. Е.П. Нильсена и Б. Вайля. Осло, 1986. С. 23).

¹⁶⁹ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 397, 398.

¹⁷⁰ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917—начале 1918 г. Л., 1975. С. 16.

¹⁷¹ Ганелин Р.Ш. Россия и США... С. 392—394.

В дни восстания миссии поддерживали контакт с лидерами партий кадетов, меньшевиков и эсеров, руководителями Петроградской городской думы и Комитета спасения родины и революции, представители миссий установили контакт с Керенским, войска которого, заняв Гатчину и Царское Село, угрожали Петрограду.

Подобно многим современным российским политическим деятелям, иностранные представители первоначально были уверены в быстром падении нового правительства. Л.Д. Троцкий вспоминал: «В Смольном появились первые иностранные консулы и члены посольства, движимые столько же текущими деловыми потребностями, сколько любопытством... Все торопились посмотреть, как выглядит новая власть, ибо были уверены, что через день-два будет уже поздно».¹⁷² Получая соответствующую информацию от своих миссий в Петрограде, союзные правительства наиболее вероятным считали быстрый крах нового режима. Посол Временного правительства во Франции В.А. Маклаков, продолжавший исполнять свои обязанности, 14 ноября сообщал своему коллеге в Великобритании К.Д. Набокову: «Французское правительство исходит из предположения о невозможности прочной победы большевиков».¹⁷³ Во многом утверждению подобного мнения способствовала позиция посла Франции в Петрограде Ж. Нуланса.¹⁷⁴

Расчет на быстрое падение советской власти, неприятие проводимой ею внутренней и в особенности внешней политики, ориентация на различные противосоветские силы — все это приводило к тому, что союзные правительства заняли позицию непризнания Совета Народных Комиссаров. Соответственно послам запрещалось вступать в контакты с Советским правительством. Однако реальная ситуация диктовала необходимость установления каких-то рабочих деловых отношений по ряду конкретных вопросов. Так, британское Министерство иностранных дел согласилось с тем, что в случае необходимости посредником между посольством и Советским правительством будут служить консулы.¹⁷⁵ В рабочих контактах американских миссий со Смольным большую роль играл Робинс — после отъезда в США Томпсона он возглавил представительство американского Красного Креста в России. В переговорах с Советским правительством участвовал также капитан Ж. Садуть из французской военной миссии — член социалистической партии и близкий сотрудник А. Тома. В конце года к выводу о необходимости поддерживать постоянно деловые отношения с Советом Народных Комиссаров пришло правительство Великобритании. С этой целью в Петроград отправился Р.Б. Локкарт, бывший генеральный консул в Москве. Британское правительство так объяснял своим союзникам факт отправки Локкарта: «Британское правительство чувствует необходимым, чтобы отношения между союзниками и большевистскими властями в Петрограде поддерживались тем или иным способом, и

¹⁷² Троцкий Л.Д. Собр. соч. М., 1924. Т. 3, ч. 2. С. 305.

¹⁷³ Иоффе А. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958. С. 338.

¹⁷⁴ Кузнецова Н.В. Советская Россия и Франция (ноябрь 1917—ноябрь 1918 г.) // Французский ежегодник. М., 1977. С. 21.

¹⁷⁵ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 289—290.

бывший генеральный консул в Москве мистер Локкарт послан в Петроград поддерживать неофициально с ними контакты» (послание британского посла в США государственному секретарю Р. Лансингу, 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.)).¹⁷⁶ Свои инструкции сам Локкарт впоследствии характеризовал так: «Русские дела до того запутаны, зашли в такой тупик, что тот или другой способ моих там действий в сущности особого значения не имеет. Моей главной задачей является: стараться использовать каждый удобный случай, чтобы повредить Германии, саботировать переговоры о сепаратном мире и поддерживать в большевиках дух устойчивости против немецких притязаний».¹⁷⁷

Сложность и запутанность обстановки в Петрограде усугублялась тем, что среди дипломатов и членов других миссий существовали совершенно различные взгляды по поводу ситуации в России. Локкарт писал о своих впечатлениях по прибытии в Петроград: «В нашем посольстве я не встретил единообразного отношения к происходящим событиям, ни ясного представления о преследуемых целях ... Никто, по-видимому, не был осведомлен о том, что происходит. Штат посольства распался на признающих и непризнающих, а Линдлей (Ф.О. Линдлей после отъезда Бьюкенена в Англию возглавил посольство. — Б.К.) ... робко лавировал между этими двумя воззрениями».¹⁷⁸ Локкарт, Робинс и Садуль выступали за расширение контактов с Советским правительством, надеясь, что в будущем военные действия Советской России с Германией возобновятся, однако подавляющее большинство союзных представителей в Петрограде отвергало их позицию. Правда, в условиях быстро меняющейся политической обстановки временами и руководители миссий высказывали мысль о признании Советского правительства де-факто наряду с противосоветскими правительствами. Так, 27 декабря (9 января) 1918 г. американский посол Фрэнсис писал государственному секретарю США: «Придя к выводу, что сепаратный мир маловероятен, если не невозможен, склоняюсь к предложению рекомендовать одновременное признание Финляндии, Украины, Сибири и, возможно, Донской казачьей области и Советов как фактического правительства Петрограда, Москвы и близлежащих районов».¹⁷⁹

На отношение миссий к Совету Народных Комиссаров не могли не влиять их постоянные контакты с противосоветскими политическими организациями, при этом целью этих контактов была в значительной степени попытка восстановления Восточного фронта.

Одним из центральных вопросов политической жизни был вопрос об Учредительном собрании. Многие противосоветские деятели, контактировавшие с миссиями, возлагали на собрание большие надежды. Однако союзники в целом таких надежд не разделяли. С одной сторо-

¹⁷⁶ FRUS. Russia. 1918. Washington, 1931. Vol. 1. P. 337.

¹⁷⁷ Локкарт П.Б. Буря над Россией: Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 191—192.

¹⁷⁸ Там же. С. 204.

¹⁷⁹ FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 336.

ны, они не исключали возможности победы большевиков: так, Фрэнсис, докладывая Лансингу, отмечал, что если на собрании они будут преобладать, то не слишком значительно.¹⁸⁰ Британский же военный кабинет, основываясь, по-видимому, на информации, полученной от английских представителей в Петрограде, констатировал 10 декабря, что в течение нескольких дней, когда будут завершены выборы, большевики могут утвердиться у власти не только как правительство факто, но и «в конституционном смысле».¹⁸¹

С другой стороны, эсеровское большинство также не внушало руководителям миссий особого оптимизма, позиция «революционного оборончества» была для них также неприемлема. На собрание «болтунов, теоретиков и идеалистов» они смотрели скептически. Кроме того, если представители миссий продолжали обвинять интернационалистов в связях с германским генеральным штабом, то аналогичные обвинения выдвигались и в адрес лидера эсеров В.М. Чернова, председателя Учредительного собрания, о чем Р. Робинс не преминул напомнить послу Фрэнсису.¹⁸²

Этими обстоятельствами и объясняется, по-видимому, тот факт, что руководство миссий довольно сдержанно отреагировало и на созыв, и на разгон Учредительного собрания. Фрэнсис хотел убедить послов посетить заседание собрания, однако, оставшись в одиночестве, и сам отказался от этой мысли. Но, когда после роспуска собрания румынский посол предложил главам союзных миссий выехать в Стокгольм или Христианию, предложение это было отклонено, причем особенно энергично возражал Фрэнсис, он полагал, что подобный шаг лишь усилит позиции Германии.¹⁸³ 10(23) января Робинс телеграфировал Томпсону, что роспуск Учредительного собрания повсеместно воспринят без протестов, а Советское правительство сильно как никогда.¹⁸⁴

Руководство миссий возлагало большие надежды на те политические центры и структуры, которые, как им казалось, располагают реальной вооруженной силой и определенно и решительно стоят за продолжение войны. Руководители военных миссий демонстративно поддержали исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина, который отказался выполнять распоряжение В.И. Ленина от 9(22) ноября о начале переговоров о перемирии с австро-германским командованием и за это был смещен со своего поста. В заявлении на имя Духонина руководители миссий утверждали, что нарушение межсоюзнических соглашений повлечет «самые серьезные последствия». Как отмечается в одном из исследований, подобное обращение к Ставке (которая по сути дела трактовалась как противостоящее Совету Народных Комиссаров правительство) могло

¹⁸⁰ Ibid. P. 272. — Послание датировано 29 ноября.

¹⁸¹ *Lowe C.J., Dockrill M.L. The Mirage of Power. Vol. 3. The Documents. London; Boston, 1972. P. 658.*

¹⁸² FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 352. — Послание Френсиса Лансингу 19 января.

¹⁸³ Ibid. P. 355. — Послание Френсиса Лансингу 20 января.

¹⁸⁴ *Schuman F.L. American Policy Toward Russia Since 1917: A Study of Diplomatic History. New York, 1928. P. 72—73.*

быть воспринято в России как угроза японского вторжения с востока.¹⁸⁵ 11 (24) ноября в обращении «Всем, всем, всем» нарком иностранных дел заявлял: «Обращение союзных представителей с дипломатической нотой к генералу, отставленному за неподчинение распоряжения правительства, означало бы с формальной стороны недопустимое вмешательство во внутреннюю жизнь страны с целью вызвать гражданскую войну!».¹⁸⁶ Хотя руководитель военной миссии США генерал У. Джэдсон вскоре изменил свою оценку ситуации и уже 14 (27) декабря в письме на имя российских военных чинов официально объявил постановку вопроса о всеобщем мире правом России, а затем посетил Смольный, где вел переговоры с советским представителем,¹⁸⁷ конфликт с другими военными миссиями продолжал оставаться серьезной политической проблемой. 20 ноября (3 декабря) на митинге в цирке «Модерн» Л.Д. Троцкий заявлял: «Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания советской власти. Но в то же время советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты во имя тех или других целей вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны!».¹⁸⁸ Но к этому времени Ставка уже была занята прибывшими из Петрограда войсками, и сам Духонин был убит 20 ноября (3 декабря).

В сложившихся условиях руководители союзных миссий продолжали ориентироваться на противосоветские силы, которые могли бы стать основой восстановления Восточного фронта против Германии. При этом особые надежды возлагались на так называемый «южный блок», который предполагалось создать из румынской армии, украинской Центральной рады, казачьих войск юго-востока, закавказских правительств. Так, руководитель французской военной миссии генерал А. Ниссель получил инструкции от главы французского кабинета Ж. Клемансо. Последний ожидал распада России из зоны — Север страны останется под контролем большевиков («германских агентов», как он писал), Юг же будет с ними бороться. Там влиянием будут пользоваться национальные силы, и французская военная миссия должна будет оказывать им поддержку, даже «если поляризация не пройдет».¹⁸⁹

В варианте «южного блока» немалая роль отводилась генералу А.М. Каледину, донскому войсковому атаману, провозгласившему независимость Дона и готовившему наступление на центральные области России. В донскую столицу Новочеркасск прибыл и генерал М.В. Алексеев, он начал формировать войсковые части, ставшие потом основой Добровольческой армии.

Дж. Бьюкенену предписывалось предпринять все возможные меры, чтобы проводить соответствующую политику «либо непосредственно,

¹⁸⁵ Zeman Z.A.B. A Diplomatic History of the First World War. London, 1971. P. 249.

¹⁸⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. Т. 3, ч. 2. С. 166—168.

¹⁸⁷ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения... С. 47—50.

¹⁸⁸ Троцкий Л.Д. Указ. соч. Т. 3, ч. 2. С. 184.

¹⁸⁹ Hovi K. Op. cit. P. 67—68.

либо с помощью отобранных им агентов». При этом ему было предложено не ограничиваться в расходах и предоставлять в распоряжение казаков и украинцев нужные суммы любым путем, который он сочтет нужным.¹⁹⁰

По имеющимся сведениям, особенно активно контактировали с Калединым и Алексеевым британские миссии. Эмиссары миссий спешно посылались на Дон, связь с британскими и французскими дипломатами в Петрограде поддерживалась также с помощью молодых сторонников партии кадетов, которые постоянно курсировали между столицей и Новочеркасском. Британское посольство посетил представлявший Алексея князь Е.Н. Трубецкой, член ЦК партии кадетов. 16(29) ноября в Лондон поступило донесение от руководителя английской военной миссии генерала Нокса. Он сообщал, что установил контакт с «надежными русскими», прибывшими с Дона, и рекомендовал направить туда специальных представителей. Посол Бьюкенен также поддерживал постоянную связь с Калединым и оказывал ему финансовую помощь.¹⁹¹

Одним из первых посетил Бьюкенена князь Шаховской, он информировал посла о планах создания на Дону правительственного совета и армии, целью которой будет наступление на Москву и Петроград. Шаховской выдвинул также планы финансирования Каледина союзниками.¹⁹²

Контакты представителей Дона с руководителями союзных миссий в Петрограде продолжались и позже. Участник противосоветского подполья вспоминал: «...в конце января или в начале февраля я представил начальнику одной союзной миссии полковника М. (начальника штаба ген. Алексея в Петрограде) и представителя московских организаций, приехавшего специально в Петроград для установления комбинированных действий... Принял любезно, но... Нет господа, у вас не должно быть больше партий, вы все должны объединиться с большевиками и снова пойти войной против немцев!». ¹⁹³ Любопытно, что, с другой стороны, и представители союзных миссий упрекали подчас белогвардейцев в том, что они сочувствуют большевикам. Так, посол США Фрэнсис докладывал государственному секретарю Лансингу: «В то время, когда Корнилов, Алексеев организуют армию на юге с целью сохранить в России порядок, когда произойдет свержение Советского правительства, что, по общему мнению, представляется неизбежным, представители А. здесь объявляют, что он не сражается с большевиками и удовлетворен их успехами на Украине».¹⁹⁴

¹⁹⁰ *Lowe C.J., Dockrill M.L.* Op. cit. Vol. 3. P. 11; *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, 1961. Vol. 1. P. 46.

¹⁹¹ *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 10, 19, 28.

¹⁹² *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 43.

¹⁹³ *Семенов Е.* Германские деньги у Ленина // Последние новости. Париж. 1921. 8 апреля.

¹⁹⁴ *FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 381.*

Между тем союзные правительства постепенно втягивались в процесс оказания помощи Каледину. Еще 18 ноября (1 декабря) главы правительств Англии, Франции и Италии решили поддержать просоюзнические силы на Дону и в Закавказье.¹⁹⁵ В начале декабря союзные кабинеты продолжали интенсивно обсуждать «русский вопрос», при этом английское правительство пришло к выводу, что «большевиков следует рассматривать как открыто признанных врагов».¹⁹⁶ 10 декабря на заседании британского военного кабинета было заявлено: «Желательно ли вести переговоры одновременно и с Троцким, и с Калединым? Наша политика по отношению к Каледину уже определена».¹⁹⁷ 1 (14) декабря военный кабинет решил оказывать помощь любым силам, чтобы «продлить в Юго-Восточной России сопротивление Центральным державам». Соответствующие субсидии предполагалось предоставлять до тех пор, пока получатели будут продолжать борьбу.¹⁹⁸ В то же время Франция предложила Великобритании определить свои «сферы действий» на юге России. Британское министерство иностранных дел подготовило специальный меморандум, который был одобрен на совещании представителей Англии и Франции в Париже. Результатом этой конференции был документ «Условия конвенции, согласованной в Париже 23 декабря 1917 года». По этому соглашению в британскую «зону влияния» входили «территория казаков» и территория Кавказа — Армения, Грузия, Курдистан; во французскую — Бессарабия, Украина, Крым. Ввиду того что Франция, одобрив планы генерала Алексеева по организации армии, выделила на это 100 млн франков, предполагалось продолжать выполнение данной программы.¹⁹⁹ Хотя в меморандуме указывалось, что союзники не желают вмешиваться во внутренние дела России, направленность соглашения была очевидна — речь шла о финансировании правительств, противостоящих Совету Народных Комиссаров, командировании к ним агентов и инструкторов.²⁰⁰

Британский кабинет принял программу финансирования Каледина — предполагалось выделить ему 10 млн ф. ст. Бьюкенену указывалось: «Политикой правительства является поддержка любой солидной организации в России, которая активно противодействует максималистам. Правительство щедро снабдит деньгами тех, кто проявит готовность поддержать союзников». Бьюкенен получал возможность истратить на подобные цели 10 млн р., в Лондоне рождались фантастические планы создания на Дону двухмиллионной армии «лоялистов».²⁰¹

¹⁹⁵ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 45.

¹⁹⁶ Цит. по: *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 26.

¹⁹⁷ *Lowe C.J., Dockrill M.L.* Op. cit. Vol. 3. P. 666.

¹⁹⁸ Цит. по: *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Указ. соч. С. 80.

¹⁹⁹ Антисоветская интервенция и ее крах. М., 1987. С. 18—19.

²⁰⁰ Там же; см. также: *Рыжиков В.А.* Советско-английские отношения: Основные этапы истории. М., 1987. С. 17—18; *Lowe C.J., Dockrill M.L.* Op. cit. Vol. 3. P. 658—663.

²⁰¹ *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 59; *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 52; *Gardner L.* Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. New York; Oxford, 1984. P. 177.

В Петрограде британские миссии разрабатывали свои планы финансирования контрреволюции на Дону с помощью специального банка. Уже упоминавшийся князь Шаховской обсуждал с Бьюкеноном план создания Казачьего банка, капитал которого гарантировался бы минеральными богатствами южного региона. Союзники могли бы оказать помощь, скупая акции банка. В данном случае Бьюкеном ответил отказом, мотивируя это тем, что его правительство не вмешивается во внутренние российские дела.²⁰² К другому подобному проекту британский посол проявил больший интерес. Его авторами были известный финансист К.И. Ярошинский и английский бизнесмен Х.Ф.Э. Лич, сотрудничавший с британской секретной службой. Они предполагали сккупить акции и облигации крупнейших российских банков в связи с «сильным падением цен на все акции и процентные бумаги». Грандиозный план установления контроля над крупнейшими банками позволил бы создать Юго-Казачий банк, который бы и финансировал Каледина. Проконсультировавшись с крупнейшими петроградскими финансистами, Бьюкеном направил проект в Лондон. Речь шла уже о приобретении Ярошинским крупных акций на сумму, предоставленную британским правительством, но 14 (27) декабря был издан декрет о национализации банков. Хотя агент английской секретной службы Т.Кийз смог перевести на Дон Алексею 15 млн р. через Ростовское отделение Госбанка, план Ярошинского-Лича уже невозможно было реализовать.²⁰³

Однако в середине февраля тот же Кийз приобрел за 15 млн р. контрольный пакет акций Сибирского банка, вся сумма выплачивалась в фунтах стерлингов. Предполагается, что это была исключительно операция Интеллидженс сервис, так как Кийз не имел полномочий на эту сделку ни от британского кабинета, ни от военной миссии.

Выше отмечалось, что свои планы финансирования Каледина и Алексея реализовывали и французские миссии. Администрация США не хотела, опасаясь огласки, участвовать непосредственно в финансировании Каледина, однако предполагалось ссудить средства Великобритании и Франции с тем, чтобы они уже предоставили ему денежную помощь.²⁰⁴

Вместе с тем руководители петроградских миссий союзников со временем стали все более скептически оценивать масштабные проекты финансирования донской контрреволюции. Так, Нокс и Бьюкеном были потрясены тем, как их правительство переоценивает силы Каледина и Алексея. 12 ноября (5 декабря) Нокс доносил руководству британской военной разведки, что организаторы Добровольческой армии имеют в своем распоряжении всего лишь две роты и обещают сформировать еще три. Донское же правительство, по словам Нокса, только докучает посольству просьбами о деньгах: «Это болтуны, а не люди, готовые

²⁰² *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 43.

²⁰³ *Фурсенко А.А.* Русский Вандербильт // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 184—187; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Указ. соч. С. 31—34.

²⁰⁴ *Kennan G.* Russia Leaves the War. Princeton, 1965. P. 177, 178.

рисковать жизнью», — утверждал он. В тот же день Бьюкенен доносил министру иностранных дел, что силы Каледина и Алексеева недостаточны для какого-либо серьезного предприятия и предостерегал против преувеличенного оптимизма в их оценке. Пессимистично оценивали ситуацию и английские офицеры, побывавшие на Дону. Однако британское правительство, усиливая линию на поддержку Каледина, часто не прислушивалось к мнению руководителей своих миссий в России.²⁰⁵

Возможно, на подобные оценки руководителей британских миссий в Петрограде повлияла тревога за свою судьбу — они опасались возможных репрессивных мер со стороны советских властей. В цитированном выше послании Нокса от 22 ноября (5 декабря) он указывал, что британские миссии не могут объявить открыто о своих связях с калединским движением — в подобном случае они были бы арестованы, и, прибавлял он, это бы было обоснованно. «Пока мы здесь, во власти мятежного правительства, это означает просто дать себе перерезать горло без всякой пользы». В тот же день в послании к британскому министру иностранных дел А.Д. Бальфуру Бьюкенен указывал, что визиты донских эмиссаров компрометируют посольство, и требовал, чтобы все контакты поддерживались через британские миссии при румынском правительстве.²⁰⁶

В это время вопрос о присутствии офицеров союзных миссий в районах, контролируемых противосоветскими силами, становился все более актуальным. 3(16) декабря Л.Д. Троцкий посетил французского посла и поставил вопрос о присутствии французских офицеров в украинской армии, а также о поддержке союзниками Каледина. Посол заявил, что офицеры не вмешиваются во внутренние российские дела. Но недолго спустя французские представители информировали своих американских союзников, что «цель французского правительства — избежать открытой враждебности с теми, кто находится у власти в Петрограде, хотя без сомнения Ленин и его окружение должны уже знать о поддержке, оказанной союзными державами противостоящим им силам Каледина».²⁰⁷

Вопрос о пребывании офицеров союзников в районах, охваченных гражданской войной, был поднят во время визита в Смольный руководителя американской военной миссии. В одной из своих речей Л.Д. Троцкий охарактеризовал визит так: «Вчера был глава американской миссии полковник Джадсон и заявил, что все находящиеся в России американские офицеры собраны при миссии». Далее глава советского внешнеполитического ведомства коснулся упоминавшихся уже переговоров с французским послом: «Дело в том, что союзные офицеры у нас обретаются при Раде и при ставке Каледина. Если бы

²⁰⁵ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 47—49, 52, 57. — В американских миссиях по вопросу о поддержке Каледина выявились разногласия: в то время как американские консулы в Тифлисе и Москве высказались за нее, Робинс и Джадсон выступили против, а посол Фрэнсис занял пассивную позицию (*Kennan G.* Op. cit. P. 170).

²⁰⁶ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 47, 48.

²⁰⁷ *FRUS. Russia. 1918.* Vol. 1. P. 317, 322.

Рада была уже признана совершенно самостоятельной, то французское правительство вправе бы было делегировать туда своих представителей. Но дело обстоит совсем иначе».²⁰⁸

На дальнейшие действия Советского правительства повлияло так называемое дело Колпашникова. В только что созданную Всероссийскую чрезвычайную комиссию поступила информация о том, что поезд американского Красного Креста, предназначенный для отправки в Яссы (для нужд Юго-Западного фронта), в действительности планируется направить в Ростов, т.е. в район, контролируемый Калединым. В эшелоне находилось несколько десятков автомобилей, преимущественно санитарных. На основании полученных сведений было отдано распоряжение о проведении арестов. В записке на имя Г.И. Благодирова и В.Д. Бонч-Бруевича от 8(21) декабря В.И. Ленин писал: «Аресты, которые должны быть произведены по указаниям тов. Петерса, имеют *исключительную* большую важность, должны быть произведены с большой энергией. *Особые* меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т.п.».²⁰⁹

Поезд был задержан, аресты произведены. Среди арестованных находился и полковник А. Колпашников, служивший в то время в американской миссии Красного Креста. Именно он должен был руководить отправкой автомобилей в Ростов. Американские представители утверждали, что переадресовка эшелона была вызвана угрозой быстрого австро-германского наступления на Яссы, однако советские власти подозревали, что таким образом должна была быть оказана помощь Каледину.

«Известия ЦИК» писали (автором неподписанной заметки был Л.Д. Троцкий): «Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств позволяют себе самым активным образом вмешиваться во внутреннюю жизнь России, разумеется, не на стороне народа, а на стороне контрреволюционных империалистических калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, по-видимому, час последнего предостережения».

Кончалась статья многозначительно: «Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как мы видели, очень высоко.

Слово за г. Фрэнсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!».²¹⁰

Дело Колпашникова вызвало протест и у тех социалистов, которые отмежевывались от политики Совета Народных Комиссаров: «Представляется маловероятным, чтобы Ворвель (А. Ордвелл — майор, помощник Р. Робинса. — Б.К.) и Робинс действовали открыто наперекор полученным инструкциям... Виновники должны быть поставлены на место», — писала газета меньшевиков-интернационалистов.²¹¹

²⁰⁸ Троцкий Л.Д. Указ. соч. Т. 3, ч. 2. С. 218.

²⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 18.

²¹⁰ Известия ЦИК. 1917. 9 (22) декабря: Троцкий Л.Д. Указ. соч. Т. 3, ч. 2. С. 149—150.

²¹¹ Григорьев Р. Слово за американским посольством // Новая жизнь. 1917. 10(23) декабря.

В американском посольстве возникла настоящая паника. С большим трудом Р. Робинс уладил конфликт.

Во время данного конфликта, 10(23) декабря, британское посольство поспешило опровергнуть появившиеся в газетах «слухи» о пребывании английских офицеров в Новочеркасске. В сообщении посольства указывалось, что речь идет якобы о железнодорожных специалистах, в задачу которых входило обеспечение продовольствием румынской армии.²¹²

Особенно острыми продолжали оставаться отношения Советского правительства с французской военной миссией.²¹³ В конце декабря в «Известиях ЦИК» нарком по делам национальностей И.В. Сталин опубликовал статью, в которой утверждал, что существует союз Рады, Каледина и французской военной миссии для срыва мира, при этом миссия действует по инструкциям своего правительства. Как видим, это утверждение во многом соответствовало действительности. В своем ответе, однако, французская миссия опровергла обвинения и заявила, что она «остаётся лишь верной принципу самоопределения народов — права, провозглашенного большевистскими властями, среди коих состоит народный комиссар Джугашвили-Сталин, автор вышеуказанной статьи».²¹⁴

О необычайно напряженной ситуации свидетельствовал конфликт вокруг румынской миссии. Румынские военные власти отказывались пропускать русские соединения на родину, разоружали отдельные части, арестовывали и расстреливали членов солдатских комитетов. В ответ на эти действия В.И. Ленин 31 декабря (13 января) 1918 г. издал распоряжение: «Предписывается арестовать немедленно всех членов румынского посольства и румынской миссии, а равно всего состава служащих при всех учреждениях посольства, консульства и прочих официальных румынских учреждений».²¹⁵

Подобная акция не могла не вызвать немедленной реакции дипломатического корпуса. Отказавшись в данной ситуации от стремления избежать контактов с советским руководством, руководители союзных миссий поставили вопрос об организации соответствующей встречи. 1(14) января В.И. Ленин и И.В. Сталин приняли представителей дипломатического корпуса, дипломаты дали обязательство содействовать урегулированию конфликта. После этого В.И. Ленин предписал комиссару Петропавловской крепости: «Арестованных румынского посланника и всех чинов румынского посольства освободить, заявив им, что они должны принять все меры для освобождения окруженных и арестованных русских войск на фронте. С арестованных румын взять при их освобождении расписку, что это заявление им сообщено».²¹⁶

²¹² *Ulman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 53; *Kennan G.* Op. cit. P. 169.

²¹³ При этом Клемансо считал, что миссии действуют слишком «мягко», их руководители были затем по этой причине отозваны (*Hovi K.* Op. cit. P. 68). Между тем в феврале 1918 г. в петроградских газетах появилось письмо генерала М.В. Алексеева, адресованное во французскую военную миссию в Киеве (оно было перехвачено в Новохоперске). См., например: *Знамя труда.* 1918. 6 (19) февраля.

²¹⁴ *Новая Жизнь.* 1917. 19 декабря (1 января).

²¹⁵ ДСВ. М., 1957. Т. 1. С. 554.

²¹⁶ Там же. С. 310—311.

Но и впоследствии имели место случаи ареста представителей союзных миссий. 19 января (1 февраля) красногвардейцы по распоряжению ЧК арестовали двух британских офицеров — в том номере гостиницы, который они ранее занимали, было обнаружено несколько ручных гранат. Однако на следующий день арестованных освободили — их «взяли на поруки» представители посольства.²¹⁷

Между тем планы «южного блока» терпели неудачу: советские войска наступали на Донскую область, 29 января (11 февраля) Каледин застрелился, 24—25 февраля революционные войска заняли Ростов и Новочеркасск. 27 января (9 февраля) Центральная рада подписала договор с австро-германским блоком. Румыния заключила перемирие с противником (7 мая был подписан мир). Л.Д. Троцкий имел известные основания утверждать: «В результате деятельность агентов Франции в России была направлена против элементарных интересов Франции».²¹⁸

Поражения «союзных русских» рассматривались подчас как аргумент в пользу открытой вооруженной интервенции в Россию: «Никто в России, ни казаки, ни кто-либо еще, не будет сражаться до тех пор, пока не будет принужден к этому иностранной силой», — писал Нокс в упоминавшемся донесении.²¹⁹

Собственно, этот вопрос обсуждался еще задолго до Октябрьской революции. Так, 31 мая (13 июня) 1917 г. японский военный агент в Петрограде докладывал в генеральный штаб Японии: «В настоящее время во влиятельных кругах России смотрят пессимистически на положение своей страны и все более распространяется мысль, что необходимо обратиться к другим государствам за помощью, забыв о собственном стыде. В социалистических партиях, в руках которых в будущем может оказаться вся власть, уже недовольны вмешательством Англии и Франции в вопросы внутренней политики и армии».²²⁰

Первоначально всячески подчеркивались исключительно военные и военно-технические аспекты проблемы: союзные войска должны прибыть в Россию лишь для укрепления Восточного фронта. Но очевидно было, что подобная акция станет в первую очередь проблемой политической и безусловно повлияет на ситуацию в России. В различных планах интервенции такая цель не скрывалась. Так, резидент военно-морской разведки США в Петрограде указывал, что выступление Корнилова позволит «наконец выдвинуть наше требование по предоставлению России военной помощи, даже если она и будет отказываться от нее» (документ датирован 18(31) октября). Далее разведчик предлагал: «Мы должны решительно и без промедления предъявить ультиматум, чтобы правительство дало согласие на военную помощь союзников в целях поддержания правительственной власти в городах, а затем и

²¹⁷ Новая жизнь. 1917. 20 января (2 февраля), 21 января (3 февраля).

²¹⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 203. — С 14 февраля 1918 г. даты даются только по новому стилю.

²¹⁹ Улман Р.Н. Op. cit. Vol. 1. P. 47.

²²⁰ Борьба классов. 1931. № 5. С. 87.

укрепления фронта». Войска союзников должны были стать «оплотом закона, власти и правительства».²²¹

Буквально во время Октябрьского восстания в Петрограде вечером 6 ноября посол США Д. Фрэнсис телеграфировал государственному секретарю: «Что вы думаете о том, чтобы послать ей (т.е. России. — Б.К.) в помощь через Владивосток или Швецию две дивизии или больше, если бы я сумел получить на это согласие русского правительства или даже заставить его обратиться с такой просьбой? Моральный эффект от присутствия американских войск на русском фронте будет более значительным, чем от материальной поддержки».²²²

После Октябрьской революции обсуждение вопроса о вооруженной интервенции стало более интенсивным, а ее собственно политические цели выступили на первый план. При этом различные миссии на различных этапах придерживались разных точек зрения на тактику осуществления вооруженной интервенции, однако после начала германского наступления 18 февраля голоса в пользу «решительных» действий зазвучали с новой силой. Так, Фрэнсис, проявлявший ранее колебания, 21 февраля телеграфировал государственному секретарю США: «Я решительно настаиваю, чтобы мы взяли на себя управление Владивостоком, а британцы и французы — над Мурманском и Архангельском». Он обосновывал такие действия необходимостью предотвратить захват германцами запасов, поставлявшихся союзниками через порты, и продолжал: «История показывает, что русские неспособны к великим движениям либо к великим достижениям, а во всех их достойных свершениях прослеживается иностранное влияние и руководство. Ныне для союзников настало время действовать».²²³ 24 февраля в новой телеграмме тому же адресату он вновь утверждает: «По-моему, мирные условия превращают Россию в германскую провинцию, а в перспективе — в вероютого союзника. Я вновь рекомендую немедленно овладеть Владивостоком, Мурманском, Архангельском».²²⁴

Как известно, 6 марта в Мурманске был высажен десант британской морской пехоты. Этой акции предшествовало соглашение союзников с мурманским Советом о совместной борьбе с германскими войсками и финской белой гвардией, действовавшей в союзе с немцами. В том же месяце численность десанта была увеличена, к англичанам присоединились французы.

Миссии в Петрограде имели непосредственное отношение к событиям, происходившим в Мурманске. После того как британский адмирал перевел свои корабли из Архангельска в Мурманск, Бьюкенен сообщал в Лондон в телеграмме от 19 декабря (1 января): «Британская эвакуация Архангельска вызвала тревогу в миссиях и у русских друзей Британии. Я верю, что нет никаких намерений уйти из Мурманска. Новое Северное государство со столицей в Архангельске находится в процессе

²²¹ Фурсенко А.А. Подготовка американской интервенции в Советскую Россию // Вопросы истории. 1986. № 6. С. 54.

²²² FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 221; Ганелин Р.Ш. Россия и США... С. 399.

²²³ FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 384.

²²⁴ Ibid. P. 387.

формирования. Важно, чтобы мы имели моральное влияние, обеспеченное нашим пребыванием в Мурманске». Ответную телеграмму получил уже Линдлей (Бьюкенен уехал в Англию). В ней говорилось, что сохранение контроля над Кольским заливом «весьма желательно» и что «нет никаких намерений» выводить британские военные корабли из Мурманска.²²⁵

С Линдлеем контактировали и противосоветски настроенные российские морские офицеры из Мурманска. Один из них сообщал, что он счел «необходимым обратиться в английское посольство, т.к. без англичан никакая работа на Мурмане не была возможна... Шаги, предпринятые мной на свой страх, были двоякого рода: 1) самостоятельные сношения с английским посольством, в частности с г. Линдлеем, через тогдашнего морского агента... капитана 1-го ранга Кроми и английского старшего лейтенанта Пунье».

Однако далее он утверждал: «Сношения с англичанами обнаружили, что в этот момент они были склонны совершенно покинуть Россию, сохранив с нею лишь формальную связь».²²⁶

Представитель США на Севере лейтенант Х.С. Мартин (с февраля он находился в Мурманске) рекомендовал своему начальству в Петрограде поставить перед Вашингтоном вопрос о посылке американского военного корабля в Мурманск. Посол Фрэнсис поддержал эту рекомендацию. К послу присоединился американский военный аташе Дж.А. Раглес. В своем донесении в военное министерство он указывал, что американское присутствие «ослабит подозрения некоторых», «что Англия действует в своих собственных эгоистических интересах».²²⁷

В то же время бывшие союзники России вновь и вновь рассматривали вопрос о значительно более масштабной высадке своих войск на российском Дальнем Востоке. В этих планах главная роль отводилась японским войскам. Политические противоречия и очевидные военные и технические сложности привели к напряженным дискуссиям на разных уровнях принятия решений.²²⁸ При этом запрашивалось мнение представителей в Петрограде.

Однако некоторые представители союзников в России резко осудили планы японской интервенции. Так, Р. Робинс полагал, что угроза японской интервенции сделает неизбежной ратификацию Брестского мира, против которой он боролся.²²⁹ Весьма

²²⁵ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 113—114.

²²⁶ *Кедров М.С.* Без большевистского руководства. Л., 1930. С. 18.

²²⁷ *Kennan G.* The Decision to Intervene. Princeton, 1958. P. 55.

²²⁸ Вопрос о посылке японских войск на Восточный фронт ставился несколько раз — в 1915 и 1917 гг. (*Morley I.W.* The Japanese Thrust into Siberia. 1918. New York, 1957. P. 29). После Февральской революции слухи о том, что Япония нападет на Россию в случае ее выхода из войны, были достаточно распространены, они зафиксированы уже в марте 1917 г. После Октябрьской революции сообщения о тысячах японцев, готовых высадиться во Владивостоке, нередко встречались на страницах печати (*Kennan G.* Russia Leaves the War. P. 198, 281).

²²⁹ *FRUS. Russia.* 1918. Vol. 1. P. 394—395. — Фрэнсис — Лансингу, 10 (?) марта 1918 г. Следует отметить, что союзные правительства не могли не осознавать, что именно японская интервенция будет особенно враждебно встречена в России. О подобной оценке в британских правительственных кругах см.: *Lowe C.J., Dockrill M.L.* Op. cit. Vol. 2. British Foreign Policy, 1914—1922. P. 401.

решительно был настроен против интервенции Р.Б. Локкарт. Из Лондона ему сообщали, что вопрос о японской интервенции практически решен, но что японцы в отличие от немцев придут «как друзья и союзники». ²³⁰ Локкарт пытался переубедить свое руководство изменить свою позицию: «Разрешая японскую интервенцию в настоящий момент, мы уничтожаем единственную силу в России, противостоящую Германии» (донесение Бальфуру 10 марта); «Если вы сможете предотвратить японскую интервенцию, здесь нет для нас почти ничего невозможного. В случае одобрения японской интервенции, все потеряно» (донесение Бальфуру 15 марта). ²³¹ Однако решение уже было принято. Один из руководителей британского внешнеполитического ведомства сообщал Локкарту 6 марта: «Мы зашли слишком далеко в политике японской интервенции, чтобы отступить, даже если бы мы и хотели этого». ²³²

Робинс и Локкарт надеялись на военное столкновение Советской России и Германии и ратовали за расширение контактов своих стран с Советом Народных Комиссаров. Вероятность такого столкновения была наиболее реальной в феврале—марте 1918 г. Соответственно интенсивнее велись переговоры о военном сотрудничестве Англии, Франции и США с Советской Россией именно в это время. Вновь стал обсуждаться вопрос о признании Советского правительства де-факто.

Но и сторонники сотрудничества не были противниками интервенции. Однако они выступали за «интервенцию по приглашению» Советского правительства. Так, еще 23 ноября (6 декабря) американский военный атташе генерал У. Джайсон предлагал пообещать советским властям «столько войск США, сколько сможет перевезти Транссибирская железная дорога». ²³³

Неверно было бы оценивать позицию сторонников сотрудничества как пробольшевистскую. Так, 11 (24) января 1918 г. Локкарт в письме лорду А. Мильнеру отмечал: «Двумя нашими основными целями в войне являются (1) поражение германского милитаризма и (2) подавление большевизма». ²³⁴

За расширение интервенции в России ратовали бывшие руководители британских миссий в России. Бьюкенен, характеризуя свою деятельность по возвращении в Британию, писал: «Во всех речах, произнесенных мною в течение следующего года как в русском клубе, так и в других местах, я всегда защищал политику вооруженной интервенции». ²³⁵ Планы Локкарта в Англии яростно атаковал Нокс. Он утверждал, что британский представитель «попал под вредное влияние Робинса, фанатика с темпераментом поклоняющейся героям школьни-

²³⁰ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 107, 123; *Lowe C.J., Dockrill M.L.* Op. cit. Vol. 3. P. 670—671. — Бальфур — Локкарту, 4 и 6 марта 1918 г.

²³¹ *Ullmann R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 124, 131.

²³² *Woodward D.R.* The British Government and Japanese Intervention in Russia during World War I // *Journal of Modern History.* 1974. N 46. P. 672.

²³³ *Kennan G.* Russia Leaves the War. P. 193.

²³⁴ *Fowler W.B.* Op. cit. P. 167.

²³⁵ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 308.

цы». Он доказывал, что как бы плохо и ни была организована японская интервенция, она нанесет меньший вред делу союзников, чем «пустые переговоры» с большевиками: «Флирт с большевиками одновременно и неверен, и аморален». «Если бы мы, — говорил он, — желали только счастья русским всех классов, мы должны были бы удалиться и позволить Германии поглотить всю страну и уничтожить большевизм раз и навсегда».²³⁶ Неудивительно, что на специальном совещании, состоявшемся 11 (24) января, Нокс решительно высказывался за японскую интервенцию.²³⁷

Следует отметить, что на позицию представителей союзных миссий в Петрограде не могли не влиять настроения тех русских, с которыми они общались и мнения которых учитывали. В этих же кругах все чаще высказывались в пользу интервенции. Так, еще 6 (19) сентября некий чиновник кредитной канцелярии, связанный личными и деловыми отношениями с иностранцами (он входил в состав правлений нескольких акционерных обществ), записал в своем дневнике: «Положение безнадежное. Анархия по всей России ежедневно разрастается. Единственное спасение ввиду бессилия Временного правительства — вмешательство иностранцев во внутреннюю нашу жизнь и присылка нескольких дивизий. Довольно расширили и углубили революцию! Несомненно, наши природные богатства будут разрабатываться иностранцами и послужат к их обогащению». Затем он продолжает обдумывать и обсуждать этот вопрос: «Мне кажется, что единственное спасение страны — посылка нескольких дивизий иностранных войск, но технически, говорят, это неосуществимо» (запись от 16 (29) октября). «4 месяца продолжается на Руси анархия. Не довольно ли? Отчего над Петроградом не летают германские цеппелины? Отчего наши союзники не прислали сюда карательных отрядов?» (запись от 25 ноября (8 декабря)).²³⁸

После Октябрьской революции иностранные миссии продолжали уделять немалое внимание пропаганде. Однако действия Советского правительства ее весьма затрудняли. Так, британскому посольству было предъявлено требование прекратить деятельность информационного агентства «Космос», размещавшегося в здании посольства. (Агентство было основано Х. Личем, оно снабжало своими материалами российскую печать). Английский посол сообщил представителям прессы: «Наше бюро пропаганды, основанное с целью дать возможность обеим странам лучше ознакомиться между собой, обвиняется даже в союзе с контрреволюционерами. Для такого обвинения нет ни малейшего основания, если не считать таковым преступление, состоящее в защите своей родины против клеветы и сообщений, распространяемых германскими штабами. Пока Россия принимала активное участие в войне, до тех пор наше бюро, что совершенно естественно, также вело пропаганду в пользу войны, но оно не делает этого более теперь».²³⁹

²³⁶ Gardner L. Op. cit. P. 177; Ullman R.H. Op. cit. Vol. 1. P. 132.

²³⁷ Woodward D.R. Op. cit. P. 667.

²³⁸ Русская революция глазами петроградского чиновника. С. 9, 19, 37.

²³⁹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 300—301.

В том же месяце последовал удар и по французской пропаганде. Со ссылкой на военную миссию этой страны газеты печатали сообщения, которые были оценены советским руководством как «совершенно ложные», «рассчитанные на возбуждение смуты и хаоса в населении». Л. Д. Троцкий заявил, что «бюро информации» при французской военной миссии «подлежит немедленному закрытию».²⁴⁰

Американский исследователь отмечает, что к марту 1918 г. британские пропагандистские операции в России были пресечены Советским правительством, а деятельность французов сведена до незначительных размеров.²⁴¹

На свертывание пропаганды повлияло, по-видимому, и то обстоятельство, что она оказалась неэффективной. Так, петроградский корреспондент «Таймс» отмечал, что британская пропаганда в России, на которую английское правительство тратило значительные суммы, оказалась бесполезной в своих попытках воздействовать на русских солдат, которые были к ней совершенно невосприимчивы.²⁴²

Но именно в это время масштабы американской пропаганды в России были значительно расширены. Решение об этом было принято еще до Октябрьской революции. 16 (29) октября государственный секретарь Лансинг сообщил послу Фрэнсису, что в соответствии с предложениями миссии Рута для пропаганды в России создаются специальная телеграфно-информационная служба, служба демонстрации американских кинематографических лент со штатом механиков, а также специальное лекционное бюро. Одобряться также масштабная программа Христианского союза молодых людей, включающая посылку в Россию 200 работников этой организации.²⁴³ Возглавил пропагандистскую кампанию в России специальный представитель Комитета общественной информации США Э. Сиссон, ему предписывалось оказывать всяческое содействие. Сиссон прибыл в Петроград уже после Октябрьской революции. Свою миссию он понимал очень широко: Сиссон считал себя специальным представителем президента, он давал разнообразные политические рекомендации, создал свою разведывательную сеть.²⁴⁴

Расширялась и собственно пропагандистская деятельность. Помощник Сиссона А. Гомберг уже в начале декабря договорился об использовании одной петроградской типографии для нужд Комитета общественной информации.²⁴⁵ В феврале 1918 г. в типографии бывшего петроградского градоначальства была отпечатана брошюра «Письма американского друга». Автор брошюры стремился вызвать чувство доверия к США, сопротивление германским требованиям в Брест-Литов-

²⁴⁰ Троцкий Л. Д. 1) Французская военная миссия — источник лжи и отравленных слухов // Известия. 1917. 23 декабря; 2) Собр. соч. Т. 3, ч. 2. С. 247—250.

²⁴¹ Kennan G. The Decision to Intervene... P. 196.

²⁴² Ullman R.H. Op. cit. Vol. 1. P. 66.

²⁴³ FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 214—215.

²⁴⁴ Fike C.E. The Influence of the Creal Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations. 1917—1919 // The Journal of Modern History. 1959. Vol. XXXI. N 2. P. 95.

²⁴⁵ Libbey I.K. Alexander Gumberg and Soviet-American Relations. 1917—1933. Lexington, 1977. P. 30.

ске, способствовать борьбе с «германским влиянием». Брошюра, тираж которой превысил 300 тыс. экз., распространялась и после подписания мира.²⁴⁶ Пожалуй, еще более интенсивно американские пропагандистские материалы печатались в Москве. Там, в частности, выпускались «Американские бюллетени», они выходили до 24 августа 1918 г. Сиссон ставил вопрос и об издании газеты.²⁴⁷ Представитель Комитета общественной информации не оставил также идеи использования для пропаганды кинематографа. На Невском проспекте был снят специально кинематограф. Правда, большая часть американских лент застряла в Стокгольме и пришлось ограничиться демонстрацией двух небольших картин.²⁴⁸

Важнейшей пропагандистской акцией Сиссона было распространение текста знаменитых «14 пунктов» Вильсона. Собственно, на сам факт появления этого известного документа повлияли представители США в России. Так, посол Фрэнсис рекомендовал Вильсону публично повторить «благородные выражения» его январского послания 1917 г., а Сиссон в телеграмме, адресованной руководителю американского Комитета общественной информации, предлагал: «Если президент вновь сформулирует американские антиимпериалистические цели войны и требования мира не более чем в тысяче слов, короткими, почти плакатными параграфами, краткими фразами, я могу переправить это в большом количестве в Германию в переводе на немецкий и в очень сильной степени использовать в России русский текст в армии и повсюду. Выдержки из предшествующих заявлений пользы не принесут».²⁴⁹

Руководство американской внешней политикой рассматривало распространение речи Вильсона как важную задачу. В своей телеграмме от 27 декабря (9 января) послу Фрэнсису государственный секретарь Лансинг потребовал доложить о мерах, предпринятых для распространения «14 пунктов». В своем ответе 30 декабря (12 января) посол указывал, что, по данным бюро информации, 100 тыс. экз. послания «будут здесь завтра, также 80 тыс. экз. печатаются Христианским союзом молодых людей. Кроме того, несколько сотен тысяч экземпляров печатается на немецком языке для распространения за линией фронта, текст также передан для распространения Петроградскому телеграфному агентству».²⁵⁰

Как видим, в отличие от британских и французских пропагандистских служб соответствующие американские миссии в Петрограде действовали в сравнительно благоприятных условиях. Чем это можно объяснить? Отчасти направленностью американской пропаганды. Хотя, по-видимому, государственный департамент предлагал Комитету общественной информации начать интенсивную кампанию антибольшевистского характера в России, руководство комитета отклонило этот план,

²⁴⁶ Письма американского друга. Пг., 1918. 32 с. (Бесплатное приложение к №16 «Американских бюллетеней»); Kennan G. The Decision to Intervene... P. 195.

²⁴⁷ Ганелин П.Ш. Советско-американские отношения... С. 127—128; Kennan G. The Decision to Intervene... P. 203.

²⁴⁸ Kennan G. The Decision to Intervene... P. 193—194.

²⁴⁹ Цит. по: Ганелин П.Ш. Советско-американские отношения... С. 127.

²⁵⁰ FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 426.

а в декабре заручилось и поддержкой президента.²⁵¹ Пропаганда США в России была по своему содержанию в первую очередь антигерманской, что даже создавало в тех условиях предпосылки для временного пропагандистского сотрудничества Сиссона с соответствующими советскими службами, которыми руководил К. Радек. Для распространения американских пропагандистских материалов были использованы советские каналы. С другой стороны, американцы считали выгодным для себя распространение среди германских солдат антивоенных интернационалистских материалов, издаваемых большевиками. Поэтому неудивительно, что, по некоторым данным, Сиссон и Робинс отчасти финансировали деятельность этой советской пропагандистской службы.²⁵²

Деловое сотрудничество Сиссона с советскими представителями вполне согласовывалось и с его общей политической позицией: он был сторонником широких политических контактов с Советским правительством во имя борьбы с Германией. Однако в феврале 1918 г. его позиция претерпела серьезные изменения. 20 января (2 февраля) в распоряжение Сиссона попал первый документ, «свидетельствовавший» о том, что большевики — платные агенты германского генерального штаба. Затем число таких бумаг значительно увеличилось. Сиссон ознакомил с ними посла Фрэнсиса, и вскоре текст бумаг стал передаваться в Соединенные Штаты. Государственный секретарь Лансинг проявил большую заинтересованность и требовал новых документов.²⁵³ 3 марта Сиссон покинул Петроград, с собой он увозил документы, которым придавал большое значение. В Вашингтоне также продолжали интересоваться досье Сиссона. Специально созданная комиссия ученых-историков подтвердила «подлинность» документов. Впоследствии стало известно, что правительственные ведомства США оказывали на ученых давление, требуя именно такого вывода. «Документы Сиссона» оказали известное воздействие на позицию президента Вильсона — он более определенно стал склоняться в пользу интервенционистских действий в России.²⁵⁴ Публикация документов Комитетом общественной информации США должна была повлиять на общественное мнение США в пользу расширения интервенции в России.²⁵⁵ В том же году в пропагандистских целях Комитет общественной информации издал «документы Сиссона» на русском языке, издание распространялось в Сибири.²⁵⁶

Изучению вопроса о «документах Сиссона» посвящен ряд специальных исследований.²⁵⁷ Убедительно показывается, что наиболее «информативные» документы были подделкой. Главным поставщиком

²⁵¹ *Trani E.P.* Woodrow Wilson and the Decision to Intervene in Russia: A Reconsideration // *Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. N 3. P. 450.

²⁵² *Kennan G.* Russia Leaves the War. P. 251.

²⁵³ *FRUS*. Russia. 1918. Vol. 1. P. 381, 382.

²⁵⁴ *Fowler W.B.* *Op. cit.* P. 179.

²⁵⁵ *The German-Bolshevik Conspiracy* / Ed. E. Sisson. Washington, 1918.

²⁵⁶ Германская попытка распорядиться Россией: Участие германского правительства в большевизме и развале России. Владивосток, 1918. 16 с.; *Fike C.E.* *Op. cit.* P. 99.

²⁵⁷ См.: *Kennan G.F.* The Sisson Documents // *Journal of Modern History*. 1956. XXVIII. P. 130—154.

этих документов в американские и британские миссии Петрограда был журналист Е.П. Семенов (С.М. Коган), сотрудничавший в правых изданиях «Новое время» и «Вечернее время». В этих же газетах (до их закрытия) работал и А.М. Оссендовский (Мзура), который, как полагают исследователи вопроса, и был основным составителем подделки.²⁵⁸ Американский ученый высказывает предположение, что к деятельности Оссендовского могли быть причастны японские миссии в Петрограде.²⁵⁹

Такую возможность исключать, разумеется, нельзя. Однако можно высказать и другие предположения относительно деятельности Семенова-Оссендовского. Известно, что Семенов был тесно связан с правоэкстремистскими организациями, группировавшимися вокруг Л.Г. Корнилова.²⁶⁰ Выше также отмечалось, что с этими группировками контактировали некоторые представители британских миссий. Документы, получившие впоследствии известность как «документы Сиссона», попали в поле зрения британских миссий в Петрограде, а некоторые материалы Сиссон получил именно от англичан. Миссии Великобритании вообще были ориентированы на сбор подобных материалов. «За небольшим исключением, ваши агенты здесь проводят только одну политику — доказать, что большевики настроены прогермански», — доносил Локкарт Бальфуру в своем послании от 18 марта.²⁶¹ Однако, несмотря на свою активность в поисках разоблачительных документов, британские разведчики в Петрограде удивительно осторожно отнеслись именно к «документам Сиссона». Упоминание об этом содержится в мемуарах Локкарта: «Они (большевики. — Б.К.) представляли меня доверенным лицом Ллойд Джорджа, чрезвычайно влиятельным политиком, их сторонником. Это преувеличение повело к некоторым трениям с представителями союзных держав. Особенно отличился один агент американской разведки, который донес обо мне своему правительству как об опасном красном и апостоле братания. Самым выдающимся военным подвигом этого господина явилась, впрочем, покупка пакетов так называемых документов, которыми не соблазнилась даже наша разведка, до того они были грубо подделаны».²⁶²

Итак, британские миссии передавали американцам материалы, в подлинности которых они по меньшей мере сомневались. При этом своими сомнениями они не спешили поделиться с представителями союзников. Вряд ли это было случайным. По-видимому, британцы надеялись, что документы заставят американцев более определенно высказаться в поддержку интервенции в Россию — известно, что британская дипломатия в то время пыталась именно в этом направлении повлиять на позицию президента Вильсона, проявлявшего ранее известные колебания.

²⁵⁸ Ibid. P. 145—152.

²⁵⁹ Ibid. P. 152—153.

²⁶⁰ См.: *Иоффе Г.З.* У истоков корниловщины // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917—1918 гг. М., 1986. С. 223—235. — Е. Семенов сотрудничал в журнале «Русско-британское время».

²⁶¹ *Ullman R.H.* Op. cit. Vol. 1. P. 134.

²⁶² *Локкарт Р.Б.* Указ. соч. С. 206; см. также: с. 215—216.

После Октябрьской революции в деятельности союзных миссий в Петрограде не было единства. Различные миссии на разных этапах выдвигали планы, подчас друг друга исключаящие. Разногласия касались и отношения к Советскому правительству, и вопроса о помощи противосоветским силам, и проблемы непосредственной вооруженной интервенции в Россию. Однако при всех этих разногласиях в целом преобладала определенная линия — любой ценой удержать Россию в мировой войне. По-разному преследуя эту цель, миссии все более глубоко вязывались в российские внутривнутриполитические проблемы. Усиливающееся вмешательство миссий усложняло и без того необычайно сложную политическую ситуацию, способствовало расширению и ужесточению уже начинавшейся страшной гражданской войны.

В целом же деятельность представителей союзных держав (Англии, Франции, а с 1917 г. США) в России, прежде всего в Петрограде, на всем протяжении 1914—1918 гг. во многом подготовила их правительства к организации интервенции против советского государства. Она находила проявление в самых разнообразных формах и отнюдь не сводилась к одному только открытому, прямому и противосоветскому вооруженному выступлению. Особенно это касалось событий на Северо-Западе России. Гораздо более быстрым и решительным, лишенным длительной политики предыстории и вытекавшим главным образом из условий первой мировой войны было вооруженное вторжение кайзеровской Германии в этом районе.

Глава III

ИНТЕРВЕНЦИЯ ГЕРМАНИИ

РАЗРЫВ ПЕРЕГОВОРОВ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ И НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

В начале XX в. германская империя стала сильнейшим в военном отношении государством Европы. Ее правящие круги стремились добиться осуществления своих аннексионистских планов и с нетерпением рвались в бой. «Армия устала от этого 39-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать ее немедленно», — заявил в 1909 г. военному атташе России в Берлине начальник военного кабинета германского императора генерал-адъютант фон Линкером.¹

Именно Германия одной из первых начала усиленную гонку вооружений и в значительной мере способствовала возникновению в июле 1914 г. первой мировой войны. Планы военно-политических кругов Германии в этой войне состояли в том, чтобы разгромить Англию, захватить ее колонии, ослабить Францию и совместно с Австро-Венгрией утвердиться на Балканах.

По отношению к России их целью было значительное потеснение ее позиций путем прямого или замаскированного отторжения важных в экономическом и стратегическом отношении территорий — Литовской, Курляндской, Эстляндской губерний, Украины, Белоруссии, Польши и даже Кавказа. Все это оправдывалось необходимостью расширения границ Германии как условия ее дальнейшего экономического и государственного развития.

К середине 1917 г., когда в войне на стороне Антанты выступили США и некоторые другие страны, положение империалистической Германии и государств Четверного союза стало крайне тяжелым. Продолжалось истощение их военных сил и ресурсов, нарастали забастовочное и антивоенное движения.

Однако под впечатлением временных успехов германских войск летом и осенью 1917 г. вновь ожили надежды милитаристов на измене-

¹ Цит. по: Шаццлло К.Ф. Россия перед первой мировой войной. М., 1974. С.79—80.

ние хода войны в пользу Германии. Были предприняты дополнительные меры по мобилизации всех экономических и военных средств, в том числе и связанные с использованием материальных ресурсов территорий ряда европейских государств, захваченных к этому времени. Но надежды эти не осуществились.

С победой Октябрьской революции Советская Россия начала активную борьбу против продолжения мировой войны, предложив в Декрете о мире всем воюющим странам мир без аннексий и контрибуций с полным соблюдением прав для всех наций. В течение ноября—декабря 1917 г. это предложение неоднократно повторялось как бывшим союзникам России по войне — Англии, Франции, США, так и Центральным державам.²

Однако правительства Англии, Франции и США, не желая способствовать окончанию войны путем заключения всеобщего демократического мира, ответили отказом, что побудило Советское правительство вступить в сепаратные мирные переговоры с Германией.

Стремясь изменить в свою пользу ход войны и учитывая тяжелое экономическое положение, Германия в ответ на предложение Советского правительства от 8 (21) ноября 1917 г. согласилась на ведение переговоров о перемирии. Они проходили с 20 ноября (3 декабря) по 2 (15) декабря 1917 г. и закончились заключением перемирия на 28 дней. При этом правящие круги Германии полагали, что советская власть долго не продержится. Германский историк Ф. Фишер отмечает, что имперский канцлер Г. Гертлинг и его министры исходили также из того, что «мир следует заключить быстро... пока у власти те, кто сам нуждается в мире, кто слабы и от которых поэтому следует ожидать, что они согласятся на германские условия».³ Гертлинг в своем выступлении 29 ноября 1917 г. в рейхстаге выражал даже готовность вести переговоры на основе предложенного Советской Россией права народов на самоопределение.⁴

Однако истолкование этого права правящими кругами Германии отражало все то же стремление к экспансии на Востоке. Статс-секретарь германского ведомства иностранных дел, глава немецкой делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске Р. Кюльман 27 ноября 1917 г. заявлял: «...русские сами выставили формулу мира без аннексий и контрибуций, на основе права на самоопределение. Следовательно, если российские западные народы выскажутся за отделение от России, то их желания должны быть исполнены, даже если они потребуют присоединения к нам в той или иной форме».⁵ Он же позднее признавал: «Мой план заключался в том, чтобы втянуть Троцкого в чисто академическую дискуссию о праве народов на самоопределение и его практическом применении и добиться через право народов на самоопределение тех территориальных уступок, которые были нам необходимы во что бы то ни стало».⁶

² ДВП. М., 1957. Т. 1. С. 16—70.

³ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. 3-e Aufl. Düsseldorf, 1964. S. 638.

⁴ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. 1917—1918. М., 1968. Т. 1. С. 13.

⁵ Цит. по кн.: Ахтамзян А. От Бреста до Киля. М., 1963. С. 19—20.

⁶ Kühlmann R. von. Erinnerungen. Heidelberg, 1948. S. 523—524.

Ход переговоров о перемирии и мире в Брест-Литовске досконально изучен в советской и зарубежной исторической литературе. Поэтому в данной работе целесообразно раскрыть лишь те конкретные цели и планы, которые ставили правящие круги Германии на Северо-Западе России накануне и во время мирных переговоров в Брест-Литовске.

С самого начала переговоров и особенно после их разрыва в кайзеровском правительстве и Главной ставке Верховного главнокомандования постоянно и интенсивно обсуждались планы захватов или присоединения восточных земель.⁷ Так, в «Памятной записке о финансовом положении России и его экономических и политических последствиях», обсуждавшейся в различных германских ведомствах в декабре 1917 г., перед самым началом мирной конференции в Брест-Литовске, были сформулированы следующие германские требования в отношении северо-западных районов бывшей Российской империи: отделение Эстляндии с Нарвой и Ивангородом, Лифляндии, трех западных округов Витебской губернии (с Двинском и так называемой польской Лифляндией), и Курляндии, а также отделение Литвы и губернии Сувалки и присоединение всех этих территорий к Германии.⁸

При этом речь не шла о действительном самоопределении литовцев, латышей и эстонцев. Оккупация северо-западных районов должна была служить прежде всего выкачиванию из них как можно большего количества продовольствия и сырья для германской армии и военной промышленности, использованию их населения в качестве дешевой рабочей силы.⁹

Имели место и военно-стратегические расчеты. Генерал-квартирмейстер генерального штаба германской армии Э. Людендорф так мотивировал необходимость захватов на Северо-Западе: «Мы должны были воспрепятствовать Англии утвердиться в Петрограде и Финском заливе и с этой целью, ударив на большевистские войска, продвинувшись через Лифляндию и Эстляндию до Нарвы, чтобы иметь возможность отсюда своевременно вмешаться. Финляндия, которая обратилась к нам за помощью против большевистского засилия, также могла явиться нашей союзницей в борьбе с большевиками».¹⁰

Аннексионистские планы в отношении северо-западных территорий убедительно подтверждаются предложениями и решениями, принятыми 6 и 7 декабря 1917 г. на совещаниях у рейхсканцлера, где обсуждались германские требования на переговорах о мире в Брест-Литовске. Выступая на этих совещаниях, начальник генерального штаба германской армии генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург заявил: «Литва нужна нам для обеспечения наших границ. Ее следует прочно приковать к себе. Не самостоятельное государство, а личная уния с Пруссией... Обладание Эстляндией желательно с военной точки зрения». В итоге совещания было решено добиться личной унии Литвы и

⁷ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 21—48.

⁸ *Израэлян В.Л.* Неоправдавшиеся прогнозы графа Мирбаха // Новая и новейшая история. 1967. № 6. С. 57.

⁹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 708—710.

¹⁰ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 13.

Курляндии с Пруссией и «настоятельно потребовать очищения (от русских войск. — *П.Н.*) Лифляндии и Эстляндии, а также Финляндии».¹¹

Для осуществления столь обширных планов территориальных захватов на Северо-Западе германское командование могло с успехом использовать выгодно сложившееся для него военно-стратегическое положение после рижской операции в октябре 1917 г., в результате которой были заняты г. Рига, острова Моонзундского архипелага и часть Лифляндии. В то время для русской армии и флота это обстоятельство затрудняло надежную защиту побережья от Риги до Ревеля, а в дальнейшем у Петрограда. Все это и определило характер развернувшихся здесь позднее военных и политических событий, когда Германия прервала перемирие и в течение 14 дней, с 18 февраля по 3 марта 1918 г., повела военное наступление против революционной России.

Представители правящей и военной верхушки — кайзер Вильгельм II, глава германского ведомства иностранных дел Кюльман, генералы Гинденбург и Людендорф — на совещании 13 февраля в Гомбурге, где решался вопрос об антибольшевистской интервенции, в своих речах настаивали на военном вторжении в Советскую Россию с целью парализовать революционную угрозу для Германии и осуществить экспансию на Востоке.

Генерал Людендорф говорил: «Мы должны закончить войну по-военному. Для этого нам нужна свобода на Востоке... Мы должны маршировать на Петербург... Новое правительство (России. — *П.Н.*) должно заключить мир».¹² Позднее в своих воспоминаниях о войне 1914—1918 гг. он писал: «...мне было ясно, что большевизм является для нас очень опасным врагом, для сдерживания которого нам придется расходовать много сил, даже если будет заключен мир... Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир».¹³

В результате участники совещания пришли к выводу — прервать перемирие и начать наступление на Восточном фронте 18 февраля 1918 г., чтобы военными средствами расширить сферу своего влияния на Востоке, прежде всего на Северо-Западе России. Именно к такому решению они заранее готовились, несмотря на участие Германии в трехмесячных переговорах о перемирии и мире в Брест-Литовске.

Об этом убедительно и подробно говорится в книге первого офицера штаба 8-й немецкой армии, действующей на Северо-Западе, Х. Каупиша «Освобождение Лифляндии и Эстляндии (с 18 февраля по 5 марта 1918 г.)», опубликованной в Германии в том же 1918 г. В книге, созданной на основе официальных источников, имеется специальная глава под названием «Подготовка к наступлению». Автор со знанием военно-

¹¹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 32, 43—48.

¹² Там же. С. 333.

¹³ Людендорф Э. Указ. соч. Т. 2. С. 122, 128.

го специалиста подробно излагает здесь ход военно-оперативной подготовки к захвату Лифляндии и Эстляндии, а также части территорий Псковской и Петроградской губерний. Он пишет, что «Германия намеревалась предоставить Лифляндии и Эстляндии свою помощь в том случае, если мирные переговоры с Россией потерпят крах».¹⁴ Заранее, до исхода мирных переговоров в Брест-Литовске, были точно определены маршруты возможного наступления германских войск (Двинск—Режица—Псков; Рига—Мариенбург—Валка—Псков; острова Эзель—Моон—города Гапсаль—Ревель—Нарва), пути и средства доставки наступающим войскам продовольствия и снаряжения. Была разработана маневренная тактика боевых действий небольшими отрядами, передвигающимися впереди основных колонн, а также «летучими» отрядами и штурмовыми группами, способными «молниеносно сломить сопротивление и помешать русским защитить свои позиции».¹⁵ В дни мирных переговоров, по словам автора, были проведены «переправка воинских частей по железной дороге или пешим порядком в места развертывания действий и последующее размещение их согласно плану ведения военных операций».¹⁶

12 февраля 1918 г., через 48 ч после прекращения мирных переговоров в Брест-Литовске, командование Северного корпуса уже получило приказ начать форсированную подготовку к наступлению, но в интересах сохранения тайны как можно дольше не производить передвижения войск. Одновременно Вильгельм II отдал приказ командующему 8-й германской армии «вступить на территорию Лифляндии и Эстляндии сразу же после прекращения мирных переговоров в Брест-Литовске». К 18 февраля, как свидетельствует Каупиш, «оказалось возможным закончить последние приготовления к операции».¹⁷

Германские дипломаты и политики одновременно готовились оправдать и закрепить аннексию северо-западных районов. По их инициативе 5 февраля 1918 г. представители немецких баронов Лифляндии и Эстляндии направили прошение на имя кайзера Вильгельма II, в котором просили «освободить их от гнета и воссоединить эти земли с Курляндией» под его скипетром.¹⁸ В середине февраля 1918 г. в Берлине было объявлено об отторжении Северной Лифляндии и Эстляндии от России и присоединении их к Германии.¹⁹

Вильгельм II, его генералы и дипломаты использовали для начала антисоветской интервенции известное заявление главы советской делегации на брестских переговорах Л.Д. Троцкого 28 января (10 февраля) 1918 г. об отказе России подписать аннексионистские условия мира,

¹⁴ *Kaupisch H.* Die Befreiung von Livland und Estland (18 Februar bis 5. März 1918). Oldenburg, 1918. S. 37.

¹⁵ *Ibid.* S. 39.

¹⁶ *Ibid.* S. 41.

¹⁷ *Ibid.* S. 35, 40, 41.

¹⁸ *Моя газета.* 1918. 9 августа. — Издавалась в оккупированном немцами г. Острове.

¹⁹ *Kaupisch H.* *Op. cit.* S. 35.

о выходе ее из войны и демобилизации русской армии по всему фронту.²⁰

На том же заседании в ответ на заявление Троцкого Кюльман сказал: «...если мирный договор не будет заключен, то, очевидно, самый договор о перемирии теряет свое значение и по истечении предусмотренного в нем срока война возобновляется. То обстоятельство, что одна из сторон демобилизует свои армии, ни с фактической, ни с правовой стороны ничего не меняет в данном положении».²¹ Из этих слов Кюльмана фактически следовало, что Германия приняла решение о возобновлении военных действий против Советской России. 18 февраля 1918 г. без предварительного (за семь дней) предупреждения, обусловленного договором о перемирии, германские войска перешли в наступление по всей линии фронта от Балтийского моря до Карпат. На Восточном фронте было сосредоточено в то время около 1 млн германских войск (40 пехотных и 9 кавалерийских дивизий). Большая часть их — 24 пехотные и 4 кавалерийские дивизии (северо-восточная армейская группа под командованием генерала Г. Эйхгорна) — двинулась в наступление на Белоруссию и Прибалтику.²² Германское командование, по свидетельству Э. Людендорфа, рассчитывало «нанести короткий, но сильный удар» по расположенным здесь русским войскам, захватить большое количество военного снаряжения.²³ Затем предполагалось продвинуться через Псков, Ревель, Нарву на ближайшие подступы к советской столице — Петрограду, на западе — к Смоленску.

Кайзеровские войска перешли в наступление одновременно по главным железнодорожным путям, широко используя при этом и сводные подвижные моторизованные авангарды с целью быстрого овладения крупными транспортными узлами и другими опорными пунктами на подступах к Петрограду. Вслед за передовыми отрядами двинулись основные силы. Наступление германских войск активизировало противосоветские силы внутри страны, особенно в прифронтовой полосе. Они намеревались помочь кайзеровским войскам взять Петроград и другие русские города. Советская власть оказалась в самом критическом положении: ей одновременно угрожал и внешний враг — германские империалисты, и силы внутренней контрреволюции.

С утра 19 февраля наступление германских войск стремительно развернулось на всем Северном фронте. Через Лифляндию и Эстляндию на Ревель, Псков и Нарву (конечная цель — Петроград) двинулись войска 8-й германской армии (6 дивизий), отдельный Северный корпус, дислоцировавшийся на Моонзундских островах, а также специальное армейское соединение, действовавшее с юга, со стороны Двинска.²⁴

²⁰ Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т. 1. С. 208.

²¹ Там же.

²² Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte. Berlin, 1985. S. 321; Куль Ф., Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций в 1918 г. М., 1935. С. 24.

²³ Людендорф Э. Указ. соч. Т. 2. С. 132.

²⁴ Kaupisch H. Op. cit. S. 40.

Наступавшим германским войскам должны были противостоять 1-я, 5-я и 12-я армии Северного фронта, но ни одна из них в то время не была реальной силой, способной оказать серьезное сопротивление интервентам. Разложение фронтовых армий стало реальностью еще до Октябрьской революции. Такое же положение было и в армиях Северного фронта. В докладе начальника штаба 12-й армии генерала Посохова штабу Северного фронта ее состояние уже в ноябре 1917 г. оценивалось так: «Армии не стало — есть огромная, усталая, плохо одетая, с трудом прокармливаемая, озлобленная толпа людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Достаточно натиска небольших неприятельских сил, чтобы вся эта масса людей ринулась в тыл, все сокрушая, поедая и уничтожая на своем пути».²⁵ В январе 1918 г., накануне немецкого наступления, начальник штаба Верховного главнокомандующего русской армии М.Д. Бонч-Бруевич сообщал в Совет Народных Комиссаров о полном расстройстве фронта и отмечал, что ни о какой обороне от наступления германских войск говорить не приходится, так как «обороняться нечем и нечем, да и вообще драться будут отдельные кучки бойцов».²⁶

Командование 8-й германской армии, наступавшей на Северо-Западе, видело главное препятствие для продвижения своих войск в больших снежных заносах и разрушениях железных дорог и других путей отступающей старой русской армией и лишь отчасти в возможном сопротивлении ее частей.

Советская власть в то время реально могла противопоставить здесь наступающему противнику только незначительные силы: во-первых, малочисленные, необученные и плохо вооруженные отряды и части Красной Армии, которые стали формироваться под декрету Совнаркома от 15 (28) января 1918 г., всего лишь за 23 дня до начала немецкого наступления; во-вторых, небольшие и плохо снаряженные красногвардейские рабочие и партизанские отряды; в-третьих, немногочисленные, но с крепкими большевистскими организациями, сохранившие боеспособность части старой армии (сибирские и латышские полки). В результате армия, охваченная тяжким недугом, стала сама расходиться и разбегаться, захлестнув все железные дороги. «Лишь отдельные части и импровизированные отряды общей численностью примерно 30—50 тыс. человек из всего состава многомиллионной армии оставались под знаменами революции (латышские части, замурские полки, броневые части, матросы и т.п.)», — свидетельствовал начальник Чрезвычайного военного штаба Народного комиссариата по военным делам Ф.П. Никонов.²⁷

В первую же неделю наступления (с 18 по 24 февраля) передовые отряды германских войск на Северо-Западе продвинулись в глубь страны более чем на 200 км.²⁸ «Армия бросилась бежать, бросая все, сметая

²⁵ Вестник IV армии. 1917. 31 декабря.

²⁶ Октябрьская революция и армия: Сб. документов. М., 1973. С. 377—380.

²⁷ Вестник IV армии. 1917. 3 декабря.

²⁸ Wörterbuch zur Deutschen Militärgeschichte. S. 321.

все на своем пути», — напишет об этих событиях в том же 1918 г. в своей работе «Смерть старой армии» первый советский главнокомандующий русской фронтовой армией Н.В. Крыленко.

В столь кризисной ситуации, осложнявшейся еще резкими разногласиями по вопросам войны и мира в самой большевистской партии, Советское правительство предпринимает экстренные дипломатические и военно-мобилизационные меры для того, чтобы остановить дальнейшее вторжение интервентов в глубь страны. В ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров отправил германскому правительству радиogramму с выражением протеста против наступления германских войск и с согласием подписать выработанный ранее в Бресте мирный договор. Прошло еще пять дней, прежде чем в Петрограде был получен в ответ ультиматум германского правительства, датированный 21 февраля, в котором брестские условия значительно ухудшились. Давался 48-часовой срок для их принятия, трехдневный — для подписания и двухнедельный — для ратификации мирного договора. В то же время германское Верховное командование заявило, что оно «намерено продолжать военные действия до завершения переговоров».²⁹

В течение этих драматических 18 ч (от получения германского ультиматума в 10 ч 30 мин 23 февраля до принятия его ВЦИКом в 4 ч 30 мин 24 февраля) решался вопрос не только войны или мира, решалась судьба самой большевистской революции. В.И. Ленин и его сторонники доказывали необходимость принять ультимативные условия немцев, чтобы получить ценой даже тяжелых уступок мирную передышку для укрепления позиций советской власти и сил революции. 24 февраля 1918 г. ВЦИК в результате поименного голосования на пленарном заседании большинством в 116 голосов против 85 и при 26 воздержавшихся решил принять германский ультиматум. В этот же день в 7 ч 32 мин Советское правительство сообщило о принятом решении в Берлин и столицы других государств Четверного союза, одновременно отправив новую мирную делегацию в Брест-Литовск.

Однако наступление германских войск продолжалось вплоть до 4 марта 1918 г., несмотря на официальные протесты советских военных и политических представителей. В этих условиях Советское правительство предприняло ряд экстренных мер для организации сопротивления продолжавшим вторжение в страну германским интервентам.³⁰

В первые же дни борьбы с интервентами для обеспечения защиты Петрограда и подступов к нему — городов Пскова, Ревеля, Нарвы и других важных пунктов — были образованы Комитет революционной обороны Петрограда и Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. Соответствующие военно-оперативные органы были созданы и в указанных городах.

²⁹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 350.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.; Л., 1964; *Петров В.И.* Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980; *Мицк И.И.* Год 1918-й. М., 1982; *Николаев П.А.* На защиту Петрограда! Л., 1986.

21 февраля в 12 ч 20 мин В.И. Ленин направил телефонограмму в Петроградский и во все районные большевистские комитеты партии города, в которой предлагал, «не теряя ни часа... организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного под контролем этих рабочих на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции».³¹ В тот же день Совнарком принял декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», подписанный В.И. Лениным. В декрете говорилось о непреклонной решимости Советской республики защищаться до последней возможности против наступления войск империалистической Германии и предписывалось: «1) Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны. 2) Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови».³²

Во исполнение декрета 22 февраля Комитет революционной обороны Петрограда на первом же заседании решил сформировать к 24 февраля два отряда по 1000 человек для отправки на фронт под Псков и Ревель.³³ Тысячи рабочих, матросов и солдат Петрограда, Пскова, Ревеля и Нарвы добровольцами записались в Красную Армию, декрет о создании которой был принят за неделю до того — 15(28) января 1918 г. Субботу, 23 февраля, исполком Петроградского Совета объявил Днем защиты социалистического отечества. В Петрограде и других городах Северо-Запада на большинстве заводов и фабрик под руководством большевиков прошли митинги и собрания с призывом: «Все к оружию! Все на защиту революции!».

В Петрограде в эти дни ускоренно формировался 1-й корпус РККА. К 25 февраля 9750 петроградских рабочих, солдат и матросов записались добровольцами в Красную Армию, в Ревеле (к 23 февраля) — 3000, в Пскове (к 24 февраля) — 450, в Нарве (на 1 марта) — 1200.³⁴ Одновременно проходило формирование добровольческих отрядов в прифронтовых городах и тыловых гарнизонах — Царском Селе, Колпино, Луге, Опочке, Новоржеве, Острове, Порхове.³⁵

Все эти события послужили позднее основанием для установления в большевистской России, начиная с 23 февраля 1919 г., ежегодного празднования Дня Красной Армии.³⁶

В первую неделю наступления германских войск на Петроград встать на его защиту могли не более 14 тыс. красноармейцев и красногвардейцев, тогда как германское командование сосредоточило на

³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 354.

³² Там же. С. 357.

³³ Исторический архив. 1960. № 6. С. 52; ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 101, оп. 1, д. 59, л. 4.

³⁴ РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 143, л. 135; Софинов П.Г. Борьба советского народа против германской интервенции в феврале 1918 г. М., 1958. С.87.

³⁵ РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 60; ф. 2, оп. 1, д. 66, л. 34; Центральный музей революции. Инв. № 32612/10 е.

³⁶ ЦАДП и ОД (Псков), ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 6, 6 об.; Правда. 1919. 5 февраля; Красная газета. 1919. 7 февраля.

этом направлении около 16 регулярных, хорошо оснащенных дивизий.³⁷

По тревоге наскоро сформированные красноармейские и красногвардейские отряды, латышские стрелки поспешно вооружались и немедленно бросались на фронт под Псков, Дно, Порхов, Лугу, Ревель; Кегель, Нарву и Гдов. Эти отряды должны были занять позиции отступавших, деморализованных солдат старой армии и задержать наступление германских войск до организации новых красноармейских частей. «И те отряды, которые брошены были тогда на фронт, — говорил комиссар Северного фронта Б.П. Позерн в апреле 1918 г., — проявили в иных случаях чрезвычайную храбрость, самоотверженность, стойкость...».³⁸

Особенно упорное сопротивление интервентам было оказано под Псковом и Нарвой. На освещении этих событий необходимо остановиться несколько подробнее. Дело в том, что как в военно-исторических исследованиях, так и в учебной литературе имеются различные, подчас противоположные точки зрения на обстоятельства, связанные с боями под Псковом и Нарвой в феврале—марте 1918 г. В прошлом, с конца 30-х до конца 50-х гг., значение этих боев непомерно преувеличивалось. События освещались так, будто первые же красноармейские отряды в боях под Псковом и Нарвой «наголову разбили немецких захватчиков», и «именно поэтому день 23 февраля 1918 года был объявлен днем рождения Красной Армии».³⁹ В середине 60-х гг., наоборот, в ряде статей появились попытки поставить под сомнение самый факт, что февральско-мартовские дни 1918 г. под Псковом стали временем боевого крещения первых отрядов Красной Армии, которые стойко сражались с германскими захватчиками и приостановили их продвижение к Петрограду.⁴⁰

Как же на самом деле развивались военные действия под Псковом? Для захвата Пскова, являвшегося центром всего Северного фронта и первостепенным стратегическим пунктом на пути к Петрограду,

³⁷ Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973. С. 67.

³⁸ Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 268; ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9618, оп. 1, д. 183, л. 41.

³⁹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 41. — Это неправильное утверждение сохранялось в некоторых вузовских учебниках по истории. Так, в учебнике «История СССР. Эпоха социализма» для исторических факультетов вузов, вышедшем в 1985 г. 90-тысячным тиражом, на с. 63 утверждается, что «23 февраля вновь организованные полки (!?) Красной Армии, отбив многочисленные атаки противника, удержали Псков (!?)... Впоследствии день 23 февраля был признан днем рождения Красной Армии и поныне отмечается как праздник Советских Вооруженных Сил». В приведенном утверждении допущены одновременно три ошибки: по-первых, к 23 февраля в Красной Армии еще не было сформировано регулярных полков, а действовали лишь добровольческие отряды; во-вторых, бои этих отрядов под Псковом проходили не 23, а в ночь с 24 на 25 февраля, так как германские войска 23 февраля вечером заняли еще только г. Остров, расположенный южнее Пскова в 50 км; в-третьих, несмотря на упорное и героическое сопротивление советских войск захватчикам, 25 февраля Псков был ими занят и ровно 9 месяцев находился под пятой германских оккупантов.

⁴⁰ См.: Военно-исторический журнал. 1964. № 5. С. 114—117; Новый мир. 1966. № 2. С. 237—240.

германское командование двинуло 5 полков (4 пехотных и 1 кавалерийский) и артиллерийские части.⁴¹ Эти войска продвигались к Пскову по железным и шоссевым дорогам с юга и юго-запада. Еще на дальних подступах к Пскову они встретили сопротивление латышских стрелков в г. Валке. Газета «Правда» от 24 февраля указывала: «В Валке идет бой немецких ударников с отрядом латышей в 300 человек». Народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский сообщал 23 февраля, что около г. Валки героически держались латыши.⁴²

Чтобы задержать продвижение кайзеровских войск на пути к Пскову, частично были разрушены мосты и железнодорожное полотно. В телеграмме, посланной 24 февраля из Пскова в штаб Петроградского военного округа, говорилось: «...пути [к] Пскову подорваны, мосты разрушены, вперед к югу посланы кавалерийские и пехотные отряды, намерены наступать партизанскими отрядами для уничтожения отрядов противника, пришлите хорошие надежные отряды, если можно, кавалерийские».⁴³

Первый бой советских частей с кайзеровскими войсками, непосредственно наступавшими на Псков, начался 24 февраля и продолжался до вечера 25 февраля 1918 г. Советские силы были немногочисленны. По неполным данным, в их состав входили: псковские красногвардейцы и солдаты-подрывники (немногим более 100 человек) под командованием начальника Чрезвычайного военного штаба при Управлении войсками Северного фронта Черных, 2 роты и пулеметная команда 2-го Рижского латышского стрелкового полка под командованием выборного командира полка Ю.Ю. Аглока, партизанский отряд в 450 человек из солдат-добровольцев 20-го Сибирского полка под командованием фельдфебеля И.М. Ляшкевича, красногвардейские отряды, сформированные в Валке, часть членов Исполнительного комитета объединенного Совета латышских стрелков (Исколострела) и Исполкома Совета солдатских депутатов (Искосола) 12-й армии Северного фронта.⁴⁴ По воспоминаниям А.И. Черепанова, в боях против кайзеровских войск под Псковом участвовал и 2-й красноармейский полк под его командованием после отступления из-под Риги.⁴⁵ Советские войска выдвинулись на позиции в 10 км южнее Пскова и заняли оборону на р. Черехе.

Красноармейские и красногвардейские отряды, латышские стрелки и партизаны мужественно отражали атаки численно и технически превосходящих германских войск, не давая им возможности с ходу ворваться в город. Сражение длилось более суток, вспоминал позднее командир Сибирского партизанского отряда И.М. Ляшкевич. Советские воины проявили исключительный героизм, стойкость и отвагу,

⁴¹ РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 2, л. 2, 2 об.

⁴² Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922. М., 1971. Т. 1. С. 72.

⁴³ Цит. по: Николаев П.А. На псковские позиции, на защиту Петрограда! Л., 1980. С. 35.

⁴⁴ См.: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 55.

⁴⁵ Черепанов А.И. В боях рожденная. М., 1967.

отстаивая каждый метр родной земли. В ходе боя они неоднократно переходили в штыковые атаки.⁴⁶ Таким было боевое крещение Красной Армии. Немецкое командование подтянуло свежие силы и начало операцию по окружению советских войск. Избегая этого, они вынуждены были отойти на юго-восточную окраину Пскова, а затем отступить по петроградской дороге к ст. Торошино, разрушив предварительно несколько километров железнодорожной колеи и часть мостов.⁴⁷

Только к 6 ч вечера 24 февраля часть германских войск с боем продвинулась к железнодорожной станции Псков-1, где была встречена огнем латышских стрелков. Далее, как сообщалось в одном из донесений, «вскоре подошло подкрепление немцам, к которым присоединились белая гвардия и пленные и организации буржуазии, которые обезоруживали, арестовывали совдепы и заняли Псков».⁴⁸

Об упорном характере уличных боев в Пскове свидетельствует подробное донесение старшего писаря коменданта этапа 6-го корпуса В.С. Лемзая, выехавшего из Пскова через два дня после его занятия немцами. «Из Пскова вырвался 27 февраля вечером, — сообщал он. — В Псков германские войска вступили около 7 часов вечера в воскресенье, 24 февраля. С ними вступили в перестрелку на улицах Пскова наши красногвардейцы... В 12 часов ночи была самая ожесточенная перестрелка из пулеметов на Сергиевской и Великолужской улицах, по направлению к вокзалу, откуда наседали немцы. Красногвардейцы на улицах находились небольшими группами, защищались мужественно и почти все легли. Последними услышанными мной словами их были: „Товарищи, мы сможем только умереть“, — что они выполнили с честью. Немцы взяли Псков окончательно в 2 часа ночи... При вступлении немцев в город удалось красногвардейцам взорвать небольшой пироксилиновый склад, от которого от 400—600 немцев разлетелось в разные стороны».⁴⁹

Упорное сопротивление кайзеровским войскам под Псковом вынуждено было признать и германское командование. В сводке германской ставки, подписанной Людендорфом, отмечалось: «Южнее Пскова наши войска наткнулись на сильное сопротивление. В ожесточенном сражении они разбили врага, город взят».⁵⁰

Действия советских отрядов под Псковом привели к тому, что после 25 февраля наступление германских войск на петроградском направлении было приостановлено и их операции носили преимущественно разведывательный характер. В советской оперативной сводке о действиях противника за 27—28 февраля сообщалось, что «немцы из Пскова не выходили с целью наступательных операций... продвижение немцев из Пскова не замечается, несмотря на заманчивую возможность захва-

⁴⁶ Правда века: (Воспоминание участников гражданской войны). М., 1970. С. 32—54.

⁴⁷ РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 2, л. 30.

⁴⁸ Цит. по: Николаев П.А. На псковские позиции... С. 47.

⁴⁹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 2421, оп. 1, д. 5, л. 5, 5 об. — Документ частично приведен в книге А.Л. Фраймана «Революционная защита Петрограда...» (с. 104).

⁵⁰ DZA, Fond Reichskanzlei, Nr. 2471/10, Bl. 172 os.

та нашей артиллерии и обозов, следовавших по псковскому шоссе на Новоселье».⁵¹

Оборона Пскова могла бы быть более успешной, если бы Управление войсками Северного фронта и особенно местные советские органы приняли своевременные и более энергичные меры по ее организации. В докладе, направленном в СНК, председатель Псковского губисполкома левый эсер Н.А. Петров признал, что «наскоро организованная защита не гарантировала нам должного отпора немцам».⁵² Ту же причину указал член коллегии Управления войсками Северного фронта Б.П. Позерн в разговоре по прямому проводу 25 февраля с секретарем Наркомвоена: «Наша беда в отсутствии подготовки и также в том, что никакими приказами нельзя изменить заранее подготовленного настроя не продолжать войну».⁵³

Не менее драматично, чем под Псковом, развивались военные действия с 18 по 25 февраля на ревельском, а с 25 февраля по 4 марта 1918 г. и на нарвском направлениях. Ревель, расположенный на южном берегу Финского залива, с октября 1917 г. являлся центром созданного здесь укрепрайона, там же базировалась и значительная часть боевых кораблей Балтийского флота. В задачу войск Ревельского укрепрайона входила защита подступов к Петрограду на суше и на море, а также обеспечение свободы действий Балтийского флота. Удар, который могли нанести германские войска через Эстляндию, был особенно опасен для Петрограда. Этим определялось значение развернувшихся здесь военных и политических событий.⁵⁴ Войска 8-й германской армии в течение своего первого наступления с 18 по 25 февраля захватили северную часть Лифляндии и почти всю Эстляндию.

Только 25 февраля германские войска, предварительно разрушив крепостные форты, преодолевая сопротивление красногвардейцев, заняли Ревель. Они сразу же устремились в Ревельский порт, начали его бомбить и обстреливать, чтобы захватить зимовавшую там часть кораблей Балтийского военно-морского флота: пять крейсеров, подводные лодки, миноносцы, транспортные и другие вспомогательные суда. Однако их замысел — захватить или уничтожить более 60 боевых кораблей, стоящих в Ревельской военно-морской базе, — был сорван.

Благодаря умелым действиям командиров, исключительной энергии и героизму революционных матросов и рабочих в течение пяти дней, с 22 по 27 февраля, была проведена сложнейшая, имевшая большое военно-стратегическое значение ледовая операция по перебазированию 62 единиц боевых кораблей и других судов флота из Ревеля в Гельсингфорс.⁵⁵ Германская газета «Берлинер Тагесблатт» 28 февраля сообщила об этой же военно-морской операции: «Русский флот нахо-

⁵¹ РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 9, л. 95; д. 12, л. 1.

⁵² Николаев П.А. На псковские позиции... С. 61.

⁵³ РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 158, л. 13.

⁵⁴ Подробнее см.: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 145—211.

⁵⁵ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917—декабрь 1918 г.): Сб. документов. Л., 1968. С. 99, 115, 120—121.

дится сейчас, после захвата Ревеля, по-видимому, в полном составе в Гельсингфорсе, куда доставлены тяжелые орудия и самолеты».⁵⁶

Основные силы Балтийского флота, сосредоточенные в Гельсингфорсе и на других финских базах, продолжали оставаться под угрозой разоружения, как того требовали условия Брестского договора от 3 марта 1918 г., или захвата немцами и белофиннами, заключившими соглашение с Германией о военной помощи. Опасным становилось и положение Петрограда. В этой обстановке решено было незамедлительно перебазировать военные корабли из Гельсингфорса в Кронштадт.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению немцев на Петроград, в ночь с 24 на 25 февраля 1918 г. большевистские, советские и военные организации в срочном порядке предприняли решительные меры к мобилизации всех революционных сил и средств на отпор врагу. С получением известия о взятии Пскова Петроградский Совет объявил свои заседания непрерывными.

С 25 февраля 1918 г. и до подписания Брестского мирного договора по революционной мобилизации было отправлено под Псков, Дно, Нарву и Гдов около 11 тыс. красногвардейцев-добровольцев, красноармейцев и революционных матросов.⁵⁷ Они были объединены в первые формирования действующей Красной Армии — псковские, дновские, нарвские и гдовские боевые отряды. Это были весьма разнообразные подразделения по боевому опыту, степени вооружения и обучения военному делу, организации. Их командирами были зачастую патристически настроенные генералы и офицеры старой русской армии, комиссарами — видные деятели большевистской партии.

В начале марта советские отряды провели ряд успешных боев с противником под Нарвой.⁵⁸ Особенно напряженные бои с интервентами, несмотря на их военное превосходство, разгорелись на подступах к Нарве: в Иевве, Сомпе, Везенберге, у станций Вайвара и Корф и у полустанка Солдино (в 4 км западнее Нарвы). Германское командование в связи с этим докладывало рейхсканцлеру: «Наступающие в Эстляндии войска через Тапс к Везенбергу в пути наткнулись на сопротивление Красной гвардии».⁵⁹

Однако первые немногочисленные, плохо обученные, слабо вооруженные красноармейские отряды не могли тогда противостоять частям германской регулярной армии, многократно превосходившим их организационно, численно и технически. Несмотря на упорное сопротивление, Нарва была оставлена советскими войсками.⁶⁰ 4 марта, уже после того как был подписан Брест-Литовский мирный договор, германские войска заняли г. Нарву и остановились только на р. Нарове и западном берегу Чудского озера в 170 км от Петрограда. В результате оказались оккупированными районы Псковской и Петроградской гу-

⁵⁶ Berliner Tageblatt. 1918. 28 Februar.

⁵⁷ См.: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 103, 196.

⁵⁸ См. подробнее: Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 197—237; Петров В.И. Указ. соч. С. 114—120; Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 188—204.

⁵⁹ DZA, Fond Reichskanzlei, Nr. 2471/10, Bl. 184.

⁶⁰ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов... С. 125—126.

берний севернее Гдова. При этом немцами были захвачены большие трофеи и взяты в плен несколько тысяч солдат русской армии.

С 1 по 4 марта 1918 г. Советское правительство испытывало напряжение и большую тревогу за окончательный исход мирных переговоров в Брест-Литовске. Оно не исключало возможности отказа Германии от подписания мира в том случае, если бы в ее правящих кругах взяла верх так называемая «военная партия», стоявшая за продолжение войны с Россией. 1 марта в беседе с дипломатическим представителем Великобритании Р.Б. Локкартом В.И. Ленин сказал, что большевики будут сопротивляться попыткам немцев вернуть в Россию буржуазное правительство и в случае необходимости отступят с боями до Волги, до Урала, но их вооруженная борьба не может рассматриваться в качестве орудия союзников.⁶¹

Действия Советского правительства в пользу заключения мира в сочетании с боевыми операциями первых добровольческих красноармейских и красногвардейских отрядов на псковском, ревельском, нарвском и других участках фронта привели к тому, что попытки быстрого захвата Петрограда потерпели провал. Это облегчало усилия Советского правительства в стремлении добиться выхода из войны и в конце концов вынудило правительство Германии согласиться на подписание мирного договора с Советской Россией.

Советское правительство уполномочило свою делегацию, выехавшую 24 февраля в Брест-Литовск, без обсуждения подписать неслышанно тяжелые условия мира, которые германское правительство ультимативно предъявило Советской России. В оглашенной советской делегацией декларации на заседании мирной конференции 3 марта 1918 г. было подчеркнуто, что «мир, который ныне заключается в Брест-Литовске, не есть мир, основанный на свободном соглашении народов... этот мир продиктован с оружием в руках. Это мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия».⁶² Тактику советской делегации, подписавшей договор, демонстративно не обсуждая его, В.И. Ленин одобрил 5 марта на заседании правительства.⁶³ 3 марта в 17 ч 50 мин в Брест-Литовске был подписан мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и ее союзниками — с другой. Состояние войны между ними прекращалось.

По мирному договору немцам переходила огромная территория, равная приблизительно 1 млн км².⁶⁴ В частности, на Северо-Западе ими отторгалась Литва (Ковенская и Виленская губернии) и Курляндия общей площадью свыше 170 тыс. км² с населением около 7 млн человек.⁶⁵ Предлагалось незамедлительно очистить от русских войск территории Лифляндии и Эстляндии, куда вводились германские войска якобы для обеспечения общественной безопасности. Германия сохра-

⁶¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 289.

⁶² Советско-германские отношения... Т. 1. С. 362—364.

⁶³ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 297.

⁶⁴ См.: *Савицкая Р.М.* Очерки государственной деятельности В.И. Ленина: Март—июнь 1918 года. М., 1969. С. 28.

⁶⁵ Berliner Tageblatt. 1918. 28 Februar.

няла за собой Моонзундские острова, Ригу и большую часть Рижского залива. Договор предусматривал, что «Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и русских военно-морских сил».⁶⁶ Германские империалисты, конечно, и не думали предоставлять прибалтийским народам право на самоопределение и самостоятельность, хотя прикрывали этим свои захваты. Установив здесь безраздельное господство, они стали осуществлять политику оккупации северо-западных областей, пытались превратить их в придаток Германии.

В создавшихся условиях заключение мира было суровой необходимостью для большевистского правительства России, которое стремилось вырваться из тисков империалистической войны и получить ценой тяжелых уступок долгожданную передышку, нужную ему для укрепления советского строя.

Расчеты правящих кругов Германии нанести поражение революционному правительству России с помощью немецких штыков провалились. Большевистское руководство получило передышку.

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Заключив Брестский мир, Советская Россия вышла из состояния империалистической войны. Временная мирная передышка начала плодотворно сказываться на ее положении. Большинство русских солдат вернулись домой.

Однако внешнеполитическое положение страны оставалось крайне тяжелым, хотя продолжение империалистической войны на Западе и соперничество Японии и США на Дальнем Востоке частично и на короткое время сдерживали военный натиск на Россию в целях свержения советской власти.

В то же время правящие круги Германии пытались использовать Брестский мир для того, чтобы эксплуатировать захваченные территории бывшей Российской империи, превратив их в поставщика сырьевых ресурсов, продовольствия и живой силы. Они продолжали захватывать все новые и новые области, препятствовали буржуазной Украине и Финляндии в заключении мира с Советской Россией, вступали в сговор с российскими противосоветскими силами разной партийной окраски, преследуя при этом свои экономические и политические цели. На протяжении девятимесячного периода военной оккупации советской территории германские империалисты осуществляли ее ограбление.

Правящие круги Германии считали, что большевики долго не продержатся. С наибольшей откровенностью об этом сообщал германский посол в Москве граф В. Мирбах министру иностранных дел Р. Кюльману в письме от 25 июня 1918 г.: «...независимо от того что большевизм

⁶⁶ ДВП. Т. 1. С. 122.

вскоре должен сам погибнуть в результате процесса внутреннего разложения, который его разъедает, слишком многочисленные элементы также неумолимо действуют с целью по возможности ускорить этот конец... Я полагаю, что нам следует позаботиться о том, чтобы сразу же заполнить вакуум, который образуется здесь после ухода большевиков, режимом, соответствующим нашим пожеланиям и интересам».⁶⁷ Наиболее агрессивные представители «военной партии» в Германии не прочь были вооруженным путем поддержать внутреннюю российскую контрреволюцию. Так, генерал Г. Гофман писал, что с весны 1918 г. он выступал за то, чтобы пойти походом на Москву и создать новое правительство и заключить с ним союз.⁶⁸

Германское военное командование на Восточном фронте также постоянно нарушало условия мирного договора. В результате в 1918 г. в северо-западных районах страны, куда глубоко проникли захватчики, для советской власти сложилось опасное положение. Расположенные на демаркационной линии (проходящей через р. Нарову у г. Нарвы, западный берег Чудского и Псковского озер, в 10—15 км от Пскова и далее идущей на г. Остров), германские интервенты находились в ряде мест не более чем в 120 км от Петрограда. Немецкие войска под командованием генерала фон дер Гольца и финские отряды весной 1918 г. занимали на Карельском перешейке позиции, угрожающие Петрограду.

Захват Петрограда — главного революционного центра страны, ее крупнейшего экономического и военно-стратегического пункта на Северо-Западе — отвечал в то время планам как германских, так и антантовских правящих кругов. Петроград — город более чем с двухмиллионным населением — переживал тогда труднейшее положение, оказавшись по существу в прифронтовой зоне. Выход из него потребовал проведения ряда срочных и чрезвычайных мер по усилению обороны и ускорению разгрузки и эвакуации Петрограда. Еще 26 февраля 1918 г. на заседании Совнаркома обсуждался вопрос об эвакуации правительства и правительственных учреждений из Петрограда в Москву в связи с захватом немцами Пскова. 10—12 марта Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. В конце февраля и начале марта 1918 г. СНК принял несколько декретов и постановлений об организации разгрузки и эвакуации рабочих и служащих из Петрограда. С марта по апрель 1918 г. включительно в Москву, Поволжье, на Урал было эвакуировано более 30 крупных предприятий с 60 тыс. рабочих.⁶⁹

Отношения между двумя странами на Северо-Западе осложнились также в результате мятежа левых эсеров и провокационного убийства ими 6 июля 1918 г. германского посла в Москве графа Мирбаха. В июле 1918 г. германское Верховное командование вынашивало план совместных действий войск 8-й немецкой армии и финских белогвардейцев в целях

⁶⁷ Цит. по: Вопросы истории. 1971. № 9. С. 128.

⁶⁸ См.: Гофман Г. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 195.

⁶⁹ См.: Декреты Советской власти о Петрограде. 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 29 декабря 1918 г.: Сборник. Л., 1986. С. 128, 131, 145.

захвата Петрограда и уничтожения Балтийского флота.⁷⁰ В августе 1918 г. германская военщина, отказавшаяся установить демаркационную линию в Финском заливе, пыталась спровоцировать военный конфликт вблизи Кронштадта, намереваясь тралить мины, установленные еще в первые годы войны, на расстоянии трех морских миль от советского берега. Немецкие тральщики и охранявшие их военные суда оказались бы очень близко к Кронштадту, что могло вопреки желанию советской стороны привести к столкновению. Учитывая чрезвычайную серьезность положения, советскому послу в Германии было предложено энергично вмешаться и немедленно вступить в переговоры, с тем чтобы постараться устранить назревавший конфликт.⁷¹

Согласно сведениям генерала фон дер Гольца, по приказу германского Верховного главнокомандования в августе 1918 г. планировалась также операция «против Петрограда по обе стороны Финского залива и при содействии флота — операция против Кронштадта... она детально изучалась на месте и была так подготовлена, что переброска войск на поездах или передвижение пешком могли начаться по первому слову команды».⁷²

Об обострении отношений свидетельствовало и то, что германская дипломатическая миссия в августе 1918 г. была переведена из Москвы в Петроград, а затем перебрана в оккупированный немцами Псков, который предполагалось превратить в оплот противосоветских сил на Северо-Западе.

Неопределенное положение, созданное Брестским договором, в отношении границ между Советской Россией и отделившейся от нее Финляндией, а также оккупированных интервенционистскими войсками Прибалтийских стран, открывало простор германской политике захватов по отношению и к собственно русским территориям, расположенным к востоку от демаркационной линии. Для того чтобы положить конец этим захватам и ненормальному государственно-правовому положению Эстляндии и Лифляндии, 27 августа 1918 г. между Россией и Германией был заключен русско-германский добавочный договор. По этому договору Россия соглашалась «отступить от верховной власти» над Лифляндией и Эстляндией, а Германия обязалась начать очищение временно оккупированных местностей. Территории, лежащие на востоке от Эстляндии и Лифляндии (в том числе оккупированные части уездов Псковской и Петроградской губерний), германские войска должны были покидать немедленно после установления их границ.⁷³ Но германские власти, используя всякие отговорки, затягивали освобождение этих территорий до конца ноября 1918 г.

Неполный, частичный мир для Советской России и постоянное ожидание возможных внешнеполитических осложнений ошутимо давали себя знать все девять месяцев действия Брестского договора. За этот

⁷⁰ Мальшев М.О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л., 1974. С. 90.

⁷¹ ДВП. Т. 1. С. 455.

⁷² Цит. по кн.: Норден А. Между Берлином и Москвой. М., 1956. С. 160.

⁷³ ДВП. Т. 1. С. 437—444.

период Народный комиссариат иностранных дел направил более 100 дипломатических нот, заявлений и телеграмм германскому Министерству иностранных дел, главе дипломатической миссии в Москве с разъяснениями, уведомлениями и протестами против нарушения немецкими войсками и оккупационными властями территориальной целостности Советской республики, ее границ и демаркационной линии, злоупотреблений и насилий оккупантов на временно занятых территориях и т.п.⁷⁴

Политика империалистической Германии на Северо-Западе была составной частью ее общей политики диктата и ультиматумов на Востоке. По Брестскому договору на большей территории Белоруссии, в Литве, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, а также в занятых (частично) уездах Псковской и Петроградской губерний с русским населением был установлен режим германской военной оккупации.⁷⁵ Эти обширные области, равные по территории более половины площади самой Германии, оккупанты стремились использовать в экономических целях и поставить под политический контроль.

Германское военное командование установило здесь жестокий оккупационный режим: были разогнаны Советы и восстановлены дореволюционные порядки, земля и предприятия возвращались бывшим собственникам, проводились массовые облавы и конфискации, местное население было терроризировано. В занятых областях германские военные власти оказывали активную вооруженную поддержку местным противосоветским силам.

Высшая власть на оккупированных северо-западных территориях находилась у военного командования 8-й германской армии (штаб армии стоял в г. Ковно) в лице генерала Кирхбаха. Наряду с этой реальной властью германское военное командование разрешило учредить гражданские административные органы управления для оккупированных районов, которые должны были опираться на местные противосоветские элементы.

В области Пскова—Острова—Люцина (с 7 мая 1918 г. называлась «Псковское областное управление»), где проживало около 400 тыс. человек, высшая власть находилась у командира усиленной 5-й запасной дивизии генерала Штангена, обосновавшегося в Пскове. В начале апреля 1918 г. им был назначен Совет управления. В официальном сообщении об этом говорилось, что «устанавливается самоуправление местных жителей при сохранении оккупационных прав германских военных властей. К вышеуказанным областям принадлежат также занятые подчиненными мне (ген. Штангену. — П.Н.) войсками части уездов Псковского, Островского и Люцинского».⁷⁶

⁷⁴ Там же. С. 212—636.

⁷⁵ Часть территории Литвы, Белоруссии и Южной Лифляндии была оккупирована германскими войсками еще ранее, до марта 1918 г. Большую часть названных районов, а также Эстляндии вместе с отдельными волостями трех уездов Псковской и одного Петроградской губерний немецкие войска захватили в ходе 14-дневной войны с Советской Россией (с 18 февраля по 3 марта 1918 г.).

⁷⁶ Псковский вестник. 1918. 11 апреля.

Совет управления состоял, согласно этому сообщению, из председателя и заместителя (оба германские офицеры) и семи «доверенных лиц гражданского населения». В Совет вошли преимущественно бывшие царские чиновники и представители местной буржуазии: городской голова, городской судья, член местной губернской земской управы, помещик, псковский купец и домовладелец, управляющий водочными предприятиями. Они возглавили отделы финансов, юридический, внутренних дел, хозяйственный, церковно-школьный и угодливо осуществляли волю оккупантов.⁷⁷ Совет управления был совещательным органом, так как командир дивизии по своему усмотрению мог «утвердить или отвергнуть» его решение.⁷⁸

Было также решено возобновить деятельность губернского и уездных земств и городского общественного управления «в объеме, указанном русскими законами», но в теснейшей согласии с германскими оккупационными властями. Возглавляли уездные земства германские начальники. Было учреждено еще Псковское градоначальство во главе с германским градоначальником и назначены три начальника уездов в Пскове, Острове и Виляке (Латвия). Соответственно в волостях вводились должности волостных старшин (бургомистров), а в каждом сельском обществе — сельских старост. Ранее существовавшая милиция была заменена полицией. В уездах восстанавливались станковые, в городах — полицейские приставы. Все чиновники оккупационной администрации назначались командиром 5-й запасной дивизии или от его имени начальниками уездов (градоначальниками).

Создав столь универсальный и послушный административный аппарат, оккупанты начали с прусской педантичностью и жестокостью выжимать все «хозяйственные соки» из занятых ими территорий, нарушая права граждан. Одного только перечисления более 130 опубликованных в «Официальных ведомостях Псковского областного управления» приказов, обязательных постановлений, объявлений достаточно, чтобы убедиться в этом. Они печатались на немецком и русском языках и в большом количестве экземпляров развешивались на домах, сараях и заборах, постоянно напоминая о требованиях оккупантов. В добавление к этому по улицам городов, как правило, на автомобилях разъезжали германские офицеры и разбрасывали печатные листы с указаниями, что жители должны делать для выполнения требования оккупационных властей.

В приказах и обязательных постановлениях прежде всего были сформулированы правила и регламентации фискально-налогового ха-

⁷⁷ «Члены Совета с готовностью выполняли все малейшие прихоти оккупантов», — пишет в своих воспоминаниях А. Галацер-Черницкий (Псковский набат. 1927. 16 октября).

⁷⁸ См. «Официальные распоряжения» (с 10 июня 1918 г. «Официальные ведомости») Псковского областного управления — печатный орган германских властей на оккупированной территории Псковской губернии. Комплект этих «Официальных ведомостей» хранится в библиотеке ЦГА Санкт-Петербурга, № 11864, л. 1—80. См.: Крах германской оккупации на Псковщине: Сб. документов. Л., 1939. С. 29; Псковский вестник. 1918. 11 апреля.

рактера: об учреждении комиссий для оценки убытков, причиненных движимому и недвижимому имуществу (имелись в виду поместья) в округах Псковского областного управления во время «революционных беспорядков» в 1917 и 1918 гг.; о взимании налогов и податей; о взимании налога за 1918 г. в десятикратном размере; о налоге с увеселений, с недвижимых имуществ, с военной прибыли; о корабельном, подоходном и поземельном налогах с крестьян и частных земель; об уплате недоимок за 1916 и 1917 гг.; о взимании налога за содержание собак в г. Пскове; о взимании налогов за право содержания буфетов в увеселительных помещениях и на вокзалах; о переписи скота, возделывании полей, поставках молока, творога, масла и яиц; об обязательной описи размеров посевной площади и количестве скота в Лифляндии, Эстляндии; о военном губернаторстве Эзель и Псковской области; о возвращении бывшим владельцам всего захваченного у них имущества; о переходе в собственность германской империи имущества, принадлежащего Русскому государству; о возвращении лесовладельцам строевого леса или дров, взятых без их разрешения; о запрещении под страхом наказания вывоза съестных припасов, живого и битого скота и всякого рода сельскохозяйственного сырья из округов Псковского областного управления и другие подобные приказы и распоряжения.⁷⁹

«Особенно бесцеремонны были оккупанты в деле выкачивания всего, что им хотелось, — пишет в своих воспоминаниях А. Галацер-Черницкий. — То и дело городская управа получала требования: прислать две дюжины пивных стаканов, пять дюжин коньячных рюмок, три дюжины бокалов для шампанского, триста яиц, столы, стулья, кушетки, шкафы и проч. Все это требовалось для офицерских казино (клубов) главным образом, а частью для учреждений. Городская управа изворачивалась, должна, но все делала для улагодворения освободителей».⁸⁰

В целях максимально возможного получения промышленных изделий, продовольственных товаров и сырьевых ресурсов Северо-Запада командующий 8-й германской армией генерал Кирхбах 31 мая 1918 г. издал приказ, по которому в Лифляндии, Эстляндии и Псковской области воспрещались «всякая продажа, переработка и вывоз без разрешения главнокомандующего армией» большого перечня товаров и сырья. Запрет, в частности, распространялся на продажу, переработку и вывоз металлов и изделий из них (особенно меди, бронзы, олова, цинка, никеля, алюминия, свинца), кож в готовом и сыром виде, шкур и мехов, химических веществ (селитры, фосфоритов, серы), резины всех видов, масла и жиров, волокна (льна, конопли), шерсти, хлопчатой бумаги, щетины.

Покупать эти предметы могло только отделение для сырья и торговли при главном управлении 8-й армии в Ревеле и его подотделы. При-

⁷⁹ Официальные ведомости (Библиотека ЦГА Санкт-Петербурга, № 11864, л. 1—80).

⁸⁰ Псковский набат. 1917. 16 октября.

чем оно было уполномочено покупать упомянутые предметы принудительно, если владелец уклонялся без уважительных (по мнению властей) причин от предложенной ему продажи или требовал «не соответствующей обстоятельствам военного времени» платы. Это было не чем иным, как циничной реквизицией под ширмой коммерции. Виновные в невыполнении предписаний этого приказа могли быть наказаны денежным штрафом до 20 тыс. марок или тюремным заключением до 5 лет. Кроме того, у виновного без всякого вознаграждения могли быть конфискованы предметы его продажи.⁸¹ Приведенные выше приказы, распоряжения, обязательные постановления составляли грабительскую систему военно-податного обложения и всевозможных штрафов населения.

Не в меньшей степени беспокоили оккупантов вопросы идеологической обработки местного населения, его благонадежность. В «Официальных ведомостях» часто публиковались распоряжения о предварительной цензуре всех газет и журналов, о печатании всех изданий и распространении газет и журналов только с разрешения главного командования 8-й армии, о ввозе книг и других печатных изданий в оккупированную область только из Германии, о предоставлении полицейских полномочий окружным и уездным управлениям в Лифляндской, Эстляндской и Псковской областях, о праве генералов, уездных начальников и градоначальников издавать полицейские и хозяйственные распоряжения в интересах оккупационных властей и приводить их в исполнение принудительным путем, об упразднении милиции и восстановлении полиции.

За нарушение приказов и распоряжений оккупационных властей предусматривались строжайшие меры наказания: денежный штраф от 500 до 20 тыс. марок, тюремное заключение от 2 до 5 лет и даже смертная казнь. В одном из объявлений, расклеенном в Пскове 6 марта 1918 г., сообщалось: «3 сего марта подписан мир между русским и германским правительством. Вся полнота власти в пределах занятой области принадлежит пока исключительно германским властям.

1. Всякие враждебные действия, предпринимаемые против германской власти в занятой области, будут впредь караться смертной казнью.

2. Жители обязуются немедленно сдать все оружие и всякого рода амуницию германскому коменданту или ближайшему германскому караулу. Обыватели, у которых будет найдено скрытое ими оружие, будут подвергнуты смертной казни.

3. О всех запасах съестных продуктов и других предметов, ранее принадлежащих русской казне, должно быть немедленно заявлено. Всякий, у которого найдены будут таковые, будет подвергнут содержанию в исправительно-арестантском отделении.

Командующий 87-й дивизией ген.-майор Фельдкеллер».⁸²

⁸¹ Моя газета. 1918, 18 августа.

⁸² Официальные ведомости (Библиотека ЦГА Санкт-Петербурга, № 11864, л. 79).

На протяжении всего периода военной оккупации население Пскова, Острова, Изборска, Печор, городов и сел Лифляндии и Эстляндии пришлось подчиняться установленным захватчиками жестоким порядкам. В связи с тем что положение в оккупированных германскими войсками Лифляндии и Эстляндии обстоятельно изучено и освещено в коллективном труде «Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920 гг.»,⁸³ написанном историками Прибалтики, мы подробнее рассмотрим осуществление оккупационной политики германских интервентов на частично занятых ими территориях Псковской и Петроградской губерний.

После захвата Пскова начались репрессии прежде всего по отношению к коммунистам. «При вступлении в город, — сообщала газета «Правда», — немцы особенно деятельно разыскивали видных большевиков, имена которых им были точно известны, и сажали их в крепость, так как немецкий высший командный состав опасался большевистской пропаганды в своих войсках».⁸⁴ Около 140 большевиков, профсоюзных активистов и красногвардейцев, захваченных в Пскове, были расстреляны или повешены.⁸⁵ Для удушения своих жертв каратели употребляли особый прибор, который заземлял горло казнимого. Началось бегство жителей от германских карателей на советскую территорию. Уже в марте 1918 г. «Красная газета» сообщала о том, что из прибалтийских районов «в Гдов и уезд, расположенный по Чудскому озеру, прибывает масса людей, бежавших от зверских немецких и буржуазных карательных экспедиций. Этих несчастных расстреливают и вешают без разбора».⁸⁶ В июне 1918 г. бегство в неоккупированные города губернии — Великие Луки, Порхов, Торопец — продолжало расти. По приблизительным подсчетам, за время оккупации из Пскова выехало около 20 тыс. человек.⁸⁷ В Островском уезде появилось много нищих женщин, стариков и детей.

В Пскове был установлен строжайший режим военной оккупации. В одном из донесений красноармейских разведчиков положение в городе через три дня после вступления туда германских войск характеризовалось так: «Режим в городе введен жестокий. Закрыты все клубы, союзы, организации. Из Пскова немцы вывозят в тыл провиант и боевые запасы, всех (оставшихся) наших офицеров и солдат направляют в Германию. После 9 часов нельзя показываться на улицах под угрозой расстрела. Восстановлена старая реакционная дума, которая в первую голову сводит счесть с политическими противниками. Местные крестьяне, почувствовав, какую серьезную угрозу таит нашествие немцев, начали организовывать боевые отряды».⁸⁸ В другом донесении сообщалось о том, что «город оцеплен разъездами противника, пулеметы поставлены около моста и на окраине деревни Березка (в 4 км от станции Псков. — П.Н.)... приказы по Пскову пестрят о смерти; идут форменные грабежи, и все увозится».⁸⁹

⁸³ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920 гг. М., 1988.

⁸⁴ Правда. 1918. 5 марта.

⁸⁵ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 2421, оп. 1, д. 5, л. 5.

⁸⁶ Красная газета. 1918. 8 марта.

⁸⁷ Псковский набат. 1917. 20 октября.

⁸⁸ РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 9, л. 66; Правда. 1918. 5 марта.

⁸⁹ Военный вестник. 1939. № 2. С. 20.

На улицах, площадях и перекрестках были поставлены вооруженные патрули. Гражданским лицам категорически запрещалось находиться на улицах и площадях Пскова с 11 ч вечера до 5 ч утра.⁹⁰ За нарушения этого запрета устанавливались штраф до 3 тыс. марок или шесть месяцев тюрьмы. Все население, проживающее в районе Пскова, подвергалось регистрации и было снабжено начиная с 10-летнего возраста «аусвайсами» — удостоверениями с дактилоскопическими оттисками пальцев. Без этих документов никто не имел права выйти на улицу. За нарушения установленного порядка виновные наказывались заключением в тюрьму на время до одного года.⁹¹

Оккупанты выселяли жильцов из квартир или сгоняли их в одну из комнат, освобождая другие, реквизировали топливо. Жители Пскова боялись надолго отлучаться из домов из опасения, что квартиры будут заняты кайзеровской солдатней. Даже бывший член белогвардейского правительства Северо-Западной области России в 1919 г. В.Л. Горн вынужден был признать, что в Пскове немцы захватили огромные склады Всероссийского земского союза, «поочистили в центре города обывательские квартиры под предлогом обмелирования будущей резиденции — квартиры графа Мирбаха, прихватили немало и вообще всякого другого добра».⁹²

Германские военные суды и военные начальники творили суд и расправу по приказу командующего 5-й запасной дивизией. Каждый житель города по распоряжению оккупационных властей мог быть привлечен к принудительным работам. В случае отказа граждане подвергались денежному штрафу до 6 тыс. марок или тюремному заключению до двух лет. Сельские жители неукоснительно обязывались любой ценой своевременно обрабатывать всю землю, будь то арендованная или собственная, или сполна оплачивать эту работу нанятым рабочим. За отказ следовало наказание: денежный штраф до 3 тыс. марок или тюремное заключение до шести месяцев.⁹³ В оккупированной местности, прилегающей к Псковской и Петроградской губерниям, проходила принудительная вербовка населения на тяжелые работы в Германию. Большое число молодых псковичей было согнано в привокзальные казармы и вместе с большинством пленных солдат отправлено сначала в г. Вильно, а затем в Германию.⁹⁴ «Неподчиняющихся..., — сообщала газета «Известия», — избивают прикладами и заключают в тюрьму, где арестованных за малейшую вину расстреливают. Крестьяне, взятые за неподчинение, бесследно исчезают. Расстрелы немцы проводят около Острова, на Гороховом озере».⁹⁵

В оккупированных городах германская военная власть уже в начале марта 1918 г. установила твердые цены на продовольственные товары. С помощью такой меры оккупанты хотели быстро и дешево скупить

⁹⁰ Псковский вестник. 1918. 5 мая.

⁹¹ Псковский набат. 1917. 15 октября.

⁹² Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 10.

⁹³ Как немецкие оккупанты угнетали и грабили наш народ. М., 1941. С. 14.

⁹⁴ Петроградский голос. 1918. 16 марта.

⁹⁵ Известия. 1918. 31 августа.

(скрытая форма реквизиции) съестные припасы и обеспечить ими свои войска. За фунт масла платили 5 р. вместо прежних 11—12 р., за мясо — 3 р. вместо 8—10 р., а за картофель — по 7 р. за пуд. В первые дни после объявления этих цен с рынка исчезли все продукты. Начался голод. После этого цены были повышены, но количество продуктов на рынке не увеличилось.⁹⁶ Подорожание продуктов грозило разорить горожан и поставить их в полную зависимость от торговцев-спекулянтов.

Для городских жителей было введено нормирование продуктов питания: на месяц одному человеку полагалось полфунта сахара, 2 фунта пшеничной крупы, 1 фунт отрубей, 1 фунт сельди, по полфунту масла и соли. При этом было объявлено, что «мука и хлеб выдаваться не будут из-за отсутствия таковых».⁹⁷ В большинстве случаев и этот жалкий паек не выдавался. В мае 1918 г. цены на продукты питания на рынке возросли до колоссальных размеров (1 пуд муки стоил 150 р., 1 пуд соли — 80 р., это в 100 раз дороже, чем в мирное время). Главным и почти исключительным вопросом, волновавшим в то время население оккупированных городов Северо-Запада, был вопрос о добывании хлеба насущного.

Робкая просьба буржуазной городской Думы к прибывшему в Псков командующему германскими войсками на Восточном фронте принцу Леопольду Баварскому «войти в положение» в связи с затруднениями с продовольствием в г. Пскове не была удовлетворена. Вместо ответа германский градоначальник Пскова дал исчерпывающее разъяснение: «Что касается продовольствия для населения, то такое отпущено быть не может за неимением его в интендантских складах».⁹⁸

Захватчики распространили фискально-карательные меры и на сельское население оккупированных территорий. По приказу главнокомандующего генерала Кирхбаха во всей оккупированной местности в апреле 1918 г. была введена подушная подать для всех работоспособных мужчин от 15 до 60 лет, одна половина которой поступала в пользу немецких властей, а другая в пользу города. В мае был введен поземельный налог с крестьянских и частных земель. Кроме того, в деревнях оккупанты обложили податью весь домашний скот. Так, за каждую лошадь нужно было платить по 50 р. в год, за корову — 40 р. и, кроме того, еще поставлять еженедельно немецкому командованию по 2 кружки молока, а с каждой курицы по 2 яйца. Крестьян, отказывающихся платить или давать продукты, расстреливали на месте.⁹⁹

Крестьян лишали права пользоваться землей, полученной ими по советскому декрету о земле. Еще в конце февраля 1918 г. генерал Кирхбах издал распоряжение, которым аннулировались на территориях, занимаемых германскими войсками, все постановления Советского правительства и местных Советов об отмене права собственности на землю и землевладение.¹⁰⁰ Позднее по приказу командования 5-й ди-

⁹⁶ Там же. 4 апреля.

⁹⁷ Псковский вестник. 1918. 12 мая; Псковский набат. 1918. 20 октября.

⁹⁸ Псковский вестник. 1918. 21 мая.

⁹⁹ Петроградская правда (вечерний выпуск). 1918. 15 июня.

¹⁰⁰ Псковский вестник. 1918. 24 мая.

визии от 9 июня устанавливалось, что «все захваченное имущество (поместья. — П.Н.) должно быть возвращено землевладельцам» до 1 июля 1918 г. Лица, не выполнившие этого приказа к указанному сроку, подвергались денежному штрафу в 6 тыс. марок или тюремному заключению до двух лет. При этом в приказе подчеркивалось, что карательной властью является военный суд и командующий дивизией.¹⁰¹

Обессиленное и истощенное войной крестьянство занятых германскими войсками северо-западных губерний изнемогало от реквизиций, бесчисленных налогов и всевозможных поборов. В Лифляндской, Эстляндской и Псковской губерниях оккупанты реквизировали почти весь урожай 1918 г. и запретили торговлю зерном.¹⁰² Полную драматизма и бедствия картину крестьянской жизни нарисовали жители Сидоровской волости Псковского уезда Иван и Василий Михайловы, вырвавшиеся в июне 1918 г. из оккупированной зоны. «Все население волости в возрасте от 20 до 60 лет немцы обложили контрибуцией по 12 рублей с человека, — сообщали они, — луга крестьянские все травят, луга богачей, как например помещика Батова, оградил проволочными заграждениями, хлеба совершенно нет, вместо хлеба мешают льняное семя с овсом». Крестьяне жаловались на то, что скота им оставили только по одной корове на 5 человек с обязательством с каждой коровы в месяц представлять 2 фунта масла и 5 фунтов творогу; потравы в крестьянских огородах и на полях привели к тому, что к зиме накосить сена для скота не представлялось возможным. В каждой большой деревне у всех жителей были размещены на постой по два-три немецких солдата, которые вели себя нагло, требовали у населения все, что им нравилось. «Продуктов же в занятых местах, — продолжали они свой рассказ, — совершенно нет никаких, даже если есть какие у крестьян продукты и они (немцы) узнают, то сразу же отбирают солдаты, стоящие в занятых местностях, кормятся только тем, что отберут у русских крестьян, а из Германии они ничего не получают и говорят, что у них там голод». Заканчивая свои показания, они заявили: «Все крестьяне ждут только восстания, и восстание предполагается сразу же, если только немцы будут пытаться жать и отбирать рожь. Оружие имеется и хранится в надежном месте».¹⁰³

О реквизициях урожая у крестьян подробно рассказывали и немецкие солдаты-перебежчики. Они свидетельствовали, что выделялись специальные команды, которые отбирали у крестьян весь урожай и выдавали им небольшую часть зерна. Один из перебежчиков сообщил, что немецкие солдаты «во всех деревнях реквизируют скот у крестьян, бывают случаи, когда у крестьян отбирают последнюю корову, а тех бедняков, которые не в состоянии заплатить страшно высокие налоги, подвергают тюремному заключению».¹⁰⁴

В октябре 1918 г. командир 2-й бригады М.Н. Васильев и комиссар Псковского боевого участка Я.Ф. Фабрициус, возглавлявшие оборону

¹⁰¹ Официальные ведомости (Библиотека ЦГА Санкт-Петербурга, № 11864, л. 31).

¹⁰² Бюллетень Всероссийского бюро военных комиссаров. 1918. № 3—4. С. 9.

¹⁰³ ГАПО, ф. 609, оп. 1, д. 281, л. 131.

¹⁰⁴ Там же, ф. 590, оп. 1, д. 45, л. 374 об.; оп. 9, д. 10, л. 78.

подступов к Петрограду, докладывали командованию 7-й армии о фактах мародерства и грабежа крестьян оккупантами. «13 октября, — говорилось в их донесении, — к нам явился житель деревни Абижи (Псковский уезд) Василий Васильевич Захаров, который сообщил, что в пятницу 11 октября в 11 часов в деревню явился германский вооруженный отряд в 70 человек с 5 ручными пулеметами и потребовал с каждого надела по пуду хлеба, с каждого жителя по 2 пуда картофеля и, кроме того, 50 пудов мяса с деревни и 200 рублей для оплаты переводчика. Все это было приказано подготовить к 14 октября, и заявлено, что в случае неисполнения они церемониться не будут, а реквизируют весь скот. Отряд захватил 11 лошадей и 8 телег. В 13 часов отряд отправился в деревню Загорицы. В этой деревне отряд встретил мало скота, из которого увезли 6 голов. А когда местные крестьяне стали отстаивать свой скот, то немецкие солдаты искололи крестьянина Голубева штыками, а командир отряда, выстрелив из револьвера, убил крестьянина Семена Силакова... Солдаты отряда размещены в деревнях Муровицы, Молгово, Котелевицы и Писковичи. Все эти деревни обставлены пулеметами и охраняются часовыми».¹⁰⁵

В широких размерах практиковались и штрафы за проявления недовольства и противодействия. Так, жители Сидоровской волости были обложены суммой в 60 тыс. марок за то, что в пределах волости был испорчен военный телефон, а виновные не найдены. Изборская волость должна была уплатить за проведение демонстрации в церкви.

За время недолгих месяцев оккупации пышно расцвела спекуляция валютой, всевозможными товарами, началась усиленная контрабанда через советскую пограничную железнодорожную станцию Торошино. Спекуляцией и контрабандой занимались как бывшие царские офицеры, чиновники, торговцы, так и кайзеровские офицеры, солдатня, чиновники, дипломаты. Они пользовались тем, что из Петрограда через Торошино и оккупированный немцами Псков проезжали и далее направлялись в Ригу, Киев, Германию и другие страны Европы беженцы, а также германские дипломатические агенты, курьеры, коммерсанты.

Контрабанда на границе приняла столь угрожающие размеры, что особый пограничный комиссар на ст. Торошино Р.А. Муклевич вынужден был направить телеграмму народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину, в которой информировал о том, что дипломатические курьеры, следующие через ст. Торошино в Псков, злоупотребляют документами, выданными им иностранным отделом в Петрограде, используя их в спекулятивных целях для перевозки золота, серебра, мануфактуры, каучука и вещей под видом посольского инвентаря и дипломатической переписки.¹⁰⁶ С телеграммой 30 сентября 1918 г. был ознакомлен В.И. Ленин. На ней он написал поручение секретарю: «Переслать Чичерину: Надо послать строгий *в ы г о в о р* 1) Муклевичу за то, что зевал: должен был *арестовать*; 2) в Питер Зорину: как они

¹⁰⁵ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 21, л. 14—15.

¹⁰⁶ См.: ДВП. Т. 1. С. 122.

смеют выдавать документы без Москвы. 3) Назначить следствие над Зориным и К^о. Ленин».¹⁰⁷

Советское правительство приняло меры к немедленному пресечению злоупотреблений и спекулятивных операций при переезде через границу. Была ограничена курьерская связь: вместо ежедневной — два раза в неделю и одновременно не более двух курьеров, посылаемых исключительно германским дипломатическим представительством в Москве; каждый дипломатический курьер мог вести с собой багаж не более 150 кг. И тем не менее германский генеральный консул в Петрограде Брейтор и консул в Москве Гаушильд использовали, как говорилось в телеграмме Г.В. Чичерина, направленной в ноябре 1918 г. Министерству иностранных дел Германии, предоставленные им Советским правительством льготы «для ограбления русского социалистического государства и спасения его врагов». В этих целях консулы, отмечалось в ней, «создали громадную организацию, чтобы обманным путем, с помощью фальшивых документов, вывезти из России злейших врагов революции, под защитой экстерриториальности и официальных германских печатей отправить в Германию ставшую народным достоянием собственность русских капиталистов на сотни миллионов рублей».¹⁰⁸

СОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Открытым вмешательством во внутренние дела советского государства и прямой поддержкой противосоветских сил явилось непосредственное участие германских правительственных и военных властей в создании белогвардейской Северной армии. В этих целях была развернута информационно-пропагандистская кампания против Советской России, ее общественного и государственного строя как в оккупированных областях, так и в самой Германии. Из номера в номер в германских газетах печатались статьи, по радио передавались материалы о советском строе, полные нападок, враждебности, искажений, призывов к борьбе против него, как представлявшего опасность для всего цивилизованного мира.¹⁰⁹ Откровенно говорилось и о планах сокрушить большевистский режим путем поддержки сил внутренней контрреволюции. Германская газета «Берлинер тагеблатт» за 2 ноября 1918 г сообщала: «Мы можем свергнуть большевиков, не пуская в ход германские войска, не вызывая новой нежелательной войны на Востоке и разрыва с Советским правительством. Мы можем сделать это с помощью самих русских. Мы должны только через Украину и Финляндию поддержать их оружием, амуницией и деньгами». Газеты, издававшиеся в оккупированных областях под германским контролем и цензурой — «Псковский вестник» и «Моя газета» (г. Остров), — не только восхваляли

¹⁰⁷ Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 105. — С. Зорин — председатель революционного трибунала Петрограда.

¹⁰⁸ ДВП. Т. 1. С. 572.

¹⁰⁹ Там же. С. 486—487, 554.

интервентов и агитировали против советской власти, но и прямо призывали к восстанию против нее и использованию германского оружия для этой цели. В октябре—ноябре 1918 г. на страницах этих газет была развернута широкая агитация по вербовке местного населения в создаваемую под покровительством германских военных властей добровольческую белогвардейскую Северную армию.

Все оккупированные северо-западные области, по сведениям наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, были наводнены белогвардейскими листовками и воззваниями, призывающими вступить в Северную армию. В северо-западных областях России, оккупированных германскими войсками, была расклеена прокламация: «Граждане! Час пробил. Господство большевистских насильников приходит к концу. Все способные носить оружие должны вступить в ряды борцов за растоптанные права человека и гражданина, за защиту своих семей и своих очагов... Германское правительство, которое еще недавно было нашим врагом, окончательно решило сломить господство большевизма и предоставляет нам все средства, чтобы организовать сильную Северную добровольческую армию... Германское правительство и весь цивилизованный мир дают нам все необходимые средства для борьбы. Германские оккупационные войска не очистят оккупированные области раньше, чем там образуется боеспособная армия».¹¹⁰ В другой прокламации, выпущенной в ноябре 1918 г., вербовщики в белую армию зывали: «Граждане Пскова, Острова, Режицы, Люцина, Двинска и других угрожаемых большевиками городов, сел, деревень, пробудите в себе мужество смелых предков и, не задумываясь ни минуты, идите на вербовочные пункты, где уже началась запись добровольцев. До ухода германцев осталось немного времени... мы дадим большевикам такой отпор, что они не посмеют сунуться к нам. Не теряйте же времени. Скорее идите на вербовочные пункты».¹¹¹

Оккупационные власти не только способствовали плану формирования в Пскове, Острове, Люцине, Режице, Двинске и других областях добровольческой Северной армии, но и помогали белогвардейцам деньгами, оружием и советниками. Тем самым они нарушали обязательства, взятые ими по Брестскому мирному договору, и специальное соглашение о том, что очищаемые германскими войсками местности должны быть сданы советским властям в полном порядке.¹¹²

Формирование белогвардейских частей в Пскове при покровительстве и активном участии германских военных кругов и оккупантов фактически началось еще с лета 1918 г. Тогда на предварительном совещании в Петрограде между специальными агентами германского командования и представителями подпольной русской офицерской монархической организации (шефами ее были черносотенец Марков 2-й и генерал Юденич) был выработан проект «Соглашения» о формировании русской добровольческой армии на Северо-Западе. Затем он был

¹¹⁰ Там же. С. 552, 554—555.

¹¹¹ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 42, л. 432—432 об.

¹¹² ДВП. Т. 1. С. 478—482.

направлен на утверждение в Ковно командованию 8-й восточной немецкой армии. 10 октября была выработана окончательная редакция «Соглашения» о формировании Северной армии.¹¹³

В нем содержатся следующие основные положения:

«1). Русская добровольческая Северная армия по соглашению с императорским германским правительством и при посредстве главного военного германского командования на востоке начнет свое формирование 10 октября 1918 года.

2). Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний с городами Псков, Остров, Режица, Двинск и Изборск.

3). Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4). Армия будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же из других оккупированных германцами русских областей; в) перебежчиками из Советской России; г) военнопленными, находящимися в Германии...

б). Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно русскому государству.

7). Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством... в размере, потребном для формирования не менее одного корпуса...

8). Армия по окончании формирования приводится к присяге законному царю и русскому государству...

13). Германские войска... следуют за армией для поддержания внутреннего распорядка и престижа власти.

14). После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий Северной армией.

15). Задачи армии... выдвижение вперед для взятия Петербурга и свержения большевистского правительства, водворения порядка во всей России и поддержка законного русского правительства».¹¹⁴

Это соглашение было направлено на организацию вооруженных сил с целью реставрации царизма.¹¹⁵ Однако в различного рода «манифестах», «воззваниях», «обращениях» и т.п., выпускаемых в связи с организацией Северной армии, содержались обещания созвать «земский собор», «установить демократические порядки» и другие буржуазные институты.

Первоначально формирование Северной армии возглавил царский генерал А. Вандам. Но уже в середине ноября 1918 г. в Псковском отдельном добровольческом белогвардейском корпусе Северной армии

¹¹³ Подробнее см.: *Гуковский А.И.* Вторжение немцев в страну Советов в 1918 году // Исторические записки. 1942. № 13. С. 1—32.

¹¹⁴ Цит. по: *Гуковский А.И.* Указ. соч. С. 30.

¹¹⁵ В другом документе, исходящем уже от киевских организаторов Северной армии, говорилось о восстановлении царской монархии еще более определенно: «Северная армия стремится к восстановлению законного наследника русского престола» (Псковский набат. 1918. 28 октября).

значительную роль стал играть бывший ротмистр царской армии мелкопоместный дворянин Виленской губернии С.Н. Булак-Балахович, состоявший некоторое время в Красной Армии и служивший командиром конного полка в Луге, а в начале ноября перебежавший к немцам в оккупированный Псков. Местному населению он запомнился как палач и вешатель, садист и грабитель. Генерал Юденич, под началом которого позднее служил Булак-Балахович, характеризовал его как преступника: «С военной точки зрения он преступник, но все же молодец, полезен в теперешней обстановке».¹¹⁶ «Полезность» Булак-Балаховича Юденич, вероятно, увидел в том, что за немногие месяцы хозяйничания в Пскове, по собственному признанию Балаховича, он повесил 122 человека (на самом деле значительно больше), заподозренных в сочувствии и принадлежности к коммунистам.¹¹⁷

Ядром будущей Северной армии стал Псковский отдельный добровольческий корпус.¹¹⁸

По представлению комиссии партий «центра» германского рейхстага, на содержание Северной армии был ассигновано 200 млн марок. Из этой суммы уже в октябре было переведено на первоначальные расходы 120 тыс. марок.¹¹⁹ Кроме того, кайзеровское командование обещало снабдить вооружением и обмундированием 50 тыс. солдат и офицеров, передать 36 легких и 24 тяжелых орудия и разные технические средства.¹²⁰

Еще до октябрьского «Соглашения» 1918 г. германское военное командование начало помогать российским белогвардейцам формировать будущую армию. В Пскове при штабе 5-й запасной германской дивизии была создана так называемая русская комендатура. В нее прибывали как офицеры из занятых немцами областей, так и группы офицеров, переправившиеся через демаркационную линию из Советской России.¹²¹ Из них формировались отряды и отправлялись на Украину, поскольку первоначально предполагалось, что центр организации контрреволюционных сил будет находиться в Киеве, куда под крыло гетмана Скоропадского и кайзеровских генералов стекались царские министры, генералы, офицеры, помещики, банкиры, чиновники, спекулянты и т.п.

В середине же октября 1918 г., когда вопрос о выводе германских войск с русских северо-западных территорий стал решенным, были предприняты срочные меры по созданию Северной армии. Поначалу в ее состав входил один корпус (с центром в Пскове), предназначенный именно для Северо-Западного района России. Кроме выпуска воззваний и прокламаций («Время не терпит», «Русские люди») с призывами

¹¹⁶ Горн В.Л. Указ. соч. С. 139.

¹¹⁷ Там же. С. 137.

¹¹⁸ «Псковский отдельный добровольческий корпус», «Северная армия», «Северо-Западная армия» — последовательные названия белогвардейской армии, действовавшей на Северо-Западе в 1918 и 1919 гг.

¹¹⁹ Псковский набат. 1918. 28 октября.

¹²⁰ Гуковский А.И. Указ. соч. С. 31.

¹²¹ Там же. С. 30.

к населению «не терять время и скорее идти на вербовочные пункты» организаторы белой армии с полного согласия германских военных властей засылали ряд генералов и офицеров в города, уезды и волости оккупированной области, чтобы на местах форсировать запись в Северную армию. В начале ноября такой эмиссар появился в г. Острове. В речи на одном из собраний горожан он призывал их к массовому вступлению в белую армию, убеждал их в том, что Германия окажет белогвардейскому войнству всяческую помощь. «Самое главное — помощь Германии Северной армии, — заявил оратор. — Германия дает большие денежные средства, винтовки, пулеметы, пушки и неограниченное количество снарядов и патронов, армия будет обеспечена продовольствием, военным снаряжением... Если Германия увидит, что набор в добровольческую армию идет успешно, Германия с целью дать возможность лучше организовать Северную армию и стать на ноги твердо продлит срок оккупации нашего края».¹²² Чтобы так или иначе понудить население к вступлению в белую армию, германские оккупационные власти запретили всем мужчинам от 18 до 45 лет выезжать из Острова и уезда. Белогвардейские вербовщики, обращаясь к жителям сел и деревень, агитировали их вступать в белую армию и жертвовать на нее деньги, старое солдатское обмундирование и обувь.¹²³

Имела место и насильственная мобилизация в белую армию. Так было, например, в занятой германцами части Сине-Никольской волости Опочецкого уезда. Здесь белогвардейцы объявили трехдневную мобилизацию всех мужчин от 18 до 45 лет. В ответ на это местные жители, бедняки, послали своих делегатов в неоккупированный уездный город Опочку с просьбой дать им «разрешение устроить восстание и уничтожить организаторов белой гвардии, пока таковая еще не сорганизовалась в серьезную силу».¹²⁴ Насильственной мобилизации подвергались и учащиеся старших классов. Перед самым уходом немцев из Пскова командир расквартированного здесь отдельного белогвардейского корпуса издал приказ, по которому «независимо от возраста все ученики 7-го класса реального училища и 7—8-х классов псковской мужской гимназии должны 23 ноября 1918 года в 9 часов утра по германскому времени явиться в реальное училище. Уклонившиеся от явки будут преданы суду».¹²⁵

О нежелании местных жителей вступать в белую армию свидетельствуют и некоторые документы личного происхождения. В одном из писем, полученном из оккупированной зоны, сообщалось: «У нас новости неважные... Хотя уже скорее бы пришли большевики, их здесь очень многие ждут. Белая гвардия предлагает записываться к ним, но очень мало есть охотников. Сейчас у нас формируется белая гвардия делать наступление на Петроград, им будут помогать немцы... В белую гвардию записываются все больше приезжие».¹²⁶ Несмотря на германское

¹²² Известия. 1918. 9 ноября.

¹²³ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 40, л. 9; д. 93, л. 348; оп. 9, д. 10, л. 69 об.

¹²⁴ Там же, оп. 9, д. 10, л. 69.

¹²⁵ Псковский набат. 1918. 6 декабря.

¹²⁶ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 93, л. 348.

покровительство, усиленную агитацию и обещания большого жалования белогвардейским наемникам (офицерам от 400 р. и выше, а рядовым 90 р. в месяц),¹²⁷ трудовое население в армию к белым шло плохо.

В донесениях разведчиков, проникавших в оккупированную зону, сообщалось: «Белая гвардия формируется.... только из интеллигенции, крестьяне все категорически поступать к белогвардейцам отказываются...».¹²⁸ «Бедняки и рабочие настроены против белых и кулаков и всецело стоят за Советы...».¹²⁹ «Население оккупированных местностей как Псковского, так равно и Люцинского уездов... все с нетерпением ждут ухода немцев и сочувствующе относятся к советской власти...».¹³⁰ Еще более определенно высказались о крахе, ожидающем белогвардейское движение на Северо-Западе, в своей резолюции участники многочисленного митинга, состоявшегося в конце октября 1918 г. на пограничной станции Карамышево.¹³¹

Апатию населения оккупированных территорий Северо-Запада к призывам вступать в белую армию вынуждено было признать само ее командование. В докладе начальника контрразведывательного бюро штаба армии от 25 октября 1918 г. с разочарованием и горечью отмечалось, что у населения «к большевикам нет ненависти, а потому собрать сколько-нибудь значительное число честных граждан в ряды армии невозможно».¹³²

В связи с усилившейся кампанией вербовки псковские большевики 1 ноября 1918 г. обратились к населению, проживающему за демаркационной линией, с призывом не вступать в белогвардейскую армию. В воззвании губкома партии говорилось: «Товарищи, вы долго ждали того часа, когда от вас уйдут немецкие империалисты... Но вот пришел день, когда эти хищники должны очистить оккупированную местность... Вы рады, а попы и помещики... стали собирать деньги (деньги они наживали вашей кровью), чтобы организовать наемное войско.... Войско им нужно для того, чтобы вступить в бой с обездоленным народом и сохранить свои земли и дворцы. Товарищи, мы идем к вам. А вы не слушайте ваших врагов. Если кто придет к вам и будет звать вас в белую гвардию и в армию правопорядка, то такого человека убейте на месте. Гоните всех их от себя».¹³³

Кто же все-таки вступал в белогвардейскую армию? По разведывательным данным Псковского губернского военного комиссариата, туда шли главным образом бывшие царские офицеры, юнкера, выходцы из семей буржуазии, гимназисты, семинаристы, безработные, спасавшиеся от голода, босяки из пригородных слобод, всевозможный преступ-

¹²⁷ Там же, д. 42, л. 86.

¹²⁸ Там же, оп. 9, д. 3, л. 103.

¹²⁹ Там же, оп. 1, д. 40, л. 100.

¹³⁰ Там же, ф. 609, оп. 6, д. 66, л. 343.

¹³¹ Там же, ф. 590, оп. 1, д. 43, л. 10.

¹³² Псковский набат. 1918. 7 декабря. — Этот доклад извлечен из архива штаба Северной армии, захваченного советскими войсками после освобождения Пскова.

¹³³ ГАПО, ф. 590, оп. 9, д. 10, л. 71; Установление и упрочение советской власти в Псковской губернии 1917—1918 гг.: Сб. документов. Псков, 1957. С. 167—168.

ный элемент и «очень мало из простонародья».¹³⁴ Следует заметить, что из 1500 навербованных в Пскове в белую армию почти половина приходилась на офицеров. Немало из них вело разгульный образ жизни.

Оккупанты не только снабжали белогвардейцев оружием и боеприпасами, но и обучали их для предстоящих боевых действий. Об этом неоднократно свидетельствовали германские солдаты-перебежчики. «В Пскове, — рассказывал один из них, — под германским командованием обучаются военному делу местные жители для белой гвардии, об этом развешаны объявления по всему городу».¹³⁵ Кроме того, германские оккупационные власти по мере очищения занятых территорий и отправки своих солдат в Германию привлекали к караульной службе белогвардейцев. В донесениях советских разведчиков неоднократно отмечалось, что «пограничную охрану несут совместно белые и немцы».¹³⁶

К середине ноября 1918 г. лихорадочные меры по формированию Псковского отдельного белогвардейского корпуса Северной армии дали некоторые результаты. Точно установить его численность к этому времени не представляется возможным из-за противоречивости имеющихся данных. Так, в сводке агентурных сведений Псковского военревкома от 9 ноября указываются следующие показатели численности белогвардейского корпуса: 1) «около 500 пеших и около 2000 конных, но больше половины не имеют лошадей, а потому ожидают прибытия войск из Двинска и Режицы»; 2) «в г. Пскове, исключая перебежчиков, сформировано два неполных полка белогвардейцев»; 3) «войск в Пскове находится приблизительно около 2 вполне сформированных дивизий... оружия имеют в небольшом количестве, но надеются получить от немцев».¹³⁷ По данным министра белогвардейского Северо-Западного правительства в 1919 г., а позднее автора книги «Гражданская война на Северо-Западе России» В.Л. Горна, весь корпус состоял приблизительно из 4500 человек, в том числе 1500 офицеров.¹³⁸

Таким образом, русским буржуазно-монархическим кругам с помощью командования германских оккупационных войск не удалось сформировать сколько-нибудь значительного по численности и боеспособности белогвардейского корпуса. Генерал А.П. Родзянко, в последующем командующий Северо-Западной белогвардейской армией, побывав в те дни в Пскове, позднее писал: «Разнузданного, ободранного, невоинского вида солдат и офицеров, попадавших мне навстречу, было совершенно достаточно для того, чтобы я сразу же решил, что псковское формирование есть не более как авантюра».¹³⁹

Была предпринята попытка подкрепить белогвардейские части и за счет дезертиров и перебежчиков из Красной Армии. Так, в конце ок-

¹³⁴ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 40, л. 9 об.; д. 73, л. 347, 348 об.; см.: ДВП. Т. 1. С. 551.

¹³⁵ ГАПО, ф. 590, оп. 9, д. 10, л. 78; Известия. 1918. 26 октября.

¹³⁶ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 93, л. 348.

¹³⁷ Там же, л. 348 об.

¹³⁸ Горн В.Л. Указ. соч. С. 35.

¹³⁹ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1920. С. 6.

тября и начале ноября 1918 г. из состава Петроградской дивизии была уведена Булак-Балаховичем и его сподвижником есаулом Перемыкиным в Псков к оккупантам часть эскадронов 3-го конного полка.¹⁴⁰ 28 октября начальник Чудской озерной флотилии капитан 2-го ранга Д.Д. Нелидов с несколькими судами также перешел к белогвардейцам. Оставшаяся же верной советской власти команда парохода «Президент» открыла огонь по изменникам. Обе эти части столкнулись с недоверием и недружелюбием псковичей.¹⁴¹

Между тем уже во второй половине октября 1918 г. сформированные отряды белогвардейского корпуса перешли к локальным боевым действиям и захвату населенных пунктов в нейтральной зоне и даже на советской территории. Так, в ночь на 20 октября они совершили нападение на расположенные в Псковском озере Талабские острова,¹⁴² вдоль которых проходила демаркационная линия между советскими и германскими войсками. Это была проба сил белогвардейцев, разведка боем. С пушками, пулеметами и винтовками они погрузились на пристани в Пскове на два парохода («Елизарий» и «Псков») и несколько лодок, проехали к устью р. Великой, а затем направились по озеру к Талабским островам. Под покровом ночи высадили на островах десант. Несмотря на сопротивление местного красногвардейского отряда, белогвардейцы разогнали волостной Совет, после издевательств расстреляли и утопили 6 членов исполкома Совета, арестовали волостной военный комиссариат, комитет деревенской бедноты и председателя Псковского уездного Совета коммуниста И.Я. Залита, находившегося здесь по служебным делам. Часть арестованных, в том числе И.Я. Залит, член комитета бедноты коммунист И.С. Белов, их товарищи И.И. Галахов, О.И. Хорев и И.В. Шляпников, была посажена на один из пароходов для отправки в Псков. Но через некоторое время пароход с полпути вернулся уже без арестованных, которые были утоплены в озере.¹⁴³

Заняв Талабские острова, имевшие важное военное значение для установления контроля на путях от Пскова к Гдову, белогвардейцы сосредоточили здесь до 1000 солдат, расставили орудия и пулеметы, начали насильственную мобилизацию мужчин от 18 до 45 лет в армию и намеревались быстро двинуться дальше по восточному берегу Псковского и Чудского озер через Елизарово к Гдову. 23 октября группировка в 150 солдат на двух барках и нескольких лодках попыталась высадить десант на восточном берегу Псковского озера в районе д. Егорьевщины (в 20 км северо-западнее Пскова). Подъехав к берегу, они открыли огонь по красноармейским постам, но сторожевая охрана отбила попытку высадить десант. Однако через четыре дня вследствие слабости пограничной охраны советских войск белогвардейцам все-таки удалось

¹⁴⁰ ГАПО, ф. 590, оп. 9, д. 10, л. 66; оп. 1, д. 20, л. 44.

¹⁴¹ Там же, оп. 1, д. 93, л. 348.

¹⁴² Талабские острова: Талабск, Верхний, Таловенец, общая площадь — около 6,5 км², население — 4100 человек, расположены на северо-западе в 12 км от устья р. Великой в обширном (3600 км²) Псковском озере.

¹⁴³ ГАПО, ф. 590, оп. 9, д. 10, л. 35; оп. 1, д. 93, л. 207; Известия. 1918. 26 октября.

высадиться на побережье и занять Елизаровский монастырь (в 30 км северо-западнее Пскова). В конце октября 1918 г. заметно активизировались провокации белогвардейских банд почти на всей демаркационной линии, проходящей через Псковский и Островский уезды. 28 октября ими был обезоружен второй участок погранохраны, расположенный в районе ст. Карамышево. Власть на оккупированных территориях Северо-Запада официально по-прежнему находилась в руках немецких военных, но фактически германское командование с каждым днем все более передавало ее белогвардейскому командованию.

Организация белогвардейских формирований в Пскове принимала уже форму регулярных вооруженных сил, признаваемых немецкими властями. На это тревожное обстоятельство обращал внимание Г.В. Чичерин в телеграмме, посланной 24 октября советскому послу в Германии А.А. Иоффе, указывая на необходимость «добиться в Берлине того, чтобы Псков был передан непосредственно нашим властям».¹⁴⁴ Советский посол 28 октября направил ноту правительству Германии, в которой настаивал на прекращении антисоветской деятельности немецких военных оккупационных властей и «немедленном разоружении и роспуске белой гвардии в очищаемых местностях до передачи их советским властям».¹⁴⁵ Однако германское правительство продолжало содействовать белогвардейским силам на Северо-Западе. Немедленной эвакуации германских войск из Пскова, Острова и Двинска не последовало, а белогвардейцы готовились расширять фронт борьбы с советской властью.

БОРЬБА С ИНТЕРВЕНТАМИ И ИХ ИЗГНАНИЕ

Месяцы оккупации убедили жителей северо-западных районов на собственном опыте, какое иго несут иноземные захватчики, вызвали у них желание сделать все для освобождения своей земли. Псковские крестьяне, оказавшиеся с первых же дней германского нашествия в исключительно тяжелых условиях, скоро осознали, что настала пора борьбы против германских интервентов. Это важное обстоятельство отметил В.И. Ленин, выступая 8 марта 1918 г. на VII экстренном съезде РКП(б). «Что касается псковских крестьян, — говорил он, — то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: „Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, — это новая война, которую немцы ведут против Советской власти“».¹⁴⁶

С первых же месяцев оккупации среди крестьян сначала стихийно, а затем организованно стали создаваться добровольческие партизанские дружины и отряды. Группа крестьян, членов Петроградского Со-

¹⁴⁴ ДВП. Т. 1. С. 728.

¹⁴⁵ Там же. С. 543.

¹⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.

вета, подготовила и широко распространила воззвание «Товарищи крестьяне!». В нем раскрывался смысл германской интервенции и разоблачался союз оккупантов с российскими помещиками и капиталистами, целью которого было «задушить сначала русскую свободу, а потом и всего света». Воззвание провозглашало: «Да не будет этого!» — и призывало крестьян подняться «как один на борьбу за святую свободу и землю». «Товарищи крестьяне, — говорилось далее, — вооружайтесь кто чем может и давайте надлежащий отпор всем, кто хочет от вас украсть свободу и землю, купленную такой дорогой ценой — вашей кровью и потом. Колотите немецкую белую гвардию, которая пришла из-за границы... Организуйтесь в боевые дружины».¹⁴⁷

Для формирования партизанских отрядов и руководства их боевой деятельностью Комитет революционной обороны Петрограда направил в прифронтовые районы инструкторов. Командование и комиссары псковских боевых отрядов предпринимали энергичные меры к вооружению крестьян винтовками, пулеметами, брошенными отступающей армией, направляли в отряды военных специалистов. Так, начальник штаба псковских отрядов Ф.П. Никонов 5 марта сообщал в Петроград: «За сутки вооружено около 800 крестьян, партизаны в отряде начали успешные занятия в полку в целях боевой подготовки».¹⁴⁸

Прифронтовое положение Псковской губернии сильно осложняло работу большевиков, направленную на борьбу с германскими оккупантами. В ряде уездов неоккупированной части губернии (особенно в тех, где в Советах преобладали левые эсеры) пошатнулось положение еще не окрепшей советской власти. Кроме того, оборонная и мобилизационная работа проходила в условиях частых провокаций на демаркационной линии, чинимых оккупационными войсками. Но и в таких условиях большевики, опираясь на поддержку и настроение крестьян, совместно с командованием псковских, дновских, гдовских и нарвских отрядов стремились организовать партизанскую борьбу с интервентами.

На объединенном съезде представителей Новоржевского, Опочецкого и Островского уездов (с населением более 420 тыс. человек), состоявшемся в середине марта 1918 г., было постановлено: «...немедленно приступить повсеместно к организации партизанских отрядов для отражения нашествия немецких разбойников, объединившихся с отечественной буржуазией в преступный союз против всего трудового народа».¹⁴⁹ Здесь же был образован единый штаб партизанских отрядов для всех трех уездов, определены порядок формирования, вооружения и тактика боевых действий.

В селах прифронтовой полосы проходили собрания и митинги, на которых принимались решения мобилизовать на защиту Родины граждан от 17 до 50 лет. На Северо-Западе шло формирование крестьянских партизанских отрядов. В их составе было немало и солдат, вернувших-

¹⁴⁷ Типографский экземпляр воззвания экспонируется в историческом музее г. Великие Луки.

¹⁴⁸ Под знаменем Октября: Сб. документов. Москва; София, 1984. Т. 1. С. 422.

¹⁴⁹ ГАПО, ф. 51, оп. 1, д. 151, л. 23, 23 об.

ся с фронта. В протоколах Псковского губисполкома находим такие записи: «на ст. Карамышево составили внушительный партизанский отряд»; «около ст. Дно формируются партизанские отряды, причем по уездам разсланы агитаторы»; «хотя мир подписан, но война еще продолжается»; «в Новоржевском уезде было постановлено организовать партизанские отряды и записалось в таковые около 900 человек, крестьяне просили искомгуб прислать им еще агитаторов».¹⁵⁰ По данным членов Коллегии по формированию Красной Армии, к 7 марта только в районе Пскова—Торошина—Новоселья (по железнодорожной линии и шоссе от Пскова на Петроград) насчитывалось уже до 10 тыс. партизан, а к 20 марта 1918 г. их было 12 тыс., вооруженных винтовками и пулеметами.¹⁵¹ Это были первые советские партизанские формирования, выступившие против иностранных захватчиков.

Крестьяне-партизаны охотно, по собственной инициативе отдавали советским войскам лошадей, доставляли хлеб и другие продукты, активно участвовали в боевых операциях. Зная хорошо местность, они успешно действовали в разведке, устраивали взрывы железнодорожного полотна и мостов, несли сторожевую службу. Пять прифронтовых волостей, расположенных близ Пскова, имели постоянные отряды, которые несли сторожевую службу, в резерве насчитывалось еще 7 тыс. вооруженных крестьян. Они ждали боевого сигнала, чтобы совместно с красноармейскими отрядами участвовать в наступлении на Псков.¹⁵²

Более двадцати партизанских отрядов (по 100—150 человек) действовало в тылу врага, они нападали на склады и транспорт оккупантов, портили мосты и дороги. «Партизанские отряды, — сообщала газета «Известия», — действуют за Псковом около Купрово, Мариенгаузен (в Лифляндии. — П. Н.), схватки там были ожесточенные. Из партизанских отрядов в Псков привезли несколько десятков раненых».¹⁵³ Об одной из таких ожесточенных схваток мы узнаем из письма, посланного участником партизанской борьбы в Островском уезде В.И. Ивановым в Смольный, в Совет Народных Комиссаров, с просьбой о присылке оружия. В письме говорилось также о нападении партизан на вражеское подразделение, которое увозило на подводах награбленное у крестьян имущество: «Вышли все крестьяне из терпения, вооружились кто что имел и пошли против них... и разбили ихние обозы и кавалерию... и находили в обозах крестьянское: одежду, шубу и полушубки, и женское пальто, и совки, и мотки ниток, и волокно для изделия одежды... И затем их разбили, сто сорок пять человек, и больше у нас не стали они беспорядки делать, но и у нас не стало на этот случай патронов... Но если были бы у кр[естьян] и оружие и патроны, их выбили бы без помощи Кр[асной] гвардии и Кр[асной] Армии».¹⁵⁴ Это письмо, вышедшее из самой гущи народной, написанное бывшим солдатом, полугра-

¹⁵⁰ Там же, ф. 590, оп. 1, д. 28, л. 24—27, 45, 50.

¹⁵¹ См.: Николаев П.А. На псковских позициях... С. 109.

¹⁵² Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922. Т. 1. С. 111.

¹⁵³ Известия. 1918. 2 марта.

¹⁵⁴ Цит. по: Николаев П.А. На защиту Петрограда! С. 140.

мотным крестьянином д. Поташи Островского уезда, — страстный человеческий документ первого года революции. Его автор выразил в нем решимость партизан полностью изгнать с родной земли кайзеровских грабителей и разгромить белогвардейцев.

Столь же решительно боролись с германскими интервентами партизаны и в других уездах Северо-Запада. Так, партизанский отряд Бельской волости Гдовского уезда Петроградской губернии численностью около 200 человек только в одном бою уничтожил до 50 вражеских солдат.¹⁵⁵ В селе вблизи ст. Пыталово крестьяне, вооружившись топорами и косами, почти полностью истребили немецкий отряд, прибывший для реквизиции хлеба и скота. Несколько дней спустя туда прибыла германская часть и сожгла село дотла.¹⁵⁶ В Печорской волости Псковского уезда крестьяне уничтожили 40 кайзеровских солдат, занимавшихся реквизицией хлеба, а недалеко от ст. Верро (Эстляндская губерния) партизанами был взорван железнодорожный мост.¹⁵⁷ Активные боевые действия партизан были столь ощутимы для оккупантов, что германское командование вынуждено было докладывать об этом в марте 1918 г. рейхсканцлеру: «Германские войска ведут бои с партизанами близ Пскова».¹⁵⁸ Несмотря на непрерывное и значительное увеличение германских войск, направляемых на Северо-Запад, боевые действия партизан и подпольщиков здесь, особенно в первые дни оккупации, не прекращались.

О настроениях крестьянства в этом районе говорится в воспоминаниях главы первой советской делегации на переговорах в Брест-Литовске А.А. Иоффе: «При возвращении из Бреста (4 марта 1918 г.) советская делегация наблюдала, как изменилось настроение масс в оккупированных немцами территориях. Те, кто только недавно осыпал оскорблениями советскую делегацию, теперь молчали; те, кто только что радостно встречал немцев, теперь умоляли советскую делегацию защитить их от немецких насилий и дать возможность им выехать туда, где нет немцев. Крестьяне и коммунисты с немцами дрались».¹⁵⁹

Партизаны часто проникали в оккупированный Псков, проводили диверсии, нападали на немецких солдат и офицеров. Германское командование пыталось обвинить советскую сторону в содействии беспорядкам на оккупированной территории и распространении среди немецких солдат революционных воззваний. Полковник И.Г. Пехливанов по поручению командования петроградской группой советских войск категорически отверг эти обвинения. В письме командующему немецкими войсками в Пскове генерал-фельдмаршалу Келлеру он заявил, что «поддержание порядка в той части территории, которая занята немецкими войсками, ни в коем случае не может входить в круг ведения и забот русских войск и силою мирного договора русские воен-

¹⁵⁵ Там же. С. 138.

¹⁵⁶ Петроградский голос. 1918. 29 июня.

¹⁵⁷ РГВА, ф. 1, д. 158, л. 125—130.

¹⁵⁸ DZA, Fond Reichskanzlei, Nr. 2471/10, Bl. 184.

¹⁵⁹ Новый мир. 1927. Кн. 6. С. 146.

ные власти не обязаны брать на себя — ни прямо, ни косвенно — такую ответственность».¹⁶⁰

Чтобы обезопасить свои гарнизоны от нападений партизан, воспрепятствовать распространению революционной литературы и занять наиболее выгодные позиции на дальних подступах к Петрограду, германское командование потребовало перенести ранее установленную 7 марта по взаимному соглашению сторон демаркационную линию в районе Пскова в глубь советской территории на 10 верст от старой демаркационной линии.¹⁶¹ Это было явным нарушением недавно подписанного Брестского договора.

Но при создавшемся тогда тяжелом и угрожающе опасном для Советской республики положении нельзя было игнорировать почти ультимативное требование германского командования. В постановлении СНК от 17 марта 1918 г., направленном в виде телеграммы в Петроград, указывались причины, заставившие принять германские условия: «Правительством получено 17 марта сообщение о требовании командующего германскими войсками в Пскове очистить десятиверстную зону перед Псковом. Правительство постановляет: ввиду состоявшегося 16 марта утверждения съездом Советов мирного договора с Германией всякие военные действия безусловно недопустимы. В то же время ввиду выезда демаркационной комиссии десятиверстная зона должна быть очищена. Постановление это подлежит исполнению войсковыми частями, пограничной стражей и местными Советами. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов».¹⁶²

Во исполнение постановления Совнаркома Петроградский военный комиссариат приказал И.Г. Пехливанову срочно «под страхом строжайшего наказания очистить десятиверстную зону».¹⁶³ Зона была очищена, советские войсковые части и пограничная стража отошли на новую демаркационную линию. Но это не обезопасило интервентов от продолжения партизанской и подпольной борьбы против них, хотя часть партизанских отрядов распалась и партизанское движение, развернувшееся в феврале и начале марта 1918 г., после заключения Брестского мира постепенно стало сокращаться. Но на оккупированной территории население не хотело и не могло покорно мириться с грабежами и насилием захватчиков. Оно по-прежнему продолжало борьбу. Действия партизан носили чаще всего характер сопротивления оккупационной политике германских военных властей, а не поддержки советской власти или революционных преобразований. В донесениях неоднократно сообщалось о «стычках партизанских отрядов с оккупантами», об «ожесточенной борьбе между населением и оккупационными властями», о том, что «крестьяне, вооружаясь чем попало, организуют партизанские отряды и нападают на немцев» и что «настроение среди

¹⁶⁰ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 21, л. 3.

¹⁶¹ Там же; Петроградский голос. 1918. 17, 21 марта.

¹⁶² РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 7, л. 18—19; см. также: ДСВ. М., 1959. Т. 2. С. 3.

¹⁶³ РГВА, ф. 7150, оп. 1, д. 7, л. 8.

крестьян на оккупированной территории воинственное и они с нетерпением ждут сигнала к восстанию против оккупантов». ¹⁶⁴

В одном из донесений руководителей Военно-революционного комиссариата района Великих Лук в Высший военный совет от 28 марта 1918 г. говорилось, что германские войска нарушают демаркационную линию с целью грабежа, провоцируют столкновения с крестьянами, завершающиеся потерями убитыми и ранеными с обеих сторон. Донесение заканчивалось сообщением: «Во всей полосе, прилегающей к демаркационной линии, крестьяне озлоблены грабежом немцев и русских белогвардейцев и их наемников, вооружаются и расправляются с грабителями круто». ¹⁶⁵ Все более и более росло враждебное отношение к оккупантам в Пскове. Несмотря на значительное увеличение патрулей в городе, на его улицах в мае 1918 г. ежедневно находили 3—5 убитых немецких солдат.

На неоккупированной территории губернии формирование партизанских отрядов и дружин также продолжалось с неослабевающей силой. Председатель Псковского губисполкома Н.А. Петров в письме, направленном в начале апреля в уездные исполкомы, даже отмечал, что «формирование партизанских отрядов... мешает насущной и первой задаче времени — созданию Красной Армии». Он критиковал их за то, что уездные Советы большее внимание уделяют именно формированию партизанских отрядов, а не отбору добровольцев в Красную Армию. ¹⁶⁶ Состоявшийся в апреле 1918 г. IV губернский съезд Советов принял постановление о создании крестьянского ополчения в прифронтовой Псковской губернии. Предусматривалось в каждом селе создать из добровольцев при выборном командире отряды крестьянского ополчения «для защиты земли, воли и прав трудового народа от русских и иностранных помещиков и капиталистов». ¹⁶⁷ При этом подчеркивалось, что «партизанские отряды есть организация вполне самочинная» и Советское «правительство в их действиях не ответственно», а потому «германское правительство не может протестовать, если партизанские отряды будут продолжать борьбу» и после заключения Брестского мирного договора. ¹⁶⁸

Летом и осенью 1918 г. даже в разгар полевых работ в каждом уезде, в большей части волостей проходило формирование партизанских и других вооруженных отрядов, в том числе и в нейтральной зоне. По неполным данным губернского военного комиссариата, к сентябрю 1918 г. в неоккупированной части губернии насчитывалось несколько десятков партизанских отрядов общей численностью более 8 тыс. человек. Для их вооружения на складах волостных комиссариатов хранилось 10 536 винтовок, 2 млн патронов, сотни гранат, револьверы и бомбометы. ¹⁶⁹

¹⁶⁴ Красная газета. 1918. 27 марта.

¹⁶⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922. Т. 1. С. 115.

¹⁶⁶ ГАПО, ф. 609, оп. 1, д. 132, л. 7.

¹⁶⁷ Там же, ф. 51, оп. 1, д. 124, л. 8.

¹⁶⁸ Там же, д. 132, л. 7—8.

¹⁶⁹ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 83, л. 1—16.

Потенциальные возможности партизан в борьбе с интервентами высоко оценивал председатель Псковского губисполкома большевик К.В. Гей. Он говорил о том, что работа по формированию партизанских отрядов «имеет серьезное военное значение, так как крестьянство прилегающих к демаркационной линии местностей поголовно озлоблено против немцев, творящих насилия и бесчинства в оккупированных областях». «В этой полосе, — продолжал докладчик, — крестьянство сплошь вооружено (имеются пулеметы), сорганизовалось, выдвинув руководителей из солдат-фронтовиков, и в случае немецкого наступления (в связи с убийством германского посла Мирбаха. — П.Н.) сможет оказать довольно серьезное сопротивление».¹⁷⁰ При возобновлении Германией военных действий планировалось передать все партизанские отряды в подчинение штабу дислоцируемой в губернии Псковской дивизии. Использование партизанских отрядов в возможных военных действиях против интервентов предусматривал и Высший военный совет. 7 июля 1918 г. он направил военным руководителям частей Красной Армии, расположенных в Новоржеве, Опочке, Себеже, и в Псковский губернский комиссариат по военным делам телеграмму следующего содержания: «Ввиду признаков возможного в ближайшем будущем общего наступления противника Высший военный совет приказывает: во всей полосе подготовить действия партизанскими отрядами из местных жителей, оказав им помощь боевыми средствами и указанием этим отрядам приемов действий. Партизанские отряды должны действовать в тылу и на флангах противника отдельно, а не рядом с войсками, но в связи с войсками».¹⁷¹

Участие рабочих и крестьян северо-западных губерний России в защите Советской республики не ограничивалось только партизанской борьбой. Трудящиеся прифронтовых губерний сначала добровольно, а затем (после постановления ВЦИК от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию») по обязательному призыву направлялись в Красную Армию. С июля по декабрь 1918 г. из губерний, входивших в Петроградский военный округ (Петроградская, Псковская, Новгородская, Олонецкая, Череповецкая), по мобилизации было призвано более 100 тыс. человек.¹⁷² В Псковской губернии, по территории которой проходила почти вся более чем 300-километровая демаркационная линия на Северо-Западе, уже к 4 июля 1918 г. общее число добровольцев и призванных по мобилизации составило более 9 тыс. человек.¹⁷³ Из регулярных частей Красной Армии на территории губернии дислоцировались 2-я Новгородская и 3-я Петроградская дивизии, войска пограничной стражи и Чудская военная флотилия. С сентября 1918 г. в прифронтовых губерниях повсеместно проходило всеобщее военное обучение населения.

Кроме партизан на оккупированной территории действовали подпольные вооруженные организации и группы. В одном из документов

¹⁷⁰ Там же, ф. 590, оп. 1, д. 38, л. 52.

¹⁷¹ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 36, л. 9.

¹⁷² Бротов В.В. Рождение Красной Армии. М., 1961. С. 108.

¹⁷³ ГАПО, ф. 609, оп. 1, д. 62, л. 104—105; д. 64, л. 47—49; д. 83, л. 16.

указываются численный состав и вооружение подпольной организации в Пскове и характер ее действий: «В организации числится около 40 человек. В распоряжении организации 36 пулеметов, 280 ящиков с патронами, о чем немцы, конечно, не знают. Что касается деятельности организации, то: 1) она агитирует среди германского войска, 2) среди населения, 3) распространяет газеты и агитационную литературу».¹⁷⁴ О подпольной работе сообщала и «Красная газета»: «Наши агитаторы проникают далеко в тыл неприятеля и там поддерживают связи с нашими организациями, ушедшими в подполье».¹⁷⁵

С псковскими коммунистами-подпольщиками установил постоянную связь чрезвычайный военный комиссар района Луга—Торошино—Гдов Я.Ф. Фабрициус. Через местных крестьян он переправлял им оружие, революционную литературу, листовки, газеты («Правда», «Известия», «Красная газета» и др.).¹⁷⁶ В Центральном государственном архиве в г. Потсдаме найдена одна из листовок, распространявшаяся в оккупированных районах Северо-Запада. В ней, в частности, говорится: «Опомнитесь, немецкие солдаты! Отказывайтесь быть предателями русской революции! В дальнейшем отказывайтесь бороться против русских рабочих и солдат! Стреляйте и убивайте своих генералов, если они хотят вас использовать в качестве палачей! Поднимайте знамя революции!».¹⁷⁷

В тыл врага ходили агитаторы от губернских и уездных комитетов большевистской партии. Опытные пропагандисты, знавшие немецкий язык, проникали на оккупированную территорию и распространяли там революционные прокламации и воззвания, что способствовало росту антивоенных настроений среди германских солдат, их дезертирству и отказу отправляться на Западный фронт.¹⁷⁸ Петроградская газета «Северная коммуна» 7 октября 1918 г. сообщала о том, что на ст. Псков две роты немецких солдат, погруженные в вагоны для отправки на Западный фронт, подняли красный флаг и заявили, что они не поедут и воевать больше не хотят. Комендант станции вызвал комендантскую роту, оцепил эшелоны, произвел обыск и нашел тюк журналов на русском языке за 1917 г.

Партизанская борьба и подпольная деятельность большевиков всерьез встревожили оккупантов, и они шли на крайние меры. Командующий 8-й германской армией генерал Кирхбах издал на трех языках (русском, немецком и эстонском) приказ, который гласил: «Всех большевиков и агитаторов арестовывать и строго наказывать... всеми мерами и способами уничтожать воюющих в тылу немецких войск партизан, на них жалко пули, их следует вешать».¹⁷⁹ Репрессивные меры оккупантов, однако, не смогли остановить народного сопротивления захватчикам.¹⁸⁰

¹⁷⁴ ЦГАИПД, ф. 16, оп. 9, л. 8923, л. 1.

¹⁷⁵ Красная газета. 1918. 28 марта.

¹⁷⁶ Кондратьев Н.Д. Ян Фабрициус. Рига, 1954. С. 87.

¹⁷⁷ DZA, Fond Reichskanzlei, Nr. 2461/2, Bl. 176.

¹⁷⁸ См.: Мальшев М.О. Указ. соч. С. 65—66.

¹⁷⁹ Der europäische Krieg in aktenmässiger Darstellung (Deutscher Geschichtskalender). Leipzig, 1918. Bd 8, H. 1. S. 222.

¹⁸⁰ См.: Крах германской оккупации на Псковщине: Сб. документов. Л., 1939. С. 202; Известия. 1918. 17 апреля.

Борьба против оккупантов и их белогвардейских пособников особенно усилилась в октябре—ноябре 1918 г., когда германские военные власти вопреки заключенному соглашению готовились передать после своего ухода Псков, Остров и другие северо-западные территории не советским властям и учреждениям, а командованию белогвардейского Северного корпуса. На ближайших к Пскову железнодорожных станциях, расположенных вблизи демаркационной линии, были созданы военно-революционные комитеты (в Торошино — 9 октября и в Карамышево — 22 октября), наделенные чрезвычайными полномочиями.¹⁸¹

В конце октября 1918 г. руководители Торошинского и Карамышевского военно-революционных комитетов с тревогой информировали Псковский губисполком о реальной опасности и угрозе советской власти на Северо-Западе в случае непринятия решительных мер к ликвидации формирующейся здесь белой армии. Приводимая ниже выдержка из документа со всей очевидностью свидетельствует об этом:

«Председателю Псковского губернского исполнительного комитета. Прилагая при сем доклад председателя чрезкома (Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. — П.Н.) Псковского уезда, материалы донесений разведчиков, а также выписку из псковских и островских газет, Военно-революционный комитет считает своим долгом указать, что дальнейшее непринятие нашим центром определенных мер, которые положили бы конец организации белогвардейских банд при непосредственном участии немцев... создает реальную опасность и угрозу Советской России. Занятие Талабских островов и другие вылазки служат достаточным показательным фактом.

Из материалов разведки с несомненной ясностью следует, что все делается с ведома и поощрения германского правительства. И поэтому мы особенно горячо настаиваем на принятии срочных мер, ибо время не терпит и каждый новый день увеличивает эту белую армию и качественно, и количественно, и тем самым увеличивая опасность для Советской России. О принятых мерах просим сообщить телеграфно.

Председатель *Я. Фабрициус*

Секретарь *Р. Муклевич*

Члены: *Кравец, Кондратьев*

Предревкома Карамышевского района *Кригер*». ¹⁸²

Получив это письмо, губисполком, располагавшийся из-за оккупации Пскова в Великих Лугах, 1 ноября 1918 г. созвал срочное совещание представителей от всех уездов с участием председателя Чрезвычайной комиссии и губвоенкома. Обсуждался вопрос «О мерах в связи с очищением немцами оккупированных территорий и противодействии белогвардейским отрядам». Председатель губисполкома К.В. Гей доложил собравшимся, что приняты меры на случай нападения белогвардейских отрядов на Советскую Россию, что Центр инфор-

¹⁸¹ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 22, л. 1; д. 43, л. 27.

¹⁸² Там же, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 11.

мируется губисполкомом «письменно и лично и Центром приняты уже меры против попыток нападения белых на Советскую Россию». Председатель губернской Чрезвычайной комиссии Г.П. Матсон напомнил участникам совещания, что «врагом для Советской России являются не только белогвардейцы, но и покровительствующие им немцы».

В итоге обсуждения было принято решение.

1. Создать в губисполкоме и в каждом уезде диктаторскую тройку, состоявшую из председателей исполкома, чрезкома и военного комиссара с неограниченными полномочиями и объявить губернию на военном положении.

2. Усилить пропаганду в прифронтовой полосе, направить туда опытных агитаторов и литературу.

3. Немедленно провести в жизнь постановление о регистрации населения.

4. Немедленно приступить на местах к подготовке мобилизации коммунистов и волостных военных комиссаров.¹⁸³

В тех же целях Петроградский военный комиссариат принял экстренные меры. 27 октября 1918 г. был сформирован Военно-революционный полевой штаб в Луге в составе комиссаров А.Э. Дамана, Я.Ф. Фабрициуса и командира бывшего полковника М.Н. Васильева. В подчинение штаба были переданы 3-я Петроградская дивизия, все красноармейские части, пограничная охрана Псковского уезда, Лужского и Гдовского уездов Петроградской губернии, Чудская озерная флотилия. Указанные уезды и железнодорожные участки на их территории были объявлены на осадном положении. Из Петрограда в этот район срочно направлялись части пехоты, конницы и артиллерии. Все попытки возможного выступления со стороны Талабских островов пресекались самым энергичным образом.¹⁸⁴

На результатах борьбы с германскими войсками осенью 1918 г. на Северо-Западе сказались капитуляция и выход из войны союзников Германии — Болгарии, Турции и Австро-Венгрии. Ее положение становилось безнадежным. Военные поражения на фронте, утрата боеспособности армии, экономические трудности, обострение политического кризиса — все это ставило Германию на край катастрофы.

9 ноября 1918 г. в Германии разразилась революция.

Потерпев поражение в первой мировой войне, Германия 11 ноября 1918 г. вынуждена была подписать с государствами антигерманской коалиции Компьенское перемирие во Франции, по которому, однако, ее войскам разрешалось оставаться на советской территории до тех пор, пока там не появятся дружеские союзникам войска.¹⁸⁵ Это совпадало и с интересами самой Германии, которая даже в сере-

¹⁸³ Там же, ф. 590, оп. 1, д. 43, л. 48.

¹⁸⁴ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 41, л. 1.

¹⁸⁵ См.: ДВП. Т. 1. С. 730.

дине 1919 г. продолжала держать в Прибалтике армию в 70 тыс. человек.¹⁸⁶

Уже после революции, 16 ноября 1918 г., верховное командование Германии издало секретный приказ немецким войскам, находящимся на Восточном фронте, в котором говорилось, что «быстрое оставление всех восточных областей, в особенности Украины и балтийских территорий, противоречит национальным и хозяйственным интересам Германии».¹⁸⁷

Но эти намерения в отношении Северо-Запада Советской России оказались несостоятельными. 13 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК Брест-Литовский договор со всеми дополнительными к нему соглашениями был аннулирован. Казалось бы, германское правительство должно было немедленно начать вывод войск с советской территории. Однако германские военные власти на Северо-Западе и поддерживаемые ими белогвардейцы, вооруженные и снабженные всем необходимым для захвата власти после ухода оккупантов, пытались любой ценой задержать или оттянуть эвакуацию немецких войск. С этой целью провоцировались столкновения с частями Красной Армии, расположенными в прифронтовых губерниях, устраивались инциденты и конфликты на демаркационной линии и нейтральной полосе. Все это сопровождалось насилием и грабежами в отношении мирного населения. Активизировалось белое движение. Для того чтобы не пустить Красную Армию в Псков, белогвардейцы только в самом городе сосредоточили около 2 тыс. солдат и 100 кавалеристов.¹⁸⁸

Опасная и тревожная обстановка потребовала от Советского правительства и местных органов северо-западных прифронтовых губерний (по территории которых проходила демаркационная линия от Нарвы через Чудское и Псковское озера, юго-восточнее Пскова и Острова до Двинска) принятия срочных мер военного характера. Особенно это касалось Псковской губернии, где белогвардейцы первыми начали военные действия. Только с 12 по 20 ноября 1918 г. из Пскова и с Талабских островов они многократно пытались высадить десант на юго-восточном берегу Псковского озера и выйти в тыл красноармейским частям, прикрывавшим стратегически важную дорогу на Гдов. Советские войска решительно пресекали такие попытки, а Реввоенсовет Северного фронта 20 ноября приказал «принять все меры к недопущению высадки противника с Талабских островов на восточный берег Псковского озера и постараться выбить его оттуда».¹⁸⁹

Участились набеги белогвардейцев и на пограничные деревни и села. Так, 23 ноября 1918 г. более 200 солдат, вооруженных винтовками и пулеметами, ворвались в деревни Верхние и Нижние Галковичи и

¹⁸⁶ Штейнберг В.А. Латвия во внешнеполитическом противоборстве Советской России и держав Запада. 1917—1920. Рига, 1979. С. 95.

¹⁸⁷ Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957. С. 163.

¹⁸⁸ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 75.

¹⁸⁹ Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922. Т. 1. С. 467; Северная коммуна. 1918. 20 ноября.

начали грабить крестьян, забирая у них скот, продукты, фураж и увозить награбленное в Псков. Партизанский отряд из местных крестьян (42 человека) смело вступил в схватку с налетчиками, но за малочисленностью был вынужден отступить. Только прибывший на помощь крестьянам Лужский эскадрон с пулеметами и полуротой пехоты заставил налетчиков отойти к Пскову. На другой день советский бронепоезд отбил нападение белых, пытавшихся взорвать железнодорожный мост.¹⁹⁰ Белогвардейские военные власти усилили меры борьбы против большевистского подполья в Пскове. 18 ноября начальник особого отдела Псковского отдельного добровольческого корпуса Северной армии приказал «начать арест всех большевиков и причастных к большевизму лиц» и потребовал «в кратчайший срок, в 2—3 дня, изъять из города весь преступный в политическом отношении элемент».¹⁹¹ Задержка эвакуации германских войск и активизация белогвардейских отрядов на демаркационной линии требовали от советских властей принятия решительных действий.

Еще 11 ноября 1918 г. председатель Псковского губисполкома К.В. Гей, губвоенком М.С. Баклач и председатель губчека Г.П. Матсон направили телеграмму председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину, председателю Всероссийского бюро военных комиссаров К.К. Юреневу и военному комиссару Петроградской коммуны Б.П. Позерну, в которой предлагали в связи с революционными событиями в Германии начать активное наступление против белогвардейцев на демаркационной линии. Одновременно в ней сообщалось, что Советы прифронтовой полосы неоднократно уже запрашивали разрешение советского и военного руководства губернии начать такие действия в надежде, что они приведут к разгрому белогвардейцев. В.И. Ленин направил эту телеграмму в Реввоенсовет Республики для рассмотрения и решения вопроса.¹⁹² Через несколько дней РВСР принял решение начать операции по освобождению оккупированных областей Северо-Запада.

В другой телеграмме, направленной 17 ноября 1918 г. Торошинским военно-революционным комитетом (действовавшим в непосредственной близости от Пскова) в Наркоминдел Г.В. Чичерину и в Лужский военно-революционный полевой штаб Я.Ф. Фабрициусу, также предлагалось начать немедленно очищение оккупированных областей и быстрое занятие их «красными войсками», чтобы «уничтожить гнезда белых».¹⁹³

Военные меры становились единственно возможным средством закончить с германской оккупацией северо-западных районов России и предотвратить передачу власти в руки белым, так как революция в Германии мало повлияла на политику немецких военных захватчиков

¹⁹⁰ РГВА, ф. 190, оп. 1, д. 25, л. 90.

¹⁹¹ Псковский набат. 1918. 7 декабря. — Документ найден в переписке штаба Северной армии, захваченной советскими войсками при освобождении Пскова.

¹⁹² РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 411, л. 1; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 216.

¹⁹³ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 42, л. 244.

в этом регионе. Документы зафиксировали лишь единичные факты революционных настроений в частях германской армии. Так, солдаты одного из подразделений гарнизона в Пскове сумели добиться отправки их домой с красными знаменами, музыкой и пением «Марсельезы».¹⁹⁴ 13 ноября около 500 солдат 336-го пехотного полка, расквартированного в Нарве, узнав об отказе командования отправить их домой, заявили, что они самовольно возвращаются в Германию.¹⁹⁵ Большая же часть ландштурмистов (вспомогательные воинские формирования для охраны государственных границ, складов, коммуникаций и др.) по-прежнему использовалась по назначению. Совет солдатских депутатов, созданный немцами в Пскове, состоял почти сплошь из офицеров и действовал в полном контакте с белогвардейцами, которым кайзеровцы до последних дней своего пребывания в городе предоставляли продовольствие и оружие.¹⁹⁶ Еще 15 ноября 1918 г. в радиосводке Полевого штаба РВСР отмечалось, что оккупанты обещают белогвардейцам не уходить из Пскова «до тех пор, пока они не организуются, чтобы быть в состоянии собственной силой дать отпор большевикам». В Нарве перед уходом немцев уже были «сформированы два белогвардейских отряда общей численностью 1100 человек».¹⁹⁷ Командующий германским Северным корпусом, действующим в Эстляндии, генерал Зеккендорфф, которому было поручено эвакуировать немецких солдат, самостоятельно начал проводить боевые действия в защиту белогвардейцев. Революционный Совет германских рабочих и солдат, образовавшийся в то время в Петрограде, потребовал от контрреволюционного генерала «прекратить всякие самостоятельные действия» германских войск в Эстляндии, строго предупредив его об «ответственности за каждую каплю напрасно пролитой братской крови».¹⁹⁸

Не упустить момента и быстрее освободить от интервентов северо-западные территории, разгромить активизировавшихся здесь белогвардейцев, не дать им успеть захватить власть после ухода германских покровителей — все это могло быть осуществлено лишь решительным наступлением красноармейских частей Северного фронта на Псков, Нарву, Ревель, Ригу и другие важные в военном отношении транспортные узлы и населенные пункты.

Главкомандующий всеми вооруженными силами Советской республики И.И. Вацетис 16 и 17 ноября 1918 г. направил командованию Северного фронта директиву в связи с осложнившимся политическим положением на Северо-Западе. В ней он потребовал принять самые действенные меры для обороны подступов к Петрограду, немедленного занятия советскими войсками Пскова и Нарвы с последующим продвижением на Ревель и Валку.¹⁹⁹ Копия этой директивы была направлена

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ См.: История Эстонской ССР. Таллинн, 1974. Т. 3. С. 130.

¹⁹⁶ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 42, л. 243; д. 126, л. 113.

¹⁹⁷ Петров В.И. Указ. соч. С. 375.

¹⁹⁸ Псковский набат. 1918. 12 декабря.

¹⁹⁹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 174, 177.

В.И. Ленину, так как ее осуществление не было делом только военным, а затрагивало политику большевистского руководства по отношению к национальным районам бывшей Российской империи. В связи с начавшимся продвижением на запад частей Красной Армии В.И. Ленин 29 ноября 1918 г. в телеграмме на имя главкома вооруженных сил И.И. Вацетиса предложил дать командирам продвигающихся частей «указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы...».²⁰⁰

В соответствии с директивой главкома и указанием В.И. Ленина началось наступление частей Красной Армии на Северо-Западе. Командующий 7-й армией бывший генерал-лейтенант русской армии Е.А. Искрицкий 17 ноября издал оперативный приказ о начале боевых действий на псковско-нарвском направлении. Войска 7-й армии, находившейся еще в начальной стадии формирования, были пока малочисленными — 6200 штыков и 42 орудия.²⁰¹ Разделенные на три боевых участка (правый — Нарвский, средний — Псковский и левый — Двинский), они получили приказ перейти демаркационную линию с ближайшей задачей занять Нарву, Псков и Остров.²⁰² Для успешного выполнения этой операции в распоряжение командующего 7-й армией дополнительно были направлены эстонские и финские части с Восточного фронта, 1-й и 6-й полки из Симбирска, артиллерия и конница Латышской дивизии из Москвы, несколько пехотных полков, 6-й конный полк и отдельные эскадроны из Петрограда.²⁰³

Для оказания поддержки сухопутным частям с моря главком Республики приказал подчинить командарму 7-й армии «все морские силы, не получившие специальной задачи».²⁰⁴ Такое взаимодействие Балтийского флота с частями 7-й армии было предусмотрено и в связи с просьбой Ревельского Совета рабочих депутатов к Советскому правительству от 19 ноября 1918 г. оказать помощь в изгнании немецких оккупантов с территории Эстляндии.²⁰⁵

Командование 7-й армии приняло решение провести операцию по освобождению Пскова и Острова от оккупантов и белогвардейцев объединенными силами среднего и левого боевых участков в составе 2-й бригады 6-й дивизии и 2-й Новгородской дивизии. На вооружении этих частей было 5400 штыков и сабель, 22 орудия, один бронепоезд и броневик. В их ближайшую задачу входило перейти демаркационную линию на торошинском (к северо-востоку от Пскова) и карамышевском (к востоку от Пскова) направлениях, занять города Псков и Остров, а затем, выдвинув передовые части на западный берег р. Великой, предохранить правый фланг наступления от белогвардейского десанта со

²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

²⁰¹ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 3, л. 47.

²⁰² Там же, л. 48; Фабрициус Я.Ф., Травинский. Исторические заметки о гражданской войне в Прибалтике // Война и революция. 1928. Кн. 12. С. 87.

²⁰³ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 3, л. 47.

²⁰⁴ Там же, л. 48.

²⁰⁵ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 143.

стороны Талабских островов.²⁰⁶ При выполнении операции непосредственно под Псковом и после вступления войск в Псков командование всеми войсками было возложено на командира 2-й бригады 6-й дивизии бывшего полковника русской армии М.Н. Васильева. Чрезвычайным военным комиссаром псковского участка фронта еще ранее был назначен член ВЦИК большевик Я.Ф. Фабрициус.

В Пскове были сосредоточены главные силы белогвардейцев, насчитывавшие к концу ноября более 4500 человек, из которых 1500 являлись бывшими офицерами, 30 орудий, 44 пулемета и 8 тыс. винтовок. Уходящие арьергарды германских войск активно поддерживали белогвардейцев.²⁰⁷ Для изгнания противника из Пскова потребовались немалые усилия.

Утром 24 ноября 1918 г. советские войска, перейдя бывшую демаркационную линию, вышли на исходную позицию для наступления на Псков. К вечеру того же дня Торошинский отряд продвинулся под Черняковицы (в 10 км от Пскова). Командир 2-й бригады М.Н. Васильев и комиссар Я.Ф. Фабрициус 24 ноября в 20 ч отдали распоряжение начальнику 3-го Псковского отряда связаться с Торошинским отрядом, ускорить движение правой колонны Карамышевского отряда и начать наступление на Псков «25 ноября с раннего утра».²⁰⁸

25 ноября в полдень красноармейские части левого и среднего боевых участков совместно с присоединившимися к ним местными отрядами, сформированными Карамышевским и Торошинским военревкомами, начали комбинированное наступление четырьмя колоннами на Псков.²⁰⁹ Стремительным ударом при активной поддержке рабочих города они 25 ноября освободили Псков от германских войск и белогвардейцев сколачиваемого здесь отдельного Добровольческого корпуса Северной армии.

В архивах сохранилось несколько документов, раскрывающих подробности освобождения Пскова, ставшего плацдармом для дальнейших боевых действий войск Красной Армии по очищению от иноземных захватчиков и белогвардейских формирований Северо-Запада. В оперативной сводке штаба 7-й армии 26 ноября 1918 г. сообщалось, что на псковском направлении после тяжелых боев около 17 ч частями Московского, Железного и 10-го Новгородского полков после боя был занят г. Псков. В 18 ч была взята ст. Псков, к востоку от которой разгорелся бой с прорвавшимися из города белыми отрядами Балаховича. «Большую помощь при взятии города оказали присоединившиеся рабочие», — отмечалось в оперативной сводке. — Белогвардейцы, не ожидавшие внезапного наступления, непрерывно обстреливали наступающих из окон домов и с крыш».²¹⁰

²⁰⁶ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 44; Крах германской оккупации на Псковщине. С. 246.

²⁰⁷ Янэль К. От Пскова до Виндавы и обратно (1918—1919 гг.) // Война и революция. 1928. № 2. С. 74.

²⁰⁸ ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 126, л. 79.

²⁰⁹ Там же, д. 343, л. 10.

²¹⁰ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 78; ф. 6, оп. 4, д. 12, л. 4.

В связи с освобождением Пскова срочно была направлена телеграмма В.И. Ленину: «26 ноября 18 часов 40 минут. Москва, Совнарком, Ленину. Псков весь наш. Образован Ревкомитет во главе с Шатовым. Части великолепны. Надеюсь на господство во всем крае. Военком 7-й армии Нацаренус». ²¹¹ В тот же день об освобождении Пскова В.И. Ленину телеграфировал Фабрициус: «Вчера вечером, 25 ноября с.г. в 16 часов 30 минут, доблестными красноармейскими частями торошинского участка с боя взята Псков... В городе приступлено к восстановлению советской власти». ²¹²

Сразу же после освобождения города В.С. Шатов организовал Военно-революционный комитет, в состав которого вошли еще четыре жителя города и несколько представителей губисполкома. ²¹³ Начал издаваться печатный орган. Военно-революционный комитет издал приказ о возобновлении работы учреждений и магазинов. Беспорядки, грабежи и бесчинства были прекращены, жизнь города постепенно нормализовывалась. Для подавления противосоветских элементов ВРК принял решение взять 600 заложников из представителей буржуазии, половина которых сразу же была арестована. Около 100 человек, оказывавших сопротивление советским войскам, «буржуазных элементов и белогвардейских офицеров», было приговорено ВРК к расстрелу. ²¹⁴ Не успевшую эвакуироваться из города роту немецких солдат — 300 человек — отправили в г. Режицу. ²¹⁵ В освобожденном Пскове было взято много пленных, военного имущества и продовольствия, а также захвачена военная документация.

Срочные меры, принятые ВРК по наведению порядка в городе, позволили комбригу Васильеву уже 29 ноября доложить штабу 7-й армии: «Положение в Пскове считаю упроченным. С приходом отряда моряков и эшелона латышей порядок в городе нарушен не будет». ²¹⁶ Одновременно велась борьба по обезвреживанию небольших отрядов белогвардейцев, бродивших в окрестностях города, и уничтожению отряда Балаховича (200 конников, 2 орудия, 10 пулеметов). Эти отряды занимались исключительно грабежом и мародерством.

После неудачных попыток оказать сопротивление красноармейским частям на дорогах, ведущих к Острову, белогвардейцы и арьергардные отряды германских войск 26 ноября оставили этот город, в который вступил 9-й полк 2-й Новгородской дивизии. Здесь было арестовано 113 белых, из которых 12 — расстреляно. ²¹⁷ 28 ноября белые бежали с Талабских островов, захваченных ими еще в конце октября.

²¹¹ Там же, ф. 190, оп. 3, д. 16, л. 118. — В.С. Шатов (1887—1943 гг.) в 1917 г. был членом Петроградского ВРК, в 1918 г. — чрезвычайный комиссар по охране железных дорог Петроградского военного округа, политработник Красной Армии.

²¹² Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917—1920 годах: Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 282.

²¹³ ЦАДП и ОД (Псков), ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 30.

²¹⁴ РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 12, л. 4; ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 90, л. 31. — По сведениям Псковской ЧК, фактически было расстреляно лишь 56 человек (см.: ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 343, л. 11).

²¹⁵ Известия. 1918. 28 ноября.

²¹⁶ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 16, л. 131.

²¹⁷ Там же, д. 116, л. 119, 130—132; д. 25, л. 74; Псковский набат. 1918. 7 декабря.

Отрядами крестьян Изборской волости с помощью моряков и полка, присланных из освобожденного Пскова, 29 ноября был взят г. Изборск.²¹⁸

Весьма трудной оказалась операция по изгнанию германских интервентов и белогвардейцев из Нарвы, важного военно-стратегического пункта на Северо-Западе. Войска правого (нарвского) боевого участка (3500 штыков и 190 сабель — 46-й и 47-й стрелковые полки, 6-й конный полк и 2-й эстонский Феллинский полк, 20 орудий, Чудская флотилия, 4 самолета),²¹⁹ штаб которого располагался в Ямбурге (Кингисеппе), первыми начали наступление на Нарву. Борьба за взятие этого города с перерывом продолжалась восемь дней — с 22 по 29 ноября.

22 ноября 1918 г. части 6-й дивизии перешли демаркационную линию и заняли два населенных пункта западнее шоссе Ямбург—Нива, но дальше не продвинулись из-за упорного сопротивления, оказанного превосходящими силами немцев. Потеряв 77 человек убитыми, не дойдя до Нарвы, советские войска временно отступили. В оперативной сводке штаба 7-й армии об этом бое сообщалось так: «Во время нашего наступления действовали исключительно немецкие батареи, пулеметы и пехота, а также небольшие группы белых эстонцев. Обстрел производили не менее как из 12 орудий и 8 пулеметов». В ночь на 23 ноября командование германских войск прислало предупреждение о том, что немцы будут защищать Нарву и не пустят туда советские войска в течение двух недель, после чего эвакуируются.²²⁰

Замешательство в ряды советских войск, неудачно атаковавших 22 ноября Нарву, внесло обращение к ним германского солдатского совета, находящегося под руководством офицеров. Оно гласило: «Коменданту русских боевых сил. Сегодня утром вы напали на наших сотоварищей. Мы усматриваем в этом преступление, достойное проклятья, так как желаем жить с вами в мире. Скоро мы покидаем Эстляндию, до того времени каждое нападение будет кровью отражено. Будьте благоразумны и подождите со вторжением в Эстляндию, пока мы не покинем страны». Следствием этого обращения явился отказ частей 46-го и 47-го стрелковых полков от наступления. 500 человек из этих полков, вооруженных пулеметами и одним тяжелым орудием, самовольно направились к Ямбургу, 200 из них удалось разоружить. После этого эпизода Реввоенсовет Северного фронта предложил 7-й армии немедленно образовать политотдел и революционно-военные трибуналы.²²¹

В целях обеспечения успеха операции по овладению Нарвой командующий и реввоенсовет 7-й армии предложили начальнику морских сил Балтийского флота направить в устье р. Наровы морской десант для содействия огнем наступающим на город сухопутным войскам. Срочно был сформирован десантный отряд в основном из моряков-доброволь-

²¹⁸ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 58, 62.

²¹⁹ Там же, д. 22, л. 63. — Численность войск к 28 ноября 1918 г.

²²⁰ Там же, д. 25, л. 89.

²²¹ *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929. С. 71.

цев, уроженцев Прибалтики. Действия отряда развертывались стремительно. 27 ноября из Кронштадта вышел особый морской отряд в составе крейсера «Олег», двух эсминцев и трех мелкосидящих транспортов с десантом в 750 человек. 28 ноября отряд прошел Нарвский залив, высадил десант на левый берег р. Наровы и занял там населенный пункт Гунгербург.²²² Германский солдатский совет в Гунгербурге еще до высадки советского десанта решил не поддерживать белых, а местный немецкий гарнизон 28 ноября без боя перешел на сторону Красной Армии.²²³

В тот же день сводный отряд красноармейцев и матросов и Феллинский эстонский полк во взаимодействии с морским десантом, поддержанные многократными залпами с крейсера «Олег», после пятичасового ожесточенного сражения заняли восточную часть Нарвы, а утром 29 ноября (несмотря на уничтожение противником мостов через р. Нарову) вступили в ее восточную часть. Нарва была освобождена. При взятии города погибло 78 человек с обеих сторон. Особо следует отметить самоотверженность воинов эстонцев. «Наши славные эстонцы, — писала «Красная газета», — 15 верст по топкому болоту, по колено в грязи шли шесть часов без единого слова ропота и ударили на врага».²²⁴ В сводке штаба 7-й армии за 30 ноября 1918 г. сообщалось, что «в городе полный порядок. Рабочее население встретило красные войска восторженно».²²⁵ Утром 30 ноября управление городом было передано революционному Совету Эстляндии.

К 10 декабря 1918 г. войска 7-й армии и части Западной армии, действовавшие на ее правом фланге, продолжали наступление. Продвижение советских войск вызвало тревогу германского и белогвардейского командований, так как дальнейшее успешное развитие боевых действий нарвской и псковской советских группировок грозило полным уничтожением уцелевших белогвардейских формирований, поспешно отступавших в Прибалтику.

Части Псковского белогвардейского корпуса, изгнанные из таких важных в стратегическом отношении пунктов, как Псков, Остров, Таалабские острова, Изборск, Печоры, отступая в Прибалтику, разделились на две группы: одна, основная, командование которой придерживалось проантантовской ориентации, отступила в Эстляндию, другая, наиболее деморализованная, прогерманской ориентации, — совместно с немецкой армией в район Риги, Митава и Либавы.²²⁶

В связи с быстрым и решительным изгнанием поддерживаемых немцами белогвардейцев из Пскова, Нарвы и других территорий Северо-Запада германское правительство заявило Советскому правительству протест против «этих действий, подвергающих опасности отход германских войск». В ответ на это народный комиссар иностранных дел

²²² Балтийские моряки в борьбе за власть Советов... С. 293, 296, 302; Военно-энциклопедический словарь. М., 1983. С. 474.

²²³ Псковский набат. 1918. 14 декабря.

²²⁴ Красная газета. 1918. 1 декабря.

²²⁵ РГВА, ф. 190, оп. 3, д. 25, л. 58—59.

²²⁶ См. подробнее: Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 76—86.

в ноте от 6 декабря 1918 г., направленной Министерству иностранных дел Германии, заявил: «Боевые действия, которые белогвардейцы ведут в Пскове и других местах против русских войск, русское правительство безусловно должно подавлять. Русское правительство стремится к тому, чтобы избежать всех конфликтов с германскими войсками, но последние, во всяком случае, не должны оказывать содействия врагам русской и германской революций».²²⁷

Между тем, беспорядочно отступая под ударами советских войск, Псковский белогвардейский корпус, который в декабре стал именоваться Северным корпусом, устремился в Прибалтику, главным образом в Эстляндию. Согласно договору от 6 декабря 1918 г. с буржуазным эстонским правительством, Северный корпус стал на время боевых действий подчиняться эстонскому главнокомандованию. Он отводился в тыл для восстановления своей боеспособности «после тяжелого отступления».²²⁸ Позднее, в 1919 г., Северный корпус послужил основой для развертывания Северо-Западной белогвардейской армии, намеревавшейся захватить Петроград.

Изгнание германских интервентов с Северо-Запада создавало условия для восстановления здесь советской власти.

²²⁷ ДВП. Т. 1. С. 598—600.

²²⁸ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 80—81.

Глава IV

ПРИБАЛТИКА, ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ И ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Осенью 1917 г. социалистические настроения в Прибалтике были сильны. Корниловский мятеж только способствовал возникновению новых Советов, в которых все большее и большее влияние приобретали представители радикальных партий.

В Эстонии, например, на 2-м съезде Советов, проходившем в Ревеле 12—14 (25—27) октября 1917 г., преобладали большевики и левые эсеры. Они же определяли политику избранного после съезда Исполнительного комитета Эстляндии. По примеру Петрограда большевики Эстонии образовали ВРК Эстляндии во главе с И.В. Рабчинским и аналогичные комитеты при наиболее крупных Советах. Перед ними стояли две задачи: захват власти в районе их действия и помощь готовящемуся восстанию в Петрограде. Последняя задача, по воспоминаниям Рабчинского, была определена на 1-м съезде Советов Северной области, где был принят план совместных выступлений, установлен порядок, при котором «каждый участник знал, что он должен делать и как действовать».¹

Восстание в Эстонии началось раньше, чем в столице России. Уже к вечеру 23 октября (5 ноября) ВРК Эстляндии взял под контроль все ключевые посты в Ревеле. В течение 24—26 октября (6—8 ноября) власть к Советам перешла в Юрьеве и Нарве. Обладание этими тремя стратегическими центрами позволило ВРК объявить 26 октября (8 ноября) о переходе всей полноты власти в его распоряжение, а на местах — в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.²

¹ Цит. по: Саат И., Сийливак К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Таллинн, 1977. С. 228.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллинн, 1958. С. 265.

В отличие от Эстонии с начала первой мировой войны Латвия была ареной ожесточенных боевых действий. К осени 1917 г. часть Латвии захватили немцы. На остальной ее территории расположились 1, 5 и 12-я русские армии. Настроение значительного числа их солдат было созвучно большевистским лозунгам. Это в свою очередь определило специфику установления власти Советов на латвийской земле. Для непосредственного руководства вооруженной борьбой в армейских частях были созданы военно-революционные комитеты. 25 октября (7 ноября), получив телеграмму от Петроградского ВРК с обращением поддержать восстание, ВРК 12-й армии поручил большевистски настроенным частям занять важнейшие пункты. 27 октября (9 ноября) латышские стрелковые полки вошли в Венден, через два дня — в Вольмар.³ Действия ВРК 5-й армии также были поддержаны подавляющей частью ее солдат. «Все крупные гарнизоны и громадное большинство мелких, — сообщал 11 (24) ноября 1917 г. в Ставку военный комиссар Двинского военного округа, — встали на сторону большевиков, образовали военно-революционные комитеты и под их руководством предпринимают целый ряд действий по оказанию активной поддержки Петроградскому военно-революционному комитету».⁴ К этому времени в руки восставших перешел также г. Валка на границе с Эстонией.

Мирный переход власти к большевистским Советам и военно-революционным комитетам в городах Латвии и Эстонии одновременно сопровождался и стремлением восставших (по приказу ЦК партии большевиков) не пропустить к Петрограду воинские части, оставшиеся верными Временному правительству. Эта задача была выполнена успешно. По указанию Ревельского ВРК были арестованы посланцы Керенского, прибывшие с приказом об отправке к Гатчине находящихся в Ревеле казаков, задержан дивизион броневиков, направлявшийся в Гатчину из Гапсаля через Ревель. Не были пропущены на соединение с Чернским войска, двинувшиеся к Петрограду из Нарвы, Юрьева, Пернова и других районов Эстонии. В Латвии задержали шедших на помощь Временному правительству 3 казачьих полка, 16 броневиков и бронепоезд.⁵ Вместе с тем из Эстонии в распоряжение большевиков было послано несколько воинских подразделений, крейсер «Олег» и миноносец «Победитель». А из Латвии в Петроград пришло сообщение, что в случае необходимости, по просьбе ЦК РСДРП(б), уже через сутки «отряды 5-й армии будут под Петербургом, под Смоленском и в Великих Луках».⁶ Эти действия во многом способствовали успешному ходу восстания в Петрограде и укреплению власти большевиков в первые недели их правления.

В течение ноября 1917 г. власть к Советам постепенно переходила в уездных и волостных центрах Эстонии и Латвии. Исполнительный

³ Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920 гг.). М., 1959. С. 11.

⁴ Октябрьская революция в Латвии: Документы и материалы. Рига, 1957. С. 268.

⁵ Саат И., Сийливааск К. Указ. соч. С. 250—255; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918 г. М., 1958. С. 242.

⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 242.

комитет Советов Эстляндии и Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии приступили к социалистическим преобразованиям. Однако процесс утверждения власти Советов в Прибалтике был прерван в феврале 1918 г. немецким наступлением.

Возобновлению военных действий предшествовали мирные переговоры между Россией и Германией в Брест-Литовске. На них большое внимание уделялось Прибалтике.

Как отмечалось в гл. III, не все военные и политические круги Германии были готовы сесть за стол переговоров с большевиками. Представители «военной партии» ратовали за немедленное наступление на Востоке. Но победу одержало другое течение, сторонники которого считали, что оккупацию Германией части территории России можно закрепить путем переговоров. Не следует преувеличивать степень расхождения между этими двумя группировками: различия между ними заключались лишь в тактике. Если «военная партия» стремилась решать вопросы открыто и силой оружия, то другое течение предпочитало большую гибкость и использование преимущественно мирных методов.

В переговорах, начатых 20 ноября (3 декабря) 1917 г., значительное место заняли проблемы прибалтийских территорий. Уже на первых заседаниях советская делегация, возглавляемая А.А. Иоффе, предложила освободить от немецких войск Моонзундские острова и Ригу, но германская сторона с этим не согласилась. Подписав перемирие, участники переговоров покинули Брест-Литовск, чтобы встретиться здесь снова 9 (22) декабря 1917 г.

Германия рассчитывала, что в той или иной форме вся Прибалтика должна стать частью ее военной добычи. Однако прямая оккупация могла существенно затруднить намечавшиеся переговоры с Советской Россией. Провозглашенное Лениным право наций на самоопределение было взято на вооружение и германской дипломатией. Но образование самостоятельных прибалтийских государств завершало только первый акт этой игры. Второй, и заключительный, акт должен был привести к объединению этих территорий с Германией. В первую очередь такая двухступенчатая процедура относилась к Лифляндии и Эстляндии, находившимся под контролем большевиков. Руководитель политического отдела германского генштаба полковник Д. Гюльзен разъяснял представителю прибалтийских баронов Г. фон Стрику еще в ноябре 1917 г.: «Следует рассчитывать на присоединение Лифляндии и Эстляндии к Германии. Необходимо, чтобы немедленно от имени дворянских представителей были составлены официальные заявления об отделении Лифляндии и Эстляндии от России, с тем чтобы их можно было использовать во время предстоящих Брест-Литовских переговоров. Пожелание о присоединении к Германии сейчас не надо открыто высказывать... Верховное командование сообщит, в какой момент надо будет опубликовать решение».⁷

⁷ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920. М., 1988. С. 13.

Латвийская и эстонская буржуазия до Октябрьской революции не помышляла об отделении от России. С приходом к власти большевиков в ее среде возникла и все больше утверждалась идея провозглашения государственной независимости. Не надеясь на собственные силы, буржуазные лидеры стремились получить помощь извне. Выяснение позиций стран Антанты по этому вопросу, проведенное в январе 1918 г., показало, что Англия и Франция, выражая готовность временно признать Эстонскую республику, никакой реальной помощи не обещали. В посольстве США прохладно отнеслись даже к самой идее независимости Эстонии. Американцы поставили ее осуществление в зависимость от позиции большинства народов России. Более активную позицию, как уже указывалось, заняла Германия. Выполняя рекомендации Берлина, в конце ноября 1917 г. дворянский комитет Эстонии объявил о независимости страны и призвал на помощь немецкие войска. В день возобновления Брест-Литовских переговоров 9 (22) декабря 1917 г. латвийская буржуазия, собравшись в Риге, высказалась за создание независимого Балтийского государства (в составе Курляндии, Лифляндии и Эстляндии) и передала право на защиту своих интересов на переговорах с Советской Россией германскому правительству.⁸

Все же до начала января 1918 г. не все буржуазные лидеры Эстонии склонялись к необходимости военной германской поддержки. Сдерживающих факторов было два: непопулярность открытой ориентации на Германию и надежда на Учредительное собрание. Однако укрепление власти большевиков заставило буржуазию Эстонии пойти на объявление государственной независимости с одновременным занятием территории германскими войсками, что по сути дела перечеркивало эту независимость. Сходным образом развивались события и в Латвии.

Тем не менее идею создания независимого государства на германских штыках разделяли немногие жители Эстонии и Латвии, даже среди буржуазии. Наибольшей популярностью среди различных слоев населения пользовался лозунг действительной самостоятельности.

Свою позицию относительно будущего государственного устройства этих территорий обнародовали и социал-демократы Прибалтики. В выпущенной в начале января 1918 г. «Декларации о самоопределении Латвии» ЦК социал-демократии Латвии и исполком Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов выразили протест против утверждения о желании населения Латвии отделиться от России. В другом документе они предложили выявить свободное волеизъявление латышей в этом вопросе. «Мы требуем вывода из Латвии как германских, так и русских войск, — писали социал-демократы, — чтобы после этого дать всем местным жителям возможность свободно самоопределиться... Русское правительство согласно исполнить требование о немедленном выводе войск, и того же самого мы требуем от Германии».⁹ Однако немецкое правительство не приняло этого предложения, ибо оно не отвечало его притязаниям.

⁸ Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 13, 26.

⁹ Восстановление советской власти в Латвии и вхождение Латвийской ССР в состав СССР: Документы и материалы. Рига, 1986. С. 30.

Сами социал-демократы считали более правильным войти в состав будущего социалистического государства на правах автономии. Эта позиция нашла отражение в разработанной П.И. Стучкой схеме автономии (конституции) будущей советской Латвии и в проекте конституции Эстляндской рабочей коммуны, написанном Я. Анвельтом. Идеи социал-демократов пользовались поддержкой некоторой части населения, прежде всего рабочих.

В.И. Ленин, внимательно следивший за развитием событий в Прибалтике, в конце декабря 1917 г. при встречах с Я. Анвельтом и В. Кингисеппом предложил им обсудить в Ревеле вопрос об объявлении советской Эстонии независимым государством. Он полагал, что этим шагом можно добиться признания Эстонии другими странами и тем самым уберечь ее от германских притязаний. В то время на Брест-Литовских переговорах вопрос об Эстонии Германия еще не поднимала, но планы ее присоединения к Германии уже существовали. Я. Анвельт, вспоминая о разговоре с Лениным, писал: «Когда я выразил сомнение, насколько такая формальность подействует в благоприятном для нас смысле на германский империализм, т. Ленин сказал: «Не надо недо-оценивать формальную сторону, иногда она играет в международных вопросах известную роль».¹⁰ Предложение Ленина эстонские большевики обсуждали дважды — в конце декабря 1917 г. и в начале января 1918 г., — но отклонили его, считая, что такой шаг от немецкой оккупации не спасет.¹¹ Безусловно, эта позиция была ошибочной. Образование независимой республики расширило бы, пусть и временно, социальную базу эстонских коммунистов. Кроме того, это выбило бы националистический козырь из рук эстонской буржуазии и осложнило бы помощь им со стороны немцев.

Между тем на открывшихся 9 (22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске мирных переговорах вопрос о Прибалтике вновь стал одним из основных. Делегация Республики Советов, возглавляемая наркомом иностранных дел Л.Д. Троцким, внесла на рассмотрение свою программу решения проблемы будущего прибалтийских территорий. Немцы же потребовали вывода русских войск оттуда и признания самостоятельности Эстонии и Латвии. Ссылаясь на уже упоминавшиеся решения латвийских и эстонских буржуазных кругов о независимости, Германия предлагала России признать эти заявления «как выражение народной воли... и сделать вытекающие отсюда выводы». Отвечая на предложение России о выводе и русских, и немецких войск и проведении референдума, Германия подчеркнула невозможность эвакуации немецких частей, а вопрос о всенародном голосовании предложила перенести на рассмотрение специальной комиссии. Такая позиция вызвала резкий протест советской делегации. В ноте Троцкого представителям Центральным державам подчеркивалось, что правительство

¹⁰ Цит. по: Руднев Д.М. В.Э. Кингисепп. М., 1976. С. 45, примеч. 2.

¹¹ Саат И., Сийливаск К. Указ. соч. С. 357.

Советской республики «усматривает в этой формулировке противоречие с принципом свободного самоопределения народов».¹²

По поводу этих дискуссий глава австро-венгерской делегации О. Чернин записал в дневнике под 26 декабря: «Русские, конечно, не хотят, чтобы голосование происходило в то время, когда в этих областях еще находятся германские штыки, а германцы со своей стороны утверждают, что беспримерный большевистский террор лишит выборы всякого значения, так как „буржуа“, по мнению большевиков, не люди».¹³

Переговоры заходили в тупик, и кайзер под давлением промышленных и военных кругов пошел на ужесточение требований по прибалтийскому вопросу. К тому же подписание мирного договора с украинской делегацией было делом почти решенным. Поэтому если в декабре 1917 г. Вильгельм II высказывался достаточно осторожно («надо предложить русским отойти, а не требовать этого»), то в феврале он уже требовал отказа России от «Прибалтики до линии Нарва—Псков—Двинск без права на самоопределение». Получив такой приказ, глава германской делегации Р. Кюльман в беседе с О. Черниным выяснил, что его выполнение может привести к заключению сепаратного мира между Австро-Венгрией и Советской Россией.¹⁴ Поэтому советской делегации ультиматум был предьявлен в более мягкой формулировке: «Россия обязуется по заключении мира немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск».¹⁵ В ответ Троцкий заявил об отказе подписать договор, объявил состояние войны прекращенным и отдал приказ о демобилизации русской армии.

18 февраля германские войска начали наступление по всему Восточному фронту. Советское правительство на следующий день заявило по радио о своей готовности принять германские условия мира. Доставленные утром 23 февраля в Петроград дипкурьером В.М. Турчаном, они носили более тяжелый характер, нежели выдвигавшиеся на переговорах. В пункте третьем, например, заявлялось: «Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной гвардии и занимаются немецкими полицейскими войсками до тех пор, пока местные власти не в состоянии будут гарантировать спокойствия и не будет восстановлен порядок». По второму пункту Германия получала власть в восточной части Латвии — Латгалии.¹⁶

Таким образом, если раньше германским политическим кругам (исключая открытых сторонников аннексионистской политики) требовались какие-либо аргументы для захвата Прибалтики, то теперь надобность в этом отпала.

Оккупировав Прибалтику, Германия установила там военно-полицейский режим.

¹² Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 157—158, 173.

¹³ Чернин О. Брест-Литовск // Архив русской революции. М., 1991. Т. 2. С. 117.

¹⁴ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 87, 312—313.

¹⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т. 1. С. 201.

¹⁶ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 341.

Формально, по договору, вопрос о государственности Лифляндии и Эстляндии не был решен. Фактически же эти области становились тогда частью Германии. Следовательно, судьба Прибалтики решалась не латышами и эстонцами, а на совещаниях германских политиков и военных. Так, на встрече 10—11 марта 1918 г. представители имперского правительства и верховного главнокомандования, обсудив вопрос о будущем Прибалтики, пришли к выводу, что «Германия должна сохранить в этих областях фактическое господство путем подчинения их своей верховной власти».¹⁷ Хотя далее в документе речь шла о заключении договоров о союзе с ними, о согласии на созыв ландтагов, эти меры несомненно рассматривались лишь как демократическая ширма аннексионистской политики. Но и сами будущие договоры заранее ставили стороны в неравное положение. Немцы стремились к тому, чтобы дипломатические представительства Эстляндии и Лифляндии назначались с ведома германского правительства, что перечеркивало возможное суверенное развитие этих областей.

Все же, пытаясь придать видимость законности своим притязаниям, Германия одобрительно относилась и всячески поддерживала инициативу национальной прибалтийской буржуазии, направленную на присоединение этих территорий к империи. Любые попытки выйти за рамки этих требований пресекались. Так, 24 февраля 1918 г., когда большевики покидали Ревель на кораблях Балтийского флота, созданный советом старейшин Комитет спасения выступил с манифестом, провозглашавшим независимость Эстонии. Объявив нейтралитет нового государства в ведущей русско-германской войне, он приступил к формированию правительства. Однако на следующий день в город вошли германские войска, и с независимостью Эстонии, продолжавшейся 24 ч, было покончено. Немцы не признали К. Пятса в качестве эстонского премьер-министра, установили свои органы правления, а формирующиеся эстонцами национальные армия и флот были распущены.¹⁸

Напротив, решения собраний ландтагов Лифляндии, Эстляндии и о-ва Эзель 12 апреля 1918 г. и этих ландтагов совместно с Рижской цензовой городской думой в пользу создания Прибалтийского государства под властью прусского короля были встречены Германией с одобрением. Правда, и здесь не обошлось без эксцессов. Эстонские старейшины заявили, что они все же не уполномочены говорить от имени всего народа. С. Пейдж по этому поводу замечает, что созданный в Риге совет объединенных провинций «имел малую законность в глазах и латышей, и эстонцев». «Недостаточное уважение» выразили ему и русские.¹⁹

¹⁷ Там же. С. 478.

¹⁸ Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 43—44, 67; ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 289, л. 5.

¹⁹ Page S.W. The Formation of the Baltic States. Cambridge, 1959. P. 105. — «Среди эстонцев и латышей немцы смогли найти немного готовых к сотрудничеству прогермански настроенных элементов», — пишет Г. фон Раух и далее замечает, что немцы «не смогли осознать жизнеспособности эстонского и латышского национализма» (Rauch G. von. The Baltic States: The Years of Independence Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940. Berkley, Los Angeles, 1974. P. 46, 47).

Действительно, когда 13 мая депутация латышей и эстонцев появилась у полномочного представителя РСФСР в Германии А.А. Иоффе, чтобы вручить ему ноту, в которой говорилось: «...население Лифляндии и Эстляндии... воспользовалось правом на свободное самоопределение и считает Лифляндию и Эстляндию окончательно отделенными от России», — Иоффе ноту не принял. Он посоветовал обратиться непосредственно в Москву или действовать через германское правительство. Получив вскоре через Кюльмана заявление прибалтийской буржуазии, Советское правительство поручило Иоффе направить ноту правительству Германии. В ней подчеркивалось, что это решение может рассматриваться «лишь как волеизъявление небольшой части населения Лифляндии и Эстляндии, и к тому лишь верхних слоев дворянства».²⁰

С критикой прогерманской политики эстонской буржуазии выступили представители 34 эстонских партий, обществ и колоний Петрограда, Москвы и других населенных пунктов России, среди них члены союза эстов Северной России, эстонского спортивного общества «Калев», Комитета петербургских организаций партии социалистов-революционеров и др. Они не являлись сторонниками большевистской позиции в отношении Прибалтики и выступали за передачу власти в Эстонии буржуазному земскому совету. Но, пожалуй, главная идея принятого ими документа заключалась в протесте «против того, что германские военные власти для решения судьбы Эстонии создают именем эстонского народа учреждения, отвечающие только интересам ничтожного по численности класса крупных землевладельцев баронов-немцев», что «при содействии германских военных властей принудительно навязывают эстонскому народу немецкую культуру».²¹ Однако эти протесты были оставлены без внимания.

Многие статьи Брест-Литовского мирного договора содержали немало неясностей и спорных моментов, что приводило к возникновению конфликтных ситуаций с обеих сторон. Поэтому Советское правительство предложило Германии начать новые переговоры, на которых, в частности, предусматривалось рассмотреть вопрос о границах, в том числе и на Северо-Западе. Германия согласилась, переговоры открылись в июне 1918 г. в Берлине.

И на этой встрече вопрос о Прибалтике стал одним из ключевых. Подписав Брест-Литовский договор, Россия тем не менее формально не отказалась (и поначалу не собиралась отказываться) от своих прав на Эстляндию и Лифляндию. Немцы же выдвигали это условие в качестве основного. Ухудшение внутренней и внешнеполитической обстановки к концу июля—началу августа 1918 г. заставило Кремль пойти на уступки Германии. Правда, размер этих уступок понимался по-разному даже среди большевистских лидеров. Ю. Ларин, критикуя позицию А.А. Иоффе (который, кстати, каждый свой шаг согласовывал с Москвой),

²⁰ ДВП. М., 1957. Т. 1. С. 323; *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges.* Wien; München, 1966. S. 261.

²¹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 160, л. 1—3.

предложил свой проект соглашения с Германией. По нему Россия признавала «полный суверенитет Эстляндии и Лифляндии как самостоятельного государства» при условии воссоединения с ним Курляндии, Риги и Моонзундских островов. Эстляндия и Лифляндия освобождались от всех финансовых обязательств по отношению к России, России разрешалось иметь «в Ревеле, Риге, Либаве и Виндаве участки земли для устройства территориальных русских гаваней». Германия должна была вывести свои войска с оккупированных русских территорий в двухнедельный срок, а также признать суверенитет России над рядом уездов Курляндской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний. Вместе с тем Ларин допускал, чтобы вновь образованное балтийское государство до окончания войны находилось под оккупацией Германии.²²

По мнению Ларина, его проект стоял «на почве реальных фактов», позволял избежать России обвинений в предательстве со стороны прибалтийских коммунистов. Наконец, он обязывал и немцев сделать ответные уступки: отдать России часть захваченных Германией территорий, помочь в борьбе с Красновым и Алексеевым, гарантировать отказ Финляндии от притязаний на Восточную Карелию и Кольский полуостров.

Проект Ларина не был принят Москвой, ибо позиция немцев на переговорах становилась все более жесткой, а положение большевиков в России ухудшалось. «Германия берет все, не давая нам почти ничего», — писал Г.В. Чичерин А.А. Иоффе 5 августа 1918 г. Касаясь вопроса о Прибалтике, он продолжал: «В самом тексте политического соглашения необходимо заменить принципиальное признание отделения Эстляндии чем-нибудь другим, например: „Россия соглашается не предпринимать никаких действий для воспрепятствования отделения“. Таким образом, шла бы речь о фактическом отказе от борьбы, а не о принципиальном признании».²³

В ответе Иоффе Чичерину сообщалось, что после долгих споров стороны сформулировали начало данной статьи договора следующим образом: «Россия, считаясь с фактическим положением дел в Эстляндии и Лифляндии, отказывается от государственного суверенитета на эти области, также от права какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела». Германия также соглашалась «по установлению границ Эстляндии и Лифляндии немедленно очистить все, лежащее к востоку от этой границы». Иоффе признавался, что он «лучше ничего не мог выторговать», и настоятельно советовал решить, не затягивая, окончательно этот вопрос.²⁴

Примерно в таком виде (выражение: «отказывается от государственного суверенитета» — было заменено на: «отступает от верховной власти»), немного отредактированная, эта статья вошла в Добавочный договор, заключенный между Россией и Германией 27 августа 1918 г.²⁵

²² Там же, д. 140, л. 8—9.

²³ Там же, л. 12-а.

²⁴ Там же, л. 67.

²⁵ ДВП. Т. 1. С. 440.

Комментируя ее на заседании ВЦИК 2 сентября, Г.В. Чичерин отметил, что содержащееся в ней заявление «есть признание голого факта».²⁶

ЭСТОНИЯ И ЛАТВИЯ В ПЛАНАХ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Германская политика в Прибалтике вызывала острое недовольство населения. Антигерманские настроения усиливались.²⁷ Эстонские и латвийские большевики вели активную революционную пропаганду в прибалтийских землях. Сообщения с мест, оценка внутреннего и внешнего положения Германии позволили участникам конференции коммунистических партий и организаций оккупированных областей, состоявшейся 19—24 октября 1918 г. в Москве, сделать вывод о наличии в Латвии и Эстонии благоприятной обстановки для восстановления власти Советов. Конференция признала необходимым готовить трудящееся население этих областей к вооруженному восстанию.²⁸

Начавшаяся в ноябре 1918 г. революция в Германии и заключение Компьенского перемирия только утвердили эту позицию коммунистов. Член Ревельского комитета Я. Мяги сообщал 11 ноября в ЦК эстонских секций РКП(б): «Ситуация революционная... Немецкие власти ведут переговоры с Пятсом, Поска и Страндманном... Промедление может грозить нашей смертью. Рабочие на митингах требуют прихода эстонских полков».²⁹

Стремясь сохранить свое влияние в Латвии и Эстонии, не допустить восстановления советской власти, немцы решили передать власть национальной буржуазии. 11 ноября в результате соглашения между немцами и эстонскими буржуазными лидерами было образовано временное правительство Эстонии во главе с К. Пятсом. Оно сразу же обратилось к странам Антанты с просьбой оставить германские войска в Эстонии и обязать немцев снабдить эстонцев оружием и военным снаряжением.³⁰ В Латвии при активной помощи генерального уполномоченного германского правительства в Прибалтике А. Виннига представители буржуазных партий и меньшевиков 17 ноября образовали Народный совет. На следующий день совет, провозгласив независимость Латвии, избрал буржуазное временное правительство, которое возглавил К. Ульманис.

²⁶ Там же. С. 464.

²⁷ Подробнее см.: Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 57—72. — Автор секретного доклада «О причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-западном фронте» заметил по поводу германской политики в оккупированной Прибалтике: «Даже многие бывшие ярые германofilы начали желать возвращения в страну старых русских порядков» (Архив русской революции. Т. 2. С. 145).

²⁸ История Эстонской ССР. Таллинн, 1974. Т. 3. С. 127; Хроника истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1986. Т. 3. С. 168—169.

²⁹ Социалистические революции в Эстонии. 1917—1940. Таллинн, 1987. С. 30.

³⁰ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 132. — По условиям Компьенского перемирия предусматривалось, что Германия оставляет свои войска на части территории бывшей Российской империи (в том числе и в Прибалтике) до тех пор, пока Анганта будет считать это необходимым.

Правительства Пятса и Ульманиса искали поддержки не только у Германии, они обращались за помощью и к Антанте, прежде всего к Великобритании.

Английское правительство внимательно следило за событиями в Прибалтике. Преследуя цель ликвидировать большевизм в России, оно стремилось в то же время установить контроль над балтийскими территориями и использовать их как опору в борьбе с Советской Россией. Великобритания оказывала моральную поддержку проанглийски настроенным кругам национальной буржуазии, субсидировала их для борьбы с коммунистами.³¹

Обеспокоенное развитием событий в Прибалтике после окончания первой мировой войны, английское правительство предприняло более энергичные шаги для усиления своего влияния в этом районе. 20 ноября 1918 г. на совещании помощника министра иностранных дел Англии Р. Сесилия с представителями эстонской и латышской буржуазии был утвержден подробный план интервенции в Латвию и Эстонию. Ключевым моментом плана явилось решение направить английскую эскадру на Балтику. Чтобы не вызвать возмущения в стране, посылка флота объяснялась угрозой большевизации прибалтийских окраин России. В инструкции имперскому флоту от 29 ноября 1918 г. ставилась задача: «Предотвратить разрушение провинций Эстляндии и Лифляндии от внешней, единственно внешней агрессии, исходящей от большевистских захватчиков, которая в настоящий момент грозит им».³² В действительности это было лишь частью задачи. Прибалтика, равно как и другие территории бывшей Российской империи, куда направлялись или где уже были английские военнотружущие, являлась исходным пунктом для дальнейшего вторжения в Россию. Подтверждением тому служит приводимый английским исследователем Дж. Беннетом меморандум секретаря Форин офис. В нем, в частности, говорилось: «Для чего мы потом (после заключения мира с Германией. — А. Ч.) еще оставили войска в различных частях того, что было когда-то Российской империей? Кажется, просто предположить, что эти экспедиции есть пристрастные и неполные усилия довести до конца кампанию против большевизма и помочь в восстановлении приличествующего порядка и устойчивого правительства».³³

1 декабря 1918 г. более 20 кораблей эскадры под командованием адмирала Синклера отдали свои якоря на Либавском рейде. В этот же день радиостанция «Новая Голландия» в Петрограде перехватила радиотелеграмму эстонского правительства: «Союзному флоту в Балтике. Наши лодчана готовы встретить Вас. Пожалуйста, сообщите, где и когда».³⁴ 11 декабря в Либаву приехал вместе с лодчанами бывший полковник

³¹ Подробнее см.: *Штейнберг В.А.* Латвия во внешнеполитическом противоборстве Советской России и держав Запада. 1917—1920. Рига, 1979. С. 26—42.

³² Там же. С. 46.

³³ *Bennet G. Cowan's War: The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920.* London, 1966. P. 30.

³⁴ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 44, л. 61.

русской армии И. Лайдонер. При встрече с Синклером он передал просьбу эстонского народа и правительства прибыть в Ревель. Как записал в дневнике один из лидеров эстонской социал-демократии М. Мартна, присутствовавший при разговоре, Лайдонер прибавил: «Это уже означает большую моральную силу. Русские увидели бы, что Эстония не одна, что она не без поддержки». Одновременно он попросил передать Эстонии 20—25 тыс. винтовок, военное снаряжение, транспорт. Согласие английского правительства на переход кораблей в Ревель было получено, как отмечает Мартна, на 12 ч раньше, чем рассчитывали эстонцы.³⁵ На следующий день при встрече с Синклером Пятс заявил о готовности Эстонии перейти под британский протекторат и принять военную помощь для защиты от большевиков.³⁶ С аналогичной просьбой к адмиралу 18 декабря, когда эскадра прибыла в Ригу, обратился Ульманис. Синклер от имени английского правительства пообещал оказать содействие материалами, снаряжением и непосредственной военной поддержкой. Из трюмов двух кораблей в Ревеле было выгружено 5 тыс. винтовок и другое снаряжение для эстонской армии.³⁷

Поддержка британского флота, который имел предписание рассматривать любой русский военный корабль у берегов Прибалтики как враждебный и соответственно мог открывать по нему огонь, воодушевила буржуазные правительства. Однако их просьбы о посылке английских солдат натолкнулись на отказ. Правительство боялось усиления недовольства общественного мнения вмешательством в дела России. К тому же становилось все более очевидным, что использование интервенционистских войск не дает желаемого результата. Это признал Вильсон на заседании представителей государств Антанты в январе 1919 г.³⁸

Эстонцам удалось все же создать к этому времени свою небольшую армию, в Латвии мобилизация офицерского и сержантского составов оказалась недостаточной для этого. Тогда Ульманис 29 декабря 1918 г. заключил с Виннигом, ставшим уже послом Германии в Латвии, договор. Согласно этому договору, он обязался «предоставить всем иностранным военным служащим, которые по крайней мере в течение 4 недель примут участие в рядах добровольческих войск в борьбе за освобождение территории Латвии от большевиков, по их просьбе полные права латвийского гражданства».³⁹ Это означало возможность закрепления немецких солдат на территории страны.

После революции в Германии и Компьенского перемирия Брест-Литовский и Добавочный договоры были денонсированы. «Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территории и областей, — указывалось в постановлении

³⁵ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 2478, л. 5—9. — Переведенные на русский язык выписки из дневника М. Мартны опубликованы в его книге «Дни прихода независимости» (Тарту, 1923).

³⁶ Bennet G. Op. cit. P. 37.

³⁷ Ibid. P. 39.

³⁸ Антисоветская интервенция и ее крах. 1917—1922. М., 1987. С. 49.

³⁹ Цит. по: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 69.

ВЦИК от 13 ноября 1918 г., — объявляются недействительными». Трудящиеся всех регионов бывшей Российской империи, в том числе Лифляндии и Эстляндии, говорились далее, призваны ныне сами решать свою судьбу.⁴⁰

Провозгласив право прибалтийских народов самим решать свою судьбу, Москва тем не менее согласилась с настойчивыми просьбами эстонских и латвийских коммунистов вооруженным путем помочь в установлении советской власти в этих странах. Части 7-й армии были усилены Юрьевским пехотным полком, переведенным с Северного фронта, двумя латышскими полками, переброшенными с Восточного фронта, и несколькими эскадронами конницы и батареями Латышской дивизии из Москвы. Под Ямбург были направлены эстонские и финские части из 1-й и 3-й армий.⁴¹ Но попытка придать наступлению национально-освободительную окраску оказалась неудачной. Собственно национальных частей в составе русских армий, вступивших на территорию Эстонии и Латвии, было мало.

До конца ноября 1918 г. Красная Армия освободила Псков, Остров, Талабские острова, выбила немцев из Нарвы.⁴² Вслед за военными частями двигался образованный 15 ноября в Петрограде Временный эстляндский революционный комитет (ВЭРК). В протоколе № 1 его заседания от 17 ноября записано: «Временный эстляндский революционный комитет... а также ЦК эстонских секций РКП переезжают сегодня в Ямбург в лице членов: Пегельмана, Тракмана и Каземетса». В Петрограде оставались Икмельт, Вейно и Сихвер.⁴³ После освобождения Нарвы ВЭРК прибыл туда и на своем заседании 29 ноября провозгласил образование Эстляндской трудовой коммуны под председательством Я. Анвельта. Совет — правительство коммуны — обнародовал «Манифест», сообщавший о восстановлении советской власти в Эстонии, и обратился по радио к рабочим и солдатам капиталистических стран с призывом оказать давление на свои правительства, чтобы они отказались от вмешательства во внутренние дела эстонского народа.⁴⁴

В Латвии в ноябре 1918 г. начали восстанавливать свою деятельность Советы, организовывались боевые дружины и партизанские отряды. Через бывшую демаркационную линию из Псковской и Новгородской губерний в Латвию направлялись сформированные латышскими рабочими и крестьянами отряды.⁴⁵ Социал-демократы Латвии на состоявшейся 18—19 ноября конференции взяли на себя подготовку и проведение вооруженного восстания, объявили, что советская Латвия станет составной частью РСФСР, избрали военно-ре-

⁴⁰ ДСВ. М., 1968. Т. IV. С. 16.

⁴¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. документов. М., 1969. С. 174—175.

⁴² Подробнее см.: *Мальшев М.О.* Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л., 1974. С. 90—99.

⁴³ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 84, л. 236.

⁴⁴ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 144—145.

⁴⁵ История Латвийской ССР. Рига, 1958. Т. 3. С. 136.

волюционный комитет, в который вошли Я. Шильф (Яунзем), Я. Зувольский (Теодор), В. Зиле (Имант) и другие.

Ни Эстляндская коммуна, ни ВРК Латвии не могли обойтись без военной поддержки со стороны России. Поэтому 29 ноября 1918 г. Ленин телеграфировал главному Вооруженными Силами РСФСР И.И. Вацетису: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах... просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы...».⁴⁶

Выполняя этот приказ, части Красной Армии продолжали наступление на запад. К исходу декабря под их контролем оказалась часть юго-восточной и северной территории Эстонии. Всего 35 км оставалось до Ревеля. Немногом ранее, 16 декабря, датский генеральный консул в Ревеле Х. Йохансен направил через Гельсингфорс в Копенгаген телеграмму следующего содержания: «Положение в Эстляндии чрезвычайно серьезно... В случае если иностранная помощь десантными частями сейчас не придет, Эстония в кратчайшее время окажется во власти большевиков, которые ежедневно продвигаются на 10 верст».⁴⁷

В Латвии к концу декабря вооруженные формирования большевиков подошли к Риге. В столице в ночь с 28 на 29 декабря 1918 г. две роты мобилизованных правительством Ульманиса солдат подняли восстание, но под орудийным обстрелом с английских кораблей, окруженные частями ландсвера вынуждены были сдаться. Тем не менее рабочая Рига готовилась к восстанию, которое началось в ночь на 3 января 1919 г. На помощь восставшим в город 3—4 января вошли латышские стрелки. К середине января 1919 г. под контролем Советов Латвии оказались северная и восточная ее части, а также более половины южной. Немцы сохранили плацдарм в районе Либавы.

Восстановление советской власти в ряде районов Латвии и Эстонии поставило перед этими территориями вопрос о взаимоотношениях с Советской Россией.

Партия социал-демократов Латвии первоначально стояла за то, чтобы Латвия стала составной частью РСФСР, но Ленин предложил образовать независимую советскую республику Латвию. Об этом на внеочередном заседании Российского бюро ЦК СДЛ в Москве 23 ноября 1918 г. сообщил нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин. Бюро, поддерживая это мнение, обратилось с подобным предложением в ЦК СДЛ в Ригу. В свою очередь ЦК СДЛ согласился с Российским бюро и 4—5 декабря 1918 г. утвердил Временное советское правительство Латвии во главе с П.И. Стучкой.⁴⁸ 17 декабря оно обратилось к народу с «Манифестом». В

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

⁴⁷ Die Tagebuchaufzeichnungen des Dänischen Generalkonsuls in Reval Jens Christian Johansen. 13.12.1918—29.5.1919 // Publikationen des Institute für Geschichte Allgemeine Geschichte Universität Turku, Finland. 1976. N 8. S. 54. — Перевод А.И. Рупасова.

⁴⁸ Хроника истории Коммунистической партии Латвии. С. 182.

нем провозглашалось восстановление советской власти в Латвии, указывалось на необходимость тесной связи с РСФСР.

В это же время правительство Эстляндской трудовой коммуны обратилось к Москве с предложением признать самостоятельность социалистической Эстонии. В декабре 1918 г. Совнарком России принял, а ВЦИК утвердил декреты о независимости прибалтийских государств.⁴⁹

Признавая суверенитет стран Прибалтики, большевики рассчитывали на то, что это привлечет на сторону установившихся там режимов националистически настроенные слои населения. Необходимо было учитывать и то, что уже ранее, при буржуазных правительствах, и Эстония, и Латвия тоже провозглашали свою независимость и формально являлись свободными странами. Наконец, по мнению большевиков, образование новых самостоятельных государств могло несколько уменьшить вмешательство в их дела со стороны стран Антанты и Германии. Однако эти расчеты не оправдались.

Распространение большевизма в Прибалтике сильно встревожило западных политиков. Они усилили поддержку национальной буржуазии, установили военно-морскую блокаду на Балтике. Определенная роль в сдерживании «красной опасности» отводилась немецким войскам, оставшимся в Прибалтике. 24 декабря 1918 г. совещание представителей Великобритании, Франции и США в Лондоне выработало текст ноты германскому правительству, потребовав от него удерживать Прибалтику до тех пор, пока это необходимо Антанте. В своем ответе Германия подтвердила решимость продолжать борьбу с Советской Россией.⁵⁰ Это согласие не стоит расценивать как покорность проигравшей в войне стороны. Желания Германии совпадали с требованиями победителей. Более того, сама идея оставления немецких войск на границе с Советской Россией исходила от Германии и была ею предложена при переговорах о перемирии. Несмотря на поражение, германские военные, промышленные политические круги не оставляли мысли об обладании прибалтийскими территориями. Но и Антанта следила за сохранением определенного «равновесия сил». Всякие попытки его нарушения тотчас же подавлялись. Дж. Беннет в своей книге приводит воспоминания капитана корабля «Принцесса Маргарет» Х.Х. Смита. Последний писал о требовании немецкого генерала фон Эсдорфа подчинить ему все войска в Латвии, включая латышские, для оказания сопротивления наступавшей Красной Армии. Политический советник Великобритании в Латвии Босанкет отверг это требование. Тогда Эсдорф заявил, что будет просить Берлин о присылке свежих сил. На это Босанкет и Смит вновь ответили отказом и пригрозили генералу, что если он «неспособен выполнить условия перемирия здесь, то могут быть изменены *общие условия*».⁵¹ Угроза была очевидной, генерал отступил.

Особое внимание Антанты уделяла укреплению позиций буржуазных правительств Латвии и Эстонии. Англичане активно помогали

⁴⁹ ДСВ. Т. IV. С. 157—158, 242, 244—245.

⁵⁰ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 95—96.

⁵¹ Bennet G. Op. cit. P. 49.

сплочению антисоветских сил в этом районе. Фактически общее руководство принадлежало командующему английской эскадрой. Со стороны национальных буржуазных правительств эта опека не вызывала неудовлетворения. Более того, 27 декабря 1918 г. эстонский премьер-министр Пятс обратился к Великобритании с просьбой прислать военную миссию для обучения эстонской армии, усилить эстонский флот двумя эсминцами, а английскую эскадру оставить на Балтике, укрепить столичный гарнизон батальоном британских солдат. Кроме того, «взять под свое верховное командование все воинские подразделения, которые уже созданы и еще будут создаваться... для борьбы против большевизма».⁵² Эстонская буржуазия спешно формировала свои войска. Правда, принудительная мобилизация дала всего 12 тыс. человек вместо ожидавшихся 25 тыс. Да и из этого числа оказалось немало дезертиров.⁵³ На помощь эстонцам пришли правительства ряда северных стран. Финляндия предоставила им два займа на сумму в 20 млн финских марок, а представители финляндских военных кругов подписали соглашение о формировании добровольческих частей численностью около 3 тыс. человек.⁵⁴ Прибытие финнов и их участие в боевых действиях вызвали резкий протест Совета Эстляндской трудовой коммуны, а также правительства РСФСР.⁵⁵

Помощь правительству Пятса оказали также Швеция и Дания. Кроме того, на территории Эстонии, как отмечалось в гл. III, с декабря 1918 г. дислоцировался русский Северный белогвардейский корпус. По договоренности с эстонским правительством он находился в распоряжении эстонского военного командования. По данным начальника штаба армии Эстонии, на конец марта 1919 г. против большевиков сражалось около 6200 (из них 4700 непосредственно находилось на фронте) солдат неэстонской национальности.⁵⁶ Учитывая несомненную неполноту этих данных, отметим, что даже и они дают представление о помощи, оказанной рядом стран буржуазной Эстонии. Неоценимую поддержку ей оказал также английский флот, принявший участие в военных действиях. Командующий эстонской армией Лайдонер позднее признавал, что без англичан «судьба нашей страны и народа сложилась бы совсем иначе, чем сейчас, — мы попали бы в круговорот большевизма. И я думаю, что судьба и других прибалтийских государств была бы тогда иной, чем теперь».⁵⁷ Эти факторы действительно определили дальнейший ход событий на эстонском фронте.

Февраль 1919 г. внес изменения в расстановку противоборствующих сил и в Латвии. Командование латышских стрелков, сосредоточив основные силы в направлении Валки, не обратило должного внимания на Либавский плацдарм. Здесь происходила концентрация антисоветских сил, прежде всего немецких частей. Численность латышей в ландсвер

⁵² Социалистическая революция в Эстонии. С. 41—42; *Behnet G.* Op. cit. P. 37.

⁵³ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 155.

⁵⁴ Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 133.

⁵⁵ ДВП. М., 1958. Т. 2. С. 23, 28.

⁵⁶ Социалистическая революция в Эстонии. С. 46.

⁵⁷ Цит. по: Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 131—132.

была незначительной: в начале февраля в латышском батальоне насчитывалось всего 276 человек. Позднее, в результате мобилизации, ряды латышских частей несколько увеличились. Немногочисленным был и отряд русских белогвардейцев под командованием князя А.П. Ливена. Основную силу составляли формирования из местных немцев. Ландсвер тесно взаимодействовал с германскими частями, получившими в начале 1919 г. свежие подкрепления из Германии. В Либавский порт, где уже стоял английский флот, вошли два французских эсминца. Британские суда доставили снаряжение и вооружение из США, Англии, Швеции. 9 февраля англичане передали латышам более 5 тыс. винтовок, 50 пулеметов, патроны. Позднее ландсвер получил еще 20 тыс. винтовок, а также орудия и грузовые автомобили.⁵⁸ По просьбе Ульманиса адмирал У. Коуэн с согласия адмиралтейства направил крейсер «Каледон» к Виндаве. Огонь шестидюймовых корабельных орудий сыграл решающую роль в ее захвате. Все же отсутствие сухопутных сил Антанты в этом районе, слабость ландсвера по-прежнему вынуждали страны Согласия опираться здесь на немецкие войска. Правда, союзники были не очень надежными. Когда англичане передавали Ульманису оружие, латыши перегрузили его на пароход «Саратов», дабы избежать эксцессов с немцами.⁵⁹

Опасения не были напрасными. Германия не отказывалась от собственных планов в отношении Прибалтики. Она усиленно вербовала добровольцев, для руководства будущими военными операциями в этом районе было создано верховное командование «Север». В начале февраля в Либаву прибыл новый командующий германскими войсками генерал фон дер Гольц. Позже он весьма откровенно высказывался о существовавшем в 1919 г. плане «нанести вместе с Деникиным и Колчаком смертельный удар русским большевикам и... приобрести в лице будущей буржуазной России нового союзника против всемирной британской державы».⁶⁰ Одним из опорных пунктов для решения этой задачи становилась Прибалтика, где к весне 1919 г., по данным американской миссии, сосредоточилось 73 тыс. германских солдат. К ним примыкали части прогермански настроенного местного ландсвера, насчитывавшие около 4.5 тыс. человек.⁶¹ Непосредственно в подчинении Гольца находилось почти 40 тыс. человек.⁶²

В конце февраля 1919 г. немецкие войска перешли в наступление. После месяца ожесточенных боев им удалось выйти на линию Слока—Елгава; до Риги оставалось 30 км. Одновременно начали наступать эстонцы и поляки. Такая согласованность в действиях не была простым совпадением. 18 февраля между Латвией и Эстонией, а 1 марта между Латвией и Литвой были заключены договоры, имеющие целью борьбу с большевиками.⁶³ Образование военного союза шло с ведома и при одобрении государств Антанты. Оно совпадало с планом усиления ан-

⁵⁸ Там же. С. 151.

⁵⁹ Bennet G. Op. cit. P. 73, 74.

⁶⁰ Цит. по: Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 102.

⁶¹ Там же. С. 102, 103.

⁶² История Латвийской ССР. Т. 3. С. 180.

⁶³ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 104, 105

тисоветской интервенции, предложенным 25 февраля 1919 г. маршалом Ф. Фошем на Парижской мирной конференции. Согласно этому плану, предполагалось, что финские, эстонские, латышские, литовские и польские армии, «сами по себе недостаточно хорошо организованные... поставленные под единое командование, могут представлять собой общую силу, достаточную, чтобы разгромить войска большевиков и оккупировать их территорию». ⁶⁴ Американские представители для осуществления этой задачи предлагали использовать и экономические средства.

Весной 1919 г. положение большевиков на Северо-Западе серьезно осложнилось. 13 мая белогвардейские войска под командованием А.П. Родзянко двинулись из Эстонии в направлении Петрограда. В помощь 7-й советской армии из Латвии, с участка фронта, где наступали эстонцы, прибыло 5 полков. Это заметно ослабило позиции латышских стрелков на севере Латвии, на юге же их силы были недостаточными и прежде. Еще раньше, в апреле 1919 г., Реввоенсовет РСФСР направил основную часть красноармейских полков на Восточный фронт. Отсутствие военной поддержки со стороны Москвы привело к тому, что 22 мая 1919 г. Рига перешла в руки ландсвера и «железной дивизии» Гольца. Советское правительство Латвии переехало в Режицу, где его деятельность продолжалась до января 1920 г.

К концу декабря 1918 г. продвижение 7-й советской армии замедлилось, а в начале января 1919 г. наступление прекратилось. Войска были измотаны в предыдущих боях. Неудачей закончилась разведывательная операция советских кораблей на Балтике в конце декабря 1918 г. По приказу председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкого отряд особого назначения под командованием члена Реввоенсовета Ф.Ф. Раскольников должен был проникнуть к Ревелю, чтобы определить численность английского флота, обстрелять о-ва Нарген и Вульф и выяснить наличие или отсутствие на них батарей. В ходе операции английские корабли захватили миноносцы «Спартак» и «Автроил». Ф.Ф. Раскольников и комиссар «Автроила» Нынюк были взяты в плен, вывезены в Англию и в мае 1919 г. обменены на пленных англичан. ⁶⁵ Экипажи миноносцев (более 200 человек) англичане передали эстонцам, которые отправили матросов в концлагерь на о-в Нарген. Судьба моряков оказалась трагичной: в начале февраля 1919 г. 28 матросов-коммунистов «Спартака» и «Автроила» были расстреляны, от голода умерло около 100 человек. Лишь немногим удалось позднее вернуться на родину.

Потеря двух кораблей привела к тому, что отныне левый фланг эстонских частей находился в безопасности. Эстонская армия, поддерживаемая добровольцами из северных стран и английским флотом, перешла в наступление. В январе—начале февраля 1919 г. советская власть на территории Эстонии была ликвидирована.

В конце 1918—начале 1919 г. в Прибалтике непосредственно столкнулись две силы, две идеологии. Большевики в согласии с исповедуемой ими теорией мировой революции сделали попытку расширить

⁶⁴ FRUS. The Paris Peace Conference. Washington, 1943. Vol. 4. P. 122.

⁶⁵ Подробнее см.: *Раскольников Ф.Ф.* На боевых постах. М., 1964. С. 287—323.

сферу применения своих идей за счет части прибалтийских территорий. При этом становление аппарата новой власти шло при поддержке российской армии. Однако социалистическая интервенция натолкнулась на сопротивление интервенции буржуазной. Страны Антанты и Германия в свою очередь значительно усилили помощь (политическую, экономическую и военную) временным буржуазным правительствам Эстонии и Латвии. Причем истинная цель помощи заключалась не в защите независимости и суверенитета прибалтийских государств, а в желании предотвратить распространение коммунизма в Европе, сохранить на Балтике плацдарм для дальнейшей борьбы с большевиками, выиграть время для определения своей дальнейшей политики в этом регионе. Столкновение двух сил — западной и восточной, — поддерживаемых соответственно буржуазными и советскими правительствами, окончилось поражением большевиков.

Вместе с тем падение советских режимов в Прибалтике имело и внутренние причины. Новообразованные правительства не получили в различных слоях населения той широкой и прочной опоры, на которую очень рассчитывали. Часть населения к тому же не восприняла и экономической политики новой власти.

Совокупность внешних и внутренних факторов и привела к быстрому падению советской власти в ряде районов Прибалтики.

Между тем внимание Антанты к Прибалтике с начала 1919 г. заметно усилилось. В феврале был принят уже упоминавшийся план Фоша, в марте образована на Парижской конференции Прибалтийская комиссия для организации военной интервенции в этом регионе. В Прибалтику зачастили миссии. В марте 1919 г. в Эстонии, Латвии и Литве побывала американская миссия подполковника Грина. Она пришла к выводу, что «ключ к разрешению русского вопроса» «следует искать в Прибалтийских государствах». ⁶⁶ Тогда же в Прибалтике появилась миссия американской администрации помощи (АРА) во главе с капитаном Кранцем. По воспоминаниям эстонского адмирала И. Питки, Кранц объездил весь район боевых действий от Нарвы до Псковского озера. ⁶⁷ Через месяц США направили в прибалтийский регион миссию американского Красного Креста, а французы — военную миссию Дюпарке. Цель последней, по словам заместителя министра иностранных дел Франции Абрами, состояла в оказании дежельной помощи окраинным государствам в борьбе против большевизма — предоставлении им оружия, денег, обмундирования и продовольствия. ⁶⁸ В конце мая в Прибалтику прибыла еще одна миссия, на этот раз из Англии. Возглавлял ее полковник С. Таллентс. Деятельность всех миссий, переговоры буржуазных правительств Прибалтийских стран с США и странами Антанты не замедлили обернуться практически нулевыми результатами. Уже 9 апреля в Либаву прибыл первый транспорт с американским продовольствием для антисоветских войск. ⁶⁹ В мае —

⁶⁶ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 111.

⁶⁷ См.: Рисс О., Гронский А. Помощь США белогвардейцам в нападении на Петроград в 1919 году // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 120.

⁶⁸ Рубцов А.Ф. Восточноевропейская политика Франции. (Прибалтика). Ярославль, 1985. С. 30.

⁶⁹ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 116.

июле в Ревеле выгрузились 9 транспортов из США, они доставили грузы общей стоимостью в 2.7 млн долларов.⁷⁰ По признанию госсекретаря Р. Лансинга, США ежемесячно тратили «400 тыс. ф. ст. для улучшения положения в Эстонии».⁷¹ Существенным был вклад и Англии. Эстония получила от нее 45 тыс. винтовок, 280 пулеметов, миллионы патронов и другое военное снаряжение, оценивавшееся суммой в 60 млн эстонских марок.⁷² Немало оружия Англия передала латышскому ландсверу. Летом того же года Франция подписала с Латвией договор о поставках военных материалов в обмен на лен.⁷³ Часть вооружения и снаряжения попадала в это время и к Юденичу, которому предназначался ряд поставок из США и стран Согласия.

Поддержка западными державами прибалтийских буржуазных правительств имела целью не только защиту их от большевистской России, но и подталкивание к активным военным действиям против нее. Весной 1919 г. активизировал свою деятельность и английский флот. Как только Финский залив очистился ото льда, из Либавы туда направились британские военные корабли «Каледон», «Сифайр» и «Синой» под командованием Коуэна.

В борьбе против большевиков в это время по-прежнему предполагалось использовать и немецкие части. Одной из рекомендаций миссии Грина своему правительству было усиление поддержки германским войскам в Латвии. Об этом же писал и лорд Керзон Бальфуру 5 апреля 1919 г. Он полагал, что «нелогично лишать германские войска средств, которые могут сделать эти войска полезными, так как продолжительный отказ в снабжении может дать только единственный результат — поставить их под угрозу и таким образом сделать невозможным достижение целей, которые имели в виду союзники».⁷⁴

Однако вскоре отношение к этому стало меняться, так как в Латвии немцы предприняли ряд шагов по своему усмотрению. 16 апреля Гольц заявил о роспуске правительства Ульманиса и о сформировании нового прогерманского правительства во главе с пастором А. Ниедрой. Попытки антантовских правителей образумить Гольца ни к чему не привели. Союзники не прибегли к решительным действиям, желая сохранить немецкие части как вооруженную силу для борьбы с большевиками. К тому же местные прибалтийские армии находились еще в стадии формирования. Гольц, поначалу не встретив должного отпора со стороны англичан и французов, решил начать активные военные действия в Латвии и двинулся в Видземе. Уверенность ему придавала поддержка своего правительства и негласное одобрение американской миссии Грина.⁷⁵

Поэтому союзники были вынуждены действовать более решительно. 13 июня 1919 г. «совет четырех» в Париже потребовал от Германии очистить Либаву и Виндаву, а затем «в возможно короткий срок эваку-

⁷⁰ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 175.

⁷¹ Березкин А.В. Октябрьская революция и США. 1917—1922. М., 1967. С. 248.

⁷² История Эстонской ССР. Т. 3. С. 175.

⁷³ Рубцов А.Ф. Указ. соч. С. 31.

⁷⁴ Bennet G. Op. cit. P. 89.

⁷⁵ История Эстонской ССР. Т. 3. С. 186.

ироваться из Прибалтики». Одновременно он пришел к выводу, что настало время возложить задачи по борьбе с большевиками на местные буржуазные правительства.⁷⁶ Выполнять эти решения должна была союзническая миссия генерал-лейтенанта Г. Гофа. Миссии предписывалось: «...а) изучить военное положение в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве; информировать имперский штаб о наиболее действенных средствах помощи Балтийским государствам в борьбе с большевиками»; б) помогать временным правительствам Эстонии, Латвии и Литвы по всем вопросам организации, вооружения и обеспечения местных сил, а главное, «рекомендовать этим правительствам наиболее эффективные средства борьбы против большевиков».⁷⁷ Одновременно в секретной инструкции Гофу предписывалось также добиваться ослабления германского влияния в Прибалтике.⁷⁸ Гоф начал действовать весьма решительно. Белые эстонские и латышские части в районе Виндавы дали бой немецкой «железной дивизии» и нанесли ей поражение, заставив отступить. Однако полностью разгромить и изгнать из Латвии немецкие войска не удалось. В их защиту выступили США. Грин и член мирной делегации США Логан встретились в Париже с министром иностранных дел Эстонии Я. Поска и потребовали прекратить военные действия, угрожая в противном случае приостановить поставки продовольствия в Прибалтику. Такое же предупреждение было сделано и Латвии. Да и сама Великобритания не собиралась исключать германские войска полностью из тех сил, которые она намеревалась использовать в борьбе с большевиками. Что это было именно так, явствует из договора о перемирии между эстонско-латышскими и германскими частями, подписанного 3 июля 1919 г. при посредничестве представителей Антанты. «Запрещается, — указывалось в нем, — любое продвижение вперед германских войск в Латвии, за исключением такого, которое направлено против большевистских войск Российской Советской республики».⁷⁹

Таким образом, главная цель политики Антанты и США в Прибалтике сводилась к борьбе против большевизма. Для этого спешно укреплялись местные армии, велась компромиссная политика в отношении германских частей. К лету 1919 г. было обращено внимание и на бело-гвардейские силы, скопившиеся в Прибалтике.

ФИНЛЯНДИЯ: НЕЗАВИСИМОСТЬ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

Приход к власти большевиков в России оказал значительное воздействие на российско-финляндские отношения. В первую очередь это коснулось вопроса о будущем государственном устройстве Финляндии.

⁷⁶ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 139.

⁷⁷ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 104—105.

⁷⁸ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 139.

⁷⁹ Там же. С. 143.

26 октября (8 ноября) 1917 г. финляндские социал-демократы огласили в сейме декларацию под названием «Мы требуем», в которой, в частности, выразили мнение о необходимости предоставления Финляндии широкой автономии в рамках Российского государства.⁸⁰ Но после появления через неделю «Декларации прав народов России» они стали ориентироваться на создание суверенного финляндского государства.

Сторонниками независимости выступили также и финляндские не-социалистические партии. Боязнь революции в Финляндии, подобной большевистской, склонила их к этому. Основания для такого беспокойства были. Ноябрьская всеобщая забастовка в Финляндии ясно показала, что финляндские рабочие могут вскоре последовать примеру русского пролетариата.

В данном случае по вопросу о независимости страны точки зрения социалистических и буржуазных кругов совпали. Когда 15 (28) ноября фракция социал-демократов внесла в сейм предложение «рекомендовать сенату как можно скорее подготовить для обсуждения в сейме предложение о новой форме правления страны в соответствии с правом Финляндии на полное самоопределение»,⁸¹ это не вызвало неудовольствия со стороны других депутатов. Уже через пять дней представитель буржуазных кругов глава сената П.Э. Свинхувуд выступил в сейме с речью о независимости Финляндии и внес на рассмотрение собравшихся соответствующий проект. Предупреждая возможную негативную реакцию России на это событие, Свинхувуд заявил: «Мы не верим, что свободный народ России или российское Учредительное собрание захотят встать на пути желания Финляндии войти в ряды свободных и независимых наций мира».⁸²

23 ноября (6 декабря) 1917 г. финляндский сейм большинством голосов принял решение о независимости страны. Разногласие возникло лишь по поводу того, необходимо ли объявление независимости согласовывать с Советской Россией. Социал-демократы выступали за это соглашение, несоциалистические партии были против. Используя большинство в сейме, буржуазные партии провели свой проект резолюции. Изоляция от России, непризнание большевистского правительства в качестве законного — эту линию поведения стремилось выдерживать правительство Финляндии.

Зато связи с Германией становились все более тесными. События в России, забастовка в Финляндии усилили прогерманские настроения в определенных кругах финляндского общества. «Теперь на Германию смотрели как на наилучшего союзника Финляндии против русской угрозы и угрозы внутренней социальной революции», — замечает финляндский историк Ю. Паасивирта.⁸³ Сразу же после Октябрьской рево-

⁸⁰ *Сюккяйнен И.И.* Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петро-заводск, 1962. С. 288.

⁸¹ *Холодковский В.М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 19.

⁸² *Paasivirta J.* Finland and Europe: The Early Years of Independence. 1917—1939. Helsinki, 1988. P. 109—110.

⁸³ *Ibid.* P. 104.

люции финляндская буржуазия обратилась к Германии с просьбой прислать войска. Однако немцы не спешили с вооруженной помощью, а порекомендовали финнам заявить о своей независимости и потребовать вывода из страны русских войск. Но и после объявления Финляндией независимости германское правительство руководствовалось в первую очередь своими, а не финляндскими интересами. Не желая срывать начавшихся в Брест-Литовске мирных переговоров с Советской Россией, Германия заявила финнам, что признает их независимость «лишь в том случае, если такое признание последует со стороны русского правительства».⁸⁴

Об этом же уполномоченным финляндского правительства заявили в Швеции и Норвегии. Многие страны связывали проблему признания суверенности Финляндии с отношением к ней великих держав, в том числе и России. Как бы ни хотел Свинхувуд избежать посещения Смольного, сделать ему этого не удалось.

Позиция большевиков по этому вопросу была уже известна в Финляндии. Еще в конце ноября 1917 г. Ленин, выступая на I Всероссийском съезде военного флота, заявил, что большевики предоставляют Финляндии «полную свободу жить в союзе с нами или с другими...».⁸⁵ О признании права за финляндским народом на полное самоопределение он заявил 25 ноября (8 декабря) при встрече с финляндскими социал-демократами К. Маннером, Э. Хуттуненом и Э. Салином. В беседе с ними Ленин предложил направить соответствующее обращение к правительству России.⁸⁶ Сведения о готовности большевиков признать независимость Финляндии поступали к финляндскому правительству и из других источников.

После предварительной поездки в Россию делегации финляндского сената в составе К. Энкеля и К.Г. Идмана 15 (28) декабря 1917 г. в Петроград выехали Свинхувуд, Энкель и Идман. Они вручили соответствующее обращение правительству России, которое 18 (31) декабря было одобрено СНК, а через четыре дня — ВЦИК.

На заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) нарком по делам национальностей И.В. Сталин, отметив, что СНК «дал свободу невольно не народу, не представителям Финляндии, а финляндской буржуазии», добавил, что иначе СНК поступить не мог, ибо исходил «из принципа предоставления права народам на самоопределение». Конечно, следование провозглашенному большевиками принципу, а также необходимость выполнения сделанных ранее заявлений по этому вопросу повлияли на решение СНК. Но и другие факторы сыграли здесь не последнюю роль. Нужно было учитывать настроение финляндского населения, выступающего за самостоятельность своей страны. Если бы независимость Финляндии не была признана большевиками, на северо-западе бывшей Российской империи, в непосредственной близости от Петрограда, мог возникнуть значительный очаг напряжен-

⁸⁴ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 105, 111.

⁸⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 116.

⁸⁶ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 85—86.

ности, угрожающий и так еще недостаточно прочному положению правительства Ленина. Наконец, — и это немаловажно — вера в мировую революцию была в то время одним из определяющих факторов в политике большевиков. Она позволяла надеяться, как заявил Сталин на том же заседании ВЦИК, что «свобода Финляндии даст в конце концов полную независимость рабочих и крестьян Финляндии».⁸⁷

Объявление самостоятельности Финляндии не привело к нормализации внутреннего положения в стране; классовые отношения продолжали оставаться напряженными. Политика правительства не вела к разрешению насущных вопросов: к демократизации в управлении страной, ликвидации продовольственного кризиса и пережитков феодализма в аграрном секторе экономики. Серьезные трения возникли по вопросу об армии. Социал-демократы выступили против предложения правительства о формировании армии, полагая, что целью этой меры станет борьба с революционным движением. Когда законопроект о создании армии был провален в сейме, буржуазные лидеры приступили к формированию полицейских подразделений и закупкам оружия, основным поставщиком которого стала Германия. Со своей стороны финляндские рабочие обратились за помощью к Советской России. Только в ноябре—декабре 1917 г. их представители получили в Петрограде тысячи винтовок и десятки тысяч патронов.⁸⁸ Часть оружия финнам удалось получить из русских воинских подразделений, расположенных в Финляндии.

Присутствие русских войск в Финляндии в январе 1918 г. стало объектом пристального внимания со стороны правительств Финляндии и Советской России. К этому времени, по оценкам зарубежных историков, численность их не превышала 40 тыс. человек.⁸⁹ Боеспособность их была чрезвычайно низка, многие из солдат были разбросаны по малочисленным гарнизонам по всей стране. Пребывание их на финляндской территории в период Брест-Литовских мирных переговоров имело скорее моральный, нежели военно-стратегический смысл. Кроме того, передислокация частей требовала определенных затрат времени и средств.

По этим причинам финляндские социал-демократы ратовали за оставление русских войск в стране на определенный период, сенат и сейм выступали за их немедленную эвакуацию. Правда, Свинхувуд в интервью газете «Хувудстабладет» 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) заявил, что вывод русских войск может быть проведен только в зависимости от военно-технических условий и обстановки и по обоюдному соглашению и что финляндцы не будут в этом вопросе слишком назойливыми.⁹⁰ Однако спустя полмесяца в своем обращении к правительствам ряда стран он обвинил русские части во вмешательстве во внутренние дела Финляндии и потребовал немедленного вывода этих

⁸⁷ Известия ЦИК. 1917. 24 декабря.

⁸⁸ Старцев В.И. Очерки по истории петроградской красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965. С. 230; Петроградский военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 3. С. 86.

⁸⁹ Paasivirta J. Op. cit. P. 131; Huxley S.D. Constitutionalist Insurgency in Finland. Helsinki, 1990. P. 249.

⁹⁰ ДВП. Т. 1. С. 94.

войск с территории страны. С аналогичным заявлением обратился в СНК финляндский сенат. В протестах финляндской стороны умалчивалось, что еще 10—12 (23—25) января шюцкоровцы напали на небольшие русские гарнизоны в различных частях страны, захватили здесь склады с оружием и боеприпасами, разоружили Сайменскую флотилию.⁹¹ В ответе Советского правительства от 16 (29) января, подписанном Л.Д. Троцким, подчеркивалось, что русским войскам в Финляндии отдан приказ о нейтралитете. Ссылаясь на сведения, которыми располагало правительство РСФСР, он писал, что «контрреволюционные и шовинистические элементы финляндского населения вероломно атакуют наших солдат... чем вызывают естественные меры самообороны». Подтверждая готовность России эвакуировать своих солдат, Троцкий далее указывал: «Но мера эта, как Вы сами признали, может быть проведена лишь в зависимости от военно-технических условий и обстоятельств. Мы выражаем надежды, что создаваемая ныне согласительная комиссия может разрешить все острые вопросы в интересах народов обеих стран».⁹²

Русские военные власти в Финляндии, введя боевую готовность в связи с провокациями, также приказали войскам не вмешиваться во внутренние дела этой страны. Ситуация продолжала оставаться напряженной, вскоре она осложнилась событиями в Выборге. Там после боев между красными и белыми финнами русский гарнизон оказался отрезанным от России, прервалась связь с Петроградом. Командование корпуса отдало приказ о разоружении как белых, так и красных вооруженных групп.⁹³ Белогвардейцы отказались сдать оружие, поэтому были вытеснены из города.

Несмотря на то что Россия вновь официально подтвердила свою позицию нейтралитета, а Н.И. Подвойский 13 (26) января отменил свой приказ от 11 (24) января «относительно обезоружения белогвардейцев» (вызванный событиями в Выборге), враждебные действия против русских частей не прекращались. Последовали нападения на русские гарнизоны в Эстерботнии. Захваченным оружием снабжались отряды финских белогвардейцев.

Конфликт, разгоревшийся вокруг русских войск, был скорее поводом, нежели причиной развернувшихся далее событий. Противостояние между левыми и правыми достигло предела. Отдельные попытки компромисса не имели успеха. Страна стояла накануне гражданской войны, причины которой от начала до конца вытекали из тех политических и социальных процессов, которые происходили в самой Финляндии, а не за ее пределами.⁹⁴

Для подготовки и проведения пролетарского восстания по настоянию О.В. Куусинена и красногвардейцев Гельсингфорса был создан Рабочий исполнительный комитет (РИК) для руководства подготовкой и проведением пролетарского восстания. 13 (26) января РИК призвал

⁹¹ Красный архив. 1940. Т. 2 (99). С. 26—27.

⁹² Известия ЦИК. 1918. 16 января; см. также: ДВП. Т. 1. С. 94.

⁹³ Красная газета. 1918. 13 января.

⁹⁴ *Paasivirta J.* Op. cit. P. 134.

рабочих не упустить завоевания революции из своих рук, отдал приказ о подготовке к захвату важнейших пунктов в Гельсингфорсе.

События развивались стремительно. На следующий день власть в городе перешла в руки восставшего пролетариата. Сообщая об этом, «Красная газета» подчеркивала: «Русские войска не принимали в перевороте никакого участия. Несмотря на это, в тех местах, где власть еще удерживается белогвардейцами, они разоружают русских солдат».⁹⁵ В первом же документе, опубликованном РИК, определялась четкая позиция по отношению к расквартированным русским частям: «...следует повсюду относиться дружелюбно».⁹⁶

15 (28) января 1918 г. РИК образовал Совет народных уполномоченных Финляндии. В его состав вошли Ю. Сирола, А. Тайми, О. Куусинен и другие. Возглавил новое правительство К. Маннер. Оно тотчас же обратилось с приветствием к СНК России, выразив надежду на укрепление солидарности между рабочими обеих стран. В ответном приветствии, с которым прибыл в Гельсингфорс нарком почт и телеграфа левый эсер П.П. Прошьян, говорилось, что «правительство России... обещает всяческую поддержку в борьбе против буржуазии».⁹⁷

Эта поддержка выражалась в поставках оружия и продовольствия. Финские красногвардейцы ощущали острую нехватку вооружения. Не всегда могли помочь им солдаты русских гарнизонов, расположенных на территории Финляндии; многим из них самим не доставало оружия. В январе 1918 г. Ленин распорядился выделить 25 тыс. винтовок и 30 пулеметов для защиты русских солдат в Финляндии.⁹⁸ Там, где оружия было достаточно, часть его передавалась финским рабочим. Изыскивались способы транспортировки оружия и из России. В январе—феврале 1918 г. финны получили два эшелона с оружием из Петрограда; на двух пароходах было доставлено оружие и продовольствие из Ревеля.

Огромное значение для финляндских трудящихся имела помощь продовольствием со стороны Республики Советов. В январе 1918 г. на заседании Петросовета делегация красных финнов обратилась с просьбой о помощи хлебом. Петросовет вынес положительное решение. В «Радиограмме всем, всем» В.И. Ленин сообщал: «...сегодня, 22.1.1918 старого стиля, петроградские рабочие дают 10 вагонов продовольствия на помощь финляндцам».⁹⁹ Вскоре Совет народных уполномоченных направил в Россию своих агентов для организации закупки продуктов и доставки их в Финляндию.¹⁰⁰ Вагоны с хлебом, зерном и другими продуктами поступали из Советской России в Финляндию и позднее.

Серьезным препятствием для успешной вооруженной борьбы против буржуазии было отсутствие у финских рабочих военной подготовки. По просьбе красногвардейцев их стали зачислять в расквартированные

⁹⁵ Красная газета. 1918. 17 января.

⁹⁶ Новая и новейшая история. 1957. № 4. С. 230, 231.

⁹⁷ *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 122.

⁹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 32.

⁹⁹ Там же. Т. 35. С. 322.

¹⁰⁰ *Торнийнен Э.* Законодательство финляндского рабочего правительства // Финляндская революция. М., 1920. С. 62.

в Финляндии русские части «для обучения красногвардейцев строю и боевым действиям».¹⁰¹ В марте 1918 г. в Гельсингфорсе и на о-ве Сорнес при участии русских военных были организованы пехотная, пулеметная, артиллерийская, кавалерийская, инженерная и авиационные школы. Петроград направил группу инструкторов для обучения финнов.¹⁰² Один из демобилизованных моряков Балтийского флота Арсеньев позднее вспоминал: «Из всех провинций приезжали крестьяне и рабочие с просьбой научить их действовать оружием. Мы горячо принялись за дело обучения их управлять винтовкой. Бывали случаи, когда мы работали даже по ночам, не имея возможности думать о сне».¹⁰³

Начавшаяся в Финляндии гражданская война осложнила положение находящихся там русских войск. Участвовать в этой войне или соблюдать нейтралитет, оставаться в своих гарнизонах или немедленно эвакуироваться в Россию — такие вопросы стояли перед военным командованием. К.Г. Маннергейм обратился к нему с призывом соблюдать нейтралитет. При этом, однако, его шюцкоровцы не оставляли в покое русские гарнизоны. Командование 22-го армейского корпуса приказало своим частям отходить в направлении Выборга и Карельского перешейка. Но немногим позднее Совет солдатских депутатов в Гельсингфорсе отдал приказ русским войскам оставаться на месте и быть готовыми к отражению любых попыток их разоружения войсками Маннергейма. Об участии русских войск в боях на чьей-либо стороне речь не шла, да и вряд ли могла идти. Усталость от войны, нежелание воевать были характерны в тот период для армии всей России, в том числе и русских солдат в Финляндии. По замечанию М.С. Свечникова, свидетеля и участника боев в Финляндии, «войсковые части были близки к полному разложению и особой склонности к борьбе с белой гвардией не имели».¹⁰⁴

Все же часть солдат, матросов и офицеров добровольно присоединилась к финляндским рабочим войскам. Сформированные из них отряды вместе с финскими красногвардейцами вели наступление по планам, разработанным командиром 106-й дивизии бывшим полковником генштаба М.С. Свечниковым. Более существенной была помощь из России. Штаб Петроградского военного округа в конце января 1918 г. предписал ревкомам ряда полков организовать отряды численностью от 100 до 300 человек для оказания помощи сражающимся рабочим Финляндии.¹⁰⁵ Красногвардейские отряды, сформированные из финских и русских рабочих Петрограда и его окрестностей, воевали в различных районах Финляндии. Только за последнюю декаду января 1918 г. из Петрограда в Финляндию было направлено свыше 1200 вооруженных солдат и красногвардейцев.¹⁰⁶ Всего же с декабря 1917 г.

¹⁰¹ Красный архив. 1940. Т. 2 (99). С. 39.

¹⁰² Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 годы: (Воспоминания и материалы). М.; Пг., 1923. С. 76.

¹⁰³ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 2536, л. 1.

¹⁰⁴ Свечников М.С. Указ. соч. С. 44.

¹⁰⁵ Красный архив. 1940. Т. 2 (99). С. 41.

¹⁰⁶ Фрайман А.Л. Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 46.

по апрель 1918 г., по приблизительным подсчетам В.И. Старцева, в боевых действиях в этой стране приняло участие 5—5,5 тыс. красногвардейцев из Петрограда.¹⁰⁷ К их числу относились отряды рабочих из Сестрорецка и Шлиссельбурга, пулеметчики из Петроградского района Петрограда.¹⁰⁸ Однако преувеличивать вклад петроградских красногвардейцев в борьбу против белофиннов вряд ли стоит. Недостаток вооружения и обмундирования небольших по своей численности отрядов, отсутствие не только военного, но даже воинского опыта вряд ли способствовали укреплению рядов красных финнов. Одного революционного энтузиазма и пролетарской солидарности оказывалось часто недостаточно.

Особенно это проявилось в боях под Рауту. В середине февраля 1918 г. финские белогвардейцы повели наступление в районе Териоки—Райвола и к 20-м числам этого же месяца вышли к железнодорожным станциям Рассули и Рауту. Обороняли Рауту небольшие отряды финской красной гвардии и петроградских рабочих. Бои шли на финской территории, но в непосредственной близости от российской границы. В это же время началось наступление кайзеровских войск в России, а генерал Маннергейм обратился к своим войскам с воззванием вторгнуться на советскую территорию. Учитывая реальную опасность прорыва и желая помочь финским красногвардейцам, командование Петроградского военного округа постановило направить в этот район дополнительные силы. 26 февраля вечером в Рауту прибыл отряд сестрорецких рабочих в количестве 600 человек. Его командиром был Ф.П. Грядинский, комиссаром — С.П. Восков. Боевыми действиями руководил штаб в составе И.А. Рахьи, Н.И. Кокко, С.Ф. Степанова, Ф.И. Грядинского, А.М. Кочерегина, В. Ильина и С.П. Воскова. Отряду тотчас же пришлось вступить в бой. В течение нескольких следующих дней в Рауту прибыли новые силы. Среди них были сводный отряд в количестве 800 человек, небольшой отряд рабочей молодежи, партизанский отряд «Волчья стая» под командованием И. Гаврилова, переброшенный сюда с псковских позиций. Всего в этом районе оказалось около 2 тыс. человек. Командующим всеми отрядами стал М.В. Приговорский, бывший комендант Таврического дворца.¹⁰⁹ В первую неделю марта бои шли с переменным успехом. Позиции защитников Рауту были невыгодны в военном отношении. Среди красногвардейцев оказалось немало людей, не имевших опыта военных действий и плохо разбиравшихся в военном деле. Через некоторое время часть бойцов была отозвана в Петроград, в том числе и большая часть сестрорецкого отряда. Вечером 9 марта белофинны окружили станцию; в течение трех недель в плотном кольце защитники Рауту отражали непрерывно следующие одну за другой атаки. На выручку был послан еще один отряд, но красногвардейцы уже решили прорываться с боем в сторону Петрограда. Один из бойцов отряда, присланного на помощь защитни-

¹⁰⁷ Старцев В.И. Указ. соч. С. 232.

¹⁰⁸ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 6, д. 274, л. 2.

¹⁰⁹ Фрайман А.Л. Указ. соч. С. 240—242.

кам Рауту, вспоминал позднее: «Нам был дан приказ совместно с финской красной гвардией... прорвать кольцо. На расстоянии верстах в десяти от Рассули наш отряд встретил прорвавшихся товарищей со станции Рауту, их было человек 200—250, среди которых больше половины было раненых. Мы вместе пришли на станцию Рассули, которая уже в спешном порядке эвакуировалась. Разместив раненых в последние вагоны и отправив их за реку Сестру в Грузино, мы также вынуждены были немедленно оставить эту сторону реки».¹¹⁰ Всего около 400 красногвардейцев вышли после прорыва семи цепей заграждения.¹¹¹ Сотни бойцов погибли или попали в плен. Пленных отправили в Свеаборгскую крепость. По дороге многие из них замерзли или были расстреляны. Лишь через несколько месяцев благодаря усилиям Советского правительства оставшиеся в живых пленные красногвардейцы вернулись на родину.¹¹²

Сражение под Рауту было, пожалуй, последней крупной военной операцией на территории Финляндии, в которой участвовали значительные силы русских красногвардейцев. Брест-Литовский мирный договор обязывал Россию вывести войска из Финляндии. В связи с этим военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих в Финляндии издал приказ, согласно которому с 15 марта 1918 г. старая армия на территории Финляндия ликвидировалась. Участвовать в боевых действиях разрешалось только добровольцам, которых, по оценке М.С. Свечникова, насчитывалось не более 1 тыс. человек. К тому же, как указывает Свечников, «в конце марта все русские добровольцы, в том числе и я, вышли из состава русских войск и поступили на службу финской красной гвардии, а поэтому и перестали фактически и юридически числиться русскими солдатами».¹¹³

Тем не менее со стороны финнов, а также немцев продолжали поступать протесты против пребывания русских войск в Финляндии. Так, в начале апреля 1918 г. Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны получил запрос из СНК. В нем сообщалось, что германское правительство протестует против участия русских частей в боях в Финляндии. СНК просил дать ответ.¹¹⁴ В радиограмме Совета комиссаров указывалось, что «русские войска из Финляндии ушли немедленно же после подписания Брестского мирного договора». Далее говорилось, что «в Финляндии могут иметься только отдельные добровольческие группы как в рядах финской белой гвардии, так и в рядах финской красной гвардии».¹¹⁵ Эта позиция была подтверждена и в 20-х числах апреля, когда немцы вновь направили аналогичный протест в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД). В ответе

¹¹⁰ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 1934, л. 2 об.

¹¹¹ *Фрайман А.Л.* Указ. соч. С. 243.

¹¹² Интересные воспоминания о пребывании в плену оставили бывшие участники боев под Рауту Б.П. Шамров, Е. Александрова-Чулкина, Экк. См.: ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 2657; оп. 6, д. 199, 419.

¹¹³ *Свечников М.С.* Указ соч. С. 73, 74, 82.

¹¹⁴ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 128, л. 26.

¹¹⁵ Там же, л. 27, 28.

Г.В. Чичерину Зиновьев сообщал, что советские войска границу не переходили, красноармейцы и матросы в Выборг и Гельсингфорс не посылались и что еще 13 апреля военный руководитель северного участка и Петроградского фронта А.В. Шварц отдал приказ «никаких военных действий не начинать».¹¹⁶ К ответу прилагался текст радиотелеграммы «К гражданской войне в Финляндии», подписанной Зиновьевым. В ней подтверждалось наличие упомянутого приказа и содержалось разъяснение о порядке действия русских войск при нарушении границы со стороны Финляндии. Войскам, преследующим враждебные цели, будет дан «самый решительный отпор», а те, кто пожелает просто уйти из Финляндии, «будут нами разоружены и отведены в тыл».¹¹⁷

Развитие отношений между Советской Россией и рабочей Финляндией коснулось и дипломатической области. 16 февраля 1918 г. СНК назначил И.Т. Смилгу уполномоченным РСФСР в Финляндии.¹¹⁸ Еще с начала февраля по предложению СНУ началась подготовка договора между двумя странами. Его проект был 25 февраля обсужден СНК. Участники заседания одобрили написанное Лениным постановление: «Признать в принципе справедливость желания финских товарищей о передаче Финляндской Социалистической Рабочей Республике указанной в финском добавлении к § 6 проекта договора части территории. Поручается Согласительной комиссии разработать способы практического осуществления этой передачи».¹¹⁹ В последующие дни территориальные вопросы обсуждались еще несколько раз. В подавляющем большинстве случаев они решались в пользу финнов. Как отмечает участник переговоров О. Токой, не однажды в этих вопросах приходилось прибегать к мнению Ленина, который неизменно соглашался с территориальными претензиями финляндской стороны.¹²⁰ Вместе с тем финляндская делегация предложила оставить в пользовании Советской России небольшую территорию на северном побережье Финского залива, на которой располагался форт Ино. Вечером 1 марта договор еще раз рассматривался на заседании СНК и в тот же день был подписан. Реализацией многих статей договора занималась ликвидационная комиссия, образованная взамен распущенного 4 марта Областного комитета армии, флота и рабочих в Финляндии.¹²¹

¹¹⁶ Там же, л. 6—7; ДВП. Т. 1. С. 254. — В начале апреля три отряда моряков, курсантов и специалистов общей численностью до 500 человек были направлены в Гельсингфорс для пополнения личного состава кораблей Балтийского флота, совершавших переход в Кронштадт. Перед этими отрядами цели борьбы с белофиннами не ставились.

¹¹⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 128, л. 10; см. также: ДВП. Т. 1. С. 254, 255.

¹¹⁸ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 259.

¹¹⁹ Там же. С. 281; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 392.

¹²⁰ См.: Холодковский В.М. Указ. соч. С. 143. — М. Энгман отмечает, что «переговоры не были легкими и советским участникам досаждало отсутствие интернационализма среди финляндских представителей, которые очень любили защищать финляндские национальные интересы. Они предрьявляли претензии на русскую территорию, на пространство арктического побережья». См.: Engman M. State Terrorism as Diplomacy: Aspects of Finnish-Soviet Relations 1918—1920 // Studia Baltica Stockholmiensia. 1991. N 8. P. 64.

¹²¹ Известия ЦИК. 1918. 8 марта.

На заседании СНК 18 июня 1918 г. было постановлено прекратить работу ликвидационной комиссии и возложить ее обязанности на российский дипломатических представителей за границей.¹²² Безусловно, работа комиссии, впрочем, как и деятельность И. Т. Смилги в Финляндии, нуждается в дальнейшем и подробном изучении.

Договор от 1 марта действовал совсем немного, ибо недолго существовала и рабочая Финляндская республика. К концу гражданской войны Маннергейму удалось мобилизовать в свою армию около 70 тыс. человек, достаточно хорошо вооруженных.¹²³ Однако, не надеясь на собственные силы, он искал поддержки у западных государств и получил ее. Шведские и норвежские банкиры предоставили займы. В рядах финских белогвардейцев сражалось до 1.5 тыс. шведских добровольцев.¹²⁴ Свои услуги предлагала русская буржуазия. Один из членов сената К. Энкель впоследствии вспоминал о попытках контрреволюционной русской организации в Петрограде наладить сотрудничество с белофиннами. Он писал: «...русская контрреволюционная организация предложила свои услуги для участия в борьбе на финской территории. Я эту идею не поддерживал, но не была исключена возможность сотрудничества с этой организацией в случае, если намечался поход на Петроград».¹²⁵

Главная ставка в борьбе с красными финнами была сделана на Германию. Хотя решение о военной интервенции было принято ею 11—12 марта, с молчаливого согласия правительства Германии уже 28 февраля, т.е. за три дня до подписания Брест-Литовского договора, германский флот направился к Аландским островам, а 2 марта кайзер отдал приказ Балтийской дивизии фон дер Гольца двинуться на помощь Маннергейму.¹²⁶ Видимо, Германия была уверена, что правительство Советской России не пойдет на разрыв уже подготовленного договора.

Этот расчет полностью оправдался. В мемуарах Троцкого есть любопытный эпизод. Троцкий пишет, что, когда Ленин узнал о высадке немецкого десанта в Финляндии, он был чрезвычайно взволнован и первой реакцией его было желание послать русское войска на помощь красным финнам. Однако уже через несколько минут Ленин, по словам Троцкого, заявил следующее: «Нет, нельзя менять политики. Наше выступление не спасло бы революцию в Финляндии, но наверняка погубило бы нас. Всем, чем можно, поможем, но не сходя с почвы мира. Не знаю, спасет ли нас это теперь. Но это, во всяком случае, единственный путь, на котором еще мыслимо спасение».¹²⁷

Последними фразами Ленин высказывал существовавшее среди большевиков опасение, что Германия не удовлетворится только подавлением революции в Финляндии, но продолжит наступление и на

¹²² ДСВ. М., 1959. Т. 2. С. 618.

¹²³ *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 151.

¹²⁴ *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 169.

¹²⁵ Цит. по: *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 171.

¹²⁶ *Herwig H.H.* German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade? // *Slavic Review.* 1973. Vol. 32. N 2. P. 342.

¹²⁷ *Троцкий Л.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1991. Т. 1—2. С. 373.

Советскую Россию, используя финляндскую территорию как плацдарм.

Подобные опасения не были беспочвенными. Представители «военной партии» в Германии предусматривали такой вариант развития событий. В мае 1918 г. генерал Э. Людендорф в ответе адмиралу фон Хольцендорфу относительно целей операции в Финляндии заявил, что она послужит для Германии выгодным стратегическим плацдармом в будущих военных кампаниях против России.¹²⁸ Помимо этого Германия преследовала равным образом цели создания преграды против распространения большевизма в Европе (возведение плотины «против красной волны» — по выражению германского военного атташе в Стокгольме), подготовки опорной базы для борьбы с союзниками на мурманском побережье, а также экономические интересы.

1 апреля 1918 г. германская эскадра из 50 судов под командованием контр-адмирала Х. Мойрера вышла из Данцига. Через два дня Балтийская дивизия, размещенная на этих кораблях, высадилась в Ганге и без особых помех заняла город. Спустя несколько дней на судах флота в Финляндию из Ревеля дополнительно была перевезена трехтысячная бригада полковника барона О. фон Бранденштейна. Общая численность немецких войск, вступивших на финскую землю, составляла примерно 15 тыс. человек.¹²⁹

Появление немецких войск в Финляндии значительно ухудшило положение революционных рабочих. На помощь белой гвардии пришли хорошо обученные, имевшие опыт боевых действий войска. Высадка их в тылу красной гвардии серьезно осложнила обстановку. Нельзя не указать и на то, что буржуазия Финляндии получила мощное подкрепление в виде военных кораблей и авиации, которых не было у рабочей республики. Участие в войне нескольких десятков русских добровольцев не могло оказать серьезного влияния на развитие событий.¹³⁰

По договоренности с финнами немцы поступали в распоряжение Маннергейма. Однако на деле ни Гольц, ни Бранденштейн даже не удостоили финляндского командующего своим посещением, предпочитая действовать самостоятельно и нанося удары по красногвардейцам на юге Финляндии.

Пока немецкие войска продвигались по территории Южной Финляндии, Маннергейм решил сосредоточить все свои силы для овладения Таммерфорсом. Осада города началась еще в конце марта 1918 г. Положение его защитников было чрезвычайно трудным: не хватало боеприпасов, продовольствия. Помощи тоже было ждать неоткуда. Но в ответ на предложение сдаться красногвардейцы ответили отказом. Бои за Таммерфорс были наиболее ожесточенными и кровопролитными за все время гражданской войны. Несколько тысяч красногвардейцев попало в плен, причем многие из них были расстреляны. Были расстре-

¹²⁸ Herwig H.H. Op. cit. P. 341.

¹²⁹ Холодковский В.М. Указ. соч. С. 269.

¹³⁰ Сюкияйнен И.И. Указ. соч. С. 259—261.

ляны и все двести пленных русских, среди них полковник Булацель и комендант Таммерфорса Муханов.¹³¹

Тяжелое положение для красных финнов складывалось и на юге страны. Немецкие войска продолжали движение к Гельсингфорсу. Штаб местной красной гвардии принял на себя руководство обороной города. Главные силы фон дер Гольца подошли к финляндской столице 11 апреля. В этот же день на рейде города появились немецкие корабли. В гавани еще стояли русские корабли, перешедшие сюда из Ревеля. Кроме того, часть флота находилась в Ганге, Або и Котке.

Как отмечалось в гл. III, по Брест-Литовскому договору русский флот должен был покинуть Финляндию. В связи с ходом военных действий возникла угроза захвата кораблей немецкими или белофинскими войсками. Поэтому, не дожидаясь окончательного очищения моря ото льда, было решено незамедлительно перевести корабли из Гельсингфорса в Кронштадт. За выполнением этой задачи напряженно следили в СНК.

К 12 марта удалось подготовить первый отряд к выходу в море. В то время, когда из Москвы в Гельсингфорс шла отправленная по заданию В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевичем телеграмма («Сложившейся обстановке необходимо при первой возможности безотлагательно сосредоточить большой и малый флот Балтийского моря в районе Кронштадта»¹³²), ледокол «Ермак» уже пробивал дорогу идущим за ним линкорам и крейсерам. Переход осложняла не только тяжелая ледовая обстановка. В начале марта финны овладели батареями о-вов Готланд, Соммерс и Лавенсари и, таким образом, могли обстреливать оттуда советские корабли. Кроме того, 21 и 29 марта из-за предательства части команд финны захватили ледоколы «Тармо» и «Вольнец». В распоряжении балтийцев остался один «Ермак». Была предпринята попытка вывести из строя и его, но она не удалась. Во время подготовки к перебазированию второй группы кораблей «Ермак», шедший из Кронштадта в Гельсингфорс, дважды подвергся обстрелу с о-ва Лавенсари и ледокола «Тармо».

Военная обстановка в районе Финского залива становилась все более напряженной. В начале апреля в Ганге высадился германский десант. Соблюдая нейтралитет, русские моряки не оказали сопротивления, но не пожелали, чтобы стоящие здесь корабли стали легкой добычей немцев и белофиннов. Поэтому транспорт «Оланд» и четыре подводные лодки были взорваны. По решению британского военного командования здесь же были уничтожены англичанами семь их подводных лодок.¹³³ Однако часть уцелевших русских кораблей захватили шноцкоровцы.

По-прежнему угрожала опасность и судам, стоявшим в гавани Гельсингфорса. В полдень 4 апреля немецкие самолеты сбросили над портом листовки. В них говорилось: «Командующий германским флотом в

¹³¹ По мнению Ю. Паасивирты, весной 1918 г. на стороне финских красногвардейцев боролось всего около 150 русских. См.: *Paasivirta J.* Op. cit. P. 141.

¹³² Цит. по: *Измайлов Н.Ф., Пухов А.С.* Центробалт. 2-е изд. Калининград, 1967. С. 272.

¹³³ *Dobson Ch., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow : The Allied War in Russia, 1918—1920. London, 1986. P. 104.

Финском заливе оставит на свободе и даст награду личному составу каждого судна, которое останется неповрежденным».¹³⁴ Это воззвание нашло своих сторонников среди некоторых офицеров. Существовали и другие варианты решения возникшей проблемы. Совет флагманов предложил, отправив второй отряд, остальные корабли уничтожить, а транспорты передать в частное владение.¹³⁵ СНК не утвердил это решение. По докладу морской коллегии он постановил: «Вспомогательные, транспортные судна, состоящие при Балтфлоте, не продавать».¹³⁶ После ухода второго отряда кораблей в Гельсингфорсе оставалось еще до 200 судов. Их положение осложнялось не только тем, что с каждым днем финны и немцы все ближе подходили к городу, но и подписанным Россией так называемым «гангутским ультиматумом». По условиям этого документа русский флот, находящийся в Финляндии, должен был разоружиться до 12 ч 12 апреля, т.е. в течение недели.¹³⁷ Хотя после протестов Советского правительства Германия не очень твердо стала настаивать на безусловном выполнении всех пунктов соглашения, все же необходимо было иметь эти требования в виду и ориентироваться на них. «Гангутский ультиматум» свидетельствовал, что немцы не оставили попытки захватить корабли.

Последние суда Балтийского флота покидали рейд, когда в окрестностях города уже шел бой. В нескольких десятках миль от Гельсингфорса русские корабли повстречали германские военные суда. Эта встреча ознаменовалась взаимными салютами флагами.¹³⁸ Немцы не открыли огонь, так как русские корабли вышли из порта в срок, определенный «гангутским ультиматумом».

11 апреля войска Гольца начали штурм Гельсингфорса с суши, и после ожесточенных трехдневных боев город пал. Экипажи русских судов, которые не успели уйти на родину, оказались в сложной ситуации. Руководствуясь выполнением статей Брест-Литовского договора, 12 апреля 1918 г. Наркомат по морским делам за подписью Л.Д. Троцкого отправил следующую директиву старшему морскому начальнику русских морских сил в водах Финляндии А.П. Зеленому: «...разрешается вступать с белым финляндским правительством в деловые переговоры, которые будут вызываться потребностями сохранения в неприкосновенности судов, имущества и запасов флота».¹³⁹ Вести переговоры было затруднительно. При прямом попустительстве германского командования финны захватили тральщики, госпитальные суда, транспорты, склады и пр. От имени германского командования фин-

¹³⁴ Цит. по: Юнга Е. Ледовый поход. Л., 1949. С. 20.

¹³⁵ Кровяков Н.С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. М., 1955. С. 128—129, 135.

¹³⁶ Тюрин В.М., Яковлев И.И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., 1976. С. 57.

¹³⁷ Подробнее см.: Кровяков Н.С. Указ. соч. С. 147—157.

¹³⁸ См.: Яковлев И. Ледовый поход торгового флота // Морской сборник. 1935. № 4. С. 110; ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 2570, л. 13; д. 2576, л. 4 об.

¹³⁹ Цит. по: Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л., 1926. Т. 2, ч. 1. С. 47.

ские белогвардейцы 8 мая арестовали и расстреляли комиссара правительства Советской России при оставшихся в водах Финляндии русских морских частях Б.А. Жемчужина.¹⁴⁰ Протесты Советского правительства имели лишь ограниченный результат. Финны вернули только часть судов. В то же время стоимость захваченных ими судов и корабельного имущества оценивалась в 17,5 млрд золотых рублей.¹⁴¹

После падения Таммерфорса и Гельсингфорса красногвардейцы Финляндии продолжали еще вести бои на западном и восточном (Выборгском) участках фронта. Но преимущество белогвардейцев, поддерживаемых немцами, было подавляющим. Среди красногвардейцев усиливалось понимание дальнейшей бесперспективности борьбы. Тем не менее последние бои на территории Финляндии носили по-прежнему ожесточенный характер.

В конце апреля начались бои за Выборг. 30-тысячной белофинской армии противостояли лишь 20 тыс. красногвардейцев. Несколько дней защитники отбивали атаки получавшего подкрепление врага. 29 апреля Выборг пал. Как в Таммерфорсе и Гельсингфорсе, победители устроили здесь самую настоящую резню. Часть защитников города на пароходах, присланных из России, сумела выбраться в Кронштадт; некоторые спаслись сухопутным путем, но большая часть попала в плен.

После потери Выборга в течение недели еще шли бои в районах Лахти и Котки, но война уже подходила к концу. 3—4 мая последние отряды сдались врагу. По оценке О.В. Куусинена, из всей революционной армии лишь 4—5 тыс. человек пробились в Россию.¹⁴² В тюрьмах и концлагерях оказалось около 90 тыс. человек.¹⁴³

Гражданская война в Финляндии закончилась. Активные участники подавления красной Финляндии — Маннергейм и Свинхувуд — при поддержке немцев выступали за установление в стране монархии во главе с немецким принцем.

Заинтересованность Германии в этом вопросе объяснялась не только стремлением укрепить свое влияние в Финляндии. В расчет брались и дальнейшие акции против советского государства. Откровенно об этом высказывался Гинденбург в письме к кайзеру летом 1918 г., когда шла речь о будущем политическом устройстве Финляндии. «Если Финляндия останется республикой, она попадет под влияние Антанты. Мы потеряем не только господство Германии на Балтийском море, но и возможность с помощью Финляндии держать в повиновении Россию».¹⁴⁴ А такие планы существовали. 9 октября 1918 г. финляндский сейм избрал королем Фридриха Карла Гессенского. Зависимость от Германии — военная, экономическая, политическая — получила еще

¹⁴⁰ По подсчетам В.М. Тюрина и И.И. Яковлева, всего для Советской республики в 1918 г. было спасено 236 кораблей и судов. См.: *Тюрин В.М., Яковлев И.И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., 1976. С. 93.*

¹⁴¹ *Гражданская война: Боевые действия...* Т. 2, ч. 1. С. 50.

¹⁴² *Куусинен О.В. Революция в Финляндии. 1919. С. 13.*

¹⁴³ *Холодковский В.М. Указ. соч. С. 295.*

¹⁴⁴ Там же. С. 329.

и династическую связь. Маннергейм признавал в это время, что «Финляндия находится целиком под господством Германии, и к чему приведет будущее, неясно».¹⁴⁵

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ФИНЛЯНДИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ

В течение 1918—1919 гг. Финляндия неизменно приковывала к себе внимание западных держав. Усиление воздействия на нее, ввод в орбиту своей политики — этим были озабочены и в Германии, и в странах Согласия. Но была и другая цель — использование Финляндии в борьбе против Советской России. Она имела благоприятную почву в самой Финляндии. Более того, в своих враждебных устремлениях по отношению к советскому государству финляндские реакционные круги иногда шли дальше, чем этого хотелось в тот или иной момент политикам, главным образом Германии и Великобритании.

Уже в начале 1918 г. в Берлине получили финляндский меморандум с просьбой о помощи Германии в присоединении к Финляндии советской Беломорской Карелии. Но немцы не поддержали его. В самой же Финляндии эти аннексионистские притязания встретили одобрение. С января 1918 г. финны стали нападать на населенные пункты на советской территории, а в марте три отряда двинулись к Мурманской железной дороге. Захватчики вскоре были изгнаны красногвардейскими и рабочими формированиями.¹⁴⁶

Притязания финнов не ограничивались только этим районом. В ряде финских газет появились статьи с призывом организовать поход на Петроград. Подобные публикации отражали взгляды и желания реакционных кругов военных и буржуазии, усиленно поддерживал их и генерал Маннергейм. Эти устремления, неоднократные нарушения советско-финляндской границы, получаемые по разведывательным каналам сообщения о разрабатываемых планах наступления финнов на Карелию и в направлении Петрограда вызывали объяснимую обеспокоенность советского руководства, как центрального, так и местного. 14 апреля 1918 г. Малый совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны заслушал доклад А.В. Шварца о положении Петрограда в связи с развитием гражданской войны в Финляндии. Признав «положение Петрограда угрожаемым», совет передал в распоряжение Шварца все имевшиеся на северном участке и в Петроградском районе части, постановил в экстренном порядке сформировать еще 4 корпуса. На границу с Финляндией, в том числе и на Карельском перешейке, перебрасывались новые части, вдоль границы планировалось строительство укрепленных позиций. Общее руководство защитой северного участка и Петроградского района оставалось за Шварцем, его комиссарами назначались М.М. Лашевич и

¹⁴⁵ FRUS. Russia. 1918. Washington, 1931. Vol. 2. P. 797.

¹⁴⁶ Подробнее см.: *Коронен М.М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 127—129, 132—134.

И.Т. Смилга.¹⁴⁷ Вопрос об обороне Петрограда и губернии «в связи с операциями на финском фронте» рассмотрел на своем заседании 24 апреля исполком Петрогубсовета. Он постановил «мобилизовать все наличные силы как Советов, так и всего трудового населения губернии». Для освещения политических событий и формирования отрядов в уезды направились шесть членов исполкома. С целью координации действий исполком решил установить тесную связь со штабом Петроградского военного округа.¹⁴⁸ Эти меры носили исключительно предупредительный, оборонительный характер, что подтверждали упомянутые уже приказ от 13 апреля и радиogramма «К гражданской войне в Финляндии». Вместе с тем важно было не допустить образования нового фронта, избежать войны. Напряженность на границе и в отношениях между двумя государствами не ослабевала. В апреле—мае возник конфликт из-за форта Ино, в орбиту которого оказались втянуты не только Финляндия и Советская Россия, но и Германия. Этот форт на северном берегу Финского залива — напротив Красной Горки — вместе с ней имел важнейшее стратегическое значение. По договору 1 марта 1918 г. он перешел в собственность РСФСР. Форт занимала небольшая команда русских солдат.

12 апреля, когда шли бои за Гельсингфорс, немецкий десант высадился в Койвисто. До Ино оставалось менее 50 км. В этот же день Кронштадт запросил Шварца: «Как быть с фортом Ино?». Было ясно, что финны не признают договор 1 марта и захотят вернуть форт назад. Малочисленность гарнизона и слабые укрепления Ино со стороны суши сводили шансы на его оборону почти к нулю. Исходя из того, что форт являлся собственностью советского государства, Шварц приказал занять его силами 4—5 рот, но при этом особо подчеркнул: «...никаких военных действий не начинать и помнить, что отряд предназначается лишь для охраны форта и его имущества».¹⁴⁹ Эта установка на нейтралитет вытекала из общего курса на мирное разрешение могущих возникнуть споров. А вопросы появились почти сразу же. 24 апреля финны подошли к форту и прислали парламентариев с предложением освободить Ино. Комиссар находящегося на форту отряда и комендант крепости отказались самостоятельно принять такое решение. Пока выясняли, кто уполномочен вести переговоры, в Петрограде в различных кругах активно обсуждались дальнейшие действия. Военно-морские власти 24 апреля постановили усилить оборону форта отрядом моряков и двумя кораблями. Подкреплению предписывалось «не вмешиваться в борьбу красных и белых, стоя толь-

¹⁴⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 128, л. 61. — Постановление Малого совета излагается по проекту, подготовленному Военным советом Северного участка, на основании записи одного из членов штаба Военного совета, сделанной во время заседания Совета комиссаров (л. 60). В делах Совета комиссаров данный протокол отсутствует.

¹⁴⁸ Там же, ф. 1000, оп. 2, д. 271, л. 52—52 об.

¹⁴⁹ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Л., 1968. С. 139.

ко на страже интересов форта».¹⁵⁰ Как защищать эти интересы, документ не разъяснял. На следующий день Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны на чрезвычайном заседании заслушал сообщение С.И. Гусева о положении под Петроградом и о форте Ино. В постановлении отмечалось: «Подтвердить необходимость во что бы то ни стало удержать форт Ино, обратив особое внимание комиссаров на военную незащищенность форта с суши».¹⁵¹ В соответствии с этим решением совет приказал всем районным советам и штабам Красной армии «собрать все силы и двинуть в Кронштадт, Ино и Белоостров».¹⁵² Защита границы была настоящим и необходимым делом. Правда, стремление «во что бы то ни стало удержать форт» могло привести к вооруженному столкновению с финнами. Более сдержанную позицию по этому вопросу заняли военные. Вечером 25 апреля комендант Кронштадтской крепости К.М. Артамонов совместно с комиссаром форта В.А. Церешко, начальником оперативного отдела штаба крепости Б.А. Арканниковым и М.М. Лашевичем выработал основные принципы поведения гарнизона Ино. Бойцам предписывалось «не покидать расположения форта; не допускать внутрь никого, кроме парламентаров»; «в случае проникновения на территорию форта финских красногвардейцев немедленно их разоружать»; оказывать вооруженное сопротивление попыткам финнов проникнуть в Ино, но в то же время проявлять выдержку и не открывать огня по белогвардейцам, если «они не пытаются проникнуть внутрь крепостной ограды».¹⁵³

На форт было направлено несколько отрядов общей численностью в 1175 человек. Их прибытие существенно усилило ряды защитников Ино, состоявших к тому времени из 250 бойцов Кронштадтского артиллерийского дивизиона и небольшого отряда сестрорецких рабочих.¹⁵⁴

Требование финнов о передаче им Ино было незамедлительно передано в Москву. Ответ, вероятно, поступил тотчас же. Во всяком случае, Г.Е. Зиновьев, выступая 26 апреля на 1 съезде Советов Союза коммун Северной области (СКСО), сообщил делегатам о своей поездке с М.М. Лашевичем на форт и о решении создать нейтральную зону в районе форта на ближайшее время, пока идут переговоры РСФСР и Германии.¹⁵⁵ Скорее всего, это предложение последовало из Москвы или было согласовано с ней, а не принято петроградскими властями.

Попытки Советского правительства войти в непосредственный контакт с финляндским правительством по всем спорным вопросам, касающимся отношений между этими странами, не давали результата. Приходилось действовать через Германию. Речь шла не просто о посредничестве Германии, ее политика в большинстве случаев опре-

¹⁵⁰ Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.; Л., 1932. С. 114.

¹⁵¹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 41.

¹⁵² Фрайман А.Л. В.И. Ленин и оборона Петрограда в 1918 г. // В.И. Ленин в Октябре и в первые годы советской власти. Л., 1970. С. 227.

¹⁵³ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 145—146.

¹⁵⁴ Фрайман А.Л. В.И. Ленин и оборона Петрограда в 1918 г. С. 228.

¹⁵⁵ Петроградская правда. 1918. 27 апреля.

деляла политику и самой Финляндии. 26 апреля Г.В. Чичерин направил радиотелеграмму в Берлин. «Каковы те новые требования, — говорилось в ней, — во имя которых германское правительство направляет украинские, финские и немецкие войска против Советской республики?»¹⁵⁶

Положение вокруг форта продолжало оставаться напряженным. 26 апреля начальник морских сил Балтийского моря А.М. Щастный сообщил начальнику бригады линейных кораблей С.В. Зарубаеву: «Получил приказание: гарнизону Ино взорвать укрепления».¹⁵⁷ Однако через два дня он же поставил перед Зарубаевым иную задачу. Подтвердив директиву о необходимости обороны форта, Щастный приказал вывезти в Кронштадт из Ино все ценное имущество и запасы, а сам форт готовить к взрыву.¹⁵⁸ Предыдущий приказ о немедленном взрыве, по-видимому, был вызван неясностью обстановки. Выполняя приказ Щастного, моряки с 29 апреля по 2 мая вывезли с форта 3930 пуд. 12-дюймовых зарядов, 2500 пуд. кабеля, 600 пуд. принадлежностей к орудиям, 1500 пуд. запасных частей двигателей и компрессорных станций — всего почти 14 тыс. пуд. ценного имущества.¹⁵⁹

6 мая граф Мирбах передал ответ на запрос Советского правительства от 26 апреля. Германия, в частности, предлагала возратить Финляндию форт Ино. Поздно вечером в этот же день Ленин созвал экстренное заседание ЦК партии большевиков. Одним из вопросов, обсуждавшихся на нем, был вопрос о дальнейшей судьбе Ино. На следующий день последовал ответ Советского правительства. Соглашаясь на германское требование, оно выдвигало своим условием нейтрализацию форта. В то же время Москва предлагала и иные варианты: например, обменять Ино и прилегающие к Петрограду территории на район мурманского побережья. В Германии эту идею поддержали дипломаты, часть политиков и даже некоторые военные, прежде предпочитавшие разговаривать с Россией с позиции силы. Рейхсканцлер Гертинг телеграфировал Гинденбургу: «Наша политика должна состоять в том, чтобы достичь соглашения между русскими и финнами и склонить последних к тому, чтобы Ино оставить у России». Этой же точки зрения придерживался и Людендорф.¹⁶⁰ Изменение позиции военных объяснялось выраженной в то время Россией готовностью идти на новые переговоры между РСФСР и Германией, а значит, и на новые уступки. Стоило ли пускаться в ход оружие, если можно было получить выгоду, прибегнув к перу дипломата.

Новая идея требовала согласований, переговоры — времени, тем более что финны продолжали настаивать на своем. Пока выяснялись позиции заинтересованных сторон, русские корабли курсировали между Кронштадтом и Ино, шла подготовка к взрыву. Присутствие советских кораблей у форта вызвало новую ноту протеста со стороны

¹⁵⁶ ДВП. Т. 1. С. 265.

¹⁵⁷ Балтийский флот в Октябрьской революции... С. 115.

¹⁵⁸ Там же. С. 147.

¹⁵⁹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадская крепость. Л., 1988. С. 386.

¹⁶⁰ Baumgart W. Op. cit. S. 100—101.

Германии. Русский гарнизон был также обвинен в обстреле финляндских войск 11 мая.¹⁶¹ По имевшимся у Советского правительства сведениям, в этот день обстрела не было. Хотя следует отметить, что напряженная обстановка неоднократно приводила к возникновению стихийных перестрелок с обеих сторон. Один из бойцов гарнизона Н.А. Шеффер писал впоследствии: «...чуть ночью кто появится у форта¹⁶² или услышим выстрелы, сейчас же с форта начнем обстрел территории вокруг форта, а наутро уже идут к нам парламентареры... с протестом».¹⁶³ Об этом же вспоминали и другие бойцы, а также свидетельствовал К.М. Артамонов в своем рапорте военному отделу Кронштадтского Совета 15 мая 1918 г.¹⁶⁴

Желая избежать дальнейшего обострения отношений с Германией, Советское правительство отвело корабли от форта. Сообщая об этом распоряжении в штаб обороны Петрограда, военный руководитель Высшего Военного Совета Республики М.Д. Бонч-Бруевич далее указывал: «При невозможности удерживаться благодаря фактическому напору со стороны противника форт должен быть взорван со всей артиллерией».¹⁶⁵ Копия этой телеграммы была послана для сведения В.И. Ленину. Этот приказ подтверждал ранее высказывавшиеся мнения о дальнейшей судьбе форта. Новым в нем являлось то, что время взрыва следовало определить местным военным властям, ибо им было виднее, когда «фактический напор» со стороны белофиннов сделает дальнейшую оборону Ино бессмысленной. Такое время, по мнению К.М. Артамонова, наступило уже на следующий день после получения в Петрограде телеграммы Бонч-Бруевича.

Утром 14 мая началась эвакуация гарнизона. К вечеру здесь остались лишь сторожевые посты (около 30 человек). Вскоре и они стали собираться на яхте «Зарница». Отходя, бойцы подожгли деревянные постройки, нарушив тем самым приказ Кронштадта о незаметном оставлении форта. Это, по их убеждению, должно было затруднить доступ финнов в крепость сразу же после отхода из нее советских бойцов.¹⁶⁶ В 21 ч 40 мин «Зарница», забрав на борт бойцов охраны, командный состав и минеров, отошла от пристани. В течение 50 мин форт оставался без охраны. В 22 ч 30 мин минеры форта «Красная Горка», куда был протянут кабель с Ино, включили ток.

«Я находился в этот момент в 10—11 верстах от форта и ясно видел ряд одновременных взрывов по всей линии форта, — докладывал К.М. Артамонов, — через несколько секунд последовал громадный взрыв в расположении погребов 6- и 11-дюймовых орудий и затем в продолжение часа — около 40 больших и малых взрывов».¹⁶⁷

¹⁶¹ Петроградская правда. 1918. 17 мая.

¹⁶² В тексте: «к форту».

¹⁶³ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 1954, л. 2.

¹⁶⁴ Там же, д. 1962, л. 6; д. 2116, л. 3; Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 159.

¹⁶⁵ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 156.

¹⁶⁶ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 1962, л. 6 об.

¹⁶⁷ Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. С. 160.

С действиями Артамонова не все были согласны, поэтому Кронштадтский Совет образовал следственную комиссию, которой предстояло оценить правильность и своевременность действия коменданта Кронштадтской крепости. Решение К.М. Артамонова поддержали военный отдел Кронштадтского Совета и А.М. Щастный. Высший Военный Совет, также рассмотревший этот вопрос в мае 1918 г., подтвердил, что Артамонов поступил правильно.¹⁶⁸

Уступка Ино Финляндии несколько разрядила обстановку, хотя положение и продолжало оставаться неустойчивым. Так, 13 мая Бонч-Бруевич в директиве Шварцу указывал на необходимость обратить особое внимание на районы Выборга, Биорке, Кексгольма, Сердобола, ибо имелись основания предполагать развитие крупной операции финнов из этих районов совместно с действиями со стороны Нарвы.¹⁶⁹ Однако были и другие мнения. «Известия ВЦИК» в начале июня 1918 г. опубликовали «заявление компетентного лица, знакомого с положением вещей в Финляндии (по поводу появившихся в печати слухов о возможной агрессии финляндского правительства к Советской России)». Автор заявления, пожелавший остаться неизвестным, отрицал возможность такого нападения. Он объяснял свою уверенность тем, что Финляндия зависима от Германии, которая против территориального расширения Финляндии за счет России, ибо Россия в настоящий момент не является опасным соседом Германии, а сильная Финляндия немцам тоже не нужна. Катастрофическое положение финляндской экономики и отсутствие в стране широкой поддержки великодержавной политики тоже свидетельствовали о маловероятности агрессии. Наконец, нападению Финляндии на Россию мешала и боязнь финляндской буржуазии вызвать тем самым новую революцию в своей стране.¹⁷⁰

Различные оценки сложившейся ситуации свидетельствовали прежде всего о существовании в Финляндии неоднородных мнений по вопросу о взаимоотношениях с Советской Россией.

Положение русских в Финляндии оставалось тревожным. Еще во время гражданской войны, в апреле 1918 г., финляндский сенат решил выслать из страны всех русских. Это постановление породило множество проблем, ведь многие русские обладали собственностью в Финляндии или были ее постоянными жителями уже много лет. Все же в течение мая—июня это решение сената было частично выполнено, хотя количество беженцев из большевистской России не уменьшалось и к началу 1919 г. выросло до 10 тыс. человек.¹⁷¹ Немалое количество русских военнопленных ожидало своей участи в финляндских тюрьмах. Среди них было много солдат, взятых в плен еще до начала гражданской войны в Финляндии и не принимавших в ней участия.

¹⁶⁸ Петроградская правда. 1918. 21 мая.

¹⁶⁹ Гражданская война: Боевые действия... Т. 2, ч. 1. С. 62.

¹⁷⁰ Известия ВЦИК. 1918. 7 июня.

¹⁷¹ Engman M. Op. cit. P. 66.

Вследствие затрудненных контактов между правительствами РСФСР и Финляндии приходилось изыскивать различные способы в целях защиты прав разных групп русских граждан. Так, 24 апреля 1918 г. Малый совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны постановил обратиться к испанскому посольству «с просьбой взять на себя защиту интересов и имущества мирных русских граждан, оставшихся в г. Выборге».¹⁷² Трудно сказать, были ли какие-то действия или даже ответ со стороны посольства, ибо пока больше никаких материалов по этому вопросу не обнаружено.

После перебазирования Балтийского флота из Гельсингфорса в Петроград страну покинули и члены комиссии, возглавляемой И.Т. Смилгой. По его поручению защиту русских интересов приняло на себя представительство во главе с К. Кованько — бывшим комендантом Свеаборгской крепости. В его состав вошли 10 человек, среди них — советники А.И. Симон и Д.П. Владимиров, секретари К.Я. Брузит и С.А. Черняченко. Представительство занималось выплатой зарплаты и пенсий, выдачей продовольственных пайков и защитой российской государственной и частной собственности. Ему удалось переправить в Россию под видом курьеров Е. Ярославского и Маслова, оказавшихся в это время в Финляндии. Но деятельность представительства была чрезвычайно затруднена. Дипломатический корпус отказался выдать Кованько дипломатическую доверенность.¹⁷³ Финляндский сенат также не признавал его в качестве официального лица. Кованько направил в Россию телеграммы с просьбой подтвердить его полномочия. Вскоре такие подтверждения, дающие ему право вести переговоры с финляндским правительством, были получены от командования Балтийского флота, из Москвы и из Петрограда. Последняя телеграмма, посланная Зиновьевым, пришла в Гельсингфорс уже тогда, когда Кованько был арестован финляндскими властями, и, «должно быть, имела самый простой адрес в дипломатической истории, „Гельсингфорс, тюрьма. Кованько“».¹⁷⁴

Арест Кованько вызвал протест со стороны Советского правительства, но еще большая буря возмущения поднялась среди московских и петроградских властей, когда они получили сообщение о задержании на Аландских островах Л.Б. Каменева. В феврале 1918 г. Каменев в качестве особоуполномоченного СНК отправился в Лондон и Париж, чтобы рассказать правительствам и народам союзных стран о ходе переговоров в Брест-Литовске и ознакомить рабочих Англии и Франции с истинным положением дел в Советской России.¹⁷⁵ Франция отказалась впустить большевистского эмиссара, в Англии его выступления вызвали неудовольствие властей, и Каменеву было предложено незамедлительно покинуть страну. Он выехал в Стокгольм, откуда, не задерживаясь, под нажимом шведских властей на канонерке отправил-

¹⁷² ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 144, оп. 1, д. 1, л. 34—35.

¹⁷³ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 956, л. 5—9.

¹⁷⁴ *Engman M.* Op. cit. P. 67.

¹⁷⁵ Красная газета. 1918. 29 января, 4 августа.

ся на Аландские острова, чтобы через Финляндию вернуться в Россию. В Финляндии уже шла гражданская война. Но Каменев не допускал каких-либо осложнений, всего месяц назад этим же маршрутом он добирался до Лондона. Однако, когда 20 марта 1918 г. он прибыл в Мариенхамн на Аландах, вновь назначенный военным губернатором островов бывший офицер русского флота Я. фон Бонсдорф неожиданно задержал Каменева и двух российских курьеров И. Савицкого и С. Вольфа. В тот же день губернатор «послал телеграмму Маннергейму, в которой спрашивал: разрешить ли им ехать дальше? Ответ Маннергейма пришел два дня спустя: Каменева, Савицкого и Вольфа безусловно следует арестовать и держать под строжайшей охраной».¹⁷⁶ Выполняя приказ генерала, Бонсдорф препроводил задержанных в уздную тюрьму «Белый медведь».

Об аресте Каменева сразу же стало известно немцам, а через них и Москве. Россия обратилась к Германии с просьбой содействовать его освобождению. В оставшиеся дни марта Берлин усиленно пытался убедить финнов, чтобы те разрешили Каменеву и курьерам продолжить прерванное возвращение домой, ибо Германия, только что заключив Брестский мир, не желала создавать себе новую конфликтную ситуацию в отношениях с Россией. Свое недовольство арестом Каменева выразила финнам и Дания.

Однако Маннергейм был непреклонен. 29 марта он заявил, что Каменев не будет освобожден, пока Россия не выведет оставшиеся войска из Финляндии и не перестанет посылать своих солдат на помощь красным финнам.¹⁷⁷

Стремясь быстрее разрешить «дело Каменева», НКВД действовал не только через Германию. Официальное представление по этому поводу было сделано всем послам союзных и нейтральных держав. А 27 марта на первой странице петроградской «Красной газеты» появилось сообщение «Всем, всем, всем!», подписанное председателем Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны Г.Е. Зиновьевым и комиссаром по иностранным делам коммуны А.А. Иоффе. В нем, в частности, говорилось: «Мы решительно требуем немедленного освобождения Л.Б. Каменева и заявляем, что если финляндские белогвардейцы не освободят немедленно Л.Б. Каменева... они должны будут считаться со всеми последствиями, вытекающими из произведенного ими акта насилия».¹⁷⁸

Россия протестовала, немцы после бесплодного давления на Финляндию заявили Москве, что снимают с себя всякую ответственность за арест Каменева, ибо не имеют к нему никакого отношения.¹⁷⁹ Каменев по-прежнему оставался узником «Белого медведя», а Финляндия

¹⁷⁶ *Hakala P. Häktandet av Kamenev på Åland. 1918 // Historiabland ö ar och skär. 1986. S. 85. —* Перевод этой статьи выполнен А.И. Рупасовым.

¹⁷⁷ *Ibid. S. 91. —* Вероятно, именно поэтому 1 апреля 1918 г. Ленин направил Зиновьеву телеграмму, в которой потребовал вынесения Советом комиссаров Петроградской трудовой коммуны формального постановления об отзыве русских красновардейских отрядов, «хотя и в незначительном количестве, но вновь проникших в Финляндию вопреки воле советских властей» (ДСВ. Т. 2. С. 579).

¹⁷⁸ Красная газета. 1918. 27 марта.

¹⁷⁹ Там же. 2 апреля.

выдвигала новые требования. В петроградских газетах появилось сообщение о том, что финляндское правительство ставит условием освобождения Каменева проведение мирных переговоров между Финляндией и РСФСР.¹⁸⁰ Пикантность ситуации заключалась в том, что Россия не считала себя в состоянии войны с Финляндией, поэтому речь могла идти не о мирных переговорах. В это же время свое заявление сделал и Маннергейм. Он предложил Советскому правительству обменять Каменева на лидеров красных финнов Маннера, Токоя и Сирулу. Этот вариант, как справедливо замечает М. Энгман, был неприемлем для Москвы, ибо руководителей красной Финляндии при возвращении в свою страну ожидал смертный приговор.¹⁸¹

Наступила середина мая, а Каменев, назначенный еще в начале апреля постановлением СНК полномочным представителем РСФСР в Вене,¹⁸² по-прежнему находился далеко от своего нового места службы. «Дело Каменева» как часть вопроса о положении в Финляндии рассматривалось на заседании ЦК партии большевиков 19 мая 1918 г. В докладе Смилги по этому вопросу отмечались массовые расстрелы финских красногвардейцев и русских граждан в Финляндии после окончания там гражданской войны. В ответ на жестокости финских белогвардейцев Смилга предложил расстрелять захваченных в плен или арестованных в Петрограде сторонников финляндской буржуазии. Члены ЦК, высказавшись против массовых расстрелов, не стали возражать против расстрела нескольких человек. Далее в протоколе заседания записано: «Необходимо из Питера сделать официальное сообщение, что на расстрелы наших будем отвечать репрессиями против белогвардейцев. По отношению к т. Каменеву принять самые энергичные меры по его освобождению, держа заложниками видных белогвардейцев, сообщив об этом в Финляндию».¹⁸³ «Последствия ареста», о которых говорили в своем заявлении Зиновьев и Иоффе, начали проявлять себя. Эта мера оказалась эффективной. «Когда они (большевики. — А. Ч.) арестовали 20 финнов в Петрограде, Хельсинки стало прислушиваться, — пишет М. Энгман, — когда они взяли 100, соглашение было достигнуто».¹⁸⁴

Действительно, финны отреагировали достаточно быстро. 30 мая Совет комиссаров СКСО утвердил на своем заседании ответ Зиновьева Свинхувуду. В нем выражалось согласие «немедленно освободить всех задержанных финнов в Петрограде, сторонников правительства Свин-

¹⁸⁰ Там же. 3 мая.

¹⁸¹ Engman M. Op. cit. P. 67.

¹⁸² Красная газета. 1918. 7 апреля. — В конце мая Австрия согласилась признать Каменева послом России в своей стране и пообещала запросить правительство Свинхувуда о причинах ареста Каменева (там же. 31 мая).

¹⁸³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 147. — Подобный метод дипломатии, который некоторые зарубежные исследователи трактуют как «государственный терроризм» (в частности, этому посвящена упоминавшаяся нами статья проф. М. Энгмана), не раз применялся в 1918—1920 гг. во взаимоотношениях Советской России с другими государствами с обеих сторон.

¹⁸⁴ Engman M. Op. cit. P. 68.

хувуда, при условии признания принципа взаимности, т.е. обязательного и немедленного освобождения т. Каменева и всех остальных задержанных в Финляндии русских граждан».¹⁸⁵ А через неделю, 6 июня, министр иностранных дел Финляндии О. Стенрот известил германского посла в Гельсингфорсе фон Брюка о согласии своей страны освободить Каменева, если Советское правительство гарантирует безопасность финских граждан в России и позволит выехать тем из них, которые этого пожелают.¹⁸⁶

Переговоры по обмену заложниками, проходившие при посредничестве германского правительства, растянулись почти на два месяца. К 20-м числам июля все вопросы были улажены. Об этом Чичерин, который вел переговоры с российской стороны, сообщил Зиновьеву. Одновременно он предложил ему повторно просить норвежского посланника в Петрограде взять на себя защиту интересов русских граждан в Финляндии до заключения советско-финляндского договора.¹⁸⁷ Вскоре последовало подписание договора между Россией и Финляндией. В тексте договора говорилось о немедленном освобождении всех арестованных по политическим причинам русских граждан в Финляндии и финских в России. В первую очередь в Советскую Россию возвращались Каменев, Савицкий, Вольф и Кованько.¹⁸⁸ 1 августа 1918 г. председатель петроградской ЧК М.С. Урицкий направил распоряжение всем советским органам СКСО. В нем указывалось: «Согласно договору между Россией [и] Финляндией [об] обмен[e] арестованных русских [и] финляндских граждан, освободите всех финнов, [задержанных по] обвинению [в] шпионаже, организации белой гвардии, других политических преступлениях».¹⁸⁹ На следующий день радиостанция посылного судна «Кречет» приняла радиограмму из Гельсингфорса, адресованную Чичерину и Зиновьеву. В ней сообщалось об освобождении Каменева и Кованько и о решении финляндского правительства выпустить остальных арестованных русских граждан. Обмен арестованными предполагалось провести в Куоккало под наблюдением норвежского консула в Выборге.¹⁹⁰

Сразу же после освобождения Каменев прибыл на съезд Советов Северной области, проходивший в Петрограде. Аплодисментами и букетом красных роз делегаты встретили узника финляндских тюрем.¹⁹¹

¹⁸⁵ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 31, л. 192 об.—193; д. 130, л. 35.

¹⁸⁶ *Hakala P.* Op. cit. S. 93.

¹⁸⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 64, л. 7.

¹⁸⁸ ДВП. Т. 1. С. 413—414. — Судя по тексту, помещенному в этом издании, соглашение было подписано 29 июля в Москве Чичериным и исполняющим обязанности главы гражданской дипломатической миссии в России К. фон Рицлером. П. Хакала, приводя идентичный текст, указывает, что соглашение заключили 23 июля в Петрограде с российской стороны Чичерин и с финляндской — Тавастшерна (*Hakala P.* Op. cit. S. 95, 96—97). Появление первого документа связано, видимо, с той посреднической ролью, которую Германия играла в данных переговорах.

¹⁸⁹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 64, л. 12.

¹⁹⁰ Там же, л. 13—14.

¹⁹¹ Красная газета. 1918. 4 августа. — В выступлении на этом съезде Каменев упомянул, что финны переводили его «из одной тюрьмы в другую».

Процесс обмена арестованными и возвращения пленных был одной из немногих точек соприкосновения между правительствами Финляндии и Советской России весной—летом 1918 г. 1 июня, по сообщению петроградских газет, в Белоостров прибыл из Гельсингфорса поезд с 5 тыс. русских солдат. Через две недели в петроградский порт вошли транспорты «Ильза» и «Эрос», доставившие свыше 500 пассажиров из Финляндии. Среди них были солдаты, захваченные в плен еще в январе 1918 г., до начала гражданской войны в Финляндии. Наконец, 20 июля транспорт «Ильза» доставил из Гельсингфорса еще около 80 русских военнопленных, часть из которых несколько месяцев находилась в Свеаборгской тюрьме.¹⁹²

За полгода своего существования независимая Финляндия и большевистская Россия, естественно, не могли решить все вопросы, возникшие между ними после распада Российской империи, тем более они находились между собой в странном состоянии, которое можно охарактеризовать формулой «ни войны, ни мира». Проблемы территорий, государственного и частного имущества, защиты интересов и жизни своих подданных, проживающих в соседней стране, требовали своего разрешения. Не все эти вопросы можно было решить с позиции силы. Это касалось, в частности, даже территориальных споров: В самой Финляндии помимо сторонников присоединения российской Восточной Карелии военными средствами были люди, искавшие другие пути и другие методы достижения согласия. Так, председатель сената Ю.К. Пасикиви предлагал уступить России часть Карельского перешейка за компенсацию в другом месте.¹⁹³ Германия, оказывающая все еще сильное влияние на политику Финляндии и не желаящая терять его, в то же время не стремилась к обострению из-за финнов отношений с Советской Россией. Отсюда немецкой дипломатии приходилось часто вести двойную игру. Поэтому рассчитывать на Германию как на сильного и верного союзника финнам не приходилось. Перед Россией стояли те же проблемы, что и перед Финляндией. В территориальном вопросе Москва желала обмена части мурманского побережья на земли на Карельском перешейке, чтобы отдалить государственную границу от Петрограда.

Для реализации возникшей идеи о проведении переговоров между Россией и Финляндией обе стороны обратились за помощью и посредничеством к Германии. При этом финны попутно подчеркнули, что они все-таки желают получить Восточную Карелию и Кольский полуостров, а большевики предложили обменять район Печенги на Ино и Райволу.¹⁹⁴

Переговоры начались в Берлине 3 августа 1918 г.¹⁹⁵ На первом же заседании глава финляндской делегации К. Энкель потребовал от

¹⁹² Петроградская правда. 1918. 2, 15 июня, 23 июля.

¹⁹³ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975. С. 47.

¹⁹⁴ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия... С. 37; ДВП. Т. 1. С. 318.

¹⁹⁵ Подробно о переговорах см.: *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия... С. 47—52.

РСФСР передачи территории размером почти с Финляндию без каких-либо компенсаций со своей стороны. Возглавлявший советскую делегацию В.В. Воровский отверг эти притязания и предложил передать России земли Карельского перешейка до линии Выборг—Кексгольм, а также острова в Финском заливе в обмен на часть земель на севере России и, возможно, в Восточной Карелии. Второе принципиальное разногласие касалось оценки отношений между РСФСР и Финляндией в настоящий момент. Финляндия считала, что находится с Советской Россией в состоянии войны, последняя отрицала это. Спор носил отнюдь не отвлеченный характер. Признание состояния войны позволяло финнам все российское государственное имущество, находящееся в Финляндии, считать своей военной добычей. Отставание каждой стороной своей позиции существенно тормозило ход переговоров. Воровский сообщал Чичерину 10 августа: «Русская делегация заявила, что если финны не изменят своей позиции о том, что между Россией и Финляндией была война, то нет смысла продолжать переговоры, так как соглашения по существенным вопросам представляются невозможными».¹⁹⁶ Не удавалось прийти к единой точке зрения и относительно возврата государственного, в том числе военного, имущества. Немцы вопреки ожиданиям финнов не поддерживали требований последних к Советской России. Наоборот, они пытались сделать возможным продолжение переговоров. 17 августа Чичерин получил от Воровского очередную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Немцы стараются всеми мерами найти почву для соглашения, предложили пока не рвать (переговоры. — А. Ч.)». По их инициативе 15 августа состоялась неофициальная встреча Воровского с Энкелем, длившаяся два с половиной часа и не давшая никаких результатов.¹⁹⁷ Попытки переговоров окончились неудачей, 27 августа они прекратились, никакого соглашения не последовало.

Оценка отношений между РСФСР и Финляндией, анализ военного и политического положения на Северо-Западе летом 1918 г. были бы неполными без рассмотрения взаимоотношений Советской России с Германией в этот период применительно к данному району.

В германской внешней политике по отношению к большевистской России по-прежнему сталкивались два направления, объединенные недовольством условиями Брестского мира и страхом перед распространением коммунизма, но различавшиеся методами достижения своих целей: либо ликвидация режима большевиков военными средствами, либо постепенное и постоянное получение все новых и новых уступок от Кремля. Эти противоречия проявились вновь при разработке немцами плана изгнания антантовских войск с Кольского полуострова.

Весной 1918 г. в Мурманске высадились части держав Согласия. Возможность их быстрого продвижения на юг обеспокоила немцев. 6 мая 1918 г. германский посланник в Москве граф Мирбах вручил ноту, в которой потребовал удаления войск Антанты с Мурманского полуострова или разоружения их. В противном случае Германия грозила принять меры.¹⁹⁸ Дав-

¹⁹⁶ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 86.

¹⁹⁷ Там же, л. 157.

¹⁹⁸ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия... С. 32.

ление на Россию преследовало не только цель вовлечь ее в войну с бывшими союзниками и тем самым помочь Германии. Представители «военной партии» видели, например, в этом ультиматуме своего рода юридическое оправдание для будущей войны с РСФСР. Кайзер 21 мая писал своему сыну, что если большевики откажутся вести военные действия против союзных войск на Мурмане, это обеспечит Германии *casus belli* — повод вести новую войну против России.¹⁹⁹

Кремль поначалу не предпринимал активных шагов по удалению союзников с Кольского полуострова, надеясь на нормализацию отношений с Лондоном и Парижем и, следовательно, на выход из международной изоляции. Однако со временем оживление деятельности Антанты на Севере и в других регионах России стало вызывать беспокойство в Москве. Ощущая все нарастающее давление с обеих сторон — Германии и Антанты, Ленин в начале мая решил уступить притязаниям Германии. 6 мая, сразу же после получения ноты Мирбаха, ЦК партии большевиков по предложению Ленина принял решение: «Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно большими потерями и бедствиями, чем против Японии)».²⁰⁰

Тем не менее одно из основных требований Германии — о вытеснении антантовских войск с Мурмана — большевики не выполняли. Подавление вспыхнувшего в конце мая мятежа чехословацкого корпуса отнимало все силы. В начале июня Германия предложила России провести совместную операцию русских и финских частей против антантовских войск на Севере.²⁰¹ Любопытно, что одновременно эту же мысль высказал и полпред РСФСР в Германии А.А. Иоффе. Советское правительство отклонило немецкое предложение. Чичерин, когда Мирбах обратился к нему за комментариями, справедливо заметил, что такая операция невозможна из-за натянутых отношений между Финляндией и Советской Россией. В начале июля немцы повторили свое июньское предложение, но вновь встретили отказ.²⁰²

Несмотря на сопротивление России, военные круги Германии по-прежнему не оставляли надежды склонить Москву к боевым действиям на Севере. На совещании в бельгийском городке Спа 2—3 июля германское имперское руководство и верховное командование решили «побудить правительство России к тому, чтобы оно предложило нам сотрудничать с ним против англичан в Восточной Карелии и на мурманском побережье. Если это не удастся, то следует склонить финнов выступить против англичан».²⁰³ Упорство, с которым германские военные стремились на Кольский полуостров, объяснялось не только опасностью возникновения нового фронта против Германии на бескрайних просторах России. Опасность эта сильно преувеличивалась. Маршрут на Мурман, по мнению военных, обязательно пролегал через Петро-

¹⁹⁹ Herwig H. Op. cit. P. 346.

²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 315.

²⁰¹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 566.

²⁰² Herwig H. Op. cit. P. 347.

²⁰³ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 575—576.

град. В рамках общей задачи первым (и, скорее всего, последним) этапом становилось овладение Петроградом.

Уже в мае—июне 1918 г. немецкие части, находящиеся в Финляндии, получили приказ о проведении разведки на петроградском направлении. А 1 июля генерал Людендорф запросил адмирала Хольцендорфа о том, какую помощь мог бы оказать германский флот при оккупации Петрограда. Свой запрос генерал объяснил желанием использовать город в качестве базы для наступления немцев на Мурман.²⁰⁴ В тот же день в Петрограде перед партийными соратниками выступил Зиновьев с докладом «О положении на Мурмане». «Имеется огромная опасность со стороны немцев, — говорил он. — Если мы окажем слабость, не будем оказывать сопротивления англичанам, у немцев восторжествует „военная партия“ и они двинутся на Питер».²⁰⁵

Но Людендорф кривил душой, а Зиновьев ошибался, когда они оба слишком жестко увязывали проблемы Петрограда и Мурман. Это были разные вопросы. И ответ Хольцендорфа, и последующие события стали подтверждением этому.

Адмирал отреагировал быстро. 6 июля он прислал генералу проект операции под кодовым названием «Шлюссптайн» («замковый камень», «окончание»). По этому плану эскадра из четырех линкоров и четырех крейсеров, сопровождаемая торпедными катерами, должна была двинуться из Ливавы к Кронштадту. Перед десантниками с этих кораблей ставилась задача — ночью при поддержке корабельной артиллерии овладеть о-вом Котлин. Одновременно начиналось движение армейских частей на Петроград, на завершающем этапе оно должно было поддерживаться огнем боевых кораблей. Для уточнения плана и проведения подготовительных мероприятий Хольцендорф просил четыре недели.²⁰⁶ О Мурмане в проекте не было сказано ни слова.

Но в начале августа развитие событий пошло по пути, неожиданному для всех участников. Утром 1 августа Москва получила сообщение о движении английских кораблей к Архангельску. Хотя возможность оккупации последнего учитывалась большевиками, все же известие было более чем неприятным. «В Кремле поднялась суматоха, — вспоминал впоследствии белогвардейский секретный агент А.А. Борман, занимавший видный пост в одном из наркоматов. — Заработали телеграфные аппараты, особенно усиленно с Берлином».²⁰⁷ В этой ситуации Ленин прибеж к тактике лавирования. «После долгого совещания с Владимиром Ильичом я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексея на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря», — писал позже Чичерин.²⁰⁸

²⁰⁴ Herwig H. Op. cit. P. 347.

²⁰⁵ ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 289, л. 8.

²⁰⁶ Herwig H. Op. cit. P. 348.

²⁰⁷ Борман А.А. Москва—1918 : (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 138.

²⁰⁸ Чичерин Г.В. Ленин и внешняя политика // Мировая политика в 1924 г. М., 1925. С. 5.

Это делает, кстати, ясным смысл записки Ленина Иоффе в Берлин 3 августа: «...мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять у ж е в з я т о е Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американско-японское удушение России». ²⁰⁹ Данный документ обильно цитировался, но не комментировался советскими историками. А понять его суть можно, лишь зная о предложениях, сделанных советской стороной Германии.

Правда, предложения включали ряд оговорок. Немецкий историк В. Баумгарт называет три условия: 1) не открытый военный союз, а молчаливое допущение германского вмешательства и фактически параллельная акция; 2) неиспользование немцами Петрограда и Кронштадта в качестве базы или опорного пункта; 3) определение политического статуса Карелии и Кольского полуострова по окончании операции. ²¹⁰ Его материал подтверждается текстом записки Чичерина, переданной вечером 3 августа Иоффе в Берлин: «Военное соглашение между нами и Германией невозможно, это мы всегда заявляли... В нынешней конъюнктуре имеется временное и случайное совпадение интересов в определенной области и до известного предела между нами и Германией, но не больше. Возможны поэтому только параллельные действия их и наши, независимо друг от друга. Поэтому может идти речь отнюдь не о военном соглашении, а только о пассивном отношении с нашей стороны к некоторым их действиям до известного предела. Движение их через Петроград находилось бы за таким пределом». ²¹¹

Стремление не считать эту акцию интервенцией или помощью, обособить свои действия от германских вызывалось желанием Кремля подчеркнуть самостоятельность российской внешней политики. Тем более что в стране и за ее пределами уже в то время мнение о полной зависимости России от Германии было широко распространено. Что же касается Петрограда, то добровольный впуск немцев в город означал бы политическую, а впоследствии и фактическую смерть большевизма. Это понимали и немцы.

Предложение Москвы позволило немецким военным формально привязать «Шлюссштайн» к «мурманскому вопросу». Представители армии и флота на совещании в Ковно 11—12 августа поставили задачу «оккупации Петрограда и наступления против Антанты вдоль Мурманской железной дороги». Однако непосредственно Мурман мало интересовал военных. 21 августа военное командование определило цель «Шлюссштайна» так же, как в июле: «...обеспечить восстановление в России прежних порядков, если необходимо, то посредством реставрации монархии и поддержкой этого (антибольшевистского. — А. Ч.) движения германской армией». ²¹²

План операции претерпел небольшие изменения. На Петроград должны были наступать 5 дивизий, еще одна выделялась в качестве

²⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 134.

²¹⁰ Baumgart W. Op. cit. S. 108.

²¹¹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 44.

²¹² Herwig H. Op. cit. P. 352, 354.

резерва. Флоту предстояло обеспечить безопасность на Балтике, помешать возможному выходу русского флота из Кронштадта и в случае отсутствия сопротивления занять гавань. Подготовка операции завершалась к 24 августа. Увеличение численности войск, идущих на Петроград, тщательная проработка первого этапа акции и лишь провозглашение второго — все это подтверждало, что цель операции, поставленная 21 августа, была ближе к действительности, чем идеи ковенского совещания.

На начавшихся в июне 1918 г. в Берлине переговорах по заключению Добавочного договора Петроград стал камнем преткновения при обсуждении «мурманского вопроса». Немецкие дипломаты поначалу поддержали идею об использовании города в качестве исходного пункта на пути к Мурману, но натолкнулись на сопротивление русской стороны.

Неясность результатов переговоров, оживление деятельности «военной партии», слухи о предполагаемом наступлении немцев на Петроград, неожиданный переезд германского посольства из Москвы в Псков вызвали нервное возбуждение в Кремле. Дабы обезопасить город с моря, 10 и 14 августа по приказу из Москвы в Финском заливе были выставлены дополнительные минные заграждения. Германия, а вслед за ней и Финляндия заявили протест. В ответной ноте Чичерин попытался представить эту операцию как проверку старых минных полей. Ленин в свою очередь дал указание задержать постановку мин 14 августа, но его распоряжение пришло поздно. Хотя эта акция нарушала Брест-Литовский договор, она была необходима, ибо несколько охладила воинственный пыл немецких генералов.

Во второй декаде августа вопрос о Петрограде так и не удалось сдвинуть с мертвой точки. Большевики уже соглашались на ввод немецких частей в Петрозаводск, оставляя Петроград по-прежнему «за пределом». Новый статс-секретарь по иностранным делам фон Хинце уверял Иоффе, что «Германия не имеет никаких агрессивных в отношении России целей».²¹³ А тем временем отряд крейсеров и торпедных катеров под командованием вице-адмирала Ф. Бедикера перешел из Киля в Либаву и 20 августа направился в Койвисто. Германские моряки получили приказ начать траление минных заграждений в русских территориальных водах.

Напряжение достигло предела. Но 27 августа в Берлине был подписан Добавочный договор, закрепивший значительные экономические, финансовые и территориальные уступки со стороны России. В нем также содержались положение о параллельных действиях русских, германских и финских войск и гарантия, что во время операции русская территория, включая Петроград, не подвергнется нападению со стороны Финляндии.²¹⁴ О последней условии финны узнали лишь после подписания договора. В одной из секретных нот, принятых в тот же

²¹³ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 85.

²¹⁴ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 607.

день, указывалось, что если русское наступление не достигнет цели, то в действие вступают германские и, возможно, финские войска. При этом, подчеркивалось в документе, «русская территория между Финским заливом и Ладожским озером, а также к югу и юго-востоку от этого озера не будет затронута немецкими и финскими войсками без специального согласия русского правительства».²¹⁵ Тем самым Германия отказывалась от оккупации Петрограда. Вице-адмиралу Бедикеру было приказано вернуться в Северное море. Проведение операции «Шлюссштайн» находилось, казалось, под большим сомнением.

Поединок между германскими военными и дипломатами закончился в пользу последних. Незадолго до подписания договора МИД Германии перестало настаивать на условии оккупации Петрограда. Преимущества договора были налицо. Кроме того, существенной причиной отмены операции стало ухудшение положения Германии на Западном фронте.

Договоренности, закрепленные тайной нотой, не представляли серьезной угрозы для антантовских войск на Севере. Большевики не имели достаточных сил для удаления их оттуда. Внимание немцев все больше отвлекали события на Западном фронте. Правда, с 20-х чисел августа специальные военные комиссии России и Германии вели в Берлине переговоры по «мурманскому вопросу». После долгих споров участники заседаний договорились изучить состояние дорог между Ладожским озером и Петрозаводском.²¹⁶ Русскую часть группы военных, проводивших в сентябре рекогносцировку, возглавлял М.М. Харитонов. В архиве сохранилось выданное ему удостоверение, в котором указано, что экспедиция обследует район Петрозаводск—Сердоболь—Олонец.²¹⁷ Разведка показала, что дороги находятся в безотрадном состоянии. Пожалуй, этим и закончилось выполнение условий Добавочного договора и секретного приложения к нему по «мурманскому вопросу».

Военные круги Германии с трудом отказывались от мысли об оккупации Петрограда, несмотря на достигнутые в Берлине договоренности. В конце августа представители флота подтвердили командованию Балтийской дивизии, что при нападении войск на Петроград, корабли поддержат наступающих. А в начале сентября Людендорф заявил, что операция должна находиться в такой степени готовности, чтобы смогла начаться сразу после получения приказа. В одиннадцатидневную боевую готовность был возвращен флот. Реанимацию «Шлюссштайна» ряд западных историков связывает с получением известия о ранении Ленина и с намерением использовать это обстоятельство для свержения большевиков.

Однако положение на Западном фронте стремительно ухудшалось, и 27 сентября 1918 г. верховное армейское командование объявило, что операция «Шлюссштайн» «в обозримом будущем не состоится. Подготовка может быть прекращена».²¹⁸

²¹⁵ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия... С. 44.

²¹⁶ *Baumgart W.* Op. cit. S. 114, 116.

²¹⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 142, оп. 8, д. 56, л. 9.

²¹⁸ *Baumgart W.* Op. cit. S. 116.

В чем был смысл этой, так и не состоявшейся операции? На наш взгляд, «Шлюсштайн» задумывался в июле как операция по захвату Петрограда. Не изменилась ее цель и после августовских предложений Москвы. Обладание символом коммунистической революции имело прежде всего политическое, а не военное значение. Оно явилось бы первым и весьма эффективным шагом на пути к свержению правления большевиков в России. «Мурманский вопрос» лишь удачно прикрыл истинные цели операции.

Летом и осенью 1918 г. остро стоял вопрос о проведении демаркационной линии на Балтике. Он был тесно увязан с вопросом о минных заграждениях. Согласно Брест-Литовскому договору, траление русских минных полей в Балтийском море осуществляла Россия. Однако при поддержке Германии Финляндия захватила стоящие в Гельсингфорсе средства для траления, принадлежавшие созданной Россией специальной организации. Протест России не возымел действия.²¹⁹ Более того, без ведома РСФСР Германия и Финляндия заключили в июне 1918 г. договор, по которому Россия освобождалась от участия в очистке от мин балтийской акватории. На нее возлагалась лишь обязанность выдать все планы русских минных заграждений и нести расходы по очищению моря от мин Германией и Финляндией.²²⁰ Требование Москвы о возвращении средств для траления игнорировалось. Созыв в Берлине специальной комиссии для решения этих вопросов был отсрочен Германией на неопределенное время. Правда, в июне немцы предложили собраться в Ревеле для выяснения положения с минными заграждениями на Балтике. Советское правительство согласилось прислать свою делегацию.²²¹ Но потребовалось немало времени, чтобы начать переговоры. А в августе 1918 г. положение на Балтике обострилось. Постановка Россией дополнительных минных заграждений вызвала, как уже указывалось, протест со стороны Германии и Финляндии. На советско-финляндских переговорах К. Энкель заявил, что мины установлены в финляндских территориальных водах и на них подорвалось одно финляндское судно.²²² Минное заграждение (согласно объявленным НКВД РСФСР координатам) было установлено к западу от Кронштадта²²³ и должно было обезопасить Кронштадт и Петроград с моря. Территориальная принадлежность этих вод оставалась спорной. Поэтому Советская Россия не раз настойчиво выдвигала предложение о проведении демаркационной линии в Балтийском море. Но эти попытки не поддерживались ни Германией, ни Финляндией. В 20-х числах августа Германия заявила, что германские и финские корабли уже приступили к вылавливанию мин, причем планируется проведение таких работ и во внутренней части Финского залива. Обеспокоенный этим решением, Чичерин от имени правительства направил 26 августа

²¹⁹ ДВП. Т. 1. С. 323—324.

²²⁰ Там же. С. 373—375.

²²¹ Там же. С. 375.

²²² ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 126.

²²³ Там же, л. 94.

телеграмму Иоффе. В ней, в частности, говорилось: «Это крайне серьезно, ибо если они полезут к Кронштадту, то будет столкновение. Немедленно постарайтесь предотвратить это».²²⁴ По сообщениям дозорных судов и береговых постов, работы велись энергично и под прикрытием крейсеров.²²⁵ Через два дня Чичерин вновь потребовал от Иоффе поднять вопрос об установлении демаркационной линии. Одновременно была направлена нота германскому правительству.²²⁶ Эти действия увенчались успехом. 29 августа Иоффе сообщил Чичерину, что «германское правительство согласилось прекратить траление мин у наших берегов».²²⁷ На следующий день в записке Ленину и Чичерину Иоффе писал: «...сегодня германским адмиралтейством отдан приказ прекратить траление мин и вопрос этот передать на рассмотрение Либавской комиссии, которая должна будет приступить к работам».²²⁸ Вскоре стало известно, что заседания комиссии переносятся в Ревель и открываются 12 сентября. С германской стороны председателем комиссии был назначен контр-адмирал фон Узлар, членами — капитан Фельдман и профессор Поль, от Финляндии — барон Индрениус. Русскую часть комиссии из 7 человек возглавили А.П. Зеленой и Б.И. Дольво-Добровольский.²²⁹ С самого начала работы комиссия столкнулась с трудностями. Позиция германского правительства состояла в том, чтобы разделить вопросы установления демаркационной линии и очистки моря от мин. «По мнению компетентных германских органов, — говорилось, например, в германской ноте от 31 августа 1918 г., — установление демаркационной линии в Балтийском море является излишним, поскольку, согласно статье V Брестского мирного договора, русские военные суда должны быть или переведены в русские порты или оставлены в них. Поэтому встреча русских военных судов с германскими военными судами вне портов представляется исключенной. Однако... русское правительство обязано оказывать содействие немедленному удалению мин».²³⁰ Москва, наоборот, считала невозможным рассматривать вопрос о производстве тральных работ без установления демаркационной линии. Такая позиция объясняется прежде всего интересами безопасности, тем более что немцы требовали выдачи планов русских минных заграждений. Кроме того, отсутствие демаркационной линии наряду с отсутствием договора между РСФСР и Финляндией осложняло взаимоотношения между этими странами и могло привести к вооруженному конфликту. Эта аргументация неоднократно повторялась в нотах Советского правительства, в телеграммах Чичерина Иоффе.²³¹ Однако на первом же заседании комиссии, начавшей свою работу 25 сентября 1918 г. в Либаве (вместо Ревеля),

²²⁴ ДВП. Т. 1. С. 437; ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 184.

²²⁵ Гражданская война: Боевые действия... Т. 2, ч. 1. С. 93.

²²⁶ ДВП. Т. 1. С. 454—456.

²²⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 234.

²²⁸ Там же, л. 238.

²²⁹ Там же, л. 296, 317.

²³⁰ ДВП. Т. 1. С. 485.

²³¹ Там же. С. 480—485, 507—508, 520—521; ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 401, 415, 494 и др.

фон Узлар заявил, что «делом комиссии является только создание безопасных фарватеров». Немцы предложили даже не рассматривать вопрос об очистке всего водного пространства. Что же касается установления демаркационной линии, то и Узлар, и Индрениус отказались это обсуждать, сославшись на отсутствие у них соответствующих полномочий.²³² Этой линии немцы и финны придерживались во время первого этапа переговоров, до 12 октября, когда был сделан перерыв до 21 октября для консультаций со своими правительствами. 15 октября Иоффе сообщил Чичерину, что ему «обещано разрешить в нашу пользу вопрос... о демаркационной линии на Балтийском море».²³³ Переговоры так и не закончились вследствие высылки советского представителя из Германии.²³⁴ Демаркационная линия не была установлена. А это в свою очередь вело к дальнейшим конфликтам. Так, 19 ноября заградитель «Нарова» под прикрытием эсминца «Легкий» приступил к постановке минного заграждения. Корабли были обстреляны батареей с финляндской территории. Комендант пограничного района Финляндии К.Н. Рантакари в письме к коменданту ст. Белоостров выразил протест по поводу того, что русские корабли находились в финляндских территориальных водах.²³⁵ С советской же стороны обстрел кораблей был расценен как провокация, и на следующий день артиллерия Красной Горки разрушила позиции финляндской батареи.²³⁶ Подобные инциденты возникали не только на море, но и на суше, в пограничных районах. Отношения между Советской Россией и Финляндией к концу 1918 г. продолжали оставаться напряженными.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕВЕРНОГО КОРПУСА. ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРОВ АНТИСОВЕТСКИХ СИЛ

Начавшийся в России процесс перехода власти к большевикам вызвал ответную реакцию со стороны их противников. Повсей стране, в том числе и на Северо-Западе, начали возникать различные антибольшевистские организации — от открыто монархических до буржуазно-либеральных. Их внутренняя база была слаба, поэтому они сразу стали искать поддержку извне — со стороны Германии или стран Антанты.

Наибольшую активность в Петрограде поначалу развили организации прогерманской направленности, рассматривавшие Германию в качестве реальной силы для свержения большевизма. Их деятельность облегчалась тем, что германские войска находились в непосредственной близости от города и с ними было легче установить контакты.

Особенно опасным для советской власти мог быть альянс, складывавшийся в непосредственной близости от Петрограда на оккупирован-

²³² ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 559.

²³³ Там же, л. 667.

²³⁴ См.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. С. 62.

²³⁵ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 44, л. 55.

²³⁶ Там же; см. также: *Гражданская война: Боевые действия...* Т. 2, ч. 1. С. 107.

ной немецкими войсками территории Псковской губернии. Однако дальше линии Псков—Нарва наступления не последовало. Тем не менее связи германского военного командования и контрреволюции в течение лета 1918 г. не прерывались.²³⁷ В июле 1918 г. в Петрограде появился представитель германского командования с предложением создать русскую антибольшевистскую армию на оккупированной немцами территории.²³⁸ Русские монархисты согласились на переговоры, в результате которых были намечены принципы ее формирования. Она должна была создаваться по соглашению с германским правительством и под прикрытием германских оккупационных войск. Кроме того, Германия обязывалась оказывать финансовую поддержку, помощь продовольствием и вооружением. Русским в свою очередь предоставлялась возможность захватить Петроград, свергнуть большевистское правительство и восстановить в России порядок. На роль командующего прочили генералов Н.Н. Юденича, В.И. Гурко или графа Ф.А. Келлера. С целью придания готовящейся акции видимости демократизма перед началом формирования армии предполагалось созвать русский монархический съезд для образования Временного правительства России. В последнем пункте соглашения говорилось, что «германские войска участия в подавлении большевизма не принимают, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти».²³⁹

Вопрос о создании русских национальных вооруженных сил поднимался перед германским командованием находившимися в Пскове русскими офицерами и общественными деятелями еще в мае 1918 г., но тогда он не встретил поддержки.²⁴⁰ В июле—августе ситуация изменилась. В это время между Советской Россией и Германией шли переговоры о заключении Добавочного договора к Брестскому миру, согласно которому Псков и прилегающие к нему территории переходили под советскую юрисдикцию. Чтобы не допустить развития ситуации в таком направлении, германское командование решило создать полностью зависимые от себя антибольшевистские формирования.

Прибывший в Псков представитель русских монархических организаций Петрограда ротмистр П. фон Розенберг встретился с местными общественными деятелями Г.М. Дерюгиным, Н.Н. Лавриновским, А.П. Горским и Б.Б. Линде. В ходе обмена мнениями им удалось достичь договоренности об объединении усилий по созданию формирований.²⁴¹ Результатом двухмесячной работы стало прибытие 9 октября 1918 г. в Псков военной миссии с инструкциями, одобрявшими создание русской добровольческой германской армии.²⁴² Переговоры

²³⁷ *Смолин А.В.* Крушение «северо-западной» контрреволюции 1918—1920 гг.: Начало. Л., 1990. С. 9—13; Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Петрозаводск, 1944. С. 20, 27.

²³⁸ *Авалов П.М.* В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 60—61.

²³⁹ Там же. С. 61.

²⁴⁰ *Видякин Б.* Краткая записка о возникновении Северного корпуса и дальнейшей его боевой деятельности. Б.М., б.г. С. 3.

²⁴¹ *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 15, 16.

²⁴² Там же. С. 17—19.

русских и немецких представителей в октябре 1918 г. привели к окончательной выработке условий создания Северной армии.²⁴³ Если сравнить предварительные условия и окончательный вариант, то видно, что изменения были невелики.²⁴⁴ Район формирования приближался к демаркационной линии: вместо Двинск—Вильна или Валка—Вольмар—Венден предлагались Псков—Остров—Изборск—Режица—Двинск. Германское командование отказывалось также от требования созыва монархического съезда. Начальным днем формирования называлось 10 октября, а полной боевой готовности армия должна была достичь через два с половиной месяца. На наш взгляд, еще один пункт имел существенное значение: «...по сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским».²⁴⁵ Это противоречило заключенным между РСФСР и Германией договоренностям. Согласно Добавочному договору от 27 августа и решениям Виленской комиссии от 15 сентября, германское военное командование передавало оккупированную ими территорию непосредственно представителям советской власти в обмен на денежные платежи, вносимые правительством РСФСР.²⁴⁶ Это подчеркивал и Чичерин в телеграмме Иоффе от 8 октября 1918 г. «Мы принципиально на основании договора связываем выплату наших взносов с исполнением германцами обязательства очищения, — писал он. — Очевидно, что если одно отпадает, то отпадет и другое».²⁴⁷ 24 октября он указал Иоффе на необходимость «добиться в Берлине того, чтобы Псков был передан непосредственно нашим властям».²⁴⁸ В этот же день Иоффе направил германскому МИД ноту протеста, в которой потребовал принять меры к тому, «чтобы оккупационная власть строго придерживалась условий упомянутого соглашения и чтобы подлежащие очищению области непосредственно переходили к Советской республике».²⁴⁹

О содействии Германии формированию белогвардейских сил на Северо-Западе и об отношении к этому населения оккупированных районов уже говорилось в гл. III. Здесь же следует подробнее остановиться на роли внутренней контрреволюции в создании Северной армии, на численности и составе формируемых воинских частей. Пункты по вербовке добровольцев открылись в Пскове, Двинске, Острове, Режице, Валке, Риге, Митаве, Литаве, Юрьеве и Ревеле. В Пскове распространялись листовки с предложением вступать в новую армию. 12 октября приехавший из Ревеля уже упоминавшийся генерал-майор А.Е. Вандам вступил в командование созданным Псковским добровольческим корпусом, который должен был составить основу будущей армии, и приступил к своим обязанностям.²⁵⁰ К концу октября численность кор-

²⁴³ *Авалов П.М.* Указ. соч. С. 70, 71.

²⁴⁴ *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград. Л., 1929.

²⁴⁵ *Авалов П.М.* Указ. соч. С. 71.

²⁴⁶ ДВП. Т. 1. С. 437—453, 478—482.

²⁴⁷ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 143, оп. 1, д. 140, л. 606.

²⁴⁸ ДВП. Т. 1. С. 728, примеч. 67.

²⁴⁹ Там же. С. 540.

²⁵⁰ *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 24—26.

пуса приближалась к 2 тыс. человек. В него входили 1-я стрелковая дивизия (начальник генерал П.Н. Симанский) из 3 полков по 500 человек каждый (Псковский полк — командир полковник Лебедев, Островский — командир полковник К.К. Дзержинский и Режицкий — командир полковник Г.Г. фон Неф), а также отряды из Пскова (200 человек под командованием капитана Мякоша), Острова (150 человек под командованием полковника А.В. Бибикова) и Режицы (150 человек под командованием полковника Афанасьева). К ним примыкали 2 легкие полевые батареи из 8 орудий.²⁵¹

В конце октября—начале ноября 1918 г. ряды Северного корпуса пополнились, как отмечалось в гл. III, за счет перехода на сторону белых одного эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка под командованием бывшего подьесаула Б.А. Пермикина (400 человек, 2 орудия и 8 пулеметов), трех пароходов (190 человек) Чудской озерной флотилии под командованием ее начальника капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова и конного полка С.Н. Булак-Балаховича.²⁵² Относительно численности Северного корпуса в литературе имеются различные данные. По сообщению П. Авалова, общая численность корпуса достигла 3,5 тыс. человек.²⁵³ Н.А. Корнатовский же считал, что сопоставление различных белогвардейских источников дает цифру лишь в 2 тыс. человек с незначительными отклонениями в ту или иную сторону.²⁵⁴ Д.Н. Надежный определял эту цифру в 4,5 тыс., из них 1,5 тыс. составляли офицеры.²⁵⁵ Все эти данные основывались на показаниях мемуаристов. Изучение документов показало, что на 20 ноября 1918 г. в корпусе насчитывалась 3276 человек, из них 787 офицеров и военных чиновников.²⁵⁶

Уже во второй половине октября белогвардейцы перешли к активным действиям против Советской республики, совершив ряд набегов на ее территорию. Наиболее крупным из них было уже отмечавшееся нападение на Талабские острова, около которых проходила демаркационная линия между русскими и германскими войсками. По этому поводу и в связи с поддержкой Германией формирования корпуса Советское правительство заявило Германии протест.²⁵⁷ Воодушевленные успехом добровольцы уже строили проекты дальнейших действий. Чи-черин в телеграмме Иоффе сообщал, что «белогвардейцы в Пскове

²⁵¹ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 36.

²⁵² Смолин А.В. Указ. соч. С. 27—29.

²⁵³ Авалов П.М. Указ. соч. С. 76. — А.П. Родзянко считал, что к концу ноября в корпусе было более 3700 человек (*Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 132—135).

²⁵⁴ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 50, примеч. 1.

²⁵⁵ Надежный Д.Н. На подступах к Петрограду летом 1919 г. М.; Л., 1928. С. 15. — В последнее время исследователи склонны принять цифру в 3 тыс. человек. См.: Зимица В.Д. Об изучении советскими историками прогерманских контрреволюционных военных формирований в период гражданской войны и интервенции // Советская историческая наука: Проблемы изучения и преподавания. Калинин, 1986. С. 97.

²⁵⁶ Смолин А.В. Указ. соч. С. 33—37.

²⁵⁷ ДВП. Т. 1. С. 542—543.

разрабатывают план нападения на Торошино. У них найдены документы, относящиеся к изучению дорог на Петроград и Новгород».²⁵⁸

В результате борьбы за власть в корпусе со своего поста был вынужден уйти генерал Вандам, его место занял полковник Г.Г. фон Неф.²⁵⁹ Он тотчас же объявил весь район на осадном положении. Эта мера объяснялась тем, что некоторые немецкие части, не желавшие воевать, стали покидать свои позиции. Ноябрьская революция и поражение Германии в первой мировой войне изменили судьбу корпуса. Приходилось в первую очередь думать о его дальнейшем существовании, искать новых покровителей, хотя и от помощи Германии командование корпуса пока отказываться не хотело. Это был своеобразный период, когда белогвардейцы одновременно выказывали и германофильские, и антантофильские настроения.²⁶⁰ Командование корпуса направило в Ревель и Либаву делегацию во главе с полковником фон Валем и подполковником бароном Розеном для установления контактов с представителями Антанты.²⁶¹ В то же время белогвардейцы заключили с германским военным командованием соглашение о совместной защите района Пскова.²⁶² Германия, несмотря на протесты со стороны РСФСР, не хотела выполнять соответствующие пункты Добавочного договора от 27 августа о передаче оккупированной территории советской власти. Достаточно ясно цели Германии выражены в одной из белогвардейских прокламаций, процитированной Иоффе в ноте МИД Германии 4 ноября 1918 г. В этом воззвании говорилось: «В нашем распоряжении большие денежные средства, артиллерия, оружие, боевые припасы и снаряжение. Германское правительство и весь цивилизованный мир дают нам все необходимые средства для борьбы. Германские оккупационные войска не очистят оккупированные области раньше, чем там образуется боеспособная армия».²⁶³

Начавшееся в ноябре 1918 г. наступление советских войск, как отмечалось, завершилось взятием Пскова и Нарвы. Разрозненные отряды Северного корпуса собрались в Валке. Находившийся в Риге штаб 8-й германской армии сообщил представителю Северного корпуса Розенбергу, что германское командование отказывается от официальной помощи добровольцам, но неофициальные контакты оно обещало поддерживать и дальше. С этого времени командование корпуса начинает искать союз с Антантой. Выразителем этого направления был полковник Неф. По его инициативе 6 декабря было подписано соглашение с эстонским правительством.²⁶⁴

Восемь пунктов соглашения определяли цель и отношение корпуса к Эстонии. «Основой взаимоотношений Северной армии с эстонским

²⁵⁸ Там же. С. 541.

²⁵⁹ Смолин А.В. Указ. соч. С. 31—33.

²⁶⁰ Там же. С. 31, 38.

²⁶¹ Корнатовский Н.А. Указ. соч. С. 59.

²⁶² Авалов П.М. Указ. соч. С. 86.

²⁶³ ДВП. Т. 1. С. 555.

²⁶⁴ Архив гражданской войны. Берлин, 1923. Т. 1. С. 145. — В заголовке соглашения речь шла о корпусе, тогда как в тексте он именовался Северной армией.

правительством, — гласил пункт первый, — являются общие действия, направленные к борьбе с большевизмом и анархией, причем главным направлением действий армии является Псковская область». Северная армия гарантировала невмешательство во внутренние дела Эстонии, последняя предоставляла ей в долг обмундирование и снаряжение, вооружение и продовольствие. Многие исследователи отмечают, опираясь на третий пункт соглашения, что фактически армия становилась частью эстонской армии. Это справедливо, но следует учесть, что эстонскому главнокомандованию белогвардейцы подчинялись лишь в пределах Эстонии. За ее же границы Северная армия выступала как самостоятельная боевая единица. На это, кстати, обратили внимание эстонцы в конце 1919 г., решая дальнейшую судьбу разбитой армии Юденича. Несмотря на общность целей, торжественно провозглашенных в начале соглашения, эстонское правительство сдержанно относилось к появлению на своей территории этого формирования. В частности, в договоре было зафиксировано, что эстонцы не могут вступать в Северную армию, а численность последней до прибытия союзников не должна была превышать 3,5 тыс. человек. Эти ограничения были связаны с нерешенностью главного политического вопроса: признания независимости Эстонии со стороны белой России. Именно это значительно осложнило в 1919 г. взаимоотношения сторон и воспрепятствовало более тесному единению под знаменами борьбы с большевизмом. Поэтому становится понятным направление действия Северного корпуса — район Пскова. Северо-западные уезды Петроградской губернии, где проживало не только русское, но и финноязычное население, эстонцы рассматривали как районы собственных притязаний. Подтверждение этому — возникновение «ингерманландского вопроса» летом 1919 г.

Соглашение с Эстонией значительно ограничивало самостоятельность белогвардейцев. Но попытка развернуть формирование в Латвии закончилось неудачей.²⁶⁵ Все же часть отрядов, настроенных прогермански, осталась там и позднее вошла в состав армии Бермондта (Авалова).

Главнокомандующий эстонской армией генерал И. Лайдонер назначил командующим Северным корпусом полковника К.К. Дзержинского, который оставался в этой должности до конца мая 1919 г. В конце 1918—начале 1919 г. белые участвовали в боевых действиях против Красной Армии как вместе с эстонцами, так и самостоятельно, совершая набеги на советскую территорию.

Большие надежды в борьбе с советской властью в России различные антибольшевистские организации связывали с Финляндией. В 1918—1920 гг. в стране, по различным данным, насчитывалось около 20 тыс. эмигрантов, из них 2—2,5 тыс. офицеров.²⁶⁶ Их главной целью было свержение советской власти в России.

²⁶⁵ Подробнее см.: *Корнатовский Н.А.* Указ. соч. С. 81—85.

²⁶⁶ См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 г.). М., 1982. С. 227; ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 56, л. 1 об.; ф. 5805, оп. 1, д. 536-а, л. 12; Краткий очерк деятельности Комитета по организации городского управления Петрограда в Финляндии в период времени с 7 мая по 20 октября 1919 г. Гельсингфорс, 1919. С. 6.

Активизацию русских антибольшевистских сил в Финляндии следует отнести к осени 1918 г. В это время здесь появился бежавший из Советской России один из бывших премьер-министров А.Ф. Трепов. В результате его переговоров с властями и был образован Особый комитет по делам русских в Финляндии. Положение о нем и его состав были утверждены финляндским правительством. В комитет вошло 30 человек, приглашенных лично Треповым.²⁶⁷ В его задачу входили не только и не столько помощь нуждающимся и защита русских интересов в Финляндии, сколько пропаганда в европейском общественном мнении необходимости оказания поддержки России и Финляндии в борьбе с большевизмом. Формально политические цели в деятельности комитета исключались, в действительности же положение о нем было составлено так, что давало широкие возможности для иного толкования. По сообщению бывшего российского поверенного в делах в Швеции К.Н. Гулькевича, планы Трепова сводились к тому, чтобы с помощью К.Г. Маннергейма и финской армии взять Петроград, созвать Сенат, объявить отречение царя недействительным и восстановить монархию. По этим же сведениям, в Финляндии Трепов образовал беспартийное правительство, в которое, в частности, вошли Е. Таубе — министр иностранных дел — и Л.Ф. Давыдов — министр финансов. Финляндское правительство ассигновало Трепову сумму в 10 млн марок, из которых 500 тыс. было выдано на руки. Взамен он обещал финнам Восточную Карелию и Кольский полуостров.²⁶⁸

Вместе с тем финляндское правительство и пресса зорко следили за деятельностью вчерашних душителей независимости страны. В печати часто появлялись статьи, в которых выражалось недоверие к комитету и его председателю как представителям царской администрации.²⁶⁹

Поражение Германии в мировой войне подтолкнуло членов комитета к поиску нового союзника. В начале декабря 1918 г. Трепов посетил Стокгольм, чтобы просить поддержки у представителей Антанты, но те, зная о его связях с немцами и планах по восстановлению монархии, отказали.²⁷⁰ 13 декабря он встретился с Гулькевичем. Беседа прошла в нервной обстановке. Гулькевич обрушился на бывшего министра с упреками за приезд и агитацию, за обращение к Финляндии с просьбой о помощи. Со своей стороны Трепов всячески отрицал политический характер поездки, а обращение к Финляндии оправдывал необходимостью иметь базу на ее территории. Встреча выявила полное расхождение во взглядах на методы борьбы.²⁷¹ Ничего не добившись, Трепов с пустыми руками возвратился к Гельсингфорс.

²⁶⁷ Краткий очерк деятельности Комитета... С. 7.

²⁶⁸ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, д. 3539, л. 2 об. — По другим данным, финляндское правительство обещало выдать 12 млн финских марок, но выдало 200 тыс. марок. См.: ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 230, л. 10.

²⁶⁹ Краткий очерк деятельности Комитета... С. 9.

²⁷⁰ ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 230, л. 10; Федотов Б.Ф. На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 144.

²⁷¹ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524, д. 3539, л. 8 об., 9 об.; Смолин А.В. Указ. соч. С. 49—51.

В декабре 1918 г. в Гельсингфорсе появились представители Национального центра кадеты П.Б. Струве, Г.И. Новицкий, а в январе 1919 г. — бывший министр Временного правительства А.В. Карташев. Оценив обстановку, они пришли к выводу о том, что при поддержке союзников отсюда можно готовиться к захвату Петрограда. «Ради этого стоило сидеть и работать. Ибо никакой другой фронт столь быстрого и центрального удара не открывал», — писал А.В. Карташев В.Н. Пепелеву.²⁷²

Не сидели в Финляндии сложа руки и оказавшиеся там русские офицеры. Их деятельность оживилась с прибытием из Петрограда генерала Н.Н. Юденича. С декабря 1917 г., находясь на нелегальном положении, он делал все, чтобы при помощи переворота опрокинуть большевиков в Петрограде. К ноябрю 1918 г., убедившись к невозможности поднять восстание в бывшей столице, Юденич решил перебраться в Финляндию и попытаться оттуда организовать борьбу с советской властью. В двадцатых числах ноября 1918 г. в сопровождении поручика Н.А. Покотило и полковника Даниловского он перешел границу.²⁷³ Чтобы достигнуть поставленной цели, следовало заручиться поддержкой Антанты, но на этом пути имелось одно немаловажное препятствие: еще несколько месяцев назад его кандидатура на пост командующего Северной армии рассматривалась германцами.²⁷⁴ В Финляндию он приехал с готовым планом ведения войны против Советской России. В начале декабря 1918 г. Юденич отправился в Швецию, где встретился с английскими и французскими дипломатами и изложил им свой проект. Через несколько дней меморандум о необходимости борьбы с большевизмом был представлен послу США в Стокгольме Моррису. Смысл его предложений заключался в следующем: борьба против большевиков, наступление на Петроград и Москву с территорий Финляндии и Прибалтики. Антанта должна была обеспечить русскую армию военным и техническим снаряжением и продовольствием. Юденич также просил направить 50 тыс. солдат Антанты для занятия побережий Финляндии и Балтийских провинций. Сам он обещал сформировать армию в 50 тыс. человек, расходы на которую в размере 50 млн р. ежемесячно, исключая стоимость оружия, обмундирования и транспорта, возлагались бы на союзников.²⁷⁵ Однако правительства стран Антанты не намеревались посылать свои войска в Россию, ибо к началу 1919 г. стала очевидной безрезультатность вооруженной интервенции только силами союзных держав. Отныне ставка делалась на силу внутренней контрреволюции. Юденич это понял, и его телеграмма к маршалу Ф. Фошу, датированная 17 января 1919 г., имела некоторые отличия от предшествующих обращений. Повторив вновь в краткой форме свой план борьбы с большевиками, далее он писал: «В данное время я отка-

²⁷² Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 143.

²⁷³ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 370, л. 82; *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 51—52.

²⁷⁴ *Федотов Б.Ф.* На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 126.

²⁷⁵ FRUS. Russia. 1918. Vol. 2. P. 857—859.

зался от мысли просить поддержки союзных войск, но прошу удовлетворить потребность в снабжении всякого рода, недостаток которого не позволяет мне начать формирование военных сил». ²⁷⁶

Между тем были предприняты предварительные меры для формирования вооруженных сил контрреволюции в Финляндии. 10 января 1919 г. в Гельсингфорсе состоялось собрание русских офицеров, на котором была избрана комиссия, выработавшая основы формирования будущей армии. Они сводились к следующим четырем пунктам: 1) офицеры и армия должны быть «вне политики»; 2) военные формирования невозможны ни при какой коллегиальной форме и должны проводиться волей единого начальника; 3) в силу тяжелого материального положения офицерам разрешалось поступать на службу в иностранные войска; 4) служба в Финляндии считалась службой русскому государству. ²⁷⁷

12 января комиссию, в которую входили контр-адмирал В.К. Пилкин, граф А. Буксгевден, подполковники Виттенберг, Пакидов, Кальнин, полковник К.А. Крузенштерн, принял генерал Юденич. В состоявшейся беседе последний дал свое согласие на высшее руководство русскими воинскими формированиями. Указывалось на то, что части должны быть чисто русскими. Юденич, исходя из сложившейся ситуации, считал, что придется формировать исключительно офицерские части с тем, чтобы они служили ядром будущей армии. ²⁷⁸

К началу января 1919 г. в Финляндии было 5.5 тыс. военнообязанных, однако после объявленной регистрации пришло не более 2 тыс. человек. Правительство Финляндии позволило Юденичу начать формирование в окрестностях Экенеса. Разрешалось одновременное содержание в лагере не более 250 человек и без оружия, сформированные отряды направлялись в Эстонию. Главным препятствием, встретившимся на пути Юденича в этот период, стала необеспеченность будущей армии продовольствием и снаряжением. Деньги добывались путем сбора добровольных пожертвований. ²⁷⁹

Политическим объединением наличных русских сил в Финляндии под своей эгидой занялись Струве и Карташев. 14 января в Выборге состоялось совещание представителей русских торгово-промышленных деятелей в Финляндии, на котором присутствовало 200 человек. На нем был образован Русский комитет (известный под названием «Особый комитет») во главе с А.В. Карташевым. Особая роль в комитете принадлежала Юденичу. Он отвечал за военное управление, ему же «по обстоятельствам момента была вверена гражданская власть». ²⁸⁰ По сути дела это выдвигало генерала на первое место и должно было способствовать поднятию его авторитета как среди русских антибольшевистских организаций, так и в глазах Антанты. В письме в Омск

²⁷⁶ Красный архив. 1929. Т. 6(37). С. 74.

²⁷⁷ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 308, л. 38.

²⁷⁸ Там же, л. 39. 40.

²⁷⁹ Там же, д. 288, л. 34 об. — Однако из-за саботажа финских властей никаких отрядов сформировать не удалось.

²⁸⁰ Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 83.

Карташев отмечал: «Струве и я создали Юденичу репутацию приемлемого для Парижа и Лондона „генерала“». ²⁸¹ В письме Колчаку и Пепеляеву П.Б. Струве пояснял, что его политическая линия сводится «в общем к самоутверждению здешней военной организации, возглавляемой Юденичем, и к созданию обстановки, логическим выводом из которой будет быстрое освобождение... Петрограда и всей Северной области». ²⁸² 21 января 1919 г. Юденич сообщил Колчаку и о своих планах, и о признании верховного правления Колчака, и о подчиненных Юденичу силах. Относительно последнего Юденич писал, что в его распоряжении есть Северный корпус в количестве 3 тыс. человек и 3 тыс. «находящихся в Финляндии и Скандинавии». Сверх того Юденич рассчитывал набрать еще до 30 тыс. офицеров и солдат из бывших русских военнопленных. ²⁸³ Утверждение Юденича о том, что он располагает силами Северного корпуса, было не вполне правильно. К этому времени Северный корпус ему еще не подчинился.

Не дожидаясь ответа от Колчака, 31 января 1919 г. Юденич пишет письмо командующему вооруженными силами Юга России генералу А.И. Деникину. Поводом к нему послужили сведения, согласно которым правительство Юга России отрицательно относилось ко всем организациям на Северо-Западе, какого бы толка они ни были. В письме Юденич дал характеристику политических сил, на которые он опирался (кадеты и правые кадеты, представители торгово-промышленного класса), высказал мысль о том, что при наличии 150 млн р. и вооружения он возьмет через два месяца Петроград и пробьется на соединение с адмиралом Колчаком. Он просил воздействовать на союзников и русских представителей в Париже. Здесь же он упомянул о возможности своей отставки: «Если моя личность негодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите, я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело». ²⁸⁴ Между тем единства в стане контрреволюции в Финляндии не было.

17 января состоялось заседание правления Русского комитета во главе с Карташевым в присутствии трех представителей общественности — С.В. Иванова, Н.К. Рериха и В.М. Барановича. На нем было признано необходимым образование местных (районных) отделов комитета и созыв съезда представителей районов. Районные комитеты объединяли около 3 тыс. человек. Наиболее активным оказался Куоккальский районный комитет (председатель С.В. Иванов), который не собиравшись ограничиваться благотворительной деятельностью, а заявил свои притязания на участие в заботах о Петрограде и стал добиваться съезда или совещания. 1 марта 1919 г. Куоккальский районный комитет по своей инициативе созвал совещание в Перкъярви. ²⁸⁵

В феврале 1919 г. Русский комитет был несколько реформирован и пополнен новыми членами. 17 февраля 1919 г. Карташев сообщал по-

²⁸¹ Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 143.

²⁸² Там же. С. 146.

²⁸³ Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 89—90.

²⁸⁴ ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 94, л. 2 об.

²⁸⁵ Краткий очерк деятельности Комитета... С. 13, 14.

веренному в делах в Лондоне К.Д. Набокову, что задачи комитета состоят в помощи беженцам, однако далее говорилось о том, что комитет будет действовать в тесном контакте с организациями, имеющими целью восстановление «законного порядка» в России. Для этого испрашивались 100 млн р. на содержание войск для захвата Петрограда, 200 млн р. на снабжение города (необходимые на первые 2 месяца) и кредит в 5 млн финских марок для помощи беженцам.²⁸⁶

Параллельно с комитетом был образован более «тесный политический кружок», который во взаимодействии с Колчаком и Деникиным собирался освободить Россию и Петроград.²⁸⁷ Своим руководителем кружок, получивший название «Русский совет», признавал Юденича. По замыслу Струве при генерале, которого прочли в главнокомандующие, создавался особый орган, существование которого в Финляндии должно было носить конфиденциальный и лояльный по отношению к правительству характер.²⁸⁸ Для чего же понадобилось создавать организацию в организации? По-видимому, авторы проекта исходили из двух положений. Открытое существование военной организации на территории суверенного государства могло вызвать различные осложнения, тем более что ни Колчак, ни Деникин не спешили признавать независимость Финляндии, откладывая ее до Учредительного собрания, в то время как деятельность благотворительного комитета вряд ли бы вызвала подозрение. Второе заключалось в том, что Русский совет представлял собой общественную организацию с определенным выборным началом, в то время как ставшие брать верх генералы и слышать не хотели ни о какой общественности. И в этом кадеты шли им навстречу.

Позиция основных сил русской контрреволюции во главе с Колчаком, направленная против признания независимости Прибалтийских стран и Финляндии, привела к ухудшению положения Юденича. Усилились враждебность и недоверие со стороны местных властей и прессы. Русским военным запрещалось жить в Гельсингфорсе, высылались лица, состоящие при Юдениче, чинились препятствия при передвижении по стране. Под различными предлогами финские власти не дали осуществить выданные ранее разрешения на формирование отрядов.²⁸⁹ К этому добавлялся и раскол среди русских политических деятелей в Финляндии, в основе которого лежала борьба за власть. И даже исключительные качества Карташева всех примирять не могли обеспечить за Юденичем неоспоримое руководство.

Общая ситуация к марту в Финляндии складывалась таким образом, что Юденич вынужден был поставить вопрос о переводе имевших-

²⁸⁶ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 288, л. 59 об. — Впоследствии Русский комитет с 1919 г. по июль 1920 г. получил от представителей русских промышленных фирм 2 млн финских марок, из средств Северо-Западной армии — 400 тыс., от русской миссии в Стокгольме — 250 тыс., от Русского политического совещания в Париже — 150 тыс. финских марок (ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 56, л. 2).

²⁸⁷ Красный архив. 1929. Т. 2(33). С. 92.

²⁸⁸ ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 72, л. 50.

²⁸⁹ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 394, л. 7; ф. 200, оп. 1, д. 341, л. 51; д. 299, л. 55.

ся офицерских сил к Деникину. К тому же стали усиливаться слухи о планируемом самостоятельном походе финнов на Петроград, что вызвало резко отрицательную реакцию со стороны Юденича. Последний просил МИД в Омске предупредить финнов, что «наступление без участия русских будет истолковано как акт, враждебный России».²⁹⁰ Чем дальше, тем все более сложным становилось положение русских организаций в Финляндии. По разным оценкам, зарегистрировавшихся офицеров было всего от 675 до 700 человек.²⁹¹ Далеко не всех устраивал Юденич, многие не доверяли финнам. Организовывались самостоятельные политические группы, которые враждовали друг с другом и обращались к иностранцам за поддержкой, утверждая, что только они могут спасти Россию. «Удерживать нарастающие центробежные стремления, — писал Юденич, — при таком положении вещей, а главное, при отсутствии уверенности, что союзники дадут нам свою моральную и материальную помощь, становится все труднее».²⁹² В письме, датированном 29 апреля, о расколе сказано в еще более определенной форме: «Раскол среди русских здесь идет глубже, и примирить две стороны нельзя. Одни остаются верными союзникам — рассчитывают на их помощь, другие — неизлечимые германофилы, проповедывающие и сейчас, что спасение России может прийти только от немцев, из последних одни искренние люди, другие — и таких много, — купленные немцами, и такие очень активны. Русским германофилам очень легко работать в Финляндии, потому что финны на 90 % сами германофилы, русская германофильская партия сильна в Финляндии, и людей этого образа мыслей примирить с нами нельзя».²⁹³

В сущности как таковых вооруженных формирований в Финляндии не существовало вследствие антирусских настроений, которые умело подогревались националистической пропагандой. Все старания финнов направлялись на то, чтобы освободить страну от русских, в первую очередь от офицеров. Особенный всплеск антирусских настроений отмечался после отказа Всероссийского правительства от признания независимости Финляндии. Большое влияние оказывала и большевистская пропаганда. Даже при давлении союзников нельзя было рассчитывать на размещение русских формирований в Финляндии.²⁹⁴ К тому же финляндское правительство придерживалось мнения, что «лучше большевики, чем сильная единая Россия, опасная ее независимости».²⁹⁵ Оно предпринимало и конкретные действия, направленные на упразднение белых формирований у себя в стране. Так, Финляндский банк отказался обменять на финские марки полученные Юденичем от Колчака в апреле 900 тыс. р., сославшись на то, что он не знает, как оценивать курс руб-

²⁹⁰ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 299, л. 55.

²⁹¹ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 395, л. 7; ф. 6094, оп. 1, д. 1. л. 16.

²⁹² Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 2 об.

²⁹³ Там же, л. 13 об.

²⁹⁴ Там же, д. 1, л. 8.

²⁹⁵ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 15.

ля.²⁹⁶ 16 апреля Гульткевич писал, что «начинание наше в Финляндии можно считать похороненным».²⁹⁷

Отношения между Финляндией и русскими военными стали еще более натянутыми после того, как финские добровольцы вторглись в Восточную Карелию.²⁹⁸ Юденич встретил это известие крайне неодобрительно. В этом он усмотрел покушение на национальную территорию.²⁹⁹ В сложившихся условиях в окружении Юденича и в русских дипломатических кругах в Швеции постепенно созрел план перенесения центра сбора белогвардейских сил из Гельсингфорса в Ревель.

В Ревеле русской буржуазной общественностью в конце ноября 1918 г. был создан Русский совет — общественная организация для защиты прав и интересов русского населения в Эстонии — под председательством князя С.П. Мансырева. С первых дней своего существования он выступил за восстановление порядка в России и ее территориальной целостности, что привело к напряженности в отношениях с правительством Эстонии.³⁰⁰ Активизация деятельности совета произошла с прибытием из Петрограда бывшего присяжного поверенного Н.Н. Иванова, вышедшего на политическую сцену еще в феврале 1917 г.³⁰¹ Он попытался объединить русские силы Ревеля и Гельсингфорса с правительствами Эстонии и Финляндии на основе признания их государственной самостоятельности и установления демократического строя в будущей России для осуществления совместного похода на Петроград. Однако его усилия не дали результатов из-за нежелания военно-политического руководства белым движением идти на какие-либо уступки.³⁰² Вместе с тем Иванову удалось заручиться поддержкой С.Н. Булак-Балаховича — командира одного из отрядов, входившего в Северный корпус, и эстонских правящих кругов, увидевших в нем союзника по борьбе с представителями единой и неделимой России.³⁰³ Единого политического центра, способного объединить все антибольшевистские силы в регионе для похода на Петроград, русским политическим деятелям в Эстонии создать не удалось.

Буржуазной демократии в лице Русского совета противостоял Северный корпус в Эстонии. Усилиями его командования к весне 1919 г. удалось сформировать вполне боеспособную, узкоклассовую по социальному составу воинскую часть, способную решать на данном этапе локальные задачи. Диктатура, внепартийность, единая и неделимая Россия были ее политической платформой. Попытки Юденича и Русского совета поставить корпус под свой контроль желаемых результатов не дали. Его командование пыталось играть самостоятельную роль в освобождении бывшей столицы.³⁰⁴

²⁹⁶ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 395, л. 19.

²⁹⁷ Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 1, л. 18.

²⁹⁸ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия... С. 64—85.

²⁹⁹ ГАРФ, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 21.

³⁰⁰ Русские в Эстонии (1918—1920 гг.): Из воспоминаний князя С.П. Мансырева // Отечественные архивы. 1922. № 2. С. 57—60.

³⁰¹ *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 81—82.

³⁰² Там же. С. 82—88.

³⁰³ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 27, л. 2; ф. 5881, оп. 2, д. 471, л. 12 об.

³⁰⁴ *Смолин А.В.* Указ. соч. С. 89—92.

Глава V

ВОПРОС ОБ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ И ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1919 г.

Н.Н. ЮДЕНИЧ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ФРОНТА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Вывод немецких войск из Эстонии и Финляндии создал на Северо-Западе качественно новую военно-политическую ситуацию. Сохранявшаяся в этом районе на протяжении полугода, несмотря на имевшиеся в советско-германских отношениях противоречия и возникшие конфликты, относительно стабильная обстановка резко изменилась. Предпринятое в ноябре 1918 г. продвижение Красной Армии в Эстонии отнюдь не стало для кого-либо неожиданным поворотом событий. Советская пресса летом—осенью этого года не забывала время от времени напоминать своим читателям о непрочности властей в Прибалтике и Финляндии, державшихся исключительно на германских штыках, так что иллюзий относительно возможного мирного течения событий после Компьенского перемирия, пожалуй, ни у кого не было. Неожиданными были результаты этого наступления в Эстонии. В данном случае речь идет не столько о быстром провале его, не оставлявшем сомнений, что в это время у большевиков не было достаточных сил даже для решения локальных задач на Северо-Западе, сколько о том, что недостижимой оказалась существовавшая на первый взгляд возможность консолидации противостоящих им сил.

Среди последних ведущую роль играла отнюдь не белая русская эмиграция в Финляндии и Эстонии. Ни политическим авторитетом, ни сколько-нибудь значительными материальными ресурсами и воинскими контингентами (в первую половину 1919 г.) ее руководство, раздражаемое склочной борьбой, не обладало, что, впрочем, не мешало, а даже подталкивало к тому, чтобы упорно искать союзников, заявляя при этом о себе как по меньшей мере о равном партнере. Неудивительно, что весьма неплохо осведомленные об истинных возможностях навязывавшегося союзника в борьбе с большевизмом правительственные круги Финляндии не спешили предпринимать какие-то конкретные шаги. К тому же эмигрантское руководство во главе с А.В. Карташевым и

Н.Н. Юденичем весьма посредственно разбиралось в расстановке сил в финских политических кругах, как и во всей ситуации на Северо-Западе.

Еще до появления в Финляндии Юденича на ее территории существовали различные эмигрантские политические организации. Одной из них был так называемый Особый комитет по делам русских в Финляндии, легализованный финскими властями в декабре 1918 г. Одним из его руководителей был крупный финансист В.Н. Троцкий-Сенютович, позднее активно поддерживавший Юденича. Но отношения с властями складывались негладко. Именно это, а также отсутствие реальных возможностей для формирования боеспособных частей при опоре только на собственные силы побудило эмигрантские круги направить генерала в Стокгольм для установления контактов с дипломатическими представителями союзников. В Хельсинки эта задача была неосуществима: Великобритания еще не признала Финляндию де-юре, а Франция разорвала свои дипломатические отношения с ней после высадки на ее территории германских войск весной 1918 г.

Прибывшему во второй половине ноября в Стокгольм Юденичу удалось прежде всего заручиться поддержкой русской эмиграции в Швеции. Несомненно, ему оказал поддержку К. Гулькевич, назначенный еще в марте 1917 г. Временным правительством поверенным в делах России в Швеции. Именно через него позднее стала осуществляться постоянная связь Юденича с Парижем, Лондоном и Омском. Как вспоминал позднее один из представителей русской эмиграции И.М. Троцкий, в Стокгольме, в салоне графини Орловой-Давыдовой, мечтавшей стать «бабушкой русской контрреволюции», Юденич был выдвинут на пост командующего.¹ Это, правда, могло льстить самолюбию генерала, но реально ничего не давало. Поэтому его деятельность сосредоточивается на двух направлениях: на установлении контактов с дипломатическими представителями союзников и стремлении добиться признания своих планов и одобрения своей кандидатуры у Верховного правителя — адмирала А.В. Колчака.

14 декабря 1918 г. Юденич представил послу Соединенных Штатов в Швеции И.Н. Моррису меморандум с изложением плана действий. В направленной в связи с этим в Вашингтон, в государственный департамент, телеграмме Моррис отметил следующие положения этого документа: необходимость отправки союзнических войск взамен отводимых из Прибалтики и Финляндии германских войск; принятие мер к тому, чтобы парализовать распространение большевизма; утверждение, что Балтийские провинции и Финляндия являются наиболее подходящими для военной акции благодаря их выгодному географическому положению и при отсутствии оборонительных укреплений на подступах к Петрограду, а также при учете настроений населения, «изнуренного большевистским правлением». Все это позволило бы, по мнению Юденича, добиться быстрого успеха даже небольшими силами — 10—12-тысяч-

¹ Дни. 1923. 27 ноября.

ным корпусом при условии занятия балтийского побережья союзническими силами.²

Аналогичные меморандумы были представлены во все дипломатические миссии союзников. Состоялись личные встречи Юденича с некоторыми дипломатами, в частности со сменившим скончавшегося посла Франции Е. Тьебо Ш. Делава.³ Контакты с дипломатами показали, что, за исключением французского правительства, все они занимали весьма сдержанную позицию по отношению к предлагавшемуся плану.

Личная встреча Юденича с К.Г. Маннергеймом, возвращавшимся из своей поездки в Лондон и Париж через Стокгольм (он пробыл здесь три дня — с 19 по 21 декабря 1918 г.), не состоялась. По утверждению Э.Г. фон Валя, был только установлен контакт с представителями нового главы финского государства.⁴ Впрочем, информацию о предпринимаемых Юденичем шагах Маннергейм мог получить от союзнических дипломатов — еще с лета 1918 г., у него были установлены хорошие отношения с союзническими дипломатами в Швеции. О планах русской эмиграции в Финляндии он также имел определенное представление. Еще в начале октября глава дипломатической миссии Швеции в Хельсинки К.Г. Вестман писал, что Маннергейм провел переговоры с А.Ф. Треповым, который намеряет сделать его командующим теми войсками, которые должны будут освободить Петроград.⁵

Первая попытка заручиться поддержкой западных держав у Юденича явно не удалась, хотя казалось, что сложившаяся на востоке Балтики обстановка должна была гарантировать успех. В Лондоне испытывали к этому району особый интерес. Еще до подписания Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.) имперский военный кабинет принял 26 октября решение внести в будущее соглашение о перемирии требование открытия Балтики. А спустя две недели — 13 ноября — начальник английского генерального штаба генерал Г. Вильсон уже подчеркивал в своем меморандуме тот факт, что открытие Балтики создаст возможность для поддержки в этом районе антибольшевистских сил.⁶ В меморандуме, подготовленном в начале декабря 1918 г. подкомитетом Адмиралтейства по Северному и Балтийскому морям, указывалось, что восстановление баланса сил на Балтике — наиболее важная задача. Английское военное министерство видело в Балтийских провинциях подходящий плацдарм для интервенции против России.⁷ Казалось, что расчеты на активную поддержку, по крайней мере со стороны Великобритании, достаточно обоснованы.

² FRUS. Russia. 1918. Washington, 1932. Vol. 2. P. 857—858.

³ Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г.: (из документов парижского посольства) // Красный архив. 1929. Т. 37. С. 73.

⁴ *Валь Э.Г. фон*. К истории белого движения: Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллинн, 1935. С. 85.

⁵ *Jägerskiöld S. Mannerheim*. 1918. Helsinki, 1967. S. 357.

⁶ *Hovi O. The Baltic Area in British Policy. 1918—1921. Vol. 1. From the Compiegne Armistice to the Implementation of the Versailles Treaty*. 11. Nov. 1918—20 Jan. 1920. Helsinki, 1980. P. 46.

⁷ *Ibid.* P. 51.

Уже во время пребывания Юденича в Швеции, 12 декабря, в Ревель прибыла английская эскадра контр-адмирала Э.С. Александера-Синклера, направленная вопреки первоначальному мнению руководства английского военно-морского флота. Так, адмирал Фремантл, заместитель начальника военно-морского штаба, указывал на приближавшиеся холода и замерзание этой части Балтийского моря, бесчисленные мины и выражал сомнение в правильности решения об отправке эскадры. Но именно по политическим причинам его мнение не было принято во внимание. 20 ноября министр иностранных дел лорд Бальфур на заседании военного кабинета заявил, что необходимо гальванизировать народы этого региона для борьбы с большевизмом, для чего нужно продемонстрировать силу.⁸

Действия английского флота в восточной Балтике (операция носила кодовое название «Red Trek») начались не вполне удачно для англичан — при переходе были потеряны легкий крейсер и несколько минных тральщиков,⁹ — но позволили эстонскому правительству удержаться у власти. Помимо доставки оружия, необходимого для создававшейся эстонской армии, английская эскадра оказала помощь в высадке эстонского десанта у порта Кунда, где обстреливала тылы красных отрядов, а 26 декабря, вступив в бой с кораблями Балтийского флота, захватила 2 эсминца. Но уже 3 января 1919 г. английская эскадра покинула восточное побережье Балтики и направилась к берегам Дании, а 6 января Синклер был снят со своего поста.¹⁰ Причин тому было несколько. Эскадра оказалась оторванной от баз снабжения, ухудшились ледовые условия. Возможно, определенную роль сыграла и позиция адмирала в оценке ситуации в Прибалтике. В своей телеграмме от 7 января 1919 г. в Вашингтон представитель США в Дании Осборн сообщал: «Вчера в британском посольстве мне показали два секретных доклада адмирала Синклера, командующего 6-й легкой крейсерской эскадрой, от 1 и 2 января о действиях у эстонского побережья. Он рисует безнадежную неэффективность временных правительств Эстонии и Латвии для того, чтобы справиться с существующим кризисом».¹¹ Когда заходит речь о причинах достаточно прохладного отношения к предлагавшемуся Юденичем плану, необходимо учитывать также и определенные колебания Ллойд Джорджа накануне открытия Парижской мирной конференции в отношении большевистской России, и общественное мнение в Западной Европе, население которой устало от многолетней войны. К тому же еще в конце осени стало очевидным, что подключить к возможным военным акциям в Прибалтике Скандинавские страны не удастся. Министр иностранных дел Швеции Й. Хеллнер, отклоняя требование Лондона послать в Эстонию шведские войска и оружие, предложил сделать это союзникам, на что его собеседник английский дипломат Р. Клайв откровенно заявил: Антан-

⁸ Ibid. P. 71.

⁹ Anderson E. The British Policy toward the Baltic States, 1918—1920 // Journal of Central European Affaires. 1959. Vol. 19. N 3. P. 278—279.

¹⁰ Ibid. P. 280.

¹¹ FRUS. Russia. 1919. Washington, 1937. P. 666.

та не может быть жандармом во всех уголках мира.¹² Поэтому у Хеллнера были все основания, выступая 4 ноября на заседании тайного комитета в Стокгольмском замке, заявить, что союзники желают заставить Швецию сделать за них грязную работу и получить Прибалтику как спелый плод.¹³ Негативной была реакция на предложение Англии и у Норвегии и Дании.

Необходимо принять во внимание также и то, что блокада на Балтике, к тому же опробованная ранее на Германии, представлялась достаточно эффективным средством для достижения той же цели — свержение большевистского режима — без использования крупных воинских континентов. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что восточное побережье Балтийского моря, представлявшее интерес как для Англии, так и для Франции, не было поделено ими на сферы влияния. Кроме того, и в Лондоне, и в Париже в поддержке сепаратизма прибалтийских территорий видели гораздо более действенное оружие в борьбе с большевиками, чем в сосредоточении своих усилий и средств на объединении и организации разобщенных либо вовсе пока не существующих белогвардейских частей в этом районе. Юденич не обладал хотя бы какой-то вооруженной силой, он только обещал ее создать. Помимо этих причин несомненно учитывалось и то, что захват и последующая оккупация такого огромного города, как Петроград, и прилегающей территории порождали ряд проблем, среди которых на первом месте была бы проблема снабжения, так как кроме содержания белогвардейских отрядов необходимо было бы обеспечить продовольствием и население всей занятой территории. Соображения такого рода и предостережения на этот счет появлялись в западной прессе.¹⁴

В результате сдержанный прием выдвигаемого плана вынудил Юденича заняться поиском альтернативных вариантов. Возможно, отражением этого и были слухи, дошедшие до датского консула в Ревеле Й.Х. Йохансена, о том, что Юденич заключил соглашение с представителями латышского буржуазного правительства в Стокгольме о принятии командования над латышскими вооруженными силами.¹⁵ Если переговоры на этот счет и велись, то, пожалуй, прав финский историк Ю. Паасивирта, считавший, что предложения такого рода вряд ли сильно интересовали Юденича, поскольку речь шла о небольших по численности и плохих по качеству войсках, к тому же с небольшой оперативной областью действий.¹⁶ По воспоминаниям В. Хеланена, 11 января правительство Финляндии получило через полномочного представителя Лат-

¹² Zetterberg S. Die Schwedische Regierung und die baltische Krise im Herbst 1918 // Reval und die baltischen Länder. Von J. von Hehn und C.J.—Kénez. Marburg / Lahn, 1980. S. 85.

¹³ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917—1919: Poliittiset suhteet syksyysta 1917 reunavaltio-politiikan alkuun. Helsinki, 1977. S. 142.

¹⁴ L'Europe Nouvelle. N 21. 1919. 4 Mai. P. 980; N 23. 7 June. P. 1077.

¹⁵ Die Tagebuchaufzeichnungen des dänischen Generalkonsul in Reval J.Ch. Johansen // Publikationen des Institute für Geschichte Allgemeine Geschichte Universität Turku, Finland. 1976. N 8. S. 67—68.

¹⁶ Paasivirta J. The Victors in World War I and Finland: Finland's Relations with the British, French and US Governments in 1918—1919. Helsinki, 1965. P. 162.

вии запрос о разрешении вербовки русских офицеров, коим и пыталось воспользоваться, чтобы избавиться от последних, так как видело в них угрозу независимости страны.¹⁷

Уже в начале 1919 г. в политических кругах русской эмиграции в Финляндии приходят к пониманию того, что единственной реальной вооруженной силой, которая может быть использована в борьбе с большевиками, является находящийся в Эстонии так называемый Северный корпус. Как вспоминал принимавший непосредственное участие в происходивших событиях бывший сотрудник «Биржевых ведомостей» и «Русской воли» Г.Л. Кирдецов, борьба должна была в этот период вестись на двух фронтах: на политически-международном в Гельсингфорсе и на военном в Ревеле.¹⁸

Но уже первые контакты с эстонским правительством (Северный корпус являлся составной частью вооруженных сил Эстонии), принятые в конце января—в феврале 1919 г., зашли в тупик. Первоначально на пост командующего Северным корпусом Юденич и его окружение выдвинули генерала Б. Арсеньева, но он вернулся из Ревеля с пустыми руками: в корпусе сочли, что у них есть собственные достойные кандидатуры.¹⁹ Вскоре была предпринята еще одна попытка. Представлявшая так называемое Политическое совещание со штаб-квартирой в Гельсингфорсе на переговорах с эстонцами делегация в составе генералов князя В.М. Волконского и М.Н. Суворова и полковника Гершельмана потребовала передачи Ревельского порта, железных дорог, почты, телеграфа и создания единого командования. Командующим должен был стать Юденич.²⁰ При таких исходных условиях сама постановка вопроса о признании независимости Эстонии перед эмигрантскими политиками была нелепой. Да и в переданном эстонскому правительству меморандуме даже не упоминалось об эстонском государстве, речь шла только об эстонском народе. Отрицательная реакция эстонской стороны была естественной. Юденич был вынужден направить командующему эстонской армией генералу Й. Лайдонеру личное письмо, в котором убеждал последнего в необходимости совместной операции и заверял в том, что никогда не прикажет повернуть штыки своим войскам против Эстонии.²¹ Но подобные гарантии стоили в глазах правительства в Таллинне немногого. В одном из своих писем конца февраля 1919 г. Лайдонер писал, что «следует безусловно признать независимость Эстонской республики. В этом вся трудность вопроса, в этом также судьба Северного армейского корпуса».²²

Карташеву и Юденичу приходилось искать любых союзников, способных оказать реальную помощь в борьбе с большевиками. Одним из них мог стать Х. Плюм — крупный датский коммерсант и банкир, разочарованный «нежеланием» союзников проводить интервенцион-

¹⁷ *Helanen V. Suomalaiset Viron vapaussodassa. Helsinki, 1921. S. 142—143.*

¹⁸ *Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919—1920). Берлин, 1921. С. 42.*

¹⁹ *Laaman E. Judenitschin Pietarin retki. Helsinki, 1935. S. 22.*

²⁰ *Кирдецов Г. Указ. соч. С. 87—88.*

²¹ *Laaman E. Op. cit. S. 23.*

²² *Ibid. S. 24.*

стскую политику, — именно так им было расценено предложение Ллойд Джорджа о созыве мирной конференции на Принцевых островах. Цель Плюма состояла в создании международной лиги для финансирования и организации интервенции на востоке Балтики.

Толчком к появлению этого проекта послужила возникшая во время поездки союзнической миссии по лагерям военнопленных в Германии идея об использовании русских военнопленных для решения «русской проблемы». С этой идеей Плюма познакомил один из служащих его компании М. Абрахамсон, который одновременно являлся вице-президентом отделения британского Красного Креста в Копенгагене. Плюм ухватился за эту идею, и на свет появился грандиозный проект международной антибольшевистской Лиги с центром в столице Дании. В противоположность ранее существовавшим проектам борьбы с большевизмом этот предусматривал создание прочной организации, обеспеченной всеми необходимыми финансовыми средствами. Все без исключения существовавшие антибольшевистские организации могли войти в эту Лигу. Целью организации было создание добровольческой армии из русских военнопленных, что позволило бы избежать явного вовлечения западных правительств в интервенцию в этом районе. Но вербовка могла бы проводиться и среди местного населения Западной Европы.²³ Сама схема реализации проекта состояла в следующем: во всех западноевропейских государствах создаются специальные комитеты, задача которых — вербовка добровольцев, ведение агитации и сборы пожертвований (считалось, что таковых будет немало). Особенно подчеркивалось, что маленькая и демократическая Дания не даст русским пищи для подозрений в захватнических и оккупационных намерениях в отношении России, поэтому Копенгаген мог стать центром новой организации.²⁴

Осуществление такого замысла, естественно, требовало одобрения союзников. Для этого в Париж и был направлен бывший датский консул в Москве Х.Ф. Хакстаусен. После ряда неудачных попыток вступить в прямой контакт с главами союзнических делегаций на Парижской мирной конференции Хакстаусен установил контакты с русской белой эмиграцией. В этом некоторые услуги ему были оказаны Б. Савинковым.²⁵ Однако дело с мертвой точки не двинулось.

Человеком, способным сделать из Скандинавии оплот против большевиков, Плюм считал К. Маннергейма. Поэтому когда последний в качестве регента Финляндии 18 февраля 1919 г. приехал в Копенгаген, то инициатор проекта установил с ним контакты. Здесь стоит отметить, что в том варианте плана, который повез с собой в Париж Хакстаусен, Маннергейм не фигурировал — отношения союзников с Финляндией еще не были улажены; кроме того, приходилось учитывать и возмож-

²³ *Jensen B. Danmark og det Russiske Spørgsmål 1917—1924: Dansk Ruslandspolitik fra bolsjevikernes magterobring til anerkendelsen af det bolsjevikkiske regime de jure. Universitetsforlaget i Aarhus, 1979. P. 229—231.*

²⁴ *Ibid.* P. 231—232.

²⁵ *Ibid.* P. 233—235.

ную реакцию русских эмигрантских кругов во Франции и Англии, и положение Маннергейма как главы государства. Барон высказал свое одобрение проекту.

Поскольку считалось, что саму добровольческую армию должен все-таки возглавить русский генерал, то авторы проекта очень быстро установили связь с находившимся в Копенгагене представителем Юденича, занимавшимся изучением возможности вербовки добровольцев и приобретения продовольствия и снаряжения. Плюм сообщил ему, что датские коммерсанты могут выставить отряд добровольцев, доставить оружие, продовольствие, даже позаботиться о доставке всего этого в Россию. Но прежде необходимо добиться согласия союзников.

Трудно сказать, почему между Юденичем и Плюмом не было достигнуто какое-либо определенное соглашение. Наиболее вероятными представляются следующие объяснения. Создание такой организации так или иначе ставило Юденича под определенный контроль, создавало зависимость от того центра, который был создан в Копенгагене, как в политических вопросах, так и в вопросах снабжения, а возможно, и военных, делало всю систему управления достаточно громоздкой. Эмигрантские политические круги в Финляндии это вряд ли могло устраивать. Возможно, что, зная о негативном отношении союзников к плану Юденича, они сочли условие Плюма — одобрение плана Антантой — сводящим к нулю весь проект. Но они учли ряд пунктов последнего и внесли в ранее предлагавшийся Юденичем в Стокгольме план корректировки.

Поэтому когда представитель Юденича генерал Б. Геруа передал в начале апреля 1919 г. британскому правительству проект, разработанный в окружении Юденича, то он во многом совпадал с проектом Плюма: создание антибольшевистской организации во главе с Юденичем при опоре на Финляндию и Эстонию, вербовка среди военнопленных и местного населения в Западной Европе, поставки оружия и продовольствия союзниками.²⁶

Возможно, что одной из причин прохладного отношения союзников к проекту Плюма было то, что в нем фактически стороной обходился вопрос о разрешении того сложного комплекса противоречий, который существовал между союзниками, белой эмиграцией и Прибалтийскими республиками, и а priori он исходил из возможности объединения их усилий ради достижения одной цели — уничтожения большевизма. Проект Плюма имел с самого начала еще одно уязвимое место. Первоначально в планах Юденича и бывшего посла Дании в России Х. Скавениуса,²⁷ как и в плане Плюма, во главу угла ставилось непременно осуществление союзнической интервенции на Северо-Западе. При этом вопросы материального снабжения отодвигались как-то на задний план — само собой разумеющимся считалось, что именно союзники об этом позаботятся. Следовательно, вся операция перекладывалась на плечи последних, что вряд ли устраивало Лондон и Париж. Когда это

²⁶ Ibid. P. 238—239.

²⁷ FRUS. Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1943. Vol. 3. P. 638—641.

осознали и в штабе Юденича, и в окружении Плюма, то в их планы были внесены существенные изменения.

17 января 1919 г. это нашло свое отражение в телеграмме Юденича маршалу Ф. Фошу. Юденич писал: «В данное время я отказался от мысли просить поддержки союзных войск, но прошу удовлетворить потребность в снабжении всякого рода, недостаток которого не позволяет мне начать формирование военных сил». ²⁸ Достаточно откровенное признание факта, что он не располагал тогда какой-либо значительной вооруженной силой. Что из себя стал представлять план Юденича в более или менее окончательном виде, позднее четко сформулировал генерал М.Е. Леонтьев: «...содействие союзников должно выразиться в двоякой форме: политической и материальной. 1. В области политической помощи союзников требовалась в создании благоприятного идее белой борьбы настроения среди граничащих с Советской Россией новообразований — Финляндии и Эстонии; в соответствующем на них давлении для получения их согласия предоставить свою территорию как плацдармы... в привлечении этих стран к активному участию в начинающейся борьбе. 2. В материальном отношении помощь союзников должна была вылиться в предоставление создаваемой армии необходимых вооружения, снаряжения и обмундирования, соответствующего тоннажа коммерческих судов... в содействие английского флота. Денежные средства генерал Юденич предполагал получить от адмирала Колчака... и отчасти при посредстве русских финансовых кругов». ²⁹ Следовательно, собственно осуществление военных операций теперь должна была взять на себя белая русская эмиграция. У союзников просили только материальной поддержки. Проблема снабжения была самой острой для нее как в Финляндии, так и в Эстонии. В местной русскоязычной прессе нередко можно было встретить объявления следующего содержания: «Северный корпус, который будет защищать ваши же кассы, ваши желудки, нуждается во многом, а особенно в вещах, список которых приводим. Корпусу сейчас нужны: 1) теплые белье, портянки, постельное белье, носовые платки; 2) теплые шапки и башлыки; 3) шинели (или по крайней мере какая-нибудь верхняя одежда); 4) обувь всех видов». ³⁰ Юденич же в Финляндии мог обнадежить своих будущих воинов тем, что они будут обеспечены походной формой «вроде спортивного костюма». ³¹

Большая часть усилий политических эмигрантских кругов, особенно в Финляндии, все заметнее теперь уходит на добывание продовольствия (в самой Финляндии продовольственная проблема стояла в то время крайне остро) и снабжение создаваемых отрядов, хотя последние и не отличались многочисленностью. Отвечая в начале января 1919 г. на запрос одного из депутатов парламента Финляндии, премьер-министр Л. Ингман назвал численность всех зарегистрированных в стране

²⁸ Внешняя политика контрреволюционных «правительств»... С. 74.

²⁹ Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич: К пятидесятилетнему юбилею. Париж, 1931. С. 42.

³⁰ Ревельское слово. 1919. 16 января.

³¹ Там же. 26 февраля.

русских, в том числе и проживавших здесь еще до революции в России, — всего 15 457 человек. Правда, премьер признавал, что были и незарегистрированные иностранцы. Большая часть русских проживала довольно компактно — в Выборгской губернии (11 120 человек).³² Юденич полагал, что в Финляндии можно найти 5 тыс. русских, способных держать оружие в руках. Но его штабу в течение зимы 1919 г. удалось зарегистрировать для военной службы только 2 тыс. человек. К середине марта 1919 г. в военных лагерях были подготовлены только 250 человек.³³ Маловероятно, что союзникам не было известно о столь внушительных «силах» Юденича через своих представителей.

Чтобы ускорить процесс сплочения всех антисоветских сил под знаменем Юденича, пытались использовать для этого и свой печатный орган. Издававшиеся в Гельсингфорсе «Русский листок» и «Северная жизнь» были слиты, и в результате в марте появилась «Русская жизнь», редактором которой стал В.Д. Кузьмин-Караваев, а издателем — бывший член Калашниковской биржи М.С. Валов. Издание оказалось убыточным, и дело пытались поправить тем, что предлагали занять пост редактора жившему в Финляндии писателю Л. Андрееву.

В эмигрантских кругах в Западной Европе не слишком высоко оценивали возможности Юденича. Так, в беседе в Лондоне М.С. Маргулиеса (в августе 1919 г. он станет членом Северо-Западного правительства) с бывшим секретарем А.Ф. Керенского во Временном правительстве Д.В. Соскисом последний заявил, что дело Юденича считает никчемным, что в Финляндии никакого материала для формирования белой армии нет и, кроме того, финны, особенно их новый парламент, враждебны русским.³⁴ Невысоко оценивались возможности Юденича и в военном министерстве Англии, во главе которого стоял У. Черчилль. Когда генерал Н.Н. Головин довел до сведения английского правительства план организации наступления на Советскую Россию с Запада, то представители военного ведомства в ответ предложили переброску отрядов Юденича на Север России. Но необходимо отметить еще один момент. Для С. Хора, через которого при посредничестве Н.В. Чайковского генерал Головин и добился встречи с Черчиллем, юденичское дело отдавало «немецким духом».³⁵

Иногда в том потоке различных просьб, который белая русская эмиграция обрушивала на союзников, пытались ловить рыбку и не имеющие к ней никакого отношения люди. Так, например, 2 марта 1919 г. вице-консул Соединенных Штатов в Выборге Имбри телеграфировал в Вашингтон о том, что у него состоялось несколько встреч с Б.Гюлленбогелем и одним из русских финансистов, бывшим директором Петербургского частного коммерческого банка Э.К. Грубе. Эти двое заявили ему, что в Финляндии с разрешения правительства суще-

³² Valtioapäivät. 1918. Pöytäkirjat. Helsinki, 1919. S. 381.

³³ Smith C.J. Finland and the Russian Revolution. 1917—1920. Athens, 1958. P. 135.

³⁴ Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн. 2. Апрель—сентябрь. 1919. Берлин, 1923. С. 56.

³⁵ Schmid A.P. Churchills privater Krieg: Intervention und Kontrrevolution im russischen Bürgerkrieg. November 1918—März 1920. Zürich, 1974. S. 160—161.

ствует состоящая из 10 тыс. человек (!) военная организация, которая якобы полностью обеспечена стрелковым оружием, пулеметами и недостаток испытывает только в артиллерии. Для того чтобы отмотилизовать всю организацию, требуется будто бы очень незначительный срок — менее недели. Цель организации — захват Петербурга, а затем Москвы. Главное препятствие в осуществлении данной цели, как утверждали эти лица, — отсутствие продовольствия, которое они и желали бы получить от Соединенных Штатов. При этом они просили направить продовольствие не в Эстонию, лояльности которой они не доверяли, и не в Финляндию, а в Данию, в Копенгаген. Потребности в продовольствии были определены ими в следующих размерах: 60 тыс. т муки, 10 тыс. т мяса, 5 тыс. т сала, 2 тыс. т сахара и т.д.³⁶ Само содержание просьбы уже вызывает определенное удивление. Однако следует обратить внимание хотя бы на одного из участников этих встреч — Б. Гюлленбогеля. Он был активным участником гражданской войны в Финляндии в 1918 г., принимал участие в работе одного из комитетов парламента Финляндии, позднее перешел на дипломатическую службу и был первым представителем своей страны в Польше в 1921 г., в Советской России — в 1922 г. Явно ни к какой из группировок в белой русской эмиграции в Финляндии он не принадлежал. Не стоит в данном случае строить каких-либо предположений о причинах, по которым Гюлленбогель сделал этот шаг, хотя сложности самой Финляндии с продовольствием и именно с артиллерией были известны довольно многим. В Вашингтоне в существование такой организации поверить отказались. Там более заинтересовались беседой своего вице-консула с командующим финскими войсками на границе с большевистской Россией генералом В. Теслефом, заявившим о готовности Маннергейма предпринять наступление на Петроград.³⁷

Вопрос об обеспечении создаваемых в Финляндии формирований продовольствием все же был рассмотрен в Париже несколько дней спустя — 19 марта — на заседании союзнического комитета по блокаде. На этом заседании было решено оказывать помощь русским белогвардейцам в размере 100 т продовольствия в месяц, численность их определялась в 2 тыс. человек.³⁸

Юденич, после того как в самом начале января 1919 г. перебрался из Стокгольма в Гельсингфорс, и его окружение стали активно пропагандировать идею недостаточности антибольшевистских фронтов на Юге России и в Сибири, о необходимости вследствие этого создать фронт на Северо-Западе. При этом ими рассматривались две возможности: одна — наиболее приемлемая — белые русские войска начинают действовать на этом направлении и захватывают Петроград, вторая —

³⁶ FRUS. Russia. 1919. P. 670—671.

³⁷ Ibid. P. 674.

³⁸ The Blocade of Germany after the Armistice 1918—1919: Selected Documents of the Supreme Economic Council, Superior Blocade Council, American Relief Administration and other Wartime Organizations / Selected and edited by S.L. Bane and R.H. Lutz. Stanford University, California, 1942. P. 269—270.

менее приемлемая, но также результативная — само существование нового фронта вынудит большевиков оттянуть на Северо-Запад ряд своих частей с других фронтов, что косвенно увеличит шансы на общую победу. В Великобритании явно считали вторую возможность более подходящей для существующих условий. Достаточно ясно об этом заявил на встрече министров иностранных дел Антанты лорд Гардинг: если какое-либо действие и должно быть предпринято против Петрограда, оно должно быть частью комбинированного действия в соответствии с согласованной политикой великих держав; это не могла быть только изолированная акция какого-нибудь отдельного лидера вроде генерала Юденича.³⁹ В Лондоне планы возможного наступления на Петроград из Финляндии обсуждались неоднократно. Так, У. Сатерленд в своем частном письме Черчиллю от 11 марта 1919 г. писал: «... что касается планируемого русского наступления из Финляндии на Петроград, то с разных сторон я слышу, что этот план может иметь больше шансов на успех, чем какой-либо другой в настоящее время в России. Вот почему я пишу, так как это дело достаточно важно (как мне кажется) для того, чтобы предложить военному министерству сразу направить офицеров, чтобы изучить это дело полностью и доложить».⁴⁰ Реакция Черчилля, судя по его неотправленному письму Ллойд Джорджу, была достаточно сдержанной. Он писал 9 апреля: «Мои советники сомневаются в петроградском плане, и единственный шаг, который я предпринял в связи с этим, — переправил Вам письмо от господина Сатерленда».⁴¹

В Форин офисе весной 1919 г. также в целом крайне настороженно относились к возможным активным действиям Юденича. Это настроение нашло свое отражение в записке одного из высокопоставленных чиновников английского внешнеполитического ведомства Э. Карра от 7 апреля 1919 г.: «Крайне нежелательно, чтобы господин Юденич каким-либо образом был поощрен к тому, чтобы вмешаться в Финляндии или Эстонии и сделать одну из этих стран базой для наступательных операций против Петрограда. Как финны, так и эстонцы не доверяют ему как представителю старого русского империализма и в лучшем случае воевали бы вместе с ним без особого энтузиазма. Результатом такой политики было бы уничтожение Эстонии и, вероятно, Финляндии большевизмом».⁴² Эти настроения в Лондоне сохранялись и в последующем. 5 мая, т.е. всего за неделю до наступления корпуса Родзянко, Черчилль телеграфировал Г. Вильсону: «Не отходим ли мы от главной линии? Есть два разных дела. Первое — финны идут на Петроград (имеется в виду так называемая Олонецкая операция. — *A.P.*), хотим мы этого или нет. При этом, конечно, чем больше способствует Юденич и чем быстрее британская или союзническая эскадра

³⁹ FRUS. Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1943. Vol. 4. P. 664.

⁴⁰ Gilbert M. Winston S. Churchill. Companion volume IV, part 1. January 1917—June 1919. Boston, 1978. P. 584.

⁴¹ Ibid. P. 611.

⁴² Ullman R.H. Anglo-Russian Relations, 1917—1921: Britain and the Russian Civil War. November 1918—February 1920. Princeton; New Jersey, 1968. P. 259—260.

прибудет к Петрограду, тем больше будут удовлетворены Колчак и Деникин, так как предприятие перестанет быть чисто финским с виду. Второе — станем ли мы поощрять то, чтобы Маннергейм и Юденич совместно предприняли это движение? Согласен с Вами, что в нашем распоряжении нет информации в данный момент, чтобы оправдать с нашей стороны любую такую акцию. У нас нет средств узнать, осуществима ли эта операция, и, понятно, мы поступим крайне безрассудно, впутывая себя в то, что может кончиться безнадёжным провалом».⁴³

В соответствии с новыми установками политическое руководство белой эмиграции в Гельсингфорсе стало настойчиво добиваться официального признания Юденича Колчаком. Для этого не брезговали и ложью. В январской телеграмме Колчаку за подписью Юденича сообщалось, что последний располагает 3 тыс. солдат в Эстонии и 3 тыс. в Финляндии и Скандинавии.⁴⁴ Как бы то ни было, желаемый результат был достигнут. Телеграммой главы омского правительства П.В. Вологодского в русское посольство в Париже от 2 февраля 1919 г. сообщался ответ Верховного правителя: «... прошу Вас войти в сношения с французским и английским правительствами и поддержать ходатайство генерала Юденича о помощи».⁴⁵

Из Гельсингфорса в Париж откомандировали П.Б. Струве. Тот по пути (в Лондоне) встретился с одним из крупнейших политических деятелей эмиграции, бывшим послом России в Англии К.Д. Набоковым. Последний телеграммой от 14 февраля поторопился известить П.В. Вологодского о целях этой поездки Струве: существующие в Финляндии официально признанный финляндским правительством Русский комитет под председательством А.В. Карташева, а также более тесный политический кружок, признавший своим руководителем Юденича (хотя тот же Карташев является у союзников оказания скорейшей продовольственной помощи.⁴⁶ Содержание этой пространной телеграммы говорило о том, что в Омске имели слабое представление о военно-политическом руководстве на Северо-Западе и об общей обстановке в этом районе.

Там же, в Лондоне, скоро оказался еще один представитель Юденича — В.И. Гессен, бывший директор общества «Кавказ и Меркурий». Цель его поездки состояла в том, чтобы ускорить у англичан заем для покрытия хотя бы первых расходов. Гессен располагал некоторыми связями в английских промышленных кругах, но это не помогло. При встрече с П.Н. Милюковым Маргулиес услышал от последнего: Гессен напрасно убеждает англичан, что петроградская операция легка и требует малых усилий; наоборот, она нелегкая, и, кроме того, если Пет-

⁴³ Gilbert M. Op. cit. Vol. IV, part 1. P. 641.

⁴⁴ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.: Сб. документов. Петрозаводск, 1944. С. 28.

⁴⁵ Колчак и Финляндия // Красный архив. 1929. № 2(33). С. 91.

⁴⁶ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 257—259.

роград и удастся взять, то нелегко будет удержать.⁴⁷ И если до своей поездки в Лондон Гессену все же удалось по векселям, подписанным крупными русскими дельцами, получить в финских банках 2 млн марок, на которые и существовал со своим штабом Юденич (для сравнения отметим, что в начале мая Финляндия могла предоставить Эстонии, учитывая ее крайне сложное положение, 10 млн марок),⁴⁸ то в Англии дело продвигалось трудно. Небольшим утешением стало получение 5 мая сообщения, что Колчак ассигновал Юденичу 10 млн р., но перевести эту сумму было невозможно до решения в Париже вопроса о русской валюте.⁴⁹

Поскольку реальных результатов в отношениях с антантовскими государствами достичь не удалось, политические круги русской эмиграции в Финляндии оказались в своеобразном тупике, так как и поддержку финского правительства они не получили. Уже через два дня после возвращения Юденича из Швеции — 5 января 1919 г. — состоялась его встреча с Маннергеймом. Основными препятствиями на пути к достижению между ними какой-либо договоренности стали вопросы, связанные с признанием независимости Финляндии и ее прав на Восточную Карелию. Отношение к русской эмиграции в Финляндии было более чем сложным, и Маннергейм считал, что если будет обещана передача Восточной Карелии в обмен на взятие Петрограда, то общественное мнение можно будет воодушевить на поддержку такой операции.⁵⁰ Сама постановка подобного вопроса вызывала болезненную реакцию среди белоэмигрантских политиков в Западной Европе. Из наиболее видных ее деятелей только К.Д. Набоков соглашался на признание независимости бывшей имперской провинции. Однако Юденич занимал иную позицию, и прямые контакты с Маннергеймом были на значительное время прерваны.

Впрочем, нельзя рассматривать многочисленные высказывания главы финского государства в то время о необходимости свержения большевистского режима как выражение готовности в любой момент предпринять какую-либо акцию против Петрограда. Внешне- и внутриполитическое положение страны было весьма сложным. Более того, говорить о наличии необходимой для такой операции армии также не приходилось. Очень плохо обстояло дело с вооружением. Когда в последних числах ноября 1918 г. Финляндия стала поставлять Эстонии некоторые виды вооружений, то финский генштаб спустя несколько дней высказался резко против подобной практики и нашел в своем требовании поддержку военного министра Р. Вальдена (одного из наиболее близких Маннергейму политиков).⁵¹ Когда в январе 1919 г. эстонская сторона попросила о бомбардировке с самолетов русских

⁴⁷ *Маргулис М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 57.

⁴⁸ *Zetterberg S.* Suomi ja Viro 1917—1919. S. 248.

⁴⁹ *Маргулис М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 58.

⁵⁰ *Jääskeläinen M.* Die Ostkarelische Frage : Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in den Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918—1920. Helsinki, 1965. S. 172.

⁵¹ *Zetterberg S.* Suomi ja Viro 1917—1919. S. 151.

бронепоездов на фронте, то реакция военного министерства Финляндии также была отрицательной.⁵² Проблема с оружием не была для Финляндии решена и тогда, когда в конце весны—начале лета 1919 г. Франция стала поставлять ей оружие. Боеприпасов считалось достаточно всего на три месяца ведения военных действий.⁵³

Следует отметить, что, несмотря на предпринимавшиеся финской стороной шаги к тому, чтобы помешать большевикам захватить Эстонию, финско-эстонские отношения отнюдь не отличались особой доверительностью и бескорыстностью. Не встретили в Финляндии особого восторга и высказывания К. Пятса, в которых содержалось предложение о создании своего рода союза государств с общим президентом, со своими правительствами и разными бюджетами.⁵⁴ Сам Маннергейм полагал, что не следует слишком связывать интересы Финляндии с интересами Эстонии. Он и некоторые другие финские политики считали вполне возможным, что Эстония все равно в конечном итоге окажется включенной в будущее Российское государство. Позиция главы государства сказалась и на позиции так называемого Центрального комитета помощи Эстонии, во главе которого стоял О. Лоухивуори. На встрече 6 февраля 1919 г. с командующим финскими добровольческими отрядами в Эстонии генерал-майором М. Ветцером Лоухивуори подчеркивал, что не следует использовать финских воинов за границами Эстонии.⁵⁵ Интересны в данном отношении встреча представителей этого комитета помощи с генералом Лайдонером, состоявшаяся 24 февраля, и последующая реакция Маннергейма. Лайдонер заявил приехавшим на празднование дня независимости Эстонии Лоухивуори, Лавониусу, Хонкайюри и Холма следующее: Эстонии нужен буфер против нового наступления большевиков, ей, как и Финляндии, важно захватить Петроград, для чего хватило бы двух финских и одной эстонской дивизии; спрашивать одобрения такой операции у Антанты было бы абсурдно, так как та не пойдет на это. Когда комитет собрался на обсуждение этого предложения Лайдонера, то только Лоухивуори высказался за него. Не найдя поддержки у комитета, Лоухивуори 3 марта представил главе государства соответствующую записку. Ответ Маннергейма был отрицательным: Финляндия прежде всего политически не готова к такому ходу событий.⁵⁶ Об этом же регент написал в тот же день генерал-майору М. Ветцеру: «Естественно, нельзя предпринимать на восточных границах Эстонии глубокопроникающую операцию. Инициатива в этом деле должна исходить от нас, и мы не упустим нужного момента, но только тогда, когда будут созданы необходимые

⁵² Suomen puolustuslaitos 1918—1939 : Puolustusvoimien rauhan ajan historia / J. Kronlund toimittamana. Porvoo; Helsinki, 1989. S. 95.

⁵³ Ibid. S. 168.

⁵⁴ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917—1919. S. 197—200. — Подробнее см. в другой работе этого финского историка: Die finnische-estnischen Unionspläne 1917—1919 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1984. Bd 32, H. 4. S. 517—540.

⁵⁵ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917—1919. S. 228.

⁵⁶ Ibid. S. 230—231.

предпосылки». ⁵⁷ Попытки одного из командиров финских добровольцев в Эстонии Х. Кальма действовать вопреки мнению Маннергейма и Ветцера закончились его отзывом в Финляндию. А вскоре добровольцы начали возвращаться на родину. «Уходит весь штаб генерала Ветцера и часть войск с южного фронта из-под Валка. Через три дня уходит майор Экстрем со всеми финнами с Нарвского фронта», — записывал в своем дневнике 14 марта консул Дании Й. Йохансен.⁵⁸ Вопрос о присылке снова добровольцев в Эстонию возник в самом начале мая, незадолго до наступления эстонской армии и корпуса Родзянко. Тогда эстонская сторона запросила 10 тыс. добровольцев, но военный министр Финляндии Р. Вальден считал, что могут быть предоставлены лишь 1—2 тыс.⁵⁹

Прямые контакты Маннергейма с политическими кругами русской эмиграции в Финляндии были возобновлены только во время олонецкой экспедиции финских отрядов и наступления Северного корпуса под командованием полковника К.К. Дзержинского, начатого в середине мая.

2 апреля 1919 г. финское правительство обсуждало проблемы Восточной Карелии. Рассматривались два возможных варианта действий: «большая» и «малая» программы. Первая требовала привлечения 4—5 тыс. человек и, по мнению военного командования, не могла быть осуществлена добровольческими отрядами, для ее проведения требовались регулярные части. Довольно долго проведению операции в Олонце сопротивлялся начальник генштаба генерал-майор Х. Игнатиус, ссылаясь на опыт, кстати неудачный, прежних добровольческих экспедиций. Маннергейм также был против действий в Олонце, так как считал, что не следует распылять силы, которые должны быть сосредоточены для осуществления главной задачи — взятия Петрограда.⁶⁰ Изменение позиции регента и начальника генштаба произошло тогда, когда выявилась возможность увязки продвижения в Олонце с петроградской операцией. Но проведение олонецкой экспедиции зависело и от позиции Антанты. Франция выступала за достижение договоренности между финнами и русской эмиграцией, что еще раз было подтверждено в конце апреля при встрече начальника русского отдела МИД Франции А. Камерера с представителем Финляндии в Париже А. Тернгреном.⁶¹ Но возможной была негативная реакция Лондона, одним из вероятных последствий которой могли стать меры, препятствующие подвозу зерна в Финляндию.⁶² О таком повороте событий шла речь и в полученной финским министром иностранных дел К. Энкелем копии одного меморандума, направленного Ллойд Джорджу из окружения Юденича в

⁵⁷ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 176.

⁵⁸ Die Tagebuchaufzeichnungen des dänischen Generalkonsul in Reval J.Ch. Johansen. S. 106.

⁵⁹ Zetterberg S. Suomi ja Viro 1917—1919. S. 247.

⁶⁰ Suomen puolustuslaitos 1918—1939. S. 97—98.

⁶¹ Pietiäinen J.-P. Rudolf Holsti: Lehtimies, tiedemies, politikko. 1881—1919. Espoo, 1986. S. 375.

⁶² Jääskeläinen M. Op. cit. S. 172—173.

марте 1919 г.⁶³ В Лондоне не могли не учитывать отрицательного отношения подавляющего числа лидеров русской эмиграции к признанию независимости Финляндии. В случае же проведения «большой программы» речь заходила не только о признании независимости, но и о значительном изменении границ. Уже во время боевых действий в Восточной Карелии английская сторона неоднократно выступала с предостережениями против возможного продвижения финских войск на юг и дальнейшего расширения занимаемой территории. Исполняющий обязанности министра иностранных дел лорд Керзон 7 мая сказал в беседе с главой финской дипломатической миссии в Лондоне Р. Холсти, что главная задача Финляндии состоит в том, чтобы избежать ссор со своим соседом, проводить независимую политику в отношении границ, и тогда, когда в России утвердится новое правительство, Финляндия будет рассматриваться им не как враг, а как союзник. Более того, 16 мая Холсти даже сообщал в Гельсингфорс, что Англия не против оказания помощи Эстонии Финляндией, но против наступления эстонских войск на Петроград.⁶⁴

Таким образом, на протяжении первой половины 1919 г. любая крупная военная акция финской армии на Северо-Западе так или иначе оказывалась обусловленной достижением компромисса с русской эмиграцией. Последняя упорно не желала идти на признание независимости. Еще в сообщениях А. Тёрнгрена из Парижа от 28 января и 4 февраля 1919 г. сообщалось о позиции министра иностранных дел колчаковского правительства С.В. Сазонова, заявлявшего, что его прежде всего волнует оборона Петрограда в будущем, поэтому Финляндии может быть предоставлено только административное самоуправление, а у России должно быть право держать на ее территории свои укрепления и гарнизоны, предпринимать на ее территории военные действия.⁶⁵ Подобная позиция вела к тому, что совместная операция для финнов теряла всякий смысл. Даже 26 июня 1919 г., т.е. спустя неделю после подписания известного соглашения между Юденичем и Маннергеймом, когда провал летней кампании Северо-Западной армии был очевиден, Сазонов в Париже продолжал придерживаться прежних взглядов. Пораженный генерал Спирс сообщал Черчиллю: «... я не понимаю его позиции в отношении Петрограда. Ему очень хочется видеть его взятым, но уплатить требуемую сумму он не готов. Он не замечает крайней необходимости этого дела, он не готов пойти на необходимые уступки или обещания финнам».⁶⁶

8 мая состоялась встреча Маннергейма с представителями Юденича генералами Б.К. Арсеньевым и С.К. Белосельским-Белозерским. Поскольку в очередной раз был поднят вопрос о признании независимости Финляндии и о присоединении к ней Восточной Карелии, а Арсеньев

⁶³ *Enckell K. Poliittiset muistelmani. Helsinki, 1956. Osa 2. S. 115.*

⁶⁴ *Piettiäinen J.-P. Op. cit. S. 377—378.*

⁶⁵ *Enckell K. Op. cit. S. 114.*

⁶⁶ *Gilbert M. Op. cit. Vol. IV, part 2. P. 719.*

не мог на него дать положительного ответа,⁶⁷ военный министр Р. Вальден в тот же день заявил, что еще рано думать о сотрудничестве с русскими для захвата Петрограда.⁶⁸ Маннергейм во время встречи сказал Арсеньеву, что у финнов нет желания воевать за красивые глаза русских.⁶⁹ Вторая и также безрезультатная встреча состоялась 20 мая.

Стоит отметить, что разработка оперативных и мобилизационных планов финской армии шла на протяжении первой половины года относительно медленно — слишком часто менялась ситуация. В подготовленном генеральным штабом к концу апреля плане предусматривались три возможных варианта действий: оборона, нападение— оборона, нападение. Генштаб к этому времени разработал и план нападения на Петроград, основная мысль которого была следующей: «Если нападать на Петроград, то следует использовать все силы, которые страна может выставить, с тем чтобы сразу достичь необходимого превосходства в силах и морального преимущества, которые обеспечат победное продвижение войск».⁷⁰ Предполагалось использовать 3 пехотных дивизии, егерскую бригаду, 5 полевых и тяжелую гаубичную батареи, 3 кавалерийских полка, 2 бронепоезда.⁷¹ Финские историки, однако, обращают внимание на то, что в апреле план не имел законченного характера, а направленная генштабом в части информация была незначительной. Даже в конце следующего месяца план возможной петроградской операции не был полностью разработан. Фактически о намерениях генштаба в конце мая свидетельствует только датированный 25-м числом и неподписанный меморандум «Общие директивы для наступления войск после того, как сопротивление на Карельском перешейке будет сломлено». Автор этого документа исходил из того, что, потерпев на перешейке поражение, большевики эвакуируют Петроград и начнут отступление на московском направлении. Тогда бегущего противника следует гнать вплоть до намеченной южнее Петрограда линии обороны, которая должна проходить на таком расстоянии от города, чтобы за ней оставалось пространство, достаточное для создания тех русских отрядов, которые затем продолжили бы наступление. Эта линия обороны начиналась бы за Ораниенбаумом и шла через Елизаветино—Сиверская—Вырица—Лисино—Тосно к Шлиссельбургу. Самым опасным отрезком считался район между Тосно и Варшавской железной дорогой. Фактически вся операция должна была осуществляться только финскими войсками, включая 4-ю и 6-ю дивизии, которые и осуществили бы собственно занятие города.⁷² Об этом Маннергейм сообщил главе союзнической военной миссии в Прибалтике генералу Х. Гофу 26 мая. Но британский генерал дал понять, что подобная операция должна

⁶⁷ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. С. 33—35.

⁶⁸ *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 193.

⁶⁹ *Fol J.-J.* Accession de la Finlande à l'Indépendence. 1917—1919: These présentée devant l'Université de Paris. Lille, 1977. T. 2. P. 731.

⁷⁰ *Suomen puolustuslaitos 1918—1939.* S. 196.

⁷¹ *Ahti M.* Salaliiton ääriiviivat: Oikeistoradikalismi ja hyökäävä idänpolitiikka 1918—1919. Espoo, 1987. S. 137—139.

⁷² *Ibid.* S. 140—143; *Suomen puolustuslaitos 1918—1939.* S. 195—196.

осуществляться только совместными усилиями финнов и белогвардейцев.⁷³

Между тем положение для Юденича и его окружения становилось достаточно серьезным. Успешно развивавшееся наступление Северного корпуса и эстонской армии могло повлечь за собой полное устранение верхушки русской эмиграции в Финляндии от руководства движением на Северо-Западе. А собственных сил для вступления в борьбу практически не было. Так, 17 мая Юденич телеграфировал генералу Е.К. Миллеру: «Организация состоит из 1 тыс. человек, половина офицеров, никаких боевых частей, никакого вооружения, снаряжения».⁷⁴

Поэтому предпринимаются экстренные шаги. 25 мая Юденич покинул Гельсингфорс и приехал в Ревель. Однако глава находившейся там союзнической миссии Х. Гоф, вероятно, счел, что претензии Юденича при успехах на фронте могут создать конфликтную ситуацию в командовании корпусом, и настоял на возвращении генерала в Финляндию.⁷⁵ То, что такие опасения были небезосновательными, показала состоявшаяся несколько дней спустя в штабе Северо-Западной армии беседа эстонского премьера с ее командованием. В своей телеграмме от 4 июня английский консул Босанкет передавал информацию генерала Гофа об итогах этой беседы: эстонцы и Северо-Западная армия не приветствуют присутствия генерала Юденича на этой стороне залива по политическим причинам.⁷⁶ Кроме того, Гоф считал вполне возможным захват Петрограда войсками Родзянко и эстонской армией.⁷⁷

С начала мая 1919 г. активизировала свои усилия, направленные на создание Северо-Западного фронта, русская эмиграция в Англии и Франции. Прибывшие в Лондон генералы Н.Н. Головин и Л.Ф. Бичерахов попытались через С. Хора добиться встречи с Черчиллем. Последнему Хор 3 мая направил три подготовленных Головиным меморандума и свое сопроводительное письмо, в котором кратко излагалась точка зрения русского генерала на сложившуюся военно-политическую ситуацию: положение Колчака становится все более тяжелым, поэтому следует создать дополнительные силы для борьбы с большевиками, однако «удара из Финляндии он не желает ввиду политических трудностей с финнами... единственной альтернативой является удар из Эстляндии. Это означало бы переброску Юденича и его двух или трех тысяч офицеров из Финляндии в Эстляндию и набор возможно большего числа военнопленных в Германии». Черчилль был заинтересован представленной ему информацией и послал Головину приглашение зайти в военное министерство, а полученные меморандумы направил начальнику военных операций генералу Редклиффу. Один из этих документов, носивший название «Записка об организации наступления на

⁷³ *Ahti M.* Op. cit. S. 144—145.

⁷⁴ *Федотов Б.Ф.* На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 114.

⁷⁵ *Bradley J.F.N.* L'Intervention Alliée dans les Etats Baltes. 1919 // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporain.* 1976. T. 23. P. 246.

⁷⁶ DBFP. London, 1949. Vol. 3. P. 344—345.

⁷⁷ *Schmid A.P.* Op. cit. S. 171.

Петроград», исходил из того, что падение этого города будет моральным поражением большевиков, которое послужит импульсом к активизации антибольшевистски настроенного населения. Но необходимыми условиями успеха являлись бы присутствие английского флота и снабжение войск Юденича техникой. Редклифф, изучивший предложения Головина, согласился с последним по ряду пунктов, однако высказал мнение о желательности переброски офицеров Юденича на Мурман, если же это не представится возможным, то в Эстляндию, хотя политические трудности в этой стране были также значительными, а армия слабее финской. К вербовке военнопленных в германских лагерях Редклифф отнесся скептически. Спустя несколько дней состоялась личная встреча Головина и Редклиффа, и первый оценил ее результаты весьма высоко. Когда во время беседы возник, в частности, вопрос о независимости Эстонии, Головин ответил, что о ней не может быть и речи. Редклифф согласился с этой точкой зрения, но сказал, что известная автономия все-таки необходима.⁷⁸

На состоявшейся 6 мая встрече с Головиным Черчилль сказал следующее: самым трудным вопросом для него лично является оказание военной помощи, но он готов сделать все от него зависящее; первым шагом станет отправка специальной военной миссии к Юденичу во главе с генералом Х. Гофом. Черчилль считал, что есть очень серьезный вопрос, от ответа на который зависит многое, — целесообразно ли вообще занимать Петроград, если принять во внимание трудности со снабжением занятой территории продовольствием?⁷⁹

В конце мая Маннергейм встретился с главой вышеупомянутой союзнической военной миссии Гофом и изложил те условия, на которых Финляндия могла бы принять участие в операции против Петрограда. Условий было четыре: 1) нейтрализация Балтийского моря; 2) создание нейтральной зоны между Петербургом и Финляндией; 3) уступка Петсамо и ведущего туда из Финляндии коридора; 4) проведение плебисцита в Восточной Карелии по вопросу, желает ли ее население присоединиться к Финляндии или остаться в составе России.

Помимо этого союзники должны были поставить самолеты, танки и другое вооружение, оказать финансовую поддержку в размере 10-миллионного займа в фунтах стерлингов и предоставить продовольствие. Ни о каком тесном сотрудничестве с Юденичем речи не шло.⁸⁰ При оценке выдвинутых условий Гоф руководствовался полоченными им перед отъездом инструкциями Керзона, которые первоначально сводились к тому, что Англия не окажет поддержки Финляндии в осуществлении акции против Петрограда. Позднее, правда, Керзон изменил свою позицию — в письме А. Бальфуру от 16 июня он высказался за поддержку финского правительства при получении от последнего твердых гарантий в том, что оно не претен-

⁷⁸ Ibid. S. 161—162.

⁷⁹ Ibid. S. 163—164.

⁸⁰ Jääskeläinen M. Op. cit. S. 196—197.

дует на русскую территорию.⁸¹ Далее Гоф считал финскую армию политически неблагонадежной. В своем письме Керзону он отметил, что участие Маннергейма может негативно отразиться на внутривнутриполитической обстановке в Финляндии, так как армия на 50 %, если не на 75, «красная».⁸² Принимая во внимание существовавшие в финском правительстве разногласия по этому вопросу, Гоф в целом отнесся скептически к планам регента.

Однако, несмотря на все разногласия, которые имелись у главы финского государства и поддерживавших его кругов с русской эмиграцией, как раз в это время происходит достаточно быстрое их сближение. Представляется, что причиной этого послужило не имеющее, на первый взгляд, никакой связи с военными действиями на Северо-Западе одно событие во внутренней политике Финляндии: в конце мая парламент страны принял республиканскую конституцию, предусматривающую введение поста президента. Маннергейм мог затянуть подписание этого документа («формы правления»), используя свои полномочия главы государства, но отказаться подписать его вообще он мог только при серьезной поддержке как в парламенте, так и в обществе. Невольно политические круги русской эмиграции оказались втянутыми в борьбу по вопросу о форме государственного устройства. Маннергейм с начала июня пытался форсировать достижение соглашения с ними. 6 июня 1919 г. состоялась его встреча с Юденичем и Гофом. Регент торопил своих собеседников, утверждая, что после президентских выборов обстановка изменится.⁸³ В возможность победы на них он, следовательно, не очень-то верил. Естественно, возникают вопросы: была ли замышляемая операция против Петрограда средством такого изменения обстановки в стране, которое позволило бы ему добиться победы на выборах, или же она отражала его желание осуществить давно вынашиваемую мечту? Дальнейшее развитие событий позволяет положительно ответить на первый вопрос.

Прошло несколько дней после беседы Маннергейма с Юденичем и Гофом, и 12 июня регент выступил на встрече с парламентской фракцией коалиционной партии, от поддержки которой многое зависело. Он заявил, что и Англия, и Франция поддерживают проведение операции против Петрограда, и высказался за проведение мобилизации. В этот же день у него состоялась еще одна встреча с Юденичем. Но накануне в правительстве произошел первый острый конфликт из-за переговоров с Юденичем. В результате была создана комиссия для рассмотрения этого вопроса; в ее состав вошли премьер-министр К. Кастрен, исполняющий обязанности министра иностранных дел Л. Эрнроот, военный министр Р. Вальден и один из лидеров аграрного союза С. Алкио. Невозможность осуществления крупной наступательной операции без мощной политической, военной и финансовой поддержки со стороны

⁸¹ *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921: Britain and the Russian Civil War. Nov. 1918—Feb. 1920. Princeton, 1968. P. 260—262.

⁸² *Schmid A.P.* Op. cit. S. 173.

⁸³ *Ahti M.* Op. cit. S. 160.

Великобритании заставила премьера встать на сторону Алкио. К этому решению комиссия пришла 18 июня,⁸⁴ а ответом на него с противной стороны стало подписание в этот день военного и политического соглашения между Маннергеймом и Юденичем. Правительство Финляндии не было поставлено в известность об этом факте, но проекты соглашений были направлены английскому и французскому правительствам. Финский историк М. Ахти считает, что возможны только два объяснения подобного образа действий барона: либо он хотел вначале добиться одобрения союзников, чтобы улучшить возможности протаскивания проекта в правительстве Кастрена, либо получить внешнеполитическую поддержку на тот случай, если бы наступление было начато без одобрения правительства и парламента. Сам М. Ахти склонен считать, что последнее объяснение наиболее вероятно, если принять во внимание дальнейшее развитие событий.⁸⁵

Между тем в правительстве и парламенте все больше сторонников находила точка зрения, что напряженная обстановка в стране специально нагнетается, для чего провоцируются пограничные конфликты. Для проверки этого 18 июня на границу даже выехала специальная парламентская комиссия. Правда, прийти к каким-либо выводам она не смогла.

Еще одним фактором в развитии этих событий была деятельность активистов. До поры отношения между ними и Маннергеймом характеризовались обоюдным недоверием. Необходимо учитывать, что с начала 1919 г. среди активистов было распространено мнение, что Советы долго не продержатся, а после поражения красных Россия постепенно преодолеет свои внутренние слабости и в конце концов снова станет источником угрозы для Финляндии. Центром такой угрозы на Северо-Западе, по их мнению, был Петроград. Последний иногда именовался как жалкий гнойник в теле Ингерманландии, который следовало уничтожить прежде всего потому, что своим существованием он делал невозможным практическое осуществление идеи создания Великой Финляндии.⁸⁶ Упоминавшийся выше Х. Кальм считал, например, что, после того как большевики уберутся из города, Петроград следует оставить природным стихиям, которые сделают свое дело.⁸⁷ Такие взгляды активистов противоречили одному из центральных пунктов программы Маннергейма: преподнесение Петрограда освобожденной России в качестве платы за признание независимости Финляндии. Если регент был уверен, что рано или поздно, но возродится прежняя, хотя и обновленная, Россия, то активисты, соглашаясь с этим, вместе с тем считали, что такой ход событий ни в коем случае не следует ускорять: длительная слабость России дала бы Финляндии крайне необходимую передышку, которая позволила бы подготовиться к отпору в будущем.

Казалось, что между Маннергеймом и активистами нет точек соприкосновения. Тем более что первый, изменив собственную позицию,

⁸⁴ Ibid. S. 160—161.

⁸⁵ Ibid. S. 175.

⁸⁶ Ibid. S. 116.

⁸⁷ *Kalm H. Pohjan Poikain retki. 1921. Nide 2. S. 190.*

которую занимал зимой 1919 г., в принципе теперь соглашался на совместную с белой русской эмиграцией операцию, а активисты были категорически против любых форм сотрудничества. Тем не менее с весны 1919 г. намечается некоторое сближение между ними. 21 мая в генеральном штабе финской армии состоялось секретное совещание, на котором присутствовали военный министр Р. Вальден, начальник штаба Х. Игнатиус, его предшественник на этом посту Т. фон Адлерфлюг, а также активисты Э. Кайла и Э. Хейккель. О том, что к этому времени отношения армейской верхушки с активистами зашли достаточно далеко, свидетельствовало то, что последним было «дано задание» — речь шла о проведении активистами ряда акций против Балтийского флота.⁸⁸ Но, несмотря на желание Маннергейма воспользоваться услугами активистов, последние, по всей видимости, не посвящались им в детали подготовки петроградской операции. Они не были поставлены в известность о соглашениях с Юденичем.⁸⁹

Тем временем в политических кругах Финляндии все более утверждалось мнение, что группа «Игнатиус—Маннергейм» намеренно провоцирует войну ради победы на президентских выборах. Попытки Маннергейма заручиться поддержкой правительства зашли в тупик. В самом правительстве возникла конфликтная ситуация, которую обе стороны пытались заглушить. Это вызвало распространение среди активистов пессимистических настроений: будет ли вообще проводиться какая-нибудь операция? В такой обстановке и возник так называемый активистский проект. Его появлению предшествовала встреча Маннергейма с К. Доннером — одним из лидеров активистов. На следующий день — 8 июля — состоялось совещание активистов, на котором было решено продолжать переговоры с регентом, направить к нему от имени активистов Х. Окермана и настаивать на необходимости перехода к прямым действиям до президентских выборов. Кайла сделал запись о визите Окермана в своем дневнике: регент «присоединяется к нашей программе и с радостью высказывается за то, чтобы оказывать нам помощь».⁹⁰ О чем собственно шла речь? Активисты предложили такой план действий: в начале Маннергейм откладывает утверждение новой конституции на неопределенно долгий срок, необходимый для подготовки петроградской операции, после чего распускает парламент под тем предлогом, что до президентских выборов должны быть проведены новые парламентские выборы, затем утверждает конституцию и объявляет военное положение в стране. Через несколько дней после этого можно было бы начинать военные операции под Петроградом.

Но, выдвинув свой план, активисты сделали существенную оговорку: он должен быть одобрен правыми партиями. Именно их представители, прежде всего лидеры коалиционной партии, должны были бы создать новый состав правительства. Помимо вышеупомянутого плана активист Э. Суолахти предложил свой вариант: провести президент-

⁸⁸ *Ahti M.* Op. cit. S. 148—150.

⁸⁹ *Ibid.* S. 177.

⁹⁰ *Ibid.* S. 184.

ские выборы, которые Маннергейм безусловно проиграет, но, оставаясь верховным главнокомандующим, совершит государственный переворот и начнет операцию. Поражение на выборах, по его мнению, только усилило бы народные симпатии к Маннергейму, и поэтому его последующие шаги получили бы широкую поддержку.⁹¹

Напряжение достигло предела 15—16 июля. Активисты, чтобы заручиться поддержкой коалиционной партии, лидер которой Л. Ингман был против предлагавшегося плана, несколько изменили свой проект: конституция утверждается, но парламент распускается, объявляются новые выборы, до проведения которых и следует осуществить захват Петрограда. Маннергейм одобрил и этот вариант.⁹² Но Ингман считал, что без поддержки аграрного союза и прогрессивной партии войну можно считать заранее проигранной, а Ю.К. Паасикиви в свою очередь заявил, что подобная операция невозможна в финансовом отношении без поддержки парламента. Поддержки со стороны аграрного союза добиться не удалось, несмотря на попытки запугать его лидера С. Алкио неизбежной гибелью армии, так как следовало якобы в случае поражения Маннергейма ожидать массовых отставок офицеров.⁹³ Становилось ясным, что любой из предлагавшихся планов в существовавшей политической обстановке неосуществим. В итоге 17 июля Маннергейм подписал новую конституцию.

Пока у Юденича оставалась надежда на возможность совместного финско-русского наступления, он не спешил перебираться на южный берег Финского залива, хотя еще 23 июня, ссылаясь на указ Верховного правителя от 5 июня 1919 г., издал приказ № 1 о том, что он является командующим вооруженными силами на Северо-Западе России.⁹⁴ Более дальновидному Черчиллю гораздо раньше стало понятно; что ожидать такого наступления не приходится. В своей телеграмме генералу А. Ноксу он объяснял свой пессимистический вывод успешным наступлением советских войск в Карелии и введением в действие новой конституции.⁹⁵ На заседании военного кабинета 4 июля 1919 г. Черчилль оценил планы наступления на Советскую Россию из Финляндии как предприятие крайне спекулятивного характера. Позиция Колчака и новая внутривнутриполитическая ситуация в Финляндии вообще сделали, по его мнению, захват Петрограда маловероятным. Исходя из этого, он предлагал продолжать поставки оружия и снаряжения и оставить английскую эскадру на Балтике.⁹⁶ Правда, пройдет несколько недель, и позиция Черчилля изменится. В отличие от своего военного министра

⁹¹ *Mylly J. Maalaisliitto ja turvallisuuspolitiikka: Suomen ulkopolitiikka ja turvallisuuskysymykset agraaripuolueen politiikassa maan itsenäistymisestä talvisotaan. Osa 1. Aktiivisestä heimopolitiikasta passiiviseen isolaatioon. 1918—1933. Turku, 1978. S. 97; Ahti M. Op. cit. S. 184—185.*

⁹² *Ahti M. Op. cit. P. 190.*

⁹³ *Mylly J. Op. cit. S. 98.*

⁹⁴ Вестник Северной армии. 1919. 6 июля (23 июня).

⁹⁵ *Schmid A.P. Op. cit. S. 193.*

⁹⁶ *Gilbert M. Op. cit. Vol. IV, part 2. P. 727.*

Ллойд Джордж и в самом конце лета 1919 г. продолжал считать, что «генерал Юденич никогда не имел шансов взять Петроград».⁹⁷

ОЛОНЕЦКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И ПОЗИЦИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Финляндия не стала непосредственным участником антисоветской интервенции. Имевшие место на протяжении 1919 г. попытки некоторых лидеров русского белого движения найти точки соприкосновения с интервенционистски настроенной частью финского руководства и договориться с ней о совместном походе на Петроград по различным причинам не могли завершиться успехом. Претендуя на часть принадлежавших России карельских земель, финское руководство рассчитывало получить их в качестве компенсации в обмен на помощь русской контрреволюции. Именно на это упорно не хотели идти белые вожди. Тогда среди части финских сторонников интервенции появилось стремление удовлетворить свои территориальные притязания в Карелии самостоятельно. Подобные настроения были особенно характерны для группировки активистов, известной своей неприязнью к русским вообще, включая и белогвардейцев.

Аннексионистские настроения среди правящих кругов Финляндии подогревались наличием сепаратистского движения в Карелии. В Финляндии начали возникать и действовать организации, ставившие задачей поддержку этого движения. Одной из наиболее крупных организаций был Карельский комитет, начавший свою деятельность с января 1919 г. Он разработал программу, в которую помимо прочего входили план устройства Восточной Карелии с финской помощью и организация референдума по вопросу об управлении территорией.⁹⁸ У планов вооруженной акции в Карелии было и немало противников. К их числу принадлежал и тогдашний премьер Л. Ингман. Он и его единомышленники опасались не только конфронтации с Советской Россией, но и противодействия со стороны русских белогвардейцев и держав Антанты. Правительство Ингмана 18 марта запретило Карельскому комитету организацию вооруженной акции. Однако это решение вызвало недовольство влиятельных сторонников интервенции. 2 апреля кабинет вернулся к рассмотрению вопроса. В ходе обсуждения были предложены две программы. «Большая программа» предполагала завоевание всей Карелии, а также Ингерманландии (Ижорской земли) при активном участии правительственных войск. Однако это означало бы открытую войну с Советской Россией. Немалые опасения вызывала и возможная реакция Запада и русских контрреволюционеров. Поэтому одобрение получила «малая программа». Согласно ей, предполагалось занять Олонец (по-фински Аунус) и прилегающую область. Участвовать в вооруженной акции должны были только добровольцы, активная помощь прави-

⁹⁷ Ibid. P. 827.

⁹⁸ *Fol J.-J.* Op. cit. P. 753.

тельства не предвиделась.⁹⁹ Вербовка добровольцев началась еще в марте. Всего было набрано около 2 тыс. человек, из которых сформировали 4 батальона. Ими командовали офицеры регулярной финской армии, выходцы из обученного в Германии егерского батальона. Формирование получило название «Олонецкая добровольческая армия». Ей были предоставлены продовольствие и различные виды вооружения, что, конечно, вряд ли было бы возможно без содействия властей. Командующим Олонецкой армией был назначен полковник А. Сихво.

17 апреля в Финляндии произошла смена кабинета. Новое правительство возглавил лидер прогрессивной партии К. Кастрен. С его благословения подготовка к походу была форсирована. Связано это было также с тем, что 11 апреля на мурманском направлении началось наступление войск Антанты под командованием английского генерала К. Мейнарда. Они могли оккупировать территорию, на которую претендовала Финляндия. Против вторжения выступили левые партии финского сейма. 10 апреля социал-демократические депутаты сейма обратились с запросом к правительству по поводу организации антисоветского выступления, но большинством голосов запрос был отвергнут. 21 апреля последовал новый запрос социал-демократов. Они требовали ответа на следующие вопросы: известно ли правительству, что на территории Финляндии организуются вооруженные отряды для посылки за границу? Знает ли правительство, откуда эти отряды получили оружие и снаряжение, и что оно предприняло или собирается предпринять, чтобы воспрепятствовать их выступлению? Однако и на этот раз противники интервенции не смогли добиться поддержки большинства сейма. 105 голосами против 80 сейм отклонил запрос и решил перейти к обычной повестке дня.¹⁰⁰

Военно-оперативные планы похода состояли в том, чтобы вклиниться между Петроградом и Карелией и перерезать Мурманскую железную дорогу. Ставилась задача: окружить и уничтожить части красных в районе Видлицы, Туломозера, Олонца. Наступление велось тремя группами по батальону в каждой. Главный удар наносила южная группа (1-й батальон) в направлении Олонец—Лудейное Поле. Средняя группа (3-й батальон) должна была наступать на Пряжу. Северная группа (4-й батальон) имела задачей выйти к Сямозеру. После захвата Пряжи северная и средняя группы должны были объединиться под общим командованием майора А. Талвела и, развивая наступление, выйти к Петрозаводску и захватить его. 2-й батальон находился в резерве.¹⁰¹

В ночь на 21 апреля войска Олонецкой добровольческой армии перешли границу у д. Видлица и начали наступление. Расположенные в приграничных районах части красных были немногочисленны и разбросаны на большой территории, оказать серьезного отпора они не

⁹⁹ *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. М., 1975. С. 69.

¹⁰⁰ *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 183.

¹⁰¹ *Ibid.* S. 178.

могли. В первый же день наступающие захватили Видлицу и Тулоксу и вышли к Олонцу, который пал 23 апреля. Несколько следующих дней упорные бои шли в районе Александрово-Свирского монастыря, который был взят 28 апреля, после чего финны повели наступление на Лодейное Поле и, не встречая серьезного сопротивления, вышли к р. Свирь. Подоспевшие подкрепления красных отразили попытки частей Олонецкой армии форсировать реку, и к началу мая финны были отброшены на исходные позиции.¹⁰² На петрозаводском направлении интервентам удалось оттеснить красные части и захватить д. Пряжу, однако для штурма Петрозаводска сил было недостаточно. Добровольцы надеялись на поддержку местного населения, вели активную антирусскую агитацию, причем старались настроить жителей Карелии даже против русских белогвардейцев.¹⁰³ Однако эти расчеты, за редкими исключениями, не оправдались. Значительная часть местного населения отнеслась к «освободителям» пассивно или даже враждебно, к добровольческой армии присоединилось не более тысячи карел.

Финское вторжение в Карелию вызвало протест правительства РСФСР. 27 апреля Народный комиссариат иностранных дел направил ноту по поводу поведения правительства Финляндии, но она была оставлена без ответа. Советское правительство ошибочно полагало, что военные операции белофиннов были скоординированы с державами Антанты. В действительности отношение Антанты к событиям в Карелии было гораздо более сложным. Большинство делегатов западных держав на Парижской мирной конференции к финской интервенции в Карелии отнеслось отрицательно. В меморандуме директора английской морской разведки от 1 мая утверждалось, что поход финских добровольцев был организован с германской помощью и служит целям укрепления влияния Германии в Балтийском регионе.¹⁰⁴ Командующий войсками союзников на мурманском направлении генерал Мейнард получил указание от английского военного министерства не вступать ни в какие связи с финнами, пока от них не будет получено обещания, что они не имеют аннексионистских устремлений в отношении русской территории. 6 мая Великобритания и Франция потребовали от правительства Финляндии заверения, что занятие Олонца произведено лишь в целях оказания помощи населению против большевизма и что Финляндия не собирается поставить державы перед свершившимся фактом в разрешении карельского вопроса. Финское правительство вынуждено было уступить и 9 мая направило в Париж телеграмму с соответствующей нотой.¹⁰⁵ Министр иностранных дел Финляндии Л. Эрнроот заявил, что его правительство подчинится любым решениям, которые мирная конференция сочтет необходимым принять относительно вос-

¹⁰² ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1000, оп. 46, д. 11, л. 145, 155, 157.

¹⁰³ *Maynard C. The Murmansk Venture. London, 1929. P. 258.*

¹⁰⁴ *Hovi O. Op. cit. P. 141.*

¹⁰⁵ *Ibid. P. 150; Jääskeläinen M. Op. cit. S. 186.*

точной границы страны.¹⁰⁶ Интересно отметить, что наиболее неприимую позицию по отношению к финским притязаниям в Карелии заняло британское руководство, хотя большая его часть была заинтересована в территориальном расчленении бывшей Российской империи. Французские лидеры, в интересах которых было восстановление сильного русского государства, были настроены более умеренно и даже были готовы в определенной мере поддержать финские устремления, чтобы в дальнейшем обеспечить участие Финляндии в интервенции против Петрограда. Однако «немецкий след» в олонекской экспедиции беспокоил французов не меньше, чем англичан. К тому же потакание финской интервенции могло осложнить отношения с русской контрреволюцией. Поэтому Франция присоединилась к инициированной англичанами ноте.

Что касается реакции русских белогвардейцев на вторжение Олонекской армии в Карелию, то она была крайне негативной. Генерал Е.К. Миллер в телеграмме В.А. Маклакову писал о необходимости определенного заявления союзных правительств о «недопущении захвата русской территории финнами под угрозой прекращения продовольственной помощи».¹⁰⁷ А.В. Колчак, однако, предпочел воздержаться от резких демаршей, так как обострение отношений с Финляндией могло свести на нет переговоры между представителями Юденича и Маннергейма о совместных действиях против большевиков. 24 мая Верховный правитель направил телеграмму Юденичу, в которой говорилось: «По поводу движения финляндцев в Карелию нами получены успокоительные заверения от французского правительства, которые считаем вполне удовлетворительными. Полагаем, что протестовать нам сейчас не следует, ибо это могло бы лишь осложнить наши отношения с Финляндией, с которой ради совместных действий против Петрограда необходимо установить самые дружественные отношения. Вопрос о видах Финляндии на русские территории должен быть отложен до момента, когда русское государство вернет себе голос в международных делах».¹⁰⁸ В то же время такую позицию разделяли далеко не все. Часть белого офицерства была настроена крайне антифински и выступила против всяких отношений с Финляндией. Поэтому некоторые политические деятели опасались, что открытая финская интервенция может привести к расколу белого движения на Северо-Западе. Адмирал В.М. Пилкин в своей телеграмме в Омск не исключал даже, что часть белогвардейцев может перейти на сторону большевиков для защиты Петрограда от финнов.¹⁰⁹

Тем временем на олонекском участке фронта красные, силы которых были увеличены до трех полков, перешли в контрнаступление и после десятидневных упорных боев к 13 мая выбили противника из Олон-

¹⁰⁶ *Paasivirta J.* Op. cit. P. 145.

¹⁰⁷ Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. 1961. № 6. С. 86.

¹⁰⁸ Колчак и Финляндия. С. 119.

¹⁰⁹ Там же. С. 111; *Smith C.J.* Op. cit. P. 174.

ца.¹¹⁰ Белофинны, отступив от города, закрепились на рубеже р. Тулокса. Фронт на время стабилизировался. Под Петрозаводском части Олонецкой армии еще удерживали инициативу. К началу мая северная и средняя группы, оттеснив отряды красных, вышли на подступы к городу. Попытки штурмовать город (наиболее крупная была 6 июня) успеха не имели. Тем временем войска генерала Мейнарда, наступавшие с севера, в начале июня вышли к Онежскому озеру. Командование Олонецкой армии попыталось вступить с ними в контакт с целью избежать возможных столкновений и при благоприятных условиях скоординировать совместные действия для овладения Петрозаводском. 13 июня представитель добровольцев встретился с Мейнардом. Последний выразил готовность к совместным операциям против Петрозаводска. Однако он выдвинул условие, что союзникам должно принадлежать верховное командование, и потребовал обязательства, что после занятия Петрозаводска финские войска отступят, передав управление занятой территорией русской администрации. В ответ полковник Сихво заявил, что предпосылкой для совместных действий может быть только отвод русских белых войск из районов, где они могли войти в соприкосновение с финнами.¹¹¹ Мейнард не мог на это согласиться. Переговоры, таким образом, потерпели неудачу. 20 июня войска Олонецкой армии предприняли новое наступление на Петрозаводск, но и оно было отражено. Боевые действия велись также на Ладожском озере, где обе противоборствующие стороны располагали озерными флотилиями. Большой активностью они, впрочем, не отличались.

В занятых областях оккупанты пытались организовать управление. После занятия Олонца в город прибыло образованное заранее в Финляндии временное правительство, которое должно было создать видимость самоуправления. Его возглавлял судья О. Окессон из Хельсинки.¹¹² Правительство состояло целиком из финнов, что делало слишком очевидным захватнический характер олонецкой экспедиции. Поэтому к середине мая из представителей местного населения была образована так называемая директория. В нее вошли 5 человек, возглавил ее предприниматель Г. Куттуев из Олонца. Поскольку сам Олоонец к тому времени был уже отбит красными, директория избрала в качестве своей столицы сел. Видлица (Виделе) близ финляндской границы.¹¹³ Фактически управление находилось в руках прежнего правительства, которое было преобразовано в Особый комитет и члены которого в качестве «начальников отделов» руководили различными отраслями государственного управления. В конце мая делегация, отправленная директорией, прибыла в Хельсинки и была принята регентом Финляндии К.Г. Маннергеймом. Она привезла с собой меморандум с просьбой о

¹¹⁰ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1000, оп. 46, д. 12, л. 71.

¹¹¹ *Smith C.J.* Op. cit. P. 148, 149; *Jääskeläinen M.* Op. cit. S. 180; *Paasivirta J.* Op. cit. P. 147.

¹¹² *Сюкияйнен И.* Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948. С. 94.

¹¹³ *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 76; *Smith C.J.* Op. cit. P. 141.

присоединении Олонецкой области к Финляндии.¹¹⁴ 6 июня после отставки комитета было сформировано новое правительство. В его состав вошли опять же одни финны, премьер-министром правительства был П. Суппинен, известный промышленник.¹¹⁵ 7 июня в д. Погранкондуши состоялось собрание представителей «освобожденных» волостей. Собрание постановило провести всеобщую мобилизацию мужского населения от 18 до 35 лет, мобилизованные части передать в подчинение командующего финскими добровольцами. Было также решено взять заем в 15 млн р. на военные расходы и 10 млн на предотвращение безработицы. Были избраны делегаты на Парижскую мирную конференцию, подтверждены полномочия карельского правительства. Собрание высказалось в пользу присоединения к Финляндии.¹¹⁶ Однако реальные масштабы поддержки этого плана среди населения были не столь велики, как хотелось бы интервентам. «Олонецкое национальное воодушевление незначительно. Народ смотрит на нас, как на завоевателей», — докладывал майор Талвела полковнику Сихво.¹¹⁷

Тем временем к концу июня войска 7-й советской армии добились перелома под Петроградом, что дало им возможность приступить к более решительным действиям и на других участках. В начале 20-х чисел командованием 1-й стрелковой дивизии был разработан план наступления, ставившего целью очищение карельской территории от интервенционистских сил. Основным звеном этого плана была десантная операция с целью овладения Видлицей, где находилась база Олонецкой армии. Эта задача возлагалась на Онежскую военную флотилию.¹¹⁸ В целях усиления флотилии по Неве в Ладожское озеро были переброшены эсминцы «Уссуриец» и «Амурец», входившие в состав Балтийского флота.¹¹⁹ Операция, начавшаяся в ночь на 27 июня, пошла на редкость успешно, чему в немалой степени способствовала ее внезапность. Корабли Онежской флотилии подошли к устью р. Олонки и открыли огонь по батареям белофиннов, которые были вскоре подавлены, и пароходы, войдя в устье р. Видлицы, высадили десант на обоих ее берегах. Сопротивление финнов было сломлено, и к середине дня красные полностью овладели Видлицей.¹²⁰ Были взяты большие трофеи, составлявшие значительную часть имущества Олонецкой армии, в частности полевые и дальнобойные орудия, несколько тысяч снарядов, несколько миллионов патронов, пулеметы с лентами, бомбометы, склады продуктов, медикаменты, инженерное имущество, обозы обмундирования и т. д.¹²¹ Одновременно была проведена вспомогательная операция под Тулоксой. Отряд кораблей Онежской флотилии утром 27

¹¹⁴ *Сюккяйнен И.* Указ. соч. С. 95; *Smith C.J.* Op. cit. P. 141.

¹¹⁵ *Smith C.J.* Op. cit. P. 141.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ *Jääskeläinen М.* Op. cit. S. 182.

¹¹⁸ РГАВМФ, ф. Р-124, оп. 1, д. 349, л. 8.

¹¹⁹ *Караев Г.Н.* В боях за Петроград. М., 1951. С. 110.

¹²⁰ Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л., 1926. Т. 2, ч. 2. С. 23.

¹²¹ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1000, оп. 46, д. 17, л. 172.

июня высадил десант в устье одноименной реки, который после ожесточенного боя овладел д. Тулокса.

Уничтожение базы Олонецкой добровольческой армии в Видлице практически определило поражение интервентов. После успешного завершения видлицкой операции красные силами четырех полков перешли в общее наступление на олонецком участке и к началу июля отбросили части противника за линию государственной границы.¹²² Несколькими днями позднее столь же успешно было завершено контр-наступление на петрозаводском направлении. В связи с выходом войск к границе советское руководство увидело необходимость принятия мер, ставивших целью избежать обвинения в агрессии, которое могло привести к открытому военному столкновению с Финляндией. Еще 23 июня командующий 7-й армией А.В. Ремезов по согласованию с Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным отдал войскам 1-й дивизии распоряжение, подтвержденное приказом главкома И.И. Вацетиса, — границу не переходить. Тот же приказ запрещал эсминцам Балтийского флота входить в территориальные воды Финляндии.¹²³ 21 июля Реввоенсовет предписал командованию Западного фронта: «...неуклонно поддерживать принятые Вами меры к тому, чтобы ни одна из вверенных Вам частей не переходила границы Финляндии и Эстляндии».¹²⁴

Таким образом, олонецкие события благодаря выдержке советского руководства и сопротивлению антиинтервенционистских сил в самой Финляндии не вышли за рамки локального конфликта. Провал олонецкой экспедиции остудил горячие головы в Финляндии и имел следствием торжество здравого смысла во внешней политике страны. 25 июля состоялись первые в истории выборы президента Финляндской республики. К.Г.Маннергейм, вдохновитель многих интервенционистских замыслов, уступил в результате голосования в семье (50 голосов за и 143 против) либеральному профессору К.И. Стольбергу, которого поддерживали социал-демократы и партии центра.¹²⁵ Стольберг олицетворял собой силы, ориентировавшиеся на мирную внешнюю политику. В конфронтации между Финляндией и РСФСР наступило затишье.

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1919 Г. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Расположенный в Эстонии русский Северный корпус в мае 1919 г. приступил к решительным действиям. Он насчитывал к этому времени около 5800 штыков и сабель, 11 легких орудий и 2 броневика.¹²⁶ Корпус состоял из двух бригад, из которых одна располагалась в районе Нарвы, вторая — на юрьевском направлении. Командующим корпусом оста-

¹²² Там же, д. 18, л. 23.

¹²³ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 343.

¹²⁴ Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) 1 июля—30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 173.

¹²⁵ Paasivirta J. Op. cit. P. 174.

¹²⁶ Рыбаков М.В. Из истории гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. М., 1958. С. 9.

вался полковник К.К. Дзержинский, однако все большее влияние в войсках приобретал командир 2-й бригады генерал А.П. Родзянко. В оперативном отношении корпус временно подчинялся эстонскому главнокомандующему генералу Й. Лайдонеру. Что касается генерала Н.Н. Юденича, которого в русских эмигрантских кругах прочили на место командующего всеми белыми силами на Северо-Западе, то он пока еще не имел реального влияния на Северный корпус, хотя уже и пытался воздействовать на него. В частности, он настойчиво добивался переброски всех сил корпуса под Нарву для нанесения главного удара именно на этом направлении. Родзянко не был согласен с этим и считал более целесообразным наступать на псковском направлении через Псков—Новгород—Чудово. Однако на совещании командования корпуса в конце апреля было решено сосредоточить все его части в нарвском районе и наступать здесь. Вскоре 2-я бригада корпуса была переведена под Нарву. Видимо, сыграло роль сообщение Юденича о том, что англичане обещали поддержать наступление своим флотом. Н.Н. Иванов, однако, утверждал, что это была заведомая ложь и что англичане не давали подобных обещаний; просто Юденич хотел иметь Северный корпус поближе к себе, чтобы получить возможность контр-атаковать его.¹²⁷ Решающим оказалось мнение эстонского командующего Лайдонера, который также высказался за нарвское направление.

Немедленное занятие Петрограда не входило в план весеннего наступления белогвардейцев: сил для этого было явно недостаточно. Родзянко писал в своих воспоминаниях: «Даже в самые лучшие минуты у нас никогда не было мысли о занятии Петрограда, так как наша армия была слишком малочисленна...».¹²⁸ Основной задачей командование корпуса ставило расширение плацдарма к востоку от р. Наровы. Заняв и закрепив за собой часть русской территории, белогвардейцы рассчитывали создать там собственную базу для дальнейших действий и выйти из зависимости от Эстонии. С организацией наступления связывались и некоторые другие расчеты. Активные действия были необходимы, чтобы поднять боевой дух корпуса и предохранить его от разложения, которое могло быть вызвано длительным бездействием. Кроме того, успешная наступательная операция подняла бы престиж Северного корпуса в глазах западных держав и побудила бы последние оказать ему более действенную помощь. Большое значение придавал наступлению на Северо-Западе адмирал Колчак. Как он писал в телеграмме Юденичу, задача операции против Петрограда состояла в том, чтобы отвлечь большевистские силы с Восточного фронта.¹²⁹ Конкретный план операции был разработан генералом Родзянко, полковником Ветренко и начальником штаба 2-й бригады поручиком Видякиным. Главный удар наносился на ямбургском направлении тремя колоннами. Отряд С.Н. Булак-Балаховича готовил вспомогательный удар на Гдов.

¹²⁷ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 г. // Архив гражданской войны. Берлин, б.г. Вып. 1. С. 39.

¹²⁸ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С. 65.

¹²⁹ Колчак и Финляндия. С. 118.

Начало общего наступления было назначено на утро 13 мая.¹³⁰ На первых порах наступление поддерживалось частями регулярной эстонской армии, 1-я дивизия которой располагалась под Нарвой, а 2-я была переброшена в район Тарту (Юрьева) на смену 2-й бригады Северного корпуса. Однако эта поддержка не была значительной, широкомасштабных наступательных операций эстонское командование не планировало. Оказывая помощь Северному корпусу, эстонцы рассчитывали, во-первых, отбросить войска красных от своих границ и окончательно избавиться от большевистской опасности, во-вторых, избавиться от присутствия на своей территории «гостей» в лице русских белогвардейцев, которые после изгнания красных из Эстонии становились все менее желанными; наконец, в обмен на помощь эстонское правительство надеялось получить признание независимости своей страны со стороны верхов русской контрреволюции и держав Антанты. В подчинении эстонского командования находился также ингерманландский добровольческий отряд, сформированный в основном из ижорцев (ингерманландцев), финнов и эстонцев — жителей Петроградской губернии.

В работах некоторых отечественных историков, в частности Г.Н. Караева, утверждается, что замыслы антисоветского наступления были согласованы с Финляндией. Более того, будто бы наступление войск Антанты под командованием английского генерала К. Мейнарда на мурманском направлении (начавшееся 11 апреля), вторжение финской Олонецкой добровольческой армии в Южную Карелию (начавшееся 21 апреля) и выступление Северного корпуса были звеньями единого замысла.¹³¹ Все это имеет мало общего с действительностью. Конечно, нападение олонечких добровольцев объективно содействовало успеху Северного корпуса, так как отвлекло части Красной Армии с петроградского направления. Однако нет оснований говорить о какой бы то ни было согласованности действий тех и других. Более того, русские белогвардейцы негативно отреагировали на финское вторжение в Карелию как на посягательство на русскую территорию.

Условия для перехода в наступление под Петроградом к маю 1919 г. были для белогвардейцев весьма благоприятными. Состояние красного фронта под Петроградом оставляло желать лучшего. Силы сосредоточенных на Северо-Западе 7-й и Эстляндской армий красных были расплывлены. Командованию 7-й армии пришлось направить значительную часть войск в Карелию для борьбы против войск Мейнарда и Олонецкой армии. Оно также вынуждено было держать крупные силы в районе границы с Финляндией на Карельском перешейке. Отношения между РСФСР и Финляндией были к тому времени крайне напряжены, финские войска концентрировались вдоль границы, неоднократно совершали провокации. Большая же часть Эстляндской армии была втянута в военные действия на территории Латвии. Непосредственно на петроградском направлении к началу мая находились весьма незначи-

¹³⁰ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 36—37.

¹³¹ Караев Г.Н. Оборона Петрограда в 1919 г. // Морской сборник. 1939. № 19—20. С. 17.

тельные силы. Наступившее затишье, а главное, уверенность, что эстонцы, достигнув своих этнографических границ, не предпримут серьезной наступательной операции, усыпили бдительность советского командования. Возможность наступления Северного корпуса как реальной силы, способной самостоятельно действовать, почти не учитывалась ввиду его малочисленности. Состояние многих частей 7-й армии было неудовлетворительным. Старые полки по 7—8 месяцев находились в непрерывных боях и были сильно утомлены. К тому же фронт был ослаблен переброской наиболее крепких частей на другие фронты. Свежие пополнения часто бывали ненадежны. Ощущалась нехватка командных кадров. Кроме того, далеко не самым лучшим было отношение населения прифронтовых областей к советской власти. Как и в других районах страны, проявлялось недовольство крестьян политикой продразверстки. Однако особо резкое неприятие со стороны сельского населения вызывали мобилизации в Красную Армию. Крестьяне не понимали целей и смысла войны и не хотели отрываться от родных мест. В результате солдаты легко попадали под влияние антисоветской агитации, особенно когда слышали обещание, что война будет немедленно закончена. Именно мобилизованные крестьяне дали наибольший процент перебежчиков и дезертиров в ходе военных действий.

Командование Северного корпуса было хорошо осведомлено о слабостях противника. Главный удар оно решило нанести против левого фланга нарвского участка красных, который был особенно слаб, и сконцентрировало против него свои основные силы. Общее наступление корпуса началось в ночь на 13 мая. Фронт 6-й дивизии 7-й армии в тот же день был прорван, и белые повели наступление на Ямбург. Красное командование было застигнуто врасплох, части нарвского участка начали в беспорядке отступать. Развивая наступление, белые 17 мая вошли в Ямбург, 20 мая захватили станции Волосово и Кикерино. Булак-Балахович, продвигаясь со своим отрядом на юг вдоль побережья Чудского озера, 15 мая занял Гдов. На левом фланге наступление вели отряды ингерманландцев, которые были высажены 15—17 мая с кораблей эстонского флота в Лужской и Копорской губе и двигались вдоль побережья Финского залива.¹³²

Наступлению Северного корпуса оказывалась поддержка со стороны войск регулярной эстонской армии. Наибольшую активность эстонцы проявили на псковском направлении, где 2-я эстонская дивизия вела наступление на Псков со стороны Печор. Воспользовавшись изменой части командования 1-й красной эстонской дивизии, оборонявшей город, белоэстонцы стремительным ударом прорвали фронт и вышли на подступы к Пскову. 25 мая красным пришлось оставить город. Через три дня сюда прибыл Булак-Балахович, и 31 мая генерал Лайдонер официально передал Псков русским белогвардейцам. Тем временем на нарвском направлении красное командование в конце мая предприня-

¹³² Подробно о ходе военных операций см.: *Надежный Д.Н.* На подступах к Петрограду летом 1919 года. М., 1928; *Корнатовский Н.А.* Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929.

ло контрнаступление, которое, однако, оказалось неудачным. 3 июня белые нанесли сильный контрудар в районе шоссе Ямбург—Красное Село и вынудили красных отойти за р. Коваши.¹³³

Таким образом, начало июня было периодом наибольших успехов Северного корпуса в ходе первого наступления. Генерал Родзянко к тому времени стал формальным командующим корпусом. Полковник Дзерожинский, вернувшись в конце мая из поездки в Ревель, написал рапорт на имя Юденича, где просил освободить его от должности командующего и утвердить в этом качестве Родзянко. С 1 июня Родзянко официально вступил в должность командующего корпусом.¹³⁴ Отставка Дзерожинского, таким образом, формально была добровольной, хотя не исключено, что он был вынужден уйти с поста командующего в результате интриг Родзянко и поддерживавших его лиц. Известно также, что Родзянко пользовался на первых порах благосклонностью эстонского командования, так как он высказывался за независимость Эстонии.¹³⁵ Тогда же была проведена структурная реорганизация Северного корпуса. Он был разделен на две стрелковые дивизии. Их командирами были назначены Дзерожинский и Пален, получившие только что звания генерал-майоров. Численность корпуса в ходе наступления не только не убавилась, но даже выросла благодаря притоку перебежчиков и добровольцев из местного населения. Количество бойцов в начале июня достигло 13—14 тыс. человек (не считая отрядов Булак-Балаховича).¹³⁶ В руках белых оказалась значительная территория с населением около полумиллиона человек. Однако по мере развития успехов стали возникать новые проблемы. Прежде всего остро встал вопрос о снабжении как оружием, боеприпасами и снаряжением, так и продовольствием численно увеличившегося корпуса и населения занятых областей. Закрепившись на русской территории, Северный корпус вышел из подчинения генералу Лайдонеру согласно договору от 6 декабря 1918 г. Вместе с этим эстонцы, считая свои обязательства по отношению к корпусу выполненными, прекратили его снабжение. Английские военные представители в соответствии с принципами «апрельской политики» Ллойд Джорджа намеревались взять на себя снабжение белогвардейских сил оружием и боеприпасами. Англичане обещали, что 27 июня в Ревель должен прибыть груз военных материалов с 4 танками, 6 аэропланами, 3 тыс. автоматических винтовок, 15 млн патронов и снаряжением на 10 тыс. человек.¹³⁷ Однако прибытие этих материалов по различным причинам затягивалось до августа. Что касается продовольствия, русские представители 11 июня подписали в

¹³³ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1000, оп. 46, д. 15, л. 41—44; *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 50.

¹³⁴ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 33, л. 74.

¹³⁵ *Родзянко А.П.* Указ. соч. С. 66.

¹³⁶ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 327; DBFP. Vol. 3. P. 344.

¹³⁷ *Stewart G.* The White Armies of Russia: A Chronicle of Counter-Revolution and Allied Intervention. New York, 1933. P. 223.

Ревеле договор с Американской администрацией помощи о снабжении продовольствием военных частей и населения.¹³⁸

Отношения между русскими белыми и эстонскими правящими кругами становились все более натянутыми в первую очередь в связи с вопросом о признании независимости Эстонии. Выдвинутый белогвардейцами лозунг «великой, единой, неделимой России» не мог не раздражать эстонцев. Заверения Родзянко о готовности признать независимость Эстонии были недостаточны. Да и искренность генерала была весьма сомнительной. Кадет М.С. Маргулиес приводит следующее его высказывание: «Да дайте им какое хотят признание, потом возьмем два корпуса и покажем...».¹³⁹ Апрельские события в соседней Латвии, когда части немецкого ландсвера произвели в Лиепаяе путч и свергли правительство К. Ульманиса, не могли не заставить эстонцев насторожиться. Не было гарантий, что Северный корпус, окрепший в ходе наступления, не захочет повторить этот опыт на эстонской земле. Родзянко признавал, что в Эстонии, «видя блестящие результаты нашего наступления ... стали бояться дальнейшего усиления нашей армии, опасаясь, что мы повернем штыки против них».¹⁴⁰ Эстонское правительство неоднократно обращалось к Парижской мирной конференции и к правительствам западных держав с просьбой признать независимость своей страны. Однако правящие круги стран Антанты по указанным выше причинам не шли на это. А Дж. Бальфур заявил 11 июня эстонским представителям в Париже, что вопрос о признании суверенитета Эстонии не может быть решен без участия русского правительства.¹⁴¹ Что касается Колчака, он соглашался лишь на предоставление автономии странам Прибалтики в рамках России. Союзников это устраивало, но прибалтийские правительства никак не могло удовлетворить.

Начали обостряться противоречия и среди самих русских белогвардейцев. Особенно ярко это проявилось в конфликте между штабом Северного корпуса и руководителями белых сил в Пскове. Полковник С.Н. Булак-Балахович, обосновавшийся в городе после занятия его эстонскими войсками, держался независимо по отношению к командованию и неохотно подчинялся приказам. Гражданское управление псковского района фактически прибрал к рукам прибывший из Ревеля присяжный поверенный Н.Н. Иванов, который сумел установить тесное сотрудничество с Булак-Балаховичем. Ходили слухи, что Балахович и Иванов намеревались при поддержке эстонцев провозгласить Псковскую республику. Командование корпуса с явным неудовольствием наблюдало за происходившим в Пскове. 14 июня Родзянко послал Балаховичу приказ об аресте Иванова, в противном случае он угрожал задержать выдачу получаемых от союзников денег и продовольствия.

¹³⁸ Ibid. P. 221.

¹³⁹ Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 179.

¹⁴⁰ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 66.

¹⁴¹ DBFP. Vol. 3. P. 377.

Иванову, однако, удалось скрыться, видимо, не без помощи того же Балаховича, и уехать в Эстонию.¹⁴²

С другой стороны, не было полной ясности в отношениях между командованием Северного корпуса и находившимся в Гельсингфорсе генералом Юденичем. 24 мая Колчак уполномочил Юденича принять на себя «главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного фронта».¹⁴³ В тот же день Юденич провозгласил создание Политического совещания для «принятия политической ответственности и правительственной работы». В его состав вошли: Н.Н. Юденич — председатель; А.В. Карташев — заместитель председателя, министр иностранных дел; профессор В.Д. Кузьмин-Караваев — в его ведении находились юстиция и агитация, а также продовольствие; нефтепромышленник С.Г. Лианозов — ответственный за торговлю, промышленность и финансы; генерал М. Суворов, ведавший внутренними и военными делами и путями сообщения; генерал П. Кондзеревский — начальник штаба Юденича.¹⁴⁴ Задачи деятельности Политического совещания состояли в следующем: во-первых, оно должно было стать «правительственным органом», который мог бы взять на себя «государственную ответственность» в переговорах с государствами Прибалтики и Финляндией о совместном выступлении против Советской России; во-вторых, совещанию надлежало принять на себя управленческие административные функции, т.е. исполнять роль «зачаточного и временного правительства Северо-Западной области».¹⁴⁵ Однако Родзянко и его штаб не спешили подчиниться Юденичу. Глава британской военной миссии генерал Х. Гоф; имевший встречи в начале июня с эстонским премьером и с чинами штаба Северного корпуса, пришел к выводу, что «ни эстонцы, ни Северный корпус не приветствуют появление Юденича на этом берегу по политическим причинам».¹⁴⁶ Родзянко не имел также никакого желания связываться с Политическим совещанием при Юдениче. К примеру, он через голову совещания послал представителя к финскому регенту К.Г. Маннергейму и обещал признать независимость Финляндии в обмен на помощь войсками при взятии Петрограда.¹⁴⁷ 5 и 10 июня Колчак подписал указы, которыми Юденич уже не просто уполномочивался, а назначался «главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков в прибалтийском районе».¹⁴⁸ Юденич получил приказ о своем назначении 14 июня. В то же время Верховный правитель настороженно отнесся к образованию в Гельсингфорсе Политического совещания: он не хотел допустить действия в Северо-За-

¹⁴² Горн В.С. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 25.

¹⁴³ Колчак и Финляндия. С. 118—119.

¹⁴⁴ Федотов Б.Ф. На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 130—131.

¹⁴⁵ Материалы по истории контрреволюции // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 143.

¹⁴⁶ DBFP. Vol. 3. P. 345.

¹⁴⁷ Горн В.С. Указ. соч. С. 61.

¹⁴⁸ Федотов Б.Ф. На дальних подступах к Красному Питеру // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 148.

падной России правительственного органа, функционирующего помимо его собственного правительства. 14 июня из Омска Юденичу была направлена телеграмма: «Верховная власть Российского правительства, возглавляемая Верховным правителем адмиралом Колчаком... осуществляется Вами именем Верховного правителя. Поэтому никакого нового правительства на вверенной Вам территории допускать не следует».¹⁴⁹ Чтобы не раздражать Колчака, в ответной телеграмме его заверили, что совещание во главе с Юденичем признает в Колчаке Верховного правителя и главу Всероссийской власти и свою работу собирается строить в соответствии с его указаниями.

В этих условиях британская военная миссия решила активнее вмешаться в события для преодоления противоречий и сплочения антисоветских сил. Англичане решили поддержать Юденича и его Политическое совещание. Генерал Гоф заверил Юденича, что Англия поддержит его организацию. В середине июня в Ревель прибыл заместитель Гофа генерал Ф. Марш и члены Политического совещания А.В. Карташев, В.Д. Кузьмин-Караваев и М.Н. Суворов. Здесь под председательством Марша было создано координационное совещание, в котором помимо самого Марша и вышеназванных лиц приняли участие Родзянко, представитель штаба Булак-Балаховича, американские, французские и эстонские представители. Теперь уже Родзянко сам получил намек от Марша, что «всю помощь Северной армии Антанта дает исключительно лично в распоряжение генерала Юденича».¹⁵⁰ В результате совещания определенное единство было достигнуто, по крайней мере внешне. 23 июня Юденич прибыл в Нарву и впервые за всю кампанию выехал на фронт для смотра частей.

Таким образом, в гражданской войне на русском Северо-Западе державы Антанта непосредственного участия не принимали и ограничивались косвенным воздействием на события. Более открыто иностранная интервенция выразилась в действиях на Балтике и в Финском заливе, куда державы Антанты направили свои военные корабли. Первенствующая роль принадлежала здесь англичанам. Английская эскадра находилась на Балтике с конца 1918 г. Ею командовал контр-адмирал У. Коуэн, сменивший в первых числах января 1919 г. контр-адмирала Э. Синклера. Цели пребывания британского флота в Балтийском море были весьма многозначны. Британское руководство, не имея возможности направить в регион сухопутные войска, возложило на флот контроль за соблюдением своих военно-политических интересов. Задачи английской эскадры на Балтике состояли в следующем: препятствовать выходу флота красных в Финский залив; поддерживать антисоветские силы в Прибалтике и Финляндии; контролировать действия германских войск в Прибалтике и обеспечить их своевременную эвакуацию, когда их задачи будут выполнены.¹⁵¹ Согласно инструкции-

¹⁴⁹ Образование Северо-Западного правительства // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 301.

¹⁵⁰ Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 40.

¹⁵¹ *Coates W P.* Russia, Finland and the Baltic. London, 1940. P. 38.

ям, полученным Коуэном от Адмиралтейства 24 мая, его флот должен был защищать Прибалтийские государства от внешних нападений и наблюдать за торговлей на Балтике, но ему не разрешалось вмешиваться во внутренние дела государств региона.¹⁵² «Внешнее нападение» на Прибалтийские государства могло последовать с двух сторон: со стороны красных или со стороны находившихся в Латвии немецких войск. Именно эти силы и должны были явиться основными объектами сдерживания со стороны британского флота, что как раз явствует из донесения адмирала Коуэна, направленного в Адмиралтейство в конце года: «Моей целью в течение года было помешать большевистским судам выйти в Финский залив и расстроить... намерения немцев захватить Балтику».¹⁵³ Кроме того, эскадра Коуэна должна была принимать участие в военно-экономической блокаде Советской России: необходимо было парализовать торговую деятельность Петроградского морского порта, не допустить его посещения судами нейтральных стран.

К концу апреля эскадра Коуэна, базировавшаяся на Ревель и Лиепаю (Либаву), состояла из 12 легких крейсеров, 20 миноносцев, 12 подводных лодок, 3 минных заградителей, 16 тральщиков, 7 торпедных катеров, 1 авиаматки и 30 вспомогательных кораблей; в распоряжении эскадры была морская авиация.¹⁵⁴ В военных операциях принимал участие также эстонский флот, которым командовал капитан Й. Питка, но его численность была крайне незначительна. Основную силу флота составляли два бывших миноносца Балтийского флота «Спартак» и «Автроил», переданные англичанами эстонцам и переименованные соответственно в «Вамбола» и «Леннук»; кроме них в состав эстонского флота входили 2 минных заградителя, 2 канонерские лодки, 1 тральщик, 1 торпедный катер, 4 вспомогательных судна.¹⁵⁵ Что касается положения к началу весенне-летней кампании красного Балтийского флота, он после перехода из Гельсингфорса весной 1918 г. базировался исключительно на Кронштадт. Подготовка флота к боевым действиям осложнялась катастрофическим положением с топливом, скученностью и затруднением базирования из одной точки, нехваткой квалифицированных кадров. Вследствие этого советское командование было вынуждено выделить из состава флота так называемый Действующий отряд, который был сформирован приказом по флоту от 15 марта. В него вошли крейсер «Оле», линейные корабли «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», эскадренные миноносцы «Гавриил» и «Азарт», 4 миноносца, 2 минных заградителя, 8 тральщиков, 6 сторожевых кораблей, 3 вспомогательных судна.¹⁵⁶ Морские

¹⁵² *Bennet G. Cowan's War: The Story of British Naval Operations in the Baltic. 1918—1920.* London, 1964. P. 32.

¹⁵³ Операции английского флота в Балтике в гражданскую войну // Морской сборник. 1929. № 1. С. 116.

¹⁵⁴ *Mitchell D.W. A History of Russian and Soviet Sea Power.* London, 1974. P. 337.

¹⁵⁵ *Schmiedel K., Schnitter H. Bürgerkrieg und Intervention. 1918—1922; Militärhistorische Abriss des Bürgerkrieges und der ausländischen Intervention in Sowjetrußland.* Berlin, 1970. S. 140.

¹⁵⁶ РГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, д. 194 л. 28—29.

подступы к Кронштадту охранялись системой фортов. Наиболее крупный из них — Красная Горка, — располагавший внушительными укреплениями и мощной дальнобойной артиллерией, находился на берегу Финского залива, к западу от Ораниенбаума. Еще дальше к западу находился форт Серая Лошадь. Начальником морских сил Балтийского моря был А.П. Зеленой. Действующим отрядом командовал С.Н. Дмитриев.

Операции британского флота на Балтике весной—летом 1919 г. объективно содействовали наступлению белых на суше. Однако связь между Северным корпусом и эскадрой Коуэна отсутствовала. Как уже упоминалось, Юденич сообщал командованию корпуса, что англичане обещали поддержать его наступление своим флотом, и решение о нанесении главного удара на нарвском направлении и было принято с расчетом на эту поддержку. Расчет, однако, оказался несостоятельным. По свидетельству генерала Родзянко, с английским флотом у него были самые неопределенные отношения, адмирал Коуэн предпочитал ограничиваться связью с командующим эстонским флотом капитаном Питкой.¹⁵⁷ Англичане на Балтике преследовали свои собственные цели, их действия носили узкий и обособленный характер. Некоторые контакты были установлены только в конце июня. 27 июня контр-адмирал В. Пилкин, «старший морской начальник» при штабе Юденича, встретился с Коуэном. Английский адмирал призвал полномочия Пилкина в должности «командующего флотом» (которого не было) и обещал оказать содействие в перевозке отрядов для занятия Кронштадта после его сдачи, а также в снабжении топливом и продовольствием. Этими разговорами все и ограничилось.¹⁵⁸

Специфика ситуации на Балтике заключалась также в том, что английский флот вел здесь боевые действия против Советской России, в то время как Великобритания официально не находилась в состоянии войны с последней. Действия эскадры зимой и в начале весны можно было объяснить как помощь эстонцам в их борьбе против большевистской агрессии. Однако в мае военные операции переместились на русскую территорию. Непосредственное участие английской эскадры в антисоветском наступлении могло вызвать неодобрение в парламенте, где было немало противников активного вмешательства в русские дела. Вероятно, это обстоятельство было одной из причин, заставлявших Коуэна воздерживаться от явной поддержки Северного корпуса. Как отмечал В.С. Горн, «обстановка и характер вмешательства мгновенно меняются, как только русские белые начинают требовать от англичан наступательных на большевиков действий. Тут перед запросами в парламенте и широкой оглаской никак не отвертеться, поэтому английская эскадра становится вялой, английский адмирал начинает лукавить и в нужный момент уходит в сторону без выстрела».¹⁵⁹ В общем и целом действия враждебных флотов в Финском заливе не

¹⁵⁷ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 57.

¹⁵⁸ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 298, л. 6.

¹⁵⁹ Горн В.С. Указ. соч. С. 198.

отличались большой активностью: англичане не могли ее развить по вышеназванной причине, Балтийский флот — из-за нехватки топлива и других трудностей.

Начало операций английской эскадры в Финском заливе совпало с переходом Северного корпуса в наступление. 13 мая четыре английских миноносца обстреляли прибрежные населенные пункты в районе Доможировки (нарвское направление). Английские корабли прикрывали высадку десантов в Лужской и Копорской губе 15—17 мая. Тогда же эскадра понесла первую потерю: крейсер «Курасо» подорвался на mine и был отбуксирован для ремонта в Копенгаген.¹⁶⁰ Первый бой англичан с кораблями Балтийского флота произошел 18 мая. В Копорской губе четыре английских миноносца встретили отряд тральщиков и сторожевых кораблей, сопровождаемых эсминцем «Гавриил». Прикрывая отход остальных кораблей, «Гавриил» вступил в бой с английскими миноносцами и в течение часа, умело маневрируя, сдерживал их атаки.¹⁶¹ Следующий крупный бой состоялся 31 мая, когда несколько английских миноносцев, обстреливавших побережье в районе Керново, должны были вступить в бой с линкором «Петропавловск» и эсминцем «Азард».¹⁶² 4 июня эскадренные миноносцы «Гавриил» и «Азард», войдя в Копорский залив для рекогносцировки, были атакованы английскими миноносцами и подводными лодками. Торпедная атака подводных лодок не достигла цели, в то же время одна из лодок была накрыта и потоплена метким выстрелом с «Азарда».¹⁶³

В начале июня У. Коуэн получил возможность перебазировать эскадру из Ревеля ближе к театру военных действий. 5 июня благодаря посредничеству английского консула в Финляндии Г. Белла он получил разрешение от финских властей устроить базу в финском порту Койвисто на Карельском перешейке. Отсюда англичане могли более эффективно блокировать выход в Финский залив.¹⁶⁴ В Лиенае оставался резервный отряд, которым командовал капитан М. Дафф. Положение Балтийского флота стало еще более сложным, но и после этого операция кораблей Действующего отряда не прекратилась. В ночь на 10 июня «Гавриил» и «Азард» незамеченными подошли к якорной стоянке англичан в районе Стирсуддена и открыли огонь по дивизиону английских эсминцев. Англичане, застигнутые врасплох, стали сниматься с якоря и уходить, ведя беспорядочную стрельбу, причем на одном из миноносцев возник пожар.¹⁶⁵ После этого Коуэн начал посылать в Адмиралтейство телеграммы с просьбой о подкреплениях, которые стали прибывать с конца июня. Если в июне на Балтике находилось, по оценке Дж. Беннета, 29 кораблей британского флота, то к концу июля их было уже 88.¹⁶⁶ В течение летних

¹⁶⁰ Гражданская война: Боевые действия... Т. 2, ч. 1. С. 156.

¹⁶¹ Пухов А.С. Балтийский флот на защите Петрограда (1919 г.). М., 1958. С. 29—31.

¹⁶² Там же. С. 51.

¹⁶³ Несвицкий Н. В боях против английского флота // Красный флот. 1925. № 8. С. 64—65.

¹⁶⁴ Bennet G. Op. cit. P. 119.

¹⁶⁵ Пухов А.С. Указ. соч. С. 61.

¹⁶⁶ Bennet G. Op. cit. P. 119.

месяцев к англичанам присоединилась флотилия французских миноносцев. Два американских корабля, крейсировавших в Балтийском море, не принимали участия в военных действиях.¹⁶⁷

Помимо эскадры Коуэна в Финском заливе находились два торпедных катера британского флота, которые в составе эскадры непосредственно не входили и выполняли здесь несколько иные задачи. Катерами командовал лейтенант флота О. Эгар, которому было поручено установить связь с находившимся в Петрограде П. Дьюксом, резидентом английской разведки. Дьюкс собирал через свою агентуру ценную информацию не только о состоянии Балтийского флота и войск под Петроградом, но и вообще о положении в Советской России; его деятельность расценивалась как жизненно важная для британской разведывательной службы. Однако связь, которую Дьюкс поддерживал с британской агентурой в Финляндии и Эстонии, к середине весны 1919 г. нарушилась вследствие ареста его курьеров: они были перехвачены при очередных попытках перехода границы. Новую линию связи решено было наладить морским путем. Для выполнения этой задачи на Балтику и был отправлен Эгар.¹⁶⁸ Катера Эгара находились на финской территории в Териоках, в бывшем яхт-клубе. Доставка курьеров в Петроград осуществлялась следующим образом: один из катеров ночью скрытно проходил линию кронштадтских фортов, подошел к Елагину острову и высаживал курьера в лодку, в которой он достигал берега. В Петрограде курьер встречался с Дьюксом, получал от него свежую информацию и в свою очередь передавал ему новые инструкции из центра. Затем курьер вышеуказанным способом доставлялся обратно.¹⁶⁹ В распоряжении Эгара находились два курьера, оба — русские военные; один из них, А. Гефтер, бывший мичман Балтийского флота, служивший ранее на корабле «Память Азова», оставил воспоминания, которые вместе с мемуарами самого Эгара дают подробную картину антисоветской агентурной деятельности на Балтике.¹⁷⁰ На Эгара и его курьеров возлагалась также задача вывести Дьюкса из России, когда его миссия будет закончена. Деятельность Эгара была строго засекречена. Он и его люди официально не принадлежали к британскому военно-морскому флоту, не носили военной формы. Об их миссии в военном руководстве был осведомлен лишь очень узкий круг лиц. Самого Дьюкса Эгар не знал ни по имени, ни по фамилии, а только под кодовым обозначением. Всего за лето 1919 г. катера Эгара проделали 13 поездок. Первая из них состоялась 10 июня. Курьер получил от Дьюкса документы, которые были признаны исключительно ценными и подлежали немедленной отправке в Лондон. Помимо прочего Дьюкс сообщал о том, что на фортах Кронштадтской крепости назревает антисоветский мятеж.¹⁷¹

¹⁶⁷ Mitchell D.W. Op. cit. P. 337.

¹⁶⁸ Agar A. A Baltic Episode: A Classic of Secret Service in Russian Waters. London, 1963. P. 30—31.

¹⁶⁹ Операции английского флота в Балтике... С. 107—108.

¹⁷⁰ Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10.

¹⁷¹ Agar A. Op. cit. P. 78.

Восстание на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, разразившееся 13 июня, стало кульминационным пунктом в ходе весенне-летней кампании под Петроградом. Надо заметить, что мятежи и переход воинских частей на сторону противника случались нередко в ходе боевых действий на Петроградском фронте. Можно вспомнить, к примеру, предательство командования 1-й Эстонской дивизии под Псковом или переход на сторону белых в конце мая под Вырой 3-го Петроградского полка. Однако измена гарнизонов двух мощнейших фортов Кронштадтской крепости могла иметь самые серьезные последствия для красного фронта. Если бы форты попали в руки белых, положение войск 7-й армии под Петроградом и Балтийского флота стало бы критическим. Мятеж был организован и возглавлен комендантом Красной Горки М. Неклюдовым, его помощником А. Лоцининым и другими лицами из числа командного состава. В советской историографии был распространен взгляд, что эти и другие военные специалисты, бывшие офицеры старой русской армии, изначально были замаскированными врагами советской власти, ожидавшими только удобного случая, чтобы перейти к белым. Возможно, это отчасти верно: действительно, отнюдь не все бывшие офицеры были лояльны по отношению к советской власти. Однако среди факторов, спровоцировавших мятеж, нельзя не отметить деятельность в Петрограде И.В. Сталина, находившегося в городе с 19 мая в качестве особоуполномоченного Совета обороны. Резко отрицательное отношение Сталина к бывшим офицерам хорошо известно, и в период его хозяйничания в городе «военспецы» чувствовали себя все более неуютно, опасаясь попасть под колесо красного террора. К тому же Сталин был склонен преувеличивать опасность, грозившую Петрограду. В телеграмме Ленину от 11 июня он писал: «...опасность угрожает непосредственно Петергофу. С его падением Питер висит на волоске».¹⁷² Поведение Сталина создавало нервность в городе и порождало панические слухи. У бывших офицеров, служивших в Красной Армии, были свои причины бояться падения Петрограда: они опасались мести со стороны белых за их службу красным. Судьба бывшего генерала А.П. Николаева, попавшего в плен к белым в первый день их наступления и казненного в Ямбурге, была достаточно красноречива. Можно согласиться с американским историком Р. Лаккетом, что в этих условиях намеревавшиеся перейти к белым решили действовать немедленно.¹⁷³

Гарнизон Красной Горки восстал утром 13 июля. Накануне на сторону белых перешли 2-й полк Петроградской кавалерийской бригады и часть 1-го и 2-го кронштадтских крепостных полков, а сразу после начала мятежа к нему присоединились гарнизоны фортов Серая Лошадь и Обручев и тральщик «Китобой». Одновременность этих событий говорит в пользу существования на фортах широко разветвленного заговора. Делались попытки привлечь к восстанию и другие форты

¹⁷² Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. Л., 1974. С. 340.

¹⁷³ Lockett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London; New York, 1987. P. 302.

Кронштадтской крепости, в частности Риф, однако они были своевременно пресечены.¹⁷⁴ Заговорщикам удалось сохранить свои приготовления в тайне от красного командования. Ход событий показывает, однако, что мятеж явился неожиданностью не только для красных, но и для белых. Когда после подавления восстания 16 июня беглецы с Красной Горки прибыли в Копорье, в расположение отряда генерала Палена, там очень удивились их появлению, так как о мятеже ничего не знали.¹⁷⁵ Вместо крупных частей Северного корпуса, на помощь которых рассчитывали восставшие, к форту во время мятежа подошел только небольшой отряд ингерманландских добровольцев. Родзянко утверждал даже, что ингерманландцы в течение двух дней намеренно скрывали от него известия о восстании.¹⁷⁶ Не исключено, что это именно так и было. Отношения командования Северного корпуса с ингерманландцами были весьма натянутыми: последние плохо подчинялись приказам и вели сепаратистскую пропаганду в районах с преобладанием финно-угорского населения, что, естественно, не могло нравиться Родзянко.

В отечественной историографии много писалось об участии в организации восстания петроградского отделения контрреволюционной организации Национальный центр. Однако в информации о деятельности этой организации, которая основана преимущественно на показаниях арестованных, трудно отделить истину от вымысла. Поэтому вопрос о роли Национального центра в красногорских событиях представляет немалую сложность. Во всяком случае, сам факт деятельности в Петрограде подпольных антисоветских групп не подлежит сомнению. Именно с ними был связан Дьюкс и от них получал необходимую информацию. Курьер Гефтер, приезжая в Петроград, встречался как с Дьюксом, так и с руководителями местных нелегальных организаций. Дьюкс передавал накануне событий на фортах, что в городе назревает контрреволюционный заговор и выступление в Петрограде должно совпасть по времени с мятежом на Красной Горке.¹⁷⁷ Однако этого не произошло: неключдовская акция оказалась изолированной. Объяснить это, вероятно, можно тем, что у красногорских заговорщиков не было времени установить прочные контакты и скоординировать действия как с Национальным центром, так и с белогвардейцами. Развитие событий заставило Неклюдова и его сообщников поторопиться и начать мятеж раньше, чем сложились предпосылки для его успеха: у них появились основания опасаться разоблачения и ареста.¹⁷⁸

Мятежники очень рассчитывали на помощь английской эскадры. Судя по всему, Неклюдов надеялся, что, как только англичане узнают о мятеже, они немедленно пошлют свои корабли к Красной Горке. Сразу после начала восстания он направил радиограмму в Койвисто: «Красная Горка в вашем распоряжении».¹⁷⁹ Как сообщали очевидцы,

¹⁷⁴ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, д. 2732, л. 3—4.

¹⁷⁵ Там же, д. 2726, л. 87.

¹⁷⁶ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 58.

¹⁷⁷ Agar A. Op. cit. P. 80.

¹⁷⁸ Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 289.

¹⁷⁹ Пухов А.С. Указ. соч. С. 72.

про английские корабли заговорили с самого начала переворота. Ходили слухи, что из Либавы идут 23 корабля.¹⁸⁰ Однако помощь так и не появилась. Англичане вели себя пассивно, Коуэн ограничился только радиограммой в адрес кораблей Балтийского флота с призывом сдаваться. Тем временем красное командование приняло решительные меры для подавления мятежа. С вечера 13 июня линейные корабли «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» начали обстрел Красной Горки, к ним присоединились крейсер «Оле» и форт Риф. Сформированная в Ораниенбауме Береговая группа войск начала наступление на восставшие форты с суши. Мятежники сопротивлялись вяло, их настроение быстро падало, 15 июня бойцы гарнизона начали разбегаться с форта. Красная Горка могла бы долго и эффективно защищаться и выдержать не один штурм. Хотя в результате обстрелов и бомбардировок с воздуха на форту возник сильный пожар, горели только деревянные постройки; укрепления не пострадали, большинство орудий также было цело. Основной причиной деморализации гарнизона форта были не столько обстрелы и наступление красных частей, сколько крушение надежды на помощь белогвардейцев и англичан и на восстание на других фортах и в самом Кронштадте. Неклюдов вечером 15 июня с остатками гарнизона покинул форт. В ночь на 16 июня на Красную Горку вошли части Береговой группы красных. Вскоре капитулировала и Серая Лошадь, Обручев сдался еще раньше.¹⁸¹

Деятели русского белого движения считали, что, «если бы английская эскадра оказалась во время обстрела, участь Кронштадта и большевистского флота была бы решена».¹⁸² По мнению историка А.С. Пухова, английское командование не сумело оценить обстановку, не поняло, что ситуация «требовала от него максимально быстрых мер для развития успеха».¹⁸³ Возможно, однако, что дело не в этом. Эгар писал в своих мемуарах, что белогвардейцы, обвиняя англичан в том, что они бросили своих союзников на произвол судьбы, не учитывали преграждавшие путь минные заграждения и мощные крепостные батареи Кронштадта; легкие крейсера английской эскадры не могли сравниться по своему вооружению с линейными кораблями Балтийского флота и с крейсером «Оле»; наконец, ни у англичан, ни у белых не было достаточно войск, чтобы составить гарнизоны Кронштадта и фортов, если бы они попали к ним в руки.¹⁸⁴ Имеется и еще одно обстоятельство, заставившее англичан воздержаться от активных действий. Успех восстания на фортах мог бы в конечном счете привести к переходу Кронштадта и Балтийского флота в руки русских белогвардейцев, в чем английское командование отнюдь не было заинтересовано. Великобритания стремилась к ослаблению России как возможного конкурента

¹⁸⁰ РГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 431, л. 48.

¹⁸¹ Подробно о подавлении мятежа см.: *Арсеньев М.А.* Форт Краснофлотский. Л., 1926; *Исаков И.С.* Красная Горка: Сталинская операция. М., 1946; *Пухов А.С.* Указ. соч. С. 68—95.

¹⁸² *Горн В.С.* Указ. соч. С. 52.

¹⁸³ *Пухов А.С.* Указ. соч. С. 91.

¹⁸⁴ *Agar A.* Op. cit. P. 73.

в европейских делах, и восстановление морского могущества Российского государства не входило в планы британских политиков. Именно поэтому, как вполне справедливо полагал Гефтер, англичане добивались уничтожения Балтийского флота, а не передачи его в руки белых.¹⁸⁵

Единственный удар англичане нанесли уже после подавления мятежа. Героем этой операции стал все тот же Эгар. Искренне сочувствуя восставшим и желая оказать им помощь, он решил атаковать один из кораблей, обстреливавших форты, и этим внести замешательство в ряды красных и отвлечь их от Красной Горки. В ночь на 18 июня Эгар вышел на своем торпедном катере из Териок, скрытно подошел к крейсеру «Олег», стоявшему в дозоре у Толбухина маяка, и произвел торпедную атаку. Крейсер был подбит и затонул на небольшой глубине.¹⁸⁶ Эгар, по его словам, не знал, что Красная Горка снова находится в руках красных и, пролетая на следующий день на аэроплане над Финским заливом, испытал тяжелое разочарование, увидев, что над фортом развевается красный флаг.¹⁸⁷ Нападение на крейсер «Олег», несмотря на весь свой внешний эффект, оказалось запоздалым и не могло уже повлиять на ход событий. Эскадра Коуэна в это же время также понесла потери: 16 июня тральщики «Джентиан» и «Миртил» подорвались на минах.¹⁸⁸ В дальнейшем действия обеих сторон на Балтике не выходили за рамки мелких частных операций. 23 июня аэропланы английской эскадры совершили первый налет на Кронштадт, сбросив несколько бомб.¹⁸⁹ С этого момента авианалеты приобрели регулярный характер, но большого вреда крепости и кораблям не причиняли.

После неудачи под Красной Горкой обстановка на фронте под Петроградом начала складываться не в пользу белых. С одной стороны, меры, принятые советским командованием для укрепления фронта и тыла, переброска подкреплений с других фронтов дали о себе знать. С другой стороны, наступательный порыв Северного корпуса иссяк, а сложности и противоречия, наметившиеся в белом тылу, переросли в серьезный кризис. 19 июня в связи с выходом Северного корпуса из подчинения эстонскому командованию генерал Родзянко издал приказ о переименовании корпуса в Северную армию.¹⁹⁰ Однако, поскольку то же название носила армия генерала Е.К. Миллера, по предложению английских военных представителей было проведено еще одно переименование, и приказом Родзянко от 1 июля за армией утвердилось название «Северо-Западная».¹⁹¹ В состав армии входили два стрелко-

¹⁸⁵ Гефтер А. Указ. соч. С. 146.

¹⁸⁶ Agar A. Op. cit. P. 86—87. — В донесении о гибели «Олега» ошибочно сообщалось, что он был атакован подводной лодкой (РГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, д. 257, л. 3—4, 11, 20).

¹⁸⁷ Agar A. Op. cit. P. 88.

¹⁸⁸ Потери английского флота во время боевых операций против России в 1918—1919 гг. // Морской сборник. 1921. № 1—2. С. 39.

¹⁸⁹ РГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 198, л. 23.

¹⁹⁰ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 33, л. 90.

¹⁹¹ Там же, л. 107.

вых корпуса, одним из которых командовал генерал Пален, командиром другого был назначен прибывший из Финляндии генерал Арсеньев.¹⁹² Громкие названия корпусов и дивизий не соответствовали ни численному составу частей, ни наличию технических средств, особенно артиллерии. В огневых припасах также ощущался недостаток: трофейные запасы были на исходе, а помощь, обещанная Антантой, не приходила.¹⁹³ Все острее вставала проблема снабжения. Войска были утомлены непрерывными боями, ощущалась сильная убыль в командном составе. В то же время общее количество едоков в армии значительно превышало численность боевых частей: тыл разросся неимоверно, что не могло не раздражать фронтовиков. Тем временем войска 7-й Красной армии 21 июня перешли в общее контрнаступление под Петроградом. Белогвардейцы вынуждены были начать отход.

Весьма неблагоприятно на положение Северо-Западной армии повлияли события, происходившие одновременно в Прибалтике, где разразился первый серьезный конфликт внутри антисоветского лагеря. Войска германского добровольческого корпуса под командованием генерала Р. фон дер Гольца и немецкого прибалтийского ландсвера, захватив 23 мая Ригу, продолжили наступление на север. Но к северу от Риги красных к тому времени уже не было: они отступили на восток под натиском наступавших с севера эстонских правительственных войск. В Северной Латвии к началу лета находилась латышская бригада полковника Я. Земитанса, сохранившая верность правительству К. Ульманиса, и союзные с ней эстонские части. В районе Цесиса начались стычки между немецкими и эстонско-латышскими войсками. Стала очевидной цель германской военщины — закрепить свои завоевания в Латвии и продолжить их далее на север — на территорию Эстонии. Таким образом, две силы, боровшиеся до этого против красных, начали борьбу друг с другом. События в Прибалтике вызвали крайнюю озабоченность в западных столицах. 13 июня глава британской военной миссии на Балтике генерал Х. Гоф потребовал у фон дер Гольца прекратить наступление и отвести свои войска к югу от Цесиса.¹⁹⁴ Соответствующая нота была передана 18 июня маршалом Ф. Фошем от имени союзников германскому правительству.¹⁹⁵ Но на этот раз активного вмешательства союзников не потребовалось. 22 июня в районе Цесиса немецкие войска потерпели тяжелое поражение. Эстонцы и латышские части Земитанса перешли в контрнаступление. В начале июля они уже были в окрестностях Риги.¹⁹⁶ В отношении к этим событиям снова проявилась двойственность и непоследовательность английской политики. Теперь, когда появилась возможность избавиться от опасного присутствия немецких войск в Прибалтике, англичане не решились пойти до конца и постарались не допустить полного разгрома

¹⁹² Там же, л. 175.

¹⁹³ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 60.

¹⁹⁴ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917—1920. М., 1988. С. 158.

¹⁹⁵ Hovi O. Op. cit. P. 142.

¹⁹⁶ РГАВМФ, ф. Р-92, оп. 1, д. 286, л. 131.

частей фон дер Гольца. По настоянию миссии генерала Гофа военные действия были прекращены, и 3 июля в местечке Страздумуйжа (Штраденхоф) между противоборствующими сторонами было заключено перемирие, условия которого были подготовлены Гофом. Согласно этим условиям, немецкие войска должны были в двухдневный срок оставить Ригу, затем эвакуировать также Вентспилс и Лиепаю и отойти за демаркационную линию, установленную британской миссией. В то же время и эстонские войска должны были отступить за свою границу. Правительство Ульманиса было восстановлено у власти и 8 июля после полугодового перерыва вернулось в Ригу.¹⁹⁷

Опрометчивые действия германских войск не только не привели к ослаблению собственных позиций, но и нанесли косвенный удар по Северо-Западной армии. Наступление немцев на Эстонию усугубило недоверие эстонских властей к русским белогвардейцам, вызванное упорным нежеланием последних пойти на уступки в вопросе признания независимости Эстонии. Прогерманские настроения среди части командования белых были хорошо известны. Эстонцы даже располагали данными о контактах между представителями Северо-Западной армии и ландсвера для обсуждения возможности совместного выступления против Эстонии.¹⁹⁸ Солдаты эстонской армии хотели мира и были против поддержки русских белогвардейцев; они отказывались воевать на русской территории. Между эстонскими и русскими солдатами часто возникали стычки, иногда дело доходило до применения оружия.¹⁹⁹

Со всеми проблемами, стоявшими перед армией, генералу Юденичу пришлось столкнуться самому, когда он наконец решил покинуть Финляндию и вступить непосредственно в командование войсками. В цепи мероприятий по укреплению его власти была поставлена последняя точка, когда в Стокгольм и Лондон на имя Юденича из Омска была переведена валюта.²⁰⁰ Теперь генерал мог ехать в Эстонию не с пустыми руками. 27 июля Юденич вместе с генералом П. Кондзеревским, назначенным им начальником штаба Северо-Западного фронта, прибыл в Нарву. Одной из первоочередных задач командующего было численное пополнение поредевшей в боях армии. Еще до прибытия в Нарву Юденич издал приказ, предписывающий русским белогвардейским частям, находившимся в Латвии и входившим ранее в состав ландсвера, отбыть под Нарву.²⁰¹ Вскоре началась переброска частей отряда князя А. Ливена морским путем из Риги и Лиепаи в Нарву. Прибытие хорошо вооруженных и организованных ливенцев способствовало укреплению фронта Северо-Западной армии. Тем не менее инициатива под Петроградом принадлежала красным вплоть до конца лета. Продолжая медленно наступать, они 5 августа заняли Ямбург и 26 августа вошли в Псков. К концу августа фронт стабилизировался. Позиции к западу от Пскова

¹⁹⁷ Linke H.G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1972. S. 75.

¹⁹⁸ Иностранная военная интервенция в Прибалтике... С. 185.

¹⁹⁹ РГАВМФ, ф. Р-52, оп. 1, д. 37, л. 188; ф. Р-55, оп. 1, д. 16, л. 419.

²⁰⁰ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 345, л. 177.

²⁰¹ Социалистическая Советская Республика Латвия в 1919 году и иностранная интервенция: Документы и материалы. Рига, 1959. С. 463.

удерживали эстонские войска. На нарвском направлении части Северо-Западной армии закрепились на рубеже р. Луги и удерживали за собой небольшой участок русской территории с г. Гдовом. Таким образом, добиться окончательной победы и отбросить белогвардейцев за эстонскую границу советским войскам не удалось.

Глава VI

БЛОКАДА СЕВЕРО-ЗАПАДА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЛОКАДЫ

Как отмечалось в «Предисловии», одним из средств борьбы против советской власти, применяемых державами Запада, была политика экономической блокады. Следует указать, что наиболее целеустремленно и последовательно она проводилась как раз на Северо-Западе. Блокирование прилегающей к Петрограду части Финского залива и самого Петроградского морского торгового порта, организованное военно-морскими силами союзных держав, и прежде всего Англии, с одной стороны, и всемерная поддержка наступления Северо-Западной белогвардейской армии — с другой, были призваны наглухо захлопнуть для Советской России «окно в Европу». Это позволило бы практически ликвидировать важнейшее традиционное направление внешней торговли России, которое в подавляющей степени обеспечивало ее снабжение необходимыми товарами и по которому направлялось основное количество экспортных грузов. Достаточно отметить, что в 1913 г. почти три четверти всего экспорта и свыше половины импорта России приходилось на морские границы.¹

Ознакомление со статистикой внешней торговли Российской империи позволяет сделать вывод, что главным направлением обмена материальными ценностями в довоенные годы было западное (до 95 % торгового оборота). При этом следует заметить, что обороты внешней торговли России только с десятью западными государствами превышали в 1909—1913 гг. 80 % всего внешнеторгового оборота страны. Более того, привоз в Российскую империю лишь из трех государств (Германии, Великобритании и США) в 1909—1913 гг. составил по ценности 63,8 % всего импорта, а вывоз за эти же годы в Германию, Великобританию и Голландию — 61,6 % всего экспорта. Таким образом, дореволюционная Россия обменивалась материальными ценностями в

¹ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. : Статистический обзор. М., 1960. С. 16.

основном с западными странами и главным образом с наиболее сильными и развитыми капиталистическими государствами. Именно из этих государств в Россию ввозились преимущественно изделия промышленности, производственное сырье и полуфабрикаты.² При этом главная роль в экспорте и импорте на данном направлении внешнеторговых связей всегда принадлежала крупнейшему на Северо-Западе Петроградскому морскому торговому порту.

В первые же месяцы после победы Октябрьской революции выявилось стремление Советской России сохранить торговые отношения с западными державами через Петроград независимо от их принадлежности к той или иной воюющей группировке. В договоре о перемирии, заключенном между РСФСР и державами Четверного союза во главе с Германией 2 (15) декабря 1917 г., перемирие распространялось на Балтийское море к востоку от меридиана 15° восточнее Гринвича и разрешалось свободное торговое мореплавание в этом районе.³ В добавлении к договору о перемирии, датированному тем же числом, содержалось указание на необходимость принять меры к «восстановлению... хозяйственных сношений между странами, заключившими перемирие».⁴ В этих целях в Петрограде под председательством Е.Д. Поливанова в декабре 1917 г. проходили заседания смешанной советско-германской комиссии по культурно-экономическим связям. «Основная задача России, — заявил Поливанов, обращаясь к членам германской делегации, — мир народов, это лозунг Октябрьской революции, милостью которой они здесь заседают». В качестве временной меры стороны пришли к соглашению об установлении в зимнее время торговых связей между Германией и Советской Россией через финляндские порты Раумо, Ментимусто и Або и решили обменяться списками желательных для торговых операций товаров.⁵

Тем временем, пока в Петрограде работала комиссия, перед которой с самого начала были поставлены ограниченные задачи решения вопроса «в пределах, допускаемых перемирием», в Брест-Литовске начались переговоры о мире.

На первом же пленарном заседании мирной конференции 9 (22) декабря 1917 г., в которой приняли участие РСФСР, Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция, советская делегация в своей декларации не только уже вполне отчетливо заявила о допустимости и желательности торговых отношений с капиталистическими странами, но и сформулировала свои основные условия межгосударственных связей в экономической области. «Российская делегация, — говорилось в декларации, — предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, под-

² Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1915 г. Пг., 1917. Ч. 1. С. I, III, IV.

³ ДВП. М., 1957. Т. 1. С. 47—51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Блинов С.И. Внешняя политика Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1973. С. 107—108.

чинение в хозяйственном отношении одной страны другою при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу третьих стран, морскую блокаду».⁶ Таким образом, из этой части декларации со всей очевидностью вытекало стремление Советского правительства к установлению подлинно равноправных торгово-экономических отношений государств с различным социальным строем, его отрицательное отношение к любым видам экономической блокады и экспансии.

Призыв к объединению стран «в экономическом и культурном сотрудничестве», к отказу от насильственных действий в области политических и экономических отношений между ними был обращен Советским правительством не только к Германии. Тогда же Наркоминдел в ноте от 17 (30) декабря 1917 г. предложил принять участие в мирных переговорах народам и правительствам держав Антанты.⁷

Переговоры в Брест-Литовске продолжались, и чем дальше, тем больше обнаруживалось стремление кайзеровской Германии и ее союзников навязать Советской России неравноправные, империалистические условия мира. Подписание Брест-Литовского договора между РСФСР и державами Четверного союза, носившего грабительский характер, по существу было «вкладом» со стороны империалистической Германии в складывающуюся систему военно-экономической блокады Советской России, в том числе и на Северо-Западе. Помимо отторжения громадной территории в 1 млн км² с населением в 46 млн человек и большим промышленным и сельскохозяйственным производством по Брест-Литовскому договору Германия получала контроль над морскими путями к Финскому и Ботническому заливам и над портами Балтийского моря, включая Петроградский.⁸ В нарушение статьи 5 мирного договора в Брест-Литовске она останавливала торговые суда Швеции, которые позднее стали делать рейсы между Петроградом и Стокгольмом. Так, в ноте советского полпреда в Германии в МИД от 7 октября 1918 г. указывалось: «Согласно сообщениям, полученным полномочным представительством, пароходы, поддерживающие сношения между Петроградом и Стокгольмом, отводятся германскими властями в Ревель, где подвергаются контролю. Кроме того, германские власти требуют от шведов, везущих в Россию товары, официальных удостоверений в том, что товары эти не предназначаются для стран, с которыми Германия находится в состоянии войны».⁹

Какова же была самая первая реакция правительств союзных держав на предложения мира, выдвинутые Октябрьской революцией, на ее призывы к экономическому сотрудничеству? Как сказалась она на роли Петрограда во внешней торговле РСФСР как одного из важнейших портов страны?

⁶ Мирные переговоры в Брест-Литовске: Полный текст стенограммы. М., 1920. Т. 1. С. 8.

⁷ ДВП. Т. 1. С. 67—70.

⁸ Блинов С.И. Указ. соч. С. 144.

⁹ ДВП. Т. 1. С. 512.

Эту реакцию можно оценить как первые симптомы перехода к политике блокады Советской России. По выражению одного из официальных советских документов того времени, налицо был «молчаливый экономический разрыв»¹⁰ бывших союзных стран с прежним партнером по Антанте.

И в самом деле, признаки экономической блокады появляются вскоре после Октябрьской революции в России. Но это были пока еще только первые ограниченные и разрозненные попытки экономической блокады, сводившиеся главным образом к прекращению торговых отношений только между державами Антанты и Советской Россией, к установлению эмбарго в этих государствах почти на все виды поставок товаров и продовольствия. Кроме того, эти меры представляли собой скорее произвольную стихийную реакцию Запада на победу Октябрьской революции, чем осознанную и более или менее определенно сформулированную политику. Тем не менее в действиях, которые предприняли против Советской России в экономической области правительства различных капиталистических стран, уже с самого начала можно обнаружить определенную согласованность или по крайней мере следование общей, единой линии.

Правительство Великобритании тотчас же направило своему послу в Петрограде Дж. Бьюкенену инструкции, предлагавшие воздерживаться от любых отношений с Советским правительством, «от всякого шага, который мог бы означать признание».¹¹ Как сообщал 26 ноября 1917 г. американский посол в Лондоне У. Пейдж в госдепартамент США, «Министерство торговли Англии информировало нас, что практически установлено эмбарго на все поставки Великобритании в России».¹² Вместе с тем английское правительство, фактически уже вступив на путь организации политики экономической блокады Советской России с первых же дней ее существования, старалось до поры до времени не делать этого открыто. В конце декабря 1917 г. тот же Пейдж телеграфировал госсекретарю Р. Лансингу: «Форин офис только что рекомендовал, не прибегая пока к формальному объявлению и публичному оглашению эмбарго на вывоз военных припасов и остальных товаров в Россию из всех районов Британской империи, приостановить поставки в Россию».¹³

Одним из первых шагов правительства США после Октябрьской революции также было фактическое прекращение всяких хозяйственных связей с Советской Россией. Спустя два дня после революции посол США в Петрограде Д. Фрэнсис рекомендовал Лансингу не давать «никаких займов России в настоящее время».¹⁴ Он же 13 ноября запрашивал госсекретаря Лансинга относительно прекращения «отправки судов в Россию, пока не будет создано устойчивое правительство».¹⁵ 19 ноября

¹⁰ Вестник НКТиП. 1918. № 13—14. С. 11.

¹¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1924. С. 277, 281.

¹² FRUS. Russia. 1918. Washington, 1931. Vol. 1. P. 104.

¹³ Ibid. P. 105.

¹⁴ Ibid. P. 229.

¹⁵ Ibid. P. 103.

1917 г. Военное торговое управление США заявило о запрещении «выдачи всяких лицензий на экспорт контролируемых товаров в Россию».¹⁶

В двадцатых числах ноября 1917 г. между правительствами США и его союзниками в Европе проходили оживленные консультации по вопросу о прекращении поставок в Россию и торговли с нею. В те же дни вашингтонская администрация опубликовала заявление по поводу торговли с Советской Россией. «Правительство, — говорилось в нем, — прежде чем разрешить экспорт американских продуктов, желает знать, в чьи руки они попадут в России. Экспорт в Россию будет возобновлен только после формирования устойчивого правительства, которое может быть признано Соединенными Штатами, но, в случае если большевики останутся у власти и будут продолжать осуществление своей программы заключения мира с Германией, настоящее эмбарго на экспорт в Россию останется в силе».¹⁷ Далее указывалось, что закупленное еще Временным правительством продовольствие для России уже готово для погрузки, суда, выделенные правительством США для перевозки этих грузов, подготовлены к отплытию, но они не получат разрешения покинуть порты, и им будет отказано в получении угля.¹⁸ При этом Лансинг предлагал представителям США за границей дезинформировать общественное мнение относительно фактического перехода к политике блокады. Он советовал заявлять, что «эмбарго не существует», но ограниченность тоннажа делает «практически невозможной доставку грузов» в Россию.¹⁹

Помимо ревностного осуществления экономического эмбарго, направленного исключительно против большевистского правительства в Петрограде, одновременно правящие круги США пытались оказывать воздействие на развитие событий в России посредством реализации «теории контраста». Вот два примера попыток в этом направлении.

24 ноября 1917 г. Фрэнсис предлагает Лансингу выпустить от имени президента «обращение к русскому народу», которое содержало бы обещание США продолжать снабжение населения России одеждой, обувью и т.д. Смысл и антисоветская направленность этой акции раскрываются в официальном сообщении, опубликованном в Вашингтоне 4 февраля 1918 г., которое, возможно, явилось результатом этого или подобных ему предложений Фрэнсиса. «В целях смягчения страданий, испытываемых ныне населением России, — указывалось в нем, — государственный департамент решил, что американское правительство не прекратит экспорта необходимых припасов из Америки в Россию. Принято постановление о разрешении вывоза всех припасов, кроме амуниции... В официальных кругах Вашингтона высказывается мнение, что русский народ не должен в связи с происходящим политическим развитием (курсив мой. — В.Ш.) быть покинут и отрезан от всякой помощи со стороны внешнего мира».²⁰

¹⁶ Ibid. P. 104.

¹⁷ Ibid. P. 266.

¹⁸ Ibid. P. 266—267.

¹⁹ Ibid. P. 108—109.

²⁰ Американские бюллетени. 1918. № 5. 2 (15) февраля. С. 3.

Из других официальных заявлений и писем Фрэнсиса и Лансинга, относящихся к февралю 1918 г., совершенно определенно следует, что речь шла о стремлении оказать помощь контрреволюционным силам на территории России и их представителям в США. Просьбы же Советского правительства установить экономические взаимоотношения встречали решительный отказ.²¹

Таким образом, бывшие союзники России в войне фактически уже в первые месяцы существования советского государства встали на путь «молчаливого экономического разрыва» с ним, который оказался прелюдией к установлению экономической блокады.

Тем временем в ходе берлинских переговоров по уточнению положений Брест-Литовского договора были сделаны первые шаги на пути налаживания товарообменных операций между РСФСР и Германией. 7 июля 1918 г. советские представители Л.Б. Красин, А.А. Иоффе и В.Р. Менжинский начали переговоры о закупке в Германии угля, который был так необходим красному Петрограду, испытывавшему острый топливный кризис. В конце концов германские промышленники подписали несколько соглашений на взаимоприемлемых условиях. Уже в начале августа на основе контракта с «угольным королем» Гуго Стиннесом в Петроград прибыл пароход «Анни Гуго Стиннес», а в сентябре второй — «Эдмунд Гуго Стиннес». Это были первые германские торговые суда, появившиеся в Петроградском порту после четырехлетнего перерыва в торговле между двумя странами. Уголь и кокс были доставлены в обмен на металлолом, лен и другие товары.²²

7 октября 1918 г. В.Р. Менжинский после этой успешной товарообменной операции, произведенной на компенсационной основе с фирмой «Гуго Стиннес», заключил договор с германским правительством о поставке через угольный синдикат в Эссене 100 тыс. т угля в Петроград в обмен на натуральную резину, асбест, никель, медную стружку, медный лом и т.п., а также фрахтовый договор на перевозки. Всего по этому соглашению с 19 октября по 4 ноября 1918 г. в Советскую Россию девятью пароходами было доставлено около 40 тыс. т угля и кокса. В обратный рейс германские суда грузились в Петрограде указанными компенсационными товарами.²³ Однако успешно начавшийся товарообмен был прерван высылкой советского посольства и консульства из Берлина 6 ноября 1918 г. Незадолго до этого, 5 ноября 1918 г., председателя Петроградского совета Г.Е. Зиновьева в 1 ч ночи посетил с прощальным визитом германский консул. Как сообщил об этом сам Зиновьев на заседании VI Всероссийского чрезвычайного съезда Сове-

²¹ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. С. 64—65.

²² Подробнее см.: *Карпова Р.Ф.* Л.Б. Красин — советский дипломат. М., 1962. С. 46; *Сонкин М.Е.* Окно во внешний мир: Экономические связи советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964. С. 83—87; *Зарницкий С.В., Трофимов Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968. С. 40.

²³ *Сонкин М.Е.* Указ. соч. С. 83—87; *Блинов С.И.* Указ. соч. С. 182.

тов 8 ноября 1918 г., германский дипломат «продолжал жаловаться, что сейчас прекратились торговые сношения. Германия дала нам несколько пароходов с углем по сравнительно выгодным условиям. Я отвечал, что и вам удалось с нас получить немало блестящих барышей в виде Брестского мира. Он только почесал затылок и в присутствии нескольких чиновников сказал: «Еще неизвестно, кому этот Брестский мир больше пошел на пользу: вам или нам».²⁴

Хозяйственные контакты с Германией хотя и носили ограниченный характер, все же позволили Советской России на протяжении значительной части 1918 г. избегать полной экономической изоляции Северо-Запада. Этому способствовали также торговые отношения и переговоры с рядом нейтральных стран.

Из всех нейтральных государств наиболее значительные торговые отношения были установлены в 1918 г. лишь со Швецией. Почти сразу же после победы Октября, 10 (23) ноября 1917 г., ВЦИК назначил на пост полномочного представителя Советской Республики в Скандинавских странах с местопребыванием в столице Швеции Стокгольме В.В. Воровского.²⁵ В то время это был первый и пока единственный полпред РСФСР за границей. Поскольку связи с Петроградом тогда еще не было, Воровский узнал о своем назначении совершенно случайно. Как вспоминал он сам, недели через две после Октябрьской революции «в Стокгольм просочился какими-то путями слух, что я назначен полномочным представителем Советской Республики в Скандинавии. Мне еще об этом не было известно не только официально, но даже частным образом, а уж ко мне на квартиру повалили жаждущие попасть в Россию... Эти посещения „европейцами“ скромной квартирki советского „посла“ были богаты самыми забавными инцидентами. Иностранцы, привыкшие к тому, что лиц, занимающих столь „высокий“ пост, окружает и соответственная обстановка из живого и мертвого инвентаря, долго не могли освоиться с советскими правилами, когда „сам посол“ открывал нередко дверь посетителям, принимал их в комнате, где стояла чья-то кровать и т.п. неприличия».²⁶ Вскоре слухи получили подтверждение, и шведское правительство, хотя и не признало Советской России, разрешило Воровскому оставаться полуофициальным представителем РСФСР, наделенным «временно» и некоторыми дипломатическими правами (пользование шифром, прием и отправка курьеров и т.д.). Об этом сообщили и стокгольмские газеты.²⁷ Воровский энергично принялся за работу, причем круг его деятельности был весьма широк, и одно из важных мест в ней занимали вопросы установления торговых отношений между РСФСР и Скандинавскими странами. Уже в конце ноября 1917 г. Воровский сообщал в

²⁴ Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов : Стенографический отчет. Москва, 6—9 ноября 1918 г. М., 1919. С. 67.

²⁵ Блиннов С.И. Указ. соч. С. 67.

²⁶ Воровский В.В. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959. С. 182—183.

²⁷ Ганецкий Я.С. О Ленине. М., 1973. С. 32; Нияшев Н.Ф. Воровский. М., 1959. С. 206.

Совнарком о возможности закупить на компенсационной основе продовольствие для Петрограда.²⁸ В апреле 1918 г. полпредство начало переговоры с несколькими фирмами о заключении контрактов.

Первые сделки позволили начать непосредственный товарообмен между двумя государствами. С 28 мая 1918 г. открылись регулярные рейсы шведских торговых судов в Петроградский порт.²⁹ Однако становление советско-шведских торговых отношений сопровождалось рядом осложнений. Поначалу «испуганные шведские экспортеры» послали в Петроград пустые пароходы, чтобы сначала получить компенсационные товары, а затем уже привезти в обмен заказанное в Швеции оборудование.³⁰ Не дай бог, обманут большевики! Но постепенно успешный опыт первых сделок показал шведским предпринимателям, что они имеют дело с надежными, достаточно твердыми торговыми партнерами, требующими от своих контрагентов соблюдать элементарную коммерческую этику и порядочность. В Дании под руководством Воровского стал работать такой же неофициальный представитель РСФСР — Я.З. Суриц, который в сентябре 1918 г. был назначен приказом по НКТиП торговым агентом в этой стране. С ее деловыми кругами также удалось заключить несколько торговых сделок.³¹ Между тем коммерческие отношения со Швецией приобрели более широкий и планомерный характер.

28 октября 1918 г. был заключен договор о товарообмене между Советской республикой в лице НКТиП и шведской торговой делегацией в Петрограде. Соглашение устанавливало компенсационный принцип товарообмена двух государств. На основе договора от 28 октября 1918 г. до установления полной экономической блокады Советской России удалось наладить регулярный товарообмен со Швецией. Торговые отношения между двумя государствами носили довольно оживленный характер. Всего было заключено 42 сделки со шведскими фирмами, число предложений, поступивших от деловых кругов, составило 99. За всю навигацию 1918 г. из Швеции прибыло 52 парохода, привоз в Петроград составил 211 тыс. пуд. товаров, а вывоз в Швецию — 220 тыс. пуд. Осенью 1918 г. началась также через Петроград торговля с Норвегией и Данией.³² Однако переход западных держав к экономической блокаде Советской России привел почти к полному прекращению внешней торговли через Петроградский порт.

Повороту к открытой политике интервенции и блокады предшествовало так называемое «бегство» союзных послов из Петрограда. Несмотря на неоднократные предложения Советского правительства переехать в Москву, куда была официально перенесена столица Советской России, дипломатический корпус под предлогом угрозы германского наступления выехал 26 февраля 1918 г. из Петрограда в Вологду, а затем в Архангельск. Это отвечало задаче установления прямых

²⁸ Блинов С.И. Указ. соч. С. 203.

²⁹ Шишкин В.А. Указ. соч. С. 82—83.

³⁰ Известия. 1918. 30 июня.

³¹ Шишкин В.А. Указ. соч. С. 86—87.

³² Подробнее см.: там же. С. 84—87.

связей с белогвардейским режимом на Севере России. Многочисленные обращения Советского правительства к послам западных держав переехать в Москву ни к чему не привели.³³

Высадка весной и летом 1918 г. в Мурманске и Архангельске английских, американских и французских солдат, оккупация японскими войсками Владивостока положили начало вооруженной интервенции держав Антанты против молодой Республики Советов. Стремясь ускорить падение советской власти, союзные державы Запада также предприняли, по словам Г.В. Чичерина, меры для «постепенного замуровывания России, изолирования ее антантовской блокадой, так называемым окружением или санитарным кордоном».³⁴

К лету 1918 г. относится и повышенная дипломатическая активность русского посольства бывшего Временного правительства России в США во главе с Б. Бахметьевым, который в середине этого года установил контакт с генералом Н.Н. Юденичем, в сентябре 1918 г. — с главой «северного правительства» Н.В. Чайковским, а в ноябре признал в качестве Верховного правителя Сибири адмирала А.В. Колчака.³⁵

Выдвижение осознанной и целенаправленной политики экономической блокады как средства борьбы с советской властью наряду с прямой интервенцией и поддержкой контрреволюционных сил относится уже к осени 1918 г., когда выявились ограниченные возможности союзных держав организовать военное вторжение в Россию крупными силами собственных войск. Наиболее отчетливо идея блокады была сформулирована правящими кругами Франции. Уже 27 октября 1918 г. премьер-министр Ж. Клемансо в письме генералу Ф. д'Эсперэ, главнокомандующему французскими силами в Юго-Восточной Европе, предписывает разработать план, для того чтобы не только «продолжать в России борьбу против Центральных держав, но и осуществить экономическую блокаду большевизма и вызвать его крах».³⁶ Несколько позднее две последующие директивы Клемансо от 13 и 21 декабря об организации «экономического окружения» были определены министром иностранных дел С. Пишоном, выступавшим в парламенте, как основная позиция Франции в «русском вопросе».³⁷ Политика экономической блокады полностью поддерживалась и другими главными партнерами Франции по интервенции.³⁸ По мнению правящих кругов Англии, Франции и США, усиливающиеся под воздействием блокады хозяйственная разруха, непомерные тяготы и лишения населения, голод и нехватка товаров первой необходимости должны были способствовать поражению советской власти и упрочению сил ее противников. О том, что политика

³³ ДВП. Т. 1. С. 385, 402—403, 407, 723; *Гвишиани Л.А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970. С. 115—116.

³⁴ *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 118.

³⁵ *Гвишиани Л.А.* Указ. соч. С. 153.

³⁶ Documents réunis: La Guerre entre les Alliés et la Russie 1918—1920 / Ed. E. Moulis and E. Bergounier. Paris, 1937.

³⁷ *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. Princeton Univ. Press, 1931. Vol. 1. P. 152; Отчет НКВД Седьмому съезду Советов (ноябрь 1918—декабрь 1919 г.). М., 1919. С. 4.

³⁸ См., например: *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917—1924). М., 1954. С. 138.

блокады на Северо-Западе рассматривалась как составная часть анти-советской интервенции в этом районе, свидетельствуют два документа Генерального штаба главного командования стран Антанты. Первый документ, в котором был намечен общий план действий союзных стран против Советской России, датирован 12 ноября 1918 г. В нем ставилась цель «уничтожить большевизм и поощрять создание в России режима порядка». В числе чисто военных мер достижения этой задачи предусматривалось «развитие операций, предпринятых с Севера в направлении Петрограда», которые предполагалось поручить английским интервентам.³⁹ Этот план получил свое развитие в записке генштаба Восточного отдела Главной ставки союзников в России, озаглавленной: «О необходимости интервенции союзников в России» — и датированной 18 января 1919 г. В одном из пунктов этого документа рассматривался вопрос о блокаде балтийского побережья, осуществление которой возлагалось на английские военно-морские силы. Эта блокада прямо вписывалась в дальнейшие военные операции на Северо-Западе. «Что касается будущей операции против Петрограда, — говорилось в записке, — то она может быть успешно проведена группировкой союзников порядка десяти тысяч человек под английским командованием».⁴⁰

Экономическая блокада Советской России с самого начала приобрела комбинированный характер. Еще в июле 1918 г., в период начавшейся интервенции, В.И. Ленин отметил в действиях британских интервентов тактику, присущую традиционной колониальной политике Англии. Она состояла в том, чтобы «стараться главным образом отрезать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия».⁴¹

И действительно, в ходе интервенции и выступления белогвардейских сил от Советской России были отторгнуты важнейшие сырьевые, продовольственные и промышленные области — Украина, Урал, Средняя Азия, Кавказ, Сибирь и т.д. Это позволило интервентам приостановить поступление сырья, топлива и продовольствия в Петроград и центральные районы России, усугубляя таким образом тяжелое экономическое положение на территории, контролируемой Советским правительством.

Уже в январе 1919 г. в результате последовательного отторжения важнейших экономических районов на территории РСФСР оставалось (по отношению к довоенному времени) лишь 45 % производства пшеницы, 37 % производства ячменя, 8 % выработки сахара, 10 % добычи угля, 23 % выплавки чугуна и т.д. Характерно, что в 1919 г. из-за захвата основных угольных бассейнов и нефтепромыслов силами контрреволюции удельный вес дров в топливном балансе Советской России возрос до 88 % по отношению к углю и нефти против 14 % в

³⁹ Из истории гражданской войны в СССР : Сб. документов и материалов. М., 1960. Т. 1. С. 82—87; Гвишиани Л.А. Указ. соч. С. 177.

⁴⁰ Цит. по: Гвишиани Л.А. Указ. соч. С. 180—182.

⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 3.

1916 г.⁴² Таким образом, чисто военными мерами, проводимыми силами российской контрреволюции и войсками интервентов, создавалось и постепенно сужалось внутреннее кольцо экономической блокады советского государства. Особенно трудным оказалось с этого времени топливное положение Петрограда, экономика которого базировалась исключительно на ввозе зарубежных и отечественных угля и нефтепродуктов.

Внешнее кольцо экономической блокады должно было перекрыть пути получения каких-либо товаров извне или, как говорил В.И. Ленин, «порвать экономическую связь между республикой и всем миром».⁴³ Именно возведение внешнего кольца блокады наиболее болезненно и чувствительно проявилось на Северо-Западе и сказалось на положении Петрограда.

Для осуществления своих планов «экономического окружения» или стягивания внешнего кольца блокады союзные правительства применяли два основных метода: 1) политическое давление на нейтральные государства, заинтересованные в торговле с Советской Россией, в целях полного прекращения хозяйственного общения с нею; 2) проведение строжайшей морской блокады. Летом и особенно осенью 1918 г., как отмечалось, стали довольно успешно развиваться товарообменные операции между Петроградом и некоторыми Скандинавскими странами. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство правящих кругов Антанты, принявших окончательное решение использовать против советской власти силы интервенции, контрреволюции и блокаду.

С осени 1918 г. на правительства нейтральных государств начинает оказываться все возрастающее дипломатическое воздействие представителей Антанты, требующих полного разрыва политических и экономических связей с большевиками. Донесение посланника США в Норвегии государственному секретарю от 13 ноября 1918 г. показывает, насколько грубо и бесцеремонно вмешивались союзники в дела нейтральных государств. Представитель США информировал госдепартамент о рекомендациях английского посланника в Норвегии своему правительству. Эти рекомендации полностью поддерживались представителями США и Франции. В них предусматривалась необходимость предложить от имени союзных правительств нейтральным правительствам порвать отношения с РСФСР, употребляя для этого в числе других мер и нажим на банки, чтобы «прервать финансовые сделки большевиков». Далее советовалось запросить правительства Скандинавских государств, «будут ли они в дальнейшем кооперироваться в борьбе против большевиков или останутся нейтральными, и в последнем случае пригрозить установлением блокады... и исключением их из состава участников предстоящей мирной конференции, куда их намеревались пригласить».⁴⁴

⁴² Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики. 1918—1920: Очерк. М.; Л. 1930. С. 85—86.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 163.

⁴⁴ FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 726—727.

По-видимому, союзные представители в нейтральных государствах получили нужные инструкции своих правительств, так как 25 ноября 1918 г. британский посланник вручил министру иностранных дел Норвегии меморандум, согласованный с представителями США и Франции, в котором Норвегии и другим Скандинавским государствам предлагалось «в интересах всех стран мира» прекратить содействие сделкам в рублях. Кроме того, норвежскому правительству давалось понять, что, если оно не предпримет решительных мер, будет прекращена продовольственная помощь Норвегии.⁴⁵ Предлогом для указанных действий союзников послужило обвинение советской власти в «большевистской пропаганде».

На следующий день, 26 ноября, американский посланник в Норвегии был информирован министром иностранных дел о предстоящей встрече представителей Швеции, Дании и Норвегии в Копенгагене для выработки «общей позиции в отношении к большевикам».⁴⁶ Поскольку наиболее развитыми были торговые отношения между Петроградом и Швецией, союзники предприняли специальный демарш именно перед правительством этой страны.

5 декабря американский представитель в Стокгольме П. Моррис в беседе с министром иностранных дел выразил недовольство в связи с наличием «большевистской пропаганды» в Швеции, которая разносится отсюда в США и другие союзные государства. В ответ министр иностранных дел поспешил заверить Морриса о готовности постепенно отозвать из Петрограда всех шведских представителей и выразил надежду на то, что в самом ближайшем будущем удастся «избавиться от Воровского и его помощников». В донесении об этой беседе американский посланник сообщил также, что аналогичные меры против большевизма следует ожидать и от Дании.⁴⁷

Вскоре последовало соглашение между представителями Швеции, Норвегии и Дании о одновременном разрыве отношений с Советской Россией и высылке всех ее дипломатических и торговых работников из Скандинавских стран. Этот шаг правительства нейтральных стран были вынуждены сделать под сильнейшим дипломатическим нажимом правящих кругов стран Антанты, под угрозой экономических и политических санкций с их стороны. Первостепенную роль в организации разрыва отношений между Швецией и РСФСР играли именно США. М. М. Литвинов, оценивая впоследствии эту роль американской дипломатии, писал: «С абсолютной точностью исторически установлено, что разрыв отношений с советскими республиками со стороны Швеции был принят во исполнение общего плана тогдашних союзников и, в частности, определенного предложения американского правительства».⁴⁸

Впрочем, у Литвинова не было никаких сомнений относительно роли США в организации блокады Советской России и в декабре

⁴⁵ Ibid. P. 728.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid. P. 730.

⁴⁸ Известия. 1924. 22 января.

1918 г. Ведь именно он в качестве уполномоченного Советского правительства в ноте от 24 декабря 1918 г. на имя президента США В. Вильсона, отправленной из Стокгольма, предлагал: «...убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду, смягчив этим разгоревшиеся страсти масс, помочь России вновь получить доступ к ее источникам снабжения».⁴⁹ Однако американский президент вовсе не собирался прислушаться к этим словам. Давление на нейтральные страны со стороны США, Англии и Франции в пользу разрыва отношений с РСФСР и перехода к политической блокаде не ослабевало.

Как развивались дальнейшие события, хорошо показано в докладе «О разрыве дипломатических отношений между Скандинавскими странами и Россией» полпреда РСФСР в Швеции В.В. Воровского В.И. Ленину от 24 мая 1919 г.

Советская миссия, учитывая заинтересованность торгово-промышленных кругов Швеции в коммерческих сношениях с Петроградом, пыталась предотвратить разрыв, воздействуя «на экспортеров и импортеров, у которых в связи с оживившимся прошлой осенью товарообменом особенно разгорелись аппетиты». «Однако, — как отмечает далее Воровский, — интересы государств Соглашения... оказались могущественнее, чем интересы шведских промышленников и шведских рабочих, среди которых уже началась безработица».⁵⁰ Через день после заверений, сделанных министром иностранных дел американскому представителю, последовали решительные шаги шведского правительства по ликвидации политических и экономических отношений с РСФСР.

«В субботу 7 декабря, в час дня, — писал Воровский в докладе В.И. Ленину, — я был приглашен к министру иностранных дел, который заявил мне, что... шведское правительство вынуждено лишить меня правасылки курьеров и права шифра и „предполагает“, что наша миссия покинет Швецию».⁵¹ День спустя американский представитель в Стокгольме получил коммюнике о результатах этой беседы и информировал о ней госдепартамент, правительства Франции и Англии.

Аналогичные меры были предприняты в Дании. 27 декабря 1918 г. представитель РСФСР в Копенгагене Я.З. Суриц был уведомлен министром иностранных дел, что датское правительство решило порвать фактические связи с Советской Россией.⁵²

После получения необходимых гарантий о выезде советских представителей из Скандинавских стран через Финляндию весь состав торговых и дипломатических работников РСФСР в Стокгольме и Копенгагене, включая Воровского, Сурица и находившегося в Швеции Литвинова, 30 января 1919 г. отбыл на родину.

Пароход, на котором они плыли, с трудом преодолевая начавшийся ледостав, наконец добрался до финляндского порта Або. Дальше совет-

⁴⁹ ДВП. Т. 1. С. 630.

⁵⁰ Цит. по: Шшикин В.А. Указ. соч. С. 107—108.

⁵¹ Там же. С. 108; Отчет НКВД Седьмому съезду Советов (ноябрь 1918—декабрь 1919 г.). С. 14.

⁵² FRUS. Russia. 1918. Vol. 1. P. 730—731.

ские представители по железой дороге доехали до Белоострова, и на деревянном мостике через р. Сестру была произведена их передача советским пограничникам. «Финский офицер взял список конвоируемых, — вспоминал английский журналист А. Рэнсом, ехавший вместе с ними в Советскую Россию, — и прочел фамилии: Воровский, его жена и ребенок... Затем он вызвал: „Литвинов“. Одного за другим вызывал он всех русских, их было около тринадцати. Г-жа Воровская, которая... давно не была в России, горько плакала».⁵³ В январе 1919 г. из Москвы на родину выехал и последний шведский торговый представитель, который вел переговоры с М.Г. Бронским. Перед отъездом он говорил Г.В. Чичерину: «Если английский правительство на что-нибудь решается, оно это дело доводит до конца. Английское правительство решило наступать на Советскую Россию, следовательно, его войска будут в Москве через два месяца».⁵⁴ Этот торговый агент был плохим пророком, но с его отъездом Советская Россия на долгое время оказалась отрезанной от всего мира.

Как отмечалось, в ноябре 1918 г. были прерваны всякие политические и экономические связи между РСФСР и Германией. Последняя, подписав перемирие с победителями, была поставлена под полный контроль союзных держав вплоть до заключения Версальского мирного договора. По условиям перемирия по отношению к ней на этот период сохранялась в силе торгово-экономическая блокада,⁵⁵ исключавшая возможность нормальных коммерческих сношений с советским государством. Правительство созданной вскоре Веймарской республики, особенно в первые послевоенные месяцы, в международных вопросах следовало политической линии держав-победительниц, занимая подчиненное положение проигравшего войну государства. После же разрыва политических и торговых отношений с Советской Россией, предпринятого правительством Германии, началась повальная высылка советских представителей из других стран. 6 ноября 1918 г. голландское правительство известило НКВД об отзыве своего представителя из Петрограда, и, таким образом, всякие отношения с этой страной были прерваны.⁵⁶

ВОЕННО-МОРСКАЯ БЛОКАДА

Заставив ряд нейтральных государств прервать всякие официальные сношения с Советской Россией и обеспечив таким образом «экономическое окружение», союзные правительства взяли на себя труд практической организации военно-морской блокады, которая свела бы на нет попытки деловых кругов капиталистических стран на свой страх

⁵³ Цит. по: *Нияшев Н.Ф.* Указ. соч. С. 232—233.

⁵⁴ *Чичерин Г.В.* Указ. соч. С. 260—261.

⁵⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.; Л., 1926. Ч. 2. С. 197.

⁵⁶ *Блинов С.И.* Указ. соч. С. 200; *Чичерин Г.В.* Указ. соч. С. 118.

и риск осуществлять сделки с советскими организациями или поползновения последних проникнуть нелегально на внешние рынки. Поскольку сухопутные границы РСФСР в этот период определялись линиями фронтов с интервентами и белогвардейцами, их использование для внешнего товарообмена было почти исключено. Главной задачей держав Антанты оставалось осуществление блокады морского побережья, которая окончательно отрезала бы Советскую Россию от заграничных рынков. Блокада на море, кроме того, представлялась правящим кругам западных держав более предпочтительным средством борьбы с советской властью, чем прямое вооруженное вторжение иностранных войск в Россию, которое грозило серьезными внутривнутриполитическими осложнениями в капиталистических странах, где рабочий класс и либеральная общественность все решительнее осуждали политику интервенции. «Открытая война против большевиков, — писала газета «Таймс», — была у нас непопулярной, поэтому будет гораздо разумнее организовать блокаду России».⁵⁷

Еще до высадки интервентов в Мурманске и Архангельске союзные правительства установили морскую блокаду северного побережья страны.

Однако самым важным этапом в организации морской блокады было перекрытие путей товарообмена с Петроградом через Финский залив и Балтийское море. Учитывая, что в распоряжении Советской России на всем протяжении гражданской войны и интервенции оставался крупнейший в стране Петроградский морской порт, военно-морские силы союзников постарались заблокировать все морские подступы к нему, не допуская его использования для снабжения республики извне.

Общая линия британской политики в этом районе, как она была определена министром иностранных дел А. Бальфуrom в ноябре 1918 г., состояла, во-первых, в поддержке стремления к отделению Балтийских провинций, входивших прежде в состав Российской империи, а во-вторых, в предоставлении помощи всем просоюзническим антисоветским русским силам, которые еще только начали консолидироваться здесь.⁵⁸

Уже 11 ноября 1918 г. английский Форин офис запросил Адмиралтейство о его готовности послать военные корабли на Балтику.⁵⁹ Учитывая опасность морской блокады балтийского побережья РСФСР, Чичерин сообщил 16 ноября 1918 г. в ответ на запрос Морского генштаба, что «вполне допустим случай появления в Балтике флота держав Согласия и что в случае отправки русских пароходов в иностранные порты они могут быть захвачены».⁶⁰ И действительно, спустя три дня, 20 ноября 1918 г., Военный кабинет Ллойд Джорджа признал необходимым продемонстрировать силы британского флота в Балтийском море, чтобы способствовать усилению борьбы «населения

⁵⁷ Times. 1919. 19 March.

⁵⁸ Bradley J.F.N. Civil War in Russia 1917—1920. London ; Sydney, 1975. P. 144.

⁵⁹ Bennet G. Cowan's War: The Story of British Naval Operations in the Baltic. 1918—1920. London, 1964. P. 29, 31.

⁶⁰ Цит. по: Шишкин В.А. Указ. соч. С. 109.

этой части мира против большевизма и содействовать там интересам Великобритании». Адмиралтейству было предложено послать эскадру легких крейсеров, сопровождаемых 9 эсминцами, в направлении Зунда с последующим курсом в Ревель. В начале декабря английские военные корабли, входящие в первую эскадру адмирала Синклера, появились на рейдах Ревеля и Либавы.⁶¹ 31 декабря 1918 г. британский кабинет обсудил ситуацию в «Балтийских провинциях» и решил усилить военное присутствие Англии в этом районе. Результатом была отправка второй британской эскадры под командованием сэра У. Коуэна. Эскадра к началу 1919 г. расположилась в восточной части Финского залива — в Биорке.⁶²

В инструкциях командующему британским флотом в Балтийском море У. Коуэну английское правительство и Адмиралтейство предписывали «продемонстрировать британский флаг и поддерживать британскую политику в соответствии со складывающейся обстановкой», а также «предохранять от разгрома Эстонию и Латвию со стороны внешней агрессии», угроза которой исходила от большевиков.⁶³ Главной задачей британского флота на Балтике, как ее понимал Коуэн, гораздо более воинственный, по мнению английского автора, чем его предшественник адмирал Синклер, было активное участие в общей борьбе интервентов и сил контрреволюции против Советской России и установление морской блокады Петроградского порта.⁶⁴

В течение 1919 г. военно-морские силы Англии, Франции и США, дислоцировавшиеся в Ревеле, Риге, Гельсингфорсе и Выборге, блокировали Финский залив и Балтийское море. Главную роль несомненно играл в этом районе британский флот, насчитывавший 238 военных и вспомогательных судов, в числе которых были 23 крейсера, 85 эсминцев, один авианосец (с 55 самолетами), 20 подводных лодок, 2 минных заградителя, 18 минных тральщиков и т. д. Военно-морские силы Франции, находясь в тесном взаимодействии с английской эскадрой, насчитывали здесь 26 боевых кораблей, США — 14, Италии — 2 корабля.⁶⁵

После неудачной попытки в декабре 1918 г. отряда кораблей Балтийского флота во главе с Ф.Ф. Раскольниковым атаковать базу противника в Ревеле военно-морские силы союзников полностью господствовали на Балтике и в Финском заливе.⁶⁶ Более того, адмирал Коуэн в январе и феврале 1919 г. проявил большую активность в оказании помощи действиям буржуазных правительств Эстонии и Латвии в борьбе против частей Красной Армии.⁶⁷ В мае 1919 г. войска генерала Н.Н. Юденича, поощряемого союзниками, получив от них вооружение и снаряжение, начали наступление на Петроград. Предпринимая на-

⁶¹ Bennet G. Op. cit. P. 32.

⁶² Bradley J.F.N. Op. cit. P. 145; Бах М.Г. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет (1917—1927). М., 1928. С. 140.

⁶³ Bennet G. Op. cit. P. 32.

⁶⁴ Bradley J.F.N. Op. cit. P. 145.

⁶⁵ Bennet G. Op. cit. P. 227.

⁶⁶ Шушकिन В.А. Указ. соч. С. 110.

⁶⁷ Bradley J.F.N. Op. cit. P. 145.

ступление на Петроград, Юденич просил прямой поддержки со стороны военно-морских сил союзников, расположенных в Финском заливе. «Союзная эскадра, — телеграфировал он представителю русских контрреволюционных правителей на Парижской мирной конференции С.Д. Сазонову 27 мая 1919 г., — должна прикрывать с моря операции русских войск и содействовать им». ⁶⁸ И действительно, британские военно-морские силы оказывали поддержку наступлению эстонцев на Нарву, а Юденича — в направлении Ямбург—Псков—Петроград.

В письме Наркоминдела РСФСР неофициальному представителю Советской России в США Л.К. Мартенсу эти действия англичан характеризовались как «новая интервенция, вылившаяся теперь в походе на Петроград с прямым участием английских военно-морских сил». ⁶⁹ Благодаря этому и были достигнуты первые успехи весеннего наступления белых. 20 мая британская военно-морская авиация совершила также воздушный налет с целью бомбардировки Кронштадта, которая, впрочем, как пишет один из английских авторов, «в целом не принесла успеха». ⁷⁰ По свидетельству же белогвардейских заинтересованных лиц, «налет английских гидропланов на Кронштадт, при котором пострадало несколько большевистских судов, был скорее спортивным, чем стратегическим предприятием, хотя и геройски выполненным». ⁷¹ В июле налет на Кронштадт предприняли шесть финляндских самолетов, которые появились со стороны о-ва Ино и сбросили бомбы на город и гавань. Повторные налеты еще нескольких финляндских аэропланов на Кронштадт и Петроград были встречены огнем батарей, который вынудил их повернуть назад. Кроме того, финляндские суда нападали на советские суда, обстреливали побережье и Кронштадт из своих орудий. ⁷² 19 мая 1919 г. в одном из своих выступлений В.И. Ленин говорил: «...развертывается наступление на Петроград: вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносцами противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь?». ⁷³ Хотя первое наступление Юденича на Петроград весной 1919 г. закончилось провалом, обстановка на Северо-Западе для Советской России продолжала оставаться серьезной, а военно-морская блокада Петрограда приобрела грозный и зловеющий характер.

⁶⁸ Цит. по: Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 88.

⁶⁹ ДВП. М., 1958. Т. 2. С. 176. — Министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур в своем выступлении на заседании министров иностранных дел государств Антанты на Парижской мирной конференции фактически подтвердил, что Англия уже оказала военную помощь Эстонии на море и помощь в доставке продовольствия, благодаря чему эстонцы и продолжают борьбу против большевиков (FRUS. The Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1943. Vol. 4. P. 678—690).

⁷⁰ FRUS. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. 4. P. 150—151; Donald W.M. A History of Russian and Soviet Sea Power. London, 1974. P. 338.

⁷¹ О событиях под Петроградом в 1919 году: Записки Н.Н. Иванова, бывшего члена Северо-Западного правительства // Архив гражданской войны. Берлин, 1922. Вып. 1. С. 39.

⁷² ДВП. Т. 2. С. 169—171, 186—187, 207, 231, 244.

⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 335.

Почти параллельно с установлением военно-морской блокады, а затем и с началом эпизодических боевых действий западных держав союзниками были предприняты и дополнительные меры к тому, чтобы пресечь возможные попытки доставки товаров в Петроград через Прибалтийские государства. 24 марта 1919 г. Верховный экономический совет держав Антанты рассмотрел резолюцию Союзнического комитета по блокаде, где перечислялись меры контроля над судами, направлявшимися в Эстонию, с целью помешать доставке товаров транзитом в Петроград.⁷⁴ На заседаниях Совета десяти 27 и 28 марта 1919 г. было принято решение о распространении этой политики противодействия проникновению товаров в Советскую Россию также через Литву и Латвию. 9 мая 1919 г. Совет четырех, изучая вопрос о возможности снятия блокады с Германии в связи с предстоящим заключением мира с нею, также постановил, что эти меры не будут применяться к советскому государству.⁷⁵

С лета 1919 г. активизировали свои действия против Советской России базировавшиеся в Финляндии английские самолеты и корабли. Предоставление таких баз Финляндией было недружественным актом с ее стороны в отношении советского государства. 5 июля британская эскадра под командованием У. Коуэна прибыла в Койвисто. Отсюда английские военные суда совершили нападение на советские корабли, потопили и повредили крейсер «Олег». В Финском заливе англичане установили около 3 тыс. мин, на которых подорвалось несколько советских судов. Английские самолеты прилетали бомбить Кронштадт. 7 июля они совершили налет на Петроград, но были отогнаны и сбросили бомбы у ст. Графской. 10 июля из Финляндии на советскую территорию вторглись 4 самолета, сбросивших бомбы, два человека были ранены. Реакционные круги Финляндии вынашивали планы «совершенно изолировать Россию от Балтийского моря».⁷⁶

Оценивая позднее, в апреле 1920 г., организованную в конце 1918—начале 1919 г. военно-морскую блокаду северо-западного побережья Советской России и Петроградского порта, Л.Б. Красин писал: «...блокада России и операции союзных военных и морских сил на территории России создали... условия, делающие ввоз товаров в Россию и вывоз из нее сырья затруднительными и даже невозможными... Петроградский порт блокирован минными заграждениями, заложенными в Финском заливе британским флотом, вследствие чего уже погруженные в Петрограде 10 пароходов лишены будут возможности выйти в море».⁷⁷

Установление военно-экономической блокады Северо-Запада Советской России западными державами, ввод в действие официально не объявленной морской блокады привели к быстрой ликвидации внешне-торговых связей революционного государства. Политика военно-эко-

⁷⁴ FRUS. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. 4. P. 535.

⁷⁵ Ibid. 1945. Vol. 5. P. 522.

⁷⁶ ДВП. Т. 2. С. 206—208; *Холодковский В.М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М., 1975. С. 97, 109.

⁷⁷ ДВП. Т. 2. С. 474.

номической блокады губительно сказалась прежде всего на торговле РСФСР со Скандинавскими странами через Петроградский порт.

Еще до попытки возобновления торгового мореплавания из Петрограда под советским флагом, предпринятой почти в самый канун установления военно-морской блокады, Советское правительство столкнулось с противодействием со стороны Германии и оккупированной ее войсками Финляндии обеспечению режима безопасного плавания торговых судов РСФСР на Балтике и в Финском заливе. Так, правительство Финляндии с ведома германского правительства не возвращало реквизированного финнами в Гельсингфорсе каравана землечерпальных судов и землесосов, принадлежащих Петроградскому торговому порту и необходимых ему для работ по очистке морского канала, портовых гаваней и бассейнов «для подготовки порта к его торговой деятельности».⁷⁸

Кроме того, в Финском заливе Финляндией были захвачены советские тральщики, необходимые для расчистки от мин акватории Петроградского порта и морских путей к нему. Германия заключила с Финляндией соглашение о тралении мин без участия Советской России, что противоречило положениям Брестского мира, ибо лишало Советское правительство возможности выполнять их и фактически создавало условия для германских и финских военных судов действовать непосредственно вблизи Кронштадта и Петрограда.⁷⁹ Только 25 сентября после неоднократных нот Советского правительства была создана советско-германско-финляндская комиссия по вопросу о совместной работе по снятию минных заграждений в Балтийском море и обеспечению торгового мореплавания. Однако из-за нежелания германско-финской стороны пойти на установление демаркационной линии в Балтийском море переговоры зашли в тупик.⁸⁰ Что касается действительности военно-морской блокады союзников на Балтике и в Финском заливе, то первая же попытка возобновить торговое мореплавание под советским флагом, предпринятая в конце 1918 г., закончилась неудачей.

Организуя отправку из Петрограда первых судов под советским флагом с грузом в Скандинавские государства, Советское правительство позаботилось о получении гарантий их безопасности от шведского, норвежского и германского правительств.⁸¹ Так, в тексте соглашения, разработанного Л.Б. Красиным и коммерческим атташе датского посольства в Петрограде Андерсоном в октябре 1918 г., об условиях плавания двух советских судов из Петрограда с грузом пилотматериалов, меди, льна, пеньки и т.д. содержался следующий пункт: «В случае препятствий со стороны третьей державы к проходу пароходов из Петрограда в Копенгаген и обратно королевское датское правительство обязуется принять все зависящие от него меры,

⁷⁸ Там же. Т. 1. С. 345.

⁷⁹ Там же. С. 453—455.

⁸⁰ Там же. С. 502, 520—521; *Блинов С.И.* Указ. соч. С. 182—183.

⁸¹ ДВП. Т. 1. С. 705; т. 2. С. 734—735; ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9398, оп. 1, д. 633, л. 41.

чтобы путем дипломатического вмешательства устранять все препятствия». В ноябре соглашение было подтверждено датским генеральным консулом в Москве.⁸²

Аналогичным образом были сформулированы соответствующие положения в договоре о товарообмене, заключенном 28 октября 1918 г. в Петрограде между членами шведской торговой делегации в этом городе и управляющим Петроградским отделением НКТиП Ю. Пятигорским, а также комиссаром торговли и промышленности Союза коммун Северной области Г. Евдокимовым.⁸³ Весьма важным было получение специальных грамот для этих судов и от германского правительства. Поднятый уже в июле 1918 г. в Берлине вопрос о гарантиях для беспрепятственного продвижения советских пароходов в порты нейтральных государств получил свое разрешение в октябре 1918 г. 21 октября полпред РСФСР в Германии А.А. Иоффе телеграфировал Г.В. Чичерину и Л.Б. Красину: «...дело с судами наконец начинает разъясняться. Получил копии нот к датскому правительству. Дело обстоит так: пароходы... могут выходить в море и получать в Ревеле охранные грамоты на основаниях, указанных в сообщенной Вам вербальной ноте от 16 октября».⁸⁴ Несколько позже, 24 октября 1918 г., в беседе с советником посольства РСФСР в Германии В. Коппом представитель МИД Зелингер сообщил, что консульству в Петрограде дано указание выдать охранные грамоты пароходам «Вера» и «Мартин» до Ревеля, где они получают от германских морских властей пропускные свидетельства до Копенгагена.⁸⁵ Хотя и после получения необходимых гарантий заинтересованные советские органы выражали опасения за судьбу предназначенных к отправке в заграничное плавание судов, было все же решено в интересах развития товарообмена послать в порты Скандинавских государств пять пароходов с грузом компенсационных товаров.

Поздней осенью 1918 г. в Петроградском порту царило необычное оживление. Несколько торговых судов, стоявших на приколе всю летнюю навигацию, спешно ремонтировалось, приводилось в порядок для заграничного рейса. На самом большом из них, водоизмещением в 4 тыс. т, закрашивали старое название «Вера» и большими литерами выводили новое — «Федерация». Четыре других парохода также получили новые, революционные имена: «Северная коммуна» (бывш. «Гагара»), «Циммервальд» (бывш. «Кодума»), «Лассаль» (бывш. «Балтония»), «Республиканец» (бывш. «Либава»).

Первым 14 ноября 1918 г. из Петрограда в Копенгаген отбыл пароход «Федерация», далее 1 декабря туда же отправилась «Северная коммуна», в этот же день в Стокгольм отбыл «Циммервальд», а позднее, 8 декабря, взяли курс на Стокгольм «Республиканец» и «Лассаль». Все пять пароходов везли товары (лен, лес, фанера, металлический

⁸² ДВП. Т. 2. С. 735.

⁸³ Там же. Т. 1. С. 705.

⁸⁴ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9398, оп. 1, д. 337, л. 250.

⁸⁵ РГАВМФ, ф. Р-342, оп. 1, д. 641, л. 4—5.

лом) общим весом свыше 5,5 тыс. т и стоимостью в 860 тыс. датских и 95 тыс. шведских крон. Кроме того, были подготовлены и ожидали отправки еще шесть пароходов с 7 тыс. т груза.⁸⁶

Советское правительство пристально следило за рейсом «Федерации», рассматривая его как пробный шар в практике использования собственного морского флота. 27 ноября 1918 г. нарком торговли и промышленности Л.Б. Красин сообщил В.И. Ленину о благополучном прибытии парохода в Копенгаген.⁸⁷ Однако именно «Федерации» пришлось первой испытать на себе последствия нажима Антанты на Скандинавские государства и тяжесть начавшейся блокады в условиях, когда Германия потерпела поражение в войне и Англия установила свое господство на Балтике.

Прибывшая 20 ноября 1918 г. в Копенгаген «Федерация» не получила разрешения на разгрузку и десять дней стояла под надзором датского миноносца. Полпред в Дании Я.З. Суриц и представитель Главного управления водного транспорта РСФСР в Скандинавских странах Н.Н. Рыбинский связались с В.В. Воровским по телефону, после чего было решено направить пароход в Стокгольм. «Утром 29-го „Федерация“ снялась, — сообщал Рыбинский из Стокгольма 2 декабря 1918 г., — а 30-го на рейд Копенгагена пришла английская эскадра легких судов, и в вечерних газетах появилась довольно откровенная заметка, что если бы „Федерация“ не ушла из Копенгагена, то ей не пришлось бы уйти вовсе».⁸⁸ Однако и в Стокгольме советский пароход не ожидало ничего хорошего. Хотя судно встало под разгрузку, которая тянулась более полутора месяцев, команда была лишена возможности сойти на берег.⁸⁹ В донесении Рыбинского из Стокгольма от 20 декабря 1918 г. описывались зловключения «Федерации» и ее команды в шведской столице: «Переговоры ведутся и по настоящее время, тов. Воровский требует немедленной разгрузки, агент (т.е. шведская компания торговли и мореплавания) не может выполнить, пока не получит разрешения властей. Могу добавить, что удивительно резко изменилось отношение в связи с разрывом. Команде по сей день не разрешают иметь сообщение с берегом. По моим сведениям, старые (бывшие) владельцы „Федерации“ уже передали дело адвокату и поджидают окончательной выгрузки парохода, чтобы наложить арест. На мои указания, что мы были гарантированы шведским правительством от всяких арестов, ответ последовал вполне определенный: „С разрывом наших отношений все гарантии отпадают“».⁹⁰ После выгрузки судно было задержано в Стокгольме, часть экипажа выслана в Советскую Россию. В 1919 г. «Федерация» по иску бывшего владельца парохода, латвийского подданного, была передана Латвии.⁹¹

⁸⁶ Шишкин В.А. В борьбе с блокадой: О становлении советской внешней торговли. М., 1979. С. 43.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9398, оп. 1, д. 635, л. 57—58.

⁸⁹ Там же, л. 65, 69—91; РГАЭ, ф. 6956, оп. 3, д. 79. — Подробнее о рейсе «Федерации» см.: Сонкин М.Е. Указ. соч. С. 88—98.

⁹⁰ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9398, оп. 1, д. 635, л. 69.

⁹¹ Подробнее см.: Сонкин М.Е. Указ. соч. С. 88—98.

Плавание остальных четырех судов было еще менее успешным. Оно проходило уже в условиях, когда союзная эскадра входила в Балтийское море и нейтральные государства полностью подчинились требованиям правительства Антанты. В первой половине декабря все советские пароходы были захвачены в Ревеле местными властями, причем, как сообщил позднее один из матросов парохода «Республиканец», «в это время как раз заметили, что с моря в Ревель прибыла английская эскадра».⁹² Примечательны и показания механика В. Никитина и машиниста П. Сизова от 31 декабря 1918 г. Они свидетельствуют, что их пароход «Северная коммуна» был подвергнут аресту в Ревеле 6 декабря 1918 г. «Вооруженная охрана поднялась на пароход, — сообщали члены команды, — и сопроводивший ее офицер объявил весь состав экипажа, в том числе и ее капитана, арестованными».⁹³

В ноте правительства РСФСР правительству Великобритании от 2 февраля 1919 г. в связи с захватами советских торговых судов отмечалось следующее: «Считая, что этот акт насилия был совершен под охраной британской эскадры и что по крайней мере один из захваченных кораблей был, как известно, впоследствии переброшен в Великобританию, Русское советское правительство самым энергичным образом протестует против таких действий и требует полного возмещения».⁹⁴

Однако протест, заявленный правительством РСФСР Великобритании в ноте от 2 февраля 1919 г., результата не имел. Не лучшим оказалось и положение судов Скандинавских государств, направлявшихся в РСФСР с товарами, закупленными советскими внешнеторговыми организациями. В декабре 1918 г. в Выборге был наложен арест на шведские пароходы «Нильс Эрик» и «Суннинген», которые везли в Советскую Россию сельскохозяйственные орудия и семена.⁹⁵

В связи с захватом груза на шведском пароходе «Суннинген», следовавшем в Петроград, полпред РСФСР в Швеции Воровский в ноте посланнику Норвегии в Швеции (поскольку инициатором этой акции выступал бывший норвежский вице-консул в Петрограде К. Кёпке) выразил решительный протест против этой незаконной меры и потребовал от имени Советского правительства «немедленно принять необходимые меры для того, чтобы вышеупомянутое судно было освобождено и могло продолжать свой рейс».⁹⁶

Однако нота осталась без ответа. Следовательно, первая попытка возобновления торгового мореплавания под советским флагом и арест шведских судов показали, что военно-морская блокада вступила в действие и что получение необходимых товаров через Петроградский порт стало невозможным.

Таким образом, с установлением морской блокады было завершено создание системы военно-экономической блокады по отношению к

⁹² Шишкин В.А. В борьбе с блокадой. С. 44.

⁹³ Там же.

⁹⁴ ДВП. Т. 2. С. 56—57.

⁹⁵ Экономическая жизнь. 1920. 5 августа.

⁹⁶ ДВП. Т. 2. С. 48.

Петрограду как важнейшему торговому порту Советской России и форпосту революционного государства на Северо-Западе страны.

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ БЛОКАДЫ

Правительства нейтральных стран, которые под давлением великих держав вопреки своим интересам присоединились к политике экономической блокады Советской России и особенно географически близкого им Петрограда, все больше осознавали необходимость прекращения торгового бойкота РСФСР, возобновления экономических отношений, заключения сделок и договоров с нею. Летом 1919 г. значительные группы шведских промышленников дважды ставили перед своим правительством вопрос о необходимости добиться от союзников разрешения на торговлю с советским государством через Петроградский порт.⁹⁷ Под давлением деловых кругов правительство обратилось с соответствующим запросом к правительствам союзных держав.⁹⁸

Все это не могло не тревожить лидеров главных государств Запада, осуществлявших политику экономической блокады Советской России. Их озабоченность усугублялась также тем обстоятельством, что с заключением в июне 1919 г. Версальского мирного договора с 12 июля 1919 г. официально прекращалась блокада по отношению к Германии. Это лишало всякого основания любые чрезвычайные меры военного или полувоенного характера, применявшиеся союзниками в области международной торговли. К тому же ни одна из великих держав, как отмечалось, не делала официального заявления об объявлении войны Советской России. В таких условиях экономическая блокада Северо-Запада и Петрограда не могла обосновываться даже ссылкой на военно-политическую обстановку в Европе и задачу обеспечения приемлемого мира с Германией. В новой ситуации нейтральные государства, вынужденные подчиниться политике Антанты, но не связанные какими-либо формальными обязательствами в отношении участия в блокаде, получили возможность отказаться от навязанного им курса. Поэтому руководители великих держав предприняли шаги, направленные на преодоление скрытого сопротивления политике экономической блокады со стороны нейтральных государств, и попытались подыскать «законную» форму, которая позволила бы связать обязательством активного участия в блокаде их правительства. Одновременно принимались меры и для ужесточения военно-морской блокады прежде всего Северо-Запада Советской России.

Впервые проблема экономической блокады Советской России с точки зрения новых международных условий обсуждалась на заседании глав делегаций пяти великих держав в Париже 15 июля 1919 г. Фран-

⁹⁷ Экономическая жизнь. 1919. 19 июня, 23 июля; см. также: Янсон К.К. Об отношениях Эстонии и Швеции в 1920—1922 гг. // Скандинавский сборник. XIX. Галлинн, 1974. С. 110.

⁹⁸ FRUS. Russia. 1919. Washington, 1937. P. 157.

цузский представитель М. Сейду пояснил, что этот вопрос был поднят Верховным экономическим советом союзных держав, которому затем было поручено Советом четырех разработать его по существу. Рекомендации Совета четырех от 17 июня 1919 г. сводились к следующему. После заключения мира с Германией следует отказаться от любых позитивных шагов или публичных заявлений, направленных на возобновление торговли с большевистской Россией, необходимо предложить меры, которые предотвратили бы любую возможность поступления товаров морским путем из Германии в Петроград.⁹⁹ Исходя из этих указаний, соответствующими союзными органами был разработан доклад, дополненный докладом британской делегации. Смысл обоих документов сводился к тому, что необходимо оказать более жесткое воздействие на нейтральные государства, побудив их присоединиться к политике экономической блокады, которая исключала бы любые торговые сношения с Советской Россией через Петроградский порт.¹⁰⁰ Обосновывая предложения, Сейду отметил, что позиция Швеции в этом вопросе требует быстрого принятия решения. Он подчеркнул, что особую тревогу с точки зрения прорыва блокады вызывает Балтийское море, где от Стокгольма или Копенгагена можно в считанные часы достигнуть Петрограда.¹⁰¹ Его выступление поддержал представитель Великобритании Бальфур, предложивший информировать нейтралов, что, не объявляя формальную блокаду Советской России, союзники рассматривают Финский залив как зону враждебных действий и по-прежнему имеют право менять курс торговых судов, идущих к Петрограду.¹⁰² Представитель США Г. Уайт заявил, что без консультаций со своим правительством он не может согласиться на открытое провозглашение блокады в этом районе в условиях мира.¹⁰³ По предложению американского делегата Д.Ф. Даллеса совещание решило подождать результатов запроса американских представителей президенту Вильсону по этому поводу.¹⁰⁴

Дальнейшие совещания представителей пяти великих держав по вопросу об ужесточении экономической и морской блокады Советской России и позиции нейтральных государств состоялись в июле и августе 1919 г. 25 июля Уайт, ссылаясь на ответ президента, сообщил, что американское правительство не может присоединиться к предполагаемой ноте нейтралам, поскольку оно не находится в состоянии войны с Россией.¹⁰⁵ Это заявление отнюдь не означало, однако, что США являлись противниками блокады. Весь смысл рекомендаций Вильсона, полученных Уайтом, сводился к тому, что открытое провозглашение блокады вступило бы в явное противоречие с нормами международного

⁹⁹ DBFP. London, 1949. Vol. 3. P. 89. — Подробнее о постановке этого вопроса в Совете четырех см.: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949. С. 362—364.

¹⁰⁰ DBFP. Vol. 3. P. 98—100.

¹⁰¹ Ibid. P. 89.

¹⁰² Ibid. P. 90.

¹⁰³ Ibid. P. 90—91.

¹⁰⁴ Ibid. P. 91—92.

¹⁰⁵ Ibid. P. 188.

права. Вместе с тем он совсем не возражал против практического осуществления последовательной военно-экономической блокады Советской России на Балтике и в Финском заливе силами Англии, Франции и других держав.¹⁰⁶

В ответ на это выступление 26 июля Вильсону было послано письмо, подписанное Бальфуrom от имени четырех великих держав — Англии, Франции, Италии и Японии. Обосновывая позицию союзных правительств по вопросу о блокаде, Бальфур указывал, что язык международного права действителен лишь в отношениях между цивилизованными странами, но говорить на этом языке с «неорганизованным хаосом» не имеет смысла.¹⁰⁷ Ответное послание президента, обсуждавшееся 8 августа, показало, что по существу вопроса разногласий между сторонами нет. Вильсон подчеркнул, что он с величайшим пониманием относится к доводам в пользу применения военных мер для предотвращения импорта через Петроградский порт в Советскую Россию. Далее он весьма решительно осудил любые возможные попытки нейтральных государств вести торговлю с Советской Россией, заявив, что не представляет себе, как правительства этих государств могут быть индифферентны к интересам всего цивилизованного мира. При этом Вильсон весьма одобрил идею обращения к нейтральным государствам с требованием предпринять немедленные шаги к предотвращению коммерческих сношений с Советской Россией. Единственно, что заставляло американского президента весьма деликатно не соглашаться на официальное присоединение США к открытому провозглашению политики военно-экономической блокады, было фарисейское стремление «соблюсти невинность» перед лицом общественного мнения. Именно поэтому Вильсон высказал опасения, что конгресс не санкционирует такого военного акта, как блокада, объявленного по отношению к стране, с которой США не находятся в состоянии войны.¹⁰⁸ Этим опасениям представители остальных четырех держав противопоставляли доводы в пользу необходимости срочных действий по отношению к нейтралам.¹⁰⁹

Анализ фактов, касающихся политики администрации Вильсона в отношении военно-экономической блокады Северо-Запада Советской России, показывает, что никаких колебаний по поводу практического применения этих драконовских незаконных мер против суверенного государства она не испытывала. Официальные заявления госдепартамента на протяжении всего 1919 г. и его действия не оставляют никаких сомнений на этот счет. 17 апреля Лансинг, находившийся в Париже на заседаниях мирной конференции, предписывал Филлипсу, исполнявшему обязанности госсекретаря в это время, отказываться от каких-либо отношений с советским представителем Л.К. Мартенсом, который

¹⁰⁶ Ibid. P. 188—189, 194.

¹⁰⁷ Ibid. P. 202—203.

¹⁰⁸ FRUS. Russia. 1919. P. 155—156. — Государственный секретарь США Р. Лансинг к этому добавил, что правительство США не разрешит торговым судам Америки отправиться в Петроградский порт РСФСР и что эти меры будут преследовать те же цели, что и блокада (ibid. P. 157).

¹⁰⁹ DBFP. London, 1949. Vol. 1. P. 188.

был уполномочен Советским правительством «вести переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки».¹¹⁰ 26 апреля 1919 г. последовало заявление госдепартамента, которое предостерегало американских граждан от каких-либо шагов, связанных с получением концессий в Советской России, на том основании, что правительство США «не признавало большевистский режим в Москве».¹¹¹ 6 мая 1919 г. аналогичное предостережение было сделано в отношении любых контактов с Мартенсом.¹¹² 5 июня Филлипс запрашивает мнение Лансинга по поводу возможной депортации Мартенса или хотя бы опубликования нового заявления «о неодобрении коммерческих сделок с представителями большевиков».¹¹³ Примерно в это же время в письме Филлипса сенатору И.Л. Ленроту было ясно дано понять, что ни одно судно, направляющееся с товарами в советские порты, не будет выпущено из США.¹¹⁴ Характеризуя позицию правящих кругов Соединенных Штатов в вопросе о блокаде и торговле с Советской Россией, Мартенс в письме в Наркоминдел с горечью констатировал: «...официально нет ни войны, ни блокады, а неофициально война происходит, а блокада поддерживается — судов с товарами для Советской России из Америки не выпускают».¹¹⁵ Подлинную суть позиции правительства США в вопросе о блокаде Советской России в полной мере стали ощущать на себе сотрудники миссии Мартенса как раз с лета 1919 г.¹¹⁶

Характеризуя общую линию политики правительства США по отношению к Советской России, М.М. Литвинов писал Л.К. Мартенсу 27 мая 1919 г., что, несмотря на «стремление к сближению с Америкой», которое в полной мере проявляло правительство РСФСР, она «на деле... солидаризировалась с бешеной политикой Клемансо и фактически участвовала во всех союзных военных и дипломатических выступлениях против нас, в экономической блокаде».¹¹⁷

В.И. Ленин в беседе с корреспондентом американской газеты «Крисчен сайенс монитор» (сентябрь 1919 г.) сказал о позиции США следующее: «Я думаю, вы увидели в Советской России больше страданий, чем вы раньше могли себе представить. И все эти страдания порождены несправедливой войной, которую ведут против нас, экономической блокадой, в которой ваша страна играет не последнюю роль».¹¹⁸

Таким образом, рассмотренные факты совершенно ясно свидетельствуют о том, что правящие круги США отличались от своих европей-

¹¹⁰ ДВП. Т. 2. С. 104—105; FRUS. Russia. 1919. P. 141—143.

¹¹¹ FRUS. Russia. 1919. P. 144.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Ibid. P. 144—145.

¹¹⁴ Ibid. P. 158—159, 161—162.

¹¹⁵ ДВП. Т. 2. С. 234.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Рейхберг Г.Е., Шаник Б.С.* «Дело» Мартенса. М., 1966. С. 38—49.

¹¹⁷ ДВП. Т. 2. С. 176.

¹¹⁸ Цит. по: *Труш М.И.* Мы оптимисты: О встречах В.И. Ленина с зарубежными политическими деятелями, дипломатами, журналистами и представителями деловых кругов. М., 1985. С. 169.

ских союзников лишь одним: проводя и поддерживая всеми мерами политику военно-экономической и морской блокады Петрограда и советского государства в целом и неся полную меру ответственности за участие в ней, они всячески стремились закамouflировать свою деятельность, ввести в заблуждение мировое общественное мнение и общественное мнение в своей стране. Последнее вызывалось тем, что в кругах республиканской парламентской оппозиции, среди довольно значительного слоя промышленников и торговцев, не говоря уже о широких кругах рабочих и прогрессивной интеллигенции, росло недовольство политикой интервенции и блокады. Эти обстоятельства как фактор, влиявший на действия администрации Вильсона, несомненно отражались на позиции правительства США. Под влиянием этих причин и складывалась линия действия американского правительства в вопросе о блокаде Советской России, как особая или несколько отличная от политики других империалистических держав. Однако отличие политики США от линии действия других держав касалось лишь внешней стороны, фразеологии, и несколько не затрагивало существа дела. Аргументированное разоблачение и развенчание позиции правительства США в отношении блокады Петрограда содержалось в письме представителя РСФСР Мартенса от 5 ноября 1919 г., адресованном американскому сенатору Д.У. Уодсворту. Мартенс ссылаясь на опубликованное письмо последнему помощнику госсекретаря Филлипса, в котором утверждалось: «...в том, что касается Соединенных Штатов, никакой блокады Петрограда не существует», и политика правительства состоит лишь в отказе в экономических лицензиях на поставки товаров в ту часть территории, которая «находится под большевистским контролем», а также в том, чтобы «не выдавать выходные свидетельства американским судам, намеревающимся идти в Петроград». В связи с этим советский представитель отмечал, что содействие интервенции, прямое вмешательство во внутренние дела России, помощь контрреволюционным силам «в сочетании с блокадой российских портов, принесшие неопишуемые страдания народу, вызвали в Советской России глубокое чувство негодования против агрессоров», и квалифицировал политику США и других западных держав как «неспровоцированные нападения» на РСФСР.¹¹⁹ Анализ документов американской официальной публикации, в которых отражены завершающие заседания, посвященные рассмотрению проблемы на Парижской мирной конференции, подтверждает это со всей убедительностью.

Заседание глав делегаций пяти государств 19 августа продемонстрировало уже довольно дружную работу всех представителей, обсуждавших конкретные меры усиления торгового бойкота Северо-Запада РСФСР.¹²⁰ К следующему совещанию 23 августа был представлен проект ноты союзных и присоединившихся государств нейтралам, пере-

¹¹⁹ ДВП. Т. 2. С. 273—274.

¹²⁰ FRUS. Russia. 1919. P. 437—438, 442—443.

данный для окончательной доработки в Комиссию блокады.¹²¹ Решающие обсуждения текста ноты состоялись на заседаниях глав делегаций пяти великих держав 25 и 29 сентября 1919 г. Они завершались согласованием позиций между представителями США и остальными участниками дискуссии. Американский представитель Ф. Полк заявил, что его правительство всецело поддерживает меры, предлагаемые нейтралам, в целях предотвращения торговли с Советской Россией. Вместе с тем он возражал против последнего пункта проекта ноты, открыто провозглашавшего агрессивные действия против судов нейтральных государств со стороны союзного морского военного флота на Балтике, которому предписывалось задерживать эти суда и менять их курс. По словам Полка, этим создавался опасный прецедент.¹²² Представители Франции и Англии настаивали на сохранении этого пункта, без которого, по их мнению, военно-морские силы на Балтике и в Финском заливе были бы лишены действительных полномочий, необходимых для осуществления военно-морской блокады на практике.¹²³ 29 сентября после непродолжительных прений было решено направить согласованную ноту правительствам нейтральных государств от имени союзных и объединившихся держав без последнего пункта, а его сообщить устно.¹²⁴ Таким образом, «невинность» американского правительства была соблюдена: пиратские санкции в отношении Советской России, и в частности Петроградского порта, не провозглашались публично, но вступали тем не менее в силу.

В октябре 1919 г. ноту получили двенадцать нейтральных государств Европы и Америки, а также Германия. В ней ясно и недвусмысленно были сформулированы цели и методы политики военно-экономической блокады. Союзные и объединившиеся державы предложили нейтральным государствам «вступить в немедленное соглашение с ними о мерах к тому, чтобы воспрепятствовать всякой торговле их граждан с большевистской Россией и чтобы обеспечить строгое проведение этой политики». Заключительный параграф, сообщенный устно, указывал, что британские и французские суда в Финском заливе будут «по-прежнему изменять курс тех судов, бумаги которых выписаны на порты большевистской России».¹²⁵

¹²¹ Ibid. P. 495, 501—502. — К этому времени позиция правительства США была уже совершенно ясной и определенной для других участников переговоров. На заседании 29 августа при обсуждении вопроса о блокаде на Северо-Западе Бальфур задал американскому представителю вопрос, как намерено поступать его правительство, если американский торговец запросит разрешения на отправку груза в Петроград. Ф. Полк ответил, что правительство США не даст такого разрешения (*Штейн Б.Е.* Указ. соч. С. 375—376).

¹²² Ibid. P. 782—783. — Опасность этого прецедента заключалась, по мнению американского правительства, в возможном применении Великобританией такой же тактики в отношении торговых судов США, конкурировавших с Англией в ряде районов мира (*Штейн Б.Е.* Указ. соч. С. 377—378).

¹²³ FRUS. Russia. 1919. P. 782—783.

¹²⁴ Ibid. P. 825—826.

¹²⁵ Международная политика новейшего времени... Ч. 2. С. 397—398.

По мысли авторов ноты, благоприятные ответы на нее нейтральных правительств создали бы какое-то подобие законного основания для ужесточения политики военно-экономической блокады и пиратских действий союзного флота на Балтике. А сомневаться в таком ответе не приходилось, поскольку небольшие нейтральные государства вряд ли были способны противостоять нажиму политической и военной мощи великих держав. Так и произошло.

Советское правительство в нотах, направленных 20 октября 1919 г. правительствам нейтральных стран — Швейцарии, Норвегии, Дании, Голландии, Испании, Швеции, — заявило решительный протест против «варварской блокады, имеющей целью сломить силу сопротивления российских народных масс всякого рода лишениями, которым подвергаются также женщины и дети». Оно выражало надежду, что «нейтральные правительства ответят решительным отказом на не имеющие никакого оправдания требования держав Соглашения». ¹²⁶ Однако действовать вопреки воле великих держав небольшие нейтральные государства были не в состоянии.

Вскоре представитель английского Министерства иностранных дел сообщил основное содержание ответов нейтральных правительств, где говорилось, что меры, уже принятые нейтральными державами, находятся в полном соответствии со взглядами, высказанными Верховным советом. ¹²⁷

Хотя методами политического и дипломатического воздействия западным державам удалось добиться некоего юридического оформления участия нейтральных государств в полном экономическом бойкоте Северо-Запада РСФСР, описанные события показали, что Скандинавские страны отнюдь не являлись надежным звеном в цепи «экономического окружения», созданного союзниками. По существу это был первый симптом надвигавшегося краха политики военно-экономической блокады.

Другим уязвимым пунктом системы военно-экономической блокады была Германия. Версальский мирный договор вызвал глубокое недовольство политических и экономических кругов страны действиями союзных держав. Кроме того, германская промышленность, торговля и капитал были наиболее тесно связаны с довоенной Россией и заинтересованы в возобновлении коммерческих отношений с нею. Конечно, правительство Веймарской республики после поражения Германии в войне длительное время следовало в «русском вопросе» в фарватере политики держав-победительниц, не решаясь на какие-либо радикальные шаги в направлении сближения с РСФСР. ¹²⁸

Эти обстоятельства, а также рост недовольства среди самых различных слоев общества условиями Версальского мирного договора предопределили особую позицию германского правительства в отношении

¹²⁶ ДВП. Т. 2. С. 263—264.

¹²⁷ Известия. 1919. 28 ноября.

¹²⁸ Подробнее см.: *Rosenfeld G. Sovietrussland und Deutschland. 1917—1922. Berlin, 1960. S. 234—246.*

ноты союзников, направленной ему и нейтральным государствам в октябре 1919 г., а также в целом в отношении военно-экономической блокады Советской России и в особенности Петроградского порта.

В октябре 1919 г. германскому правительству через комиссию по перемирию с Германией был вручен текст ноты главнокомандующего союзными войсками маршала Ф. Фоша, включавшей в себя в виде составной части и перечень основных мер торгового бойкота РСФСР, предписанных нейтралам. В ноте Фоша помимо указания на обязательность для Германии предпринять эти же меры содержалось разъяснение позиции совета Антанты в отношении блокады Советской России в связи с подписанием Германией мирного договора. «Союзные и дружественные державы, — говорилось в ноте, — несмотря на снятие блокады Германии, все же не позволили последней возобновить торговые отношения с большевистской Россией. Эти сношения должны были бы фактически происходить при посредстве главарей большевистского правительства, которые использовали бы полученные продукты в своих интересах».¹²⁹ Кроме того, маршал Фош просил комиссию по перемирию передать германскому правительству, что английские и французские корабли в Финском заливе будут останавливать и менять курс судов, направляющихся в порты Советской России.¹³⁰ Правительство РСФСР в ноте германскому правительству от 20 октября 1919 г. заявило, что будет рассматривать активное участие Германии в экономической блокаде как враждебные действия против себя, и выразило надежду, что на предложение союзников последует решительный отказ.¹³¹

Ответная нота германского правительства, направленная союзникам в конце октября, по существу содержала осторожный отказ от участия в военно-экономической блокаде. В ноте говорилось, что правительство Германии придерживается политики невмешательства в русские дела. Что касается торговой блокады Северо-Запада, то участие в ней Германии «едва ли имело бы какое-либо экономическое или политическое значение, ибо со стороны моря Россия блокирована союзными державами, сухопутной же границы между Германией и Россией после ратификации мирного договора не существует». Далее в ответе германского правительства приводились доводы против применения тактики экономической блокады, которая может только «укрепить большевизм». Вместо этого предлагалась тактика «единения» России с остальными европейскими государствами, которая только и может вернуть ей строй, «согласный с духом европейской демократии». Нота, кроме того, отмечала несовместимость блокады с принципами международного права и Лиги Наций. В заключение германское правительство выразило свою готовность к равноправному участию в обсуждении мер «взаимной защиты различных стран от большевизма».¹³² Как видим, антисоветская платформа, на которой базировалась нота,

¹²⁹ Vorwärts. 1919. 13 Okt.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ ДВП. Т. 2. С. 265.

¹³² Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. 31 Okt.; Times. 1919. 31 Okt.

ничем не отличалась от позиции остальных союзных держав. Признавалась и полная зависимость Германии от победителей в вопросе о возобновлении торговли с Советской Россией. Вместе с тем сам факт заявления об отказе от активного участия в военно-экономической блокаде Северо-Запада РСФСР, хотя бы из соображения негодности этой меры в борьбе с большевизмом и ее несоответствия духу международного права, показывал совершенно определенное стремление не связывать себе рук в решении этого вопроса. Германское правительство хорошо понимало, что решительное присоединение к блокаде приведет его почти к полной политической и экономической изоляции. Только что подписанный на тягелейших экономических и политических условиях Версальский мир не сулил Германии никаких радужных перспектив на взаимовыгодные хозяйственные связи с западными державами.

Присоединиться в этих условиях к блокаде РСФСР означало лишить себя пусть даже отдаленной возможности выхода на огромный восточный рынок и оказаться в полной политической и экономической зависимости от держав-победительниц. Кроме того, правительство не могло игнорировать интересы тех торгово-промышленных кругов Германии, которые в весьма широких масштабах вели коммерческие дела с Россией до войны и все решительнее выступали за возобновление экономических связей с РСФСР.¹³³ Таким образом, хотя отказ Германии от активного участия в торговом бойкоте и не привел к прорыву блокады и возобновлению экономических сношений с РСФСР, он несомненно послужил известным предостережением союзникам и впоследствии был принят ими во внимание как один из доводов в пользу «смены вех» в «русском вопросе».

Тем не менее приведенные данные показывают, что в течение лета—осени 1919 г. политика военно-экономической блокады как бы легализовалась, нейтральные государства и Германия принуждены были выполнять все предписания октябрьской ноты союзных держав и следовать общей политике империализма в отношении Советской России.

Апогеем политики ужесточения военно-экономической блокады можно считать решение заседания Совета премьер-министров Англии, Франции, Италии, Японии и представителя США, состоявшегося в Лондоне 12 и 13 декабря 1919 г. Суть их действий в отношении советского государства в это время можно суммировать следующим образом: полная военно-морская блокада, исключавшая всякую возможность доступа морским путем, прежде всего к Петрограду; создание «барьера из колючей проволоки» для ограждения территории Советской России от остального мира на суше; отказ от вооруженной интервенции ввиду ее провала, но подготовка и поддержка антисоветского выступления Польши и т.д.¹³⁴

¹³³ *Rosenfeld G.* Op. cit. S. 243—246, 253—254; *Kochan L.* The Struggle for Germany. 1914—1945. Edinburgh Univ. Press, 1963. P. 16; *Klein F.* Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion. 1917—1932. Berlin, 1953. S. 75—76.

¹³⁴ Подробнее см.: *Штейн Б.Е.* Указ. соч. С. 383—394.

Принятые меры ужесточения общей политики блокады нашли проявление и в более ревностном проведении военным флотом союзных держав военно-морской блокады, прежде всего на Балтике и в Финском заливе.

Петроградский порт оказался со второй половины 1919 г. под еще более бдительным, чем прежде, надзором английского флота. В официальном заявлении МИД Финляндии, сделанном в ответ на протест шведского правительства в связи с захватом шведских судов, направленных в Россию, откровенно признавалось, что «английские военно-морские силы заминировали устье петербургской гавани и английский военно-морской отряд расположен в этой части залива, чтобы препятствовать мореходству в упомянутый город».¹³⁵ Об ужесточении политики военно-морской и экономической блокады на Балтике с лета 1919 г. свидетельствует и активизация антисоветских действий финских вооруженных сил.

Под воздействием Англии усилилась роль Финляндии в блокаде балтийского побережья Советской России и Петроградского порта. 11 июля 1919 г. НКТиП и Наркоминдел составили радиотелеграфное сообщение к правительству Финляндии с предложением отступить в торговые сношения. Одновременно Петроградскому отделению НКТиП было поручено предпринять практические меры к организации товарообмена между двумя странами. Однако позиция финляндского правительства, прибегавшего к агрессивным действиям против РСФСР, исключала возможность нормального развития торговых отношений и способствовала усилению военно-морской блокады союзников в районе Петроградского порта. Белофинский флот совместно с авиацией только в 1919 г. совершил 45 нападений и налетов на Кронштадт, советские военные суда Балтийского флота, форт Красная Горка и другие пункты в Финском заливе.¹³⁶

Вопрос о Петрограде и Петроградском порте в планах интервентов — одна из наиболее ярких иллюстраций того, что военно-экономическая блокада была органической частью общей политики борьбы с советской властью посредством комбинации вооруженной иностранной интервенции, активизации войск внутренней контрреволюции и поддержания жестокой морской блокады.

Об этом со всей определенностью говорит прямое участие английских военно-морских сил и авиации в нападении на Кронштадт в ночь на 18 августа 1919 г. По приказу адмирала Коуэна был разработан план атаки Кронштадта. В ней главная роль отводилась восьми специально доставленным быстроходным береговым военным катерам, которые имели низкую осадку и могли внезапно ворваться в мелководную Кронштадтскую гавань. Внимание советских войск предполагалось отвлечь одновременным бомбовым ударом аэропланов, совершавших налет на Кронштадт с воздуха. Британские крейсера и эсминцы должны

¹³⁵ Известия. 1919. 24 октября.

¹³⁶ Подробнее см.: Шшикин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 122; РГАВМФ, ф. Р-1, оп. 3, д. 773, л. 289—289 об.

были обеспечить поддержку этой морской акции. План удалось реализовать, он привел к определенному успеху: в результате атаки были торпедированы и затонули некоторые советские военные корабли. Это способствовало ужесточению военно-морской блокады на Балтике и снижению активности советского военного флота в этом районе.¹³⁷

Как отмечалось, одной из главных задач военно-морских сил Антанты со второй половины 1919 г. стало полное прекращение внешней торговли РСФСР через Петроградский порт. Капитан Г. Беннет, автор книги о действиях британского флота на Балтике, утверждает, что непрерывное патрулирование военно-морских судов Англии в Финском заливе, установка мин вблизи Кронштадтского рейда и в добавлении к ним военные операции против частей Красной Армии и Красного Флота обеспечили успех политике блокады.¹³⁸ Еще один западный автор, американский профессор Е.М. Кэррол, также считает, что «эффективность блокады, хотя Франция и была ее ревностным инициатором, в конечном счете зависела от британского флота».¹³⁹

Особенно тесно переплелись ужесточение политики военно-экономической блокады Советской России со стороны союзников и поддержка ими осеннего наступления на Петроград Северо-Западного корпуса генерала Юденича. В этом случае помимо военного снаряжения и обеспечения белогвардейских войск, шедших на Петроград, опять в качестве «идеологического фактора» была двинута в дело «теория контраста». Ниже приводятся две выдержки из документов того времени, которые говорят об использовании этого элемента политики блокады. 21 августа 1919 г. было опубликовано в газете «Заря России» (Псков) обращение уполномоченного Великобритании в Прибалтийском крае Г. Пири-Гордона «Воззвание к гражданам Пскова». В нем в связи с подготовкой Северо-Западного корпуса к наступлению на Петроград и созданием белогвардейского Северо-Западного правительства говорилось, что союзники «ныне выгрузили запасы продовольствия, одежды и снаряжения, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить как можно больше русских из-под тирании большевиков».¹⁴⁰

Политические деятели белых в этом районе В.Д. Кузьмин-Каравеев, А.В. Карташев и М.Н. Суворов в сентябре 1919 г. писали в связи с помощью в снабжении корпуса Юденича со стороны союзников, что «в войне с большевиками продовольственные припасы, пожалуй, еще в большей степени обеспечивают успех, нежели пушки и ружья», поскольку-де белые войска будут рассматриваться населением как «освободители от голода». Однако тут же содержалось и признание провала этой тактики, ибо американская мука стала продаваться населению

¹³⁷ Mitchell D.M. A History of Russian and Soviet Sea Power. London, 1974. P. 339; Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932. С. 278.

¹³⁸ Bennet G. Op. cit. P. 159, 210.

¹³⁹ Carrol E.M. Soviet Communism and Western Opinion 1919—1921. Univ. of North Carolina Press, 1965. P. 21.

¹⁴⁰ Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 305.

вшестеро дороже против отпускной цены, и это привело к «падению влияния на население» белой идеи.¹⁴¹

Таким образом, ужесточение политики военно-экономической блокады, вызванное усилением военно-морской блокады, снабжение корпуса Юденича вооружением, а Северо-Западного правительства продовольствием для эксплуатации «теории контраста» — все это в полной мере проявилось во время осеннего наступления белых на Петроград. В телеграмме поверенного в делах колчаковского правительства из Лондона в свое Министерство иностранных дел в Омск от 18 октября 1919 г. восторженно сообщалось: «Черчилль выразил мне лично живейшую радость по поводу удачного наступления на Петроград. Интересуется дальнейшими планами и организацией управления по взятии Петрограда».¹⁴²

Однако вскоре белогвардейское наступление на Петроград потерпело жестокое поражение, корпус Юденича был разгромлен и отброшен. Тем не менее к исходу 1919 г. экономическая блокада Советской России, столь остро и зловеще проявлявшаяся по отношению к Северо-Западу и в особенности Петрограду, сохранялась в полной мере. Осуществляя последовательную политику блокады на Северо-Западе и прежде всего блокаду Петроградского порта, правящие круги Великобритании всячески старались замаскировать или даже цинично отрицать меры, проводимые их военно-морскими силами с целью ее поддержания. В этом смысле примечателен ответ премьер-министра Англии Д. Ллойд Джорджа на реплику одного из депутатов палаты общин: «Как обстоит дело с блокадой?». Ничуть не смущаясь, британский премьер ответил: «Никакой блокады нет, кроме ледовой блокады». Как пишет далее в связи с этим советский исследователь Б.Е. Штейн, «этот ответ был дан в тот момент, когда английский и французские военные корабли останавливали любой пароход, идущий в советский порт, и поворачивали его назад».¹⁴³ Факты, приведенные здесь, свидетельствуют о сознательной дезинформации общественности со стороны лидеров союзных держав. Подлинная суть их политики была точно определена Л.Б. Красиным. Он оценивал в декабре 1919 г. характер их политики в этом вопросе следующим образом: «Принципы и порядок, которые доминируют в отношениях Антанты к Советской России, нам достаточно хорошо известны. Эти принципы — блокада Советской России, беспощадная экономическая война, попытка удущения голодом многомиллионного населения... и самая интенсивная энергичная помощь деньгами, продовольствием, снаряжением, людьми и всеми новейшими изобретениями военной техники тем группам и организациям, которые ведут непосредственное нападение на Советскую республику».¹⁴⁴

¹⁴¹ Образование Северо-Западного правительства: Объяснения членов Политсовета при главнокомандующем Северо-Западного фронта. Гельсингфорс, 1919. С. 32.

¹⁴² К десятилетию интервенции: Сб. статей. М.; Л. 1929. С. 98.

¹⁴³ Штейн Б.Е. Указ. соч. С. 399—400.

¹⁴⁴ ДВП. Т. 2. С. 304.

Морская блокада союзников на Балтике как часть общей тактики военно-экономической блокады Советской России не принесла сколько-нибудь ощутимого политического результата ее организаторам. Иное дело — срыв снабжения Петрограда из-за границы и содействие силам контрреволюции.

В целом же ужесточение политики военно-экономической блокады Советской России во второй половине 1919 г. привело к столь же явному усилению в этот период и военно-морской блокады, осуществляемой флотом союзников в отношении Балтики и Петроградского порта. Реальным последствием ужесточения политики военно-экономической блокады стало почти полное прекращение внешней торговли советского государства через Петроградский порт в 1919 г.

Практическая организация внешней торговли в 1919 г. свелась лишь к ряду случайных, главным образом импортных, операций, которые, по удачному выражению Б.Е. Штейна, «походили скорее на снабжение провиантом осажденной крепости, нежели на организованную торговлю».¹⁴⁵

В силу отмеченных причин и прежде всего из-за ужесточения политики военно-экономической блокады Советской России результаты ее единичных внешнеторговых операций в 1919 г. были мизерны: экспорт в западные страны отсутствовал совсем и не был зафиксирован таможенной статистикой. Импорт же по стоимости едва превышал 500 тыс. р. в довоенном исчислении. Из этой суммы четыре пятых приходилось на долю Германии и Швеции. Следует еще добавить, что регистрация импорта велась по моменту выпуска товаров из таможен, известное их количество было завезено ранее. Однако и без этой оговорки видно, что в условиях полной военно-экономической блокады и особенно после ее закрепления во второй половине 1919 г. Советская Россия за этот год получила менее одной двухтысячной доли тех товаров (в стоимостном выражении), которые завозились в страну в любой из годов предвоенного пятилетия.¹⁴⁶ Естественно, все это тяжело сказалось на продовольственном и топливном снабжении Петрограда.

ПОПЫТКИ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ПЕТРОГРАДА

В целях прорыва кольца военно-экономической блокады Советское правительство с самого начала предпринимало постоянные дипломатические шаги, использовало любые, даже самые незначительные возможности для мирного урегулирования отношений с западными державами для выхода из состояния экономической изоляции. Кроме того, оно искало пути практического обхода блокады посредством установления связей с торгово-промышленными кругами стран Балтийского моря, заинтересованными в деловых отношениях с Советской Россией, пыталось через Петроград различными способами наладить

¹⁴⁵ Штейн Б.Е. Внешняя торговая политика СССР. М.; Л., 1925. С. 3.

¹⁴⁶ Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918—1927/28 гг.: Статистический обзор. Л.; М., 1931. С. IX, XVII, 20—21, 34—35.

снабжение осажденного государства самыми необходимыми товарами из-за границы.

Уже с ноября 1918 г. советская дипломатия предпринимает неустанные попытки добиться согласия политических руководителей Антанты на мирные переговоры, постепенно раскрывая и детализируя программу экономических уступок как плату за прекращение интервенции и блокады. Вскоре после VI съезда Советов Наркоминдел стал готовить поездку М.М. Литвинова в Швецию, ему «было поручено вступить в сношения с правительствами Антанты для подготовки мирных переговоров». ¹⁴⁷ Именно в этот период Литвинов направил ноту президенту США Вильсону от 24 декабря 1918 г., в которой он предлагал прийти к соглашению с Советским правительством о немедленном выводе иностранных войск из России, «снять экономическую блокаду» и дал понять, что эта мера позволит договориться о тесном взаимовыгодном сотрудничестве с капиталистическими странами в хозяйственной области. ¹⁴⁸ Эта линия на развертывание перед союзными правительствами советской программы экономических уступок как платы за прекращение войны и блокады последовательно проводилась Литвиновым и дальше, вплоть до его высылки из Швеции 30 января 1919 г.

В январе 1919 г. к Литвинову в Стокгольм явился представитель президента, атташе американского посольства в Лондоне У. Буклер, который представил отчет о переговорах с Литвиновым президенту Вильсону. ¹⁴⁹ В ходе бесед 14—16 января советский представитель подчеркнул готовность своего правительства к переговорам о мире и сообщил о согласии рассмотреть на основе компромисса вопросы, касающиеся иностранных предприятий в России, концессий и внешних долгов царского и Временного правительств. Вместе с тем Литвинов подчеркнул необходимость ликвидации блокады, развития взаимовыгодных экономических отношений между РСФСР и капиталистическими государствами, потребности Советской России в технической помощи Запада. ¹⁵⁰ Касаясь результатов своей деятельности в декабре—январе, Литвинов в телеграмме из Стокгольма от 20 января 1919 г., адресованной В.И. Ленину, сообщал о благоприятном впечатлении, произведенном на Вильсона советскими предложениями, и о его намерении пригласить советских представителей для участия в конференции всех правительств России с целью достижения мирного соглашения. «Советую подготовить необходимые данные, — говорилось далее в телеграмме, — касающиеся экономических и финансовых отношений с зарубежными странами. Союзная пресса уделяет много внимания участию Советского правительства в мирной конференции». ¹⁵¹ Советские предложения

¹⁴⁷ Отчет НКИД Седьмому съезду Советов (ноябрь 1918—декабрь 1919 г.). С. 3.

¹⁴⁸ ДВП. Т. 1. С. 680.

¹⁴⁹ Отчет Буклера см.: FRUS. The Paris Peace Conference. 1919. 1943. Vol. 3. P. 643—646, 662.

¹⁵⁰ Ibid. P. 643—644.

¹⁵¹ Цит. по: Шишкин В.А. В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1977. С. 156.

вызвали опасения некоторых лидеров западных держав за судьбу военно-экономической блокады. В этом отношении показательно выступление премьер-министра Франции Ж. Клемансо в Совете десяти Парижской мирной конференции 21 января 1919 г. Он сетовал на то, что предложения большевиков о «ценностях и концессиях как базис соглашения с ними» могут породить разногласия в рядах союзников, принести определенный успех Советскому правительству, и настаивал на продолжении политики «окружения», «барьера» вокруг Советской России и полного отказа от переговоров с нею.¹⁵²

Тем не менее некоторое время идея переговоров на Принцевых островах всех правительств России — и белогвардейских, и Советского — с целью усиления позиции контрреволюционных сил внутри страны еще продолжала интересовать США и Англию. Поэтому предложения о ликвидации блокады явились одним из элементов важнейшего советского дипломатического выступления 1919 г., обращенного к странам-союзницам, — ноты 4 февраля 1919 г.¹⁵³

Аналогичные уступки на основе ликвидации политики военно-экономической блокады содержатся и в тексте предварительного соглашения, подписанного 12 марта 1919 г. между Советским правительством и американским дипломатом У. Буллитом, прибывшим в Петроград, а затем в Москву по поручению президента США Вильсона и премьер-министра Англии Д. Ллойд Джорджа.¹⁵⁴

24 февраля Буллит в сопровождении журналиста Л. Стефенса и капитана У. Птита выехал из Парижа. В Стокгольме была сделана остановка для выяснения вопроса о возможности въезда в Советскую Россию. Разрешение на въезд было получено незамедлительно, и перед отбытием из Стокгольма Буллит сообщал полковнику Э. Хаузу: «Все говорит о том, что Ленин настроен в высшей степени примирительно».¹⁵⁵ 8 марта Буллит и его спутники прибыли в Петроград, где были встречены Г.В. Чичериним. Здесь и были согласованы основные положения договора. Затем Буллит проследовал в Москву и 11 марта имел беседу с В.И. Лениным.¹⁵⁶ К 12 марта 1919 г. Буллит и советские представители совместно выработали текст проекта мирного предложения союзных и объединившихся стран. Через день, 14 марта, Пленум ЦК РКП(б) в основном одобрил этот документ.¹⁵⁷

В тот же день окончательный вариант проекта договора был вручен Буллиту Чичериним и Литвиновым.¹⁵⁸ Второй пункт договора, согла-

¹⁵² FRUS. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. 3. P. 649; Штейн Б.Е. «Русский вопрос»... С. 120, 122.

¹⁵³ ДВП. Т. 2. С. 58.

¹⁵⁴ Там же. С. 91—95.

¹⁵⁵ Thompson J.M. Russia, Bolsheviks and the Versailles Peace. Princeton, 1967. P. 162.

¹⁵⁶ Владимир Ильич Ленин: Биохроника. М., 1975. Т. 6. С. 589, 594; подробнее см.: Гвишиани Л.А. Указ. соч. С. 214—220.

¹⁵⁷ Анигеев В.В. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 годах: (Хроника событий). М., 1976. С. 251; Шишкин В.А. В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика... С. 160.

¹⁵⁸ Bullitt W.C. The Bullitt Mission to Russia: Testimony before the Committee on Foreign Relations United States Senate. New York, 1919. P. 33—37, 38—39.

сованного обеими сторонами, гласил: «Экономическая блокада России отменяется, и торговые сношения между Советской Россией и союзными объединившимися странами возобновляются». Третий пункт предоставлял право Советскому правительству пользоваться «всеми портами, принадлежавшими бывшей Российской империи и Финляндии, необходимыми для разгрузки и перевозки пассажиров и товаров между территориями советских правительств и морями».¹⁵⁹

Вскоре, однако, предложения ноты 4 февраля 1919 г. были отклонены, а соглашение, выработанное совместно с Буллитом, было дезавуировано лидерами крупнейших западных держав. В это время началось колчаковское наступление, которое, как полагали правители капиталистических стран, позволит решить «русский вопрос» силой оружия.

Повлияло ли как-нибудь пребывание в Петрограде, отрезанном военно-морской блокадой союзников от внешнего мира и ожидавшем наступления белогвардейских сил, на позицию Буллита, заключившего предварительное соглашение с Советским правительством? По-видимому, на этот вопрос можно ответить положительно. В докладе Вильсону по возвращении в США он писал: «Если блокада будет снята и Советская Россия будет регулярно снабжаться всем необходимым, то русский народ можно будет крепче, чем с помощью блокады, прибрать к рукам».¹⁶⁰ Иными словами, хотя бы и из тактических соображений, он считал бесплодным продолжение политики блокады. Еще интереснее оценка позиции населения Петрограда по отношению к действиям держав Антанты и белогвардейских режимов в России, которая приводится в докладе члена миссии Буллита — У. Птита. Он писал следующее: «В Петрограде, как я думаю, существующее коммунистическое правительство располагает большинством в среде рабочего класса. Мои выводы основаны не только на беседах с коммунистами, но также и с многими противниками коммунистического правительства — аристократами, коммерсантами и иностранцами; я убежден, что огромное большинство населения Петрограда, если бы ему пришлось выбирать между существующим правительством и иностранной интервенцией, без колебаний остановилось бы на существующем правительстве. Иностранная интервенция объединила бы во вражде к себе все население... А переворот привел бы к хаосу (ни одна группа не пользуется доверием того круга людей, с которыми я говорил). Колчак, Деникин, Юденич, Трепов, презренные толпы русских эмигрантов, которыми кишат Стокгольм и Гельсингфорс, члены мирной делегации в Париже, спорящие между собой о способе разрешения русского вопроса, — все они имеют одинаково мало сторонников в Петрограде. Лица, с которыми я говорил, признают, что если бы в результате переворота возникло сильное правительство, то это привело бы к белому террору, вроде господствующего в Финляндии».¹⁶¹

¹⁵⁹ ДВП. Т. 2. С. 93.

¹⁶⁰ Bullitt W.C. Op. cit. P. 55.

¹⁶¹ Ibid. P. 131—132.

Таким образом, члены миссии Буллита уже в Петрограде могли составить себе объективное представление об отношении населения города к политике, которую проводили союзные державы на Северо-Западе Советской России и которая сводилась к интервенции, блокаде, поддержке сил Юденича, попыткам втянуть в вооруженную борьбу Прибалтийские государства.

В своей борьбе против блокады советское государство не ограничивалось предложениями политических и экономических условий мира, обращенных только к правительствам западных держав. Учитывая все усиливавшиеся кризисные явления в экономике капиталистических государств, оно считало необходимым раскрыть перед широкими кругами торговой буржуазии, перед общественным мнением этих стран свою программу экономического сотрудничества, показать потребности и возможности народного хозяйства РСФСР.

В августе 1919 г. заместителем председателя ВСНХ В.П. Милютиным была передана за границу радиограмма для западных телеграфных агентств, в которой содержался призыв к возобновлению хозяйственного общения с Советской Россией. «Стремление экономически изолировать Советскую Россию, — говорилось в обращении, — предпринятое союзными империалистами, приносит прежде всего громадный вред тем странам, в которых империализм является господствующим». Далее в радиограмме раскрывались сырьевые возможности РСФСР, откуда другие страны могли бы получать многие виды сырья, и отмечалась острая потребность ее народного хозяйства в машинах, оборудовании и т.п., производимых на Западе.¹⁶²

Однако правительства капиталистических стран в целом еще игнорировали советские предложения, полагая, что падение большевиков «откроет лучшие экономические возможности» для них, чем компромисс с Советским правительством. Военно-экономическая блокада Советской России продолжалась с прежней последовательностью.

Стремясь прорвать блокаду, советские организации учитывали заинтересованность деловых кругов ряда государств в торговле с РСФСР. В частности, как уже отмечалось, особый интерес к коммерческим связям с нею проявляли шведские торговцы и промышленники. Советский профессор Ю.В. Ломоносов, посетивший Швецию в начале 1919 г., сообщал научно-техническому отделу ВСНХ: «Мне пришлось провести в Стокгольме... около двух месяцев и говорить с довольно большим количеством шведских промышленников, которые чрезвычайно озабочены вопросом о восстановлении торговых сношений с Россией, так как этот вопрос здесь гораздо более жгучий... потому что шведская промышленность находится в более тяжелом положении».¹⁶³ Поэтому шведские коммерсанты даже в условиях блокады продолжали заключать сделки с советскими организациями в Петрограде, рассчитывая, что рано или поздно нормальные торговые отношения будут

¹⁶² Экономическая жизнь. 1919. 9 августа.

¹⁶³ РГАЭ, ф. 3429, оп. 60, д. 682, л. 5.

налажены. Однако такие сделки в силу сложившихся обстоятельств нередко сопровождались оговорками, что «в случае политических осложнений, препятствующих выполнению договора, действие его приостанавливается впредь до устранения возникших препятствий».¹⁶⁴ В марте 1919 г. представитель фирмы «Гольстрем и Тунельд» обратился к Красину с предложением поставлять в Россию в неограниченных размерах электрооборудование, различного рода машины и железнодорожные материалы. Предложение это в принципе было принято, но его реализация также всецело зависела от международных условий.¹⁶⁵ В этот же период полномочный шведского правительства в Петрограде Лундберг вел переговоры с представителем НКВД о способах поддержания торговли и исполнения заключенных ранее договоров до открытия навигации. Был затронут также вопрос о реализации товаров ряда шведских фирм, находившихся в Петрограде.¹⁶⁶ В марте—апреле 1919 г. петроградское отделение НКТП заключило несколько договоров со шведскими фирмами на закупку различных товаров.¹⁶⁷ Разумеется, большинство указанных сделок оказалось нереализованным вследствие блокады.

Весной 1919 г. был предпринят прорыв морской блокады, осуществленный торговым судном «Эскильстуна-III». Этот шведский пароход, вышедший из Стокгольма с грузом пил, топоров, кос и медикаментов, собранных шведскими рабочими для заблокированного с моря Петрограда, еще 21 января зимовал из-за ледостава в Финляндии. В конце апреля он взял курс на Петроград и 11 мая прибыл в Кронштадт.¹⁶⁸ Это плавание сопровождалось большими опасностями и трудностями. По воспоминаниям шведских участников событий, при приближении к Кронштадту судно было обстреляно финским гидропланом, который затем, сев на воду, предложил следовать к финскому берегу. Капитан Э. Эрикссон, поняв, что это грозит захватом парохода, отдал команду продолжать рейс. После прибытия в Кронштадт «Эскильстуна-III» была проведена советским буксиром «Северный» в Петроградский порт, где из его трюмов были выгружены доставленные через блокаду товары.¹⁶⁹ 27 мая 1919 г. владельцу парохода Энгстронду коллегией НКТП была выдана доверенность, гарантирующая полную сохранность всех товаров, которые будут в дальнейшем привозиться «Эскильстунной-III», «если шведским судам удастся пробраться через блокаду», и содержащая обязательства закупать эти товары. «В случае если соглашение с НКТП о закупке не будет достигнуто, — говорилось далее, — судну предоставляется право свободного вывоза груза обратно». Коллегия НКТП вместе с тем констатировала, что «Эскильстуна-III» этим рей-

¹⁶⁴ Еженедельник СНХ и экономических комиссаров Северной области. 1919. № 3. С. 3.

¹⁶⁵ РГАЭ, ф. 3984, оп. 1, д. 370, л. 43; Известия. 1919. 25 апреля.

¹⁶⁶ Еженедельник СНХ и экономических комиссаров Северной области. 1919. № 42. С. 2; Экономическая жизнь. 1919. 22, 23 марта.

¹⁶⁷ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 118.

¹⁶⁸ Вестник НКТП. 1919. № 9—10. С. 39; Экономическая жизнь. 1919. 13 мая.

¹⁶⁹ Вуколов П. Опасный рейс в белой ночи // Советская Россия. 1987. 2 октября.

сом в Петроград «подвергла себя значительному риску и, кроме того, оказала Советской России значительные услуги». 31 мая судно вышло из Петрограда в обратный путь с грузом льна, направленного НКТиП в адрес фирмы «Альмгрен и Ларсен». Обратный путь также был связан с огромным риском и сопровождался временным арестом судна в Финляндии. Как вспоминал левый шведский социал-демократ С. Линдерут, участвовавший в этом рейсе под видом второго штурмана, «„Эскильстуна-III“ вышла в рейс со всеми документами, разрешающими плавание в Петроград и обратно. Само же задержание противоречило всем правовым нормам. При отплытии из Кронштадта нас сопровождал русский лоцман, а чуть сзади шел буксир, который должен был забрать лоцмана обратно. Когда мы подошли на расстояние в шесть-семь миль к финскому побережью, вдруг раздался грохот и перед нами вырос столб воды... Затем мы увидели над нами самолет. Чистая случайность, что сброшенная бомба не попала в судно и не потопила его. Мы шли международными водами, и захват был незаконен». По настоянию шведского правительства в двадцатых числах июня выгруженные с «Эскильстуны-III» товары были возвращены на борт, а судно под конвоем было разрешено уйти.¹⁷⁰

В августе 1919 г. «Эскильстуна-III» с грузом товаров мирного назначения снова прорвалась в Петроград, но на обратном пути была задержана английским сторожевым судном, а груз конфискован.¹⁷¹ Согласно приводимым П. Вуколовым сохранившимся записям в судовом журнале, финские солдаты, угрожая оружием, заставили экипаж покинуть судно, которое было подвергнуто полному «разграблению».¹⁷²

Первый рейс «Эскильстуны-III» примечателен не только как факт прорыва морской блокады. Еще большее значение имело то обстоятельство, что этим рейсом в РСФСР прибыла группа представителей деловых кругов Швеции во главе с адвокатом В. Хеллбергом. Последний вел в Москве переговоры с Красиным и другими членами коллегии НКТиП. В ходе этих переговоров последовательно осуществлялась тактика воздействия на деловые круги Швеции, а через них на правительство в целях прорыва экономической блокады. В ответ на просьбу шведского союза льнопрядильных и джутовых заводов, переданную через Хеллберга, об отправке погруженных уже в Петрограде пароходов с льном и пенькой по старым договорам коллегия НКТиП соглашалась на это при соблюдении ряда условий. К ним относились: возобновление аккредитива в стокгольмских банках на имя НКТиП, материальная гарантия со стороны шведского правительства в отношении отправляемых пароходов, разрешение правительства вывезти на них товары, ранее закупленные и оплаченные Россией, допущение советского торгового представителя в Стокгольм. На переданное тем же Хеллбергом предложение от имени шведских промышленников, сделанное через фирму «Гуннар В. Андерсон», о возобновлении торговых

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Подробнее см.: *Сонкин М.Е.* Указ. соч. С. 107—109.

¹⁷² Советская Россия. 1987. 2 октября.

сношений с РСФСР было официально заявлено, что «российское Советское правительство готово в любой момент открыть свои границы для ввоза шведских товаров» при условии обмена официальными торговыми представительствами, которые обеспечивали бы товарообмен до заключения торгового договора.¹⁷³

Учитывая, что шведское правительство вряд ли сразу пойдет на такие смелые шаги без разрешения союзных держав, члены коллегии НКТиП вместе с Хеллбергом разработали план практической организации товарообмена между двумя странами, который был связан с созданием торговой агентуры РСФСР в Швеции под прикрытием шведского акционерного общества «Рюрик». Это общество предполагалось учредить на основе шведских законов с акционерным капиталом в 15 тыс. крон. Хеллберг и ряд его доверенных лиц шведской национальности становились номинальными владельцами общества. На самом же деле держателем всех акций являлся Наркомторгпром. Задачей этого шведского общества были экспортно-импортная торговля с Петроградом и транспортировка товаров. Хеллберг уполномочивался также НКТиП принимать в свое распоряжение все товары советского государства, находившиеся в Швеции и Дании. Кроме того, предполагалось купить от имени «Рюрика» арестованные в Выборге с грузом пароходы «Суннинген» и «Нильс Эрик», с тем чтобы их принадлежность к шведскому торговому флоту, а следовательно, и безопасность груза были сохранены.¹⁷⁴ Эти планы оказались неосуществленными, но сама идея создания торгового представительства РСФСР под флагом частной фирмы, основанной по законам капиталистической страны, была спустя год, уже в более благоприятных международных условиях, воплощена в лондонском «Аркосе».

Вслед за Хеллбергом Советскую Россию посетили в целях установления коммерческих контактов и другие представители торгово-промышленных кругов Швеции: Б. Альмгрен, который вел переговоры с Чичериным и Красиным о поставках различных товаров, директор Карстадского завода Тунгрен, а также ряд представителей Дании и Норвегии. Настроения деловых кругов Швеции в пользу возобновления торговых сношений с РСФСР, усиливавшиеся под влиянием переговоров с советскими представителями и роста экономических затруднений, не могли не отразиться на позиции в этом вопросе шведского правительства. Уже в конце мая 1919 г. группа шведских промышленников обратилась к правительству с заявлением, отмечавшим, что единственным выходом из экономического кризиса и средством сокращения безработицы является торговля с Советской Россией. Шведское правительство, уступая давлению деловых кругов, просило представителей союзных держав допустить хотя бы частичный товарообмен, с тем чтобы вывозить экспортные товары в Петроград в обмен на имущество шведских подданных. На это межсоюзническая комиссия в Стокгольме ответила, что она не может дать своего согласия на вывоз в Советскую Россию сельскохозяйственных орудий и химических продуктов.¹⁷⁵

¹⁷³ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада... С. 119.

¹⁷⁴ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1413, оп. 9, д. 5, л. 18, 20—23.

¹⁷⁵ Известия. 1919. 11 сентября; *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада... С. 119.

Аналогичные попытки прорыва блокады применялись и по отношению к Германии, потерпевшей поражение в войне. Одна из них была связана с поездкой в РСФСР в начале 1919 г. саксонского торговца Ф. Рауха, который представлял интересы ряда германских фирм и заключил с НКТиП крупный договор на поставку различных товаров в Советскую Россию. Однако реализация договора была сорвана из-за позиции германского правительства.¹⁷⁶ В апреле Министерство иностранных дел предложило Министерству экономики и комиссару по вопросам экспорта и импорта не выдавать Рауху никаких лицензий на вывоз товаров в Россию. Объяснение этого решения можно почерпнуть из записки министеряль-директора МИД фон Штокхаммера, характеризовавшей итоги междуведомственного совещания 11 апреля 1919 г. по этому вопросу. «Политические соображения в настоящее время заставляют выступать против восстановления экономических отношений, — писал Штокхаммер. — Русские заявили о своей готовности к возобновлению торговли со всеми вытекающими из этого военными и дипломатическими последствиями. Но в настоящее время мы не можем удовлетворить данное желание... Принимая во внимание предстоящее заключение мира, мы не должны давать новую пищу подозрению союзников, будто мы идем рука об руку с большевизмом, вместо того чтобы бороться с ним».¹⁷⁷

Коллеблющаяся позиция германского правительства в ожидании Версальского мира привела к тому, что не дала больших результатов и деятельность в Германии по установлению конкретных торговых связей с ее деловыми кругами, которую вел уполномоченный НКТиП агроном Л. Т. Лукьянов. Он заключил ряд предварительных сделок по закупке у германских фирм сельскохозяйственных орудий, медицинских препаратов и т. д. Однако из-за невозможности провезти товары через Польшу и исключения вследствие блокады морского пути в Петроград практически эти сделки не были реализованы.¹⁷⁸

Советское правительство продолжало свои попытки воздействия на деловой мир и правящие круги Германии в целях прорыва военно-экономической блокады и добилось известного успеха. Выполнение этих задач связывалось главным образом с миссией В. Л. Коппа. Копп появился в Германии, по всей вероятности, летом или ранней осенью 1919 г. и длительное время проживал там как частное лицо. Для германских властей, однако, не могло составлять тайны, что человек, который был советником посольства РСФСР в Германии в 1918 г., выполняет поручения своего правительства. Это подтверждает и то обстоятельство, что сразу по приезде Копп вошел в контакт с представителями правительства и обсуждал с ними вопросы организации почтовых сношений под флагом частного предприятия и возобновления через Петроград «торговых сношений пока (до ратификации мирного договора) опять-

¹⁷⁶ *Rosenfeld G.* Op. cit. S. 236—242.

¹⁷⁷ Цит. по: *Норден А.* Между Берлином и Москвой. М., 1960. С. 288—289.

¹⁷⁸ *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада... С. 125—126.

таки под флагом частного предприятия». ¹⁷⁹ Смысл деятельности Коппа в Германии и первый итог его переговоров с правительством лучше всего раскрываются в его докладе из Берлина 14 октября 1919 г., адресованном В.И. Ленину, Л.Б. Красину, Г.В. Чичерину. «*В борьбе за прорыв блокады, — писал Копп, — к чему сводится в существе своем моя деятельность* (курсив мой. — В.Ш.), мы имеем перед собой в Германии следующую ситуацию. Правительство и в своих заявлениях мне, и в своих официальных заявлениях считает возобновление торговых сношений с Советской Россией принципиально желательным. Но страх перед гневом Антанты, с одной стороны, боязнь большевистской заразы — с другой, парализуют настолько его волю, что ожидать какой-либо активности с его стороны в этом вопросе совершенно безнадежно. Оно находит, что сделало достаточно, если разрешило под флагом частного предприятия организовать воздушную почту, позволило тому же частному предприятию отправить в Петроград небольшой пароход с товарами под шведским флагом и сняло — для финансирования этих предприятий — арест с депозита, находящегося в банкирской конторе Мендельсона. В будущем, если положение вещей не изменится радикально, оно будет придерживаться той же пассивной политики и после ратификации мирного договора. Два фактора будут, однако, в состоянии — при неизменности общей ситуации — влиять на него в сторону сближения с нами в области экономики. Это улучшение нашего военного положения и ропот германских промышленников». ¹⁸⁰

В.Л. Копп попытался всемерно использовать эти факторы. Он вступил в контакт со многими представителями экспортных отраслей промышленности и связанными с ними банковскими и торговыми кругами, настроенными в пользу экономического сближения с Советской Россией, с целью заинтересовать их этой перспективой и в то же время попытаться практически организовать торговлю с РСФСР. И хотя практически организация товарообмена в условиях блокады не имела сколько-нибудь осязаемого результата, в целом миссия Коппа способствовала активизации торгово-промышленных кругов Германии, выступавших за возобновление экономических сношений с РСФСР, и тем самым усиливала их воздействие на политику правительства в «русском вопросе». ¹⁸¹ А это обстоятельство в свою очередь способствовало подрыву единства политики военно-экономической блокады. Сложная международная обстановка и ужесточение политики блокады побуждали Советское правительство прибегать к более гибкой тактике, к попыткам использовать для внешнего товарообмена другие организации, которые формально считались бы независимыми от правительства, самостоятельными, а на самом деле являлись бы инструментом того же НКТИП. В частности, осенью 1919 г. была сделана попытка привлечь для снабжения РСФСР некоторыми необходимыми товарами

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада... С. 126—128; *Hilger G., Meyer A.* The Incompatible Allies. New York, 1953. P. 25; *Rosenfeld G.* Op. cit. S. 234—246, 265; *Freund G.* Unholy Alliance. London, 1957. P. 51.

¹⁸⁰ Цит. по: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада... С. 127.

¹⁸¹ Там же. С. 127—128.

кооперативные организации. В октябре 1919 г. представители НКТиП и Центросоюза вели переговоры по этому вопросу с Петроградским иностранным бюро северных кооперативных объединений («Иностранбюро»).

Обсуждая результаты этих переговоров, коллегия НКТиП сочла целесообразным создание организации, которая выполняла бы ее поручения по закупке товаров за границей. Однако это не означало нарушения принципа национализации внешней торговли, поскольку в постановлении коллегии было отмечено, что с уничтожением блокады и возобновлением нормальной внешней торговли надобность в такой организации отпадет.¹⁸² В дальнейшем было разработано положение об «Иностранбюро» и дано разрешение на выезд его представителей для организации работы. Однако каких-либо материалов о практических результатах деятельности «Иностранбюро» найти не удалось. Известно лишь, что позднее положение об этой организации было отменено постановлением СНК 8 июня 1920 г.¹⁸³

Наконец, к исходу 1919 г. появилась возможность использовать единственный открывшийся в это время дипломатический канал для некоторых закупок на внешнем рынке по поручению НКТиП и ВСНХ. Речь идет о появлении в ноябре 1919 г. Литвинова в Копенгагене, где были начаты переговоры с английским представителем О'Грэди об обмене военнопленными. Чичерин информировал Литвинова о наличии в распоряжении НКТиП экспортных товаров, которые могли быть использованы для товарообмена с Западом (лен, меха, масличные семена, шерсть, лес, платина).¹⁸⁴ Регулярно в радиограммы Наркоминдела, адресованные Литвинову, включались и заявки ВСНХ на импортные товары. Конечно, конкретная торговая деятельность Литвинова стала возможной лишь после снятия блокады, но информационная и подготовительная работа началась раньше, и это позволило ему отправить в Петроград медикаменты и другие товары, которые пробили первую брешь в экономической блокаде.¹⁸⁵

В целом попытки прорыва блокады для доставки самых необходимых товаров отражали положение государства, изолированного от внешнего мира, в котором оказалась Советская Россия в период гражданской войны, интервенции и блокады. Как отмечалось в докладе НКТиП съезду Советов, «Наркомторгпрому при создавшихся политических осложнениях пришлось остановиться на мероприятиях, направленных к осуществлению в возможно широких размерах ввоза... товаров на контрабандных началах».¹⁸⁶ В этих целях НКТиП входил в соглашения с отдельными лицами, которые обязывались доставлять из-за границы различного рода товары. Так, в январе 1919 г. была заключена сделка с греческим подданным С. Карагеропуло на поставку

¹⁸² РГАЭ, ф. 413, оп. 1, д. 28, л. 121; Сонкин М.Е. Указ. соч. С. 118—119.

¹⁸³ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 141.

¹⁸⁴ ДВП. Т. 2. С. 315—316.

¹⁸⁵ Годовой отчет НКИД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921. С. 17; Шишкин В.А. В борьбе с блокадой. С. 53, 54.

¹⁸⁶ ДВП. Т. 2. С. 622—624.

в Петроград спичек из Скандинавии, в апреле было заключено три договора на 6.6 млн р. на поставку хирургических инструментов и медикаментов из Германии для Наркомздрава, в мае подписан контракт с сербским гражданином Ж.Р. Сарановец на ввоз типографских машин из Швеции и т.д.¹⁸⁷

Таким образом, установление и закрепление военно-экономической блокады Северо-Запада Советской России поздней осенью 1918 г. не сломило решимости ее правительства бороться против этой незаконной акции. Начало и первая половина 1919 г. характеризовались, как мы видели, усиленными поисками путей обхода или прорыва блокады в этом районе. В этих целях были использованы политико-экономические средства нормализации отношений с капиталистическими странами, контакты с их деловыми кругами для установления торговых отношений и активизации их усилий в борьбе с блокадой, налаживание тех операций, связанных с доставкой товаров, которые было возможно осуществить. Однако все эти меры Советского правительства в то время еще не могли покончить с блокадой.

¹⁸⁷ Там же.

Глава VII

НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ И ПОД ПЕТРОГРАДОМ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1919 г.

УПРАВЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ, ЗАНЯТЫХ БЕЛЫМИ

Быстрое продвижение войск Северного корпуса в глубь советской страны позволило им занять обширные территории Ямбургского и Гдовского уездов Петроградской губернии, а эстонским частям — часть Псковской губернии с г. Псковом с населением более 200 тыс. человек, преимущественно крестьян.¹ Поэтому земельный вопрос и политика в отношении крестьян становились первоочередными.

В организации нового порядка на завоеванных территориях перед командованием корпуса стояли большие трудности. Военные не имели навыков в налаживании административно-хозяйственного управления, не хватало опытных администраторов. К тому же командование корпусом не имело информации о принципах организации власти в расположении войск Колчака и Деникина. Не было также ясности в отношении исполнения законов, изданных Временным правительством. В связи с этим 26 мая 1919 г. начальник тыла ОКСА полковник О.Ф. Крузенштерн направил генералу Н.Н. Юденичу письмо, в котором просил о присылке лиц, знакомых с вопросами гражданского управления, и разъяснений относительно исполнения законов Временного правительства.² Не дожидаясь ответа, приказом от 26 мая 1919 г. командование корпуса приступило к формированию органов власти и управления административно-хозяйственной жизнью на подвластных ему территориях на основе введения военного положения во всех местностях, освобождаемых корпусом, и отмены всех распоряжений и декретов, принятых после 25 октября 1917 г.³ В этот же день появилось и обращение бывшего члена Государственной думы Г.А. Алексинского к

¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С. 14, 104.

² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 11, с. 2.

³ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 12, л. 14 об.

населению Петроградской губернии. В нем бывший социал-демократ призывал сочувственно встречать белые войска, оказывать им помощь, вступать в их ряды. Продовольственные трудности, согласно его обещаниям, должны были быть улажены благодаря поставкам с Запада. Обращаясь к крестьянам, он просил не верить тем, кто говорил, что «белые воины хотят вернуть на Руси барское царство и отнять» взятую у крестьян землю. Им предлагалось ждать разрешения вопроса о земле в Учредительном собрании. А до тех пор, говорилось в обращении, земля останется в пользовании крестьян «под надежной охраной оружия белой армии».⁴

Первым шагом белых в области административного устройства стал запрет на свободное передвижение. Перемещение частных лиц по местности, занятой корпусом, разрешалось только по распоряжению военных комендантов. Выезд и въезд в занятые белыми районы производились с разрешения паспортного отдела штаба корпуса.⁵

Желающие въехать в освобожденные районы должны были предварительно подать заявление в российское посольство, консульство или миссию. Кроме заявления, удостоверения личности, фотографии требовалось «удостоверение о непричастности просителя к большевизму».⁶

Один из приказов декларировал также возвращение к старому правописанию в периодической печати и деловых бумагах.⁷ 27 мая было образовано Военно-гражданское управление (ВГУ).⁸ Оно состояло из канцелярии и четырех отделов: инспекторского, осведомительного, юридического, административного; при последнем учреждалось лесное отделение. Штат управления состоял из 51 человека.⁹ На должность обер-офицера для поручений при ВГУ приказом от 16 июня 1919 г. зачисляется штабс-капитан Л.Н. Черняков. Под этим именем скрывался известный лидер крайне правых Е. Марков 2-й.¹⁰

Первые шаги белых, направленные на сосредоточение всей полноты власти в своих руках, привели к столкновению с общественными деятелями из Русского совета в Ревеле. Когда последние обратились к Родзянко с просьбой о назначении военными комендантами штатских лиц, то, ссылаясь на близость фронта, генерал отклонил это предложение. Тогда члены ревельского совета подали докладную записку на имя Юденича, в которой просили его немедленно прибыть в район боевых действий, чтобы своим авторитетом способствовать восстановлению законности и порядка и заявить о том, что белая армия «несет восстановление действительной свободы для всех граждан без различия религии, национальности, социального происхождения». Далее в записке Юденичу излагался план устройства власти на освобождаемой территории,

⁴ Там же, ф. 6387, оп. 1, д. 4, л. 6.

⁵ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 11, л. 3.

⁶ Там же, д. 3, л. 18, 19.

⁷ Там же, ф. 6387, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 11, л. 4 об.—5, 6.

¹⁰ Там же, ф. 6387, оп. 1, д. 1, л. 5 об.

согласно которому главком исполнял бы чисто военные функции, а при нем был бы организован Гражданский совет, ведающий всеми невоенными делами административно-хозяйственного и социального характера.¹¹ По мысли авторов доклада, в Гражданский совет от имени главкома должны были войти общественные деятели из Ревеля и освобожденных мест. Главным условием дальнейшего существования белого движения на Северо-Западе считалось немедленное достижение соглашения с эстонским и финляндским правительствами по военным и политическим вопросам.¹²

Однако белогвардейские военные не собирались быть на побегушках у политиков, поэтому обращение осталось без ответа и последствий. Не возымело действия и обращение к начальнику тыла Северной армии генералу Крузенштерну по поводу недопустимости террора на захваченных территориях.

Юридической основой Военно-гражданского управления стали июньские приказы, подписанные Родзянко и начальником ВГУ полковником А. Хомутовым. 18 июня появился приказ по Военно-гражданскому управлению — «Положение об уездных и волостных комендантах». Согласно этому документу, высшей гражданской властью в уезде становился комендант, который назначался командиром корпуса и подчинялся начальнику Военно-гражданского управления. В его руках сосредоточивался контроль над всеми государственными учреждениями, полицией и органами самоуправления. В обязанности коменданта входили составление еженедельных рапортов о состоянии уезда, доведение приказов до населения и обеспечение порядка. В его ведении находились организация земских, городских и волостных управлений и наблюдение за их деятельностью, назначение должностных лиц волостных управлений, а также сельских старост и десятских. Лица земского и городского управления назначались начальником Военно-гражданского управления. Комендант руководил регистрацией населения, мобилизациями, организовывал самозащиту, наблюдал за медико-санитарным состоянием в уезде. Ему вменялось в обязанность и ведение «духовно-просветительной борьбы с большевиками и их идеями». Он обладал обширнейшими, в том числе судебными репрессивными, правами во вверенном ему уезде. Ему же принадлежало право окончательного утверждения приговоров военно-полевых судов. Уездный комендант мог закрывать торговые и промышленные заведения на определенный срок или на все время действия военного положения, налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество и т.д.

Комендант мог приостанавливать собрания сословных городских и земских учреждений, а в каждом отдельном случае определять вопросы, подлежащие устранению из обсуждения.

Следующим лицом по иерархии Военно-гражданского управления был волостной комендант, назначаемый начальником ВГУ, а в исклю-

¹¹ Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 1, л. 6.

¹² Там же, л. 6 об., 7.

чительных случаях и уездным комендантом. Для охраны порядка и спокойствия он имел право предварительного задержания до одной недели,¹³ а также право производить обыски во всякое время во всех помещениях. На него возлагались проведение мобилизации в армию и контроль за неукоснительным исполнением населением натуральных повинностей для нужд армии.¹⁴ В то же время нередко возникали трения между комендантами и командирами отдельных частей из-за конфискации последними имущества населения. Это привело к появлению нового приказа, запрещавшего строевым начальникам вмешиваться в дела уездных и волостных комендантов.¹⁵ Вместе с тем со стороны высшей военной администрации предполагался контроль за деятельностью местных властей путем сбора независимой информации. Военное командование делало это через своих представителей, которые посылались с инспекционными поездками в уезды и волости. Уже в конце мая 1919 г. первые рапорты посетивших освобожденные от большевиков районы эмиссаров легли на стол командования. Они не внушали серьезного опасения. Так, посетивший в конце мая 1919 г. Гдов и ряд деревень военный чиновник Васильев отметил, что везде ждут «твердую власть» и распоряжений штаба по земельному вопросу. Однако ему бросилась в глаза и большая эффективность большевистской пропаганды.¹⁶ В июле—сентябре, а также в октябре—декабре 1919 г. военным командованием были проведены проверки деятельности местной администрации. Особенно показательны материалы докладов за июль—сентябрь, когда на фронтах не велись активные боевые действия, что позволяло оценить деятельность военной администрации в относительно спокойной обстановке. Ревизия работы волостных комендантов Псковского уезда, проведенная в июле 1919 г., показала, что они плохо справлялись со своими обязанностями, деятельность канцелярий во многих волостях была не налажена или они просто отсутствовали. Сами коменданты часто злоупотребляли служебным положением и поощряли произвол. Так, в Палкинской волости родственник коменданта ездил по деревням, реквизируя продукты, и отправлял их жене в Изборск.¹⁷ В другом докладе отмечалось, что многие коменданты не подготовлены к работе в деревне и не знают ее нужд, не имеют административного опыта. Отношение крестьян Гдовского, Псковского и части Петроградского уездов к белым, по сведениям обследовавших их представителей командования, было в большинстве своем отрицательным. Главными причинами негативного отношения к новым властям были самовольные реквизиции скота, домашнего инвентаря, принадлежащего крестьянам, и некоторые подворные повинности, а также непопулярная земельная политика, особенно приказ № 19 о пользовании лесами, суть которого сводилась к тому, что за надельные леса, которые использовались крестьянами в качестве выгона для скота, надо было платить

¹³ Там же, л. 8.

¹⁴ Там же, л. 9.

¹⁵ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 15, д. 97, с. 80.

¹⁶ ГАРФ, ф. 6387, оп. 1, д. 4, л. 5 об., 7.

¹⁷ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 76, л. 2 об.

деньги. По мнению авторов всех докладов, подобные действия властей способствовали росту популярности советской власти: «...все-таки в каждой деревне имеются лица, сочувствующие большевизму».¹⁸ Этому в немалой степени способствовала и пропаганда красных. Так, подпоручика Е. Буре, объехавшего Лужский и Гдовский уезды со 2 по 16 августа, поразило, что «войсковые части почерпывают почти все сведения из красных газет, так как наши приходят нерегулярно и с опозданием дней так на 8—10».¹⁹ Он обратил также внимание своего начальства на то, что «многие из административных чинов совсем не подготовлены к работе в деревне и не могут уяснить себе ее нужды».²⁰ Достаточно резко и откровенно деятельность комендантов оценена в рапорте коменданта прифронтовой полосы от 8 сентября 1919 г. Объехав деревни, находящиеся в районе действия 1-й стрелковой дивизии, в конце августа—начале сентября 1919 г., он пришел к выводу, что волостные коменданты не пользуются авторитетом и расположением населения. Бросилось в глаза проверяющему и то, что многие дела волостные коменданты «не рисковали решать сами, [а] крестьяне предпочитали терпеть, чем обращаться в уезд».²¹ Исходя из всего увиденного, проверяющий рекомендовал назначать комендантами людей с большим жизненным и служебным опытом и более интеллигентных, а «главное, не происходящих из этой местности, так как это мешает им быть беспристрастными». В конце же доклада он сделал вывод о том, что «необходимо расформировать это учреждение».²²

Из приведенных данных следует, что проверки деятельности комендантов, произведенные в разное время, в разных районах и разными проверяющими, выявили повсеместно некомпетентность, произвол, пренебрежение к нуждам населения.

В области правосудия деятельность комендантов также оставляла желать много лучшего. Так, обследования Гдовской и Псковской тюрем выявили акты ничем не прикрытого произвола уездных и волостных комендантов, возведенного в систему. Так, 17 сентября 1919 г. помощник военного прокурора Кленский по личному приказанию командующего Северо-Западной армии генерала Родзянко проверил Гдовскую городскую тюрьму. В это время в ней содержалось 136 заключенных, тогда как она была рассчитана на 75 арестантов.²³ По своей подчиненности тюремные заведения находились в ведении уездных комендантов. В ходе проверки выяснилось, что большинство арестованных было доставлено в тюрьму без постановления об аресте, а только с препроводительными записками. Наличие таких записок в делах Юридического отдела Военно-гражданского управления дает возможность представить себе, как в действительности осуществлялось

¹⁸ Там же, д. 12, л. 1, 2; д. 76, л. 2 об.; ГАРФ, оп. 1, д. 4, л. 10.

¹⁹ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 12, л. 1, 2.

²⁰ Там же, л. 2.

²¹ ГАРФ, ф. 6387, оп. 1, д. 3, л. 8.

²² Там же, л. 8—8 об.

²³ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 72.

правосудие. Вот одна из таких записок от 7 октября 1919 г.: «Г. начальнику Гдовской тюрьмы. При сем препровождаю арестованных Блинова, Ершова, Николаева и Герасимова для заключения в тюрьму».²⁴ Из таких записок невозможно было понять суть обвинений. А основанием для содержания под стражей была присланная уже 8 октября из контрразведки препроводительная записка с просьбой числить арестованных за контрразведкой.

Перед инспекторской поездкой в Гдов министра юстиции Северо-Западного правительства из 216 арестантов 176 также сидели без постановлений об аресте. По приказу коменданта на арестантов, присланных без постановлений, судная часть комендантского управления составляла их сама. Поэтому мотивы содержания под стражей и предъявляемые обвинения не соответствовали истине. Так, 11 задержанным из личной сотни С.Н. Булак-Балаховича «в вину ставились большевизм и коммунизм», что весьма удивило арестованных.²⁵ Отсутствие каких-либо обвинений вело к тому, что люди сидели без объяснений причин ареста. В иных случаях «постановления» сочинялись комендантами по подозрению в принадлежности к большевикам. Так, постановление об аресте В. Евсева гласило: «1919-го года сентября 10-го дня, я, комендант Гдовского уезда, принимая во внимание, что Евсеев Василий Яковлевич, д. Должице Посолединской в. Лужского уезда, обвиняется в принадлежности к партии коммунистов, постановляю: арестовать Евсева Василия на две недели при Гдовской тюрьме административным порядком впредь до распоряжения». А 16 сентября начальнику тюрьмы приходит распоряжение «числить (Евсева) содержанием за контрразведкой».²⁶ Как отмечал один из проверяющих, в деятельности контрразведки и коменданта Гдовского уезда «замечается стремление сперва по какому-либо доносу посадить человека под стражу, а потом уже искать материал для его обвинения, что несомненно ведет к тому, что в тюрьме люди просиживают более или менее продолжительный срок и потом их отпускают, так как материала для обвинения собрать не представилось возможным».²⁷ В результате ревизии Кленский содействовал освобождению 39 человек, а трех освободил лично. Находя установленный порядок неприемлемым, он рекомендовал изъять заведование тюрьмой из рук комендантов и передать ее в ведение военно-прокурорского надзора.²⁸

18 сентября 1919 г. мичманом Солдатенковым проводилось обследование Псковской губернской тюрьмы и концентрационного лагеря, находившихся в с. Скамья Вяжищенской волости. Условия содержания в лагере, где находились семьи коммунистов, по его признанию, были

²⁴ Там же, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 128, сер. 73, д. 14 (дела Юридического отдела Военно-гражданского управления).

²⁵ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 72.

²⁶ Там же, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 128, сер. 73, д. 14 (дела Юридического отдела Военно-гражданского управления).

²⁷ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 71.

²⁸ Там же.

ужасные. «В комнатах, в одну сажень шириною и две сажени длиною, — писал он, — помещено до 40 человек, в том числе грудные дети, подростки и взрослые. Воздух в помещениях ужасающий, духота, теснота, доведенная до такой степени, что матери ждут, когда выспятся их дети, только тогда ложатся спать. Спят на совершенно голом полу, нет даже простой соломы. Из-за плохой пищи (получают только 1/2 ф. хлеба и принуждены нищенствовать по деревне, собирая зелень и все, что дают) начались заболевания как взрослых, так и особенно детей. Были даже смертельные случаи... На мой вопрос, есть ли на них какие-либо обвинительные документы, начальник лагеря ответил, что нет никаких. Кто же разбирает дела? Он ответил: „Не знаю“».²⁹

На занятых белыми территориях делались попытки восстановить деятельность земских учреждений. Были изданы «Временные правила о восстановлении земского самоуправления в освобожденных местностях СЗО России». В их основу были взяты положения о земских учреждениях, изданные Временным правительством в 1917 г., однако с изменением порядка выборов: сельский сход мог выбирать в волостное земское собрание 1 человека от 50 дворов и по 2 человека от дворов, число которых было выше 50. Участвовать в выборах могли все проживающие в пределах сельского общества. Волостное земское собрание избирало председателя. Волостные земские управы выбирали гласных в уездное земское собрание. Волостные земства совместно с уездной земской управой ведали делами местного общественного хозяйства и управления. По своему составу земские управы стали органами бывших помещиков. В Пскове, например, в управу входили только представители бывших землевладельцев. Во главе Гдовской управы находился штабс-капитан Данишевич, который, подписывая бумаги управы, перед своей фамилией писал: «помещик». Естественно, уездные земельные отделы, находившиеся при управах, отражали интересы помещиков. К тому же самими земствами, как указывалось, управляли уездные и волостные коменданты,³⁰ т.е. управы проводили на местах политику Военно-гражданского управления.

Важной стороной управления военного командования в области законодательства стало проведение политики имущественных отношений, прав на землю и лес. 17 июня приказом № 12 командира корпуса по Военно-гражданскому управлению предписывалось: «Всем лицам, захватившим самовольно и незаконно или получившим от большевистских (коммунистических) властей чужое движимое имущество... вменяется в обязанность в течение 10 дней со дня опубликования сего постановления вернуть таковое имущество собственникам или владельцам, в случае их отсутствия — подать заявление местному коменданту при подробной описи всего имущества в двух экземплярах за собственноручной подписью».³¹ Приказ предлагал всем знавшим о месте нахождения имущества доносить об этом местным комендантам.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 2, л. 5.

³¹ Там же, л. 14, 15.

Лица, не вернувшие имущества и не донесшие о нем, подлежали приданию военному суду.

В городах после Октября значительная часть движимого и недвижимого имущества от собственников перешла в распоряжение учреждений советской власти. В сельской местности переход недвижимости в руки новых организаций начался еще после февраля 1917 г., она распределялась распоряжениями земельных комитетов Временного правительства, а затем большевистских земельных органов. Таким образом, ко времени установления режима белых на Северо-Западе эта система действовала уже около двух лет.³²

В связи с приказом от 17 июня 1919 г. перед населением и особенно перед крестьянством вставало множество непростых вопросов: как определить, что по закону уже является своим, а что чужим? Каковы будут последствия возвращения недвижимости или товаров? За всем этим нетрудно было предположить и возможность угрозы военного суда, доносов и т.п.

У комендантов появились сотни дел «о возврате самовольно захваченного», причем кроме захвата истец зачастую инкриминировал захватчику «сочувствие» или «принадлежность» к коммунистам.

Новыми установлениями моментально воспользовались помещики и крупные собственники. Тюрьмы наполнились задержанными «впредь до выяснения» причин. «Выяснение» иногда длилось месяцами, а дело оставалось без движения. Сотни лиц были репрессированы и казнены.³³ Вот один из типичных примеров. В Гдовский земельный отдел в июле поступило ходатайство от граждан д. Сырой Лес Добружинской волости об освобождении их от возврата семян помещику имения Осокино-Каменское Дидрихсу. Суть его заключалась в том, что рабочие имения при советской власти обрабатывали землю на артельных началах. В состав артели входил и сам Дидрихс. В июле он предъявил требования на урожай и возврат семян от бывших рабочих имения. Земельный отдел объявил сторонам, что урожай принадлежит тем, кто его засеял. Принадлежность семян бывшему помещику была сомнительна, так как крестьяне получили их через продотделы за плату со складов, где находились различные семена.³⁴ Земельный отдел предложил Дидрихсу обратиться в суд для установления права собственности на семена. На это последовало его возражение: «...постановлением я остаюсь недоволен и прошу отмены; согласно приказу № 12, я имею право получить обратно семена, и никаких споров здесь быть не может, не считаю нужным обратиться в суд». Волостной комендант поручик Богдановский 6 сентября отдал приказ: «Десятскому дер. Сырой Лес. Приказываю немедленно вручить семенную рожь г-ну Дидрихсу». Такое решение вызвало протест крестьян, и даже уездный комендант полковник Саламанов не решился настаивать на возвращении ржи, а реко-

³² Там же, л. 17.

³³ Там же, л. 18.

³⁴ Там же, л. 19.

мендовал передать дело в суд.³⁵ В ответном рапорте волостной комендант всецело встал на защиту частной собственности и приказа № 12.³⁶ Дело не дошло до крутых мер благодаря успешному продвижению частей Красной Армии.

Другим шагом Военно-гражданского управления стал приказ о земле. К маю 1919 г. во всей Северо-Западной области земли, живой и мертвый инвентарь находились в распоряжении крестьян и органов советской власти. Помещичье землевладение было ликвидировано. Часть помещиков и земельных собственников осталась в своих имениях в качестве служащих советской власти или членов коммун, образовавшихся в имениях по инициативе тех же помещиков, рассчитывавших на лучшее будущее.

19 июня 1919 г. появился приказ № 13 командира Северного корпуса «О временном праве пользования землею».³⁷ Сразу лишить крестьян земли авторы приказа не решались. В приказе объявлялось, что граждане, засеявшие и обрабатывавшие земли, имеют право на урожай. Однако далее говорилось, что впредь никакие самовольные захваты допускаться не будут, а нарушители чужих земельных прав будут подлежать суду. В пользу земельных собственников был составлен и тот пункт приказа, который обязывал прежних батраков и крестьян, которые пользовались землей единолично и непрерывно до 1919 г., сохранять ее лишь в размерах 1918 г. Дальнейшее же пользование ею на уровне 1919 г. допускалось лишь при уплате аренды за землю прежнему владельцу. Что касается усадеб с постройками и земель, занятых под сады и огороды, то они возвращались старым владельцам. Всякие переделы наделной земли без разрешения власти запрещались. Земля, оставшаяся незасеянной, поступала в распоряжение общества для продажи в пользование тех лиц, которые имели возможность ее засеять, причем преимущество отдавалось прежним владельцам. После снятия урожая 1919 г. все наделные земли, которые были распределены при советской власти, подлежали возврату их владельцам.

Особенно сильный удар по крестьянству наносило то положение приказа, по которому право на покосы травы предоставлялось прежним владельцам, правда, разрешалась купля и продажа сена, а также травы на скос. Однако все это сильно било по крестьянскому хозяйству, преимущественно животноводческому. За потраву сенокосных угодий виновные подвергались штрафу до 3 тыс. р. или тюремному заключению до 3 месяцев. Крестьянам разрешался также выход на хутора. В заключении приказа указывалось на временный характер предложенных мер. Окончательное разрешение земельного вопроса отодвигалось до созыва Учредительного собрания.³⁸

Антикрестьянскую направленность имело и «Положение об управлении лесами». Все леса независимо от их принадлежности переходили

³⁵ Там же, л. 20.

³⁶ Там же, л. 22.

³⁷ Там же, ф. 6387, оп. 1, д. 3, 16; Вестник Северо-Западной армии. 1919. 4 июля.

³⁸ Вестник Северо-Западной армии. 1919. 9 июля.

в ведение Лесного отдела при Военно-гражданском управлении до разрешения вопроса в Учредительном собрании. Все дрова и лесоматериалы, заготовленные в лесах, на пристанях и железных дорогах, переходили в ведение ВГУ. В течение 20 дней со дня опубликования приказа собственникам перечисленного предлагалось представить опись своего имущества, в противном случае они теряли права собственности. Весь инвентарь лесозаготовительных организаций переходил в ведение ВГУ. Все сделки на леса и лесные материалы, произведенные до 13 мая, объявлялись недействительными. Лица, виновные в самовольных порубках, пастьбе скота без разрешения, в потравах, в пользовании травой и мхом, подвергались штрафу в 3 тыс. р. или тюремному заключению до 3 месяцев и, кроме того, уплачивали стоимость срубленного и увезенного леса в тройном размере.³⁹ За сбор ягод, сухостоя, хвороста нужно было уплачивать определенные денежные суммы.⁴⁰

На местах коменданты стали рьяно проводить приказы в жизнь. Так, комендант Сидоровской волости на волостном сходе, довольно большим и оживленном, выступил с речью перед населением. Сначала она была встречена сочувственно, но затем, когда оратор перешел к вопросу об изменении характера земельных отношений, резко враждебно. Комендант заявил, что крестьяне могут распоряжаться только своей землей, прочие земли могут перейти к ним лишь при условии аренды или покупки. Среди участников схода послышался ропот: «Опять помещика на нашу шею посадите»; «Мы будем работать, а баре хлеб есть»; «Не бывать этому!».⁴¹

Комендант Лагозовской волости приказал крестьянам трех деревень, где были произведены явочным порядком переделы земли на основании декретов советской власти, вновь произвести переделы и восстановить прежнее дореволюционное положение. Комендант Псковогородской волости пытался ввести налог по 20 р. с десятины в пользу волостного управления.⁴²

Основываясь на приказе о земле, бывшие владельцы пожелали получить арендную плату за выпасные и пахотные земли не только вперед за 1919 и 1920 гг., но и за годы революции, когда уплата не производилась. Частные владельцы домов стали требовать выселения жильцов, поселившихся в них.⁴³

Одной из сложных проблем, обостривших и без того трудные отношения между армией и крестьянством, стала подводная повинность. Армия не имела своего обоза и для перевозки военного имущества пользовалась крестьянскими подводами и лошадьми и самими крестьянами в качестве возниц. Недовольство крестьян этой повинностью подтверждали все направляемые военным командованием инспектора, да и сами волостные и уездные коменданты, на обязанности которых

³⁹ Там же. 10 июля.

⁴⁰ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 12, л. 1, 2; ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 20, л. 3.

⁴¹ ГАРФ, ф. 6388, оп. 1, д. 2, л. 8.

⁴² Там же, л. 9.

⁴³ Там же, л. 28.

лежало строгое соблюдение этой повинности крестьянами. Они доносили начальнику о крайне негативной реакции крестьян по отношению к ней. Так, в рапорте от 4 августа 1919 г. заведующий волостными комендантами сообщил псковскому уездному коменданту, что в Остенской комендатуре крестьяне в подводах бывают до 7 суток и ежедневно выставляют до 250 подвод.⁴⁴ Гдовский уездный комендант полковник Саламанов докладывал начальнику Петроградской губернии: «...главные претензии падают на наряды крестьян в подводы. Позволю себе указать на серьезность и обоснованность последних претензий. В настоящее страдное время, когда крестьяне подканчивают сенокос, убирают хлеб и начинают сеять рожь, постоянные выезды в наряды, к сожалению, иногда произвольно затягиваемые, тяжело отзываются на работе крестьян».⁴⁵ Но поскольку обоз в армии отсутствовал, со своей стороны комендант ничего для облегчения участи крестьян предпринять не мог. Он же в рапорте 5 октября 1919 г. подтверждал: «Некоторые воинские части в действительности задерживают подводы неделями», что наносит крестьянским хозяйствам тяжелый удар.⁴⁶ В этом плане характерно прошение крестьянки Гдовского уезда Юдинской волости д. Занья Екаторины Егоровой, поданное военным властям: «1919-го года 16-го октября белыми войсками у меня была взята лошадь, которая была загнана в подводах за город Лугу. Возвратилась совершенно больная: спина представляла сплошную рану, и на третий день лошадь пала». И далее она просила выдать ей стоимость лошади, оцененной понятыми в 5 тыс. р., так как она, вдова с 7 детьми, осталась без средств к существованию.⁴⁷

Распространенным явлением были и злоупотребления на почве подводной повинности. Проверявший в августе 1919 г. Гдовский и Лужский уезды поручик Е. Буре сообщал: «...благожелательность (крестьян. — А.С.) к белым оставляет желать многого, да, кстати сказать, вполне обоснованно, так как самоуправство наших частей и лиц, следующих по разным казенным надобностям, непомерно велико: случаи краж, неплатежи за продукты, отобрание без всяких расписок хорошей лошади и оставление худой казенной, принуждение подводчиков ехать две или три, а в других случаях и более подводных станций (ввиду нежелания обождать вывоза дежурной подводы) вселяют обоснованное возмущение».⁴⁸

Не менее, чем подводная повинность, возмущение крестьян вызывали и бесчинства воинских частей в деревне. По сообщению с мест, войска повсюду производили самочинные реквизиции скота, инвентаря, личных вещей и обыски, что вело к недовольству со стороны населения.⁴⁹ Комендант Гдовского уезда 5 октября 1919 г. в своем рапорте

⁴⁴ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 76, л. 1.

⁴⁵ ГАРФ, ф. 6387, оп. 1, д. 4.

⁴⁶ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 74, л. 1.

⁴⁷ АГИВРИМ, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 128, сер. 73, д. 17; ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 20, л. 1.

⁴⁸ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 12, л. 1 об.

⁴⁹ Там же, д. 76, л. 1, 2; ГАРФ, ф. 6387, оп. 1, д. 4, л. 10.

писал: «С момента отступления из Пскова отдельными воинскими частями производились у населения реквизиции лошадей, скота и пр., при этом выдавались квитанции, не имеющие никакого существенного значения. Реквизиции эти, к сожалению, стали принимать вид грабежа, когда у населения стали отбирать все: скот, лошадей, домашнюю утварь, овощи и прочее. Приказ № 46 командира II стрелкового корпуса не вполне достиг цели, так как до сих пор жалобы на незаконные реквизиции и грабежи повторяются».⁵⁰ Такое поведение войск вело к тому, что население на занятых белыми территориях начало отворачиваться от «освободителей». Начальник контрразведки Семеновского полка в рапорте от 7 октября писал: «Обращаясь к гражданскому населению, с сожалением можно отметить, что настроение его не только безразлично, но и порой бывает раздражительное... таковое настроение населения, к сожалению, вполне объяснимо, так как, к несчастью, наши части позволяют себе иной раз злоупотреблять терпением крестьян — я говорю о сборе (самовольном) сена, овса, о краже картошки и пр. Деревни и так раздражены. Деревни — это наше больное место, незатянувшаяся рана, не касайтесь же ее часто без нужды».⁵¹

Кратковременная деятельность военной администрации в деревне не привела к укреплению крестьянского хозяйства или хотя бы к появлению тенденции к этому. Чиновник особых поручений В. Еремин, посетивший Гдовский уезд, наименее пострадавший от боевых действий, с 4 по 10 октября 1919 г., в докладе от 14 октября начальнику Петроградской губернии сообщал, что, хотя жилые постройки от боевых действий не пострадали, поля убраны, хлеб обмолочен, урожай выше среднего, обеспеченность хлебом до нового урожая отмечалась далеко не у всех крестьян.⁵² Кроме того, почти все деревни уезда, по его словам, имели довольно значительные пустоши, которые находились в необработанном состоянии, средняя по качеству земля требовала большого количества удобрений, которое у крестьян в нужном количестве отсутствовало. Крестьянин уезда, как правило, имел 1 лошадь, 2 коровы, 2—3 овцы. Причем коровы были малодойные, а лошадь слабосильная. Отмечалось отсутствие свиней и домашней птицы.

В гораздо лучшем положении находились эстонские хутора. Они имели по 3—4 лошади, 15—20 овец, по несколько свиней.

Дороги в уезде, по замечанию автора, были в самом плачевном состоянии (разбиты, ухабисты, о езде по ним не могло быть и речи). Торговля в деревне пришла в упадок из-за отсутствия товаров, прежде всего предметов первой необходимости: спичек, керосина, соли, железа, кожи, материй, ниток и т.д. Во многих деревнях школы оказались закрытыми из-за того, что здания были заняты воинскими частями, или из-за отсутствия школьных принадлежностей.⁵³

Помимо административно-хозяйственных в руки белой армии перешли и все другие функции управления на занятых территориях.

⁵⁰ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 74, л. 1.

⁵¹ Там же, д. 11, л. 3 об.

⁵² ГАРФ, ф. 6387, оп. 1, д. 3, л. 3.

⁵³ Там же.

3 июня 1919 г. был образован Отдел внешних сношений с местом пребывания в Ревеле. В его обязанности входило поддерживать регулярные контакты с эстонским главным командованием, гражданскими властями и иностранными миссиями. Начальник отдела генерал Крузенштерн являлся единственным представителем интересов армии и ее отдельных членов перед эстонскими властями.⁵⁴

Восстановление почтово-телеграфного сообщения легло на Почтово-телеграфный отдел Управления военных сообщений, который разработал временное положение об организации полевого управления почт и телеграфа на театре военных действий. В его основу легло положение о полевом управлении войск в военное время 1890 г. с изменениями, учитывающими особенности момента. Отделу удалось наладить почтово-телеграфное сообщение на подведомственной ему территории во всех направлениях. Для связи с Эстонией в Нарве была открыта транзитная почтово-телеграфная контора. Почтовое сообщение между Псковом и Юрьевом осуществлялось на пароходах. Таким образом, все почтово-телеграфные учреждения на занятых белыми территориях находились под полным контролем отдела.⁵⁵

Военные установили руководство и всеми средствами сообщения, включая железнодорожные, водные, шоссейные и грунтовые пути. Они находились в подчинении начальника военных сообщений. В распоряжении армии летом 1919 г. имелось почти 2500 верст шоссейных и грунтовых дорог, 20 мостов.⁵⁶ Однако ввиду скоротечности гражданской войны эти показатели достаточно быстро менялись. Армия располагала небольшими водными средствами передвижения: 3 парома и 3 небольших парохода курсировали по рекам Нарове и Плюссе и обслуживали нужды военных. К лету 1919 г. в распоряжении Северо-Западной армии находилось 500 верст железнодорожного полотна, к 15 сентября — 120 верст. С потерей Пскова (25 августа) армия лишилась крупных железнодорожных мастерских, что привело к ухудшению эксплуатационных качеств подвижного состава.⁵⁷ Штат служащих железной дороги составлял 1150 человек. Она располагала 13 паровозами (4 из них военные взяли под бронепоезда), 461 вагоном (из них 28 классных, 10 в ремонте); при отступлении в Пскове осталось 20 вагонов, под бронепоезда ушло 33 вагона. К тому же на станциях много вагонов использовалось для жилья.⁵⁸ Следует отметить, что в Управлении военных сообщений отсутствовали опытные руководители и специалисты железнодорожного дела. Военные стремились только эксплуатировать пути сообщения, исходя из задач момента, не заботясь о ремонте, топливе, восстановлении. Такой подход в конечном счете мог привести лишь к катастрофе. Только в октябре 1919 г. Юденич дал предварительный заказ Обществу содействия развития желез-

⁵⁴ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 11, с. 17.

⁵⁵ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 3, л. 26, 27 об.

⁵⁶ Там же, л. 28.

⁵⁷ Там же, л. 28 об.

⁵⁸ Там же, л. 30.

ных дорог в России на восстановление железных дорог Северо-Западного района.⁵⁹

Сложными проблемами, вставшими перед военными и гражданскими властями белых, оказались организация снабжения и решение финансовых задач на занятых ими территориях. Эти вопросы касались населения и еще в большей степени обеспечения самой белой армии.

Дело снабжения армии и населения всем необходимым для жизни находилось с мая по август 1919 г. (до образования Северо-Западного правительства) в ведении начальника снабжения Северо-Западного правительства полковника В.П.Полякова и подчиненного ему Гражданского торгового отдела, в задачу которых входило стимулировать ввоз товаров и продуктов питания в занятые белыми районы Северо-Запада России. Для этого отдел заключил соглашения с частными поставщиками, которые в конечном счете оказались невыполненными, хотя в установлении цен им предоставлялась полная свобода и население отдавалось в их распоряжение. Отдел делал попытки послать за границу своих представителей (инженеры Пумпянский и Дегтярев) с широкими полномочиями для заключения разного рода сделок, но они возвратились ни с чем.⁶⁰ Им осуществлялись также операции по обеспечению армии и населения мукой и салом, предоставленными Американской организацией помощи. Однако разгрузка, перевозка и хранение продуктов не были обеспечены должным образом. Неудовлетворительно поставленная отчетность не позволила комиссии, проверявшей впоследствии отдел, получить сведения о количестве проданных продуктов и причитающихся за них денег. К тому же, чтобы покрыть потребности в своих расходах, армия продавала муку по завышенным ценам, а не по себестоимости, как оговаривала американская сторона.⁶¹ С 15 августа 1919 г. приказом Юденича цену на муку снизили до 2 р. 50 к. за фунт царскими, думскими или новыми деньгами.⁶²

С момента образования Северо-Западного правительства организация снабжения претерпела некоторые изменения. Правительство взяло на себя все заготовительные операции. Министерство продовольствия ведало обеспечением продуктами, а на Министерстве снабжения лежали обязанности по доставке промышленных товаров. За главным начальником снабжения Северо-Западной армии оставались только функции распределения, хранения и доставки на фронт. Целесообразность такой постановки дела объяснялась тем, что продовольствие, отпущавшееся американцами для мирного населения и беженцев, можно было употреблять на нужды армии. Кроме того, военному министерству не надо было нести дополнительных расходов на содержание своих представителей за границей.⁶³ Однако между Министерством снабжения и главным начальником снабжения генералом Яновым вскоре начались острые конфликты, так как последний добивался пре-

⁵⁹ Там же, ф. 142, оп. 1, д. 29, л. 11.

⁶⁰ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 17, 18 об.

⁶¹ Там же, с. 18.

⁶² ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 12, л. 23.

⁶³ Там же, д. 5, л. 9.

доставления ему права осуществления всех заготовительных операций для армии. Вопреки соглашению Янов стал производить самостоятельные закупки помимо министерств продовольствия и снабжения, что приводило к взвинчиванию цен поставщиками. Формальным поводом к передаче полномочий по снабжению армии Управлению главного начальника снабжения были обвинения министерств в том, что там сидят мошенники, воры, взяточники и спекулянты.⁶⁴ Однако первые же шаги самого Янова в области заготовок показали, что в силу его неопытности предоставление ему полной свободы могло бы привести к еще большим убыткам.⁶⁵ Крупный скандал разразился в октябре 1919 г., во время осеннего наступления Северо-Западной армии. До начала наступления Управление главного начальника снабжения не давало заявок на бензин. В октябре в Нарве получили телеграмму главкома о высылке на фронт 1200 л бензина. Премьером Северо-Западного правительства С.Г. Лианозовым была срочно отправлена телеграмма представителям правительства и главкома в Стокгольме и Париже об экстренной присылке бензина. Однако пока заключались сделки и организовывалась отправка, Янов обратился к Юденичу с просьбой о выделении валюты для закупок бензина в Копенгагене через военного представителя генерала С.Н. Потоцкого. При этом цена оказалась на 40% выше, чем цена бензина, закупленного в Стокгольме, а количество его во много раз превышало потребности армии. Размер поставок и цена, по которой покупались горюче-смазочные материалы, приводят к мысли о личной заинтересованности Янова в этой сделке. Но как бы там ни было, деньги (почти 45 тыс. ф. ст.) были переведены Юденичем помимо Лианозова и сделка состоялась.⁶⁶

Надо также отметить, что в деле поставок для армии не обошлось и без явного жульничества со стороны подрядчиков. Так, купленная в сентябре 1919 г. у частных лиц в Ревеле смазка для паровозов и вагонов в количестве 700 пуд. при освидетельствовании оказалась негодной. В бочках вместо смазки находилась нефтяная грязь с примесью воды (35%) и песка.⁶⁷

Проблема финансирования вооруженных сил на Северо-Западе России возникла с момента их существования. Если Северный корпус первоначально формировался на деньги Германии, то, перейдя на территорию Эстонии, он начал получать средства от ее республиканского правительства. Решение создать Северо-Западную армию как независимое формирование для борьбы с русским большевизмом поставило перед Юденичем вопрос о ее финансировании. Поэтому он начал выяснять возможность субсидирования своего предприятия как у Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, так и у различных западных правительств и частных банков.

Финансовое положение командования армии перед летним наступлением можно вполне определенно назвать катастрофическим. Юденич сидел в Гельсингфорсе без гроша, о чем сообщал через доверенное

⁶⁴ Там же, л. 9 об.

⁶⁵ Там же, л. 10 об., 11.

⁶⁶ Там же, л. 11 об., 12, 13, 13 об.

⁶⁷ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 11, д. 63, с. 253.

лицо бывшему российскому послу в Швеции К.Н. Гулькевичу. Для генерала удалось занять 370 тыс. шведских крон, но они не решали проблемы.⁶⁸ Не смогли нормализовать положение и полученные Юденичем в начале апреля 1919 г. 900 тыс. р. от Колчака, так как Финляндский банк отказался оценить курс рубля.⁶⁹ Положение стало несколько выправляться после того, как Гулькевич начал перевод Юденичу финских марок в счет обещанного ранее миллиона. 325 тыс. финских марок было послано с курьером и 250 тыс. переведено телеграфно. Дешеша с этим сообщением была получена в Гельсингфорсе 17 мая 1919 г.⁷⁰ Однако наступление Северного корпуса, начавшееся 13 мая, требовало значительных сумм для организации аппарата власти на местах. Надо учитывать и то обстоятельство, что на руках у населения находилось большое количество различных денежных знаков, непрерывно терявших свою цену из-за безудержных инфляционных процессов. Северный корпус, захватив значительную территорию, оказался в критической финансовой ситуации. В связи с этим 29 мая Родзянко обратился с письмом к Юденичу. В нем содержались просьба от отпуске 500 тыс. р. для организации военно-гражданского управления на занятых территориях и предложение в течение двух недель начать печатание керенок, предполагалось выпустить их на сумму от 1.5 до 2 млн р. в месяц.⁷¹ Однако немедленного ответа от Юденича не последовало. Это, на наш взгляд, было в первую очередь связано с тем, что сам генерал ждал результатов переговоров в Стокгольме между финансовой группой Эм. Нобеля и М.И. Терещенко. 5 июня было достигнуто соглашение о немедленном ассигновании Гулькевичу 5 млн финских марок в счет 10 млн марок, предоставляемых Юденичу правительством Колчака. В случае своевременного возврата кредит мог быть расширен. Возврат денег должен был быть произведен через 6—8 месяцев.⁷²

Выход из создавшегося финансового тупика командование корпусом видело также в реализации на английский рынок псковского льна, так как он был единственным источником валютных поступлений. Чтобы осуществить эту идею, 30 мая 1919 г. начальником снабжения Северного корпуса полковником Поляковым отдается распоряжение, запрещающее всякие сделки на лен в районах, освобожденных от большевиков, под угрозой предания суду.⁷³ В июле 1919 г. между начальником снабжения Северо-Западной армии и уполномоченным британской льняной фирмы «Малькольм и К°» в Лондоне В. Реймером был подписан договор сроком до 1 ноября 1919 г., согласно которому весь наличный и закупаемый лен продавался бы фирме. Однако сохранить лен для этой сделки оказалось делом крайне непростым. Еще в период

⁶⁸ Там же, кол. русского посольства во Франции, ящ. 5 (К.Н. Гулькевич, 1919 г. Телеграмма К.Н. Гулькевича С.Д. Сазонову).

⁶⁹ Там же, кол. М.Н. Гирса, ящ. 38, д. 92 (телеграмма Н. Юденича Б. Геруа от 2 апреля 1919 г.).

⁷⁰ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 11, д. 63, с. 31.

⁷¹ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 3, л. 10—12.

⁷² ГАРФ, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 85; ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 69, 75.

⁷³ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 14, д. 89, с. 2.

временной оккупации Пскова в мае 1919 г., по сведениям местных жителей, эстонцы захватили в качестве военной добычи и увезли до 14 тыс. пуд. льна, а с 10 на 11 июня 1919 г. вывезли самовольно 7 вагонов льна весом в 2,7 тыс. пуд. К этому надо прибавить и аферу с 5 тыс. пуд. американской муки, предоставленной жителям Пскова и уезда Американской организацией помощи через Гражданское управление города. Воспользовавшись тяжелым продовольственным положением Пскова, представитель эстонской армии потребовал от городского управления, а фактически от Н. Иванова и Балаховича, заключения договора, по которому эстонское правительство за предоставленную американскую муку получало компенсацию в размере 10,6 тыс. пуд. льна. Действия эстонской стороны, союзника в борьбе с большевизмом, нанесли Северо-Западной армии колоссальный экономический ущерб, лишив ее возможности укрепить свое финансовое положение. Попытки вернуть лен успеха не имели.

23 июня 1919 г. Юденич открывает кредитование на выпуск временных денежных знаков в пределах 65 млн р.⁷⁴ Первоначально было отпечатано 5 млн р., затем сумму увеличили до 30 млн р. К моменту образования Северо-Западного правительства (12 августа 1919 г.) сумма выпущенных керенок или, как их еще называли, родзянок составила более 41 млн р., в обращении находилось 18 млн р. Денежные знаки Северного корпуса выходили за подписью генерала Родзянко (родзянки) с изображением св. Георгия на коне.⁷⁵

К печатанию своих денег решили приступить и в Пскове. Надо отметить, что еще 20 октября 1918 г. в городе были выпущены Псковским областным управлением деньги за подписью командующего Северной армией генерала А.Е. Вандама (вандамки). Кроме того, в Пскове ходила деньги городского Общества независимого кредита.⁷⁶ Городская финансовая комиссия 26 июня 1919 г. постановила выпустить от имени городского самоуправления боны и признала утратившими силу кредитные билеты, выпущенные ранее Псковским банком.⁷⁷

Однако печатание ничем не обеспеченных бумажных денег еще больше усиливало экономическую разруху и хаос. Кредиты, обещанные Колчаком, задерживались. 27 июня Юденич телеграфировал Колчаку о неполучении денег, ассигнованных еще 25 апреля.⁷⁸ Тем временем финансовое положение стремительно ухудшалось. Командир 2-го Стрелкового корпуса Северо-Западной армии генерал-лейтенант Г.Л. Арсеньев сообщал 19 июля 1919 г.: «Денег абсолютно нет. Жалование не уплачено за 4 месяца. Особенно остро это отзывается на

⁷⁴ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 25, л. 1—3.

⁷⁵ Монография-каталог денежных знаков русской революции. 1917—1922. 1-е изд. Б.м., 1922. С. 13; Перечень денежных знаков, выпущенных и курсировавших на территории б. Российской империи в годы войны и революции (1914—1923) / Сост. Л.М. Иольсон и Н.И. Кардаков. 1-е изд. Берлин, 1923. С. 5.

⁷⁶ Монография-каталог денежных знаков русской революции... С. 13.

⁷⁷ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 5, л. 26 об., 27; д. 28, л. 1 об.

⁷⁸ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 395, л. 65.

ж.-д. служащих и прочих гражданских чинах».⁷⁹ При этом комкором выдвигалось ультимативное требование в случае неполучения денег — начать печатать самим. В этой обстановке острой нехватки наличности, задержки кредитов Политическое совещание при генерале Юдениче принимает решение начать печатать свои деньги. Кроме финансовой это решение преследовало и политическую цель — поставить под свой контроль существовавшие на Северо-Западе военно-политические группировки. Политическое совещание разрешило напечатать кредитных билетов на сумму 1 млрд 200 млн р. с гарантией оплаты после взятия Петрограда. Так появились на свет «юденки», или «крылатки», названные так за их большой формат. Деньги Полевого казначейства Северо-Западного фронта за подписью главкома Юденича и управляющего Отдела финансов Лианозова появились в купюрах, выполненных в стиле ампир, с изображением памятника Петру I — Медного всадника.⁸⁰ Вскоре, однако, военное министерство Колчака начало широкое субсидирование армии Юденича. Распоряжением военного министра Колчака в счет 10 млн фр., отпускаемых на содержание армии, по 4 июля ей были переведены 1 млн фр. и 150 тыс. ф. ст. Кроме того, был заключен заем в 5 млн финских марок и дано согласие на ссуду в 7 млн крон, из которой 2 млн предназначались для перевозки грузов. Независимо от этого 22 июля Департамент государственного казначейства колчаковского правительства открыл кредит в 100 млн р. на приобретение валюты и содержание армии Юденича (85 млн р.) и отряда адмирала В.К. Пилкина (15 млн р.).⁸¹ Таким образом, выпущенные армией Юденича деньги получали надежду на некоторое обеспечение. Но серьезных расчетов на то, что «крылатки» могут стать надежным платежным средством, не было. С появлением новых денег эстонское Министерство финансов и управляющий государственной кассой сделали заявления, в которых отмечалось, что деньги Северо-Западной армии не обязательны к приему в Эстонской республике, а могут служить в качестве денежных знаков только на освобожденных от большевиков территориях.⁸²

Несмотря на все предпринимаемые попытки по облегчению финансового положения армии, оно оставалось критическим. И Юденич продолжал слать телеграммы в Омск с просьбой о скорейшей помощи.⁸³ Но перевод валюты задерживался на месяц из-за отсутствия распоряжения о погрузке золота на пароход, что, конечно, было серьезной помехой для Северо-Западной армии.⁸⁴ В этой ситуации генерал пробует предпринимать собственные шаги, хотя они и не поощрялись русским Политическим совещанием в Париже. Так, в августе для переговоров с правительством Польской республики и варшавскими и русскими финансовыми кругами на предмет заключения денежного займа для

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Монография-каталог денежных знаков русской революции... С. 12.

⁸¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 345, л. 177.

⁸² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 4, д. 22, с. 23, 28, 29.

⁸³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 84.

⁸⁴ Там же, д. 299, л. 21.

покрытия расходов Северо-Западного фронта в Варшаву выехал уполномоченный Юденича генерал-майор О.А. Крузенштерн.⁸⁵

Наконец, 26 августа по распоряжению Верховного правителя Юденичу было отпущено 260 млн р., однако только для оплаты закупок Гулькевича в Стокгольме требовалось 700 млн р.⁸⁶ Кроме того, по инструкции из Омска кредит открывался Юденичу лично и находился исключительно в его распоряжении. Все платежные приказы должны были исходить непосредственно от Юденича или от лиц, им на то уполномоченных.⁸⁷ Надо также отметить, что определенные неудобства в финансовых операциях приходилось испытывать из-за того, что английское правительство не рекомендовало открывать своим банкам счета на имя русских правительств, поэтому в Лондоне все счета были открыты на имя поверенного в делах Е.В. Саблина и финансового агента в Швеции Замена.⁸⁸

Дальнейшее обострение финансового вопроса произошло в ходе осеннего наступления Северо-Западной армии на Петроград. По мере того как войска все ближе и ближе подходили к Петрограду, командованию армии казалось, что падение города — вопрос нескольких дней, и если это произойдет до получения денег, то положение может оказаться трагическим. Поэтому 15 октября посланник в Швеции Гулькевич телеграфировал о немедленной высылке 50 млн крон.⁸⁹ В это время в распоряжении Юденича находилось 860 тыс. ф. ст.⁹⁰

Вместе с тем, чтобы не остаться без денег после взятия Петрограда и сохранить фунты на более долгий срок для обмена, Юденич подписывает с английским финансистом Х. Личем соглашение о создании русско-британского банка с правом эмиссии. При этом три четверти капитала принадлежало России, вносилось денежными знаками Северо-Западной армии и одна четверть — английским банком в валюте.⁹¹ Действия генерала вызвали тревогу в русских финансовых кругах Парижа. Председатель финансовой комиссии русского Политического совещания А.Г. Рафалович направил телеграмму протеста Лианозову, отмечая, что подобные действия наносят ущерб общерусским финансовым активам в Париже.⁹² В ответной телеграмме Лианозов сообщил, что Северо-Западное правительство не рассматривало документы относительно русско-британского банка и решение было принято лично Юденичем. Лианозов только технически исправил готовый устав.⁹³

Однако последние финансовые операции белой армии проходили уже в условиях, когда всякая эмиссия на основе соглашения Юденича с британскими финансистами о создании банка в целях деятельности после взятия Петрограда становилась все более бесперспективной.

⁸⁵ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 11, д. 63, с. 194.

⁸⁶ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 298, л. 28 об.

⁸⁷ Там же, ф. 6817, оп. 1, д. 14, л. 125, 145.

⁸⁸ Там же, л. 145.

⁸⁹ Там же, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 28.

⁹⁰ Там же, ф. 6817, оп. 1, д. 15, л. 19.

⁹¹ По данным С.Г. Лианозова, доля английских банков составляла 45 %, а русской казны — 55 % (ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 581, л. 15).

⁹² ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 554, л. 20.

⁹³ Там же, д. 561, л. 14.

Петрограда взять не удалось, и Северо-Западная армия, потерпев ряд поражений, беспорядочно отступала к границам Эстонии.

Специально следует остановиться на организации судебно-следственных органов и их деятельности на территориях, занятых белой армией.

Опорой командования Северного корпуса в проведении внутренней политики на отвоеванных территориях стала военно-полевая юстиция, которая состояла из военно-полевого суда, прокуратуры, контрразведки, а также некоторого подобия гражданских судов. В приказе командира корпуса, изданном в июне 1919 г., суду в налаживании постбольшевистского порядка отводилось следующее место: «Население освобожденной от гнета насильников территории родины ждет порядка и законности. И то и другое может быть только суд. Суд скорый, но правый, суровый, но справедливый. По условиям [и] обстоятельствам суд этот должен быть военный. Предписываю посему развернуть ныне существующий Корпусной суд в Военный суд при Северном корпусе».⁹⁴ Этот суд рассматривал как военно-судные, так и все дела о гражданских лицах, изъятых из общей подсудности. К последним приказом командира корпуса относились дела о бунте против верховной власти, о государственной измене и смуте, о противодействии правосудию, о преступных деяниях на государственной и общественной службе, о сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении властям, о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, о потреблении и повреждении чужого имущества, о разбое и грабеже, о противозаконном хранении оружия, об открытии или содержании тайной типографии и т.п.⁹⁵ Как видно из списка правонарушений, попадавших под юрисдикцию военно-полевых судов, это был фактически весь спектр отношений, существующих между людьми. Приговоры Военного суда при Северном корпусе признавались окончательными, обжалованию не подлежали и приводились в исполнение: смертные — в 24 дня, все прочие — в течение 7 дней. Просьбы о помиловании на имя высшей военной власти допускались только с разрешения суда, вынесшего приговор.⁹⁶ Таким образом, в армии вводились постоянно действующие военно-полевые суды, руководствовавшиеся этим приказом и статьями военных уставов о наказаниях.⁹⁷

Военный суд корпуса (а с 19 июня 1919 г. Северной армии) состоял из председателя суда Н.М. Васильева, двух военных судей В.В. Комар и Б.Е. Агапова, пяти военных следователей, двух кандидатов на военно-судебные должности, а также секретаря суда, его помощника и переводчика.⁹⁸ При суде находился военно-прокурорский надзор (прокурор и три его помощника). Военно-судебные органы армии были укомплектованы квалифицированными юристами с высшим образованием.

⁹⁴ Вестник Северо-Западной армии. 1919. 26 июня.

⁹⁵ Там же. 26, 28 июня.

⁹⁶ Там же, 28 июня.

⁹⁷ ГАРФ, ф. 6389, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁹⁸ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 66, 67.

По большей части суды занимались делами, связанными с обвинениями в принадлежности к коммунистической партии, с реквизициями хлеба при большевиках. Так, приказ № 1 уже давал направление деятельности для судов. В нем предлагалось всем лицам, у которых имелась большевистская литература, сдать ее в трехдневный срок со дня опубликования приказа на предмет уничтожения. Не исполнившие распоряжения подлежали штрафу до 10 тыс р. или аресту до 6 месяцев.⁹⁹

Вскоре после организации судебных органов отчетливо выявилась репрессивная направленность их деятельности, прежде всего в отношении «политических» дел. 10 июня 1919 г. гарнизонный военно-полевой суд г. Ямбурга рассмотрел дело Клавдии Андреевой, обвиняемой в «агитации и ограблении чужой собственности в пользу коммуны». Рассмотрев дело, суд признал ее виновной и приговорил к смертной казни через повешение.¹⁰⁰ 21 июня того же года гарнизонный военно-полевой суд г. Гдова и уезда рассмотрел дело граждан Гвозденской волости д. Дуброшкино Е.С. Смирнова, Ал. Мочалкина, Ал. Горявина, Ив. Илларионова, Мих. Щеглова, Вас. Акулова. Все они обвинялись в принадлежности к коммунистической партии, в реквизиции хлеба и агитации за советскую власть, однако они вины за собой не признали. Суд установил, что виновность Мочалкина «совершенно не доказана».¹⁰¹ Вина же Горявина, Илларионова, Акулова «заклучалась в том, что Горявин, состоятельный крестьянин, записался в партию сочувствующих коммунистов, тогда как мог кормиться без записи, любил действовать из-за чужой спины, натравливал темных людей и одновременно поддерживал советскую власть. Ив. Илларионова и Вас. Акулова — в том, что они, хотя и по принуждению, ездили с начальником карательного отряда Львовым и отбирали хлеб, а партийность их свидетельскими показаниями не установлена. Ефима Сидорова Смирнова и Мих. Щеглова — в том, что они, состоя в партии сочувствующих коммунистов, ездили с начальником карательного отряда Львовым, отбирали хлеб от крестьян и проезжих по деревне; кроме того, они организовали в дер[евнях] коллективы сочувствующих, имели связи с коммунистами».¹⁰² Исходя из установленной вины, суд вынес следующие наказания: Смирнов (29 лет) и Щеглов (36 лет) были приговорены к расстрелу; последнему смертную казнь отложили, так как выяснилось, что он был георгиевским кавалером, и дело передали на доследование;¹⁰³ Горявина лишили всех прав и состояния и отдали в арестантские роты на 4 года, несмотря на то что за него ходатайствовало сельское общество;¹⁰⁴ Илларионов (45 лет) и Акулов (38 лет) приговаривались к телесному

⁹⁹ Вестник Северо-Западной армии. 1919. 28 июня.

¹⁰⁰ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 21, л. 3.

¹⁰¹ Там же, д. 1, л. 1.

¹⁰² Там же, л. 2.

¹⁰³ Там же, д. 5, л. 16.

¹⁰⁴ Там же, л. 3, 4 об., 17, 23.

наказанию розгами по 60 ударов каждый; Мочалкину вынесли оправдательный приговор.¹⁰⁵

Деятельность военно-полевых судов вскоре стала принимать широкие размеры и не могла не вызвать беспокойства у штаба армии, так как вступала в противоречие с декларируемыми целями «насаждения в стране порядка и законности». В связи с этим 16 сентября 1919 г. был издан приказ по Северо-Западной армии, в котором, в частности, говорилось, что белые войска «позволяют себе без суда и следствия расстреливать и вешать лиц, которые обвиняются — может быть, и без достаточных оснований — в большевизме и коммунизме. Они самовольно отбирают принадлежащие этим лицам имущества, а их семьи выселяются в пределы расположения красных войск. Такие действия в армии, ведущей борьбу за утверждение порядка и законности, недопустимы».¹⁰⁶ В связи с этим воинским начальникам приказывалось не допускать самовольных расправ, расстрелы могли производиться, но только по решению суда. Решение судьбы и имущества приговоренного также входило в компетенцию суда. Запрещалась высылка семей осужденных в расположение красных.¹⁰⁷ Вместе с тем в приказе имелись и весьма расплывчатые формулировки, вроде такой: «Лица, наносящие вред армии, предаются военно-полевому суду», — что на практике вело к широчайшему произволу.¹⁰⁸ Виновников нарушения приказа ждал военно-полевой суд, однако при архивных разысканиях таких дел нам найти не удалось.

Обеспокоенность деятельностью военно-полевых судов выразило и созданное в августе Северо-Западное правительство. По его постановлению Министерством юстиции была образована специальная комиссия. Ознакомившись с их работой, она рекомендовала немедленно прекратить деятельность постоянных военно-полевых судов, как противоречащую закону.¹⁰⁹ 16 октября 1919 г. появился приказ по Северо-Западной армии о военно-полевых судах, который вводил их действия в определенные рамки законности.¹¹⁰ Однако одно из положений приказа сводило его на нет благодаря следующему расплывчатому определению: «Виновность подсудимого должна быть формулирована по фактическим признакам, а не юридическим терминам или одними лишь ссылками на статьи закона».¹¹¹

Помимо введения военно-полевых судов командование Северного корпуса решило восстановить и систему мирных судов. При этом старая форма приспосабливалась к новым условиям гражданской войны. Согласно приказу от 30 июня по Военно-гражданскому управлению Северной армии, в качестве суда первой инстанции для ведения мелких гражданских и уголовных дел восстанавливался ми-

¹⁰⁵ Там же, д. 1, л. 2.

¹⁰⁶ Там же, л. 61 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 62 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 62.

¹⁰⁹ Там же, д. 3, л. 15.

¹¹⁰ Там же, л. 58 об.—61.

¹¹¹ Там же, л. 61.

ровой суд.¹¹² В связи с этим были образованы два мировых судебных округа: 1) Псковский — из освобожденных от большевиков территорий Псковской губернии и части Лужского уезда Петроградской губернии; 2) Гдово-Ямбургский (с местопребыванием съезда в Гдове) — из городов Гдова, Ямбурга и их уездов. Компетенция судов оставалась прежней, правда, увеличивалась сумма иска до 10 тыс. р., что в первую очередь обуславливалось обесцениванием денег. Основные изменения коснулись пункта о выборности судей. Все лица судейского звания назначались приказами командующего Северной армии, судебные приставы и чиновники канцелярии — приказами председателя мирового съезда, секретарь при участковых судьях — приказами последних. Таким образом, мировые судьи полностью контролировались теперь военным командованием. Не остались вне поля зрения военных и мировые съезды, над деятельностью которых осуществляла надзор военная прокуратура, а в случае конфликтов дело рассматривал военный суд. Кроме вновь возникших дел мировые съезды по представлению военной прокуратуры пересматривали дела большевистских судебных учреждений. Однако даже в таком усеченном виде мировые судьи устраивали далеко не всех. В одной из докладных записок того времени говорилось: «По продуктивности и целесообразности работы один пристав стоит всех мировых судей», без этого пристава «в толще народной все добрые намерения власти будут сводиться к нулю».¹¹³

Одним из элементов военно-полевой юстиции в условиях гражданской войны стал и такой внесудебный орган, как контрразведка, которая буквально с момента своего образования начала выходить из-под контроля военных властей, присвоив себе функции суда, вынесения и исполнения приговоров. Такая ситуация вызывала определенное беспокойство даже со стороны командования армии.

12 июля 1919 г. в приказе по Военно-гражданскому управлению говорилось, что функции контрразведки заканчиваются следствием и заключением по делу. Властью судебной и исполнительной эти органы «ни в коем случае не обладают».¹¹⁴ Однако в реальной жизни все выглядело по-другому, и своей цели приказ не достиг. К тому же сами органы белой контрразведки росли как грибы после дождя. В рапорте начальника военно-гражданского управления полковника Хомутова, приехавшего в Псков в июне 1919 г., главному начальнику тыла Северо-Западной армии сообщалось о том, что в городе действуют 4 контрразведки: корпусная, комендантская, эстонская, Балаховича.¹¹⁵ Две контрразведки действовали в с. Скамья, где находились Псковская губернская тюрьма и концлагерь.¹¹⁶ Разнузданность чинов контрразведки внушала серьезные опасения. Ложные обвинения в связях с большевиками ради завладения имуществом, самостоятельные обы-

¹¹² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 14, д. 85, с. 5.

¹¹³ ГАРФ, ф. 6388, оп. 1, д. 2, л. 14.

¹¹⁴ Там же, л. 12.

¹¹⁵ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 75, л. 4.

¹¹⁶ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 58.

ски, изъятия денег и ценностей, аресты без предварительного уведомления волостных комендантов стали нормой поведения.¹¹⁷

Не брезговали в контрразведке и созданием фиктивных дел. 22 сентября 1919 г. был арестован доброволец Северо-Западной армии, заведующий гаражом при управлении начальника снабжения А. Садыкер. Ему было предъявлено обвинение, что он, находясь в Финляндии, вошел в контакт с советской властью, занимался агитацией и пересылкой денег. Суд приговорил его к смертной казни. Министр юстиции Северо-Западного правительства К.И. Кедрин в телеграмме Юденичу потребовал пересмотра дела. Председатель суда телеграфировал Кедрину о том, что дело не выяснено точно. Однако, несмотря на все это, Садыкер был повешен.¹¹⁸

Обилие контрразведок приводило к тому, что они начинали следить друг за другом. Так, контрразведка армии следила за чинами штаба Особой сводной дивизии Булак-Балаховича и составляла донесения об их деятельности.¹¹⁹ Однако вся эта спешно создаваемая судебно-следственная система белого режима вскоре оказалась не у дел.

ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Особо следует остановиться на складывании гражданской правительственной администрации на территориях Северо-Запада, занятых белыми. Первые предложения о создании местного (областного) временного правительства появились в мае 1919 г., после первых успехов Северного корпуса, и исходили главным образом от различных общественных групп. Необходимость образования правительства они объясняли обширностью предстоящей работы и желательностью установления прочных и широких связей между корпусом и общественностью.¹²⁰

В действительности либеральные и левокадетские круги Пскова и Ревеля были озабочены тем, чтобы ограничить власть военных и установить в какой-либо форме гражданское управление на контролируемой армией территории. Они исходили из того, что в условиях гражданской войны возможно организовать власть на демократических началах и тем самым привлечь на свою сторону западные демократии и вновь образовавшиеся национальные государства. Генеральская диктатура, по их мнению, не могла решить эти задачи, а также сплотить разнородные антисоветские силы. Не последнюю роль здесь играли и опасения, что в случае победы военные припомнят «демократической общественности» ее керенщину и большевизм.

В условиях Северо-Запада России наиболее реальной силой, которая в какой-то степени могла соперничать с военной диктатурой, можно считать русско-эстонскую группу Н.Н. Иванова—С.Н. Булак-Балаховича. Этот союз был основан на отрицательном отношении к Юденичу и его

¹¹⁷ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 15, л. 247 об.; ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 20, л. 21.

¹¹⁸ ГАРФ, ф. 6389, оп. 1, д. 4, л. 3 об., 4 об., 5 об., 19, 21.

¹¹⁹ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 25, л. 3—4.

¹²⁰ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 11, с. 2.

штабу. Группа Иванова—Балаховича выступала за признание независимости Эстонии и в свою очередь требовала от партнеров по коалиции признания «Псковской республики». По расчетам Иванова, наличных сил вполне хватило бы для занятия района по линии ст. Званка—Чудово—Новгород—Старая Русса—Холм—Великие Луки. Со своим планом он обратился к главе английской миссии в Прибалтике генералу Г. Гофу и его заместителю генералу Ф.Д.Маршу. В личных беседах Иванов настоятельно проводил мысль о необходимости приступить к созданию небольшой правительственной ячейки на Северо-Западе России и подчинить ей Юденича и вообще военных, а также убрать из Пскова «реакционеров». По его мнению, восстановление России должно было пойти по областному принципу.¹²¹ Доводы русских демократов устраивали английских политиков и военных генералов, желавших видеть свою извечную соперницу расчлененной на лоскутные государственные образования. В конце июля—начале августа эти идеи начали принимать конкретные очертания.

Из Пскова в Ревель отправилась депутация для переговоров с эстонцами и англичанами. В ее состав вошли В. Горн (меньшевик), С. Башкиров (правый эсер) и И. Азлов (кооператор). В Ревеле они побывали у эстонского главнокомандующего И. Лайдонера, премьер-министра О. Штрандмана и от обоих получили уклончивые и осторожные ответы, которые сводились к тому, что без согласия союзников какие-либо перемены нежелательны.¹²²

В Ревеле псковичи встретились с представителями Русского совета, которые также не оставляли своих притязаний на власть. В результате переговоров родилась идея созыва 17 августа в Юрьеве съезда городских, земских, кооперативных и иных общественных деятелей. 8 августа Н.С. Маргулис, В. Горн, М.М. Филиппео и А. Шульц приступили к выработке его программы. На съезде предполагалось выбрать совет — зародыш общественной организации для давления на военные власти. Чтобы осуществить свое намерение, решили войти в контакт с англичанами в надежде, что они поддержат «общественность».¹²³

9 августа Горн и Филиппео нанесли визит английскому генеральному консулу В. Босенкету, а тот в свою очередь представил их начальнику Политического отдела Прибалтийского края полковнику Таллентсу. Делегаты изложили свою точку зрения на привлечение общественных элементов к управлению. Выслушав и уточнив отдельные вопросы, английские представители просили зайти к 7 ч вечера. Явившись к указанному часу, Филиппео и Горн получили от Босенкета проект, в котором признавался принцип областного правительства. Намечаемому съезду придавался постоянный характер (нечто вроде предпарламента), но его состав должен был назначать Юденич. Горн и

¹²¹ Иванов Н.Н. О событиях под Петроградом в 1919 г. // Архив гражданской войны. Берлин, б.г. Вып. 1. С. 94—96.

¹²² Горн В.А. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 95.

¹²³ Маргулис М.С. Год интервенции. Кн. 2. Апрель—сентябрь. 1919. Берлин, 1923. С. 192.

Филиппео протестовали против этого положения проекта, но не встретили понимания своих собеседников.¹²⁴

В то время как псковская делегация вела переговоры в Ревеле, генералы Гоф и Марш встречались с руководителями Эстонии, Юденичем, Родзянко, Булак-Балаховичем и Ивановым. Английские представители в Прибалтике пытались объединить все антибольшевистские группировки на Северо-Западе, включая эстонцев, для наступления на Петроград. По мнению Марша, высказанному на совещании в Пскове, осуществление плана должно было взять на себя новое правительство.¹²⁵

Активную роль в распространении идеи создания правительства сыграли Маргулиес и английский журналист Поллок, через которого осуществлялась связь с генералом Маршем. Воздействуя на Марша, русские общественные круги формировали у него отрицательное отношение к Юденичу и внушали ему мысль, что только «общественность» способна образовать демократическое правительство и обеспечить порядок в тылу и на фронте.

9 августа Поллок имел беседу с вернувшимся из поездки по фронту Маршем. Генерал в резких выражениях высказал свое недовольство увиденной неразберихой. В ходе разговора он заявил, что если в течение недели Юденич не наведет порядок, то он потребует передачи командования Лайдонеру. Марш считал, что к зиме эстонцы должны взять Петроград. Он проинформировал Поллока, что на 10 августа решил пригласить к себе членов Политического совещания, а также Маргулиеса для беседы о реорганизации исполнительной власти. В ходе разговора Марш показал журналисту список предполагаемых министров Северо-Западного областного правительства и предложил его обсудить.¹²⁶

После беседы с Маршем, в этот же день вечером, Поллок встретился с Маргулиесом, передал суть своего разговора с генералом и показал список будущих министров. В свою очередь Маргулиес предложил дополнить его общественными деятелями Пскова, Ревеля и Гельсингфорса.¹²⁷ Маргулиес отрицательно отнесся к предполагавшемуся премьерству А.В. Карташова на том основании, что всеми делами будет руководить его секретарь Г.И. Новицкий, и считал наиболее приемлемой фигурой С.Г. Лианозова. Неодобрительно отзывался он и об Н.Н.Иванове. В результате обмена мнениями Поллок составил список будущих министров во главе с кандидатом в премьеры Лианозовым. При упоминании В.Ф. Кузьмина-Караваева Поллок выразил протест, но в списке оставил. Этот вариант он обещал передать Маршу.¹²⁸

10 августа утром Маргулиес встретился с Лианозовым и сообщил ему о плане Марша. В 12 ч, в этот же день, состоялось совещание общественных деятелей, решивших созвать съезд 20 августа в Юрьеве.

¹²⁴ Там же. С. 198, 199.

¹²⁵ Горн В.Л. Указ. соч. С. 101; Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 218.

¹²⁶ Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 200, 201.

¹²⁷ Там же. С. 199.

¹²⁸ Там же. С. 200.

На нем предполагалось создать правительство и постоянный орган съезда. Планировалось, что Юденич будет поставлен перед свершившимся фактом. Дело оставалось за небольшим: получить разрешение на проведение съезда у эстонских властей.¹²⁹ Но события развивались гораздо стремительнее.

В 3 ч дня полковник Б.П. Поляков встретился с Маргулиесом и сообщил ему, что виделся с Маршем и что последний настоял на включении в правительство Иванова министром без портфеля из-за его близости к Булак-Балаховичу и согласился на премьерство Лианозова. Все остальные кандидатуры не вызвали у генерала сомнений, и он собиравшись представить этот список от имени союзников.¹³⁰ Совещание в английской военной миссии в Ревеле было назначено на 5 ч дня. Однако некоторые из русских участников узнали о нем за 1—2 ч до его открытия.¹³¹ Что касается членов Политического совещания, находившихся в это время в Гельсингфорсе, то их уведомили о необходимости приезда в Ревель еще 8 августа по телефону. Однако речи с ними о создании правительства не велось.¹³²

Предстоящие решения держались в тайне от генерала Юденича, о чем свидетельствует беседа, состоявшаяся 7 августа между Юденичем и генералами Гофом и Маршем. Как сообщал впоследствии Юденич, в ее ходе «ни один из них не обмолвился о предстоящей перемене». 12 августа, уже после создания Северо-Западного правительства, при очередной встрече с Маршем Юденич попросил объяснений, на что англичанин ответил, что тогда сам ничего не знал.¹³³

Встречать прибывших в Ревель членов совещания отправились английский офицер и полковник Поляков.¹³⁴ К 6 ч вечера в английской военной миссии собрались: А.А. Карташев, С.Г. Лианозов, генерал М.М. Суворов, В.Д. Кузьмин-Караваев, М.С. Маргулиес, полковник К.А. Крузенштерн, К.А. Александров, В.Л. Горн, М.М. Филиппео, Н.Н. Иванов, секретарь Отдела внешних сношений Северо-Западной армии ротмистр Барш.¹³⁵ Со стороны союзников присутствовали генералы Марш, полковник Пири-Гордон и Геропат, от французской миссии — полковник Хюрстель и от США — капитан Мюллер и корреспондент «Таймс» Поллок.¹³⁶

Генерал, заглядывая в машинописный текст, обратился к присутствующим с речью, в которой указал на катастрофическое положение на фронте и на необходимость немедленного принятия решения. По его мнению, исправить положение можно было только в случае получения поддержки со стороны эстонских войск, но для этого требовалось признать государственную самостоятельность республики. Причем при-

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 208.

¹³¹ Горн В.Л. Указ. соч. С. 108.

¹³² Образование Северо-Западного правительства. Гельсингфорс, 1920. С. 40.

¹³³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 324, л. 36.

¹³⁴ Образование Северо-Западного правительства. С. 4.

¹³⁵ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 6, л. 1.

¹³⁶ Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 203.

знание должно исходить не от одного лица, кем бы оно ни было уполномочено (имелся в виду Юденич), а от русского правительства. В связи с этим Марш предложил собравшимся образовать правительство Северо-Западной области, которое взяло бы на себя ответственность за решение всех русских вопросов. В противном случае, по его словам, Англия и союзники прекратят помощь Северо-Западной армии. Окончив речь, Марш заявил, что он удаляется, чтобы дать возможность собравшимся обсудить его предложение, и просил, не выходя из комнаты, к 7 ч (т.е. через 40 мин) образовать правительство. При этом он передал генералу Суворову заготовленный заранее список министров, в который вместе с премьером Лианозовым вошло 12 человек.¹³⁷ Генерал добавил, что к этому времени должны прибыть представители Эстонии, с которыми и следует подписать соглашение. После этого он удалился.

Заявление Марша произвело тягостное впечатление на присутствующих. От их внимания не ускользнуло то, что в зачитанном Маршем заявлении ничего не говорилось о Верховном правителе, а ведь только он мог утвердить акт об образовании правительства. Собравшиеся обратили внимание английского генерала на это обстоятельство. Марш ответил: «Колчак где-то далеко, да и неизвестно, существует ли он еще».¹³⁸ После этих слов русским участникам совещания стало ясно, что англичанам нужно было самостоятельное и независимое от русской центральной власти областное правительство, находящееся под их контролем. Таким образом, с созданием правительства возникал бы опасный прецедент отделения от единой России Северо-Западной области под иностранным контролем.

После ухода Марша для ведения заседания присутствующие избрали председателем генерала Суворова. В развернувшемся обмене мнениями Кузьмин-Караваев выразил сомнение в необходимости создания правительства. Суворов предложил более гибкое решение: принять на себя «ведение всех срочных русских дел с ответственностью за них, окончательное же персональное обсуждение списка предложенных лиц отложить до понедельника вечером».¹³⁹ Обсудив положение, собравшиеся единодушно постановили образовать правительство.¹⁴⁰

Когда Марш снова вошел в комнату, приглашенные заявили ему, что принимают на себя обязанности правительства Северо-Западной области России, «положив в основание предложенный... список». Но, поскольку не все из указанных в нем лиц находятся в Ревеле, окончательный вариант будет представлен через несколько дней.¹⁴¹

Выслушав ответ, Марш объявил, что ему необходимы три человека — министр-президент, военный министр и министр иностранных дел — для подписания соглашения с эстонцами по трем вопросам:

¹³⁷ АГИВРИМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 11, д. 22, с. 2.

¹³⁸ Кузьмин-Караваев В. Эпизод борьбы на Северо-Западном фронте // Русь. Париж. 1923. 26 ноября.

¹³⁹ Маргулис М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 205.

¹⁴⁰ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 6, л. 1, 2.

¹⁴¹ Там же, л. 5.

1) о признании Эстонии независимым государством; 2) о помощи русским во взятии Петрограда; 3) о командовании Юденича и Лайдонера. В ответ Маргулиес предложил выборов не проводить, а уполномочить Лианозова, Суворова и Крузенштерна на подписание соглашения.¹⁴²

В указанное время появилась эстонская делегация в составе премьер-министра О. Шtrandмана, министра иностранных дел И. Поска и главнокомандующего И. Лайдонера. Однако эстонские представители отказались подписать договор без предварительного обсуждения в Учредительном собрании. Таким образом, первая попытка подписания государственно-правового документа, регулировавшего взаимоотношения бывшей окраины с русским белым движением, оказалась безуспешной.

После совещания в английской военной миссии в 9 ч вечера русские представители продолжили совещание в Отделе внешних сношений Северо-Западной армии. В развернувшейся дискуссии Кузьмин-Караваев настаивал на том, чтобы Юденич сам назначал министров по примеру Колчака и Деникина. Эта мысль нашла поддержку только у Иванова. Большинство из присутствовавших было против. Решили срочно вызвать в Ревель Юденича и начальников частей — Родзянко, Балаховича, Арсеньева, Палена. По предложению Суворова окончательного списка министров составлять не стали. После этого начали расходиться.¹⁴³ В 12 ч ночи Маргулиес и Лианозов направились на квартиру к Поллоку и там усиленно уговаривали его содействовать включению в правительство тех лиц, которые казались им желательными. Поллок обещал хлопотать перед Маршем.¹⁴⁴

В 1 ч ночи Крузенштерн послал в Нарву Юденичу телеграмму с просьбой прибыть в Ревель с начальниками частей и кратко осведомил генерала о последних шагах представителей британской военной миссии. Получив сообщение о происшедших переменах, Юденич распорядился послать в Ревель телеграмму с просьбой немедленно ознакомить с нею генерала Марша. В ней говорилось, что «Юденич... является единственным лицом, имеющим власть принимать все решения по затронутым Маршем вопросам и... до его приезда ничего не может быть предпринято».¹⁴⁵ Генерал провел также совещание с высшими чинами штаба и заручился их поддержкой в этом вопросе.

Между тем весь день 11 августа прошел в Ревеле в обстановке повышенной политической активности. В 9 ч утра русские представители собрались в Отделе внешних сношений Северо-Западной армии под председательством Лианозова. На заседании обсудили проект соглашения с эстонцами, прочитанный накануне Маршем. Было решено войти в предварительные переговоры с представителями эстонского правительства, но список министров без Юденича не утверждать.

В тот же день вечером все снова собрались у генерала Марша. Отсутствовал Карташев, который отказался от участия в правительстве, считая его нежизнеспособным по составу и будучи не согласным с

¹⁴² *Маргулиес М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 205.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 206; АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 11, д. 22, с. 3—4.

¹⁴⁵ *Маргулиес М.С.* Указ. соч. Кн. 2. С. 209.

признанием независимости Эстонии.¹⁴⁶ Марш сообщил приглашенным, что положение дел стало совершенно критическим, и отозвал в соседнюю комнату Лианозова к находившимся там представителям союзников (начальники французской военной миссии в Ревеле полковник Хюрстель и американской политической миссии полковник Доулей, представители английской военной миссии полковник Геропат и Пири-Гордон). Через 10 мин Лианозов вернулся к ожидавшим его участникам совещания и сообщил, что Марш предложил ему подписать заявление эстонскому правительству и представителям США, Франции и Великобритании в Ревеле. Главными пунктами документа были следующие: объявление о сформировании правительства Северо-Западной области, признание государственной независимости Эстонии, намерение «освободить Петроград» с ее помощью, признание Юденича главкомом Северо-Западной русской армии, вступление его в переговоры с командованием эстонской армии относительно совместных военных действий против Советов. В заключение перечислялись министерские посты правительства без указания фамилий.¹⁴⁷ Присутствующие спросили Марша, известны ли ему требования Юденича. Генерал ответил утвердительно, отметив, что заявление ему не нравится, но Юденич должен будет либо примириться с обстоятельствами, либо уйти. На этот случай английские представители «заготовили» де нового главкома.¹⁴⁸ После такого разъяснения заявление приняли, но сочли его предварительным из-за обилия «иноязычных оборотов».¹⁴⁹ Однако три человека от подписания отказались. Кузьмин-Караваев мотивировал это тем, что, не будучи министром, не может подписать заявление в качестве министра, но подпишет, если союзники не будут настаивать на слове «министр». Генерал Суворов и полковник Крузенштерн нашли для себя, как лиц военных, подписывать документ раньше своего главкома неудобным. В результате подписи поставили министр-председатель Лианозов и министры Маргулиес, Иванов, Александров, Филиппео и Горн.¹⁵⁰

В 11 ч утра 12 августа состоялся телеграфный разговор между генералом Суворовым и Юденичем. Главком снова потребовал категорически заявить Маршу, что является главой армии и без него никто не вправе принимать никаких решений.¹⁵¹ 13 августа в 1 ч ночи Юденич сам прибыл в Ревель. Утром он беседовал с Лианозовым, а затем они вместе отправились к генералу Маршу, который предъявил Юденичу требование признать правительство и войти в него в качестве военного министра, оставаясь одновременно главкомом. Юденич вынужден был

¹⁴⁶ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 248, л. 11.

¹⁴⁷ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 6, л. 6, 7.

¹⁴⁸ АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 11, д. 22, с. 6.

¹⁴⁹ Кирдецов Г. У ворот Петрограда. 1919—1920 гг. Берлин, 1921. С. 24; Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 114—115, 119.

¹⁵⁰ Образование Северо-Западного правительства. С. 8. — По свидетельству Маргулиеса, Кузьмин-Караваев заявил, что считает правительство из стольких лиц абсурдом, верит только в диктатуру, ни в общественность, ни в демократию не верит, и на этом покинул собрание (Маргулиес М.С. Указ. соч. Кн. 2. С. 208).

¹⁵¹ АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 11, д. 22, с. 4.

подчиниться. В письме Колчаку 18 августа он так объяснял свой шаг: «Я, не видя исхода продолжения русского дела на Северо-Западе и получив заверение, что помощь армии будет усилена и будут приняты все срочные меры для завершения операции за обладание Петроградом, согласился».¹⁵² 13 августа англичанам был представлен уже отредактированный вариант заявления эстонскому правительству.¹⁵³ Согласие Юденича не означало, что он смирился с самим фактом создания Северо-Западного правительства и условиями, на которых был достигнут компромисс между русской «общественностью», английскими представителями и Эстонией. На эту жертву, трудно переносимую с государственной точки зрения, Юденич пошел скрепя сердце. Создание правительства по указке третьестепенных английских генералов он воспринял как акт национального унижения, как «явление ненормальное». В нем он видел сознательное разрушение сильной власти, построенной на принципе военной диктатуры, которая стала устанавливаться в России. Это, по его мнению, создавало также опасный прецедент того, что политически правительство становилось независимым от главнокомандующего. «Правительство, построенное на началах партийной коалиции, — писал он, — на опыте показало, что в период революции и безвластия оно служит органом не созидания, а разложения власти». Поэтому он полагал, что если такую коалицию ввести в Петроград, то в этом революционном котле сразу закипят страсти партийной борьбы и всякий порядок будет потерян. Самый состав правительства из лиц либо политически неизвестных и неавторитетных, либо из мелких провинциальных социалистов не обеспечивал ему достаточного веса и кредита ни в глазах иностранцев, ни в глазах Эстонии и Финляндии, ни в мнении русского населения. Такой состав правительства был бы вызовом и оскорблением для «имеющей быть занятой северной столицы». Юденич видел в правительстве три главных первородных греха, из-за которых оно не могло быть допущено в Петроград после его взятия. При основании оно было обязано признать абсолютную независимость Эстонии, что, по мнению Юденича, означало «государственно-политическую смерть С.-З. правительства». Второе порочное обязательство — собрать в Петрограде областное учредительное собрание. «Этот поистине безумный акт подрыва всякой власти в отвоеванной у большевиков области никоим образом допущен быть не может», — считал он. Наконец, Юденича удивила и возмутила странная позиция Северо-Западного правительства, призывавшего к временной независимости от Всероссийского правительства. Естественно, смириться с таким правительством генерал не мог и поэтому предполагал ликвидировать его еще до занятия Петрограда.

Между тем план английских представителей в Прибалтике начинал осуществляться. 13 августа глава британской военной миссии генерал-лейтенант Г. Гоф в приветственном письме эстонскому правительству благодарил его, что оно «готово оказать всевозможную поддержку рус-

¹⁵² ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 62, АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 11, д. 25, с. 6.

¹⁵³ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 6, л. 11—12.

скому Северо-Западному правительству». Генерал выражал надежду на совместные действия русских и эстонских войск и поддерживал требование Эстонии о признании полной независимости.

Однако образование Северо-Западного правительства было встречено военно-политическим руководством белого движения крайне настороженно. 16 августа от имени армии с заявлением к правительству обратился командующий Северо-Западной армии генерал Родзянко. Он потребовал от министров полного обеспечения армии снаряжением, оружием и деньгами, а также заключения соглашений о военной помощи с соседними государствами. «Армия признает, — говорилось в обращении, — Верховным правителем адмирала Колчака и подчиняется непосредственно назначаемому им главнокомандующему. Никто из членов Временного правительства, за исключением главнокомандующего, не имеет права вступать в какие бы то ни было переговоры и соглашения с отдельными начальниками частей, а также посещать фронт без особого на то разрешения командующего армией».¹⁵⁴

Понимая вынужденность шага Юденича, наиболее дальновидные из российских дипломатов предостерегали от опрометчивых официальных заявлений. Так, посол в Стокгольме К. Гулькевич телеграфировал управляющему делами МИД омского правительства Колчака И.И. Сукину, что образование Северо-Западного правительства произошло «исключительно под давлением чисто местной обстановки и ближайших военных соображений», и воззрения членов правительства непонятны Юденичу.¹⁵⁵ Гулькевич вместе с тем предостерегал колчаковское правительство от любых шагов и указаний, направленных против признания независимости Эстонии, что, по его мнению, может нарушить военное сотрудничество с ней.

Предостережения оказались своевременными. 17 августа от министра иностранных дел С.Д. Сазонова последовал окрик. Он писал, что образование правительства не согласуется со стремлением объединить государственное управление в руках омского правительства, а право вести переговоры с иностранными государствами принадлежит только лицу, им назначаемому. Соглашение с эстонцами, заканчивал свою телеграмму Сазонов, может касаться только военных вопросов.¹⁵⁶

Но уже 26 августа тон высказываний Сазонова смягчился. Это было связано с тем, что на свой запрос в МИД Великобритании по поводу действий генерала Марша он получил успокоительный ответ, из которого явствовало, что генерал действовал без ведома Лондона. Это сразу меняло дело. Учитывая, что признание Эстонии исходило «лишь от Юденича и самозванного областного правительства», Сазонов предлагал Омску воздержаться от протестов и опровержений, которые могли помешать захвату Петрограда. Он верно угадал обстановку, которая толкнула Юденича, твердо стоящего на национально-государственной точке зрения, на такой шаг. «Ввиду слабости наших сил на Нарвском

¹⁵⁴ Там же, л. 13.

¹⁵⁵ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 80.

¹⁵⁶ Там же, д. 308, л. 60.

фронте, а главное, ненадежности нынешнего эстонского правительства, склонного войти в сношение с большевизмом, что создало бы угрозу нашему тылу, Юденичу, может быть, ничего другого не оставалось, как согласиться на навязанные ему образование кабинета и признание независимости Эстонии».¹⁵⁷

Весьма скептическое отношение к Северо-Западному правительству высказали и дипломатические представители России. Так, посол в Англии К.Д. Набоков сообщал в Омск: «Решительно во всех кругах новое правительство вызывает либо негодование, либо смех».¹⁵⁸ Не исключал он в удобный момент и военного переворота, поскольку армия признавала только Колчака и Юденича. Еще категоричнее высказывался Н.Н. Шебеко. По его мнению, в случае взятия Петрограда только Юденич и Лианозов могли быть призваны к управлению городом, «остальные же должны безусловно быть устранены от всякого участия в управлении освобожденной территорией».¹⁵⁹

Выводы дипломатов в целом разделяли и в Омске. На заседании Совета министров 26 августа 1919 г. по поводу образования при армии Юденича правительства и признания им независимости Эстонии постановили «ни официально, ни в прессе с осуждением не выступать... Известить телеграфно генерала Юденича о том, что Всероссийское правительство будет продолжать оказывать ему денежную помощь и воздействовать на союзников в смысле снабжения его армии необходимым снаряжением. Министра иностранных дел С.Д. Сазонова (известить) о непризнании Российским правительством Эстонии. Доассигновать Юденичу просимые им суммы».¹⁶⁰ 3 сентября Сазонов еще раз подтвердил свою позицию Омску: «...что касается вопроса независимости Эстонии, то по существу мы продолжаем относиться к нему отрицательно, а к лианозовскому правительству — крайне сдержанно».¹⁶¹ Своё отношение к Северо-Западному правительству Омск выразил и тем, что оставил без ответа телеграмму Лианозова от 19 августа 1919 г., адресованную Колчаку по случаю образования правительства. А Сазонову было сообщено, что Всероссийское правительство будет действовать «только через Юденича и только ему могут быть переданы 860 тыс. ф. ст.».¹⁶²

Весьма прохладную реакцию вызвало образование Северо-Западного правительства и во Франции. В Париже полагали, что оно пошло на уступки в отношении интересов Великобритании на Балтике и в Персии.¹⁶³ Естественно, это не способствовало единству действий союзников в «русском вопросе». В Лондоне решили не обострять ситуацию и дезавуировали инициативу своих представителей. Действия генералов Г. Гофа и Ф.Д. Марша по организации правительства Севе-

¹⁵⁷ Там же, д. 115, л. 129.

¹⁵⁸ Там же, д. 248, л. 11 об.

¹⁵⁹ Там же, д. 280, л. 104.

¹⁶⁰ Там же, д. 324, л. 51, 51 об.

¹⁶¹ Там же, д. 125, л. 129.

¹⁶² Там же, д. 324, л. 86.

¹⁶³ См.: *Геронимус А. Разгром Юденича.* М.; Л., 1929. С. 37.

ро-Запада были объявлены своевольными, а сами они отозваны из Прибалтики. На заседании глав делегаций союзников в Париже 20 августа А. Бальфур заметил, что весьма примечательной чертой происшедшего является то, что французские, английские и американские представители занимались поощрением *coup d'état* без консультаций с собственными правительствами.¹⁶⁴ На их место прибыла французская миссия во главе с генералом Этьеваном.

Положительный отклик на публикацию заявления Северо-Западного правительства от 13 августа пришел лишь от министра иностранных дел Эстонии И. Поска. В нем было выражено удовлетворение по поводу признания независимости республики и объявлялось о готовности начать переговоры по поводу предоставления Северо-Западному правительству выхода к морю через эстонские порты. Что касается совместной борьбы против большевиков, то министр уклонился от прямого ответа на этот вопрос.¹⁶⁵

Относительно признания суверенитета других Прибалтийских государств и Финляндии Северо-Западное правительство проявило определенную сдержанность. На обращение правительства Латвии о признании ее независимости кабинет Лианозова ограничился лишь выражением готовности поддерживать с ней дружеские отношения.¹⁶⁶ Этот вопрос дважды, 7 и 9 сентября, обсуждался на заседаниях Совета министров, но определенного решения так и не было принято. Ограничились выплатой Латвии 965 тыс. ост-марок за перевозку отряда князя А. Ливена на нарвский участок фронта.¹⁶⁷

В обращении к правительству Финляндии Лианозов сообщил только о признании государственной самостоятельности Эстонии, привел декларацию Северо-Западного правительства, объявил о партийной принадлежности министров, но о признании Финляндской республики в нем речь не шла. Правда, премьер-министр пообещал в ближайшем будущем войти в полный контакт с ее правительством.¹⁶⁸ Только много позднее, 23 сентября 1919 г., Совет министров Северо-Западного правительства в присутствии Юденича признал «абсолютную политическую и государственную независимость Финляндии».¹⁶⁹

Между тем после долгих уточнений и замен кандидатур к 24 августа был определен окончательный состав правительства: премьер-министр, министр финансов и иностранных дел С.Г. Лианозов (известный бакинский нефтепромышленник, член Политического совещания при Юдениче), министр внутренних дел К.А. Александров (кадет, бывший начальник гражданского управления при Юдениче), военный министр генерал Н.Н. Юденич, морской министр контр-адмирал В.К. Пилкин, министр юстиции К.И. Кедрин (кадет-масон), министр торговли и про-

¹⁶⁴ DBFP. London, 1949. Vol. 1. P. 448.

¹⁶⁵ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 24, л. 21.

¹⁶⁶ Там же, л. 15, 15 об., 17.

¹⁶⁷ Там же, д. 7, л. 6, 7.

¹⁶⁸ Там же, л. 26 об., 27.

¹⁶⁹ Там же, л. 14 об.

мышленности, снабжения и народного здоровья М.С. Маргулиес (бывший председатель центрального Военно-промышленного комитета, масон), министр продовольствия Ф.Г. Эйшинский (псковский городской голова, беспартийный), министр народного просвещения Ф.А. Эрн (председатель Псковской городской думы, кадет), министр земледелия П.А. Богданов (председатель Псковской губернской земской управы, правый эсер), министр общественного призрения А.С. Пешков, министр почт и телеграфов М.М. Филиппео (председатель Русского совета в Ревеле, беспартийный), министр исповеданий И. Евсеев (член IV Государственной думы, председатель Ямбургской земской управы), государственный контролер В.Л. Горн (председатель финансовой комиссии Псковской городской думы, меньшевик, плехановец).

Таким образом, Северо-Западное правительство являло собой коалицию их трех социалистов (а еще двое называли себя таковыми), трех кадетов, двух беспартийных гражданских и двух военных, одного радикала. Председатель Комитета Блока русских социалистов¹⁷⁰ Б.П. Дюшен объяснял вхождение социалистов в коалиционное правительство угрозой реакции, которую несло военное командование Северо-Западной армии.¹⁷¹ Кроме министерских постов они контролировали Отдел агитации и пропаганды, некоторые члены блока участвовали в издании правительственной газеты «Свобода России».¹⁷² По составу правительство являлось сугубо областным: пять представителей — от Пскова, по одному — от Ревеля, Ямбурга и Гдова и пять — от Петрограда.

Программа деятельности Северо-Западного правительства была изложена в официальной декларации 24 августа 1919 г. Свою главную задачу оно видело в борьбе с большевиками и с теми, кто пытался восстановить старый режим. Правительство декларировало равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, жилища, свободу печати, слова, союзов, собраний, стачек. Народам, населявшим Россию, предлагалось самим свободно избирать форму управления в составе единой возрождающейся России. Земское и городское самоуправление следовало избирать на общих демократических началах. Решение земельного вопроса откладывалось, как и в других белых правительствах, до Учредительного собрания. До тех пор земля оставалась за земледельческим населением, а купля-продажа внегородских земель запрещалась. Рабочий вопрос предлагалось решать на основе 8-часового рабочего дня, правового контроля над производством, всемерной охраны труда и интересов рабочего класса. В основных чертах программа повторяла декларацию Всероссийского правительства. Однако имелся один пункт, который резко расходился с политикой Колчака. В нем

¹⁷⁰ Блок образовался в Ревеле из оставивших Россию эсеров и социал-демократов (интернационалистов, народных социалистов). С поражением Северо-Западной армии блок распался.

¹⁷¹ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

¹⁷² АГИВРиМ, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 27, сер. 13, д. 6 (группа социалистов-революционеров Северо-Западной области России).

говорилось, что после освобождения Петроградской, Псковской и Новгородской губерний для управления на этих территориях предполагалось собрать в Петрограде Областное народное собрание на принципах всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права.¹⁷³

Понимая, что в период войны провести выборы в Областное собрание на провозглашенных принципах — практически нереальная задача, правительство предполагало созвать съезд представителей народа для того, чтобы «пользоваться содействием и советами тех русских общественных деятелей, которые будут приглашены участвовать в совещательных и законодательных обсуждениях съезда».¹⁷⁴

На одном из первых заседаний правительства заявлено, что на подвластных ему территориях оно является верховной гражданской властью, и объявило себя высшим законодательным и исполнительным органом в Северо-Западной области России.¹⁷⁵

За время своего существования Совет министров провел 55 заседаний, на которых рассматривался 381 вопрос. Количество министерств — двенадцать — было явно завышено и не соответствовало тому объему работы, который предстояло выполнить. Следовательно, уже в момент образования правительство было обречено на рост бюрократии. Разбухание министерств, рост их аппарата, канцелярий, комитетов, комиссий, управлений пошли быстрыми темпами. Практически не было ни одного заседания Совета министров, где бы ни рассматривались вопросы, связанные с увеличением штатов и финансированием аппарата министерств. В недрах некоторых министерств рождались проекты, на которых явно лежала печать гигантомании. Министр юстиции Кедрин подал в Совет министров записку о создании «государственной комиссии по борьбе с большевизмом», в которой излагались меры по борьбе с этим явлением не только в пределах Северо-Западной области, но также и во всей России и даже в международном масштабе. Проект попал к Юденичу, тот в свою очередь отослал его на экспертизу в военно-судную часть при штабе Северо-Западной армии. Военные юристы оценили документ как нереалистичный. Они увидели в нем лишь еще одно тыловое изобретение. Юденич отклонил представленный проект.¹⁷⁶

В целом деятельность правительства носила узкоместный характер. Кроме того, значительная доля времени уходила не столько на конкретные дела, сколько на конфликты с военными и на выяснение вопроса: кто над кем стоит? Армия в лице Юденича над правительством или последнее над армией? В связи с этим вопрос о взаимоотношениях между армией и правительством вышел на одно из первых мест. То, что армия не будет подчиняться правительству, стало ясно еще после обращения Родзянко от 16 августа. В дальнейшем негативное отношение к правительству выразил и военный министр Юденич, игнорируя заседания Совета министров. В сентябре он присутствовал на пяти заседа-

¹⁷³ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 7, л. 75.

¹⁷⁴ Там же, д. 6, л. 14.

¹⁷⁵ Там же, д. 7, л. 17 об., 67.

¹⁷⁶ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 57, с. 46.

ниях, в октябре—ноябре — ни на одном,¹⁷⁷ в декабре 1919 г. — на двух,¹⁷⁸ после чего 3 декабря 1919 г. подал заявление о выходе из состава правительства.¹⁷⁹ Натянутость в отношениях между правительством и армией проявилась с первых заседаний Совета министров. На третьем заседании правительства 5 сентября министры высказали свои претензии к Юденичу по поводу запрещения военными распространять в расположении армии правительственную газету «Свобода России», которую командование считало чересчур левой. Крайне болезненно члены правительства реагировали и на запрет министрам посещать фронт без предварительного разрешения военных. От Юденича потребовали также объявить во всех частях декларацию правительства, устранить из армии преступные и вредные элементы, запретить порку, избиения и брань в отношении солдат, принять меры «к более правильной постановке судебного дела в армии».¹⁸⁰

23 сентября на заседании правительства возник новый конфликт. Командующий армией объявил мобилизацию, однако правительство считало, что этот вопрос входит в его компетенцию. Все же, несмотря на высказанное неудовольствие, оно утвердило это решение, но просило главнокомандующего генералу Родзянко порядок объявления мобилизаций.¹⁸¹ Поскольку требование к главнокомандующему о прекращении телесных наказаний в армии не исполнялось, то 1 октября правительство приняло постановление об их запрете.¹⁸² Видя мало проку в работе Совета министров, 4 октября 1919 г. Юденич назначил генерала Кондырева своим помощником и просил провести это назначение в Совете министров. Свою просьбу Юденич обосновал занятостью подготовкой к боевой операции.¹⁸³

Много недоразумений возникало и между отдельными министерствами и соответствующими армейскими службами. Довольно частыми, как уже отмечалось, были конфликты между Министерством торговли и промышленности и главным начальником снабжения Северо-Западной армии генералом Яновым.

Пик осложнения отношений между армией и правительством пришелся на конец октября 1919 г. 21 и 29 октября 1919 г. государственный контролер В.Л. Горн по поручению правительства ездил в Нарву к Юденичу, где у него состоялись две беседы о создавшемся положении. На первой встрече присутствовали Горн и министры Пешков и Филиппенко, а от военных — Юденич и адмирал Пилкин. Разговор носил откровенный характер, и собеседники без утайки высказывали друг другу свои взгляды. По мнению Юденича, правительство должно исчезнуть с момента вступления армии в Петроград, как «родившееся от незаконной связи генерала Марша с Эстонией, что для русских людей, а осо-

¹⁷⁷ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 7, л. 59.

¹⁷⁸ Там же, д. 7 (заседания 1 и 3 декабря 1919 г.).

¹⁷⁹ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 5, д. 26, с. 57.

¹⁸⁰ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 7, л. 14.

¹⁸¹ Там же, л. 15.

¹⁸² Там же, л. 19 об.

¹⁸³ Там же, ф. 6387, оп. 1, д. 2, л. 1—1 об.

бенно для Петрограда, крайне неприемлемо». К этому Пилкин добавил, что правительство непопулярно в военной среде и речь о преемственности от него «позорна и нежелательна». Вместе с тем главком сказал, что ни о каком насилии над членами правительства речи не идет. По мысли генерала, оно должно было само решить, когда наступит момент для ухода.¹⁸⁴ Прощаясь, Юденич сказал, что будет ждать ответа на свои предложения.

Сходного взгляда на Северо-Западное правительство придерживалась и русская делегация в Париже (Г.Е. Львов, М.В. Чайковский, Б.В. Савинков, С.Д. Сазонов). Она рекомендовала Верховному правительству ликвидировать правительство до занятия Петрограда, так как условия его образования нетерпимы для национального самолюбия, а цель его создания — получение эстонской помощи — не достигнута.¹⁸⁵

Но вот армия оказалась накануне разгрома, и 27 октября Юденич вынужден был обратиться за помощью к Финляндии. Члены правительства узнали об этом из эстонских газет, что вызвало их крайнее возмущение. Не встретили понимания со стороны министров и произведенные Юденичем назначения генерала П.В. Глазенапа генерал-губернатором освобожденных местностей (18 октября 1919 г.), а генерал-лейтенанта Гулевича представителем по русским делам в Финляндии.¹⁸⁶ По всем этим вопросам 29 октября Горн имел вторую встречу с главкомом. Представитель правительства предложил отменить сделанные назначения и подписать заранее заготовленное заявление от имени Юденича для газет, в котором генерал признавал обязательным для себя все политические заявления и обещания Северо-Западного правительства, а также подтверждал отсутствие агрессивных намерений в отношении правительства. Подписать такой документ Юденич отказался, заявив, что характер правления должен быть изменен. Не отменил он своих распоряжений и в отношении Глазенапа и Гулевича.¹⁸⁷ Не оставалось в долгу и правительство, используя тактику булавочных уколов. Так, например, не поставив в известность Юденича, в Ямбурге открыли казначейство, а члены правительства без предварительного согласования с военными стали распространять прокламации в расположении армии.¹⁸⁸

Окончательное выяснение отношений произошло на заседании Совета министров 3 декабря 1919 г. С сообщением о положении выступал главком Юденич. Он довел до сведения министров информацию о критическом состоянии армии.¹⁸⁹ Отсюда он делал вывод: «Если армия без правительства, а лишь с органами гражданского управления при ней может существовать, то едва ли может существовать правительство без армии. Должно существовать не правительство, а лишь орган управления для деловой гражданской работы в полном единении с Верховным

¹⁸⁴ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹⁸⁵ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 136.

¹⁸⁶ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 9, л. 4.

¹⁸⁷ Там же, д. 1, л. 4.

¹⁸⁸ Там же, д. 25, л. 4 об.

¹⁸⁹ Там же, л. 70.

правителем адмиралом Колчаком». ¹⁹⁰ На заседании министр земледелия Богданов пытался выяснить вопрос: «Главкомандующий находится при правительстве или правительство при нем?». На что Юденич ответил: «Как главнокомандующий я подчинен исключительно Верховному правителю адмиралу Колчаку. Только ради установления связи и единения в деятельности я вступил в состав правительства в качестве военного министра. Если полного единения не наладилось, то такова, видимо, судьба». ¹⁹¹

По мнению главкома, правительство не выполнило возложенных на него задач — наладить отношения с Эстонией и разрешить финансовый вопрос для содержания армии. Отказал главком и в просьбе министров отпустить деньги на содержание служащих, заявив в заключение, что намерен отказаться от поста министра.

За короткий срок своего существования правительство не слишком преуспело и в решении некоторых вопросов внутренней жизни на освобожденных территориях. Чтобы наладить взаимоотношения с крестьянством, уже 24 августа оно приняло постановление о временной отмене денежного сбора за пастьбу скота на наделных выгонах и в лесах, который был крайне непопулярен в деревне. ¹⁹² Затем министр земледелия Богданов издал положение о пользовании землей в освобожденных местностях. В нем со дня прихода белых запрещалось самовольно захватывать земли или восстанавливать право собственности на живой и мертвый инвентарь и постройки. Из частных и казенных лесов образовывался лесной фонд Министерства земледелия. Прежние советские хозяйства переходили в распоряжение земельных отделов или уездных земств на местах. Этим же положением отменялся приказ командира ОКСА от 19 июня 1919 г. «О временном праве пользования на землю», и все дела, возбужденные на основании этого приказа, подлежали немедленному прекращению. ¹⁹³ Однако, имея реальную власть на местах в виде уездных и волостных комендантов, военные игнорировали это распоряжение, запрещая его распространение.

По своему значению Министерство продовольствия должно было занимать ключевые позиции. Его образование относится к 1 сентября 1919 г., а начало деятельности — к 7 сентября. Просуществовав три месяца, 1 декабря 1919 г. оно было ликвидировано. В его задачу входили хранение и транспортировка продовольствия для армии и населения и распределение его среди населения. Однако отдел транспортировки по распоряжению военного министра перешел в ведение военных. В последних числах ноября продовольственные склады были изъяты из ведения министерства и переданы Американской администрации помощи.

Деятельность других министерств также не отличалась большими достижениями. Так, в ведении Министерства просвещения на террито-

¹⁹⁰ Там же, л. 70 об.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же, д. 6, л. 16.

¹⁹³ Там же, д. 2, л. 14.

рии Пскова, Гдова и Ямбургского уезда находилось 790 учебных заведений.¹⁹⁴ Министерством был разработан проект реорганизации школ на основании законов Временного правительства.¹⁹⁵ Но, поскольку учебные заведения на занятых территориях практически не функционировали, министерство занималось лишь организацией материальной помощи учителям.¹⁹⁶ В свою очередь Министерство исповеданий оказывало материальную помощь духовенству.¹⁹⁷ В функции Министерства призрения входила выдача пособий и пенсий.¹⁹⁸

В целом практическая деятельность правительства так и не вышла из начальной стадии, почти не имела результатов и была прервана, едва успев начаться, в результате разгрома Северо-Западной армии и отступления ее осенью 1919 г. с занятых территорий под ударами Красной Армии.

¹⁹⁴ Там же, д. 9, л. 3 об.

¹⁹⁵ Там же, ф. 6391, оп. 1, д. 1, л. 9.

¹⁹⁶ Там же, л. 20—22.

¹⁹⁷ Там же, ф. 6385, оп. 1, д. 16, л. 5, 15 об.; д. 7, л. 26 об.

¹⁹⁸ Там же, д. 2, л. 10.

Глава VIII

КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АРМИЯ ПЕРЕД ПОХОДОМ НА ПЕТРОГРАД

10 июня 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак подписал указ о назначении генерала от инфантерии Н.Н. Юденича главнокомандующим всеми белыми сухопутными и морскими вооруженными силами на Северо-Западном фронте.¹ Окончательно из Гельсингфорса в Эстонию генерал переехал 26 июля. Союзники торопили его с началом нового наступления, обещая помощь. Как только улеглись страсти вокруг образования Северо-Западного правительства, Юденич начал интенсивно готовить армию к походу.

Для пополнения частей рядовым составом на занятой армией территории 24 августа Юденич подписал приказ о мобилизации родившихся в 1874—1900 гг. По Гдовскому уезду мобилизация началась раньше. С 20 июля по 1 августа на призывные пункты пришло около 4.4 тыс. человек, а с 23 августа по 13 сентября — еще примерно 4.5 тыс. Всего уезд дал в армию 8.9 тыс. человек.² Значительные трудности выявились в связи с нехваткой офицеров. 30 августа Юденич издал приказ о замещении офицерских и писарских должностей во всех тыловых учреждениях исключительно офицерами и солдатами, негодными к строевой службе. Для проверки тыловых учреждений главком потребовал создать специальные комиссии.³

Недостаточная численность Северо-Западной армии заставила Юденича прибегнуть и к вербовке добровольцев из русских военнопленных в Германии, мобилизации русских, проживавших на территориях Эстонии, Финляндии, Латвии, Польши, Литвы, Швеции, Норвегии и Дании. Однако мобилизация за границей, за исключением Польши, шла очень вяло, желающих отправиться на фронт добровольно было мало, а обязательная мобилизация дала незначительные ре-

¹ ГАРФ, ф. 176, оп. 2, д. 115, л. 86; ф. 200, оп. 1, д. 31, л. 34.

² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 200, д. 141, с. 171.

³ Вестник Северо-Западной армии. 1919. 7 сентября.

зультаты. Главные причины этого состояли в общей усталости от войны и нежелании больше воевать, в отсутствии ясности для офицеров из других стран в отношении материального обеспечения их семей, отказе правительств ряда стран в выдаче виз для проезда на фронт и в мобилизации на их территории, противоречивости указания белого командования.

В результате всех принятых мер к началу наступления Северо-Западная армия состояла из 2 корпусов, 6 пехотных дивизий, 25 пехотных и 2 конных полков, отдельного танкового ударного батальона, 2 гаубичных, 6 легких и 2 запасных артиллерийских дивизионов, отдельного дивизиона бронированных поездов, воздухоплавательного отряда. На 3 октября 1919 г. она насчитывала 978 офицеров, 14 048 штыков, 345 сабель, 786 пулеметчиков, 1342 артиллериста и 370 телефонистов, 350 штыков в танковом батальоне, 130 штыков в морском отряде, 850 штыков в 1-м и 900 штыков во 2-м запасных полках.⁴ Несмотря на все предпринятые меры, сил для похода на Петроград было явно недостаточно. Так что же заставило Юденича принять столь рискованное решение? Прежде всего это были настойчивые требования английских представителей, стремление сорвать мирные переговоры Прибалтийских государств с большевиками, необходимость пополнения армии за счет наступления, отсутствие зимней одежды и т.д.⁵

Другим важнейшим фактором подготовки наступления было обеспечение армии всем необходимым и прежде всего попытки заинтересовать Англию в этой операции. Поначалу отношение Англии к созданию вооруженных формирований на Северо-Западе России было прохладным. Еще в марте—апреле 1919 г. военное министерство Великобритании считало создание русских вооруженных формирований в Эстонии и Финляндии делом крайне трудным и предлагало поэтому перебросить имевшихся в них русских военнослужащих на своих судах в Мурманск.⁶ В английском парламенте противники интервенции считали, что предприятие Юденича не имеет шансов на успех даже и при поддержке союзников, так как у белых отсутствовало, по их мнению, внутреннее единство и антибольшевистская оппозиция была реакционна по своему характеру.⁷ Сообщения, поступавшие из Лондона, крайне беспокоили русских представителей Всероссийского правительства в Париже. В связи с этим 30 апреля из столицы Франции в Лондон для урегулирования проблем, связанных с военной помощью белым армиям и, в частности, Юденичу, выехал генерал Н.Н. Головин. Прибыв в Лондон, он узнал, что военный министр У. Черчилль избегает встреч с русскими военными представителями, чтобы не вызвать нападок со стороны левых в парламенте и печати. Поэтому Головин обратился к сэру С.С. Хору, который и принял его 1 мая. К созданию Северо-Западного фронта Хор отнесся

⁴ ГАРФ, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 152.

⁵ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 325, л. 120 об.

⁶ Там же, д. 319, л. 1; АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 41, д. 92, с. 1.

⁷ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 288, л. 29.

настороженно, поскольку полагал, что Юденич придерживается немецкой ориентации. Головину понадобилось много времени, чтобы убедить собеседника в обратном. В результате он согласился передать Черчиллю ряд документов стратегического и оперативного плана.⁸

К удивлению Хора, Черчилль проявил большую заинтересованность к фронту Юденича и прочитал все переданные ему материалы. Военный министр предложил Головину встретиться с начальником оперативной части военного министерства генералом П. Рэдклифом, а также пригласил его на личную беседу.

5 мая Головин имел аудиенцию у Рэдклифа, и ему удалось убедить своего английского коллегу в необходимости организации военных действий против Петрограда. Со своей стороны Рэдклиф сообщил, что в военном министерстве идея создания нового фронта на Северо-Западе России вызвала интерес и поэтому туда посылается специальная военная миссия, чтобы во всем разобраться на месте.⁹ В ходе беседы речь зашла об эстонской независимости, на что Головин решительно заявил, что «даже вопроса о независимости Эстонии не может быть». Рэдклиф с этим согласился.¹⁰

В этот же день Головин около часа беседовал с У. Черчиллем. На встрече рассматривались как общие вопросы помощи белым армиям, так и организация Северо-Западного фронта. Военный министр заверил русского представителя в своей готовности оказать поддержку начинаниям генерала Юденича. Однако, как стало известно Головину, уже после первой беседы с Хором Черчилль запросил мнение адмирала Колчака относительно образования нового фронта, что свидетельствовало об определенном недоверии к этому акту.¹¹

8 мая Головин уведомил Юденича о благополучном окончании переговоров и предстоящем приезде в Прибалтику и Финляндию союзной военной миссии во главе с бывшим командующим 5-й английской армией генерал-лейтенантом Г. Гофом.¹² В ее задачу входило оказание помощи Эстонии и Латвии в формировании их армий.¹³

В конце мая британская военная миссия прибыла в Прибалтику. Она посетила Эстонию, Латвию, Финляндию, встречалась с представителями русских от различных политических групп. В белом движении на Северо-Западе она увидела отсутствие единства, взаимные интриги и раздоры. Миссию насторожило германское влияние в русских частях в Латвии. 3 июня она направила свою информацию в военное министерство. Последнее в свою очередь уведомило Верховного правителя о нежелательности появления Юденича в Эстонии, так как ее правительство относится к этому неодобрительно. Вместе с тем министерство выразило готовность поставлять вооружение и продовольствие для рус-

⁸ АГИВРИМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 41, д. 92, с. 2.

⁹ Там же, с. 3, 5.

¹⁰ Там же, с. 4, 5.

¹¹ Там же, с. 5, 9.

¹² ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 288, л. 24.

¹³ Там же, д. 319, л. 131.

ских войск. Отрицательно высказались англичане и об участии финских частей в походе на Петроград.¹⁴

В дальнейшем миссия Гофа в переписке с Юденичем обращала его внимание на бестактное отношение к ингерманландцам и к эстонскому правительству, предлагала устранить в войсках прогерманские тенденции, иждивенческие настроения.¹⁵ Часто причиной таких обращений служили жалобы самих эстонских представителей в английскую военную миссию. Политика Эстонии, направленная на то, чтобы вбить клин в отношения между Англией и Северо-Западной армией, дала свои плоды: прибытие ожидаемых военных поставок было отложено.¹⁶ Трения с представителями английской миссии продолжались, и она давала неблагоприятную для Юденича информацию в Лондон. В результате груз одного из пароходов, прибывший в Ревель и предназначенный для Северо-Западной армии, неожиданно был передан эстонской армии.¹⁷

Снаряжение из Англии начало поступать с большим опозданием и после долгих проволочек. Первый транспорт прибыл в Ревель только 28 июля, второй — 5 августа. Они доставили оружие и снаряжение на 10 тыс. человек, включая 12 тыс. винтовок. 19 августа и 2 сентября из Лондона в Ревель ушло еще два парохода и один из Архангельска. На них находилось вооружения и снаряжения на 22 тыс. человек.¹⁸ Всего до 26 октября 1919 г. в распоряжение Северо-Западной армии поступило 21 тыс. шинелей, 44 тыс. френчей, 43 тыс. шаровар, 68 тыс. пар ботинок, 30 тыс. русских трехлинейных винтовок, револьверы, несколько десятков пулеметов и ленты к ним, патроны, ручные гранаты. Кроме этого было доставлено 85 грузовых автомашин, 100 велосипедов, 65 тыс. галонов бензина и 30 тыс. керосина, 6 аэропланов и другое имущество и медикаменты.¹⁹ Поступление грузов носило бессистемный характер. Доставлялось подчас то, в чем не было острой необходимости, велик был и некомплект в поставках.

Поставки вооружения и снаряжения от союзников шли не только в Северо-Западную армию, но еще в большей степени и в Эстонию, Латвию и Литву.²⁰

Между тем уже в августе 1919 г. посол в Англии К.Д. Набоков сообщал о развернувшейся в местной прессе кампании за сокращение помощи России. Причиной были непопулярность интервенции среди широких масс, крупные финансовые расходы и рост дороговизны.²¹ Он очень точно уловил также суть британской внешней политики в отношении России, которая не позволяла рассчитывать на перемену к лучшему для белой армии. «Англия на словах сочувствует нам, — писал Набоков, — на деле поощряет самостоятельность Балтийских провин-

¹⁴ Там же, л. 131—133.

¹⁵ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 61, с. 96, 97.

¹⁶ Там же, ящ. 11, д. 63, с. 100.

¹⁷ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 142.

¹⁸ Там же, ф. 5805, оп. 1, д. 556, л. 50.

¹⁹ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 8, д. 46, с. 116.

²⁰ ГАРФ, ф. 5868, оп. 1, д. 10, л. 60.

²¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 319, л. 120.

ций в ущерб России. Стремясь парализовать немецкое влияние, берет себе в союзники местное правительство, чем достигает противоположного результата, ибо возбуждает негодование русских. Англичане задерживают помощь под предлогом германофильства русских».²²

На эту особенность английской политики в отношении Северо-Западного фронта указывал Юденичу и начальник специальной военной миссии в Лондоне генерал Б. Геруа, который отмечал также, что крупную военную помощь от Англии мог получить только Деникин, так как взятие им Москвы ожидалось в Лондоне в ближайшие месяцы.²³ Северо-Западный фронт, по его мнению, рассматривался в качестве второстепенного на том основании, что если Юденич и возьмет Петроград, то наличными силами его удержать не удастся. Тем не менее преобладающим в правительстве Англии стало мнение, что оказывать помощь Северо-Западному фронту нужно, но в ограниченных размерах. Среди причин в пользу такого решения были опасения, связанные с отсутствием единства среди командного состава Северо-Западной армии, боязнь восстановления царского режима и союза русских с германцами.²⁴

Новые повороты в позиции Англии вызвали естественную обеспокоенность у Юденича. По его просьбе для выяснения положения на месте в Англию выехал А.И. Гучков, с ним Юденич направил и личное послание Черчиллю. В нем генерал еще раз подчеркнул необходимость перенесения акцента борьбы с большевизмом с Востока и Юга на балтийский фронт, чтобы нанести главный удар по важнейшему центру большевизма — Петрограду, а затем и Москве. Чтобы осуществить задуманное, по его мнению, требовалось оказать давление на Эстонию и Латвию с целью обеспечения с их стороны дружественного нейтралитета, под которым Юденич понимал полную свободу в пользовании портами и железными дорогами этих государств. Другим слагаемым успеха он считал участие вооруженных сил Финляндии в этой операции. Заключительные строчки письма звучали как заклинание: «Сейчас наступили последние недели, может быть последние дни, когда еще возможно привести в исполнение весь этот план. Скоро будет уже поздно».²⁵

В Лондоне Гучков имел встречи и беседы с военным министром Черчиллем и генералом Рэдклифом. В ходе переговоров он высказал просьбы о дополнительных поставках вооружения и снаряжения для Северо-Западного фронта, о присылке к Юденичу русских офицеров, находившихся в Англии, а также об оказании давления на Эстонию, Латвию и Финляндию с целью склонить их к более активной борьбе с советской властью.²⁶ И если от бесед с Черчиллем у Гучкова осталось благоприятное впечатление, то, как оказалось, сотрудники военного

²² Там же, д. 299, л. 14 об.

²³ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 367, л. 62. — Еще 9 августа С.Д. Сазонов предупредил МИД, что Англия не в состоянии помогать Деникину и Юденичу одновременно и свои усилия сосредоточит на юге России (там же, ф. 200, оп. 1, д. 286, л. 70).

²⁴ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 367, л. 63, 64.

²⁵ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 5, д. 25, с. 12.

²⁶ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 14, л. 146—148.

министерства не разделяли его взглядов об оказании скорейшей помощи Северо-Западному фронту и значении этого участка борьбы с Советской Россией.²⁷ В телеграмме Юденичу, посланной 1 октября, Гучков отмечал, что, несмотря на категорические распоряжения Черчилля, надежд на ускоренную отправку оружия и боеприпасов очень мало.²⁸ Гучкова особенно возмутил тот факт, что когда США в Версале предложили Англии и Франции дополнительный тоннаж для перевозок грузов, то те отклонили предложение за «ненужностью».²⁹

Тем не менее, по мнению Черчилля, Юденич перед наступлением обладал всем необходимым и его армия могла предпринять активные операции против большевиков. Такого же мнения придерживался и Рэдклиф.³⁰ После того как поход на Петроград начался и последовали первые успехи, Черчилль 18 октября принял генерала Геруа и выразил ему свою радость по этому поводу. В тот же день он отдал распоряжение об отправке дополнительного снаряжения и вооружения на 20 тыс. человек, в том числе 20 легких и 16 тяжелых орудий и 18 аэропланов.³¹ Это решение он подтвердил и 20 октября при свидании с Гучковым.³² К Юденичу был направлен также новый начальник британской военной миссии генерал Хэкинг (прибыл 1 ноября).³³ В качестве особого гражданского комиссара в случае взятия Петрограда намечался член парламента Локер-Томпсон.³⁴

Однако вскоре Северо-Западная армия начала отступать. И хотя еще 18 ноября Геруа получил заверения секретаря Черчилля о продолжении поддержки Северо-Западного фронта, теперь это были только слова.³⁵ Поставки вооружения и снаряжения были обещаны армии и другими державами Антанты. В августе 1919 г. Франция намеревалась поставить для армии Юденича 288 орудий, но затем изменила условия потребовав их оплаты хлебом с Юга России, в результате чего сделка не состоялась.³⁶ В ноябре 1919 г. правительство Франции отправило наконец Юденичу 49 орудий, но этот шаг оказался слишком запоздалым.³⁷ Всего из Франции до 9 ноября армия получила также 11 тыс. трехдюймовых шрапнельных снарядов, 65 тыс. трехдюймовых гранатных снарядов, 60 трехтонных грузовиков.³⁸

Русские представители в Европе делали попытки получить военную помощь и из других источников. Так, посол в Швеции К.Н. Гулькевич 15 августа 1919 г. подписал контракт с фирмой «Юнсон и К°» и уплатил 1 736 700 крон наличными и такую же сумму векселями для покупки

²⁷ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 16, д. 103, с. 29, 30.

²⁸ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 14, л. 155.

²⁹ Там же, ф. 5868, оп. 1, д. 10, л. 60, 64.

³⁰ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 248, л. 19.

³¹ Там же, д. 280, л. 140, 141.

³² Там же, ф. 6817, оп. 1, д. 15, л. 43.

³³ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 168.

³⁴ Там же, л. 144.

³⁵ Там же, д. 325, л. 99.

³⁶ Там же, д. 299, л. 33.

³⁷ Там же, д. 248, л. 23.

³⁸ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 18, д. 121, с. 140.

оружия в Германии с условием погашения суммы сделки через шесть месяцев. 27 августа первый транспорт с оружием должен был прибыть в Ревель, но неожиданно союзники забили тревогу. Свое негативное отношение к сделке высказал Гулькевичу французский поверенный в делах в Швеции виконт Суссэ. Затем пришла телеграмма из МИД Великобритании, в которой высказывалось сожаление по поводу покупки за деньги того, что можно было получить даром. 23 августа французский маршал Ф. Фош направил Германии ноту, в которой напоминал о том, что она лишена права на торговлю оружием, после чего сделка распалась. Правда, 27 августа Фош заявил, что в виде исключения союзники передадут Юденичу из германских запасов 8 русских орудий, 1 млн патронов, 50 револьверов, 3 германских аэроплана и одежды на 1 тыс. человек.³⁹ Перспектива появления в Ревеле германских военных грузов встревожила Англию и способствовала ускорению присылки также некоторых военных материалов для Северо-Западной армии.⁴⁰

В сентябре 1919 г. Сазонов обратился к союзникам с просьбой о передаче части германского оружия Юденичу.⁴¹ В октябре он настойчиво ходатайствовал о передаче Северо-Западной армии находившихся в Кенигсберге и Граудице 3 тыс. орудий и 400 тыс. русских винтовок и боеприпасов к ним. В этой акции принимал активное участие и посол в США Б.А. Бахметьев, выступивший с ходатайством перед госдепартаментом.⁴²

После многочисленных напоминаний 12 октября 1919 г. Верховный совет союзников частично удовлетворил просьбу белых, предложив Германии возратить находящееся у нее трофейное русское оружие, и поручил осуществление этой операции союзнической контрольной комиссии в Берлине.⁴³

Определенную помощь Северо-Западной армии оказали американские продовольственные поставки. 18 мая 1919 г. начальник штаба Северного корпуса полковник О.Ф. Крузенштерн по поручению генерала А.П. Родзянко и с согласия Юденича обратился с запросом к представителю американской продовольственной миссии капитану Д. Миллеру с целью выяснить возможности получения продовольствия из США. Американцы ответили согласием. За доставку груза сначала следовало внести 20—25 % его стоимости при условии гарантии дальнейшей оплаты кредитоспособными лицами.⁴⁴ Первая партия муки в 10 тыс. пуд. прибыла в Нарву 4 июня 1919 г.⁴⁵ Катастрофическое положение в армии с деньгами заставило Юденича заложить 30 % казенного леса в Гдовском уезде американцам, иначе

³⁹ ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 556, л. 48.

⁴⁰ АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 45, д. 106 (письмо К.Н. Гулькевича С.Д. Сазонову от 26 сентября 1919 г.).

⁴¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 150.

⁴² Там же, д. 291, л. 36.

⁴³ Там же, л. 40.

⁴⁴ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 3, л. 5.

⁴⁵ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 557, л. 25.

они не соглашались отпускать продовольствие.⁴⁶ Американская администрация помощи обязалась также поставить продовольствие для населения Петрограда в случае его взятия. В начале июня 6 судов с продовольствием для города отправились в Выборг.⁴⁷ Продовольственные грузы для населения Петрограда в июне 1919 г. были сосредоточены в Выборге и Трапезунде. В первом находилось 3 тыс. т грузов, а во втором — 7 тыс. т. Еще 3 тыс. т груза начало портиться, вследствие того что в них попала влага при выгрузке, и американцы передали их финскому правительству. Всего в Выборге и Трапезунде оставалось 9426 т продовольствия, которым распоряжались американские представители.⁴⁸

16 июля 1919 г. в результате переговоров представителей Всероссийского правительства в Париже и Американской администрации помощи ее председатель Г. Гувер и начальник Управления заграничного снабжения русских армий генерал Гермониус подписали договор о снабжении Северо-Западной армии. На основании соглашения американская сторона обязалась поставить 18 тыс. т пшеничной муки, 58 т зерновой муки, 985 т бобов и гороха, 1548 т сгущенного и стерилизованного молока, 1501 т свиного сала, 834 т суррогата свиного сала.⁴⁹ К моменту подписания договора продовольствие уже расходовалось на нужды армии. Поэтому американцы настояли на том, чтобы Россия выплатила обязательствами на сумму 8 млн 750 тыс. долларов, обещая впоследствии определить документально точные цифры. Российские представители выдали 14 обязательств на требуемую сумму, и 9 августа 1919 г. они были подписаны поверенным в делах российского посольства в Париже Н.А. Базили, председателем финансовой комиссии Русского политического совещания А.Г. Рафаловичем, начальником Управления заграничного снабжения русских армий генералом Гермониусом.⁵⁰ Вскоре из письма представителя Американской администрации помощи Р.А. Тафта выяснилось, что сумма выданных обязательств превышает стоимость доставленных продуктов, причем американцы обязались вернуть взятое сверх стоимости.⁵¹ Однако в течение года никакого возврата не последовало. Длительная переписка Гермониуса с американскими представителями по этому вопросу ни к чему не привела. В качестве ответной меры он не рекомендовал платить США по долгу Всероссийского правительства.⁵²

Попытки войти в прямые соглашения с американцами предпринимались Юденичем и самостоятельно. Он обращался к американскому консулу в Выборге, прося держать это в секрете от англичан. Оценивая это обращение, поверенный в делах в Вашингтоне Угет писал управляющему делами МИД И.И. Сукину, что рассчитывать на широкое снаб-

⁴⁶ Там же, д. 686, л. 13.

⁴⁷ Там же, ф. 5936, оп. 1, д. 397: л. 15.

⁴⁸ АГИВРиМ, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 128, сер. 73, д. 15 (сведения о продовольственных грузах, заготовленных Американской вспомогательной комиссией в Выборге).

⁴⁹ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 32, л. 83.

⁵⁰ АГИВРиМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 43, д. 101 (справка), с. 2, 3.

⁵¹ Там же, с. 3.

⁵² Там же, с. 4—9.

жение из США не приходится.⁵³ В сентябре 1919 г. посол в США Бахметьев получил принципиальное согласие от президента Вильсона на предоставление пароходов для перевозки 45 тыс. т грузов из Франции и Англии для Юденича.⁵⁴ Однако дело с места так и не сдвинулось. Для налаживания поставок Юденичу в США выезжал генерал Гермониус, но и этот шаг не имел реального результата.⁵⁵

Кроме помощи, которая поступала по правительственным каналам держав Антанты, определенное количество грузов шло белым по линии Красного Креста Англии и США. По этим каналам доставлялись одежда, белье, спальные принадлежности, медикаменты, перевязочные материалы, хирургические инструменты.⁵⁶

В качестве благодарности за труды, связанные со снабжением Северо-Западной армии, ряд английских и американских офицеров были представлены к русским наградам — орденам св. Владимира, св. Анны и св. Станислава. Всего удостоилось наград трое англичан и тринадцать американцев.

Одним из факторов, имевшим определенное значение в ходе подготовки и осуществления наступления Северо-Западной армии на Петроград, было урегулирование отношений с русско-немецкими частями под командованием П.Р. Бермондта в Прибалтике. Весной 1919 г. в лагерях для русских военнопленных в Германии происходила вербовка солдат и офицеров, желавших отправиться на один из антибольшевистских фронтов. Ее организацией и проведением занимались как русские, ориентировавшиеся на Антанту, так и те, кто видел в союзе с Германией спасение страны от большевизма. В феврале 1919 г. полковник Бермондт, прибывший из Киева, уже приступил к формированию отряда из русских военнопленных в лагере в Зельцведеде.⁵⁷ По согласованию с германским командованием было решено создать три самостоятельных отряда под командованием князя А.П. Ливена, П.Р. Бермондта и полковника Вырголича.⁵⁸

17 мая в Берлине между командирами отрядов было заключено соглашение, по которому все три отряда переходили в Курляндию и там поступали под общее командование князя Ливена.⁵⁹ К 14 июня отряд Бермондта в 3500 человек передислоцировался в Митаву, крупный железнодорожный узел на дороге из Германии в Прибалтику и Рос-

⁵³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 234, л. 2.

⁵⁴ Там же, д. 299, л. 22.

⁵⁵ Там же, д. 155, л. 150.

⁵⁶ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 6, д. 32, с. 9; ящ. 8, д. 46, с. 12—17; ящ. 5, д. 26, с. 17, 18.

⁵⁷ *Авалов П.* В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 118—120, 125. — Павел Рафалович Бермондт-Авалов, бывший капельмейстер царской армии, именовавший себя полковником, с августа 1919 г. стал называть себя князем Аваловым, так как якобы происходил из княжеского рода Аваловых (Иностранная военная интервенция в Прибалтике. М., 1988. С. 212; *Пелкаус Э.* Бермонтиада // Латвия на грани эпох. Рига, 1988. С. 25).

⁵⁸ *Авалов П.* Указ. соч. С. 137.

⁵⁹ Там же. С. 151.

сию.⁶⁰ По просьбе Бермондта из находившихся в Латвии немецких войск фон дер Гольца в отряд были присланы немецкие инструкторы.⁶¹ В середине июля 1919 г. англичанами был переведен к Юденичу корпус князя Ливена. Бермондт, несмотря на все уговоры, продолжал ориентироваться на Германию и от перехода отказался. Он переформировал свой отряд в Западный добровольческий корпус имени графа Келлера, в который 28 июля вошел отряд полковника Вырголича.⁶² На 4 августа 1919 г. корпус насчитывал 3867 человек.⁶³

Появление реальной русской вооруженной силы в Курляндии обратило на себя внимание русских политиков в Германии. 22 июля 1919 г. в Берлине ими был образован Военно-политический совет, который обратился к генералу В.В. Бискупскому с просьбой возглавить Западный фронт. Последний предлагал делать ставку на те силы в Германии, которые имели желание бороться с большевизмом и содействовать созданию единой и сильной России.⁶⁴ Он согласился принять командование фронтом при условии, что его признают Колчак и Юденич, хотя бы конфиденциально, командиры отдельных отрядов, а армия будет обеспечена всем необходимым. Со стороны Колчака возражений против подчинения этих частей Юденичу не было. Начальники отдельных частей также выразили готовность подчиниться Бискупскому, за исключением Бермондта, давшего уклончивый ответ.⁶⁵ Юденич был заинтересован во вхождении войск Бермондта в Северо-Западную армию, так как это увеличило бы и укрепило ее, но требовал очистить части от немецких элементов. Для Бермондта, по его собственному признанию, такое требование означало самоубийство, армия в таком случае превращалась бы в отряд из 6—7 тыс. человек.⁶⁶ К тому же он видел, в каком плачевном состоянии находились летом 1919 г. части Северо-Западной армии, «снабжаемые» Англией. Поэтому на все предложения Юденича он отвечал отказом.

Между тем в странах Антанты участие германцев в освобождении России от большевизма рассматривали как русско-германскую реакционную затею, направленную на подготовку реванша.⁶⁷

В конце июля 1919 г. Антанта предъявила ультиматум войскам фон дер Гольца в Латвии, предложив им покинуть ее территорию к 20 августа. Германское правительство пошло на удовлетворение этих требований и отдало приказ о выводе войск. Однако «железная дивизия» Й. Бишофа не подчинилась, так как по ранее заключенному с правительством К. Ульманиса договору за очищение Курляндии от большевиков ее солдатам и офицерам были обещаны земельные наделы, но своего слова правительство не сдержало.

⁶⁰ Там же. С. 149.

⁶¹ Там же. С. 150.

⁶² Там же. С. 160.

⁶³ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 59, с. 127.

⁶⁴ Там же, ящ. 3, д. 11, с. 101—106.

⁶⁵ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 291, л. 17.

⁶⁶ Авалов П. Указ. соч. С. 191.

⁶⁷ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 367, л. 65.

ло.⁶⁸ Не соглашаясь на уход из Латвии, немецкие солдаты стали поступать на добровольную русскую службу в Западный добровольческий корпус, что соответствовало замыслам германского военного командования, стремившегося проводить германскую политику в Прибалтике. После истечения срока ультиматума части Гольца все еще оставались в Прибалтике. Новый срок вывода войск перенесли на 31 августа.⁶⁹

В конце августа английские генералы из британской военной миссии с такой же быстротой, с какой они создавали Северо-Западное правительство, решили объединить все антибольшевистские силы в Прибалтике и двинуть их на Петроград, чтобы снять тем самым возникшие в их среде противоречия. 26 августа под председательством генерала Ф. Марша в Риге состоялось совещание, на котором присутствовали военные представители Северо-Западного фронта, Эстонии, Латвии, Литвы, Западного добровольческого корпуса, включая и Бермондта. На совещании была достигнута договоренность о начале наступления 15 сентября и распределены участки фронта.⁷⁰ Кроме того, разрешалась поставка снаряжения и продовольствия для Западного корпуса, в нем оставались германские солдаты. Однако столь разнородный состав коалиции и противоречивость интересов входящих в нее групп с момента зарождения обещали все предпринятое на неудачу. Вскоре Литва потребовала удаления немецких добровольцев и только на этих условиях разрешала поставлять Бермондту снаряжение и продовольствие из Германии.⁷¹ Поскольку к 31 августа германские войска не ушли из Прибалтики, Антанты настояла на закрытии границы со стороны Германии.⁷² Это поставило Западную армию на грань катастрофы. 8 сентября Бермондт потребовал у английского генерала А. Берта открыть границу, в противном случае угрожал сделать это силой.⁷³ 9 сентября в Риге встретились Берт и представитель Бермондта генерал Альфатер, полковник Чесноков и барон П. Энгельгардт. После состоявшихся переговоров границу открыли снова.⁷⁴

В августе и сентябре не прекращались попытки со стороны Юденича перевести войска Бермондта на фронт под Нарву. Для этого в Ригу выехал специальный представитель Юденича генерал К. Десино, посылались и письменные приказы. В одном из них требовалось, очистив корпус от германского элемента, переформировать штаб и поступить в распоряжении командира 2-го корпуса Северо-Западной армии не позже 28 августа.⁷⁵ 28 августа Юденич потребовал от Бермондта и Вырголыча скорейшего наступления на Режицу и Двинск, называя их бездействием преступлением. 3 сентября он направил в Митаву новую

⁶⁸ Пелкаус Э. Указ. соч. С. 23.

⁶⁹ Авалов П. Указ. соч. С. 169—170.

⁷⁰ Там же. С. 173—174; Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С. 194.

⁷¹ Авалов П. Указ. соч. С. 176—178.

⁷² Там же. С. 179.

⁷³ Там же. С. 180, 183.

⁷⁴ Там же. С. 183.

⁷⁵ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 11, д. 63, с. 244, 245.

решительную телеграмму с требованием немедленной отправки частей под Нарву.⁷⁶ По совету Марша он назначил Бермондта командующим всеми белыми русскими войсками в Курляндии и Лифляндии.⁷⁷ Этим шагом Юденич ставил Бермондта в свое прямое подчинение, надеясь вывести его из Латвии и оторвать от германцев. Бермондт принял назначение, но идти на поводу у Юденича и стоявших за ним англичан отказался. Последней попыткой привлечь Бермондта к походу на Петроград стала поездка Юденича в Ригу 26 сентября, где он предполагал встретиться с командующим Западной армией, но и этот призыв остался без ответа.⁷⁸

В то время как англичане и Юденич предпринимали безуспешные попытки по переброске частей Бермондта под Нарву, сам он делал усилия по увеличению численности подчиненных ему войск. Ко 2 сентября он переформировал корпус в Западную армию. Она состояла из двух корпусов: первый — под командованием генерала Альтфатера (8000 человек) и второй — под командованием полковника Вырголича (2500 человек).⁷⁹

В начале сентября из Германии к Бермондту интенсивно начали поступать немецкие добровольцы, перешедшие на русскую службу. Всего их насчитывалось до 40 тыс. человек, среди них находились и части «железной дивизии» под командованием Бишофа.⁸⁰ 21 сентября было заключено соглашение между генералом Гольцем и Бермондтом, одобренное военным министром Германии Г. Носке, которое разрешило немецким военным служащим в Латвии поступать на службу в Западную армию.⁸¹ С 3 октября все немецкие части в Курляндии по приказу Гольца переходили под командование Бермондта.⁸² Перед этим, 1 октября, в Митаве на совещании высших офицеров Западной армии был разработан план предстоящей операции. Он предусматривал захват Риги, Северной Латвии, Эстонии и только после этого движение на Москву и Петроград. К началу наступления армия Бермондта насчитывала 51—52 тыс. солдат и офицеров, 600 пулеметов, 100 орудий, 50 минометов, 120 аэропланов, 3 бронепоезда и 10 бронемашин.⁸³

Определенные шаги были сделаны и по оформлению правового статуса армии. 17 сентября 1919 г. в Митаве между Военно-политическим советом Западной России и Западной армией было заключено соглашение, по которому Военно-политический совет признавался единственным правомочным государственным учреждением Западной России. Его ведению подлежали финансы, политические и экономические договоры, издание временных правил, касающихся административно-

⁷⁶ Там же, кол. Ф. Голдера, ящ. 30 (документы о деле П.Р. Бермондта. Телеграмма генерала К. Десино П. Бермондту от 3 сентября 1919 г. № 57).

⁷⁷ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 59, с. 137.

⁷⁸ *Авалов П.* Указ. соч. С. 185, 188.

⁷⁹ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 17, л. 60.

⁸⁰ *Иностранная военная интервенция в Прибалтике.* С. 195, 213.

⁸¹ Там же. С. 195.

⁸² *Пелкаус Э.* Указ. соч. С. 27.

⁸³ Там же. С. 28, 29; *Иностранная военная интервенция в Прибалтике.* С. 214.

хозяйственной жизни на захваченных территориях. Со своей стороны Совет признавал полковника Бермондта командующим всеми русскими и немецкими добровольческими войсками на Западном фронте и его полную самостоятельность в военных вопросах. Совет обязался обеспечивать армию всем необходимым. В дальнейшем на него возлагалась организация временного правительства.⁸⁴

В Берлине внимательно следили за приготовлениями Бермондта и давали некоторые советы. Так, представитель Западной армии в Берлине А.К. Реммер сообщал, что германское правительство выступает против взятия Риги, так как это неминуемо приведет к разрыву с Англией, но тут же он добавлял, что общественные круги выступают за занятие Риги. 14 октября в очередном докладе Бермондту Реммер передал ему рекомендацию о необходимости скорейшего учреждения временного правительства Западной России с тем, чтобы Гольц и немецкие войска немедленно присягнули этому правительству и приняли русское подданство.⁸⁵

6 октября в Митаве при командующем Западной армией был образован Совет управления, в обязанности которого входило осуществление военно-административной власти в занятых районах.⁸⁶

Наступление Западной армии на Ригу началось 8 октября 1919 г. В боевом приказе войскам командующий объяснял необходимость наступления сосредоточением латышских и эстонских частей в районе Оляя для нанесения удара по Митаве. В целях предупреждения этой акции он якобы и предпринимал свой контрудар.

Реакция Юденича на наступление Бермондта была резко отрицательной. 9 октября 1919 г. он издал приказ по Северо-Западному фронту, в котором Бермондт объявлялся изменником и исключался из списков фронта.⁸⁷ С осуждением наступления на Ригу выступило и Северо-Западное правительство.⁸⁸

В Омске не были столь категоричны. МИД только опроверг слухи о наличии каких-либо связей между Всероссийским правительством и лицами, сгруппировавшимися в Германии.⁸⁹ Скорее всего, это объяснялось тем, что в Омске взгляд на проблему русско-германских отношений начал постепенно меняться. Однако, разъясняя свою позицию, Колчак писал: «Мы отвергаем всякую мысль об искании германской помощи и продолжаем в этом смысле придерживаться прежней политики».⁹⁰

⁸⁴ АГИВРиМ, кол. Ф. Голдера, ящ. 30 (соглашение между Военно-политическим советом Западной России и командующим Западной армией).

⁸⁵ Там же. Доклады А.К. Реммера П.Р. Бермондту от 30 сентября и 14 октября 1919 г.

⁸⁶ Там же, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 103, сер. 62, д. 13 (журналы заседаний Совета управления Западной армии).

⁸⁷ Там же, кол. Ф. Голдера, ящ. 30 (приказ по Западной армии от 8 октября 1919 г.).

⁸⁸ Там же, кол. Б.И. Николаевского, ящ. 103, сер. 62, д. 5 (телеграмма П.Р. Бермондта Н.Н. Юденичу от 8 октября 1919 г.); Вестник Северо-Западной армии. 1919. 12 октября.

⁸⁹ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 7, л. 29.

⁹⁰ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 291, л. 28—29.

С открытой поддержкой Бермондта выступили такие деятели антибольшевистского движения, как генерал от кавалерии И. Гурко, которому отводилась одна из ведущих ролей в германской комбинации, и бывший военный министр Временного правительства А.И. Гучков. Оба они в это время находились в Берлине.⁹¹ В выступлении Бермондта Гучков видел определенные шансы на успех, но не исключал и полного провала. С присущей ему политической проницательностью он предупреждал Бермондта, чтобы тот ни в коем случае не связывал вопрос борьбы с большевизмом с другим важным, но не очередным вопросом — балтийским. Но если бы Бермондт и хотел воспользоваться этим советом, то вряд ли бы он мог это сделать, так как слишком зависел от германской политики, которая была направлена в этом районе не на устранение большевизма, а на удовлетворение собственных национально-государственных интересов. В своих приказах и обращениях к армии Бермондт неоднократно указывал на важность балтийского побережья для России, проводил исторические аналогии с Петром I, говорил о борьбе за выход к морю, и это отодвигало борьбу с большевизмом на второй план.⁹²

Вначале наступление Западной армии развивалось успешно, и латышские войска отступили к Риге. В это время эффективную помощь Латвии оказывала Эстония своими воинскими частями и бронепоездами. Возросло и упорство латышской армии, так как фактически она сражалась против германской агрессии. Но решающую роль в приостановке наступления сыграли восемь английских и французских линейных кораблей, крупнокалиберная артиллерия которых с 15 октября начала обстреливать наступавшие русско-немецкие части.⁹³

3 ноября латышская армия перешла в контр наступление и к началу декабря выбила войска Бермондта из Латвии. После разгрома русская часть армии была сосредоточена в лагере Альтенграбов (около 5 тыс. человек).⁹⁴ Атмосферу безысходности и отчаяния передает письмо одного из офицеров Западной армии из Берлина к своему знакомому в Стокгольм: «Авантюра командарма Бермондта так убила, что встать уже нет сил. Сколько грязи вылили в душу, сколько подлости видишь на каждом шагу, что нет сил оставаться здесь. Ехать к Колчаку и Деникину невозможно, да и там все кончено, добровольцы разбиты наголову... Но все же мы решили уезжать отсюда как можно скорее. Теперь, когда вера во все потеряна, уже идти некуда, надо уходить со сцены. Немцы относятся очень хорошо, но под этим скрывается насмешка сытого над голодным, и богатого над нищим. Те помои, которыми нас здесь кормят, более похожи на отбросы, которыми кормят собак, чем на пищу. Видя все это, согласился бы лучше сидеть в лагере пленных, чем состоять

⁹¹ АГИВРиМ, кол. Ф. Голдера, ящ. 30 (доклад А.К. Реммера П.Р. Бермондту от 29 октября 1919 г.; письмо А.И. Гучкова П.Р. Бермондту от 2 ноября 1919 г.).

⁹² Там же, ящ. 30 (приказ № 54 по Западной армии от 24 октября 1919 г.; приказ № 65 от 3 ноября 1919 г.).

⁹³ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. С. 214—215; *Пелкаус Э.* Указ. соч. С. 30—40.

⁹⁴ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 374, л. 2, 3.

членом армии Бермондта, который бросил армию и проживает доходы с армии в Берлине». ⁹⁵ Разгром армии не помешал ее командующему присвоить себе 1 декабря 1919 г. звание генерал-майора. ⁹⁶

Положение русских солдат, брошенных всеми, было крайне тяжелым. С просьбой о выделении продовольственной помощи на три месяца для войск Западной армии к Юденичу обратился представитель США в Прибалтике капитан Г.А. Гей. Однако Юденич согласился поставить продовольствие только на 250 человек в Риге, которым правительство Латвии отказало в снабжении. Содержать солдат Бермондта ему было не по средствам. ⁹⁷ Безуспешные попытки Юденича наладить взаимосвязь с войсками Бермондта и включить их в состав Северо-Западной армии не отвлекли его от основной задачи — подготовки наступления на Петроград. Его усилия по мере пополнения армии и обеспечения ее минимального снаряжения, вооружения и снабжения были направлены на разработку плана собственно военной операции.

АГОНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Выработка плана похода на Петроград вызвала разногласия в среде высшего командного состава Северо-Западной армии. В ходе обсуждения возникли два варианта операции. Первый принадлежал Юденичу, второй — командующему армией Родзянко. По замыслу главкома наступать следовало по кратчайшему направлению: Нарва—Ямбург—Гатчина—Петроград. В этом случае он рассчитывал на поддержку английского флота и эстонских войск. Планировался также отвлекающий удар на лужском направлении. Все подчинялось одному — ворваться в Петроград, а уже под военную победу Юденич рассчитывал на серьезную помощь союзников и Финляндии. Чтобы облегчить белым задачу по овладению бывшей столицей, начальником штаба 7-й советской армии полковником В.Э. Люндеквистом, членом подпольной антибольшевистской организации, был разработан план операции, а затем переправлен за линию фронта. Однако документы поступили в штаб Юденича в то время, когда его собственный план уже стал осуществляться. Они только подтвердили правильность задуманного. ⁹⁸

Второй вариант предусматривал развитие операции в сторону Пскова и только после этого наступление на Петроград. В этом плане бывшая столица была лишь прикрытием совершенно других замыслов. Прогермански настроенная часть командного состава армии имела целью после взятия Пскова нанести удар на Режицу, что с одновременным движением войск Бермондта давало возможность создать общий фронт в Прибалтике и покончить с независимостью Латвии, а затем и Эстонии. ⁹⁹

⁹⁵ Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 39—40.

⁹⁶ *Пелкаус Э.* Указ. соч. С. 39.

⁹⁷ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 8, д. 48, с. 38, 40.

⁹⁸ *Корнатовский Н.А.* Заговор против социалистической родины (осень 1919 г.) в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 100.

⁹⁹ АГИВРиМ, кол. Ф. Голдера, ящ. (рапорт капитана Таракус-Таракузио Бермондту).

Разногласия между главкомом и командующим армией приняли столь острый характер, что 30 сентября Родзянко подал рапорт об отставке.¹⁰⁰ Юденич принял отставку, но, чтобы не обострять отношения с той частью командного состава, которая поддерживала Родзянко, ввел для него должность помощника главкома Северо-Западного фронта. 2 октября он сам возглавил армию и непосредственно стал руководить операциями.

7-я советская армия, противостоявшая белым, к этому времени насчитывала 24 850 штыков и 800 сабель при 148 орудиях, 2 бронепоездах и 8 бронемашинах. Ее перевес в численности уравновешивался для белых большой протяженностью фронта советских войск. На 1 км фронта Северо-Западная армия располагала 120 штыками, а 7-я армия — 100 штыками. К тому же в последней не хватало продовольствия, вооружения, обмундирования, медикаментов, ослабла политико-воспитательная работа в войсках, значительным было количество дезертиров, что отрицательно сказалось на ее боеспособности.¹⁰¹ Вместе с тем советское политическое руководство, учтя опыт весенних боев и используя временную стабилизацию на фронте, приняло ряд мер, усиливших боеспособность 7-й армии. На заседании Пленума ЦК РКП(б) 4 июля 1919 г. была принята резолюция об улучшении продовольственного снабжения этой армии за счет военных трофеев, захваченных в ходе наступления советских войск на р. Белой. Решения этого же Пленума определяли задачи двух центров обороны Петрограда — Реввоенсовета 7-й армии и Комитета Обороны, намечался план действий по подготовке города к защите, членами Реввоенсовета 7-й армии были назначены М.С. Матиясевич, А.П. Розенгольц, В.С. Шатов, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин; Комитета Обороны — Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Я.Х. Петерс, Б.Г. Козловский.¹⁰²

28 сентября Северо-Западная армия приступила к осуществлению первой части плана — отвлекающему удару на лужском направлении. В результате плохой разведывательной службы советское командование не смогло определить направление главного удара и стало перебрасывать войска в район, где противник проводил демонстрацию.

11 октября, прорвав линию фронта и заняв Ямбург, части 1-го корпуса начали быстрое продвижение вдоль железной дороги Ямбург—Гатчина. 15 октября они заняли железнодорожные станции Лугу, Плюссу, Серебрянку, 16 октября — Красное Село, 17 октября — Гатчину и Струги Белые. Преследуя отступившие красноармейские части, Северо-Западная армия совершала переходы по 30—40 км в сутки. Однако не все ее действия были успешными. Командир 3-й пехотной дивизии генерал Д.Р. Ветренко не выполнил приказа командующего армией. Вместо того чтобы наступать на ст. Тосно и перерезать Николаевскую железную дорогу, тем самым лишив советское командование возможности переброски из Москвы, он повел свои части ускоренным

¹⁰⁰ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 10, д. 61, с. 137.

¹⁰¹ *Корнатовский Н.А.* Указ. соч. С. 254—263.

¹⁰² Деятельность Центрального Комитета партии в документах : (события и факты). 1 июля—30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 141—146.

маршем к Павловску. Благодаря этому командование Красной Армии перебросило из столицы в Петроград курсантские и латышские части. Не оправдались надежды и на участие английского флота, который ушел под Ригу для подавления выступления Западной армии Бермондта. Удар, нанесенный красноармейскими частями в стык наступающих эстонских войск и Северо-Западной армии, заставил Юденича перебросить часть своих сил с главного направления, чтобы ликвидировать прорыв.¹⁰³

16 октября Юденич направил телеграмму Колчаку, в которой сообщал о разгроме красных и ожидавшемся в ближайшие дни взятии Петрограда. В связи с этим он просил адмирала оказать помощь в обеспечении города продовольствием.¹⁰⁴ Юденич потребовал также от посла в Стокгольме К.Н. Гулькевича и министра иностранных дел С.Д. Сазонова организовать кампанию поддержки в западноевропейской прессе, чтобы ускорить подвоз санитарных средств и продовольствия для Петрограда.¹⁰⁵ Главком предпринял и ряд самостоятельных шагов. Не рассчитывая на расторопность колчаковской администрации, Юденич и Лианозов отправили в Варшаву генерала О.А. Крузенштерна для ведения переговоров с польскими правительством о предоставлении займа, а в США Юденич направил генерала Добрянского, возложив на него обязанности по снабжению и комплектованию армии.¹⁰⁶ Однако ни действия главкома, ни предложенная им кандидатура не получили одобрения Колчака.¹⁰⁷

18 октября Юденич отдал приказ 1-му корпусу ворваться в Петроград. 19 октября 5-я дивизия белых заняла пос. Лигово, а к вечеру 20 октября советские части отошли на линию Пулковских высот — последний тактический рубеж на подступах к городу. Штаб 6-й стрелковой дивизии красных переехал на Балтийский вокзал.

21—22 октября начались кровопролитные бои за обладание Пулковскими высотами. Последним успехом белогвардейцев 21 октября стало продвижение на правом фланге 6-й дивизии в 15 км от форта Краснофлотского (Красная Горка) по правому берегу р. Коваши.

В ожидании скорого падения Петрограда к Юденичу со всех сторон начали поступать предложения по снабжению города. Спешно заключались сделки на доставку продовольствия и товаров первой необходимости. В первое время после захвата города предполагалось получать продовольствие из Выборга, где оно хранилось на складах Американской администрации помощи.¹⁰⁸ На средства российского Центрального военно-промышленного комитета было заказано в Америке 600 тыс. пуд. муки, 1,5 млн пуд. риса и сахара. Правительство Эстонии разре-

¹⁰³ АГИВРиМ, кол. русского посольства во Франции, ящ. 5 (письмо Н.Н. Юденича Е.В. Саблину от 29 ноября 1919 г.).

¹⁰⁴ ГАРФ, ф. 6817, оп. 1, д. 7, л. 45.

¹⁰⁵ Там же, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 37.

¹⁰⁶ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 299, л. 73; ф. 6817, оп. 1, д. 15, л. 9.

¹⁰⁷ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 47, л. 37.

¹⁰⁸ Свобода России. 1919. 23 октября.

шило вывоз 500 тыс. пуд. картофеля в обмен на другие товары. На основе кредита ожидался подвоз дров из Финляндии.¹⁰⁹

Северо-Западное правительство спешно приступило к созданию аппарата распределения продовольствия среди населения.¹¹⁰ Правительство Колчака также планировало оказать помощь Юденичу.¹¹¹ Большую активность в заключении различных соглашений проявили русские дипломатические представители за рубежом и различные организации русских банкиров и промышленников. Однако вскоре вопрос об организации снабжения Петрограда продовольствием потерял свою остроту, так как его взятие становилось все менее реальным.¹¹²

В двадцатых числах октября 1919 г. наступательный порыв армии Юденича начал иссякать. Ее части были остановлены под Петроградом на линии Лигово—Красное Село—Детское Село—Колпино. В результате переброски войск с других фронтов и мобилизации наличных сил в Петрограде советскому командованию удалось сосредоточить значительные силы. Ведя непрерывные бои с 21 по 23 октября, 7-я советская армия возвратила Детское Село и Павловск. 24 октября перешла в наступление 15-я армия, чтобы охватить противника с флангов. Ее наступление угрожало перерезать пути отхода белых войск. Бои носили упорный характер, некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз. Юденич пытался всеми силами остановить наступление 7-й советской армии. 21 октября 1919 г. он обратился с просьбой к генералу Е.К. Миллеру поддержать Северо-Западную армию переходом в наступление Северной армии.¹¹³ Но ее активные действия, начатые еще с 29 августа 1919 г., ощутимых результатов для Юденича не принесли.¹¹⁴

Положение Северо-Западной армии затруднялось и тем, что железнодорожный мост через р. Лугу в районе г. Ямбурга, взорванный еще летом, так и не был полностью готов, поэтому провиант и снаряжение подвозились на подводах и автомобилях. К тому же английские танки вышли из строя и находились в ремонте.¹¹⁵ В сложившейся ситуации, чтобы спасти армию и придать отступлению организованный характер, Юденич принял единственно правильное решение — оставить Гатчину без боя и таким образом оторваться от красноармейских частей.

После сдачи Гатчины Северо-Западная армия стала отходить на ябургские и гдовские позиции. С выходом 7-й и 15-й армий в район северного течения р. Луги белые войска были вынуждены начать отступление к эстонской границе.

Учитывая тяжелое положение Северо-Западной армии и еще более мрачные перспективы, Юденич снова решается обратиться за по-

¹⁰⁹ Маргулис М.С. Год интервенции. Кн. 3. Сентябрь 1919—декабрь 1920 г. Берлин, 1923. С. 60, 61; Свобода России. 1919. 15 ноября; Вестник Северо-Западной армии. 1919. 21 октября.

¹¹⁰ Свобода России. 1919. 24 октября.

¹¹¹ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 18, д. 119, с. 187.

¹¹² Там же, д. 123, с. 104—106.

¹¹³ ГАРФ, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 134.

¹¹⁴ Там же, л. 136.

¹¹⁵ Там же, ф. 6817, оп. 1, д. 15. л. 82—83.

мощью к правительству Финляндии. 23 октября он телеграфировал своему полномочному представителю генералу А.А. Гулевичу, требуя незамедлительно побудить Финляндию к выступлению. Требовательный тон Юденича показывает, что он, имея искаженную информацию, не представлял реального положения дел. Тем не менее, исполняя приказ главкома, Гулевич в день получения телеграммы-распоряжения встретился с министром иностранных дел Холсти и начальником генерального штаба Финляндии. Он получил довольно расплывчатое и неопределенное обещание, согласно которому выступление Финляндии было обусловлено «выполнением некоторых политических условий» и получением 500 млн марок на расходы.¹¹⁶

Кризисная обстановка на фронте заставила Юденича пойти и на такую меру, как мобилизация русских, проживающих в Финляндии. Проведение ее в жизнь возлагалось на того же Гулевича. Однако никакого реального результата это не принесло, зато разворовывание средств, отпущенных на мобилизацию, приобрело обширный характер.¹¹⁷

Время шло, а никакой реальной помощи Северо-Западная армия не получила. Воспользовавшись тем, что Финляндия отказалась от прямого вмешательства в дела Советской России, командование Красной Армии начало переброску войск с Карельского перешейка против белых. Видя это, Юденич 27 октября снова просит русских представителей в Финляндии добиваться ее немедленного выступления.¹¹⁸

Насколько же была реальна такая возможность? Российский посол в Швеции Гулькевич, комментируя телеграмму Юденича от 27 октября, писал: «Способы, примененные Юденичем и его полномочным представителем, были заранее обречены на неуспех. Неправильная.... оценка положения объясняется, быть может, непосредственным участием в событиях, мешающим беспристрастному суждению. Кроме шумящего кружка активистов, в Финляндии никто воевать не желает. Даже лица, сознающие опасность большевизма». Причину этого он видел в неудовлетворительном положении материальной части финской армии (винтовки, артиллерия) и в поражениях белых на фронтах гражданской войны.¹¹⁹ Военный атташе в Швеции Д. Кандауров подчеркивал, что главная причина отказа Финляндии от участия в боевых действиях в России — недоверие к желанию белых признать ее независимость. «Скандинавская пресса всех оттенков, — писал он, — очень одобряет отказ Финляндии помочь Юденичу, считая, что хотя большевики и плохи, но все же лучше белой России, ибо при них могут существовать мелкие балтийские независимые государства».¹²⁰

Понимая, что собственного авторитета и возможностей для принуждения Финляндии к наступлению на Петроград у него нет, Юденич

¹¹⁶ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 115, л. 168.

¹¹⁷ Русская жизнь. Гельсингфорс. 1919. 4 ноября; АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 8, д. 45, с. 95—97.

¹¹⁸ ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 44.

¹¹⁹ Там же, л. 44.

¹²⁰ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 49, л. 135.

обращается за содействием к Сазонову и Колчаку. Перспектива разгрома Северо-Западной армии заставила Сазонова 25 октября в беседе с представителем Финляндии в Париже Энкелем сделать заявление, в котором признание ее государственной независимости с последующим утверждением в Учредительном собрании ставилось в зависимость от оказания военной помощи Юденичу. Им была также выражена готовность возместить впоследствии финансовые издержки Финляндии.¹²¹

По мере ухудшения дел у Юденича позиция Сазонова в отношении Финляндии становится еще более уступчивой. В телеграмме Колчаку от 4 ноября 1919 г. он предложил покрыть военные расходы Финляндии путем получения 100 млн франков под залог золота.¹²²

В то время как русские военные и политические деятели решали проблему возможных уступок Финляндии, 5 ноября 1919 г. ее правительство официально заявило о своем отказе от совместного наступления на Петроград. Свое решение оно мотивировало плохим состоянием финансов, необеспеченностью военным снаряжением, отсутствием для военной операции финансовой поддержки извне, отсутствием гарантий со стороны держав Антанты в том, что в будущем Россия признает государственную независимость Финляндии и выполнит ряд других требований.¹²³ Но кроме перечисленных имелись и другие причины. Несомненно, на решение Финляндии оказала влияние и в общем отрицательная в это время позиция держав Антанты по отношению к вторжению в РСФСР. В сущности к осени 1919 г. правящие круги союзных стран уже пришли к выводу о бесперспективности политики открытой вооруженной интервенции против Советской России. Представители Франции соглашались лишь на словесную поддержку и не давали каких-либо финансовых обещаний. Английское правительство заявило от своего отказа рекомендовать Финляндии прийти на помощь Юденичу на том основании, что это может привести к политическому взрыву в стране. Госдепартамент США также отказался оказывать какое-либо давление на Финляндию.¹²⁴

Вопрос об отношениях с Финляндией, о ее признании правительством Колчака вновь сильно обострился, когда Юденич 17 ноября 1919 г. обратился в МИД с запросом о возможности перевода терпящих поражение войск Северо-Западной армии в Финляндию. Министр иностранных дел Сазонов считал необходимым пойти на этот шаг. «В случае противоположном, — обращался он к Колчаку еще 8 ноября 1919 г., — мы рискуем даже полным разгромом армии Юденича... Только признание независимости Финляндии с дальнейшим утверждением Учредительным собранием возможно для русских».¹²⁵ Юденич в теле-

¹²¹ Исторический архив. 1961. Т. 6. С. 94.

¹²² ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 280, л. 164 об.

¹²³ АВПр, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524 б, д. 3546, л. 182; ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 46, л. 3, 3 об.; АГИВРиМ, кол. русского посольства во Франции, ящ. 5 (К.Н. Гулькевич, 1919 г. Телеграмма К.Н. Гулькевича С.Д. Сазонову от 5 ноября 1919 г.).

¹²⁴ ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 51; ф. 5936, оп. 1, д. 367, л. 70; АВПр, ф. Российское посольство в Париже, оп. 524 б, д. 3546, л. 151 об.

¹²⁵ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 325, л. 89 об.

граммах Колчаку от 27 октября и 4 ноября также предлагал, исходя из тактических соображений, заключить соглашение с Финляндией на основе признания ее независимости.¹²⁶ Колчак, несмотря на временные колебания, по-прежнему отказывался от этого, стоя на точке зрения сохранения «единой и неделимой» России и, по-видимому, мало веря в реальную военную помощь со стороны Финляндии даже в случае согласия омского правительства на признание ее государственной независимости.¹²⁷

Сложившиеся взаимоотношения между Всероссийским правительством в Омске и Финляндией привели к тому, что ее правительство отказалось пропустить части Северо-Западной армии через свою территорию.¹²⁸ Кроме того, оно запретило проезд русских офицеров через северные губернии на Мурман к генералу Миллеру.¹²⁹

Между тем положение армии Юденича становилось настолько критическим, что в пору было думать не о заключении каких-либо соглашений с Финляндией, а тем более с Эстонией о совместных действиях против советской власти, а о том, как сохранить остатки еще боеспособной армии.

13 ноября 1919 г. Юденич обратился к эстонскому главному Й. Я. Лайдонеру с просьбой разрешить переход границы для обозов, беженцев, пленных красноармейцев (около 12 тыс. человек) и в крайних обстоятельствах для полевых частей. В последнем случае Юденич соглашался поставить армию в оперативное подчинение эстонскому главнокомандующему, но просил выделить ей самостоятельный участок фронта. Чтобы не переходить в подчинение эстонцам самому, Юденич, как назначенный на должность Верховным правителем, для непосредственного командования армией предполагал определить другое лицо. Для ведения переговоров назначался генерал Родзянко.¹³⁰

16 ноября 1919 г. последовало разрешение эстонского правительства на переход границы пленным красноармейцам, запасным частям и некоторым группам беженцев. Однако в отношении размещения войск Северо-Западной армии на своей территории оно высказалось резко отрицательно. Все части, переходящие границу республики, подлежали разоружению, а военнослужащие поступали в распоряжение Министерства внутренних дел.¹³¹ 23 ноября 1919 г. по приказу генерала Лайдонера были разоружены 1-я и 6-я дивизии Северо-Западной армии, вынужденные перейти границу Эстонии.¹³² Через границу с Эстонией их пропускали небольшими группами. При этом эстонские солдаты производили форменный грабеж солдат и офицеров армии, отнимая у них обмундирование, обувь, ценности.¹³³ Обстановка в ар-

¹²⁶ Там же, д. 242, л. 22; д. 325, л. 75; ф. 6817, оп. 1, д. 15, л. 87.

¹²⁷ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 325, л. 84, 112—114; д. 115, л. 180—180 об.; АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 18, д. 118, с. 30.

¹²⁸ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 13, с. 2.

¹²⁹ ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 73.

¹³⁰ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 11, с. 59.

¹³¹ Свобода России. 1919. 27 ноября.

¹³² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 11, с. 77; ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 35.

¹³³ Историк и современник. 1924. Вып. 5. С. 138—139.

мии усугублялась и тем, что в 1919 г. рано наступившие морозы резко ухудшили состояние не подготовленных к зимней кампании войск. Фронт проходил через болота и леса, землянок и блиндажей не было.¹³⁴ Особо тяжелое положение сложилось к 20 ноября в частях 1-й дивизии 2-го корпуса в районе д. Черной. Прижатые к левому берегу р. Наровы, очутившиеся в районе, лишенном населенных пунктов, в болотистом лесу под открытым небом, обозы смешались и забили дороги, вследствие чего прекратился подвоз продовольствия. Инструментов для постройки землянок не было, раненые и больные лежали под открытым небом из-за невозможности вывоза их на железную дорогу, люди умирали от голода и холода. Из-за отсутствия фуража дохли лошади.¹³⁵

К 25 ноября за р. Нарову перешли все обозы, пленные и треть армии. Остальные части держали фронт у р. Нарвы.¹³⁶ В этих условиях 24 ноября Юденич передал непосредственное командование армией генерал-лейтенанту Глазенапу, оставляя за собой общее командование.¹³⁷

26 ноября при посредничестве союзных миссий между Северо-Западной армией и эстонским командованием удалось достичь устной договоренности о предоставлении русской армии тылового района южнее Нарвы.¹³⁸ В этом районе проезд по железной дороге Нарва—Йыхве мог производиться только с разрешения эстонских военных властей при наличии удостоверения от штаба дивизии, корпуса, армии. Число командировок строго ограничивалось. Оплату продуктов и фуража следовало производить только в эстонской валюте. Русским войскам и учреждениям не разрешалось использовать как железную дорогу Нарва—Йыхве, так и местечко Йыхве. Запрещалось занимать вагоны под жилье или склады. Армия и беженцы лишались последнего крова над головой. Правда, разрешалось организовать эвакуацию раненых и больных.¹³⁹ 27 ноября 1919 г. в Нарву приехал главком Лайдонер и заявил, что Северо-Западная армия будет сведена в одну из частей эстонской армии.¹⁴⁰

Разоруженные части были расположены в крайне тяжелых условиях. В районе расквартирования, вдоль шоссе Везенберг—Юрьев, до получения помещений, которых не хватало, они стояли на морозе шесть дней. Генерал Б. Геруа, побывавший в местах расположения войск, сообщал: «Люди лежали друг на друге или ждали очереди, чтобы войти в избу погреться».¹⁴¹ Обмундирование за время похода изнашивалось. В армии появилась даже категория «неодетых военнослужащих»: из-за отсутствия обмундирования их нельзя было использовать в строю. В 1-й дивизии таких насчитывалась 1 тыс. человек.

¹³⁴ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 325, л. 123.

¹³⁵ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 5, д. 26, с. 7.

¹³⁶ Там же, кол. русского посольства во Франции, ящ. 5.

¹³⁷ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 15, д. 97, с. 734, 737.

¹³⁸ ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 31 об.

¹³⁹ АГИВРИМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 38, д. 92.

¹⁴⁰ Там же, кол. русского посольства во Франции, ящ. 5 (письмо Н.Н. Юденича Е.В. Саблину от 29 ноября 1919 г.).

¹⁴¹ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 19, д. 128, с. 68.

28 и 29 ноября 1919 г. через коменданта г. Ревеля, командовавшего Северо-Западной армией, было сообщено постановление эстонского правительства об изъятии у офицеров, чиновников, врачей холодного и огнестрельного оружия в течение трех дней; всем чинам армии запрещалось носить военную форму, а офицеры, чиновники, солдаты и их семьи обязывались пройти регистрацию.¹⁴² Военнослужащим, перешедшим эстонскую границу и сдавшим оружие, давался статус беженцев, и они переходили в распоряжение Министерства внутренних дел Эстонии, которое с согласия союзных военных миссий использовало их на различных хозяйственных работах — рубке леса, торфоразработках, рытье окопов.¹⁴³ Подобное обращение с военнослужащими вызвало резкий протест со стороны Юденича. Он обратился к главкому Лайдонеру, заявив, что видит в этом оскорбление чести и достоинства офицеров и солдат Северо-Западной армии. Учитывая все это, Юденич считал невозможным дальнейшую борьбу армии с большевизмом на этом фронте.¹⁴⁴ Вскоре эстонское правительство предложило Родзянко и некоторым другим высшим офицерам в трехдневный срок покинуть территорию страны.¹⁴⁵

В ответ на решение эстонского правительства разоружить части Северо-Западной армии последовали официальные протесты союзников. 27 ноября представители Франции, Америки и Англии обратились к председателю Совета министров Эстонии с нотой, в которой потребовали не разоружать части Северо-Западной армии, переходящие на ее территорию, а реорганизовать их и обеспечить беженцев и солдат питанием и дровами.¹⁴⁶ 30 ноября начальник французской миссии в Эстонии подполковник Хюрстель обратился к министру иностранных дел с заявлением о недопустимости употребления в официальных эстонских документах выражения «бывшая» по отношению к Северо-Западной армии.¹⁴⁷ 4 декабря 1919 г. Верховный совет направил ноту правительству Эстонии с требованием сохранить армию на ее территории в качестве боевой единицы.¹⁴⁸ На все демарши союзников эстонское правительство ответило нотами от 30 ноября, 6 и 16 декабря.¹⁴⁹ Выразив благодарность за помощь, оказанную Эстонии союзниками, ее правительство вместе с тем достаточно твердо отстаивало правомерность действий в интересах своего государства. Оно заявляло, что, поскольку «как вожди, так и солдаты Северо-Западной армии ненавидят идею самостоятельности Эстонии, было бы непростительной ошибкой и величайшей политической глупостью позволить такой враждебной силе, как Северо-Западная армия, перейти границу наше-

¹⁴² ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 370, л. 108; АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 12, с. 6.

¹⁴³ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 12, с. 9; ящ. 2, д. 9, с. 27.

¹⁴⁴ Там же, ящ. 3, д. 12, с. 3, 13 об.

¹⁴⁵ ГАРФ, ф. 5805, оп. 1, д. 563, л. 63.

¹⁴⁶ АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 12, с. 8, 9.

¹⁴⁷ Там же, с. 6.

¹⁴⁸ Там же, с. 72 об.

¹⁴⁹ Там же, с. 32—33 об., 82 об.—83, 107—111.

го государства, не говоря уже о расположении ее за нашим фронтом».¹⁵⁰ С учетом этого правительство Эстонии, отмечалось далее, пошло на ее разоружение. Еще одной причиной этого шага стало непризнание государственной независимости Эстонии со стороны держав Антанты.¹⁵¹ В ноте Верховному совету эстонское правительство за признание независимости гарантировало союзникам лишь «усиление энтузиазма» со стороны народа и армии в борьбе с большевизмом.¹⁵²

В Париже русские представители, в частности С.Д. Сазонов и Д.Г. Щербачев, встречались с Г. Пишоном и Ф. Фошем и просили последних оказать давление на Эстонию.¹⁵³ Но, как с горечью отмечал Н.Юденич, «они (союзники — А.С.) энергично, собственно французы, поддерживают нас и отстаивают наши интересы, но пока без видимого результата».¹⁵⁴

Правительство Эстонии приступило к овладению имуществом и запасами армии, как полученными от союзников, так и отбитыми у большевиков. 1 декабря 1919 г. оно разослало циркулярное распоряжение по всем линиям железных дорог о том, что весь подвижной состав, принадлежащий Северо-Западной армии, поступает в ведение эстонского железнодорожного управления, товарные вагоны с интендантским и военным имуществом должны были присылаться в Ревель в распоряжение главного интендантства республики, а железнодорожное имущество армии разрешалось использовать по мере необходимости на соответствующих станциях и подъездных путях. Одновременно конфисковывались склады с фуражом, продовольствием и прочим имуществом.¹⁵⁵ Это имущество было весьма значительным: Северо-Западная армия имела 26 паровозов, 1000 товарных вагонов, из них 500 было загружено военным снаряжением, 80 пассажирских вагонов. Приблизительная стоимость железнодорожного имущества оценивалась в 116 млн эстонских марок.¹⁵⁶ В руки эстонцев попало все интендантское, санитарное, автотранспортное, железнодорожное имущество армии. Русскими военными были составлены его подробные перечни.¹⁵⁷ Кроме официальной конфискации шел и форменный грабег эстонскими солдатами отступающих обозов, беженцев, отдельных лиц.¹⁵⁸ В декабре 1919 г. начала быстро набирать темп эпидемия тифа, которая окончательно решила участь армии. Сначала угрожающее положение возникло в месте сосредоточения беженцев и разоруженных частей 1-й и 6-й дивизий 2-го корпуса в Йыхве, затем — в результате скопления людей в госпиталях Нарвы, где к 1 декабря насчитывалось около 2500 больных и раненых, — положение сделалось критическим.¹⁵⁹

¹⁵⁰ Там же, с. 33 об., 82—83 об.

¹⁵¹ Там же, с. 108, 111.

¹⁵² Там же, с. 108.

¹⁵³ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 370, л. 7, 11.

¹⁵⁴ Там же, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 35 об.

¹⁵⁵ АГИВРИМ, кол. Н. Юденича, ящ. 3, д. 12, с. 27.

¹⁵⁶ Там же, ящ. 18, д. 117, с. 56.

¹⁵⁷ Там же, ящ. 3, д. 12, с. 69, 145—149 об.

¹⁵⁸ Там же, ящ. 4, д. 16, с. 89, 111.

¹⁵⁹ Там же, ящ. 2, д. 8, с. 290.

Уполномоченный Ямбургского Красного Креста И. Евсеев, проведя обследование госпиталей, в докладе, составленном 27 декабря 1919 г., писал: «Положение в Северо-Западной армии катастрофическое. Заболеваемость в частях настолько велика, что происходящая вследствие этого убыль не может быть восполнима никакими резервами. Так как здоровых резервов нет, то можно сказать наверное, что через 4—6 недель остатки Северо-Западной армии будут расформированы вшами».¹⁶⁰ По информации генерала Б. Геруа, на 15 января 1920 г. в Северо-Западной армии имелось 18 тыс. раненых, больных сыпным, возвратным и брюшным тифом. «Размещение невероятно скученное, — писал он. — В сырых, наполненных насекомыми, нежилых помещениях многие больные лежат и умирают под открытым небом. Медицинский санитарный персонал почти весь болен. Лекарств, белья, бань, дезинфекционных камер нет. Смертность огромна. Здоровые, могущие ходить солдаты сотнями уходят к большевикам».¹⁶¹

Положение в Нарве усугублялось еще и тем, что эстонские власти, боясь распространения эпидемии, не выпускали из города больных и выздоравливающих, что увеличивало скученность людей, вызывало повторные заболевания.¹⁶² По приказу министра иностранных дел Эстонии А. Геллата в связи с усилением эпидемии тифа из Ревеля высылались все военнослужащие Северо-Западной армии как разносчики болезни.¹⁶³

В начале февраля 1920 г. правительство Эстонии приняло постановление о прекращении деятельности на ее территории Военно-санитарного управления Северо-Западной армии, а также русского Красного Креста и о передаче их имущества в лечебные учреждения Эстонии.¹⁶⁴ 23 февраля правительство Эстонии и уполномоченный Юденича генерал Глазенап подписали договор о лечении больных. По оценке представителя Северо-Западного правительства в Эстонии В.Л. Горна, соглашение было составлено на «живульку» Глазенапом и Алексинским, спешившими удрать за границу. «Эстонцы лечили плохо, — писал Горн, — выживали из больницы едва поднимавшихся с коек. Конечно, контролировать их никто не мог, а иностранцев „отработанный пар“, наши северо-западники, не интересовали».¹⁶⁵ Сам по себе этот договор о «лечении» больных был унижительным документом. Продолжительность лечения обуславливалась размером денежных средств, жизненных припасов и разного рода снаряжением, которые представлялись Антанты и США, и численностью медперсонала Северо-Западной армии. Лечение больных и раненых, согласно договору, могло начинаться только после получения средств от этих стран и реализации имущества Северо-Западной армии, а заниматься им должен был лишь

¹⁶⁰ Там же, ящ. 19, д. 128, с. 1.

¹⁶¹ ГАРФ, ф. 6094, оп. 1, д. 123, л. 42.

¹⁶² Свобода России. 1920. 14 февраля.

¹⁶³ Там же. 18 февраля.

¹⁶⁴ ГАРФ, ф. 6385, оп. 1, д. 26, л. 27.

¹⁶⁵ Там же, д. 40, л. 1.

медперсонал армии. Все бывшее имущество армии передавалось в распоряжение правительства Эстонии.¹⁶⁶

Тяжелые испытания легли на плечи беженцев. С началом отступления армии, последовавшего 24 октября, к ней присоединились гражданские лица, не желавшие по разным причинам оставаться на советской территории. Среди них находились в основном семьи военнослужащих белых армий и люди интеллигентных профессий. Стремительный характер отступления привел к тому, что люди, уходившие с армией и покидавшие свои дома, одни ввиду спешности, другие из-за неимения собственных средств передвижения пустились в неизвестный для себя путь кто в чем был. Никакого плана их эвакуации не существовало, и они следовали за войсками и кормились тем, что давали войска. Часть из них проделала путь до эстонской границы по железной дороге в товарных вагонах или на открытых платформах, другие — на подводах, третьи — пешком. По весьма приблизительным данным, с армией ушло более 10 тыс. человек. Страдания людей усугубила рано наступившая зима. Практически все ночи беженцы проводили на открытом воздухе, обогреваясь у костров.¹⁶⁷ Только в Волосове, Ямбурге и Нарве, в наскоро устроенных беженских пунктах, можно было по-лучить кипяток. Министрство общественного призрения выдавало там по фунту хлеба и тарелке щей, но всем нуждающимся их не хватало. Небольшая помощь для детей (молоко, рис, бобы) была оказана американской миссией. Деньги, которыми располагали беженцы (керенки, советские дензнаки и деньги Северо-Западного правительства), с каждым днем теряли цену, и купить на них нельзя было ничего. В Эстонии беженцев размещали в специальных лагерях.¹⁶⁸ В одном из таких лагерей в Йыхве находилось до 5 тыс. человек, из которых 1 тыс. детей.¹⁶⁹ Это был так называемый карантин. Помещения, в которых располагались беженцы, не были приспособлены для жилья, в большинстве случаев они имели цементные полы без печей и нар. Люди спали на полу, едва прикрытом соломой, в холодных и сырых помещениях, в грязи. Отсутствие белья, теплой воды, посуды вызвало страшную вшивость и заболеваемость. Паек состоял из 3/4 фунта хлеба и щей. Но и это получали нерегулярно. Отсутствовали врачебная и санитарная помощь и медикаменты. Но самое трагичное начиналось тогда, когда люди покидали лагерь. Громадное большинство беженцев не располагало эстонскими деньгами, а русские не принимались, вещей для продажи уже не было.

Вступление в должность командующего Северо-Западной армией генерал-лейтенанта Глазенапа не изменило, да и не могло уже изменить положения. Армия разлагалась. Одним из главных признаков этого явления стали почти повсеместные невыполнения приказов старших начальников, о чем свидетельствовали неоднократные приказы

¹⁶⁶ Там же; Свобода России. 1920. 14 февраля.

¹⁶⁷ АГИВРИМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 38, д. 92 (из письма графа Э.П. Бенигсена от 25 ноября 1919 г.).

¹⁶⁸ ГАРФ, ф. 5867, оп. 1, д. 104, л. 1.

¹⁶⁹ АГИВРИМ, кол. М.Н. Гирса, ящ. 38, д. 92 (записка о беженцах).

Глазенапа. Не поставлялись сведения о численном составе частей, о конском составе, о состоянии материальной части, денежной и материальной отчетности.¹⁷⁰

Видя безнадежность борьбы на Северо-Западном фронте, Колчак еще 20 декабря послал телеграмму Юденичу, в которой благодарил генерала за труды. Причины неудач адмирал видел не в допущенных ошибках, а в сложности обстановки и предлагал Юденичу ехать в Париж и Лондон для доклада Сазонову и союзникам и ходатайствовать перед ними о дальнейшей поддержке.¹⁷¹

В свою очередь 30 декабря 1919 г. Глазенап обратился к начальникам британской и французской военных миссий с просьбой о немедленной помощи, так как, по его словам, вопрос о существовании армии исчислялся не днями, а часами.¹⁷²

22 января 1920 г., принимая во внимание близкое заключение мира между Эстонией и Советской Россией, который привел бы к интернированию личного состава армии, а также не получив ответа от союзников на предложение о переводе ее на другой антибольшевистский фронт, Юденич подписал приказ о расформировании Северо-Западной армии. В это время в ее рядах насчитывалось до 20 тыс. больных и раненых.¹⁷³ С подписанием советско-эстонского мирного договора 2 февраля 1920 г. Северо-Западная армия прекратила свое существование как вооруженная группировка противосоветских сил.

ВЫХОД СОВЕТСКОЙ РОССИИ ИЗ ИЗОЛЯЦИИ. ПРЕКРАЩЕНИЕ БЛОКАДЫ

Начало процесса постепенной ликвидации блокады Северо-Запада и Петрограда было связано с настойчивыми усилиями Северо-Западного правительства добиться установления мирных отношений с теми малыми государствами, которые прежде входили в состав Российской империи. Эти государства, как мы видели, были использованы державами Запада для организации вооруженной борьбы против советской власти и осуществления ее блокады. Советское руководство правильно учло результаты военных успехов Красной Армии на Северо-Западе в 1919 г. и их возможное воздействие на внутривосточное положение Прибалтийских стран. Глубокая оценка новой ситуации в этом районе привела к тому, что, как писал Г.В. Чичерин, «нами были сделаны мирные предложения нашим соседям, вновь образовавшимся буржуазным балтийским государствам и Финляндии. Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики».¹⁷⁴

Опираясь на военные успехи и учитывая нараставшее недовольство в Прибалтийских странах содействием интервенции и блокаде, Совет-

¹⁷⁰ Там же, кол. Н. Юденича, ящ. 15, д. 98, с. 208.

¹⁷¹ ГАРФ, ф. 5936, оп. 1, д. 367, л. 84.

¹⁷² АГИВРиМ, кол. Н. Юденича, ящ. 2, д. 9, с. 75; ящ. 3, д. 11, с. 184.

¹⁷³ РГВА, ф. 40298, оп. 1, д. 8. л. 1—2.

¹⁷⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

ское правительство 31 августа 1919 г. обратилось к правительству Эстонии с предложением начать мирные переговоры.¹⁷⁵ Дальнейшее развитие событий, вызванных этой нотой Советского правительства, привело к договору с Эстонией, который превратился в «генеральную репетицию соглашения с Антантой, превратился в первый опыт прорыва блокады и в первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами».¹⁷⁶ Вслед за мирным предложением Эстонии последовали аналогичные ноты правительствам Латвии, Литвы и Финляндии.¹⁷⁷ Какова же была реакция на советские предложения правительств Прибалтийский республик и великих держав?

3 сентября министр иностранных дел Эстонии И.И. Поска информировал английского представителя в Ревеле о том, что его правительство в настоящее время не может воевать с большевиками, и сослался на необходимость переговоров с ними для выигрыша времени в целях восстановления «морального духа» армии.¹⁷⁸ Несколько позднее эстонское и латвийское правительства запросили главу британской политической и экономической миссии в Балтийских государствах о точке зрения союзников, и прежде всего Англии, на возможность переговоров с большевиками.¹⁷⁹ 4 сентября эстонское правительство особой нотой известило правительство РСФСР о готовности начать переговоры.¹⁸⁰

В Москве отнеслись к этой ноте со всей серьезностью. Вопрос о мирных переговорах с Эстонией дважды рассматривался на заседаниях политбюро ЦК РКП(б) 6 и 11 сентября 1919 г. Тогда же было решено обратиться с предложениями о мирных переговорах также к правительствам Финляндии, Литвы и Латвии и воздерживаться от предложений к иностранным правительствам по инициативе отдельных Советов. Последнее было вызвано обращением председателя Петроградского Совета Г.Е. Зиновьева, минуя Наркоминдел, непосредственно к правительству Эстонии.¹⁸¹ На следующем заседании ЦК РКП(б) 21 сентября 1919 г. было принято во внимание, что Зиновьев получил разрешение на свои действия от Председателя Совнаркома, но вместе с тем подтверждалось, что «местные Советы не имеют права самостоятельно сноситься с иностранными правительствами».¹⁸² Десять дней спустя в Ревеле состоялось двухдневное совещание представителей Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии по поводу советских предложений, которое высказалось за совместное вступление в предварительные переговоры с РСФСР о временном прекращении военных действий. Представители правительств Балтийских государств информировали главу британской миссии об итогах совещания и вновь запросили его о позиции Антанты, в частности Англии,

¹⁷⁵ ДВП. М., 1958. Т. 2. С. 242—243.

¹⁷⁶ Чичерин Г.В. Указ. соч. С. 136.

¹⁷⁷ ДВП. Т. 2. С. 244—245.

¹⁷⁸ DBFP. London, 1949. Vol. 3. P. 543.

¹⁷⁹ Ibid. P. 543—545.

¹⁸⁰ ДВП. Т. 2. С. 243—244.

¹⁸¹ Деятельность Центрального Комитета партии в документах. С. 157—159, 163.

¹⁸² Там же.

по этой проблеме.¹⁸³ Пока Прибалтийские государства ожидали ответа Великобритании, в Псков на основе изъясленного ранее Эстонией согласия начать переговоры прибыла 16 сентября советская мирная делегация во главе с М.М. Литвиновым. Члены делегации (М.М. Литвинов, Л.Б.Красин и Д.П. Боголепов) получили удостоверения Совнаркома о командировании их со срочным поручением в Псков и с предписанием властям оказывать им всяческое содействие.¹⁸⁴ Уже на другой день Литвинов в докладе Чичерину констатировал стремление эстонской стороны под разными предлогами затянуть переговоры, что привело 18 сентября к их прекращению.¹⁸⁵

Истинная подоплека этого факта становится ясной при его сопоставлении с документами британской внешней политики за те несколько дней, которые знаменовали начало и разрыв переговоров с Эстонией. 15 сентября глава британской миссии в Прибалтике сообщил Керзону о решении совещания представителей Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии вступить в переговоры с Советской Россией и передал их запрос о позиции Англии. 16 сентября последовал немедленный ответ из Лондона, направленный британским представителем в Риге: «Вам следует тотчас же сделать представления латвийскому правительству и заявить, что правительство Его Величества встретило бы с сожалением сепаратные действия, предпринятые латвийским правительством, и верит, что последнее будет, как и прежде, проводить свою внешнюю политику лишь как часть согласованного плана союзных правительств».¹⁸⁶ 18 сентября последовало донесение английского представителя из Ревеля о беседе с министром иностранных дел Эстонии, в котором последний извещал о решении кабинета не вести мирных переговоров без разрешения Англии.¹⁸⁷ Аналогичные заверения были получены и от правительств других Балтийских государств. Но при этом все они жаловались на неблагоприятное внутреннее положение (разложение армии, необходимость считаться с общественным мнением и т.д.) и ставили перед британским правительством вопрос о характере материальной помощи, финансовых займах, признании де-юре как условия продолжения военных действий против Советской России.¹⁸⁸

Вскоре осознание изменений в соотношении сил на Северо-Западе и бесперспективности новых затрат, а также требования английского общественного мнения прекратить военные авантюры в России побудили Форин офис и Ллойд Джорджа определить иное отношение к балтийской проблеме. Оно было сформулировано в новом письме Керзона от 25 сентября, направленном английским представителям

¹⁸³ DBFP. Vol. 3. P. 553—554.

¹⁸⁴ Труш М.И. Внешнеполитическая деятельность В.И. Ленина. 1917—1920: День за днем. М., 1963. С. 205—206.

¹⁸⁵ ДВП. Т. 2. С. 744.

¹⁸⁶ DBFP. Vol. 3. P. 554.

¹⁸⁷ Ibid. P. 558—559.

¹⁸⁸ Ibid. P. 558—559, 562—564.

в Ревеле, Риге, Ковно, Гельсингфорсе и Варшаве. В нем говорилось, что английское правительство «не имеет права оказывать какое-либо давление в отношении свободной инициативы Балтийских государств и что их правительства правомочны принимать решения о таких действиях, которые в наибольшей степени способствовали бы сохранению их собственного национального существования». В связи с этим им представлялась свобода в решении вопроса, «следует ли им пойти на соглашение с советскими руководителями, и если да, то на какое именно». ¹⁸⁹

Первым поспешило воспользоваться разрешением Великобритании эстонское буржуазное правительство, которое после провала осенью 1919 г. наступления Юденича на Петроград окончательно убедилось в необходимости прийти к мирному соглашению с Советской Россией. Переговоры открылись в Юрьеве 5 декабря 1919 г. ¹⁹⁰ По свидетельству Чичерина, действия советских представителей на переговорах с Эстонией, согласно указаниям В.И. Ленина, состояли в том, чтобы устранять ненужное сопротивление и идти на значительные уступки ради мира, в то же время отвергая всякие преувеличенные домогательства противной стороны. ¹⁹¹ По наиболее важным пунктам предполагаемого соглашения эстонское правительство пыталось заручиться одобрением или хотя бы мнением Великобритании. ¹⁹²

Таким образом, сам факт начавшихся переговоров уже к концу 1919 г. поставил под вопрос возможность дальнейшего осуществления политики полной политической изоляции и блокады Советской России. После нелегких переговоров и длительной процедуры согласования спорных вопросов, что осложнялось и неопределенностью относительно перемены политики держав Запада в «русском вопросе», 2 февраля 1920 г. был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонией. Договор этот содержал политические, территориальные и экономические условия урегулирования отношений двух сторон. Благодаря этому перед советским государством открылась реальная возможность установления первых легальных торговых связей на Северо-Западе с этой страной и с некоторыми деловыми кругами других западных стран. Значение договора с Эстонией для Советской России, более года пребывавшей в состоянии полной политической и экономической блокады, было велико. В.И. Ленин считал, что благодаря миру с Эстонией советское государство пробило «окно» или «окошко в Европу», которое позволяет начать торговые отношения с Западом и получать оттуда «основные продукты», «необходимую техническую помощь» и т.д. ¹⁹³ Подписание мирного договора дало возможность уже 18 февраля 1920 г. направить в Эстонию довольно многочисленную

¹⁸⁹ Ibid. P. 569—570.

¹⁹⁰ О советско-эстонских переговорах см.: *Ознобишин Д.В.* От Бреста до Юрьева: Из истории внешней политики советской власти. 1917—1920 гг. М., 1966.

¹⁹¹ *Чичерин Г.В.* Указ. соч. С. 282.

¹⁹² DBFP. London, 1961. Vol. 11. P. 224.

¹⁹³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 109, 161, 178.

советскую экономическую делегацию во главе с Э.И. Гуковским, которая через три дня прибыла в Ревель и тотчас же приступила к закупкам товаров.

Конечно, Эстония не могла стать сколько-нибудь значительным партнером советского государства в хозяйственной области. Однако она явилась той первой брешью, той отдушиной, через которую впервые со времени установления блокады удалось наладить ввоз в Петроград товаров отчасти местного производства, а главным образом изделий промышленности из других европейских стран. Перечень товаров, закупленных в Эстонии за первые четыре месяца с начала работы советской делегации, показывает, насколько велики были потребности населения Петрограда буквально во всем самом необходимым и насколько разнообразны были сделки и закупки этого периода. «Нам удалось, — говорилось в отчете полпреда в Эстонии И. Гуковского в Народный комиссариат внешней торговли от 6 июля 1920 г., — закупить здесь за это время следующее: сельдей 5442 бочки, пил поперечных 249 000 штук, цементу 33 420 бочек, гвоздей 180 000 пудов, рельсовых креплений 70 000 пудов, кожи подошвенной около 1000 тонн, сетей рыболовных 293 штуки, колунов 5000 штук». Далее перечислялись многочисленные виды других товаров.¹⁹⁴

Благодаря миру с Эстонией 18 апреля 1920 г. впервые со времени установления блокады легально по железной дороге в Петроград поступили закупленные советской делегацией товары.

Вслед за этим были заключены мирные договоры Советской России с Литвой (12 июля 1920 г.), Латвией (11 августа 1920 г.) и Финляндией (14 октября 1920 г.).¹⁹⁵

Заключение этих договоров было облегчено для Советского правительства непоследовательной и противоречивой позицией, которую продолжали занимать в вопросе о юридическом признании новых Прибалтийских стран державы Антанты, с одной стороны, и белогвардейские режимы Юденича и Колчака — с другой. В то время как Советское правительство, основываясь на принципе права наций на самоопределение, соглашалось на признание де-юре Прибалтийских стран, входивших прежде в состав Российской империи, западные державы и белые правители России проводили совершенно иную политику. Не имея возможности излагать этот вопрос подробно и учитывая, что он уже был рассмотрен выше, сошлемся на точку зрения французского автора Э. Лагарда. «Союзники, — писал он, — принялись за выработку статуса для окраинных государств с целью воздвигнуть преграду между Советами и Германией; затем, увлекшись интервенцией, они высказались за Колчака и за идею территориальной целостности России. Поочередно становясь на точку зрения то балтийских народов, то Колчака и внушая недоверие и тем

¹⁹⁴ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* В борьбе с блокадой: О становлении советской внешней торговли. М., 1979. С. 61; Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 193; *Труш М.И.* Указ. соч. С. 223, 226, 229, 232, 235, 236, 241, 246.

¹⁹⁵ См.: ДВП. М., 1959. Т. 3. С. 28—42, 101—116, 265—282.

и другим своими постоянными колебаниями и поворотами, они пассивно подчинялись ходу событий».¹⁹⁶ Все это лишь облегчило Советскому правительству задачу урегулирования отношений с буржуазными государствами на Северо-Западе и способствовало в свою очередь ликвидации политики блокады в этом районе.

В договоре с Эстонией и отчасти в договорах с Латвией и Литвой содержались положения, которые препятствовали пребыванию и консолидации на территории этих стран антисоветских формирований, предусматривали их разоружение и нейтрализацию, а также воспрещение плавания в их территориальных водах военных судов, имеющих целью борьбу с Советской Россией.¹⁹⁷ Мирным договором с Финляндией было выражено обоюдное стремление к нейтрализации Финского залива и всего Балтийского моря и специально предусматривалась нейтрализация Финляндией ряда принадлежащих ей островов для обеспечения безопасности Петрограда и Кронштадта.¹⁹⁸ Газета «Известия» писала о значении этого договора: «Мир с Финляндией, отодвигающий от Петрограда последнюю важную угрозу, будет иметь существенное значение не только для нашей красной столицы, но и для всей Советской России вообще. Весь наш Северо-Западный фронт теперь переходит на мирную ногу. Балтийское море открывается для торговых сношений».¹⁹⁹ Все это также создавало правовые условия для ликвидации экономической и морской блокады, хотя и не означало, что договоры немедленно будут реализованы на практике.

Ликвидация политики блокады в ее открытой и полной форме тесно связана с еще одной внешнеполитической акцией Советского правительства — миссией Литвинова, который начал 25 ноября 1919 г. переговоры в Копенгагене с английским представителем О'Грэди об обмене военнопленными и гражданскими лицами обеих стран. Его поездка за границу готовилась еще в сентябре 1919 г., и уже тогда предполагалось, что ее задачи не должны ограничиваться рамками переговоров об об-

¹⁹⁶ *Лагард Э.* Признание Советского правительства. М., 1925. С. 67. — Это не исключало подчас весьма решительного противодействия, особенно со стороны Франции и США, переговорам Балтийских государств с РСФСР о мирном урегулировании в конце 1918—начале 1920 г. (см.: *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» в 1920—1921 гт. М., 1958. С. 256—260). В то же время важное значение для решения Балтийскими государствами, и прежде всего Эстонией, вопроса о мирном урегулировании отношений с Советской Россией имели позиция Швеции и ее влияние на правительство этих буржуазных стран. Швеция стремилась к возобновлению торговли с Петроградом, к избежанию вооруженной борьбы в бассейне Балтийского моря, к прекращению интервенции и блокады. Кроме того, в Стокгольме полагали, что Прибалтийские государства вряд ли смогут усилить свою самостоятельность и безопасность, сохраняя враждебные или даже напряженные отношения с Советской Россией и получая поддержку у западных держав (*Янсон К.К.*: 1) Об отношении Эстонии и Швеции в 1920—1922 годах // Скандинавский сборник. Галлин, 1974. Т. 19. С. 109—113; 2) Отношения буржуазной Эстонии и Скандинавских стран в 1917—1925 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1975. С. 20—22).

¹⁹⁷ См., например: ДВП. Т. 2. С. 343—344.

¹⁹⁸ Там же. Т. 3. С. 271—272.

¹⁹⁹ Известия. 1920. 22 октября.

мене пленными. Вопрос о составе делегации рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) 26 сентября 7 октября 1919 г.²⁰⁰

Соглашение о военных и гражданских пленнх было не единственной, да и не главной задачей, поставленной Советским правительством перед Литвиновым. Накануне отъезда в Копенгаген, 14 ноября 1919 г., ему были вручены полномочия Совнаркома на ведение мирных переговоров с правительствами буржуазных республик, созданных на границах бывшей Российской империи, и «других стран, находящихся в состоянии войны или во враждебных отношениях с Советской республикой». Специальные полномочия Совнаркома были переданы Литвинову на заключение займов и подписание договоров от имени Советской республики с правительствами Великобритании и других стран.²⁰¹ На следующий день Литвинов получил от Л.Б.Красина полномочия НКТиП для торговой деятельности в Скандинавских государствах. «Таким образом, — заключает американский историк Л. Фишер, — снаряженный как дипломат, филантроп и государственный купец Литвинов предстал перед Западом в стремлении установить *modus vivendi* между коммунизмом и капиталистическим миром».²⁰²

Иные инструкции от своего правительства имел английский представитель. Уже сам выбор О'Грэди, который не являлся профессиональным дипломатом, а был членом парламента от лейбористской партии и представителем британских тред-юнионов, показывал, что английское правительство еще опасалось компрометировать себя перед цивилизованным миром прямыми политическими контактами с большевиками. В инструкции, которую Керзон направил О'Грэди 13 ноября, ему предписывалось «быть особенно осторожным, чтобы не поддержать любую попытку вести переговоры по иным вопросам, чем обмен пленными».²⁰³ В дальнейшем, когда Керзон получил информацию от французского посла в Лондоне о намерениях Литвинова возбудить в переговорах вопросы о снятии блокады, возобновлении торговли между Англией и Советской Россией и о прекращении материальной поддержки контрреволюционных сил (что якобы О'Грэди согласился обсудить), он был крайне раздражен и обеспокоен. В письме от 26 ноября Керзон требовал строго придерживаться полученной инструкции. Касаясь возможных шагов Литвинова, Керзон предлагал относительно двух последних из перечисленных выше вопросов «отказываться даже от выслушивания любых мирных предложений такого характера». Вместе с тем он допускал, что вопрос о блокаде может стать элементом переговоров, и в этом случае О'Грэди предписывалось запросить дальнейших указаний Форин офиса.²⁰⁴

Информация, полученная Керзоном о намерениях Литвинова, в основном подтвердилась, поскольку уже 29 ноября последний, предъ-

²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 418, 706.

²⁰¹ Ленинский сборник. XXXIV. М.; Л., 1942. С. 239—260.

²⁰² Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917—1929. Princeton, 1951. Vol. 1. P. 250.

²⁰³ DBFP. Vol. 3. P. 643—644.

²⁰⁴ Ibid. P. 663—664.

явив свои полномочия на ведение мирных переговоров, возбудил перед О'Грэди вопрос о необходимости достигнуть общего мирного соглашения между РСФСР и союзными государствами.²⁰⁵

Особое внимание Литвинов уделял проблеме ликвидации политики блокады и возобновления торговых отношений между РСФСР и капиталистическими странами, в частности Англией. Посланник США в Дании сообщал, например, 2 декабря в госдепартамент, что «переговоры О'Грэди с Литвиновым теперь в значительной части сконцентрировались в вопросе о внешней торговле». В этом донесении О'Грэди характеризовался как сторонник возобновления торговых отношений с Советской Россией в интересах Великобритании, полагающий в то же время, что снятие блокады и восстановление коммерческих отношений с Западом в конечном счете приведет к реставрации капитализма в России.²⁰⁶

22 декабря 1919 г. Литвинов направил О'Грэди письмо, в котором, резко осуждая политику военно-экономической блокады, высказал мнение Советского правительства о необходимости не только декларировать отказ от нее, но и дать возможность Советской России вступить в действительные экономические отношения с западными странами. «Нельзя уйти от того факта, — писал он, — что Великобритания нуждается в льне и другом сырье, производимом в России, и что Россия в свою очередь может ввозить огромное количество промышленных изделий из Великобритании». Литвинов подчеркивал готовность Советского правительства добиваться «установления действительного мира» и «экономических отношений между двумя странами на здоровой основе».²⁰⁷ Несколько дней спустя с этим меморандумом ознакомился Керзон, который сделал на нем пометку, констатирующую, что, поскольку документ содержит предложения вступить в мирные переговоры и снять блокаду, он выходит за пределы инструкции, данных О'Грэди.²⁰⁸

Если Керзон явно оппозиционно встречал всякое предложение, направленное на ликвидацию блокады и возобновление торговых сношений с Советской Россией,²⁰⁹ то О'Грэди не без влияния Литвинова все более решительно становился на точку зрения немедленного пересмотра проводившейся ранее политики. По всей вероятности, он также был хорошо информирован о тех изменениях, которые назревали в отношении английского правительства к этой проблеме.²¹⁰

22 декабря 1919 г. Литвинов уже достаточно определенно сообщал в Наркоминдел: «Из частных бесед с О'Грэди я вынес впечатление, что

²⁰⁵ Ibid. P. 670—671.

²⁰⁶ FRUS. Russia. 1919. Washington, 1937. P. 127—128.

²⁰⁷ DBFP. Vol. 3. P. 738—740.

²⁰⁸ Ibid. P. 746.

²⁰⁹ Весьма характерно, что примерно в эти же дни он решительно отклонил меморандум одного из чиновников Форин офиса, предлагавшего в интересах Великобритании отказаться от политики блокады и начать торговлю с РСФСР (DBFP. Vol. 3. P. 735—738).

²¹⁰ См.: ДВП. Т. 2. С. 320.

английское правительство не прочь радикально изменить свое отношение к Советской России... Можно ожидать в первую очередь снятия блокады со стороны Англии, а может быть, и Верховного совета во Франции... Не исключена возможность получения из самой Англии продовольствия, медикаментов и электрических машин, что явится сигналом и для других стран к возобновлению коммерческих отношений». ²¹¹

После рождественских праздников, на которые О'Грэди уезжал домой, возобновились его переговоры с Литвиновым. Британский представитель вернулся в Копенгаген с новыми инструкциями, о сути которых Литвинов докладывал в начале января 1920 г. Чичерину: «О'Грэди мне сообщил, что его полномочия расширены теперь до возможности говорить со мной о блокаде, и на эту тему он особенно охотно распространяется». ²¹²

14 января 1920 г. О'Грэди направил письмо Керзону, в котором настойчиво предлагал решить вопрос о прекращении блокады и «сделать необходимые представления Верховному совету для достижения этой цели как можно скорее». ²¹³ Ответа так и не последовало, поскольку в тот же самый день по инициативе Ллойд Джорджа данный вопрос стал предметом специального обсуждения Верховного совета стран Антанты.

Совершенно очевидно, что энергичные усилия Литвинова привлечь внимание О'Грэди к проблеме ликвидации военно-экономической блокады и установления мирных отношений с РСФСР не прошли бесследно. С полным основанием в отчете Наркоминдела отмечалось, что «доклады О'Грэди несомненно не в малой мере повлияли на январское решение Верховного совета» о снятии блокады. ²¹⁴ Таким образом, все рассмотренные выше военные и политические события и факторы с осени 1919 г. постепенно, но неуклонно побуждали западные державы лихорадочно искать иные, чем прежде, пути решения «русского вопроса». В новой ситуации сохранение внешнего кольца блокады, целью которого было прекращение всех торгово-экономических отношений с Советской Россией, в частности блокирование Петрограда путем недвусмысленных действий флота союзников на море, в значительной мере утрачивало свой первоначальный смысл. Разумеется, осознание бесплодности политики военно-экономической блокады правящими кругами западных держав пришло далеко не сразу. Потребовались еще и дополнительные усилия советской дипломатии, с одной стороны, и трезвомыслящих политиков и экономистов Запада — с другой, чтобы было принято первое половинчатое решение руководителей держав Антанты, которое повлекло за собой в последующем ликвидацию всей системы политической изоляции и блокады Советского государства. В начале января 1920 г. Ллойд Джордж уже окончательно пришел к

²¹¹ Цит. по: *Ознобишин Д.В.* Указ. соч. С. 294.

²¹² Там же. С. 297—298.

²¹³ DBFP. Vol. 3. P. 757—758.

²¹⁴ Годовой отчет НКИД к VIII съезду Советов (1918—1920). М., 1921. С. 16.

выводу о тщетности старых методов борьбы с большевизмом. По его инициативе Верховный совет приступил к обсуждению вопроса о торговой политике в России. Ллойд Джордж представил на рассмотрение делегатов Франции и Италии меморандум, который предполагал ликвидацию блокады и начало торговли с Советской Россией.²¹⁵

Франция, 14 января 1920 г. Идет последняя серия заседаний затянувшейся на целый год Парижской мирной конференции. В одном из уютных залов Версальского дворца собралась «большая тройка» — главы правительств Франции (Ж. Клемансо), Англии (Д. Ллойд Джордж) и Италии (Ф. Нитти). Тут же — многочисленные эксперты, члены так называемого Верховного экономического совета (специального хозяйственного органа Верховного совета Антанты), секретари, переводчики, стенографистки и специально приглашенные контрреволюционные руководители заграничного аппарата русских кооперативов — «Иноцентра» — К.Р. Кровопусков и А.М. Беркенгейм. В ходе совещания Беркенгейм дал характеристику русских кооперативов как аполитичных обществ, остановившись на их возможностях в организации торговли с Западом. На вопрос Ллойда Джорджа, «думает ли Беркенгейм, что это есть наиболее эффективный путь нанесения удара большевизму», последний ответил, что «он абсолютно уверен в этом».²¹⁶ Поясняя свою мысль, Беркенгейм охарактеризовал советскую власть как власть меньшевиков, которая держится лишь благодаря чрезвычайным обстоятельствам (голод, блокада, война). Клемансо, возглавлявший французскую делегацию, сказал, что экономическая сторона вопроса (потребности России в импорте и ее экспортные возможности) не вызывает сомнений. Но как организовать товарообмен, не допуская вмешательства Советского правительства? Беркенгейм ответил, что для него самого это не вполне ясно, но союзные правительства должны добиваться, чтобы кооперативы вели дела исключительно «по своему собственному усмотрению». Находясь в весьма сложных условиях, Советское правительство, возможно, согласится на это требование.²¹⁷ Ллойд Джордж в своем выступлении отметил, что «с точки зрения обмена и цен русские поставки жизненно необходимы». Основная цель, которую преследовало снятие блокады и установление торговли через кооперативы, была выражена им следующим образом: «...эта схема может разрушить большевизм. В тот момент, когда будет установлена торговля с Россией, коммунизм должен уйти». Точка зрения Ллойда Джорджа была поддержана Нитти, который согласился, что торговля есть «подходящий путь нанести удар большевизму», и Клемансо. Для конкретной разработки «кооперативной схемы» с точки зрения финансов, обмена товарами и т.д. была создана комиссия из представителей держав, участвовавших в заседании, во главе с Э. Уайзом,²¹⁸ который был британским представителем в Верховном экономическом совете Антанты, сторонником прекращения блокады и возобновления торгов-

²¹⁵ DBFP. 1949. Vol. 2. P. 867.

²¹⁶ Ibid. P. 872.

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ Ibid. P. 874—875.

ли с Советской Россией сначала через Петроград, а затем и через порты Черного моря.

На следующем решающем заседании Верховного совета 16 января 1920 г. был рассмотрен доклад комиссии Уайза, излагавший конкретные меры возобновления торговли с Россией через кооперативные организации.²¹⁹ Французские делегаты Бертело и Камерер высказались за такую формулировку резолюции Верховного совета, которая бы не давала повода считать ее актом признания Советского правительства. Доклад комиссии Уайза был одобрен, и была принята резолюция Верховного совета, опубликованная в прессе.²²⁰

Верховный совет постановил «разрешить обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами». Право организации обмена сырья и продовольствия на предметы первой необходимости и изделия других государств предоставлялось кооперативным организациям. «Эти меры, — указывалось в заключении, — не означают перемены в политике союзных правительств по отношению к Советскому правительству».²²¹ Главными причинами, побудившими правительство великих держав пойти на это, как отмечалось, были разрыв в результате побед Красной Армии, в том числе и под Петроградом, внутреннего кольца экономической блокады, крах старых средств и стремление испытать новые методы борьбы с советской властью, наконец, хозяйственные потребности самих стран Запада в экономическом обмене с пролетарским государством. По поводу последней причины В.И. Ленин говорил: «...мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами».²²²

Январское решение Верховного совета еще отнюдь не означало, что западные державы полностью покончили с политикой военно-экономической блокады. На основании изучения документов можно установить, что в течение почти всего 1920 г. и отчасти 1921 г. эта политика еще в значительной степени оставалась в силе, хотя открыто уже не провозглашалась, а ее результативность снизилась вследствие разгрома основных сил внутренней контрреволюции, ухода с территории Советской России части интервенционистских войск и заключения отмеченных мирных договоров РСФСР с буржуазной Эстонией, а затем с Латвией, Литвой и Финляндией.

²¹⁹ Ibid. P. 898—899.

²²⁰ Ibid. P. 893—896, 911—912.

²²¹ ДВП. Т. 2. С. 748; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1929. Ч. 3, вып. 2. С. 1.

²²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 304—305. — Как писал крупнейший английский экономист, чиновник английского Министерства финансов, представитель Великобритании в Верховном экономическом совете Антанты Д.М. Кейнс, «блокада России... союзниками представляет неразумную и близорукую меру; мы блокируем не столько Россию, сколько самих себя» (Кейнс Д.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М.; Л., 1924. С. 133).

На основе решения Верховного совета правительство РСФСР попыталось добиться действительной ликвидации блокады и установить торговые отношения с капиталистическими странами. Поскольку иных возможностей покончить с блокадой и вступить в экономические связи с внешним миром не имелось, оно волей-неволей должно было вступить в «кооперативную игру», начатую союзниками. Как оказалось, в этой игре большинство козырей было в его руках. Расчеты лидеров западных держав на антисоветски настроенных русских заграничных кооператоров типа Беркенгейма и Кровопускова довольно скоро потерпели полный провал. Это были расчеты без подлинного хозяина кооперации — Центросоюза, который после Октябрьской революции в России был реорганизован большевиками и стоял на советской платформе.

В самом деле, членами кооперативной делегации правление Центросоюза, одним из руководителей которого стал с июля 1919 г. видный партийный работник А.М. Лежава, назначило 25 февраля 1920 г. Л.Б. Красина, М.М. Литвинова, В.П. Ногина, С.З. Розовского и Л.М. Хинчука.²²³

М.М. Литвинов был в то время членом коллегии и заместителем наркома по иностранным делам. Как нам известно, с ноября 1919 г. он уже находился за границей, в Копенгагене, где по поручению Советского правительства вел переговоры с британским представителем О'Грэди об обмене военнопленными и где поставил перед ним вопрос о ликвидации блокады. Другой член делегации — Л.Б. Красин — являлся наркомом торговли и промышленности РСФСР, В.П. Ногин — член партии с 1898 г., один из руководителей вооруженного восстания в Москве — был в то время членом президиума ВСНХ и руководителем Центротекстиля. Л.М. Хинчук не смог выехать в составе кооперативной делегации по болезни, и лишь один С.З. Розовский представлял собственно Центросоюз. Между тем все члены делегации получили соответствующие доверенности этого кооперативного объединения, а Красин и Литвинов — сверх того полномочия Совнаркома, подписанные В.И. Лениным, на ведение мирных политических переговоров и заключение экономических соглашений, торговых сделок с капиталистическими странами. Ногин имел также мандат от ВСНХ, дающий ему право «разрешать... все вопросы, связанные с экономической жизнью РСФСР».²²⁴

Делегация помимо ее членов состояла из ряда дипломатических работников, таких как Н.К. Клышко, и свыше двух десятков торговых и экономических экспертов. Укомплектование ими делегации отражало самые серьезные намерения Советского правительства добиваться установления хозяйственного сотрудничества со странами Запада. «Пусть Англия, — писал Чичерин Литвинову в связи с посылкой делегации 30 марта 1920 г., — так и смотрит на поездку Красина как на

²²³ ДВП. Т. 2. С. 391—392; Известия. 1920. 28 февраля.

²²⁴ Ленинский сборник. XXIV. М.; Л., 1933. С. 283—284; см. также: Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин — советский дипломат. М., 1962. С. 54; Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. С. 159.

серьезную поездку для основательного коммерческого соглашения, а не как на первоначальный контакт без окончательного и точного решения. Нам именно важно, чтобы теперь уже были конкретные деловые результаты, а не только декларативные выступления. Самый факт составления делегации из таких экспертов есть указание на то, что предстоят конкретные деловые решения».²²⁵ До 29 марта 1920 г. делегация находилась в Петрограде, где ожидала разрешения на проезд через территорию Финляндии в Швецию, откуда должна была отправиться в Копенгаген для переговоров с представителями Верховного экономического совета Антанты относительно условий ликвидации блокады и возобновления торговли через кооперативы. Наконец, разрешение было получено. «Итак, едем и посмотрим, что из этого выйдет», — заключал Красин одно из своих писем Г.Е. Зиновьеву от 29 марта 1920 г.²²⁶

На рассвете 30 марта поезд, вышедший из Петрограда, миновал Сестрорецк — последнюю станцию на государственной границе с Финляндией — и взял курс на север. В пути делегация уже фактически приступила к работе, ибо уполномоченные финляндского правительства начали с ней переговоры о возможности посылки в Петроград трех представителей деловых кругов страны, о предстоящих мирных переговорах и об установлении торговых связей. Вечером того же дня поезд прибыл в Або (Турку). «Прибыли в Або в десять часов вечера, — сообщал Л.Б. Красин в НКВД. — В течение всего пути — самое предупредительное отношение финских властей. От Выборга нас сопровождали члены правительственного комитета Энкель, Игнациус. В Рапмасыках встретил делегацию представитель Министерства иностранных дел Ханникайнен».²²⁷ 31 марта одна часть делегации во главе с Красиным приехала в Стокгольм и осталась на некоторое время в Швеции, а другая продолжала путь и 2 апреля достигла Копенгагена, где ее встречали Литвинов и представитель английского правительства. 7 апреля к ним присоединился и Красин с сопровождающими его лицами.²²⁸

Переговоры в Копенгагене и Стокгольме с представителями Англии, Дании, Швеции, Италии и Чехословакии в конечном итоге создали предпосылки для последующей практической ликвидации политики блокады.²²⁹ Однако произошло это далеко не сразу, и Петроград еще на протяжении всего 1920 г. и отчасти 1921 г. продолжал оставаться блокированным со стороны Балтийского моря и Финского залива. Политику западных держав в этом районе можно считать как линию на поддержание неполной или скрытой блокады советского государства.

²²⁵ Цит. по: *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968. С. 70—71.

²²⁶ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 1000, оп. 4, д. 196. л. 18 об.

²²⁷ Цит. по: *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Указ. соч. С. 65.

²²⁸ *Карнова Р.Ф.* Указ. соч. С. 55—56.

²²⁹ Подробнее см.: *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада... С. 165—191, 215—218.

В чем же конкретно выражалась эта политика в 1920 г.? Основными элементами военно-экономической блокады, как отмечалось, было запрещение союзными державами гражданам своих стран вести торговлю с РСФСР, предложение нейтральным государствам следовать той же тактике, установление морской блокады балтийского побережья Советской России. Все эти меры, конструируя общую политику военно-экономической блокады, не претерпели заметных изменений после принятия Верховным советом решения о возобновлении сношений с «русским народом» и лишь с течением времени и под влиянием изменившейся политической обстановки начали медленно отмирать. Вопрос о разрешении деловым людям вести торговлю с РСФСР не получил никакого разрешения почти в течение всего 1920 г. во Франции и был чисто формально решен в июле этого года в США. В официальном заявлении госдепартамента на этот счет от 7 июля 1920 г. единственная позитивная фраза об отмене ограничений, «стоявших до сих пор на пути торговли и сношений с Советской Россией», терялась среди массы оговорок, двусмысленных толкований и регламентаций. В нем говорилось о том, что остаются в силе прежние ограничения в отношении экспорта ряда товаров производственного назначения, об отказе от «политического признания в данный момент или в будущем» советской власти, о ведении экономических отношений и торговли деловыми людьми исключительно «на свой страх и риск», не рассчитывая на поддержку правительства США. В заявлении содержались различные предостережения относительно «законности» товаров, которыми располагало советское государство, о том, что выдача паспортов, виз, а также почтовая связь с Россией не возобновлялись, и т.п.²³⁰ Двусмысленность и лицемерие этого документа были сразу же вскрыты Л.К. Мартенсом, который 8 июля 1920 г. указал, что заявление госдепартамента от 7 июля 1920 г. «относительно не разрешает проблемы установления торговых отношений между Россией и Соединенными Штатами».²³¹ Даже английское правительство — инициатор снятия блокады — было весьма далеко от того, чтобы быстро и решительно покончить со старой политикой.

Из документов британской внешней политики за 1920 г. мы узнаем, что частичное снятие блокады вовсе еще не означало разрешения гражданам Великобритании начать торговлю с Советской Россией.²³² Ряд материалов дает основание полагать, что это эмбарго в течение значительного времени сохраняло свою силу применительно к самому важному для Советской России — ее импорту через Балтийское море из Англии. «Нет возражений, — сообщал Керзон 20 мая британскому представителю в Копенгагене, — против того, чтобы английские граждане заключали сделки с русской делегацией, но экспорт товаров из Соединенного королевства в Россию еще за-

²³⁰ FRUS. Russia. 1920. Washington, 1936. Vol. 3. P. 717; подробнее см.: Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 197—199.

²³¹ ДВП. Т. 3. С. 20.

²³² DBFP. London, 1962. Vol. 12. P. 686, 702.

прещен».²³³ Даже в октябре 1920 г. Министерство иностранных дел беспокоилось о том, чтобы товары английского происхождения, направляемые в Ревель, не оказались в конечном счете предназначенными для Советской России.²³⁴

Другой важный элемент блокады — запрещение всем остальным государствам торговать с РСФСР — также не был устранен в полной мере. Конечно, договор с Эстонией позволил пробить брешь в цепи экономического окружения на Северо-Западе. Но если у союзников нашлось в 1918—1919 гг. время сначала де-факто, а затем и де-юре (нота 10 октября) позаботиться о привлечении к политике военно-экономической блокады нейтральных государств Северной Европы, то после решения Верховного совета 16 января 1920 г. никаких официальных документов, освобождающих эти страны от навязанных им обязательств, не последовало. Политическим деятелям Скандинавских государств, например, оставалось лишь догадываться, можно торговать с Советской Россией или нет, и согласовывать любой шаг в этой области с мнением великих держав, со сложившейся общей политической обстановкой и т. д.

Более того, обострение положения в Европе в августе 1920 г. в связи с наступлением поляков против Советской России грозило рецидивом экономической блокады в полном ее объеме. На совещаниях английского и французского премьеров и военных представителей обеих стран в Хейте 8—9 августа 1920 г. обсуждались и были приняты резолюции, по существу означавшие возобновление наряду с военными мерами политики полной экономической блокады, в случае если советское государство не согласится на предложенные союзниками условия мира с Польшей.²³⁵ Министерство торговли Великобритании в это время обратилось к правительству с предложением возобновить блокаду Советской России и разработать практические меры запрета торговли «с врагом» на случай военного конфликта.²³⁶

10 августа Л. Б. Красин, который в это время был в Лондоне в связи с переговорами о заключении торгового договора между двумя странами, писал в Москву о своих впечатлениях от посещения английского парламента, куда он был приглашен и где велись дебаты по вопросу о помощи Польше. «Как средство помощи, — писал он, — Ллойд Джордж предлагал блокаду, морскую экспедицию, усиленную помощь Врангелю и полякам в виде снаряжения».²³⁷

Спустя несколько дней, 17 августа 1920 г., он сообщает в Москву, что «сейчас весь узел положения в политике» и что английское правительство фактически отказывается возобновить торговые переговоры.²³⁸ С другой стороны, правительство Ллойд Джорджа опасалось, что возврат к политике полной блокады приведет к острейшему внутриво-

²³³ Ibid. P. 721.

²³⁴ Ibid. P. 791.

²³⁵ Ibid. London, 1958. Vol. 8. P. 730, 731, 738, 741—743, 745—748, 753—755.

²³⁶ Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 120.

²³⁷ Цит. по: Зарницкий С. В., Трофимова Л. И. Указ. соч. С. 104.

²³⁸ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада... С. 104.

литическому кризису. В июле—августе 1920 г. в стране царил атмосфера массового возмущения действиями правительства. Сначала конгресс тред-юнионов, а затем созданная Советом действия Национальная конференция политических и тред-юнионистских рабочих организаций потребовали от кабинета прекращения военных приготовлений, установления действительных торговых отношений с Советской Россией.²³⁹

Кроме того, следует учитывать, что английское правительство вынуждено было считаться в этот период и с позицией Швеции, которая также оказывала влияние и на политику эстонского буржуазного правительства. 6 августа 1920 г. сотрудник МИД Англии поставил перед эстонским представителем в Лондоне вопрос: примет ли Эстония участие в войне против России, если союзники объявят войну и предложат участвовать в ней пограничным Прибалтийским странам?²⁴⁰ По-видимому, с таким же вопросом обратились и к Швеции, так как 7, 9 и 10 августа из английского посольства в Стокгольме сообщали в Лондон, что в случае войны между Антантой и Советской Россией Швеция останется нейтральной и не примет участия в блокаде.²⁴¹ 12 августа с этим вопросом обратился к министру иностранных дел Швеции Э. Пальмшерне и представитель буржуазной Эстонии в Стокгольме К. Мениннг. Позиция шведского министра иностранных дел не только была сугубо отрицательной, но и основывалась на понимании того, что «если Эстонию заставят присоединиться к блокаде, то это приведет к ее уничтожению». Его точка зрения была принята во внимание эстонским правительством.²⁴²

Все эти обстоятельства, а также начавшиеся вскоре советско-польские переговоры о перемирии предотвратили полное восстановление блокады, но хейтские решения показали, насколько непрочно еще утвердилось в сознании лидеров западного мира понимание необходимости навсегда покончить со старой политикой. Следовательно, говорить о ликвидации блокады в полном объеме на протяжении значительной части 1920 г., если иметь в виду всю политику великих держав в вопросе об установлении прямых торговых отношений с Советским правительством, нет никаких оснований.

Весь 1920 г. и начало 1921 г. советское государство было вынуждено шаг за шагом противодействовать политике блокады в ее скрытой, половинчатой форме. Эти усилия приводили к определенным результатам, позволяя в ряде случаев сокращать зону применения политики

²³⁹ Подробнее см.: *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954. С. 164; *Coates W.P., Coates Z.K.* A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1944. Vol. 1. P. 36, 42. — Созванная 13 августа уже упоминавшаяся Национальная рабочая конференция (свыше 1 тыс. делегатов) в одном из пунктов своей резолюции, принятой в целях противодействия антисоветской политике правительства, потребовала «отзыва британских морских сил, прямо или косвенно блокирующих Россию» (см.: *Times*. 1920. 14 Aug.).

²⁴⁰ *Янсон К.К.* Об отношениях Эстонии и Швеции... С. 112.

²⁴¹ *DBFP*. Vol. 11. P. 454—455.

²⁴² *Янсон К.К.* Об отношениях Эстонии и Швеции... С. 112.

блокады, добиваясь ее прорыва на некоторых направлениях. Однако добиться попытки ее ликвидации даже на Северо-Западе в это время не удалось.

Об этом со всей очевидностью свидетельствует крайне медленная и непоследовательная линия, осуществлявшаяся союзными государствами в отношении морской блокады.

Военно-морская блокада, несмотря на временные послабления, фактически продолжала оставаться в силе на Балтике почти весь 1920 г. Победа войск Красной Армии на Северо-Западе благодаря успешному наступлению и разгрому Юденича сама по себе не означала возможности открыть торговое мореплавание через Петроградский порт. Для этого нужна была уверенность в полной ликвидации союзниками морской блокады. Между тем правительства Англии, Франции и других государств явно не торопились с отказом от ее применения.

В ответ на запрос эстонского представителя в Великобритании от 28 января 1920 г., выразившего озабоченность, не явится ли предполагаемое заключение договора с Советской Россией препятствием для нахождения британского флота в эстонских территориальных водах, лорд Керзон 20 февраля успокоительно заметил, что вопрос о продолжении присутствия военно-морских сил Англии в этом районе еще обсуждается с Адмиралтейством и решение будет сообщено правительству Эстонии.²⁴³ Что же касается возможного решения, то оно было предопределено позицией самого Форин офиса, который в тот же самый день, 20 февраля 1920 г., направил в Адмиралтейство письмо, где предлагал оставить без изменений морскую политику на Балтике. Вслед за тем 6 марта 1920 г. эстонскому представителю в Лондоне был сообщен официальный ответ Форин офиса: «...в британской военно-морской политике на Балтике перемен не произойдет, и соответственно корабли Его Величества будут продолжать в ее водах, поскольку разрешат условия и состояние льда, поддерживать связь с портами Балтийских государств».

Поэтому даже после заключения мира с Эстонией в феврале—марте 1920 г. британское Адмиралтейство, по рекомендации Форин офиса, полагавшего, что «продолжение присутствия кораблей Его Величества является теперь не менее необходимым, чем прежде», сохраняло основной контингент военно-морских сил, участвовавших в блокаде.²⁴⁴

Вместе с тем в марте—апреле 1920 г. Форин офис и Адмиралтейство пришли к выводу о целесообразности несколько изменить схему военно-морского присутствия британского флота в этом районе. Адмиралтейство полагало, что, «поскольку наступательные действия против большевистского флота не должны предприниматься, патрулирование Финского залива будет практически несостоятельным, но это, однако, не может служить возражением против визитов время от времени в

²⁴³ DBFP. Vol. 11. P. 224.

²⁴⁴ Ibid.

финские порты». 21 апреля Форин офис согласился, что такие визиты были бы желательны, и известил об этом посланника в Финляндии.²⁴⁵

Перед началом навигации в Финском заливе британский флот получил наконец приказ не вести наступательных действий против судов Советской России.²⁴⁶

Но затем письмо Керзона от 7 мая 1920 г., направленное представителю Великобритании в Ревеле для передачи Чичерину, предупреждало Советское правительство, что в случае «агрессии» с его стороны против Прибалтийских государств британский флот «получит приказ оказать поддержку государствам, которые подвергнутся нападению». И действительно, 23 мая командующий эскадрой крейсеров получил инструкции Адмиралтейства, смысл которых сводился к тому, чтобы начать наступательные операции против советского флота «в случае его агрессии».²⁴⁷

На запрос одного из депутатов палаты общин об инструкциях, которыми руководствуются командиры английских кораблей в отношении торговых судов, направляющихся в Советскую Россию, первый лорд адмиралтейства Крейг ответил 2 июня 1920 г.: «...всем судам разрешается свободное следование в балтийские порты и обратно, за исключением тех, которые подозреваются в перевозке оружия или снаряжения для Советского правительства и его агентов. Такие суда обыскиваются и отправляются для детального осмотра в один из портов».²⁴⁸ Ясно, что такая инструкция служила основанием для любых насильственных мер против торговых судов и позволяла негласно фактически осуществлять морскую блокаду Петроградского порта. Отмеченное обострение отношений с Англией в связи с провалом наступления войск Пилсудского на Советскую Россию по существу снова привело к военно-морской блокаде на Балтике и означало готовность союзных держав вернуться к политике полной военно-экономической блокады. 4 августа 1920 г. Л.Б. Красин и Л.Б. Каменев были вызваны к Ллойд Джорджу, который заявил им, что «отдан приказ относительно выхода флота, о возобновлении блокады и приступлении к выгрузке амуниции, имеющейся в Данциге... Через три дня будет готов флот».²⁴⁹ В ночь на 5 августа после консультации с Ллойд Джорджем первый лорд Адмиралтейства отдал распоряжение командующему военно-морскими силами на Балтике тотчас же отправиться к Гельсингфорс с двумя крейсерами для совещания с британским представителем в Финляндией о положении, вызванном продолжающимся отступлением польских войск под ударами Красной Армии.²⁵⁰ И действительно, английская эскадра покинула Скапа-Флоу и вышла в Балтийское море.

²⁴⁵ Ibid. P. 261.

²⁴⁶ Bennet G. Cowan's War : The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964. P. 221.

²⁴⁷ DBFP. Vol. 11. P. 308—309.

²⁴⁸ Manchester Guardian. 1920. 10 June.

²⁴⁹ См.: ДВП. Т. 3. С. 81, 94, 239; DBFP. Vol. 11. P. 436.

²⁵⁰ DBFP. Vol. 11. P. 444.

В Данциг, помимо того, прибыли 4 английских военных корабля и французский крейсер.²⁵¹ 7 августа ночью командующий британским флотом прибыл в Гельсингфорс. В переговорах с представителем МИД Финляндии рассматривались вопросы об объявлении союзниками войны Советскому правительству и о возобновлении блокады. В то же время стороны вынуждены были признать, что какой-либо непосредственной опасности Финляндии со стороны Советской России не существует.²⁵² В этот период готовность возобновить участие в военно-морской блокаде на Балтике проявляли и американские представители в странах этого региона. Так, 9 августа 1920 г. представитель США в Риге Юнг телеграфировал госсекретарю Кольби: «Учитывая общую обстановку в Балтийских провинциях, я решительно настаиваю на посылке в балтийские воды американских военных судов, предпочтительно эсминцев».²⁵³ 11 августа государственный департамент ответил, что он запросил морское министерство относительно посылки военных судов, о которых упоминал Юнг. Однако, поскольку единственным мотивом для такого решения могла быть только «непосредственная опасность» для американских граждан в этом районе, а Юнг вынужден был признать, что ее не существует, реализация этой акции не состоялась.²⁵⁴

Зато реальными и враждебными были действия британских военно-морских сил на Балтике. 11 августа 1920 г. лорд Керзон сообщал британскому представителю в Финляндии: «Корабли Его Величества были посланы в Гельсингфорс в качестве предупреждения Советскому правительству, что правительство Его Величества намерено в определенных контингентах использовать флот против него». Далее Керзон предложил «посоветовать финляндскому правительству отклонить предложение Советского правительства» о том, что «Финляндия должна запретить использование ее портов великими державами, вовлеченными в военные операции против Советского правительства». 14 августа посланник Великобритании ответил Керзону, что прибытие английских военных кораблей в Гельсингфорс произвело глубокое впечатление в Петрограде, а их присутствие укрепило позиции Финляндии в переговорах с Советским правительством. В заключение он передавал просьбу правительства Финляндии оставить британские суда в этом районе и дальше.²⁵⁵ В этих условиях ни о каком свободном торговом мореплавании в Финском заливе не могло быть и речи. Декларированный отказ от морской блокады балтийского побережья РСФСР не был подкреплён необходимыми мерами, и фактически доступ в Петроградский порт был открыт лишь глубокой осенью 1920 г., после заключения польско-советского перемирия.

Окончательное снятие блокады на Северо-Западе было связано с завершающей стадией переговоров в ноябре 1920—марте 1921 г. между

²⁵¹ Известия. 1920. 11 августа, 5 сентября.

²⁵² DBFP. Vol. 11. P. 447—448.

²⁵³ FRUS. Russia. 1920. Vol. 3. P. 656.

²⁵⁴ Ibid. P. 656, 658.

²⁵⁵ DBFP. Vol. 11. P. 463, 487.

представителями РСФСР и Великобритании о возобновлении экономических связей.

17 ноября 1920 г. в резиденции Ллойд Джорджа на Даунинг-стрит, 10 собрались члены английского кабинета. Здесь были У. Черчилль, Д. Керзон, Р. Хорн, О. Чемберлен, А. Бальфур, Б. Лоу и другие. На повестке дня значился вопрос о заключении торгового договора с Советской Россией. Незадолго до заседания выявился провал интервенции Польши, и она заключила перемирие с РСФСР, а затем пришло известие о полном разгроме армии Врангеля.

Тем не менее для «твердолобых» консерваторов в правительстве Великобритании и это не послужило уроком. Керзон запугивал членов кабинета красной опасностью и призывал к сугубой осторожности при подписании соглашения. Его поддерживали канцлер казначейства Чемберлен и военный министр Черчилль, который сам признавал в беседе с И.И. Майским: «Я считал, что главной опасностью для Британской империи были Советы, и потому тогда я боролся против вас».²⁵⁶ Сам Ллойд Джордж, министр торговли Р. Хорн и другие члены правительства полагали, что никакой «ближайшей перспективы падения Советского правительства» уже нет, и советовали использовать торговлю как средство «приручить» или «свалить большевизм». На другой день, 18 ноября 1920 г., британский кабинет министров значительным большинством голосов принял решение «поручить министру торговли заключить торговое соглашение с Россией».²⁵⁷

Но английское правительство не спешило завершить переговоры, стараясь добиться максимальных уступок от Красина. В связи с восстанием в Кронштадте, начавшимся 28 февраля 1921 г., разногласия между министрами получили новый толчок. Советский представитель уже тогда предельно точно оценил возможный исход этой закулисной борьбы. Красин писал в том же 1921 г., что соглашение было подписано, «несмотря на то что в это время еще гремели пушки под Кронштадтом; очевидно, английское правительство уже тогда было хорошо осведомлено о достаточной прочности советской власти, и попытка реакции поднять Кронштадт против Советов не признавалась достаточно серьезной английскими руководящими политиками».²⁵⁸ В наши дни, когда стали доступны протоколы заседаний британского кабинета, точка зрения Красина полностью подтвердилась. Уже за четыре дня до подавления мятежа обреченность этой антисоветской авантюры стала ясной даже для противников соглашения с Советской Россией. 14 марта 1921 г. состоялось секретное совещание правительства Англии, в протоколе которого значилось: «Кабинет получил сведения, что, несмотря на недавние события в России, положение Советского правительства

²⁵⁶ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945 гг. М., 1971. С. 301.

²⁵⁷ История внешней политики СССР. Том 1. 1917—1945 гг. М., 1976. С. 127—128.

²⁵⁸ Красин Л.Б. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского правительства. Пг., 1921. С. 12.

без всяких оговорок является прочным и стабильным».²⁵⁹ Через два дня, 16 марта 1921 г., временное торговое соглашение между двумя странами на основе признания де-факто РСФСР Великобританией было подписано.

В этих условиях постепенно, хотя и не сразу, проходила ликвидация военно-морской блокады Петроградского порта. Этому способствовала и сдержанная позиция Советского правительства, избегавшего таких действий на Северо-Западе, которые могли бы быть использованы в условиях кризиса, вызванного обострением ситуации в связи с наступлением в Польше, как повод для активизации политики блокады. Английский автор Д. Беннет признает, что «большевистский флот не делал каких-либо враждебных передвижений, даже когда Красная Армия проводила большое наступление против Польши. Поэтому не было необходимости в увеличении британских сил: в течение 1920 г. оставались лишь группы легких крейсеров и эсминцев и со временем, в 1921 г., они были окончательно отозваны с оставлением лишь одного легкого крейсера и двух эсминцев».²⁶⁰

Первым иностранным судном, да и то не торговым, а пассажирским, прибывшим в Петроград после почти двухлетней блокады порта, был германский пароход «Рюген», отшвартовавшийся у причала 12 ноября 1920 г.²⁶¹

Поэтому только 1921 год можно рассматривать как время ликвидации военно-морской блокады Петроградского порта и Советской России со стороны Балтики. Лишь в июле 1921 г. возобновили торговое мореплавание 10 торговых судов советского Балтийского флота — «Метель», «Аргунь», «Большевик», «Карл Маркс» и др., которые в навигацию этого года сделали всего 13 рейсов между Петроградом и портами Германии, Эстонии и Финляндии.²⁶² 27 мая 1921 г. произошло знаменательное событие. К опустевшим за время блокады причалам Петроградского порта подошло первое иностранное торговое судно — голландский пароход «Александр-Польдер» с грузом сельди из Ярмута (Англия).²⁶³ Это событие и можно считать фактическим подтверждением полной ликвидации союзной военно-морской блокады в данном районе. Но психологические издержки периода блокады команды советских торговых судов продолжали еще ощущать некоторое время. Условия, в которых приходилось вести работу морякам советского торгового флота, были, конечно, еще далеки от нормальных. В рейсовом донесении капитана парохода «Аргунь» А.П. Смирнова от 4 октября 1921 г. сообщалось, например, что в момент прихода советского судна в Гамбург властями было заявлено об отказе экипажу «Аргюни» сойти на берег «и у сходни с момента прихода был поставлен германский полицейский — на вахту. Выход на берег был разрешен только для

²⁵⁹ Цит. по: Рыжиков В.А. Зигзаги дипломатии Лондона. М., 1973. С. 30.

²⁶⁰ Bennet G. Op. cit. P. 222.

²⁶¹ См.: Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 156.

²⁶² Подробнее см.: Сонкин М.Е. Окно во внешний мир: Экономические связи советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964. С. 191—192.

²⁶³ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада... С. 405—406.

капитана и врача... Затем пароход был отведен в удаленную Park-Nafen и отшвартован к чалам, не имея сходни на берег. При этом число вахтенных полицейских было доведено до четырех человек».²⁶⁴ Однако в 1921 г. блокада была ликвидирована и было положено начало торговому мореплаванию под советским флагом на Балтике. За навигацию этого года Петроградский порт принял 308 иностранных торговых судов. Вновь, как и прежде, «все флаги в гости» стали привычными для этого крупнейшего порта России.

²⁶⁴ ЦГА Санкт-Петербурга, ф. 9396, оп. 1, д. 650, л. 18 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нередко приходится слышать, что исследование тех или иных событий истории (и не только отечественной) ныне не является актуальным, хотя бы по причине достаточной изученности темы. Любопытно, что подобного рода утверждения, как правило, не сопровождаются какими-либо доказательствами; их авторы, видимо, сознательно избегают делать это, поскольку в случае ведения профессиональной дискуссии может возникнуть вопрос о слабом знакомстве с некоторыми аспектами темы, с ее проблематикой. Представляется, что любые рассуждения о «неактуальности» тех или иных проблем в истории лишь способствуют утрате ею статуса науки.

Раздающиеся требования не переписывать отечественную историю XX столетия или же, напротив, переписать ее полностью сами по себе интересны. Складывается впечатление, что либо такая история уже написана, либо ее можно начать писать уже сейчас, поскольку спорные вопросы если и не полностью, то хотя бы в большей своей части сняты с повестки дня, благодаря тому что гигантская масса эмпирического материала досконально исследована дотошными историками и осталась лишь самая малость — расположить материал более стройными, чем прежде, строчками на книжных страницах. Определенно можно сказать, что это ошибочные представления. Сказанное вовсе не означает, что нельзя создать какую-либо концепцию (и даже не одну) истории СССР, но ей предрешено стать объектом исключительно пристального внимания историографов, которые займутся подсчетом белых стежков, и такого рода работы им хватит надолго.

События на Северо-Западе России в первые годы после революций 1917 г., казалось, можно было бы отнести к упомянутым выше исчерпанным темам отечественной историографии. Обращение к ним еще раз — и, возможно, даже не в последний — вызвано отнюдь не желанием поведать более широкому кругу читателей о ранее неизвестных или малоизвестных и многим историкам фактах. Нельзя забывать о том, что именно происшедшее в эти годы во многом обусловило дальнейший, растянувшийся на несколько десятилетий ход событий на востоке Балтики, последствия которого дают о себе знать и в настоящее время. Данная монография должна была уже в силу рассматриваемой темы коснуться достаточно узкого круга вопросов, однако без их изучения невозможно предпринимать, например, серьезного исс. дова-

ния той системы международных отношений, которая возникла в этом районе в 20-е гг.

Некоторые вопросы, хотя и прямо связанные с темой монографии, остались тем не менее вне ее рамок. Среди таковых хотелось бы прежде всего назвать экономические последствия той борьбы, в которую оказались втянутыми на Северо-Западе Россия, Эстония и Финляндия, а также и другие государства Балтийского региона. И это даже не отдельный вопрос, а сложная проблема, требующая комплексного исследования.

В Советской России, правда, предпринимались попытки изучить экономические последствия гражданской войны и блокады страны. В 1920 г. этим занималась специальная комиссия во главе с В.Г. Гроном, а в 1921—1922 гг. дополнительные исследования проводились работниками нескольких комиссариатов и ведомств РСФСР.¹ Но наиболее точные материальные потери могут быть определены только в сфере внешней торговли, да и то в целом, а не по отдельно взятым территориям России. По данным профессора Н.Н. Любимова, общий ущерб, понесенный внешней торговлей страны, составил примерно 1,4 млрд р. золотом.²

В 1924 г. в России было создано Общество содействия жертвам интервенции. Первоначально в связи с предстоящими переговорами между СССР и Великобританией, на которых неизбежно стали бы обсуждаться проблемы взаимных финансовых и имущественных претензий, долговых обязательств и кредитов, по предложению ряда делегатов проходившего в Москве I Всесоюзного съезда научных работников была создана инициативная группа для подсчета убытков, понесенных населением в результате интервенции, блокады и действий белогвардейцев. Эта группа, в которую, в частности, входили Г.Д. Красинский, А.И. Швецов, М.П. Кристи, В.Н. Игнатьев, Н.Я. Марр, А.В. Филиппов, В.П. Волгин и другие, обратилась в правительство с просьбой разрешить организацию Общества содействия жертвам интервенции (ОСЖИ). Его главной целью стало бы выявление именно личных и имущественных потерь, понесенных гражданами страны от иностранного вмешательства. Совнарком СССР 5 февраля 1924 г. удовлетворил это ходатайство и разрешил временному правлению, председателем которого стал Г.Д. Красинский, а членами — В.П. Волгин и В.Н. Игнатьев, «приступить к осуществлению поставленных Обществом задач».³ 2 мая 1924 г. Г.В. Чичерин писал Красинскому: «Теперь уже настал момент, когда нужно предьявлять англичанам претензии... Англичане весьма склонны оспаривать выдвигаемые нами в общей форме требования компенсации за убытки по гражданской войне, причем англичане аргументируют это так, что

¹ Подробнее об этом см.: *Шишкин В.А.* В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917—1923 гг.). Л., 1977. С. 247—250.

² *Любимов Н.Н.* Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия. М.; Л., 1924. С. 109.

³ *Чистиков А.Н.* Деятельность Общества содействия жертвам интервенции : (на примере Северо-Запада России). Рукопись. С. 2—3; СУ РСФСР. 1924. № 132. Ст. 291.

Англия не побежденная страна. Совсем другое получается тогда, когда предъявляются конкретные претензии Ивана, Петра и т.д. за уведенную корову, сожженный дом и проч. Громадному количеству английских индивидуальных претензий мы можем противопоставить только эти самые индивидуальные претензии пострадавших Иванов и Петров. Надо сейчас же начинать, настал момент».⁴ Учитывая значительное количество индивидуальных претензий, которые начали поступать в ОСЖИ и его местные комитеты, СНК СССР постановил 3 июня 1924 г. учредить при НКВД комиссию по их рассмотрению во главе с Н.А. Семашко.⁵

На Северо-Западе в июне 1924 г. был создан областной комитет ОСЖИ. Уже к началу 1925 г. он располагал приблизительно 20 тыс. обоснованных претензий на сумму в 20 млн р. золотом, поступивших от жителей этого региона России.⁶ Из данного числа претензий к державам — участницам интервенции и блокады России 19 128 исков приходилось на долю Великобритании и только 4 — на долю Франции.⁷

Особой темой является судьба бывшей российской столицы как одного из крупнейших торговых центров на Балтике. Кроме того, наряду с вопросом об экономических потерях России такой же вопрос должен быть поставлен и в отношении Эстонии и Финляндии, которым также дорого обошлись и милитаризация экономической жизни, и перестройка внешнеэкономических связей. Не менее интересными и пока малоисследованными остаются и те изменения, которые были сделаны в военных доктринах государств Балтийского региона, в том числе и Советской России. И вряд ли наметившиеся во внешней и внутренней политике России в 1921 г. изменения могли существенно повлиять в 20-е гг. на крайне настороженное отношение к ней со стороны соседей. Даже постепенная нормализация экономических связей не снимала с повестки дня вопроса об угрозе с востока. Однако эти и многие другие вопросы пока еще ждут своих исследователей.

⁴ РГАЭ, ф. 413, оп. 17, д. 524, л. 162.

⁵ Правда. 1924. 8, 20 июня.

⁶ Чистиков А.Н. Деятельность Общества содействия жертвам интервенции. С. 9, 25.

⁷ Чистиков А.Н. Документальные источники по истории деятельности Общества содействия жертвам интервенции на Северо-Западе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. XXI. С. 51.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПП	—	Архив внешней политики России (б. АВП СССР).
АГИВРИМ	—	Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США).
ГАПО	—	Государственный архив Псковской обл.
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (б. ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР).
ДВП	—	Документы внешней политики СССР.
ДСВ	—	Декреты советской власти.
НКТиП	—	Народный комиссариат торговли и промышленности.
РГАВМФ	—	Российский государственный архив Военно-Морского Флота (б. ЦГАВМФ).
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства (б. ЦГАЛИ СССР).
РГАЭ	—	Российский государственный архив экономики (б. ЦГАНХ СССР).
РГВА	—	Российский государственный военный архив (б. ЦГАСА СССР).
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив (б. ЦГВИА СССР).
РГИА	—	Российский государственный исторический архив (б. ЦГИА СССР).
РЦХИДНИ	—	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (б. ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС).
ЦАДП и ОД (Псков)	—	Центральный архив документов партий и общественных движений (Псков) (б. ПАПО).
ЦГАИПД	—	Центральный государственный архив историко-политических документов (б. ЛПА).
ЦГАЛИ СПб.	—	Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
ЦГА Санкт-Петербурга	—	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (б. ЦГАОРЛ).
DBFP	—	Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. First Series.
DZA	—	Deutsche Zentralarchiv (Potsdam).
FRUS	—	Foreign Relations of the United States.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>В.А. Шишкин</i>)	3
Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	7
Отечественная историография и источники (<i>А.Н. Чистиков</i>)	7
Зарубежная историография и источники (<i>А.И. Рупасов</i>)	18
Глава II. СОЮЗНЫЕ МИССИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ В 1914—1918 гг.	33
Либеральная оппозиция и западные союзники в 1914—1917 гг. (<i>И.В. Алексеева</i>)	33
Иностранные миссии в Петрограде (март 1917—март 1918 г.) (<i>Б.И. Колоницкий</i>)	53
Глава III. ИНТЕРВЕНЦИЯ ГЕРМАНИИ (<i>П.А. Николаев</i>)	85
Разрыв переговоров в Брест-Литовске и наступление Германии на Северо-Западе	85
Германская оккупационная политика	100
Содействие созданию белогвардейских вооруженных сил	112
Борьба с интервентами и их изгнание	120
Глава IV. ПРИБАЛТИКА, ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ	139
Установление советской власти в Эстонии и Латвии и политика Германии и России (<i>А.Н. Чистиков</i>)	139
Эстония и Латвия в планах западных держав (<i>А.Н. Чистиков</i>)	148
Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией (<i>А.Н. Чистиков</i>)	159
Территориально-политические проблемы отношений России с Финляндией и Германией (<i>А.Н. Чистиков</i>)	174
Формирование Северного корпуса. Образование центров антисоветских сил (<i>А.В. Смолин</i>)	193
Глава V. ВОПРОС ОБ ИНОСТРАННОЙ ПОМОЩИ И ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЯЯ КАМПАНИЯ 1919 г.	206
Н.Н. Юденич и внешнеполитические проблемы создания фронта на Северо-Западе (<i>А.И. Рупасов</i>)	206
Олонецкая экспедиция и позиция западных держав (<i>В.И. Мусаев</i>)	230
Весенне-летняя кампания 1919 г. на Северо-Западе (<i>В.И. Мусаев</i>)	236

Глава VI. БЛОКАДА СЕВЕРО-ЗАПАДА СОВЕТСКОЙ РОССИИ (<i>В.А. Шишкин</i>)	255
Организация экономической блокады	255
Военно-морская блокада	268
Парижская мирная конференция и закрепление политики блокады	277
Попытки прорыва блокады Петрограда	289
Глава VII. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ И ПОД ПЕТРОГРАДОМ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1919 г. (<i>А.В. Смолин</i>)	301
Управление на территориях, занятых белыми	301
Образование Северо-Западного правительства	324
Глава VIII. КОНЕЦ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ	341
Северо-Западная армия перед походом на Петроград (<i>А.В. Смолин</i>)	341
Агония Северо-Западной армии (<i>А.В. Смолин</i>)	355
Выход Советской России из изоляции. Прекращение блокады (<i>В.А. Шишкин</i>)	367
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>А.И. Рупасов, В.А. Шишкин</i>)	389
Список сокращений	392

ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ
(1917—1920 гг.)

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом Института российской истории
Российской академии наук

Редактор издательства Г.А. Альбова
Художник А.Т. Пожванов
Технический редактор Л.П. Николаева
Корректоры Н.И. Журавлева, Ф.Я. Петрова и Е.В. Шестакова

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 16.05.94. Подписано к печати 12.05.95.
Бумага офсетная. Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25.0. Уч.-изд. л. 30.6. Тираж 750 экз. Тип. зак. № 3299. С 1032.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.

